

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВТУ имени П.М. Машерова

ТОМ 30

ВИТЕБСК 2019

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВГУ имени П.М. Машерова

Сборник научных трудов

2019 • Том 30

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 28.10.2019 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, Е.В. Давлатова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, Е.В. Крикливец,
О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, Е.Ю. Муратова,
В.И. Нестерович, И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсон (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки ВГУ имени П.М. Машерова»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки ВГУ имени П.М. Машерова : сборник научных трудов. — Витебск : ВГУ
имени П.М. Машерова, 2019. — Т. 30. — 239 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Елизаров С.А.</i> Коллективная форма оплаты труда: попытка модернизации системы оплаты труда государственных служащих ССРБ в условиях перехода к новой экономической политике (1921–1922 гг.)	7
<i>Бараноўскі А.В.</i> Айчынная гістарыяграфія пытання фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг.	13
<i>Болтрушевич Н.Г.</i> Организационная структура православной церкви в БССР и основные направления деятельности духовенства (1944–1948 гг.)	19
<i>Врублевский Ю.В.</i> Работы по историографии истории городов Беларуси IX–XVIII вв.: тенденции, достижения, проблемы	25
<i>Иваничева Л.С.</i> Основные статистические источники по туристической деятельности Европейского Союза во второй половине XX в. – начале XXI в.	30
<i>Ковяко И.И.</i> Изучение механизмов краха ГДР в британской и американской историографии: внешнеполитический подход	37
<i>Моторова Н.С.</i> Социальная политика Российской империи на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг.: сущность, этапы, особенности	42
<i>Некрашевич Ф.А.</i> Причины введения рекрутской повинности для евреев Российской империи: историко-правовой аспект	46
<i>Худайбердиева Н.Х.</i> Реализация турецко-туркменских проектов в сфере туризма	50
<i>Лукьянова В.А.</i> Молодежная культура в середине 1950-х – начале 1980-х годов на примере города Витебска	55
<i>Косов А.П.</i> Проблема «поглощения» Беларуси Россией в российском политическом дискурсе	60

Философия

<i>Боярчук Т.Н.</i> Формы и способы конструирования межэтнической толерантности в условиях Пограничья (на примере Западного региона Беларуси)	69
<i>Буденис О.Г.</i> Билингвизм в социокультурной динамике общества (к истории вопроса)	77
<i>Овчинникова Н.Н.</i> Американские исследования межкультурной коммуникации: генезис, эволюция, перспективы	82
<i>Кулак Н.И.</i> Г.В. Плеханов и неокантианство: две парадигмы философии истории	89

Филология

<i>Зайцева И.П.</i> Об осознании своеобразия родного языка в условиях «чужой» лингвокультуры (на материале произведения «Урок языка» А.Г. Битова)	95
<i>Алиппиева Е.В.</i> Предельность / непредельность и способы глагольного действия в аспекте сопоставительного исследования русского и немецкого языков	101
<i>Антипов А.В.</i> Язык для специальных целей (LSP) в системе функциональных стилей английского языка: аналитический обзор существующих точек зрения	106

<i>Бобылева Л.И.</i> Проблемы интерференции родного языка и пути их решения в процессе формирования иноязычных навыков и умений	110
<i>Воробьева О.И.</i> Лексические средства создания рекламных сообщений на билбордах г. Витебска	114
<i>Грушова Л.Д.</i> Профессионально ориентированный подход в обучении студентов неязыкового профиля иноязычному профессионально-коммуникативному общению	118
<i>Малышева К.И.</i> Дискурсивность как источник появления новых смыслов в художественном тексте	124
<i>Дубинкина А.О.</i> Загадки с компонентом-именем числительным «один» в белорусском и туркменском языках (структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты) ...	129
<i>Дьякова Т.А.</i> Семантико-стилистические особенности использования колоративов <i>белый / черный</i> в поэзии Михаила Матусовского	136
<i>Житко Р.Г.</i> Ценностная нейтрализация категории пустоты в литературе постмодернизма как отражение аксиологического релятивизма	141
<i>Смирнова В.Н.</i> Роль русского языка в преподавании второго иностранного языка на продолжающем этапе	146
<i>Калинин В.И.</i> Сравнительная характеристика цыганских диалектов / говоров балтийской языковой семьи цыган (ромов)	150
<i>Кавалькова Т.У.</i> Рэпрэзентацыя традыцыйнасці і інавацыйнасці ў камерцыйным медыядыскурсе	159
<i>Ли Лунь.</i> Переводческие стратегии преодоления культурных различий в межкультурной коммуникации	164
<i>Лучик М.</i> Русистика в Зеленогурском университете: настоящее и перспективы	169
<i>Мацько Д.С.</i> Дидактический потенциал русского языка в процессе обучения английскому языку взрослых в системе дополнительного образования (начальный этап обучения)	175
<i>Сидоренко А.В.</i> Процесс обучения испанскому языку носителей русского языка как родного	179
<i>Солодовникова Т.В.</i> Межкультурные информационные взаимодействия в контексте национальной безопасности: основы системного исследования	183
<i>Турковская Е.В.</i> Сравнительно-сопоставительный анализ средств выразительности передачи образа матери в произведениях Б. Брехта и М. Горького	189
<i>Хомуськова Н.Ф.</i> Закономерности номинации действия разрушения в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.)	194
<i>Чалова О.Н.</i> Защита диссертации как объект лингвистического анализа	199
<i>Шкуран О.В.</i> Сакральная паремия <i>Слышал звон, да не знает, где он:</i> междисциплинарный аспект	203
<i>Шуманская О.А.</i> Ценностные доминанты в англоязычном медиадискурсе белорусских ИТ-компаний	208
<i>Дзядова А.С.</i> Метафара як сродак рэпрэзентацыі канцэпту “неба” ў мове паэзіі Рыгора Барадуліна	214
<i>Марфина Ж.В.</i> Микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко	220
<i>Гулиева Лейла Ибрагим гызы.</i> Национальное происхождение Низами в двух исторических этапах ..	225
<i>Аасадзаде Расима Фархад гызы.</i> Проблема личности в творчестве Ф. Кафки	232

CONTENTS

History

<i>Elizarov S.A.</i> Collective Form of Remuneration: an Attempt to Modernize the System of Remuneration of Civil Servants of the SSRB in the Transition to a New Economic Policy (1921–1922)	7
<i>Baranovsky A.V.</i> Domestic Historiography of the Issue of Shaping the North-Eastern Border of the BSSR in 1919–1924	13
<i>Boltrushevich N.G.</i> Activities of Orthodox Communities in the BSSR in 1944–1948 (Basic Directions).....	19
<i>Vrubleuski Y.V.</i> Works on Historiography of Belorussian Cities in the 9th–18th Centuries: trends, achievements, problems	25
<i>Ivanichava L.S.</i> The Main Statistical Sources on Tourism Development in the European Union in the Late XX – Early XXI Centuries	30
<i>Kaviaka I.I.</i> Study of East Germany Collapse Mechanisms in British and American Historiography: Foreign Policy Approach	37
<i>Motorova N.S.</i> Social Policy of the Russian Empire on the Territory of Belarusian Provinces in 1861–1914: Essence, Stages, Features	42
<i>Nekrashevich P.A.</i> Reasons for the Introduction of the Conscription among Jews of the Russian Empire: the Historical and Legal Aspect	46
<i>Khudaiberdieva N.Kh.</i> Implementation of Turkish-Turkmen Tourism Projects	50
<i>Lukyanova V.A.</i> Youth Culture from the Mid-1950s to the Early 1980s on the Example of the City of Vitebsk	55
<i>Kosov A.P.</i> The Issue of the “Absorption” of Belarus by Russia in the Russian Political Discourse	60

Philosophy

<i>Boyarchuk T.N.</i> Forms and Methods of Constructing Interethnic Tolerance in the Conditions of the Borderland (on the example of the Western Region of Belarus)	69
<i>Budenis O.G.</i> Bilingualism in the Social and Cultural Dynamics of the Society (about the History of the Phenomenon)	77
<i>Ovchinnikova N.N.</i> American Intercultural Communication Research: Genesis, Evolution, Perspectives	82
<i>Kulak N.I. G.V.</i> Plekhanov and Neo-Kantianism: Two Paradigms of the Philosophy of History	89

Philology

<i>Zaitseva I.P.</i> On the Awareness of the Originality of the Mother Tongue in the Conditions of “Foreign” Linguistic Culture (on the Material of the Work “Lesson of Language” by A.G. Bitov)	95
<i>Alimpiyeva E.V.</i> Telicity / Atelicity and Manners of Verbal Action in the Aspect of the Comparative Study of the Russian and German Languages.....	101

<i>Antipov A.V.</i> Language for Special Purposes (LSP) in the Functional Style System of the English Language: an Analytical Review of Existing Points of View	106
<i>Bobyleva L.I.</i> Mother Tongue Interfering Influence Issues and Ways of their Tackling in the Process of Foreign Language Skills and Habits Development.....	110
<i>Vorobyova O.I.</i> Lexical Means of Creating Advertising in Vitebsk Billboards	114
<i>Grushova L.D.</i> Professionally-Oriented Approach in Teaching Non-Linguistic Students Foreign Language Professionally-Focused Communication	118
<i>Malysheva K.I.</i> Discourse as a Source of New Meanings in Artistic Text	124
<i>Dubinkina A.O.</i> Riddles with the Numeral “One” Component in the Belarusian and Turkmen Languages (the Structural Semantic and the Linguistic Cultural Aspects)	129
<i>Dyakova T.A.</i> Semantic and Stylistic Peculiarities of the Application of the Colorative Adjectives <i>white / black</i> in Mikhail Matusovsky’s Poetry	136
<i>Zhitko R.G.</i> Value Neutralization of the Category of Emptiness in the Literature of Postmodern as a Reflection of Axiological Relativism	141
<i>Smirnova V.N.</i> The Role of Russian in Teaching a Second Foreign Language at the Intermediate Stage	146
<i>Kalinin V.I.</i> Comparative Characteristics of the Romani Dialects / Subdialects of the Baltic Romani Language Family	150
<i>Kavalkova T.U.</i> Representation of Tradition and Innovation in Commercial Media-Discourse.....	159
<i>Li Lun.</i> Translation Strategies to Overcome Cultural Differences in Intercultural Communication	164
<i>Luchik M.</i> Russian Studies at Zelena Gura University: the Present and Perspectives	169
<i>Matsko D.S.</i> The Didactic Potential of the Russian Language in Teaching English to Elementary Adult Students in the System of Additional Education	175
<i>Sidorenko A.V.</i> Teaching Russian-Speaking Students Spanish as a Foreign Language	179
<i>Saladounikava T.V.</i> Intercultural Information Interactions in the Context of National Security: Bases of System Research	183
<i>Turkovskaya E.V.</i> A Comparative Analysis of Expressive Means of Presenting the Image of the Mother in Works by B. Brecht and M. Gorky	189
<i>Khamuskova N.F.</i> Regularities of the Nomination of Destruction Action in the Russian Language of the Pre-National Period (XI–XVII Centuries)	194
<i>Chalova O.N.</i> Thesis Defense as an Object of Linguistic Analysis	199
<i>Shkuran O.V.</i> Sacred Paremia <i>I heard a jingle, but I don’t know where it is</i> : the Interdisciplinary Aspect	203
<i>Choumanskaya O.A.</i> Value Dominants in Corporate Media Discourse of Belarusian IT Companies	208
<i>Dziadova A.S.</i> Metaphor as a Presentation Means of the Concept of the Sky in the Language of Rygor Baradulin’s Poetry	214
<i>Marfina Zh.V.</i> Microconcept of the Mother in T. Shevchenko’s Poetic Subspace	220
<i>Guliyeva L.I.</i> The National Origin of Hizami in the Two Historic Stages	225
<i>Aasadzade R.F.</i> The Issue of the Personality in F. Kafka’s Creative Work	232

ИСТОРИЯ

Коллективная форма оплаты труда: попытка модернизации системы оплаты труда государственных служащих ССРБ в условиях перехода к новой экономической политике (1921–1922 гг.)

Елизаров С.А.

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет
имени П.О. Сухого», Гомель

Коллективная форма оплаты труда в начале 1920-х гг. представляла собой попытку сочетания уравнилельно-коммунистических идеалов и материальных стимулов. Накопленный в этом направлении исторический опыт БССР в белорусской историографии своего отражения еще не получил.

Цель исследования — выявить основные принципы и механизмы функционирования коллективной оплаты труда в органах государственной власти и управления Советской Беларуси.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основе анализа опубликованных документов и материалов Национального архива Республики Беларусь. Используются научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы.*

Результаты и их обсуждение. *Переход к мирному развитию потребовал пересмотра системы оплаты труда советских служащих. Коллективная форма заработной платы состояла из двух частей — денежной и натуральной (продовольствие и промышленные товары). Она могла способствовать повышению эффективности труда советских служащих и оптимизации их штатного состава.*

Заключение. *Система коллективной оплаты труда, несмотря на ее ограниченное применение в ССРБ, содержит идеи и принципы, которые могут быть востребованы сегодня в целях повышения эффективности деятельности органов госуправления.*

Ключевые слова: *ССРБ, государственный аппарат, советские служащие, заработная плата, коллективная форма оплаты труда.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 7–12)

Collective Form of Remuneration: an Attempt to Modernize the System of Remuneration of Civil Servants of the SSRB in the Transition to a New Economic Policy (1921–1922)

Elizarov S.A.

Educational Establishment “Pavel Sukhoi State Technical University of Gomel”, Gomel

The collective form of remuneration in the early 1920s was an attempt to combine equalizing communist ideals and material incentives. The historical experience of the BSSR accumulated in this sphere has not yet been reflected in Belarusian historiography.

The purpose of the research is to identify the basic principles and mechanisms of collective remuneration in the state authorities and administration bodies of Soviet Belarus.

Material and methods. *The article is prepared on the analysis of published documents and materials of the National Archive of the Republic of Belarus. The scientific principles of historicism and system, general scientific and concrete historical methods are used.*

Findings and their discussion. *The transition to peaceful development required a revision of the system of remuneration of Soviet employees. The collective form of wages consisted of two parts — monetary and natural (food and manufactured goods). It could help to improve the efficiency of work of Soviet employees and optimize their staffing.*

Conclusion. *The system of collective remuneration, despite its limited application in the SSRB, contains ideas and principles that can be demanded today in order to improve the efficiency of public administration.*

Key words: *SSRB, state apparatus, Soviet employees, wages, collective form of remuneration.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 7–12)

Эффективная экономическая деятельность во многом определяется применением такой системы оплаты труда, которая в наибольшей мере соответствует конкретной исторической ситуации и модели поведенческой мотивации большинства участников производственного процесса. В советской и постсоветской историографии вопрос оплаты труда в 1920-е гг. главным образом рассматривается как частный эпизод разработки и реализации новой экономической политики. Среди специальных исследований последних лет выделяется монография российского ученого А.А. Ильюхова, в которой рассматривается политика советской власти в сфере оплаты труда с 1917 до 1941 г. на основе материалов, касающихся преимущественно заработной платы рабочих Москвы и Ленинграда [1]. Однако проблему коллективной оплаты труда как переходной формы от уравнительного к дифференцированному принципу А.А. Ильюхов только обозначает, не раскрывая ее содержательной стороны. В подобном ключе написаны и работы, посвященные генезису становления и развития советской системы оплаты труда в различных российских регионах [2; 3]. В белорусской историографии можно выделить лишь кандидатскую диссертацию Е.А. Дубовик, где присутствует небольшой сюжет по внедрению коллективного обеспечения рабочих и служащих в начале 1920-х гг. [4]. При этом все авторы главным образом концентрировали свое внимание на рабочих и служащих промышленных предприятий.

Вместе с тем система коллективной оплаты труда госслужащих, несмотря на ее ограниченное применение в советской реальности начала 1920-х гг., содержит в себе идеи и принципы, не потерявшие и в наши дни своей актуальности. Новая редакция этого опыта может быть востребована сегодня в деле оптимизации госаппарата и повышения его эффективности.

Цель исследования – выявить основные принципы и конкретные механизмы функционирования системы коллективной оплаты труда в органах государственной власти и управления Советской Беларуси, а также обстоятельства, помешавшие более эффективному применению такой системы и определившие ее невостребованность в экономических и политических реалиях начала 1920-х гг.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе анализа опубликованных документов и материалов Национального архива Республики Беларусь, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. При этом использованы научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. Опыт первых лет советской власти с применением «военно-коммунистических» принципов оплаты труда, целенаправленным разрушением всей финансовой системы и обесцениванием рубля, тенденцией к полной

натурализации заработной платы не подтвердил большевистских надежд на сознательность трудящихся масс как решающее средство социалистического строительства. Требовались не идеологические, а реальные экономические рычаги, стимулировавшие заинтересованность работника в результатах своего труда и росте производительности труда. Но это изменение не могло произойти одновременно. Необходимо было не только учитывать степень экономической разрухи, но и ориентацию и части руководителей, и массы рядовых членов большевистской партии, а также их активных беспартийных адептов на прежние идеалы уравнительного бестоварного и безденежного социализма. В этих условиях шел эмпирический поиск новых вариантов оплаты труда, сочетавших актуализированные событиями 1917 г. уравнильно-коммунистические идеалы и испытанные временем материальные стимулы, что и привело к разработке системы коллективного обеспечения (коллективной оплаты труда).

К 1921 г. оплата труда советских служащих госучреждений включала денежную и натуральную части. Наибольшую ценность в условиях экономической разрухи, деградации финансовой системы, быстрой девальвации официальной советской денежной единицы представляла ее натуральная часть, выдававшаяся продуктами питания и товарами широкого потребления. Официально единая для всех категорий работников система распределения продуктов питания была введена Декретом СНК РСФСР от 30 апреля 1920 года «О введении трудового продовольственного пайка». Продовольственный паек стал распространяться и на лиц, занятых «умственным и конторским трудом в советских учреждениях и предприятиях», при этом размеры пайка советским служащим (совслужащим) устанавливались на 25% ниже, чем для рабочих физического труда, занятых в советских предприятиях и учреждениях [5, с. 132–136].

В соответствии с данным декретом в ССРБ было утверждено свое «Положение об основном пайке», вступившее в силу с 1 мая 1921 г. и подписанное председателем Совпрофбела (Совета профсоюзов Белоруссии) Ш. Ходошем. Система выдачи продовольственного пайка должна была стимулировать соблюдение рабочими и служащими трудовой дисциплины, а сами размеры пайка устанавливались в зависимости от выполнения элементарных требований – своевременного прихода и ухода с работы. В полном размере паек выдавался рабочим и служащим при отсутствии прогулов в течение месяца и выполнения нормы там, где таковая была установлена. Под прогулом в то время понимались опоздание, уход с работы раньше срока и неявка на работу без уважительной причины (уважительные – болезнь и исполнение государственных и гражданских обязанностей, документально подтвержденные). Прогулом не являлось опоздание на работу в течение 10 минут. Прогулы дифференцировались, соответственно этому сокращались и размеры пайка.

Так, опоздание на работу от 10 до 30 минут или уход за менее чем 30 минут до установленного срока считалось прогулом 0,25 дня, от 30 минут до часа – 0,5 рабочего дня. Соответственно за пропуск 0,25 рабочего дня вычиталась четверть ежедневного размера пайка, за половину дня – половина, за день – однодневный, за два дня – двухдневный, за 2,5 дня – трехдневный, за три дня – четырехдневный. За прогул недели вычитался десятидневный паек, двух недель – месячный. Положение не регулировало вопросы увольнения за прогулы, предусматривая только предание прогульщиков дисциплинарному (при выработке менее 50% нормы) или товарищескому (при опоздании свыше трех раз в месяц и трех прогулов в месяц) суду. Выплата пайка осуществлялась даже в случае недельного прогула – в таком случае из месячного пайка вычитался десятидневный его размер. Рабочий и служащий лишался месячного пайка только за прогулы свыше двух недель. Также размеры пайка сокращались при невыполнении установленной месячной нормы выработки (от 50% до 95% месячного пайка) [6, л. 40–40 об.].

В 1921 г. руководство ЦК Всероссийского профессионального союза работников советских и общественных учреждений и предприятий признало: проводившаяся политика натурализации заработной платы привела к тому, что «натуральные выдачи государства в минимальных дозах, далеко не обеспечивающие и самого элементарного калорийного минимума, и невозможность пользования денежной заработной платой вследствие ее мизерности поставили трудящихся России перед фактом совершенно голодной заработной платы, что привело к катастрофическому падению производительности труда в советских учреждениях». Кроме чисто экономических причин (резкое падение производства и фактический развал финансовой системы в результате полной национализации промышленности, хлебной монополии и уничтожения рыночных отношений), причину «голодной заработной платы» видели также и в неоправданном расширении штатов служащих в советском аппарате: «Количество материальных благ, могущее быть отпущенным на содержание административного аппарата, должно было распределяться не между теми работниками, которые действительно нужны для этого аппарата, а между всем неестественно разбухшим штатом в советских учреждениях» [7, л. 157 об.–158].

В 1921 г. именно с сокращением штатов советских учреждений и организаций и одновременным ростом эффективности управленческого труда связывали реальное и быстрое повышение жизненного уровня совслужащих. Прежний опыт премирования за сокращение штатов ввиду мизерности самих премий существенной роли в этом не сыграл. Новая система оплаты труда – коллективная (денежная и натуральная) – должна была придать данному процессу ускорение, стимулировать работников самих организаций и учреждений.

Официально вопрос о переходе к коллективной форме оплаты труда (коллективному обеспечению) поставил весной 1921 г. Президиум ВЦИК. Однако в мае 1921 г. IV Всероссийский съезд профсоюзов эту идею не поддержал, оставив вопрос открытым [8, с. 24]. Тем не менее с июня 1921 г. такая система вводилась на отдельных промышленных предприятиях, а 12 июля 1921 г. Декретом СНК РСФСР «О коллективной (денежной и натуральной) оплате труда служащих в советских учреждениях» она распространялась и на госслужащих. В Москве и Петрограде система коллективной оплаты труда вводилась с 1 августа 1921 г., в других местностях республики – в сроки, устанавливаемые президиумами губернских исполкомов (губисполкомов), но не ранее 1 сентября 1921 г. Месячный денежный фонд для каждого учреждения определялся в размере увеличенной в шесть раз суммы прежних твердых тарифных ставок, а размер месячного натурального фонда – исходя из «нормального снабжения продовольствием на одного сотрудника, умноженного на общее количество работников данного учреждения» [9]. Нормы снабжения совработников при проведении коллективной оплаты труда были установлены комиссией по снабжению рабочих при Наркомпроде РСФСР 29 июля 1921 г. Планировалось, что на месяц совработник должен получать: хлеба – 15 фунтов, овощей – 10 фунтов, мяса или рыбы – 5 фунтов, соли – 1 фунт, жиров, сахара, табака – по 0,5 фунта, спичек – 2 коробки [7, л. 160]. Обязательным условием введения коллективной системы оплаты труда выступало сокращение личного состава учреждения на 50% – именно за счет этого и предполагалось повысить заработную плату служащих до «нормальной». Если учреждение в двухмесячный срок не уменьшало штат своих сотрудников в два раза, прогулы не сокращались, а производительность труда не поднималась, то к таким учреждениям предусматривалось применение «репрессивных мер»: немедленное увольнение «лишних» служащих (т.е. свыше 50% прежнего состава), лишение учреждения части снабжения вплоть до полного его прекращения, предание суду лиц, ответственных за проведение этого декрета.

Разработчики такой системы признавали, что «коллективная форма заработной платы по существу своему не является вполне правильной формой оплаты труда», так как оплата труда отдельного служащего зависит во многом не от его личных усилий и квалификации, а от усилий и квалификации его сослуживцев. Подобная система рассматривалась как «переходная мера к наиболее полному разрешению вопроса о нормальной заработной плате» и должна была прежде всего решить главный вопрос – сокращение штатов совслужащих, которые, несмотря на все грозные правительственные директивы, продолжали расти [7, л. 158].

Уже при подготовке декрета было ясно, что осуществить столь радикальное сокращение штатов в короткие сроки не удастся и даже «при всех благоприятных условиях заработная плата служащих

в государственных учреждениях на самое ближайшее время не будет исходить из действительно прожиточного минимума, делая лишь известные к нему приближения». В связи с этим ЦК профсоюза совслужащих выступал за распространение положения о приписке совхозов к промышленным предприятиям и советским учреждениям для организации там коллективной обработки земель и огородов для обеспечения служащих продуктами [7, л. 159].

В ССРБ постановление о коллективной оплате труда служащих советских учреждений было утверждено на заседании белорусского СНК 27 августа 1921 г. [10, л. 43]. Отмечалось, что общий фонд денежной и натуральной зарплаты, предоставлявшийся учреждению, не подлежал уменьшению в случае сокращения личного состава служащих и рабочих при сохранении прежних функций учреждения. Размер денежного фонда для каждого учреждения не должен быть меньше фактически выплаченной суммы за последний или предпоследний месяц. Также и относительно натурального фонда – он не должен быть меньше фонда, которое учреждение получало за последние два месяца до введения системы коллективного снабжения. В Минске коллективная оплата труда совслужащих вводилась с 1 июля 1921 г. Сроки перехода на эту систему в остальных местностях республики, а также конкретные размеры денежного и натурального фондов для каждого учреждения определялись Отделом нормирования труда (ОНТ) Белсовпрофа совместно с республиканской Комиссией по рабочему снабжению [11, л. 12–12 об.]

Для расчетов в ССРБ использовалась инструкция, подготовленная Всероссийским ЦСПС. Каждый разряд 17-разрядной тарифной сетки соответствовал определенному количеству паев: 1 разряд (низший) – 15 денежных и 30 натуральных, 17 (высший) разряд – 300 денежных и 54 натуральных паев.

Для определения размера причитающегося пайка на каждого сотрудника применялась следующая формула: сначала соответственно тарифной сетке умножалось количество паев по каждому разряду на число сотрудников данного разряда, затем эти цифры складывались, после чего общий фонд учреждения делился на общее количество паев, в результате чего устанавливали средний показатель одного пая. Далее это число умножалось на количество паев, соответствующее тарифному разряду. Например, в учреждении числилось 6 сотрудников: один – 12 разряда (180 денежных паев), два – 10 разряда (по 80 паев), два – 6 разряда (по 30 паев) и один – 2 разряда (18). Общее количество паев составляло $(1 \times 180) + (2 \times 80) + (2 \times 30) + (1 \times 18) = 418$. Примерный фонд учреждения – 836 тыс. руб., что достигало на каждый пай 2 тыс. руб. Отсюда заработная плата сотрудника 12 разряда равнялась 360 тыс. руб. (2 тыс. руб. $\times$ 180), 10-го – 160 тыс. руб. (2 тыс. руб. $\times$ 80), 6-го – 60 тыс. руб. (2 тыс. руб. $\times$ 30), 2-го – 36 тыс. руб. (2 тыс. руб. $\times$ 18). Подобным же образом исчислялась

и натуральная часть заработной платы [7, л. 156 об.]. В дальнейшем использовался коэффициент каждого разряда тарифной сетки, что облегчало механизм расчета денежной и натуральной частей заработной платы.

На практике нередко применяли «комбинированный» вариант коллективного обеспечения: часть пайков бронировалась не за всем учреждением, а предоставлялась возможность отдельным сотрудникам взять на себя выполнение работы кого-то другого (например, секретарь выполняет работу и делопроизводителя), получая и его заработную плату [12, с. 146].

Внедрять такую новую систему начали осторожно. Решением СНК ССРБ от 10 сентября 1921 г. «немедленно» эта система вводилась лишь на отдельных предприятиях, «существование которых гарантировано даже при условиях более тяжелых, нежели в настоящее время» (т.е. способных продолжать работу в любых условиях). В отношении других предприятий и учреждений новую систему предлагалось вводить лишь «по выяснении наших материальных условий» [13, л. 54].

Процесс перехода к коллективной оплате труда совслужащих шел с большим трудом. В конце 1921 г. секретарь СНК ССРБ сообщал в ОНТ о том, что сотрудники правительства на коллективное снабжение еще не переведены [6, л. 206]. Реально же первые шаги в этом направлении начали осуществляться лишь с ноября 1921 г. За каждым наркоматом для оплаты труда рабочих и служащих на каждый месяц бронировались денежный и продовольственно-промтоварный фонды. Денежный фонд формировался путем умножения количества сотрудников после процедуры сокращения штатов на сумму 250 тыс. руб. (в то время это средняя зарплата по 6 разряду 17-разрядной тарифной сетки), натуральный – умножением количества сотрудников на пайковые нормы. Распределение денежного фонда внутри учреждений проводилось по 17-разрядной сетке, натурального фонда – по централизованным нормам российского СТО (Совета Труда и Оборона). Исключение составляло распределение муки, которое первоначально осуществлялось по трем установленным Совпрофбелом нормам: 36 фунтов (1–4 разряды), 48 фунтов (5–9 разряды) и 60 фунтов (10–15 разряды) [14, л. 69]. Обычно соотношение денежной и натуральной частей в зарплате составляло 1:3.

Нормы натурального пайка пересматривались в зависимости от наличия его составляющих элементов. Первоначально решениями наркоматов финансов и продовольствия ССРБ в натуральный паек совслужащих предполагалось включить муку, соль, сахар, мясо, жиры, овощи, кофе, мыло, спички, крупы. При этом конкретный размер их дифференцировался: общегражданский паек (для большинства служащих), бронированный (для отдельных категорий) и ответственный (для руководящего состава – работников с 12 по 17 разряд тарифной сетки). В среднем ответственный паек был больше общегражданского

в 2 раза по мясу, овощам и соли, в 5 раз по сахару, в 6 раз по жирам, а также дополнительно включал в себя 1000 штук папирос и 10 фунтов крупы при отсутствии кофе. Семейным совслужащим по ответственному пайку предполагалось размеры выдач увеличить примерно в 1,5 раза [15, л. 33 об.–34].

Однако подобный подход не получил поддержки среди высшего белорусского партийно-советского руководства, где по-прежнему были сильны уравнилельные настроения. В итоге дифференциация проводилась только по муке, а по остальным позициям, число которых значительно сократилось, устанавливались одинаковые нормы. Пак совслужащих за январь 1922 г. включал 7 фунтов мяса, 1,25 фунта сливочного масла, 4 фунта соли, четверть фунта табака. Мука распределялась по 4 группам: 1 группа (1–4 разряды тарифной ставки) – 40 фунтов, 2 группа (5–9 разряды) – 52 фунта, 3 группа (10–13 разряды) – 68 фунтов, 4 разряд (14–17 разряды) – 80 фунтов. В качестве среднего при расчете потребностей муки для всех категорий совслужащих бралось 60 фунтов. Состав и стоимость пайков менялись и далее в зависимости от изменения рыночных цен и наличия продуктов. Так, в феврале 1922 г. пак был дополнен 20 ф. керосина, в марте 1922 г. вместо керосина выдали 1/8 ф. кофе. В июне 1922 г. натуральный пак совслужащих состоял из муки (от 49 до 68 фунтов), 4 ф. соли, 15 ф. крупы, 1,25 ф. сливочного масла.

Для расчетов использовались также и суммы натурального пайка в рублях по рыночному курсу. В 1922 г. январский пак совслужащего стоил 363,5 тыс. руб. (рабочего – 550,5 тыс. руб.), февральский – 1002 тыс., мартовский – 897 тыс. руб. [16, л. 42, 44, 70].

Ситуация с натуральным пайковым набором наглядно свидетельствует о катастрофическом падении жизненного уровня населения. Для сравнения можно привести состав месячного прожиточного минимума на одного человека в Минске в январе 1919 г. (сразу после немецкой оккупации), определенный губбюро Минского отдела Всероссийского профсоюза работников финансово-налогового дела: хлеб (14 фунтов), картофель (40 ф.), мясо (8 ф.), капуста (12 ф.), крупы (4 ф.), сало (6 ф.), чай (0,5 ф.), сахар (1 ф.), мыло, керосин или свечи (4 ф.), лук, соль, перец [17, л. 37].

Фактически система коллективного обеспечения совслужащих в ССРБ так и не получила широкого распространения, поставленных целей не достигнув. Одна из причин лежит на поверхности – дефицит необходимых для ее внедрения денежных и натуральных средств. Только для массового перехода на коллективное обеспечение 46 тыс. рабочих и служащих в ССРБ ежемесячно требовалось 82226 пудов хлеба, 18340 пудов круп, 6962 пуда мяса, 16688 пудов рыбы, 2167 пудов сливочного масла, 2612 пудов сахара и т.п. [12, с. 146]. Таких объемов в республике не было. Как показала проведенная Наркоматом РКИ и Наркоматом юстиции весной 1922 г. проверка, выдача пайков и денежных средств совслужащим «система-

тически задерживалась и проходила по остаточному принципу» – лишь после обеспечения ими рабочих. СНК ССРБ 28 апреля 1922 г. признал подобное положение дел «абсолютно недопустимым» и в очередной раз подтвердил необходимость соблюдения механизма выделения пайков для советских учреждений [18, л. 87].

Да и сами пайковые нормы совслужащих значительно уступали рабочим. Натуральный пак рабочего в среднем в полтора раза превосходил и по объемам, и по цене пак совслужащего. В январе 1922 г. в натуральный пак рабочего входило 80 фунтов муки, 11,5 фунта мяса, 2,5 фунта сливочного масла, 4 фунта соли и четверть фунта табака [15, л. 44]. Летом 1922 г. руководство белорусского Наркомфина материальное положение своих служащих определяло как «не соответствующее прожиточному минимуму» [19, л. 150 об.].

Сдерживали желание переходить на систему коллективного обеспечения содержавшиеся в Декрете от 12 июля 1921 г. и выдержанные в «военно-коммунистическом» духе угрозы наказаний для руководителей учреждений в случае, если в переведенном на новую систему оплаты учреждении не удастся сократить за два месяца число своих сотрудников на 50% [7, л. 148 об.].

Система коллективного обеспечения в советских органах власти и управления (наркоматах, исполкомах и их структурных подразделениях) в сокращении штатов совслужащих существенной роли не сыграла. В условиях дефицита экономических стимулов республиканскими наркоматами и ведомствами применялось ограничение выдачи количества натуральных пайков на советское госучреждение. Например, в конце 1921 г. НКВД ССРБ распорядился выделить на каждый волисполком Бобруйского уезда по 10 пайков, в связи с чем всем волисполкомам предлагалось сократить свой штат до 10 единиц [20, л. 11]. Более существенную роль в сокращении госаппарата сыграло решение республиканских органов об изменении штатного расписания, в результате чего в январе 1922 г. значительно уменьшилась численность служащих волисполкомов.

А с введением хозрасчета и проведением финансовой реформы уже с середины 1922 г. осуществляется повсеместный переход от политики коллективного обеспечения к обычной, более простой и привычной для всех индивидуально-сдельной и повременной денежным формам оплаты труда.

Заключение. В целом представляется, что коллективная форма оплаты труда служащих реально могла способствовать повышению эффективности труда советских служащих и оптимизации их штатного состава. При сохранении прежнего фонда зарплаты сокращение числа работников могло на деле привести к росту заработной платы тех, кто сохранил за собой рабочее место. Конкуренция за рабочие места сделала бы актуальным самообразование служащих, стимулировала их активность по научной рационализации системы организации управленческого труда.

Неудача внедрения коллективной оплаты труда была связана не только с указанным выше дефицитом средств (денежных и натуральных). Такая система одновременно ограничивала регулирующую роль госорганов в вопросах заработной платы, а ее естественным результатом стало бы появление значительного неравенства в материальном положении лиц, занятых на одних и тех же должностях в учреждениях и организациях одного профиля. А это, в свою очередь, привело бы к концентрации лучших кадров в одних учреждениях и оттоку их из других, что еще более обострило бы и без того тяжелую ситуацию с безработицей. К тому же при реальной конкуренции знаний и умений за пределами учреждений и организаций могли остаться люди «правильного социального происхождения», «классово сознательные и идейно выдержанные», но в массе своей малоквалифицированные или неквалифицированные как управленцы. В условиях экономического и политического кризиса начала 1920-х гг. полномасштабный переход к коллективному обеспечению создавал угрозу власти большевиков, подрывал веру в коммунистические идеалы.

Литература

1. Ильюхов, А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. / А.А. Ильюхов. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 415 с.
2. Прокофьева, Е.Ю. Труд и заработная плата рабочих на промышленных предприятиях Центрального Черноземья: проблемы государственного регулирования в 1920-е годы / Е.Ю. Прокофьева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 512 с.
3. Корноухова, Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Г.Г. Корноухова. – М., 2004. – 197 с.
4. Дубовік, А.А. Дзейнасць прафсаюзаў Беларусі па рэгуляванні сацыяльна-працоўных адносін у перыяд НЭПа (1921–1929 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.А. Дубовік; БДПУ імя М. Танка. – Мінск, 2018. – 29 с.
5. Декреты Советской власти: апрель-май 1920 г. Т. 8 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. – М.: Политиздат, 1976. – 444 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 36.
7. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 428. Оп. 1. Д. 391.
8. Андреев, А.А. Профессиональные союзы России в 1921–1922 году / А.А. Андреев. – Петроград: Ред.-издат. отдел ВЦСПС, 1922. – 52 с.
9. СУ РСФСР. – 1921. – № 55. – Ст. 336.
10. НАРБ. – Ф. 34. Оп. 1. Д. 250.
11. НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 345.
12. Советская Белоруссия. – Минск: Гос. изд-во ССРБ, 1921. – 307 с.
13. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 172.
14. НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 346.
15. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 227.
16. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 441.
17. НАРБ. – Ф. 810. Оп. 1. Д. 2.
18. НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 96.
19. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 167.
20. НАРБ. – Ф. 34. Оп. 1. Д. 288.

Поступила в редакцию 01.11.2019

Айчынная гістарыяграфія пытання фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг.

Бараноўскі А.В.

*Дзяржаўная навуковая ўстанова “Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі”,
Мінск*

Навуковая актуальнасць абранай тэмы абумоўлена адсутнасцю ў айчыннай гістарыяграфіі комплексных даследаванняў па фарміраванні паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг. Разам з тым гістарычная навука патрабуе поўнага і аб’ектыўнага вывучэння гісторыі беларускай дзяржаўнасці і фарміравання тэрытарыяльных меж беларускай дзяржавы. Нягледзячы на тое, што спецыяльных даследаванняў, прысвечаных дадзенай тэме, няма, некаторыя яе асобныя аспекты вывучаліся беларускімі гісторыкамі.

Мэта артыкула — прааналізаваць айчынную гістарыяграфію фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг. і выявіць тэндэнцыі яе эвалюцыі.

***Матэрыял і метады.** У дадзенай публікацыі быў прааналізаваны комплекс прац беларускіх даследчыкаў, якія закранаюць асобныя аспекты фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг. Даследаванне абапіраецца на традыцыйныя гістарычныя метады, такія як гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны і гісторыка-праблемны. Выкарыстоўваюцца таксама агульнанавуковыя метады.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Гістарыяграфічны аналіз паказаў, што прац, якія б у комплексе закралі фарміраванне паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг., амаль няма. Таму да дадзенага даследавання была прыцягнута значная колькасць прац, якія закранаюць асобныя аспекты фарміравання тэрыторыі Беларусі. Першы звязаны з выдзяленнем тэрыторыі Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў са складу ССРБ у 1919 г. Другі прысвечаны вяртанню ўсходнебеларускіх тэрыторый у склад БССР у 1924 г. Для абодвух напрамкаў характэрна ўвага на пазіцыю і аргументацыю па гэтых пытаннях партыйных і савецкіх органаў РСФСР, БССР, губерняў і слабая цікавасць да пазіцыі мясцовага насельніцтва, інтэлігенцыі і нізавых партыйных і дзяржаўных структур.*

***Заключэнне.** Аналіз комплексу гістарыяграфічных крыніц па гісторыі фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг. паказаў, што існуючыя да цяперашняга моманту навуковыя працы хоць і закранаюць многія аспекты гэтага пытання, але не вычэрпваюць усёй глыбіні праблемы, а таму гэта з’яўляецца падставай для далейшага вывучэння заяўленай тэмы.*

***Ключавыя словы:** паўночна-ўсходняя мяжа БССР, вяртанне ўсходнебеларускіх тэрыторый, Віцебская губерня.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 13–18)

Domestic Historiography of the Issue of Shaping the North-Eastern Border of the BSSR in 1919–1924

Baranovsky A.V.

*State Scientific Establishment “Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus”,
Minsk*

The scientific relevance of the topic is due to the lack of a comprehensive study in the national historiography on shaping in the BSSR the north-eastern border in 1919–1924. However, the science of history requires a thorough and objective study of the history of the Belarusian statehood and the shaping of the territorial boundaries of the Belarusian state. Despite the fact that there is no special study on the subject some of its individual aspects were studied by Belarusian historians.

The purpose of the article is to analyze the domestic historiography of shaping the north-eastern border of the BSSR in 1919–1924 and to identify trends in its evolution.

***Material and methods.** A complex of works by Belarusian researchers was analyzed, which deal with certain aspects of shaping the north-eastern border of the BSSR in 1919–1924. The study is based on traditional historical methods, such as historical-comparative, historical-systemic and historical-problematic. General scientific methods are also used.*

Findings and their discussion. The historiography analysis showed that there are almost no works that would deal with shaping the north-eastern border of the BSSR in 1919–1924. Therefore, a significant number of works involving certain aspects of the formation of the territory of Belarus were involved in this study. The first is connected with the separation of the territory of the Vitebsk, Mogilev and Smolensk provinces from the SSRB in 1919. The second is devoted to the return of the East Belarusian territories to the BSSR in 1924. Both directions are characterized by paying attention to the position and argumentation on these issues of the Party and Soviet bodies of the RSFSR, BSSR, provinces as well as weak interest in the position of the local population, intelligentsia and lower level party and state bodies.

Conclusion. The analysis of the set of historiography sources on shaping the north-eastern border of the BSSR in 1919–1924 showed that the scientific papers existing to date, although they touch on many aspects of this issue, do not exhaust the entire depth of the problem, and therefore this is the basis for further study of the claimed topic.

Key words: the north-eastern border of the BSSR, the return of the Eastern Belarusian territories, Vitebsk Province.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 13–18)

Фарміраванне тэрытарыяльных меж – складаны і супярэчлівы гістарычны працэс, паколькі станаўленне і змяненне меж звязана з унутранай і знешняй палітыкай дзяржаў. Фарміраванне адміністрацыйных меж на лакальным узроўні, на нашу думку, прадстаўляе асаблівую цікавасць. Пад паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжой БССР мы разумеем мяжу, што праходзіла з другой паловы 1924 г. паміж Віцебскай і Полацкай акругамі БССР з аднаго боку і Пскоўскай губерняй РСФСР з другога. Яе фарміраванне адбывалася ў складаных палітычных абставінах і засталася практычна па-за ўвагай даследчыкаў.

Мэта артыкула – прааналізаваць айчынную гістарыяграфію фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг. і выявіць тэндэнцыі іх эвалюцыі.

Матэрыял і метады. У дадзенай публікацыі быў прааналізаваны комплекс прац беларускіх даследчыкаў па гісторыі фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг. Даследаванне абапіраецца на традыцыйныя гістарычныя метады, такія як гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны і гісторыка-праблемны. Выкарыстоўваліся таксама агульнанавуковыя метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У айчыннай гістарыяграфіі адсутнічаюць комплексныя даследаванні па фарміраванні паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг. Разам з тым гістарычная навука патрабуе поўнага і аб’ектыўнага вывучэння гісторыі беларускай дзяржаўнасці і фарміравання тэрытарыяльных меж беларускай дзяржавы. Нягледзячы на тое, што спецыяльных даследаванняў, прысвечаных дадзенай тэме, няма, некаторыя яе асобныя аспекты вывучаліся айчыннымі гісторыкамі. Так, першай працай у беларускай гістарыяграфіі, у якой на падставе дакументальных і картаграфічных крыніц разглядаецца гісторыя фарміравання меж Беларусі, з’яўляецца кніга Л. Казлова і А. Цітова “Беларусь на сямі рубяжах”. Яе аўтары даволі грунтоўна прааналізавалі працэс вяртання часткі тэрыторыі Віцебскай губерні ў склад БССР, а таксама фарміраванне віцебска-пскоўскага ўчастка адміністрацыйнай мяжы паміж БССР і РСФСР [1, с. 47–58]. Станаўленне меж Беларусі з’яўляецца

самастойным прадметам даследавання і ў дысертацыі [2], а затым манаграфіі [3] С. Хоміча.

Іншых прац, якія б у комплексе закраналі гісторыю фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у абазначаны перыяд, няма. Таму да дадзенай працы прыцягнута значная колькасць работ, якія раскрываюць асобныя аспекты фарміравання тэрыторыі Беларусі.

Першыя звязаны з выдзяленнем тэрыторыі Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў са складу ССРБ у 1919 г. Так, Ф. Турук у нарысе “Белорусское движение” адным з першых даследчыкаў закрануў праблему скарачэння тэрыторыі ССРБ. На яго думку, гэта адбылося дзякуючы таму, што з’езды Саветаў Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў падтрымалі рашэнне ЦК РКП(б) аб сваім выдзяленні са складу Беларускай рэспублікі [4].

В. Кнорын у артыкуле “Да гісторыі дыктатуры пралетарыяту ў Беларусі” прывёў тлумачэнне матываў, якія, на яго погляд, паўплывалі на рашэнне аб скарачэнні тэрыторыі Беларускай рэспублікі. Менавіта гэтае абгрунтаванне выдзялення Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў стала дамінуючым на доўгія часы ў гістарыяграфіі. В. Кнорын лічыў, што ў ЦК РКП(б) добра разумелі пра непазбежнасць вайны з Польскай Рэспублікай, а таму не жадалі рызыкаваць “старымі савецкімі тэрыторыямі”. З другога боку, кіраўніцтва РСФСР патрабавала, “каб сілы і запасы гэтых трох губерняў былі скарыстаны для Паўднёвага і Усходняга фронту, на якіх вырашаўся лёс СССР, а не на Заходнім фронце”. Таксама В. Кнорын адзначаў, што ўрад БССР “аказаўся няздольным кіраваць старымі тэрыторыямі Заходняй вобласці; Смаленскі, Віцебскі і Магілёўскі губкомы РКП(б) і губвыканкомы аказаліся фактычна незалежнымі ад Менску” [5].

Я. Бугаёў наогул ставіў пад сумнеў тэрытарыяльнае ўладкаванне Беларусі: “...провозгласить постоянные границы республики в условиях продолжающейся гражданской войны, когда на часть территории Белоруссии претендовали польские империалисты, было нецелесообразно” [6].

С. Маргунскі разглядаў вылучэнне Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў са складу ССРБ у сувязі са стварэннем Гомельскай губерні, паколькі “их терри-

тория в той или иной мере затрагивалась при решении вопроса о создании новой Гомельской губернии” [7].

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі працягвае дамінаваць пункт гледжання, згодна з якім на вылучэнне Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў са складу ССРБ паўплывалі неспрыяльныя знешнепалітычныя абставіны [1, с. 47–48; 8; 9]. У. Ладысеў у калектыўным нарысе “Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе” адзначае, што “ў беларускай гістарычнай літаратуры распаўсюджаны тэзіс, што такое рашэнне (аб выдзяленні Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў. – А.Б.) было прадывадавана прычынамі знешнепалітычнага характару, а менавіта наступленнем польскіх войскаў”. На думку аўтара, на першым месцы пры вырашэнні дадзенага пытання былі прычыны эканамічнага характару: “ва ўмовах грамадзянскай вайны, пераходу да палітыкі харчразвёрсткі асноўнай праблемай для савецкай улады стала харчовая. Выпадзенне з гаспадарчага разліку Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў стварала дадатковыя цяжкасці для функцыянавання традыцыйных гаспадарчых сувязей заходніх губерняў з Цэнтрам” [10]. Дадзенае меркаванне паўтараецца У. Ладысевым у працы “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.” [11]. Аўтары навукова-папулярнага выдання “Беларусь: страницы истории” таксама ставяць пад сумненне дамінуючы тэзіс, што рашэнне аб выдзяленні губерняў са складу ССРБ было прадывадавана надыходам войскаў Польшчы, паколькі “оно началось позже, 14 февраля 1919 г.” [12]. С. Хоміч у сваёй манаграфіі “Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo” вылучыў тры прычыны, што, на яго думку, паўплывалі на рашэнне скараціць тэрыторыю ССРБ. Галоўным для вылучэння губерняў са складу Беларускай рэспублікі, на погляд вучонага, “явились неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства. Зимой 1918–1919 гг. Польша все громче заявляла о своих претензиях на белорусские земли”. Іншая прычына выдзялення губерняў са складу ССРБ – “желание ЦК РКП(б) ослабить в республике тенденции развития национального движения”, паколькі “из Москвы внимательно следили за возможным ростом сепаратистских настроений и внутриполитическая ситуация, конфликт между группами А. Мясникова и Д. Жилуновича не могли не беспокоить ЦК РКП(б)”. Апошняя прычына – эканамічнага характару. С. Хоміч адзначае, што “в современной белорусской историографии высказывается также мысль о влиянии экономического фактора”, і ён з гэтым пагаджаецца, бо губерні “играли важную роль в обеспечении продовольствием центральных районов России” [3, с. 145–146].

У шматлікіх публікацыях знайшло адлюстраванне адмоўнае стаўленне кіраўніцтва Віцебскай губерні да ўтварэння ССРБ і ўваходжання ў яе склад. Так, Н. Каменская падкрэслівала, што “вялікадзяржаўныя

шавіністы, якія прымазаліся да партыі, звлі сабе гняздо ў некаторых партыйных арганізацыях Віцебскай губерні і спрабавалі выступаць супраць тых таварышаў з Абласнога выканаўчага камітэта Заходняй вобласці, якія ад імя працоўных Беларусі ўзнялі перад савецкім урадам пытанне аб аб’яўленні БССР... Шавініст Шыфрыс даказваў, што ў Беларусі «няма беларусаў – усе рускія»” [13]. У больш позняй публікацыі Н. Каменская пісала: “у (Віцебскай. – А.Б.) губернскай газеце змяшчаліся артыкулы, у якіх сцвярджалася, быццам беларуская нацыя насаджаецца зверху, нібыта беларускаму народу чужая ідэя стварэння БССР” [14]. Я. Бугаёў у сваёй працы “Возникновение большевистских организаций и образование компартии Белоруссии” сцвярджаў, што прынятыя ў пачатку студзеня 1919 г. пастановы Віцебскага губкама РКП(б) “насквозь пропитаны великодержавным шовинизмом”. Ён прыходзіць да высновы, што “некоторые витебские коммунисты совершенно неверно понимали ряд важнейших положений марксистско-ленинской национальной программы Коммунистической партии” [6, с. 254–255]. В. Круталевіч у адной са сваіх шматлікіх публікацый піша, што ў Віцебскай губерні “как известно, были особенно сильны антиобластные тенденции и где очень энергично возражали также и против провозглашения (БССР. – А.Б.)” [15].

У працах сучасных беларускіх гісторыкаў таксама адлюстравана адмоўнае стаўленне кіраўніцтва Віцебскай губерні да абвешчэння Беларускай рэспублікі. Так, В. Пічукоў і М. Старавойтаў упэўненыя, што не было адзінства ў поглядах на ўтварэнне ССРБ і КП(б)Б. У якасці прыкладу прыводзяць пазіцыю кіраўніцтва Віцебскай губерні: “в Витебске считали, что всякие сепаратистские стремления к самостоятельности подрывают силу пролетариата и приносят интересы международного пролетариата в жертву ложноместническим или же националистическим интересам” [16]. У. Ладысеў і П. Брыгадзін у манаграфічным даследаванні “Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.)” адзначылі, што “партийно-савецкі актыў, грамадскасць Магілёўскай і Віцебскай губерняў псіхалагічна і ідэалагічна былі непадрыхтаваны да факта ўтварэння беларускай дзяржаўнасці” [17]. Гэтае выказванне прыведзена У. Ладысевым таксама і ў яго іншай публікацыі [10]. На думку С. Хоміча, “согласие ЦБ КП(б)Б на передачу Витебской губернии в состав РСФСР объясняется тем, что именно Витебская партийная организация заняла в 1919 г. наиболее непримиримую позицию относительно присоединения к Белорусской советской республике” [3, с. 148].

Другі напрамак у даследаваннях тычыцца вяртання часткі тэрыторыі Віцебскай губерні ў склад Беларускай рэспублікі. Дадзеная падзея ў гістарыяграфіі ў асноўным разглядаецца ў кантэксце першага ўзбуйнення БССР. Шматлікія аўтары станоўча ставяцца да вяртання ўсходнебеларускіх тэрыторый, але пры гэтым выказваюць розныя меркаванні наконт прычын,

што паўплывалі на вырашэнне дадзенага пытання. У. Ігнатоўскі адным з першых даследчыкаў у калектыўнай працы “Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху” закрануў праблему вяртання ўсходнебеларускіх тэрыторый [18]. Больш грунтоўна дадзенае пытанне было разгледжана ў іншай яго працы “Белоруссия: территория, население, экономика, важнейшие моменты истории”. Узбуйненне БССР, менавіта так у савецкай гістарыяграфіі называлася вяртанне ўсходнебеларускіх тэрыторый, У. Ігнатоўскі лічыў важным гістарычным актам. На яго думку, Віцебская, Гомельская і Магілёўская губерні “во время революционной борьбы должны были связать себя с РСФСР”, паколькі “маленькой Советской Белоруссии надо было проделать подготовительную работу, чтобы быть в состоянии обслуживать и те белорусские территории, которые временно обслуживались Российской Республикой Советов” [19]. Падобную пазіцыю па гэтым пытанні займаў і іншы дзяржаўны дзеяч Беларусі – А. Чарвякоў: “Да 1924 года Савецкая Беларусь, нягледзячы на прапановы з боку Ураду РСФСР, не магла ўключыць у свой склад суседнія беларускія раёны, бо трэба было раней хаця крыху стаць на ногі пасля вайны” [20].

На думку І. Пятровіча, вяртанне ўсходнебеларускіх тэрыторый было выклікана тым, што “Беларуская ССР у складзе шасцёх павеатаў ня мела шырокіх перспектываў для развіцця. З мэтай умацавання БССР як самастойнай Савецкай Рэспублікі патрэбна было павялічыць яе тэрыторыяльна” [21].

Працэс узбуйнення БССР у 1924 г. добра асветлены ў аднайменным артыкуле П. Севярына, апублікаваным у “Исторических записках” у 1954 г. Аднак пры гэтым даследчык не надаў увагі пытанню аб адміністрацыйнай прыналежнасці Веліжскага, Невельскага і Себежскага павеатаў. Толькі мімаходам ён згадаў пра фарміраванне адміністрацыйнай мяжы: “одновременно с работой по районированию происходило уточнение границ с Псковской губернией” [22].

С. Якубоўская лічыла ўзбуйненне БССР “одним из наиболее значительных изменений территорий союзных республик” [23, с. 319]. У сваёй працы “Строительство Союзного Советского социалистического государства” яна звярнула ўвагу на негатыўнае стаўленне Віцебскага губкама РКП(б) да вяртання губерні ў склад ССРБ. Аўтар палічыла неабгрунтаванымі довады, прыведзеныя губкамам РКП(б) на карысць захавання губерні ў складзе РСФСР, і адначасова заўважыла, што гэта быў адзін з рэдкіх выпадкаў, калі губкам РКП(б) адкрыта выступіў супраць рашэння Палітбюро ЦК РКП(б) [23, с. 322–324]. На думку аўтараў нарыса “Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии” “решение вопроса об укрупнении БССР затянулось, потому что ряд руководящих работников Витебской и Гомельской губерний возражали против укрупнения Белорусской ССР” [24]. М. Злотнік у калектыўнай працы “Гісторыя Беларускай ССР” адзначаў, што “асобныя партыйныя і савецкія работнікі Віцебскай і Гомельскай

губерняў былі супраць узбуйнення БССР. Пятрабава-лася рашучая барацьба супраць праяў вялікадзяржаўнага шавінізму, варожага ідэям ленінскай нацыянальнай палітыкі” [25]. Адмоўнае стаўленне кіраўніцтва Віцебскай губерні да вяртання ў склад Беларускай рэспублікі знайшло адлюстраванне ў працах сучасных беларускіх гісторыкаў [26].

Вяртанне ўсходнебеларускіх тэрыторый у склад БССР тэндэнцыйна асветлена ў артыкулах шматлікіх акадэмічных энцыклапедыяў, што пабачылі свет у 1970–1980-я гг. [27–30]. Іх аўтары адзначалі, што вяртанне ўсходнебеларускіх тэрыторый у склад Беларускай рэспублікі мела вялікае значэнне для кансалідацыі беларускай нацыі і адбылося на падставе дружалюбных пагадненняў паміж РСФСР і БССР. Згадвае пра дадзеныя пагадненні гісторык і дзяржаўны дзеяч БССР Ц. Гарбуноў: “В апреле 1924 года по соглашению с РСФСР к БССР был присоединен ряд уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний” [31].

Напярэдадні і пасля працягу вяртання ўсходнебеларускіх тэрыторый у 1926 г. публікаваліся вынікі этнаграфічных і лінгвістычных экспедыцый у былыя паветы Віцебскай губерні, што засталіся ў складзе РСФСР. Б. Архангельскі ў працы “Южные уезды Псковской губернии и БССР” прааналізаваў дадзеныя розных перапісаў, узровень развіцця прамысловасці, сельскай гаспадаркі і на іх падставе зрабіў выснову пра перавагу беларускага насельніцтва ў Веліжскім, Невельскім і Себежскім павеатах, а таксама пра іх імкненне да Віцебска [32]. Адною з нешматлікіх спецыяльных прац, прысвечаных гутаркам Веліжскага і Невельскага павеатаў, з’яўляецца даследаванне П. Бузука “Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў: Гутаркі Невельскага і Вяліскага павеатаў”. На аснове комплексу дадзеных вучоны аднёс гутаркі адзначаных павеатаў да паўночнага дыялекту беларускай мовы [33]. Невельскі краязнаўца М. Зорын у зборніку Пскоўскага таварыства краязнаўства “Познай свой край” змясціў артыкул “Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда в связи с диалектическими особенностями местного говора, с данными истории местного края и экономическими центрами его тяготения”, у якім не пагадзіўся з поглядамі П. Бузука. На падставе асабістых даследаванняў М. Зорын прыйшоў да высновы, што ў Невельскім павеце пераважае паўднёвавялікаруская гутарка [34]. Вывучэнне моўнай сітуацыі ў Веліжскім павеце правёў І. Кузьмін. Вынікі даследавання былі апублікаваны ў справаздачы “Отчет о поездке в Великолуцкий округ в 1929 году”. На думку І. Кузьміна, “говор здешнего населения – это типичный цокоющий северовосточный белорусский говор” [35].

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі замест тэрміна “ўзбуйненне БССР” выкарыстоўваецца “вяртанне ўсходнебеларускіх тэрыторый у склад БССР” [36–39]. Упершыню дадзены тэрмін быў выкарыстаны М. Касцюком у другой частцы “Нарысаў гісторыі Беларусі”, што была выдадзена ў 1995 г. [40]. Аднак заўважым, што

яшчэ ў 1960-х гг. прадпрымаліся спробы ўвесці новы тэрмін. Так, С. Маргунскі, характарызуючы працэс уключэння ў склад БССР тэрыторый з большасцю беларускага насельніцтва, выкарыстаў тэрмін “восоединение белорусского народа в составе БССР” [41], аднак ён не прыжыўся.

Заклучэнне. Такім чынам, існуючыя да цяперашняга моманту навуковыя працы хоць і закранаюць многія аспекты фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР, але не вычэрпваюць усёй глыбіні праблемы, а таму гэта з’яўляецца падставай для далейшага вывучэння заяўленай тэмы пераважна на базе архіўных крыніц. Так, па-за ўвагай айчынных гістарыяграфіі засталася рэакцыя шырокіх пластоў насельніцтва і інтэлігенцыі Віцебскай губерні як на факт аб’яднання ССРБ і ўключэння тэрыторый губерні ў склад Беларускай рэспублікі, так і на яе вяртанне ў склад РСФСР. З другога боку, не вывучалася пазіцыя насельніцтва, інтэлігенцыі і нізавых партыйных арганізацый Віцебскай губерні ў дачыненні да “беларускага пытання” ў 1919–1923 гг. і вяртання ўсходнебеларускіх тэрыторый у склад БССР у 1924 г.

Літаратура

1. Казлоў, Л. Беларусь на сямі рубяжах / Л. Казлоў, А. Цітоў. – Мінск: Беларусь, 1993. – 71 с.
2. Хоміч, С.М. Фарміраванне тэрыторый Беларускай Савецкай Рэспублікі (канец 1918 – 1926 г.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02: 13.01.00 / С.М. Хоміч. – Мінск, 2000. – 20 с.
3. Хоміч, С.Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С.Н. Хоміч. – Мінск: Экономпресс, 2011. – 415 с.
4. Турук, Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов: с приложением образцов белорусской нелегальной литературы, важнейших документов белорусских политических партий и национальных организаций и этнографической карты белорусского племени, составленной акад. Е.Ф. Карским / Ф. Турук. – М.: Государственное издательство, 1921. – С. 45.
5. Кнорын, В. Да гісторыі дыктатуры пралетарыату ў Беларусі // Польша. – 1929. – № 1. – С. 95.
6. Бугаев, Е.И. Возникновение большевистских организаций и образование компартии Белоруссии. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 245.
7. Маргунский, С. Государственное строительство Белорусской ССР на первом этапе его развития / С. Маргунский. – Мінск: Акад. навук БССР, 1953. – С. 36.
8. Сільчанка, М. Беларуская дзяржаўнасць / М. Сільчанка, І. Басюк. – Гродна, 1997. – С. 233.
9. Гісторыя Беларусі / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 615 с.
10. Ладыеў, У.Ф. Пазіцыя кіраўніцтва Савецкай Расіі ў беларускім пытанні. Утварэнне ССРБ / У.Ф. Ладыеў // Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М.П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – С. 156, 159.
11. Ладыеў, У.Ф. Беларускае пытанне ў палітычных варунках Савецкай Расіі / У.Ф. Ладыеў // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кн. 1 / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; А.А. Каваленя [і інш.]. – 2011. – С. 384–404.
12. Беларусь: страницы истории / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; редсост: А.А. Каваленя [і др.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – С. 194.
13. Каменская, Н.В. Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі / Н.В. Каменская. – Мінск: Рэд. паліт. літ. Дзярж. выд. БССР, 1946. – С. 154.
14. Каменская, Н.В. I Усебеларускі з’езд Саветаў. Утварэнне Літоўска-Беларускай ССР / Н.В. Каменская // Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / В.Р. Гняўко, Я.К. Прыгунова, Я.В. Каменская [і інш.]; гал. рэд. І.Я. Марчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – Т. 3: Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917–1937 гг.). – С. 142.
15. Круталевич, В.А. Рождение Белорусской Советской Республики: Провозглашение Респ. Развертывание нац.-гос. стр.-ва. Ноябрь. 1918 – февр. 1919 г. / В.А. Круталевич; ред.: А.Ф. Хацкевич, И.А. Юхо. – Мінск: Наука и техника, 1979. – С. 182.
16. Пичуков, В.П. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века) / В.П. Пичуков, М.И. Старовойтов; Гомел. гос. ун-т. – Гомель, 1999. – Вып. 1. – С. 21.
17. Ладыеў, У.Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У.Ф. Ладыеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2003. – С. 105.
18. Ігнатюк, У. Камуністычная партыя Беларусі і беларускае пытанне / У. Ігнатюк // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / Цэнтр. выкан. кам. БССР; пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатюскага [і інш.]. – Мінск, 1924. – С. 229–242.
19. Игнатовский, В. Белоруссия: территория, население, экономика, важнейшие моменты истории / В. Игнатовский. – Мінск: Белтрестпечать, 1924. – С. 48.
20. Чарвякоў, А. Беларусь да Х-й гадавіны Кастрычніка / А. Чарвякоў. – Мінск: Беларуская дзяржаўная выдавецтва, 1927. – С. 36.
21. Пятровіч, Я.А. Адноўленая Беларусь / Я.А. Пятровіч. – Мінск: Выданне Сакратарыяту ЦВК БССР, 1925. – С. 6.
22. Северин, П.Я. Укрупнение БССР в 1924 г. / П.Я. Северин // Ист. зап. – 1954. – № 46. – С. 289–304.
23. Якубовская, С.И. Строительство Союзного Советского социалистического государства. 1922–1925 гг. / С.И. Якубовская. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 400 с.
24. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Мінск: Гос. изд-во БССР, ред. социально-экономической литературы, 1961–1967. Ч. 2 (1921–1966) / Н.Н. Акимов [і др.]. – 1967. – С. 37.
25. Злотнік, М.І. Узбуйненне Беларускай ССР / М.І. Злотнік // Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / В.Р. Гняўко, Я.К. Прыгунова, Я.В. Каменская [і інш.]; гал. рэд. І.Я. Марчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – Т. 3: Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917–1937 гг.). – С. 262.
26. Уводзіны // Знешняя палітыка Беларусі / М-ва замежных спраў Рэсп. Беларусь [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 2: 1923–1927 гг. / склад.: У.М. Міхнюк [і інш.], 1999. – С. 9–10; Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі паліт. гісторыі ў святле арх. крыніц / Р.П. Платонаў. – Мінск: БелНДІДАС, 2001. – С. 17; Иванова, Т.П. Деятельность местных органов управления Витебской губернии в октябре 1917 – марте 1924 г.: монография / Т.П. Иванова. – Витебск: Междунар. ун-т “МИТСО”, 2011. – С. 51.

27. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя: у 12 т. / рэдкал.: П.У. Броўка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1969. – Т. 12: Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка. – С. 143.
28. Белорусская Советская Социалистическая Республика. – Минск: Гл. ред. Белорус. сов. энцикл., 1978. – С. 132.
29. Беларуская ССР: Кароткая энцыклапедыя. – Т. I: Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. – Мінск: Гал. рэд. Беларус. сав. энцикл., 1978. – С. 11.
30. Белорусская ССР: Краткая энциклопедия. – Т. 1: История. Общественный и государственный строй. Законодательство и право. Административно-территориальное деление. Населенные пункты. Международные связи / редкол.: П.У. Бровка [и др.]. – Минск: Гл. ред. Белорус. сов. энцикл., 1979. – С. 10.
31. Горбунов, Т. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве / Т. Горбунов. – М.: Госполитиздат, 1948. – С. 50.
32. Архангельский, Б.Д. Южные уезды Псковской губернии и БССР / Б.Д. Архангельский. – Минск, 1926. – С. 25.
33. Бузук, П. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паведаў / П. Бузук. – Менск: коштам Ін-та беларус. культуры, 1926. – С. 13.
34. Зорин, Н. Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда в связи с диалектическими особенностями местного говора, с данными истории местного края и экономическими центрами его тяготения / Н. Зорин // Познай свой край. – Псков: Псков. о-во краеведения, 1927. – Вып. 3. – С. 62.
35. Кузьмин, И.О. Отчет о поездке в Великолуцкий округ в 1929 году / И.О. Кузьмин // Акад. наук СССР. – Б.м., 1929. – 11 с.
36. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / гал. рэд. Г.П. Пашкоў; мастак Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 6, кн. 1: Пузелі–Усая. – Мінск: БелЭн, 2001. – С. 566.
37. Гісторыя Беларусі / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – С. 181.
38. Республика Беларусь: Энциклопедия: в 6 т. Т. 7 / редкол.: Г.П. Пашков [и др.]. – Минск: Беларус. энцикл. імя П. Броўкі, 2008. – С. 315.
39. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кн. 1 / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; А.А. Каваленя [і інш.]. – 2011. – С. 474–494.
40. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 2 / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі [і інш.]; Ін-т гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. – С. 104–106.
41. Маргунский, С.П. Государственное строительство БССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925) / С.П. Маргунский. – Минск: Акад. наук БССР, 1966. – С. 60.

Паступіў у рэдакцыю 24.10.2019

Организационная структура православной церкви в БССР и основные направления деятельности духовенства (1944–1948 гг.)

Болтрушевич Н.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный медицинский университет», Витебск

В послевоенный период на территории Беларуси произошла легализация деятельности православной церкви, что оказало влияние на возрождение ее организационной структуры.

Цель статьи — определение структуры управления общин православной церкви в БССР в период с 1944 по 1948 г., выделение ключевых направлений деятельности православного духовенства в республике.

Материал и методы. Работа осуществлялась на основе отчетно-информационных докладов уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по областям БССР; постановлений Совета Министров СССР, инструкций и указаний Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР, а также информации отдела пропаганды ЦК КПБ, обкомов и райкомов КПБ по вопросам идеологической работы.

Результаты и их обсуждение. Выделены территориальные особенности структуры управления православной церкви в БССР в период с 1944 по 1948 г. Рассматриваются основные направления деятельности православного духовенства в БССР в послевоенный период. Обозначены особенности взаимоотношений православной церкви и советского правительства.

Заключение. В послевоенный период на территории Беларуси территориально выделились три центра (епархии), которые объединили православные церкви республики. В 12 областях БССР к 1948 г. были зарегистрированы 1050 церквей. Ключевые направления деятельности духовенства православных церквей на территории БССР в послевоенный период были направлены на распространение и укрепление религиозных убеждений, а также привлечение населения к совершению религиозных обрядов.

Ключевые слова: Русская православная церковь (РПЦ), государственно-церковные отношения, Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, духовенство, верующие.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 19–24)

Activities of Orthodox Communities in the BSSR in 1944–1948 (Basic Directions)

Boltrushevich N.G.

Educational Establishment “Vitebsk State Medical University”, Vitebsk

In the post-war period functioning of Belarusian Orthodox Church is characterized by a number of features.

The purpose of the article is to identify the structure of Orthodox communities' management in the BSSR from 1944 to 1948, to single out basic directions of the Orthodox communities' activities in the Republic.

Material and methods. The work is based on information reports of the Regional Council of the Russian Orthodox Church Affairs authorities at the USSR Council of Ministers; the USSR Council of Ministers Decrees, guidelines of the Council of the Russian Orthodox Church Affairs authorities at the USSR Council of Ministers as well as information of the Propaganda Department of the Central Committee of the Communist Party of Belarus, Region and District Communist Party Committees' on the issues of ideology.

Findings and their discussion. Territorial features of the structure of the Orthodox Church management in the BSSR from 1944 to 1948 are identified. Main directions of ROC communities' activities in the BSSR in the post-war period are considered. Features of the interrelations of the Orthodox Church and the Soviet government are singled out.

Conclusion. In the post-war period three territorial organizational centers were distinguished in Belarus which united the Orthodox Churches of the Republic. By 1948 1050 churches had been registered in the 12 Regions of Belarus. The main directions of the Orthodox Church clergy and parishioners activities were the religious and missionary and the social and political ones.

Key words: the Russian Orthodox Church (ROC), state and church relations, Council of the Russian Orthodox Church Affairs at the USSR Council of Ministers.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 19–24)

В годы Великой Отечественной войны в СССР начался новый этап в области государственно-церковных отношений, который предопределил существенный пересмотр роли Русской православной церкви в системе внешней и внутренней политики советского государства. В целом в отношении к религиозным организациям была изменена законодательная база, произошла легализация значительной части православных общин, наметились изменения в структуре церковного управления.

Цель исследования – определение структуры управления общин православных церквей в БССР в период с 1944 по 1948 г., выделение ключевых направлений деятельности православного духовенства в республике.

Материал и методы. Для написания работы были использованы следующие источники: отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по областям БССР; постановления Совета Министров СССР, инструкции и указания Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР, а также информация отдела пропаганды ЦК КПБ, обкомов и райкомов КПБ по вопросам идеологической работы (фонды 951, 4п) Национального архива Республики Беларусь.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма. Принцип историзма позволил выделить обусловленность развития церковных процессов и политических факторов в послевоенный период. Принцип научной объективности дал возможность на основе широкой источниковой базы сформулировать особенности послевоенного управления общин православной церкви в БССР в период с 1944 по 1948 г., выделить ключевые направления деятельности православных общин в республике. В работе применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез, и специально-исторические методы: историко-генетический, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение. В годы немецкой оккупации на территории Беларуси произошло активное возрождение православных традиций. Во вновь открытых храмах не только в престольные праздники, но и в другие дни население активно посещало службы, стали массовыми обряды крещения детей и взрослых.

Существенная либерализация в церковном вопросе, начавшаяся в годы Великой Отечественной войны, не означала ослабления контроля государства за религиозными организациями. С 1943 г. путем легализации Московской Патриархии, избрания патриарха и создания Совета по делам Русской православной церкви советское руководство упрочило контроль над церковью. Основным документом, регулирующим деятельность самой церкви, стало «Положение об управлении Русской православной церкви», принятое на Поместном Соборе (январь-февраль 1945 г.), утвержденное и одобренное СНК Союза ССР. За короткий промежуток времени был принят ряд нормативных документов, регулирующих деятельность церковных организаций в новых условиях [1, с. 143].

На освобожденных территориях Беларуси, где наблюдалось активное возрождение православных традиций, уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР начали работу по учету и регистрации церквей, общин и духовенства. Следует отметить, что православное духовенство пыталось всячески уклониться от регистрации, используя при этом различные способы [2, д. 5, л. 7]. Так, в документах зафиксированы случаи дачи взяток со стороны священников уполномоченному Витебской области с целью уклонения от регистрации; с этой же целью благочинный Ленъко предлагал взятку уполномоченному по Брестской области А.Е. Авласенко [2, д. 5, л. 9]. Попытки отказа от регистрации стали следствием того, что православное духовенство опасалось ужесточения контроля за своей деятельностью и прихожанами.

Достаточно неоднозначной в послевоенный период была ситуация и с открытием новых церквей. Если в первые годы (1943–1944 гг.) Совет по делам РПЦ скупой давал санкции на открытие новых церквей, то в 1945–1946 гг. подобные вопросы стали разрешаться гораздо успешнее для верующих. Однако, начиная с 1947 г., положение вновь ухудшается: наблюдается сокращение числа удовлетворенных ходатайств [3, с. 336].

После освобождения от немецко-фашистских захватчиков на территории БССР в отношении к восстановленным и возрожденным церквям, их дальнейшей судьбе не было единства как у властей, так и у населения. Некоторая часть местного руководства начала возбуждать ходатайства о возвращении зданий, занятых в годы оккупации под церкви, школам, клубам, зернохранилищам. Мотивом для данных ходатайств явилось то, что фашистские власти для укрепления своих позиций на оккупированных территориях способствовали, особенно в восточных областях БССР, открытию церквей и молитвенных домов, щедро предоставляя для этих целей общественные и культурные здания.

Отдельные руководители районной власти, принимавшие участие в партизанском движении и знавшие о пособничестве врагам некоторой части православного духовенства, отнеслись к дальнейшей легализации и восстановлению православных церквей с предубеждением и препятствовали церковной деятельности [4, д. 2, л. 3].

В подобных обстоятельствах определяющей являлась позиция высшего руководства СССР. Среди основных причин, которые подтолкнули И. Сталина и руководство страны к пересмотру отношений с Русской православной церковью в годы войны, можно назвать следующие: массовая религиозность населения, возрождение церквей и монастырей, активная патриотическая позиция духовенства и верующих, расчет на использование авторитета РПЦ при планировании послевоенной геополитики. Позиция руководства страны обусловила и ситуацию на местах.

На территории Беларуси наблюдался рост численности православных церквей, что являлось,

во-первых, показателем нормализации государственной-религиозной политики, во-вторых, отражало активность духовенства и верующих, начавшуюся еще в годы войны. На 1 июля 1945 г. православных церквей в БССР насчитывалось 705, монастырей – 3; к 1 января 1946 г. действовало 737 церквей, из них 622 были зарегистрированы [4, д. 2, л. 14, 33–44], на 1 октября 1946 г. в республике общее количество церквей и молитвенных домов равнялось 751, из них были зарегистрированы 712 церквей [2, д. 5, л. 70]. Учет количества церквей и молитвенных домов в Беларуси, их массовая регистрация продолжались до конца 1948 г. В итоге в 12 областях БССР в 1948 г. действовали 1050 молитвенных домов и церквей, которые распределялись по областям в следующем количестве, что отражено в табл.

Приведенные в данной таблице сведения свидетельствуют, что наибольшее количество православных церквей функционировало в западных регионах республики: Брестской, Барановичской, Гродненской, Молодечненской и Пинской областях. Наименьшее количество – в Витебской и Полесской областях. В период наибольшей активности по открытию и регистрации церквей, с 1946 по 1948 г., количество зарегистрированных православных церквей увеличилось с 622 до 1050 или на 59,2%.

Руководство белорусской православной епархией с 4 сентября 1944 г. по 30 декабря 1946 г. осуществлял управляющий первоначально с титулом архиепископа Минского и Могилевского, а затем Минского и Бело-

русского архиепископ Василий (Василий Михайлович Ратмиров) [6, с. 149–151]. Из архивных документов следует, что архиепископ Василий пользовался большим авторитетом у руководства СНК БССР, обладал значительной церковной эрудицией, разбирался и решал вопросы управления церковью, духовенством и верующими. По прибытию в г. Минск ему был выделен лимит в 500 руб., а также наркомат обеспечивал его продуктами. Проживал архиепископ в отремонтированном по указанию СНК отдельном доме с 5 большими комнатами, садом и огородом [4, д. 2, л. 3–4].

Согласно заключенному соглашению между Правительством БССР и Польским Комитетом Национального Освобождения от 9 сентября 1944 г., СНК БССР и ЦК КП(б)Б осуществляли работу по проведению эвакуации белорусского населения с территории Польши в БССР и польских граждан с территории БССР в Польшу [7, д. 73, л. 19].

Для проведения данной деятельности было привлечено и руководство православной церкви в Беларуси. По инициативе первого секретаря ЦК КП(б)Б Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко 11 декабря 1944 г. архиепископ Василий в сопровождении иеромонаха Лунина выехали в правительственном вагоне через г. Брест в Польшу. Основная работа протекала в г. Бельск-Подляске и г. Белостоке и предполагала выполнение правительственного поручения по разъяснению изменений в государственно-церковной политике, «знакомству с истинным положением РПЦ в СССР». Однако ключевой целью поездки являлась

Таблица

Количество православных церквей в БССР (1946–1948)

№ п/п	Название области/Год	1.01.1946		01.01.1947		01.01.1948
		Действующих	Зарегистрированных	Действующих	Зарегистрированных	Зарегистрированных
1.	Барановичская	108	108	156	156	181
2.	Бобруйская	39	39	39	39	41
3.	Брестская	151	145	133	133	180
4.	Витебская	28	23	28	28	29
5.	Гомельская	46	46	53	53	63
6.	Гродненская	74	68	74	74	105
7.	Минская	40	40	40	36	45
8.	Могилевская	29	Нет данных	49	49	49
9.	Молодечненская	63	21	68	68	142
10.	Полесская	26	14	24	22	24
11.	Полоцкая	46	20	48	48	50
12.	Пинская	87	98	139	139	141
	ВСЕГО	737	622	851	845	1050

Примечание. Сведения 1.01.1946 [4, д. 2, л. 33–44]. Сведения 01.01.1947 [2, д. 5, л. 96]. Сведения 01.01.1948 [5, д. 12, л. 270–272].

агитация среди духовенства и верующих, кто уехал за годы оккупации или во время отступления немецких войск, по переселению из Польши в СССР, передаче костелов под православные церкви в БССР. По результатам этой поездки начался переезд духовенства и прихожан в БССР, была налажена переписка с теми, кто еще не переехал, начался обмен литературой между Московским патриархатом и духовенством в Польше. Достигнутые положительные результаты поездки Ратмирова в Польшу определили и последующую его поездку во Францию [4, д. 2, л. 4–8].

С целью оказания влияния на православное духовенство, проживающее в Польше, и для повышения авторитета Русской православной церкви П.К. Пономаренко обратился к архиепископу Василию с просьбой составить историческую справку о развитии и становлении данной конфессии в Беларуси. П.К. Пономаренко пытался выяснить, почему в Беларуси не создан экзархат и архиепископ не имеет звания митрополита? Из архивных источников видно, что П.К. Пономаренко сразу после войны высказал мнение, что создание экзархата и избрание митрополита в Беларуси еще сильнее укрепили бы положение православной церкви в республике, оказывали более существенное влияние на международное сотрудничество [4, д. 2, л. 4–8].

В 1945 г. по распоряжению Патриарха Московского Алексия через посольство СССР в Чехословацкой Республике Даниил (Николай Парфирьевич Юзвук) вернулся в СССР и был назначен в г. Пинск архиепископом Пинским и Лунинецким [8, д. 20, л. 142–144]. Архиепископ Даниил в воскресные и большие двенадцатые праздники принимал активное участие в богослужениях, читал проповеди, выступал перед верующими по вопросам общественной и политической жизни страны и мира. Три раза в год посещал уполномоченного: накануне Нового года, 1 мая, 7 ноября [8, д. 20, л. 145].

Повышению международного авторитета СССР способствовали и встречи духовенства с зарубежными СМИ. Так, 29 мая 1946 г. архиепископ Минский и Белорусский Василий дал интервью корреспондентам иностранной прессы по вопросам, касающимся положения РПЦ в БССР. На встрече присутствовали: Даунтон Эрик – английское агентство «Рейтер», Верт Александр – английская газета «Таймс», Шоу Мэри – английская газета «Дэйли Миррор», Мидлтон Дрю – американская газета «Нью-Йорк таймс», Джеймс Ремберт – американская газета «Ассошиэйтед Пресс», а также представители польских и французских СМИ [2, д. 5, л. 28].

Архиепископ Питирим (Петр Петрович Свиридов) возглавлял Минско-Белорусскую епархию с января 1947 г. по апрель 1959 г. Управление Гродненской епархией до 1948 г. осуществлял епископ Гродненский и Лидский Варсонофий, который решением Патриарха Московского Алексия был переведен из Гродненской епархии в Семипалатинск. Приезд нового

епископа Паисия в Гродно состоялся в январе 1949 г. [5, д. 12, л. 152–153]. Решением Патриарха Московского Гродненская епархия была объединена в одну с Брестской [5, д. 12, л. 333]. Первым послевоенным епископом (1944–1945 гг.) в Бресте был Паисий (Образцов), с 14 февраля по сентябрь 1945 г. – Онисифор (Пономарев) с титулом епископ Брестский и Пинский. С 1946 по 1948 г. временно управлял епархией архиепископ Минский и Белорусский Василий.

Обозначенный в годы войны курс на построение конструктивных отношений советского государства и Русской православной церкви, количественный рост и легализация деятельности православных общин оказали влияние на становление (возрождение) организационной структуры православных общин в БССР. В управлении православными церквями и молитвенными домами в Беларуси на 1 января 1949 г. организационно сформировались три центра (епархии), во главе которых находились 3 архиерея: г. Минск – архиепископ Минский и Белорусский Питирим; г. Пинск – архиепископ Пинский и Лунинецкий Даниил; г. Брест – епископ Брестский и Гродненский Паисий [5, д. 12, л. 333].

Одной из проблем функционирования православных церквей в послевоенный период являлось обеспечение духовными кадрами. В составе священников по БССР на 1 января 1948 г. 44,9% (или 348 человек) были старше 55 лет, 32,9% (или 255 чел.) в возрасте 41–54 года, 22,2% (или 171 чел.) в возрасте до 40 лет [5, д. 12, л. 268].

Чтобы восполнить нехватку священников, епископы еще в годы войны начали рукополагать зрелых людей, которые проявили себя в качестве приходских активистов, но не имели богословской подготовки. Немало встречалось людей с высшим образованием, которые приняли рукоположение в годы войны или сразу после нее. В целом по СССР к 1948 г. духовенство состояло из людей малообразованных: 40% священнослужителей не имели духовного образования, 75% получили только начальное школьное образование и только 10% имели диплом об окончании Высших богословских курсов [9, с. 360]. В составе священников по БССР на 1 января 1948 г. 64,5%, или 500 человек, имели богословское образование, в том числе с высшим духовным образованием 9,4% или 73 чел., со средним духовным – 55,1% или 427 чел. А в общем 83,6% священников имели среднее и высшее образование [5, д. 12, л. 269]. Данные цифры свидетельствуют, что в Беларуси православное духовенство, в отличие от других регионов страны, в большинстве своем имело высокий уровень богословской подготовки и эрудиции, что оказывало значительное влияние на уровень осуществления проповеднической и миссионерской деятельности.

С целью подготовки духовных кадров для Русской православной церкви были открыты богословско-пастырские курсы в Киеве, Ленинграде, Луцке, Львове [10, с. 62]. Постановлением Совнаркома Союза ССР

№ 511–147 с. от 22 марта 1945 г. Московской Патриархии было разрешено организовать богословско-пастырские курсы с двухгодичным сроком обучения в г. Минске [11, д. 1, л. 47]. В соответствии с указанным постановлением Совнарком БССР обозначил место организации курсов – Жировичский монастырь, расположенный в 8 километрах от г. Слонима. В монастыре выделили необходимые помещения, которые переоборудовали для учебных занятий и под общежития [12, д. 3, л. 16].

С 3 сентября по 3 октября 1946 г. в Гродно, в своем доме, Гродненский епископ Варсонофий организовал проведение курсов по переподготовке духовенства. На данных курсах прошли обучение 40 человек [13, д. 4, л. 132]. Варсонофий неоднократно обращался к архиепископу Василию разрешить ввести и утвердить на собрании благочинных преподавание Закона Божьего в школах [2, д. 5, л. 5]. Однако подобная деятельность не нашла поддержки у уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви.

В результате принятых мер к концу 1940-х гг. начался приток, пусть и небольшой, молодых священников, завершивших обучение в семинариях, возобновивших свою деятельность в первые послевоенные годы. Это не могло полностью компенсировать недостаток в кадровом составе духовенства, однако началось формирование новых служителей церкви, которые имели более высокий уровень богословского образования. Вероятно, можно согласиться с мнением А. Роккуччи, который отмечал, что «новое поколение священников “выросло” и получило опыт советской действительности, в котором во всех сферах жизни господствовал антирелигиозный конформизм. Принимая решение поступать в духовную семинарию, человек руководствовался не прибыльностью церковного “ремесла”, а, в первую очередь, религиозными мировоззренческими взглядами, которые, в той или иной мере, были чужды и противоречили существующим советским. В то же время новому поколению священнослужителей не составляло труда соотносываться с требованиями советского общества и с его отношением к власти» [9, с. 361].

В связи со становлением в послевоенные годы на территории Беларуси структуры управления православных церквей, с расширением связей между епархиями активизировалась деятельность и православного духовенства. Основными направлениями в деятельности духовенства православных церквей являлись религиозно-миссионерская и общественно-политическая. К религиозно-миссионерским направлениям можно отнести восстановление и ремонт церквей, монастырей, проведение богослужений, чтение проповедей, организацию богословско-пастырских курсов, оказание материальной помощи. Среди основных направлений общественно-политической деятельности следует выделить беседы с верующими по вопросам общественной и политической жизни страны и мира, взаимодействие с республиканским

и местным руководством, уполномоченными Совета по вопросам повышения роли и влияния СССР и РПЦ на международной арене, организацию мероприятий накануне государственных праздников.

Высокий уровень религиозности населения, активная деятельность духовенства обеспечивали существенную доходность церквей и приходов. Так, по данным годового отчета Минского епархиального управления за 1947 г. по действующим церквям и молитвенным домам церковный доход составил 15160802 руб. Из названной суммы собрано по городам 8063358 руб., или 53%, селам – 6097444 руб., или 47%. Данные по Пинской и Гродненской областям отсутствуют, так как епископы этих епархий отчитывались непосредственно перед Московской патриархией [5, д. 12, л. 269–270].

Из более чем 15 млн руб. церковного дохода на долю церквей в трех западных областях (Брестской, Молодечненской и Барановичской) приходилось 5,5 млн руб. или 44% всех церковных доходов, а на долю восточных 7 областей – 9,5 млн руб. или 56%. В этом находит свое естественное отражение религиозность населения в областях, которые вошли в состав БССР накануне войны, по сравнению с восточными регионами, где за годы советской власти, начиная с 1917 г., население было подвергнуто массированному атеистическому влиянию [5, д. 12, л. 272]. Следует отметить и высокую доходность в первую очередь городских церквей, особенно в западных районах республики. В 1947 г. доход церкви Бреста составил 85580 руб., Кобрин – 41214 руб., Каменца – 91620 руб., Высокого – 76190 руб., Пружан – 40110 руб., Березы – 33804 руб.

Традиционно важнейшими центрами и хранителями православных традиций являлись монастыри. К 1945 г. православных монастырей в СССР насчитывалось 75 (42 женских, 33 мужских) [10, с. 62]. Вопрос юридического оформления существования монастырей в СССР в послевоенный период нашел отражение в постановлении Совета Министров «О православных монастырях» от 29 мая 1946 г. [3, с. 334].

На территории БССР в 1945 г. имелись 3 монастыря: в г. Гродно женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы с количеством монахинь и послушниц 63 человека; Полоцкий Спасо-Евфросиньевский женский монастырь с количеством монахинь и послушниц 50 человек; в Барановичской области Жировичский мужской монастырь Святого Успения с количеством проживавших в нем монахов 41 человек [11, д. 1, л. 75].

В послевоенные годы РПЦ продолжила поддерживать свой высокий авторитет в православном мире. В июле 1948 г. в связи с празднованием 500-летия автокефалии в Москве состоялось Совещание глав и представителей поместных православных церквей [14, с. 500]. По случаю 500-летия автокефалии Русской православной церкви и по инициативе Патриарха Алексия в Беларуси 18 октября 1948 года повсеместно

были совершены церковные службы с большим количеством молящихся. Так, в г. Минске в Соборе служил сам Питирим при участии городского и прибывшего из Минской области духовенства. Соборные богослужения были совершены в Гомеле, Вилейке, Бобруйске, Витебске, Клецке, Орше, на которых присутствовало большое количество молящихся [15, д. 13, л. 77].

Заключение. В управлении православными церквями и молитвенными домами в Беларуси территориально на 1 января 1949 г. выделились три центра (епархии), руководство которыми осуществляли 3 архиерея: архиепископ Минский и Белорусский Питирим; архиепископ Пинский и Лунинецкий Даниил; епископ Брестский и Гродненский Паисий и 780 священников.

Деятельность духовенства на территории БССР в послевоенный период была направлена на привлечение населения к совершению религиозных обрядов, распространению и укреплению религиозных убеждений. В Беларуси православное духовенство, в отличие от других регионов страны, в большинстве своем имело высокий уровень богословской подготовки и эрудиции, что оказывало существенное влияние на уровень осуществления проповеднической и миссионерской деятельности.

Литература

1. Болотов, С.В. Роль Русской православной церкви в международной политике СССР в конце 1930-х – начале 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Болотов; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 24 с.
2. Отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по областям БССР о работе // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 5.
3. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2005. – 400 с.
4. Отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по областям БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 2.
5. Отчетно-информационные доклады о работе уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по западным областям БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 12.
6. Правящие архиереи Минской епархии (1793–2003). – Минск: Белорусская православная церковь, 2003. – С. 149–151.
7. Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 73.
8. Материалы о деятельности Русской православной церкви (отчеты, докладные записки, решения исполкомов, заключения уполномоченных и переписка) // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 20.
9. Роккуччи, А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / А. Роккуччи; пер. с итал. О.Р. Щелоковой. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с. – (История сталинизма).
10. Одинцов, М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / М.И. Одинцов // На пути к свободе совести: сб. ст. / под общ. ред. Д.Е. Фурмана и О. Марка (Смирнова). – М.: Прогресс, 1989. – С. 29–72.
11. Протоколы заседаний Совета и переписка с Советом по делам РПЦ при СНК СССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 1.
12. Переписка с областными уполномоченными Совета о деятельности Русской православной церкви // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 1. Дело. 3.
13. Докладные и информационные записки и переписка с областными уполномоченными Совета о деятельности религиозных общин // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 4.
14. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви: Синопсальный и новейший период / В. Цыпин. – 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.
15. Приказы и протоколы заседаний Совета по делам Русской православной церкви, протоколы совещаний уполномоченных Совета, докладные записки // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 13.

Поступила в редакцию 21.10.2019

Работы по историографии истории городов Беларуси IX–XVIII вв.: тенденции, достижения, проблемы

Врублевский Ю.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

В представленном исследовании анализируются работы обобщающего характера по истории изучения средневековых городов. Оценивается характер развития исторической науки с точки зрения сформированности историографического знания.

Рассматриваются ключевые содержательно-проблемные аспекты историографии проблемы и характер эволюции теоретико-методологической составляющей исторических исследований.

Цель статьи — выявление основных концептуальных подходов историков и тенденций развития в историографических исследованиях по проблемам истории городов Беларуси IX–XVIII вв.

Материал и методы. *Использован корпус историографических источников, включающий в себя обобщающие исследования, монографии, диссертации, научные статьи, материалы конференций проблем возникновения и развития городов на белорусских землях в IX–XVIII вв. При этом применялась комплексная система методов: историко-генетического, проблемно-хронологического, актуализации, синтеза.*

Результаты и их обсуждение. *Выявлены направления развития историографических работ в контексте расширения археологического и исторического знания. Актуализирована роль историографической мысли в развитии и обогащении исторических концепций и теорий. Показывается, что проблематика изученности научных концепций роли городов в трансформации социальных, экономических, политических, этнонациональных и других процессов остается актуальной научной практикой в белорусской науке.*

Заключение. *Определение научного потенциала и оценка характера систематизации исторических взглядов и представлений позволяет актуализировать проблему историографии истории возникновения и развития городов в Беларуси. Решение этой сложной и насущной задачи поможет проанализировать итоги и достижения исторической науки, обозначить новые задачи исторических исследований, оценить потенциал белорусской науки в отечественном и мировом пространстве.*

Ключевые слова: *историография, город, возникновение и развитие города, историографическое знание, историографические работы, археологическая наука, обобщающие исследования.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 25–29)

Works on Historiography of Belorussian Cities in the 9th–18th Centuries: trends, achievements, problems

Vrubleuski Y.V.

Educational Establishment “Maxim Tank Belarussian State Pedagogical University”, Minsk

The article presents generalizing studies which analyze the nature of medieval cities. The nature of the development of historical science is evaluated from the point of view of shaping historiography knowledge.

The author pays attention to the key content and problem aspects of the historiography of the issue and the character of the evolution of the theoretical and methodological component of historical research.

The purpose of the article is to identify the basic historians' conceptual approaches and development trends in historiography studies on the issue of the history of cities of Belarus in the 9th–18th centuries.

Material and methods. *A corpus of historiography sources has been used, including generalized studies, monographs, dissertations, scientific articles, conference materials on the problems of the emergence and development of cities on Belarussian lands in the 9th–18th centuries. The study was conducted on the basis of an integrated system of methods: historical-genetic, problem-chronological, actualization, synthesis.*

Findings and their discussion. *The directions of the development of historiography works in the context of the dissemination of archaeological and historical knowledge are revealed. The role of historiography thought in the development and enrichment*

of historical concepts and theories has been actualized. It is shown that the problem of the study of scientific concepts of the role of cities in the transformation of social, economic, political, ethno-national and other processes remains relevant scientific practice in Belarusian science.

Conclusion. *Revealing the scientific potential and assessing the nature of the systematization of historical views and ideas allows to actualize the problem of historiography of the history of the emergence and development of cities in Belarus. The solution to this complex and urgent task will allow us to analyze the results and achievements of historical science, identify new tasks of historical research, and assess the potential of Belarusian science in domestic and world space.*

Key words: *historiography, city, the genesis and development of the city, historiography knowledge, historiography works, archaeological science, generalizing research.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 25–29)

Осмысление проблем истории городов привлекало внимание мыслителей разных эпох и по-прежнему остается востребованным научным вызовом, требующим всестороннего анализа. Важным показателем развития исторического знания является разработанная и научно обоснованная историографическая парадигма. Проблематика изученности научных концепций роли городов в трансформации социальных, экономических, политических, этнонациональных и других процессов остается актуальной научной практикой в белорусской науке. Более того, понятие города важно осмыслить и с точки зрения дискурсов государственности, культуры, нации, цивилизации.

Историческая наука Беларуси за время своего существования и развития сумела решить ряд проблем в исследовании процессов и явлений, характерных для развития белорусских городов раннефеодальной и феодальной эпох. Но по-прежнему недостаточная разработанность темы историографии истории белорусских городов обуславливает необходимость подготовки специальных исследований. В настоящее время решение этой сложной и насущной задачи позволит проанализировать итоги и достижения исторической науки, определить новые задачи исторических исследований, оценить потенциал отечественной науки в мировом пространстве.

Цель статьи – выявление основных концептуальных подходов историков и тенденций развития в историографических исследованиях по проблемам истории городов Беларуси IX–XVIII вв.

Материал и методы. Использован корпус историографических источников, включающий в себя обобщающие исследования в области развития исторической науки БССР, монографии, диссертации, научные статьи, материалы конференций, посвященные проблемам развития городов на белорусских землях и археологических исследований раннесредневековых городов на территории Беларуси. При этом применялась комплексная система методов: историко-генетического, проблемно-хронологического, актуализации, синтеза.

Результаты и их обсуждение. В данной публикации рассматриваются ключевые тематико-проблемные аспекты историографии проблемы и характер эволюции теоретико-методологической составляющей исторических

исследований. Для этого необходимо будет выявить и направления развития историографических работ.

Развитие исторических исследований в области городской проблематики. Научная разработка историографических работ в Беларуси, посвященных проблемам социально-экономического развития страны, в частности городской проблематике, началась со становления советской исторической науки в БССР. Как отмечал известный отечественный ученый А.П. Пьянков, в 20–30-е гг. XX в. одним из главенствующих вопросов, на которых сосредотачивали свое внимание историки, был белорусский город XV–XVIII вв. [1, с. 460]. Историографический очерк А.П. Пьянкова, изданный в 1949 г., отражал основные достижения исторической науки БССР за 30 лет. Приводя ту или иную аргументацию, историк не смог четко сформулировать критерии периодизации историографии. Более того, факт становления археологической школы урбанистики в это время остался без должного внимания.

Очередная попытка оценки общего состояния развития белорусской исторической науки была предпринята в 1968 г. В коллективном научном труде, посвященном проблемам развития отечественной науки за 50 лет, ее авторы из общей массы работ выделили исследования по древней истории Беларуси, об эпохах феодализма и капитализма. Отдельного внимания заслуживает упоминание проблемы археологических исследований древних городов Беларуси [2]. Однако, в целом, ученые ограничились рассмотрением статей и работ по истории белорусских городов в довоенной и послевоенной историографии. Большинство оценок историков соответствовало тезису советской историографии об экономическом подъеме белорусских городов в XVI – первой половине XVII в.

В том же году напечатан 7-й том издания «Очерки истории исторической науки в СССР. Советская историография Беларуси (Материалы к обсуждению)». Проблеме историографии была посвящена статья белорусских ученых «Разработка истории Белоруссии эпохи феодализма». В центре исследовательского внимания находилась проблема экономического подъема городов. Вместе с тем впервые были проанализированы критические суждения С.А. Щербакова, который справедливо подчеркивал, что в западнобелорусских городах в первой половине XVII в. отмечался упадок [3].

Отсутствие единства взглядов на характер развития феодального города в советской медиавистике в то время можно объяснить появлением новых источниковых данных и искаженными трактовками единственного методологического учения – марксизма. В исторических исследованиях по городской проблематике экономическая концепция развития города лежала в основе суждений историков о путях расцвета городов. Продолжая углублять осмысление новых исследовательских проблем, отечественные историки в то же время не преодолели предыдущих оценок социально-экономического развития белорусских городов. В обобщающих работах советских историков подчеркивались идеи ученых о появлении зачатков капитализма в недрах городской цивилизации в начале XVII в., таких как ремесленное производство, развитие внутренней и внешней торговли и т.п. [4].

Новой вехой развития историографической мысли в советский период можно считать рубеж 1970–1980-х гг. Данное десятилетие оставляет очередные попытки к концептуализации исторических обобщений. Наряду с традиционными вопросами историографического знания все чаще в научной прессе стали актуализироваться такие проблемы, как генезис городов и государственности, зарождение феодальных отношений, роль археологических знаний в области раннесредневековой урбанистики.

В обозначенный период белорусские историки сумели преодолеть упущения предшественников. В своих обобщениях отечественные исследователи все чаще стали обращать внимание на утверждение нового научного направления урбанистики – роль древних белорусских городов в становлении государственности и процессов феодализации общества. На новый уровень была выведена проблема интерпретации археологических материалов, которые позволили детально выделить хронологические границы оформления белорусского города как города феодального типа.

Обобщающей работой по историографии истории Беларуси стала монография В.Н. Михнюка «Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1944 гг.)», изданная в 1985 г. Достижением историков 20-х гг. XX века В.Н. Михнюк называл исследование белорусского города как составной части системы феодального производства [5, с. 211]. В свою очередь для белорусского города были характерны не только феодальные производственные процессы. Проблема перенасыщенности городов подталкивала горожан заниматься сельским хозяйством, промыслами и отходничеством. Феномен феодального города заключал в себе двойную природу: с одной стороны, был частью феодальной системы, а с другой – являлся внутренней оппозицией феодальных отношений. Поэтому феодальный город представлял собой сложную социальную организацию.

Развитие археологических исследований средневековых городов. На очередной вектор развития наряду

с историческими обобщениями в анализируемый период выходят и археологические исследования древнерусских городов. Накопление новых археологических данных приводит ученых к необходимости их систематизации и упорядочения и формированию такого направления, как историография раннесредневекового города. Историография раннесредневековых городов на территории Беларуси IX–XIII вв. представляет собой совокупность работ, которую составляют исследования обобщающего характера по историографии, вводные разделы диссертаций и монографий по историографии, обзорные статьи по истории археологического изучения белорусских городов. Содержательная составляющая работ по историографии, как правило, отражает историю исследования социально-топографической структуры города (время, пути и условия складывания поселений, территориальное и планировочное развитие). Сущностный компонент работ по историографии заключается, как правило, в анализе учеными взглядов современников на проблему происхождения восточнославянских городов. Однако следует говорить о систематизации археологических данных белорусскими учеными.

Первые исторические обобщения по археологии средневековья можно связать с деятельностью известного белорусского археолога А.М. Лявданского, который отмечал, что многие научные публикации в 1920–1930-х гг. «ня ставілі перад сабой ... вырашэньня тых ці іншых пэўных пытаньняў, звязаных з вывучэньнем грамадзкіх формаў, а ператвараліся ў досьледы рэчавых помнікаў...» [6, с. 27].

После активной и плодотворной деятельности А.М. Лявданского и его коллег зарождавшаяся археологическая наука в БССР по известным причинам (борьба с научной интеллигенцией) пошла на спад. Первые и значительные сдвиги произошли в послевоенное время в связи с интенсификацией археологических раскопок городов.

Проведение систематических археологических раскопок городов в Беларуси в послевоенные десятилетия (1950–1980 гг.) позволило обобщить полученные данные и сформулировать важные выводы, которые легли в основу крупных направлений археологического исследования городов Беларуси: археологическое изучение городов Полоцкой земли и городов Турово-Пинской земли. Историографии городов Полоцкой земли посвящены работы, в которых отражены результаты археологического изучения за отдельные десятилетия, состояние и перспективы исследования проблем городов и региона. Историография городов Турово-Пинской земли рассмотрена в обзорных статьях истории археологического исследования региона.

Отдельные аспекты истории археологических исследований и достижения археологической науки в области городской проблематики освещены в обобщающих исследованиях: «Итоги и задачи археологического изучения БССР», «Достижения исторической науки в БССР за 50 лет (1919–1969 гг.)». Краткий

очерк», «Достижения исторической науки в БССР за 60 лет», «Археологическая наука в Белорусской ССР 1919–1941», «Белорусская археология: Достижения за годы Советской власти». Авторы данных работ подчеркивали, что исследование проблем городов Беларуси феодальной эпохи началось с актуализации вопросов их происхождения [4]. Учеными было обращено внимание и на роль археологических материалов в выявлении хронологических границ складывания белорусского города как города феодального типа [4; 7]. При этом историки ошибочно показали оформление города как социального организма феодального типа. Процесс организационного складывания города (IX–XI вв.) происходил в то время, когда феодальные отношения не были установлены еще окончательно.

Обзор историко-археологического изучения городов за отдельные периоды и историография проблемы содержатся во введениях монографических и диссертационных исследований раннесредневековых городов Беларуси. Вводные разделы монографий и диссертаций по истории средневековых городов представляли собой, как правило, библиографо-описательные сводки с общими критическими оценками историков дореволюционной историографии. В целом учеными был объективно определен характер дореволюционной литературы с основными методологическими принципами, которые сводились к отражению политических событий и междоусобных войн в истории городов. Оценивая общий уровень развития дореволюционной историографии, исследователи подчеркивали ее археологическую ограниченность в изучении раннесредневековых проблем городов.

Говоря о позитивном значении развития исторической и археологической литературы в советской науке, а также подтверждая факт формирования историографического знания (появление новых обобщающих исследований в области истории и археологии), стоит отметить и ряд трудностей, обуславливающих этот процесс. Во многом противоречивым оказался вектор теоретизации и систематизации исторических и археологических исследований. Накопление фактологических данных и появление новых исторических работ опережало процесс обобщений и выявления исторических концепций. Накладывало свой отпечаток отсутствие методологического плюрализма и теоретических разработок в области историографии. Преобладающим направлением в данной научной дисциплине стала история исторической науки, ее достижений, не уделяющая значительного внимания нахождению концептуальных историографических проблем. При освещении историографии господствовали общие схемы социально-экономической жизни белорусского народа.

Становление историографии истории средневекового города. В начале нового тысячелетия перед учеными были поставлены вопросы, решение которых предопределяло возможности дальнейшего развития исторической науки Беларуси. Весьма важным

событием стала подготовка научными центрами Республики Беларусь историографических исследований. В ведущих университетах страны начали функционировать советы по защите диссертаций по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Кандидатские и докторские диссертации в последнее время приобрели качественно новый уровень, рассматриваемый в русле парадигмы трансдисциплинарности. Чрезвычайно важным вопросом явилась и подготовка обобщающего исследования по историографии Беларуси. В частности, для ее реализации предусматривалось проведение специальных научных конференций.

В 2003 году в городе Минске (Республика Беларусь) состоялась республиканская научно-практическая конференция «Современные проблемы историографии истории». Историографии судебной системы городов Беларуси был посвящен доклад С.Б. Копысского [8]. Некоторые утверждения историка недостаточно подтверждались реальными историческими фактами. Мнение С.Б. Копысского о том, что «социально-экономическая сложность белорусских городов XVI–XVIII вв. имеет четкое отражение через деятельность судебных органов», не раскрывает всей полноты и сущности проблемы [8, с. 72]. Основные тезисы автора имели описательный характер.

Проблемы историографии истории белорусских городов решала научная конференция «Города Беларуси в контексте политики, экономики, культуры», проведенная в городе Гродно (Республика Беларусь) в 2007 г. Определенный интерес представляет собой научная статья В.А. Белозоровича [9].

Историк затрагивает важную проблему – степень научной разработанности урбанизационных процессов в истории белорусских городов. При написании статьи автор руководствовался методологическим критерием междисциплинарности – возможностью изучения проблемных аспектов белорусских городов различными научными дисциплинами. Однако, несмотря на очевидные достоинства, данная публикация имеет свои особенности. Рассматривая работы по историографии истории городов Беларуси, ученый ограничился в основном их содержательным описанием. Историко-критический анализ позволил бы более всесторонне вникнуть в суть исследуемых аспектов проблемы.

В 2008 году в городе Минске была проведена конференция «Историография истории Беларуси, новой и новейшей истории стран Европы и США». Темой выступления О.Н. Левко стал доклад «Историография проблемы происхождения древнейших белорусских городов». Исследователь предложила периодизацию историографии. При определении первого периода автор не выяснила его начала. О.Н. Левко выдвинула утверждение о том, что расширение раскопок древних городов в Беларуси в 1960–1980-е гг. дало возможность включить их результаты в развитие концепции происхождения восточноевропейских городов [10, с. 3]. Подобный факт заслуживает внимания специали-

стов-медиевистов, урбанистов, поскольку рассматривает роль локальных центров в общем геополитическом и научном пространстве. Необходимо также отметить, что результаты археологических исследований скорректировали взгляды белорусских ученых. Следуя концепции происхождения древних городов в Восточной Европе, исследователь обращает внимание на трактовку города как структурной единицы феодальной системы [10, с. 4]. При этом проблема определения хронологических границ городов феодальной эпохи не была решена. О.Н. Левко объективно замечает, что малоисследованным остается вопрос о размещении княжеской резиденции в системе формирования города.

В последние годы проблема историографии городов Беларуси начинает приобретать научную значимость и составлять отдельное направление исследования, подтверждением чему послужили проведение научной конференции «Историография и источники по истории городов и процессов урбанизации в Беларуси» в городе Гродно в 2009 г. и работа над первой диссертацией по историографии средневекового города в 2013 г. [11].

Научный интерес представляет собой публикация белорусского историка Г.Н. Семенчука «Генезіс беларускіх гарадоў у раннім сярэднявеччы». Ученый рассматривает достижения археологической науки по вопросам возникновения раннесредневековых городов [12]. Выступая с критикой марксистского подхода, который основан на толковании социально-экономических факторов становления городов, исследователь предлагает иной подход, который базируется на выявлении непоследовательностей в развитии городов и источников их инициирования. Модернизация урбанистических проблем, которую предлагает Г.Н. Семенчук, направлена на абсолютизацию им роли достижений западноевропейской историографии в их привязке к уже известным оценкам.

Заключение. Таким образом, определяющими факторами становления и развития историографического знания в контексте городской проблематики стали концепции социально-экономической и социально-политической истории, археологические открытия материальной культуры городов, а также генерализация имеющихся достижений белорусскими учеными (подготовка обобщающих исследований); выявление и оценка исторических концепций в историографических работах, как правило, ограничивались пересмотром отдельных суждений отечественных историков о путях развития средневекового города; комплексное накопление источниковых данных по проблематике города Беларуси в IX–XVIII вв. подготовило почву для становления и развития таких важных направлений исторической мысли, как исторические исследования средневековых городов, история археологического изучения белорусского города, историография и источники городов Беларуси; выявление научного потенциала и оценка характера систематизации исторических

взглядов и представлений позволяют актуализировать проблему историографии истории возникновения и развития городов в Беларуси.

Литература

1. Пьянков, А.П. Основные этапы в развитии белорусской историографии за 30 лет / А.П. Пьянков // Наука в БССР за 30 лет / АН БССР. – Минск, 1949. – 546 с.
2. Капыскі, З.Ю. Беларуская гістарычная навука / З.Ю. Капыскі, А.М. Карпачоў, І.С. Краўчанка, І.Я. Марчанка, А.Г. Мітрафанава // Навука БССР за 50 год / АН БССР; рэдкал.: В.Ф. Купрэвіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1968. – С. 52–78.
3. Очерки истории исторической науки в СССР: в 8 т. / Т. 7: Советская историография Белоруссии (Материалы к обсуждению) / З. Копыцкий [и др.]. – Минск: АН БССР, 1968. – 112 с.
4. Достижения исторической науки в БССР за 50 лет (1919–1969 гг.). Краткий очерк / И.С. Кравченко [и др.]; под общ. ред. И.С. Кравченко и З.Ю. Копыцкого. – Минск: Наука и техника, 1970. – 96 с.
5. Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1944 гг.) / В.Н. Михнюк; под ред. П.Т. Петрикова. – Минск: Наука и техника, 1985. – 286 с.
6. Ляўданскі, А. Археалёгічныя досьледы ў БССР пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі / А. Ляўданскі // Працы сэкцыі археалёгіі. – 1932. – Т. 3. – С. 215–218.
7. Достижения исторической науки в БССР за 60 лет / З.Ю. Копыцкий [и др.]; под общ. ред. З.Ю. Копыцкого. – Минск: Наука и техника, 1979. – 80 с.
8. Капыскі, С.Б. Судовая сістэма беларускіх гарадоў XVI–XVII стагоддзяў / С.Б. Капыскі // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 28 лістап. 2003 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2003. – С. 72–75.
9. Белозорович, В.А. Урбанизация в Беларуси в освещении отечественной и российской историографии (XIX – XX вв.) / В.А. Белозорович // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: І.П. Крэнь, І.В. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2007. – С. 9–16.
10. Левко, О.Н. Историография проблемы происхождения древнейших белорусских городов / О.Н. Левко // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі, новай і наваейшай гісторыі краін Еўропы і ЗША: матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 28 сак. 2008 г.: у 2 ч. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: А.І. Андарала, М.М. Забайскі, А.П. Жытко [і інш.]; адк. рэд. В.А. Пілецкі. – Мінск, 2008. – Ч. 1: Гістарыяграфія гісторыі Беларусі (ад старажытных часоў да кастрычніка 1917 г.). – С. 3–5.
11. Врублеўскі, Ю.У. Гістарыяграфія гісторыі ўзнікнення і развіцця гарадоў на тэрыторыі Беларусі ў IX–XIII стст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.09 / Ю.У. Врублеўскі; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2013. – 148 л.
12. Семянчук, Г. Генезіс беларускіх гарадоў у раннім сярэднявеччы (IX–XIII стст.) / Г. Семянчук // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсах урбанізацыі ў Беларусі: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: В.В. Даніловіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2009. – С. 10–22.

Поступила в редакцию 01.11.2019

УДК 338.48(4)(091) "19/20:930.2"

Основные статистические источники по туристической деятельности Европейского Союза во второй половине XX в. — начале XXI в.

Иваничева Л.С.

Белорусский государственный университет, Минск

В данной работе рассматриваются статистические источники второй половины XX в. — начала XXI века, содержащие сведения о туристической деятельности сообщества в целом. Определены важнейшие этапы формирования наднациональной статистики в контексте развития туристического сектора. Анализируются содержание и характеризуются особенности публикаций статистических источников, подготовленных Статистическим управлением (Евростатом), Евробарометром.

Цель статьи — выделить особенности учета туристической деятельности сообщества, проводимого статистическими органами ЕС.

Материал и методы. Источники исследования представлены статистическими изданиями Евростата, Евробарометра, Европейской статистической системы и законодательными актами. При этом применялись базовые принципы научного исследования (историзм, объективность, системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. Акцентируется внимание на основных статистических публикациях Евростата, Евробарометра и особенностях их статистического учета. Раскрывается взаимодействие статистических организаций в рамках обмена информацией обследований.

Заключение. Анализ известных статистических источников, отражающих важнейшие характеристики развития туристической деятельности в XX–XXI вв., представляется непростой научно-исследовательской задачей. При неполном объеме статистических данных на наднациональном уровне требуется более детальное изучение статистических показателей государств-членов.

Ключевые слова: туристическая статистика, история развития туристической деятельности, Евростат, Евробарометр, Европейская статистическая система, гармонизация, устойчивость, взаимодействие.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 30–36)

The Main Statistical Sources on Tourism Development in the European Union in the Late XX — Early XXI Centuries

Ivanichava L.S.

Belarusian State University, Minsk

The article deals with the statistical publications in the second half of the XX — beginning of the XXI centuries, which contain data on tourism development in the Community. The author presents the most important stages of the supranational statistics formation in the context of collecting data on tourism industry. The content of the statistical sources issued by Eurostat, Eurobarometer of the European Commission and etc. are analyzed in detail.

The purpose of the article is to highlight through the study of European statistical sources the characteristics of accounting for tourism activities in the Community conducted by statistical bodies of the European Union (EU).

Material and methods. The research sources are presented by statistical data of Eurostat, Eurobarometer, the European statistical system and legislation. The article is based on the principles of scientific historicism, objectivity, systematicity, as well as general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction).

Findings and their discussions. Attention is focused on the main statistical publications of Eurostat, Eurobarometer, the European statistical system and the characteristics of their statistical accounting. It reveals the interaction of statistical organizations in the exchange of statistical surveys.

Conclusions. Analysis of the main statistical sources reflecting the most important characteristics of tourism development in the XX–XXI centuries seems to be a difficult research task. With incomplete statistics at the supranational level, a more detailed study of the statistical indicators of Member States is required.

Key words: tourism statistics, history of tourism activity development, Eurostat, Eurobarometer, European Statistic System, harmonization, sustainability, interaction.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 30–36)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lyana2009@yandex.ru — Л.С. Иваничева

История развития туристической деятельности в неполной мере освещена как отечественной, так и зарубежной историографией. Тем актуальнее изучение довольно узкой источниковой базы, которая может пополнить знания о данном предмете. Одним из важнейших источников, отражающих развитие туристической деятельности стран Европы, являются официальные статистические обзоры и сборники, которые составляются на основе данных, представляемых Евростату, Евробарометру, Национальным статистическим агентствам и другим институтам и организациям со второй половины XX в. Именно публикации отдельных стран и специализированных органов Статистической комиссии Организации Объединенных Наций (СКООН), Всемирной туристической организации (ВТО), а также Европейской комиссии призваны, кроме всего прочего, наблюдать за состоянием туризма и осуществлять сбор статистических сведений о туристическом секторе.

Цель статьи – выделить особенности учета туристической деятельности сообщества, проводимого статистическими органами Европейского Союза (ЕС). Хронологические рамки охватывают период второй половины XX и по настоящее время.

Источниковую базу исследования можно разделить на следующие группы: 1) нормативные документы европейских стран по данному вопросу; 2) опубликованные статистические/справочные материалы по странам; 3) официальные сайты статистических организаций и национальных органов ЕС.

Научная новизна данной публикации раскрывается как в постановке цели, так и полученных в ходе ее выполнения результатах. Нами проводится исследование, посвященное основным статистическим изданиям сообщества. Ранее материалы органов статистики как корпус источников по истории туристической деятельности сообщества отечественными учеными не были включены в тематику научного обозрения.

Материал и методы. Источники исследования представлены статистическими изданиями Евростата, Евробарометра, Европейской статистической системы и законодательными актами. При этом применялись базовые принципы научного исследования (историзм, объективность, системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. С момента утверждения СКООН международных определений требования к статистике туризма значительно расширились. Развитие статистики туризма как самостоятельного объекта исследований в Европе начало формироваться в 40–50-е гг. XX в. Туристическая деятельность в послевоенный период привела к активизации платежного баланса и, как следствие, к достижению экономического равновесия многих европейских государств.

В настоящее время не только национальные правительства каждой из европейских стран испытывают потребность в специализированных туристических данных (анализ рынка, эффективности маркетин-

га, раскрытие потенциала человеческих ресурсов и проводимой региональной/национальной политики государства), но и в анализе информационно-пропагандистской деятельности туристического сектора. Отраслевые ассоциации, местные сообщества и научные круги также заинтересованы в получении статистических данных. Многие хотели бы видеть больше статистики туризма на наднациональном уровне. Европейской статистики, которая базируется на 4-х составляющих ее элементах: 1) экономике (макроэкономика, статистика занятости, региональная статистика); 2) собственно информации, представляемой туристическим сектором (данные об однодневных поездках, мотивах, побуждающих туристов путешествовать, и т.д.); 3) сведениях об операторах туристической индустрии (информация о компаниях, обследование уровней платежеспособности туристов) и немаловажных для ЕС; 4) данных, отражающих устойчивость развития туристического сектора (индикаторы уровня стабильности сектора) [1].

В статистическом отчете ВТО «Рекомендации по статистике туризма» (*англ. Recommendations on Tourism Statistics*) отмечено, что некоторые страны и отраслевые организации разработали статистические базы данных с целью публикации сопоставимой статистической информации на общеевропейском уровне, в других странах статистические системы для туризма еще не разработаны. В связи с этим предпринимаются усилия создания общего статистического «языка», который охватит концепции, методы, структуры и технические стандарты для всех государств-членов [2–5].

Термин «система статистики по туризму» (CCT) (*англ. System of tourism statistics (STS)*) как новый инструмент статистики впервые был представлен в предисловии к «Стандарту учета экономического воздействия туризма: методологические рекомендации» (*англ. Tourism Satellite Account (TSA)*¹: *Methodological References*). В целом CCT призвана собирать информацию для анализа туристического сектора, которая включает в себя следующие данные:

– об общей туристической деятельности на национальном уровне (основными источниками для получения сведений являются платежный баланс и отчеты по прибытиям туристов-нерезидентов);

– о туристической активности (статистика внутренних перемещений и прибытий/убытий туристов);

– о работе туристических организаций (информация собирается и представляется национальными агентствами по туризму для отображения валовых характеристик туристической индустрии);

– о разработке и продвижении туристических продуктов (информация в значительной степени отображает реальные потребности рынка) [6, р. 11].

Статистическая информация представляет собой цифровую информацию в виде числовых рядов различных показателей, прогнозных моделей

¹ Здесь и далее перевод наш. — Л.И.

и оценок, данные которой представлены в виде средних или относительных величин, они позволяют выявлять закономерности развития социально-экономических явлений и процессов. Задача общей статистики – определение форм, видов и способов статистического наблюдения для решения вопроса, где, когда и какие приемы наблюдения применять. Статистические наблюдения можно разбить на группы: *по охвату единиц совокупности и времени регистрации фактов*. Что касается баз данных статистической информации, то их подразделяют на базы данных глобальной и базы данных национальной статистики. За подготовку, издание и распространение экономических, статистических и информационных материалов, в частности, тематических и отраслевых статистических сборников, бюллетеней, ответственны статистические агентства.

С 2018 г. сбор статистической информации в области туризма включает сведения, собираемые государствами-членами на основе следующих нормативных актов:

- Регламент (ЕС) 692/2011 Европейского парламента и Совета от 6 июля 2011 года, касающийся европейской статистики по туризму и отменяющий Директиву Совета 95/57/ЕС [7];

- Имплементационный регламент (ЕС) 1051/2011 Европейской комиссии от 20 октября 2011 года по выполнению Регламента (ЕС) 692/2011, касающийся европейской статистики по туризму, структуры и качества статистических отчетов и их передачи [8];

- Регламент (ЕС) 184/2005 Европейского парламента и Совета от 12 января 2005 года по статистике сообщества, касающийся платежного баланса, международной торговли услугами и иностранных прямых инвестиций [9];

- Законы о регистрации государств-членов и др.

Крупнейшим бюро, предоставляющим оперативную информацию статистического характера о состоянии экономики, является Статистическое бюро Европейских сообществ – Евростат. Евростат входит в состав генеральных директоратов Европейской комиссии [10]. Основная задача бюро заключается в обеспечении ЕС высококачественными статистическими данными на европейском уровне, способствующими сопоставлению стран и регионов. Для выполнения этой задачи Евростат стремится:

- внедрять набор стандартов, методов и организационных мер, позволяющих производить сопоставимые, надежные и отражающие действительность статистические данные во всем сообществе, следуя принципам Европейского кодекса статистической практики²;

- обеспечивать европейские организации и правительства государств-членов информацией, необхо-

димой для осуществления, отслеживания и оценки политики, проводимой сообществом;

- распространять статистические данные с целью информирования европейской общественности, предприятий и всех экономических и социальных служб, причастных к принятию решений;

- содействовать совершенствованию статистических систем государств-членов, а также оказывать поддержку как развивающимся странам, так и странам с переходной экономикой [10].

На странице «База данных» Евростата (<http://ec.europa.eu/eurostat>) в разделе «Индустрия, торговля, услуги» (*англ.* Industry, trade, service) размещен подраздел с информацией по туризму.

Согласно рекомендациям Национальной статистической системы (*англ.* National Statistical System) и ССТ в пределах тематического раздела пользователю предоставляется возможность доступа к информации, данным (базам данных), методологии или публикациям в таблицах посредством динамических рядов во вкладках в виде таблиц [10]. В таблицах даются сведения, содержащие наиболее часто используемые краткосрочные и среднесрочные показатели по туристической деятельности:

1. Подраздел «Ежемесячные статистические данные туристической индустрии» (*англ.* Monthly data on tourism industries) содержит сведения по ночевкам (количеству койко-дней), проведенным туристами-резидентами/нерезидентами в отелях, данные об изменениях в процентах (по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года) по ночевкам, а также информацию по заполняемости отелей в целом.

2. Подраздел «Ежегодные статистические данные туристической индустрии» (*англ.* Annual data on tourism industries) включает в себя сведения по прибытиям туристов-резидентов/нерезидентов в отели, информацию по ночевкам, в том числе ночевкам по регионам, данные с прибрежных зон, информацию о степени урбанизации и уровню заполняемости койко-мест в отелях.

3. Подраздел «Ежегодные статистические данные путешествий туристов-резидентов ЕС» (*англ.* Annual data on trips of EU residents) представляет таблицы по поездкам с учетом целей, продолжительности путешествий, странам, регионам, данные по степени вовлеченности в туристический сектор согласно личным целям, в том числе возрастных групп.

Электронная версия таблиц содержит материалы, которые предоставляют аналитикам возможность делать выводы о социально-экономическом развитии сектора.

Более подробные данные можно скачать из открытых таблиц, которые позволяют пользователю выбрать информацию через ряд экранов для каждого измерения набора данных; данные могут быть выбраны в различных форматах. На открытые таблицы можно выйти с помощью дерева данных Евростата или

² Европейский кодекс статистической практики устанавливает 15 ключевых принципов производства и распространения европейской официальной статистики и определяет институциональную среду, в рамках которой функционируют национальные статистические организации и статистические службы сообщества [11].

с домашней страницы сайта, используя вкладку «Данные» (*англ.* Data) [10]. Наиболее важные показатели могут быть найдены в заранее заданных таблицах. Стандартные таблицы обычно содержат один показатель, по которому данные по европейским странам и данные по государствам-членам располагаются по оси «у», а временные интервалы – по оси «х».

Программа публикаций Евростата по туризму реализуется на основе выпуска нескольких сборников. Это:

- статистические сборники – большие массивные публикации, содержащие статистические данные и их анализ. «Региональный ежегодник Евростата: Туризм (в таблицах и диаграммах)» (*англ.* Eurostat regional yearbook: Tourism (tables and graphs), «Статистика туризма», «Обзор туристического сектора» (*англ.* Raportage on Tourism) представляют общую и региональную статистику, обзор европейского туристического сектора, фокусируются на общих индикаторах туристической стабильности и освещают последние тенденции туристического поведения европейцев и подробную информацию о туризме в странах ЕС;

- карманные издания, распространяющиеся бесплатно с целью предоставить пользователям основные показатели по определенной туристической тематике;

- сборник «Основная статистика», содержащий последние краткие сведения (объем до 10 стр.) результатов научных исследований и статистических анализов. Например, данные об увеличении туристических потоков за конкретный период (*англ.* Inbound and outbound tourism in the European Union) [12];

- сборник «Основные данные», располагающий самой последней статистической информацией и методологическими пояснениями (объем до 5 стр.). Как правило, туристические организации предоставляют информацию о количестве ночей, проведенных туристами в отелях и других вариантах размещения в странах ЕС и ЕАСТ, и «чистой» занятости этих учреждений в определенный промежуток года (например, с июня по сентябрь) [13];

- сборник «Методология и рабочие документы», представляющий собой издания технического характера для экспертов в области туристической статистики.

Информация проверяется и анализируется национальными статистическими организациями, направляется в бюро. Роль Евростата заключается не в сборе данных, а в их консолидации, обеспечении сопоставимости информации и применении *гармонизированной методологии* [10]. В настоящее время бюро является единственным поставщиком статистических данных на наднациональном европейском уровне.

С каждым годом все отчетливее Евростат испытывает потребность в научном осмыслении собираемых данных, так как все решения о планировании и осуществлении политики сообщества должны основываться на надежных и, как указывалось выше, сопоставимых статистических данных. С целью предоставления данных на уровне ЕС был запущен процесс формирования Европейской статистической си-

стемы (далее ECC). Сегодня ECC включает Евростат и министерства, статистические управления, службы и банки, которые собирают официальные статистические данные в государствах-членах ЕС, а также странах-кандидатах. Сеть, в которой роль Евростата сводится к управлению гармонизацией национальных статистических систем (НСС), тесно взаимодействует с ответственными национальными статистическими организациями (НСО). Центральным звеном системы является Комитет по статистическим программам, объединяющий глав национальных статистических управлений государств-членов и возглавляется Евростатом. Комитет обсуждает совместное мероприятие и программы, которые должны быть выполнены, чтобы соответствовать требованиям Европейского Союза к статистической информации, согласовывает пятилетнюю программу, которая контролируется Евростатом и реализуется национальными статистическими агентствами (НСА) [14] (рис.).

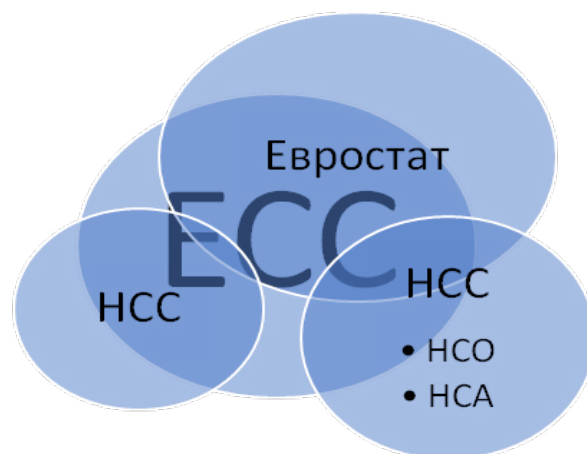

Рис. Структура Европейской статистической системы

На сайте ECC (<http://ec.europa.eu/eurostat/web/ess>) в приложении «Ежегодная рабочая программа Евростата» (*англ.* Eurostat Annual Work Programme) в подразделе «Каталог статистических продуктов» расположены позиции, по которым осуществляется сбор статистических данных.

Некоторые из них отведены под туристический сектор. Как отмечалось ранее, в большинстве европейских стран работает зарекомендовавшая себя система статистики для отслеживания потребностей туристического сектора. Несмотря на всю важность таких статистических источников, к сожалению, с их помощью невозможно оценить общий вклад, который вносит туризм в макроэкономику сообщества.

Поэтому совместно с ВТО, СКООН, ОЭСР (Организацией экономического сотрудничества и развития), Евростатом была разработана признанная на международном уровне, гармонизированная система «Стандарт учета экономического воздействия туризма в Европе» (далее Стандарт) (*англ.* Tourism Satellite Account in Europe). Система включает в себя те же концепцию,

определения и классификации, что и национальные статистические агентства. Стандарт – основа для измерения туристической активности и значимости туризма как для национальных, так и региональных экономик. В противовес традиционной статистике, которая представляет сведения о средних показателях по количеству посетителей, ночевках, статистике, ориентированной на поток, Стандарт представляет данные об уровне занятости, о создании рабочих мест и т.д. В 2000 г. Европейская комиссия предоставила несколько поощрительных грантов в целях стимулирования и поддержки участия государств-членов в сборе данных для Стандарта.

В зависимости от того, как организована статистическая система в той или иной европейской стране, различные агентства могут участвовать в сборе и распространении официальной статистики туризма для Стандарта. В большинстве случаев национальные статистические институты 16 государств-членов ЕС компилируют данные. Информация о социально-экономических показателях туристического сектора собирается не только вышеупомянутой организацией, но и представлена другими источниками: национальными министерствами экономики государств-членов; национальными банками; национальными туристическими офисами; институтами маркетинговых исследований государств-членов; статистическими организациями в сфере образования (статистикой университетов, статистикой, предоставляемой некоммерческой программой ЕС по обмену студентами и преподавателями между уни-

верситетами ERASMUS, и т.д.); платежными балансами, ориентированными на спрос; исследованиями сообщества в области использования информационных технологий туристическими предприятиями (материалы включают статистику использования электронных приложений для бронирования билетов, отелей и других услуг, а также предоставления услуг при помощи интернет-технологий); транспортной статистикой, которой отведено значимое место в туристическом секторе, и др. Стандарт состоит из 10 таблиц и представляет информацию по следующим направлениям: «Расходы на въездной туризм», «Расходы на внутренний туризм», «Расходы на выездной туризм», «Расходы по внутреннему туризму», «Данные по туристической индустрии и другим отраслям промышленности», «Общие данные по спросу и предложению туристического сектора», «Занятость в туризме» и т.д. (табл.).

Одним из ключевых недостатков проведения таких исследований и подготовки таблиц является неоднородность данных. Так, например, в 2014 г. в сводный отчет 5 государств-членов (Чешская Республика, Франция, Нидерланды, Австрия и Словения) представили актуальные сведения за 2014 г., в то время как большинство государств-членов передали статистическую информацию за предыдущие 2013, 2012 и 2011 гг. Так как Стандарт создан для нужд государственного управления и является инструментом для структурного, а не краткосрочного анализа, это дает право на сравнение показателей для стран-участниц (стран,

Таблица

Статистические данные по туризму на 2018 г., представленные в Стандарте

Направления		Количество показателей обследований в анкете	Наличие в странах-участниках (%)
1.	Расходы на въездной туризм	3	79
2.	Расходы на внутренний туризм	3	77
3.	Расходы на выездной туризм	3	49
4.	Туристское потребление внутри страны	5	92
5.	Производственные счета туристической и других отраслей	3	100
6.	Общий объем внутреннего предложения и потребления	8	73
7.	Занятость в туристической индустрии	4	46
8.	Валовое накопление основного капитала в секторе туризма	1	37
9.	Коллективное туристическое потребление	1	11
10.	Неденежные показатели	19	70

Примечание: <https://ec.europa.eu/eurostat/web>.

участвующих в сборе данных) с точки зрения равноценности представляемой информации [15]. Несмотря на информационную «оплошность», заинтересованность государств-членов в подготовке данных свидетельствует о высокой востребованности публикаций подобного рода.

Помимо статистических данных ЕСС, Евроста, Стандарта, схожая концепция прослеживается в статистических публикациях Евробарометра, представляющего собой серию опросов общественного мнения, проводимых на регулярной основе от имени Европейской комиссии с 1973 г. Отчеты публикуются два раза в год. Базу для изучения туристической отрасли составляют статистические данные раздела «Flash Eurobarometer»: специальные тематические телефонные интервью, которые организуют и проводят службы Европейской комиссии. Открытая информация, представленная на сайте Евробарометра (<http://ec.europa.eu/COMFrontOffice/publicopinion/index.cfm>), включает статистические данные исследований начиная с 2009 г. и не содержит субъективной информации Европейской комиссии [16]. Создание статистических индикаторов Евробарометром для качественной оценки экономического влияния туризма на национальном уровне основывается на опросе и показателях уровня востребованности сектора туристами-резидентами, выезжающими за пределы своих дестинаций с целью отдыха, рекреации, проведения отпусков, посещения друзей и родственников, а также совершения деловых или оздоровительных, религиозных, кочевнических поездок и т.д.

В состав статистических документов Евробарометра входят: 1) аналитический отчет по «Обследованиям оценки европейцев в отношении туризма» (*англ.* Survey on the attitudes of Europeans towards tourism). Целью проведения обследования является систематизация данных о путешествиях респондентов за опрашиваемые годы, информация по кратким частным поездкам, отпускам; информация о причинах, по которым респонденты не смогли отправиться в отпуск в отчетные периоды; характеристика туристических поездок резидентов ЕС (например, каким видом транспорта туристы пользовались во время поездки); материальная сторона – маркер принятия решений о выборе качества проведения отпуска; отношение резидентов к туризму (например, их предпочтения в выборе мест отдыха) и планы проведения свободного времени респондентами в следующем году. В приложениях к полным и кратким отчетам Евробарометра расположены таблицы, подготовленные на основе опросов. Таблицы демонстрируют цифровые показатели по государствам-членам. Методологические сведения включены в приложение – раздел «Сведения об обследовании»; 2) аналитический отчет о «Туристических предпочтениях европейцев» (*англ.* Preferences of Europeans towards tourism) – с 2014 г., – включающий в себя следующие докумен-

ты: а) общий отчет (*англ.* Report); б) сводный отчет (*англ.* Summary)(содержит более сжатую статистическую информацию о проведенных исследованиях); в) информационные бюллетени для каждой из опрашиваемых стран на английском языке и бюллетени на официальных языках государств-членов. Программа обследований, согласно которой происходит сбор сведений на региональном и национальном уровнях, достаточно широка. Как правило, опросники составляются на 3-х языках (английском, французском, немецком), информационные бюллетени – на всех официальных языках государств-членов. Таким образом, Евробарометр не просто занимается публикацией собранных данных, но и обнаруживает некоторые аналитические результаты общественных мнений государств-членов. Так как большая часть интервью в Чешской Республике, Латвии, Польше, Словакии и некоторых других государствах-членах ЕС проводится преимущественно по телефону, из-за часто возникающих сбоев в телефонной связи опрос состоит из личной беседы. В Австрии, Финляндии, Италии, Португалии, Испании, Эстонии с 2009 г. в обследованиях, проводимых Евробарометром, все чаще используются приложения-программы опроса для мобильных телефонов. Поэтому чаще всего основным недостатком данных показателей является ошибка выборки, связанная с «пределом погрешности»: неопределенностью или неуверенностью интервьюируемых в результатах опроса.

Закключение. Таким образом, доступ к статистической, нормативной информации в государственных органах в странах ЕС представлен на высоком уровне. Несмотря на это, европейская государственная статистика проходит довольно сложный путь и некоторые организационные проблемы еще не решены. Анализ основных статистических источников, отражающих важнейшие характеристики развития туризма в XX–XXI вв., представляется весьма непростой научно-исследовательской задачей. Специалисту, занимающемуся данной тематикой, придется сталкиваться с рядом проблем, среди которых на первом месте идут неоднородность, неполнота и неточность сведений, представляемых на наднациональном уровне. Более детальное изучение статистики туристической индустрии сообщества при неполном объеме материалов на наднациональном уровне возможно только при условии сравнения статистических показателей государств-членов, проведенных национальными органами статистики и другими национальными организациями. В то же время значимость данного вида источников очень велика. В связи с активным развитием туристической индустрии Беларуси сведения европейской статистики могут служить дополнительным источником информации для проведения статистических обследований Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь и прогнозирования туристических потоков из ЕС в Республику Беларусь.

Литература

1. Rolling Review of Tourism Statistics [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/64157/4375784/23-Tourism-RR-2013.pdf/f7b42ad1-57d8-4959-9879-afcaae723107>. – Date of access: 12.02.2018.
2. WTO UN Recommendations on Tourism Statistics. Statistical papers. Ser. M. № 83. – New York, 1993.
3. Leggesull'informazione e sull'atras parenzadello Stato (LIT) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www4.ti.ch/fileadmin/CAN/ICPD/PDF/DIRITTO_TI/TI_LIT_FU_2011-024_25.03.2011_2312.pdf. – Date of access: 12.02.2018.
4. XML and Legal Source On-line [Electronic resource]. – Mode of access: http://www2.cirsfid.unibo.it/~agsw/liis/presentations/law_sources.pdf. – Date of access: 05.03.2018.
5. Better Regulation in Europe: France 2010 / Organization for Economic Co-operation and Development: OECD Publishing, 2010.
6. Massieu, A. The structure of the System of Tourism Statistics (STS). General overview / A. Massieu // Lennon, J.J. Tourism Statistics: International Perspectives and Current Issues / J.J. Lennon. – London: Continuum, 2002.
7. Regulation (EU) No 692/2011 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2011 concerning European statistics on tourism and repealing Council Directive 95/57/EC [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/esseur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2011:192:FULL&from=EN G>. – Date of access: 12.02.2018.
8. Commission Implementing Regulation (EU) No 1051/2011 of 20 October 2011 implementing Regulation (EU) No 692/2011 of the European Parliament and of the Council concerning European statistics on tourism, as regards the structure of the quality reports and the transmission of the data [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1567490631248&uri=CELEX:32011R1051>. – Date of access: 12.02.2018.
9. Regulation (EC) No 184/2005 of the European Parliament and of the Council of 12 January 2005 on Community statistics concerning balance of payments, international trade in services and foreign direct investment [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1568317696350&uri=CELEX:32005R0184>. – Date of access: 12.02.2018.
10. Содружество Независимых Государств и Европейский Союз. Статистические сравнения: стат. сб. / Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011. – С. 7–15.
11. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят в Нью-Йорке 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
12. Inbound and outbound tourism in the European Union // Statistics in Focus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3433488/5437273/KS-NP-06-005-EN.PDF/08f472ff-126f-454f-87a8-51dbc52c50e7?version=1.0>. – Date of access: 05.03.2018.
13. Summer tourism trends in 2007 [Electronic resource] // Data in Focus. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/4168041/5942953/KS-QA-08-018-EN.PDF/e3200a74-d57f-4816-b5cb-7987d9c01b4b?version=1.0>. – Date of access: 05.03.2018.
14. European Statistical System [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/ess>. – Date of access: 05.03.2018.
15. Tourism Satellite Account in Europe [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/7870049/7880233/KS-FT-17-002-EN-N.pdf/1070ebdc-b9e1-4a93-abb8-cecd83d40f68>. – Date of access: 05.03.2018.
16. Standard Eurobarometer [Electronic resource] // European Commission on Public Opinion. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm>. – Date of access: 05.03.2018.

Поступила в редакцию 15.10.2019

Изучение механизмов краха ГДР в британской и американской историографии: внешнеполитический подход

Ковяко И.И.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

Изучение причин и предпосылок стремительного распада государственных и партийных структур ГДР занимает важное место в работах историков-германистов Великобритании и США и проводится в рамках исследования комплексной проблемы — германского вопроса послевоенного времени. В британской и американской исторической науке существует несколько подходов к изучению механизмов распада коммунистического режима в Восточной Германии, среди которых особое место занимает внешнеполитический подход.

Цель статьи — определить и проанализировать ключевые механизмы краха ГДР в британской и американской историографии германской проблемы в рамках внешнеполитического подхода.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основе анализа публикаций британских и американских историков, политологов, специалистов в области международных отношений, которые занимались изучением предпосылок и причин кризиса ГДР исходя из базовых принципов внешнеполитического подхода. Для достижения поставленной цели были применены как общенаучные (анализ, синтез, дедукция), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-системный, историко-функциональный, ретроспективный).*

Результаты и их обсуждение. *Использование внешнеполитического подхода при изучении проблемы предполагает выделение новых явлений во внешнеполитическом курсе отдельных стран и/или изменений в системе международных отношений на глобальном уровне либо же на уровне региональных подсистем. По мнению авторов, они действуют подобно триггерам, т.е. спусковым механизмам, выступая основой качественных изменений заявленной проблемы. При анализе причин исчезновения восточногерманского государства британские и американские ученые выделяют три внешних механизма: новую восточную политику ФРГ, структурные изменения в мировой экономике 1970-х гг., перестройку в Советском Союзе.*

Заключение. *Внешнеполитический подход является наиболее востребованным среди британских и американских исследователей при изучении механизмов краха ГДР. Вместе с тем использование исключительно внешнеполитического подхода не может предоставить ответ на широкий спектр вопросов о формировании и действии внутренних сил в процессе распада государственно-партийных структур ГДР и ее ликвидации как суверенного государства.*

Ключевые слова: *германский вопрос, британская историография, американская историография, внешнеполитический подход, ГДР, новая восточная политика, перестройка.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 37–41)

Study of East Germany Collapse Mechanisms in British and American Historiography: Foreign Policy Approach

Kaviaka I.I.

Educational Establishment “Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University”, Minsk

The study of the causes and prerequisites for the rapid collapse of the GDR state and party structures takes an important place in the works of British and American historians. It is carried out as part of the study of a complex problem — the German issue in the post-war period. There are several approaches to studying the mechanisms of the communist regime collapse in East Germany in British and American historical science, among which the foreign policy approach has a special place.

The aim of the article is to identify and analyze the key mechanisms of the GDR collapse in British and American historiography of the German problem in the framework of the foreign policy approach.

Material and methods. *The article is based on the analysis of a wide range of publications by British and American historians, political scientists, and experts in the field of international relations who studied the background and causes of the GDR crisis in the framework of the foreign policy approach. To achieve the article aim, both general scientific*

(analysis, synthesis, deduction) and specially-historical research methods (historical-genetic, historical-systemic, historical-functional, retrospective) were used.

Findings and their discussion. The use of the foreign policy approach when studying the problem involves singling out new phenomena in the foreign policy of separate countries and/or changes in the system of international relations at the global level or at the level of regional subsystems. According to the authors, they act like triggers, creating the basis for qualitative changes in the stated problem. When analyzing the reasons for the East German state disappearance, British and American researchers identify three external mechanisms: the new Ostpolitik, structural changes in the world economy in the 1970s, and perestroika in the Soviet Union.

Conclusion. The foreign policy approach is most popular among British and American researchers who study the mechanisms of the GDR collapse. At the same time, studying the declared problem solely within the framework of the foreign policy approach cannot provide an answer to a wide range of questions about the formation and operation of internal forces in the process of the collapse of GDR state-party structures and its liquidation as a sovereign state.

Key words: German issue, British historiography, American historiography, foreign policy approach, East Germany, Ostpolitik, perestroika.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 37–41)

Стремительное нарастание кризисных явлений в ГДР и скоростной крах «форпоста социализма» в Европе стали неожиданностью для мирового сообщества. Ни на Западе, ни в СССР никто не мог спрогнозировать столь высокие темпы развития событий. Изучение причин и предпосылок стремительного распада государственных и партийных структур ГДР занимает важное место в работах историков-германистов Великобритании и США. Сотрудник Института германских исследований в Бирмингеме Джонатан Грикс в работе «Роль масс в крахе ГДР» выделяет несколько подходов к изучению механизмов распада коммунистического режима в Восточной Германии, среди которых наиболее распространенным является внешнеполитический подход [1, с. 9]. В рамках данного подхода системный кризис ГДР рассматривается как результат воздействия, главным образом, внешних факторов.

Цель статьи – определить и проанализировать ключевые механизмы краха ГДР в британской и американской историографии германской проблемы в рамках внешнеполитического подхода.

Материал и методы. Данная работа подготовлена на основе анализа широкого спектра публикаций британских и американских историков, политологов, специалистов в области международных отношений, которые занимались изучением предпосылок и причин кризиса ГДР в рамках внешнеполитического подхода. Для достижения поставленной цели были применены как общенаучные (анализ, синтез, дедукция), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-системный, историко-функциональный, ретроспективный).

Результаты и их обсуждение. Хронологически первым из внешних механизмов, предопределивших крах восточногерманского режима, британские и американские историки называют новую восточную политику В. Брандта и ее последствия: соглашения 1970-х гг., укрепление международных позиций ГДР и интенсификацию внутригерманского диалога. Авторы утверждают, что новый курс позволил ФРГ перейти

от реваншистского образа 1950-х гг. к более позитивному имиджу среди социалистических государств. Благодаря новой восточной политике между ФРГ и СССР возникла крепкая основа двусторонних отношений и определенная степень доверия, без которой мирная революция в ГДР была бы невозможной [2, с. 161]. Историк-германист Мэри Фулбрук (Университетский колледж Лондона) отмечает, что благодаря новой восточной политике в Центральной и Восточной Европе были приведены в действие внутренние механизмы, которые сделали возможными «бархатные» революции и способствовали объединению Германии [3, с. 81]. Подобные оценки содержатся в работе американского историка Тони Армстронга (Уэсли колледж, Делавер, США), а также в публикациях британского историка Джеральда Хьюджза (Университет Аберистута, Уэльс, Великобритания) [4, с. 11; 5, с. 155; 6].

Несмотря на то, что разрядка, на первый взгляд, закрепила раздел Германии, в то же время она привела к объединению страны, подорвав легитимность самой восточногерманской системы. Благодаря серии договоров начала 1970-х гг. ГДР вышла из дипломатической изоляции и приступила к развитию контактов с ФРГ. С этого времени Западная Германия стала влиять на события в ГДР как пассивным, так и активным образом. К активным формам воздействия исследователи относят заключение и реализацию соглашений торгового-экономического, финансового и гуманитарного характера. После многих лет непримиримого антагонизма и взаимных обвинений казалось сам факт интенсивного диалога по линии ФРГ–ГДР свидетельствовал о достижении Восточной Германией беспрецедентного признания со стороны западного соседа. Ученые приходят к выводу, что это ошибочно воспринималось как гарантия долговечности ГДР и, в конце концов, предопределило ее гибель [7, с. 57–58; 8, с. 215].

Среди методов пассивного воздействия исследователи называют сам факт существования ФРГ и деятельность ее СМИ, которые оказывали влияние на массовое сознание восточных немцев. Британский

исследователь Тимоти Гартон Эш полагает, что в итоге пассивные формы воздействия оказались даже более эффективными, ведь сам факт существования успешной ФРГ представлял постоянный вызов руководству ГДР [9, с. 15].

Вторым внешним фактором, несколько парадоксальным на первый взгляд, авторы называют укрепление международных позиций ГДР и запуск механизма СБСЕ. Подписание Четырехстороннего соглашения в 1971 г. ознаменовало промежуточное урегулирование берлинской подпроблемы в системе германского вопроса и открыло путь к созданию ОБСЕ. В начале 1970-х гг. международное признание ГДР росло. Этому также способствовало ее участие в СБСЕ и подписание Заключительного акта в Хельсинки, где впервые встретились Э. Хонеккер и Г. Шмидт. Подписание данного документа порождало дилемму для ГДР: с одной стороны, материальная и финансовая поддержка Запада (главным образом со стороны ФРГ) укрепляла режим, с другой стороны, ответные уступки в сфере прав человека содействовали его ослаблению и потере контроля над гражданами. По мнению британского историка Генри Тёрнера, в конечном итоге отказ в свободе передвижения своим гражданам привел режим ГДР к полному краху [8, с. 219–225].

Отдельные авторы, концентрируясь на изучении экономических причин краха ГДР, фактически подтверждают ведущую роль внешних факторов в возникновении кризисной ситуации. Два нефтяных шока и крах Бреттон-Вудской системы вынудили западные страны провести структурную перестройку экономики в 1970-е гг. В то время как ГДР, подобно другим социалистическим странам, подобной перестройки не провела. В 1980-е гг. после неудачных мероприятий по сокращению внешнего долга ГДР потеряла значительную часть удельного веса в мировой торговле и испытывала острый дефицит иностранной валюты [1, с. 45; 10, с. 184]. К концу 1980-х гг. социальная программа субсидий в сфере жилья и потребительских товаров оказалась недееспособной, как отмечал Дж. Грикс, *«СЕПГ не выполнила свою часть неписаного социального контракта, который позволял поддерживать лояльность населения в предыдущие годы»* [1, с. 46]. В сложившейся ситуации исследователи считают определяющей позицию СССР, который отказал ГДР в экономических привилегиях и посоветовал развить более тесные отношения с ФРГ [11, с. 91].

Экономическое благополучие ФРГ, максимально упрощенная процедура получения гражданства и доступа к системе социальной защиты для жителей ГДР – все это стимулировало массовый исход образованной и квалифицированной части населения на запад. Заметно усилилось экономическое и финансовое проникновение ФРГ, которая щедро субсидировала экономику ГДР займами. К концу 1980-х гг. ФРГ скупила большую часть внешнего долга восточного соседа, продемонстрировав банкротство его финансовой системы. Таким образом, все вышесказанное позволяет уста-

новить третий внешнеполитический механизм краха ГДР в работах британских и американских исследователей – перестройка мировой экономической системы и нарастание экономического потенциала стран Запада [2, с. 163; 8, с. 212; 12, с. 189].

В качестве еще одного внешнего фактора, который предопределил крах ГДР, историки называют перестройку в СССР. Отмечая, что слабым звеном советской системы в середине 1980-х гг. была ее экономика, они полагают, что именно с целью решения комплекса социально-экономических проблем (в том числе через запуск переговоров с НАТО о сокращении вооружений) М.С. Горбачев инициировал политику перестройки [13, с. 130; 14, с. 422]. С точки зрения британских и американских ученых, в ее структурную рамку также входят новое политическое мышление, отказ СССР от доктрины Брежнева и переход к «доктрине Синатры», а также последовавшее нарастание идеологических расхождений с СЕПГ. К концу 1980-х гг. СССР, подобно империи на стадии заката, ослабил контроль над регионом Центральной и Восточной Европы. Более того, де-факто советское руководство поощряло перемены, и это было главной предпосылкой сдвигов в послевоенном германском урегулировании. По мнению исследователей, без изменений во внешнеполитической мысли СССР социально-экономические, демографические и иные внутренние проблемы стран социалистического блока не смогли бы привести к структурным переменам революционным путем [15, с. 299; 16, с. 248–252; 17, с. 299; 18, с. 98].

Советская либерализация рассматривается авторами как главный ключ к переменам в Европе, а ГДР характеризуется как искусственное творение эпохи холодной войны. Изначально ее существование как отдельной политической единицы полностью зависело от СССР, что и предопределило ее гибель: *«порожденная холодной войной, она умерла вместе с ней»* [2, с. 170–171]. Понимание того, что Кремль не пойдет на военное вторжение ради спасения режима Хонеккера, придало уверенности протестующим и обезоружило руководство ГДР [19, с. 150]. В 2006 г. сотрудник Университета Халла Питер Гридер писал: *«Восточная Германия по-прежнему существовала бы сегодня, если бы не отказ Горбачева от империи»*. События 1989–1990 гг. автор назвал свидетельством *«революции в обертке деколонизации»* [2, с. 157].

Перестройка в СССР также вызвала острый идеологический кризис и фактический раскол в руководстве ГДР. Нисколько не преуменьшая значение социально-экономических проблем ГДР в конце 1980-х гг., историки вместе с тем отмечают, что финансовое банкротство не является безусловной причиной исчезновения государств. Подрыв основ идеологии марксизма-ленинизма имел не меньшее значение в общем кризисе системы. По мнению британского историка Бена Фаукса (Политехнический Университет Лондона), *«революциям часто предшествует разложение морали в рядах руководителей, которые становятся*

неспособны на решительные действия». Как считает автор, кризис начался еще в 1970-х гг. и проявлялся в возрастающем стремлении идеологов СЕПГ избежать участия в дискуссиях и собственно идеологической работе [10, с. 172]. К концу 1980-х гг. в свете нарастающих противоречий с Кремлем даже партийные лидеры разуверились в правильности избранного пути. В то время как часть партийного руководства разделяла идеи перестройки и либерализации режима, другие считали подобные эксперименты ненужными и даже опасными [2, с. 166; 19, с. 150; 20, с. 188; 21, с. 41]. В итоге раскол внутри СЕПГ как на федеральном, так и на местном уровне парализовал механизм принятия политических решений, что в условиях кризиса 1989 г. оказалось фатальным [2, с. 169]. Исследователям представляется очевидным, что кризис социалистической идеи внутри восточногерманского государства был напрямую связан с внешним фактором – идеологической перестройкой в Кремле, которая воздействовала на партийную элиту ГДР, провоцируя раскол и кризис власти [20, с. 194].

Рассуждая о стремительном крахе ГДР, историки также анализируют возможные внешнеполитические механизмы замедления или блокировки объединения Германии путем формирования конфедерации ФРГ и ГДР. По мнению профессора Гарвардского университета Чарльза Мэйера, быстрое исчезновение ГДР представлялось удивительным явлением, которого можно было избежать [22, с. 61]. В апреле 1989 г. удовлетворенность от статус-кво в германском вопросе испытывали как США, так и европейские страны (только ФРГ стремилась к его пересмотру) [22, с. 27]. Сдержанность Дж. Буша осенью 1989 г. и его нежелание «прыгать на стену» свидетельствовали о беспокойстве за события, происходящие в Европе, и нежелании провоцировать СССР. По убеждению директора Архива национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона Томаса Блэнтон, политика США играла второстепенную роль и, в лучшем случае, «стояла где-то рядом с действием» вплоть до самого конца 1989 г. [15, с. 298]. В таких условиях стратегический союз Великобритании, СССР и Франции не был таким уж нереальным в свете происходивших перемен. Более того, он являлся единственной возможностью сохранить ГДР [22, с. 82].

Главным «пряником», который был использован ФРГ для предотвращения возможного сопротивления советской стороны, исследователи считают финансовую помощь. СССР, испытывая острые экономические и этнические проблемы, больше не смог гарантировать безопасность ГДР. Казалось, раздел Германии перестал быть залогом безопасности Советского Союза. В итоге СССР сам помог создать то, что в годы холодной войны представлялось худшим из кошмаров – единую капиталистическую Германию, члена НАТО [7, с. 61]. Исчезновение ГДР, таким образом, представляется не как прямое следствие ноябрьских событий 1989 г. в Берлине, а как результат острых

финансовых проблем СССР, деградации его экономической системы и готовности ФРГ оказать прямую и косвенную материальную поддержку [2, с. 170; 14, с. 428–434; 22, с. 282; 23, с. 193; 24, с. xi].

Заключение. Исследование, проводимое в рамках внешнеполитического подхода, предусматривает: а) определение качественно новых явлений во внешней политике отдельных государств и/или системе международных отношений в целом; б) изучение и анализ этих явлений в качестве факторов, определяющих динамику заявленной проблемы. Исследование краха ГДР в рамках внешнеполитического подхода в британской и американской историографии предполагает выделение и анализ следующих основных триггеров: новая восточная политика ФРГ (усиление финансово-экономического и идеологического проникновения в ГДР); изменения в мировой экономической системе и структуре экономики капиталистических стран в 1970-е гг. (неблагоприятная для ГДР ситуация на энергетическом рынке, падение объемов внешней торговли, рост внешнего долга); политика перестройки в СССР (новое политическое мышление и нарастание идеологических разногласий между КПСС и СЕПГ). Вместе с тем внешнеполитический подход не объясняет механизмы и пути формирования революционной ситуации внутри ГДР. Изучение этих аспектов германской проблемы в британской и американской историографии проводится в рамках других подходов.

Литература

1. Grix, J. The role of the masses in the collapse of the GDR / J. Grix. – London: Macmillan, 2000. – 213 p.
2. Grieder, P. «To learn from the Soviet Union how to win»: the East German revolution 1989–90 / P. Grieder // Revolution and resistance in Eastern Europe / Ed. by K. McDermott, M. Stibbe. – Oxford: Berg, 2006. – P. 157–179.
3. Fulbrook, M. The two Germanies, 1945–1990. Problems of interpretation / M. Fulbrook. – London: Macmillan, 1992. – 114 p.
4. Armstrong, T. Breaking the ice: rapprochement between East and West Germany, the United States and China, and Israel and Egypt / T. Armstrong. – Washington: United States Institute of Peace Press, 1993. – 187 p.
5. Hughes, G. Britain, Germany and the cold war. The search for European détente, 1949–1967 / G. Hughes. – London; New York: Routledge, 2007. – 253 p.
6. Hughes, G. The ghosts of appeasement: Britain and the legacy of Munich agreement / G. Hughes // Journal of Contemporary History. – 2013. – Vol. 46. – № 4. – P. 688–716.
7. Stent, A. The one Germany / A. Stent // Foreign Policy. – № 81 (Winter 1990–1991). – P. 53–70.
8. Turner, H.A. Germany from partition to unification / H.A. Turner. – New Haven and London: Yale University Press, 1992. – 269 p.
9. Garton Ash, T. Mitteleuropa? / T. Garton Ash // Daedalus. – 1990. – Vol. 119. – № 1. – P. 1–21.
10. Fowkes, B. The rise and fall of communism in Eastern Europe / B. Fowkes. – London: Macmillan, 1993. – 228 p.
11. McCauley, M. Russia, America and the Cold War, 1949–1991 / M. McCauley. – Harlow: Pearson Longman, 2004. – 193 p.

-
12. Banchoff, T. The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995 / T. Banchoff. – Michigan: The University of Michigan, 1999. – 230 p.
 13. Childs, D. The fall of the GDR: Germany's road to unity / D. Childs. – London; New York: Routledge, 2014. – 386 p.
 14. Newnham, R. The price of German unity / R. Newnham // German Studies Review. – 1999. – Vol. 22. – № 3. – P. 421–446.
 15. Blanton, T. Ronald Reagan, George H.W. Bush, and the revolutions of 1989: American myths versus the primary sources / T. Blanton // Imposing, maintaining and tearing open the iron curtain. The Cold War and East-Central Europe, 1945–1989 / Ed. by M. Kramer, V. Smetana. – New York: Lexington, 2014. – P. 279–304.
 16. Gaddis, J.L. The Cold War / J.L. Gaddis. – London: Allen Lane, 2006. – 331 p.
 17. Fulbrook, M. History of Germany 1918–2000. The divided nation / M. Fulbrook. – Oxford: Blackwell, 2005. – 337 p.
 18. Roberts, G. The Soviet Union in world politics. Coexistence, revolution and cold war, 1945–1991 / G. Roberts. – London; New York: Routledge, 1999. – 125 p.
 19. Allen, B. Germany East. Dissent and opposition / B. Allen. – Montreal; New York: BlackRose, 1991. – 226 p.
 20. Caldwell, P. Dictatorship, state planning, and social theory in the German Democratic Republic / P. Caldwell. – Cambridge: Cambridge University, 2003. – 220 p.
 21. Stibbe, M. The SED, German communism and the June 1953 uprising: new trends and new research / M. Stibbe // Revolution and resistance in Eastern Europe / Ed. by K. McDermott, M. Stibbe. – Oxford: Berg, 2006. – P. 37–56.
 22. Maier, C. Dissolution: the crisis of communism and the end of East Germany / C. Maier. – Princeton: Princeton University, 1997. – 440 p.
 23. Sarotte, M. 1989: The struggle to create post-cold war Europe / M. Sarotte. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 349 p.
 24. Pittman, A. From Ostpolitik to reunification: West German – Soviet political relations since 1974 / A. Pittman. – New York: Cambridge University Press, 1992. – 226 p.

Поступила в редакцию 10.10.2019

Социальная политика Российской империи на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг.: сущность, этапы, особенности

Моторова Н.С.

Белорусский государственный университет, Минск

Формирование феномена социальной политики в Российской империи было обусловлено переходом к индустриальному типу цивилизации.

Цель статьи — анализ эволюции содержания и ведущих направлений государственной социальной политики на территории Беларуси в пореформенный период.

Материал и методы. *Исследование подготовлено на основе анализа законодательных актов, представленных в «Полном собрании законов Российской империи» и «Своде законов Российской империи», материалов из фондов Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Национального исторического архива Беларуси в Минске, Национального исторического архива Беларуси в Гродно. Для достижения поставленной цели использовались анализ, синтез, историко-генетический и историко-сравнительный методы.*

Результаты и их обсуждение. *В Российской империи социальная политика начала оформляться после отмены крепостного права. Она включала в себя совершенствование системы здравоохранения, предотвращение эпидемий, помощь лицам с психофизическими особенностями развития, общественное призрение и борьбу с нищенством, поддержку лиц, пострадавших от стихийных бедствий, пенсионное обеспечение, социальное страхование. В реализации государственной социальной политики на территории белорусских губерний можно выделить три этапа: 1861–1881 гг., 1881–1894 гг., 1894–1914 гг. Ее специфика была связана с особенностями социально-экономического и общественно-политического развития региона в пореформенный период.*

Заключение. *Государственная социальная политика была ориентирована на сохранение внутренней стабильности через решение наиболее острых социальных проблем населения.*

Ключевые слова: *социальная политика, социальные проблемы, Российская империя, белорусские губернии.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 42–45)

Social Policy of the Russian Empire on the Territory of Belarusian Provinces in 1861–1914: Essence, Stages, Features

Motorova N.S.

Belarusian State University, Minsk

The formation of the phenomenon of social policy in the Russian Empire was due to the transition to the industrial type of civilization.

The purpose of the article is to trace the evolution of the content and main directions of state social policy in Belarus in the post-reform period.

Material and methods. *The study was prepared on the basis of the analysis of legislative acts presented in the “Complete collection of laws of the Russian Empire” and “The Code of laws of the Russian Empire”, materials from the funds of the Russian State Historical Archive in St. Petersburg, the National Historical Archive of Belarus in Minsk, the National Historical Archive of Belarus in Grodno. To achieve this goal, analysis, synthesis, historical-genetic and historical-comparative methods were used.*

Findings and their discussion. *In the Russian Empire social policy began to take shape after the abolition of serfdom. It included improving the health care system, preventing epidemics, helping people with psychophysical disabilities, social charity and combating poverty, supporting people affected by natural disasters, retirement benefits, and social insurance. In the implementation of state social policy on the territory of the Belarusian provinces, three stages can be distinguished: 1861–1881, 1881–1894, 1894–1914. Its specificity was due to the peculiarities of the social and economic as well as social and political development of the region in the post-reform period.*

Conclusion. *State social policy was focused on maintaining internal stability through solving the most acute social problems of the population.*

Key words: *social policy, social problems, the Russian Empire, Belarusian provinces.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 42–45)

Формирование феномена социальной политики было связано с переходом к индустриальному типу цивилизации. Новые социально-экономические условия, выражавшиеся в изменении социальной структуры населения, интенсификации миграционных процессов, развитии путей сообщения, урбанизации и индустриализации, привели к возникновению широкого спектра социальных проблем. Государство должно было приступить к их разрешению для сохранения внутривластной стабильности.

На сегодняшний день проблема формирования социальной политики в Российской империи и ее реализация на региональном уровне во второй половине XIX — начале XX в. остается малоизученной темой. Теоретические и исторические аспекты ее развития были охарактеризованы в монографии Т.Ю. Сидориной «Два века социальной политики» [1]. В ней исследователь благодаря анализу социологических и социально-философских учений и учету специфики внутривластного развития России и западноевропейских стран проследила эволюцию содержания социальной политики и выделила методы ее реализации.

Цель статьи — анализ эволюции содержания и ведущих направлений государственной социальной политики на территории Беларуси в пореформенный период.

Материал и методы. Данная публикация подготовлена на основе анализа законодательных актов, представленных в «Полном собрании законов Российской империи» и «Своде законов Российской империи», а также материалов, собранных в ходе научно-исследовательской работы в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, Национальном историческом архиве Беларуси в Минске, Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно. Методологическая база исследования — общенаучные и специально-исторические методы. Анализ и синтез позволили выявить сущность государственной социальной политики после отмены крепостного права. Благодаря использованию историко-генетического метода удалось проследить эволюцию ее основных направлений на протяжении 1861–1914 гг. Применение историко-сравнительного метода помогло определить характерные особенности реализации государственной социальной политики на территории белорусских губерний по сравнению с центральными регионами Российской империи.

Результаты и их обсуждение. Понятие «социальная политика» зародилось в Пруссии. Впервые данный термин встречается в 1853 г. в работе немецкого философа В.Х. Ри «Естественная история народа как основа немецкой социальной политики», некоторое время он использовался в качестве синонима «государственного социализма» [2, с. 167]. За почти двухсотлетний период смысловое содержание термина прошло значительную эволюцию, которая была обусловлена теоретическим обоснованием идей социального государства и их практическим воплощением во второй половине XX в.

В Российской империи термин «социальная политика» постепенно начинает применяться в администра-

тивно-правовой практике после отмены крепостного права. Однако данное понятие имело разные трактовки. Так, русский публицист и юрист В.В. Водовозов в статье «Социальный вопрос и социальная политика» указал, что главная цель социальной политики заключается в улучшении положения рабочего класса [3, с. 73]. В то же время сотрудник МВД и Попечительства о трудовой помощи Е.Д. Максимов в своей работе «Происхождение нищенства и меры борьбы с ним» фактически сместил основной фокус социальной политики с рабочего вопроса на проблему пауперизации. Соответственно, под этим термином он понимал комплекс государственных мероприятий, ориентированных на улучшение бытовых условий жизни трудящихся (как рабочих, так и крестьян) для предотвращения нищенства [4, с. 115]. Г.Г. фон Витте, управляющий Отделом народного здоровья и общественного призрения Главного управления по делам местного хозяйства МВД, во время своего выступления в Санкт-Петербурге на открытии съезда по общественному призрению 11 мая 1914 г. также использовал термин «социальная политика». Он указал, что ее цель заключалась в «предупреждении бедности и устранении существующей нужды в призрении» [5, с. 486].

В целом на протяжении 1861–1914 гг. не былработан единый подход к определению понятия социальной политики, однако наметилась тенденция понимания ее как комплекса мер, направленных на предупреждение пауперизации и решение социальных проблем общества в целом. В ее основе лежал принцип бедноцентризма, что было характерно для абсолютного большинства европейских государств середины XIX в. [6, с. 34–35]. Оформившись в условиях перехода к индустриальному типу общества и разрушения традиционных социальных структур, данное направление внутренней политики государства было первоначально ориентировано на оказание помощи социально уязвимым слоям населения и на предотвращение негативных последствий стихийных бедствий, катастроф, голода, эпидемий и т.п. Тем самым государственные институты стремились предотвратить маргинализацию и пауперизацию населения, которые представляли угрозу внутренней стабильности. Однако основные направления и базовые принципы, регулировавшие социальную политику Российской империи, были закреплены правовыми нормами, разработанными в дореформенный период и закрепленными в Уставе врачебном, Уставе о народном продовольствии, Уставе о общественном призрении [7].

Исходя из вышеизложенного, социальная политика Российской империи представляла собой направление внутривластной деятельности государства, в рамках которого осуществлялась координация действий различных институтов власти и общественных организаций по решению таких социальных проблем, как совершенствование системы здравоохранения, предотвращение эпидемий, помощь лицам с психофизическими особенностями развития, развитие общественного призрения и борьба с нищенством, поддержка лиц, пострадавших от стихий-

ных бедствий и неурожаев, организация пенсионного обеспечения и социального страхования. Эффективность их разрешения оказывала прямое влияние на условия и качество жизни большей части населения белорусских губерний в пореформенное время, а значит, и на сохранение внутривластной стабильности и предотвращение пауперизации и маргинализации общества.

Однако в этот период социальная политика находилась в процессе становления, ее отдельные направления развивались с разной интенсивностью. Это было обусловлено тем, что по мере трансформации социальной структуры и социально-экономических условий изменялись ее приоритеты и задачи. Так как социальная политика являлась одной из структурных составляющих внутренней политики Российской империи, то выбор ее приоритетных направлений и их реализация напрямую зависели от воли правящего императора и тех конкретных задач и социальных проблем, на разрешение которых были ориентированы высшие и центральные правительственные учреждения. Исходя из этого, при установлении основных этапов реализации государственной социальной политики на территории белорусских губерний наиболее целесообразно ориентироваться на периодизацию политической истории Российской империи после отмены крепостного права. Соответственно, в ее развитии можно выделить три основных этапа.

Первый этап (1861–1881 гг.) пришелся на время правления императора Александра II. В центральных регионах Российской империи в этот период происходило перераспределение социальных функций в пользу системы местного самоуправления и привлечение местного населения к разрешению социальных проблем. Однако в белорусских губерниях ситуация была кардинально иной. В связи с подавлением восстания К. Калиновского и жесткой позицией генерал-губернатора М.Н. Муравьева правительство отказалось от планов проведения земской реформы на территории края. Соответственно, на этом этапе происходила адаптация дореформенных институтов местного управления (приказов общественного призрения, комиссий народного продовольствия, комитетов общественного здоровья и пр.) к решению социальных проблем. Мероприятия, осуществляемые в указанный период, рассматривались как временные — до проведения земской реформы и возложения на земства основных функций по решению социальных проблем населения белорусских губерний. В это время были внесены изменения в организацию народного продовольствия и страхования от пожаров, сформированы губернские продовольственные и страховые капиталы, заложены основы организации медицинской помощи в сельской местности. Кроме того, из государственного бюджета выделялись дополнительные средства для оказания финансовой поддержки местных приказов общественного призрения.

Хронологические рамки второго этапа охватывают 1881–1894 гг. и совпадают со временем правления Александра III. Для него было характерно усиление консервативных тенденций. В этот период в белорус-

ских губерниях формируется региональная модель социальной политики и четко определяется ее финансовая база. На данном этапе происходит отказ от идеи проведения земской реформы в регионе и развиваются альтернативные механизмы решения социальных проблем населения, которые базируются на использовании административно-бюрократического ресурса. Это выразилось в совершенствовании сельско-врачебной части, расширении деятельности распорядительных комитетов, в руках которых был сосредоточен контроль за финансовым обеспечением развития социальной инфраструктуры в сельской местности, в трансформации системы земских повинностей в один из основных источников финансирования социальной сферы. В масштабах всего государства в обозначенный период получила развитие система пенсионного обеспечения и начало уделяться внимание положению лиц с особенностями психофизического развития. Однако основную роль по их поддержке играли не государственные институты, а общероссийские благотворительные организации (Попечительство о слепых и Попечительство о глухонемых), чья деятельность распространялась на территорию белорусских губерний.

Третий этап (1894–1914 гг.) пришелся на время правления Николая II. Он характеризовался распадом единой региональной модели социальной политики. На этом этапе в результате введения управлений по делам земского хозяйства в 1903 г. на территории Витебской, Минской и Могилевской губерний были ликвидированы распорядительные комитеты, приказы общественного призрения, комиссии народного продовольствия, а их обязанности возложены на новые органы самоуправления. В 1911 г. их сменили земства. Однако подобные изменения не коснулись Гродненской и Виленской губерний, где сохранялась сложившаяся ранее модель социальной политики. Реформы 1903 и 1911 гг. имели как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, они способствовали более активному привлечению местного населения к решению социальных проблем и вообще к участию в жизни региона, а также подталкивали органы городского самоуправления к развитию социальной инфраструктуры в связи с переподчинением социальных объектов, расположенных в городах, сначала управлениям по делам земского хозяйства, а затем земствам. Но в то же время в результате проводимых реформ разрушалось единое социально-экономическое и общественно-политическое пространство белорусских губерний. В масштабах всего государства происходила эволюция общей концепции социальной политики. Это выразилось в дальнейшем развитии системы пенсионного обеспечения и создании социального страхования, что фактически означало зарождение нового направления — социальной защиты. Кроме того, на правительственном уровне начала активно обсуждаться необходимость полного пересмотра уставов, регулировавших основные направления государственной социальной политики: здравоохранение, общественное призрение, народное продовольствие.

Более подробный анализ мероприятий социальной политики, реализуемых на территории белорусских губерний на протяжении 1861–1914 гг., позволяет выделить их отличительные особенности по сравнению с центральными регионами Российской империи. К ним относятся следующие:

- повышенная роль в решении социальных проблем населения белорусских губерний Главного комитета об устройстве сельского состояния, функционировавшего на протяжении 1861–1882 гг. и находившегося в непосредственном ведении императора;

- значительное влияние виленского генерал-губернатора на реализацию мероприятий социальной политики, так как ни одна реформа на территории белорусских губерний не могла быть проведена без предварительной консультации с ним;

- сохранение до начала XX в. дореформенных институтов (приказов общественного призрения, комитетов народного здоровья, комиссий народного продовольствия), которые по мере возможности адаптировались к решению социальных проблем населения;

- непоследовательное и неравномерное реформирование системы местного самоуправления, на которую были возложены основные задачи по развитию социальной сферы в регионах;

- активное привлечение ресурсов местного налогообложения (мирских и земских повинностей), средств сословных обществ, благотворительных организаций и частных лиц для развития социальной инфраструктуры;

- сохранение до начала 1880-х гг. частичного финансирования из государственного бюджета деятельности приказов общественного призрения белорусских губерний, в чьем ведении находились медицинские и благотворительные учреждения в городах;

- устаревшая нормативно-правовая база, регулировавшая реализацию на территории белорусских губерний таких важных направлений социальной политики, как развитие медицинской помощи в городах, общественное призрение, поддержка населения при неурожаях;

- повышенное внимание к организации медицинского обслуживания в сельской местности, которое регулировалось отдельными правовыми актами, разработанными при непосредственном участии представителей местной губернской администрации;

- отсутствие каких-либо ограничений по национальному и конфессиональному признаку при решении наиболее острых социальных проблем, например, при оказании помощи пострадавшим от пожаров или нетрудоспособным жителям;

- наиболее прогрессивными направлениями социальной политики на территории белорусских губерний являлись пенсионное обеспечение и социальное страхование, так как регулировавшая их развитие нормативно-правовая база разрабатывалась с учетом новых

социально-экономических условий, не испытывала на себе влияния дореформенного законодательства и не содержала в себе каких-либо ограничений по этноконфессиональному признаку.

Заключение. Социальная политика Российской империи на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг. была ориентирована на решение наиболее актуальных социальных проблем, с которыми сталкивалась большая часть населения после отмены крепостного права. Их успешное разрешение напрямую влияло на качество жизни, сохранение трудовых ресурсов, поддержание внутривластной стабильности через предотвращение пауперизации и маргинализации. Основные направления социальной политики включали в себя организацию медицинской помощи в городах и сельской местности, предотвращение эпидемий, поддержку нетрудоспособных лиц и лиц с особенностями психофизического развития, борьбу с нищенством, помощь жителям, пострадавшим от стихийных бедствий и неурожаям, пенсионное обеспечение и социальное страхование. На территории белорусских губерний в своем развитии она прошла три этапа: 1861–1881 гг., 1881–1894 гг., 1894–1914 гг. Региональная модель социальной политики имела ряд отличительных черт, обусловленных особенностями социально-экономического развития региона в пореформенное время, специфической этноконфессиональной структурой населения и проведением ограничительных мероприятий после подавления восстания 1863–1864 гг.

Литература

1. Сидорина, Т.Ю. Два века социальной политики / Т.Ю. Сидорина. – М.: Издат. центр РГТУ, 2005. – 441 с.
2. Политическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; руководитель проекта Г.Ю. Семин. – М.: Наука, 1999. – Т. 2: Н–Я. – 701, [2] с.
3. Водовозов, В.В. Социальный вопрос и социальная политика / В.В. Водовозов // Энциклопедический словарь: в 82 т., 4 доп. т. / изд.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб.: Семеновская типо-лит. (И.А. Ефрона): Тип. Акц. об-ва Брокгауз–Ефрон, 1890–1907. – Т. XXXI: София – Статика, 1900. – С. 72–75.
4. Максимов, Е.Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним / Е.Д. Максимов. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1901. – 135 с.
5. Труды Съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.: в 2 т. – Петроград: Тип. В. Безобразова и К°, 1914. – Т. I: Доклады и материалы заседаний. – [8], XXXV, [3], 743, [3] с.
6. Сидорина, Т.Ю. На пути к мировой социальной политике / Т.Ю. Сидорина // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3, № 1: Глобализация и социальная политика. – С. 29–38.
7. Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный: в 15 т. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. Второго Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 13: Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. – 978 с. разд. паг.

Поступила в редакцию 11.10.2019

Причины введения рекрутской повинности для евреев Российской империи: историко-правовой аспект

Некрашевич Ф.А.

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

В данной публикации раскрывается проблема распространения в 1827 г. обязанности военной службы на еврейское население Западных губерний Российской империи. Акцент сделан на военных аспектах проблемы, которые побудили армейское руководство привлечь на службу представителей еврейской диаспоры.

Цель статьи — раскрыть мотивы привлечения евреев на службу в российскую императорскую армию.

Материал и методы. *Источники представлены документами законодательства и материалами делопроизводства (циркулярами Военного министерства, официальной перепиской). При этом были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).*

Результаты и их обсуждение. *Раскрывается взаимосвязь нехватки личного состава в вооруженных силах Российской империи с постепенным распространением рекрутчины на различные социальные и этнические группы. Изменения в системе комплектования армии Российской империи рассматриваются через призму масштабной эволюции в комплектовании вооруженных сил европейских государств конца XVIII — начала XIX в. Определяются основные направления политики российских властей по адаптации рекрутов из числа евреев к условиям военной службы.*

Заключение. *Следовательно, распространение рекрутской повинности на евреев было тесно связано с попыткой решить кадровую проблему армии Российской империи.*

Ключевые слова: *вооруженные силы, рекрутская повинность, евреи, Российская империя, черта оседлости, военные кантонисты.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 46–49)

Reasons for the Introduction of the Conscription among Jews of the Russian Empire: the Historical and Legal Aspect

Nekrashevich P.A.

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

The article reveals the problem of the extension of the duties of military service to the Jewish population of the Western governorates of the Russian Empire in 1827. The emphasis is placed on the military aspects of the problem, which prompted the army leadership to recruit members of the Jewish diaspora.

The purpose of this article is to reveal the motives for attracting Jews to serve in the Russian Imperial Army.

Material and methods. *The research basis is legislation documents and clerical materials (decrees of the Military Ministry, official correspondence). The article is based on the principles of scientific research (historicism, objectivity and consistency), as well as scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction).*

Findings and their discussion. *Attention was paid to the interrelation of the shortage of staff in armed forces of the Russian Empire with gradual distribution of the recruitment system on various social and ethnic groups of the state. Changes in the recruitment system of the Russian army were shown in interrelation with large-scale changes in armed forces of the European states during 18th — 19th centuries. The author describes the main directions of the policy of the Russian authorities on the adaptation of the Jewish recruits to the conditions of military service.*

Conclusion. *The spread of recruitment to the Jews was closely connected with an attempt to solve the personnel problem of the Russian army.*

Key words: *armed forces, Jews, Russian Empire, pale of settlement, cantonists, conscript obligation.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 46–49)

Одной из самых трагических и в то же время противоречивых страниц в истории еврейской общины Российской империи является распространение на данную группу населения в 1827 г. рекрутской повинности. Этот проект стал началом не только длительного и мучительного процесса по привлечению еврейской диаспоры к военной службе в российской армии, но и значительно повлиял на постепенное уравнивание евреев в правах с христианским населением империи.

В историографии, посвященной обозначенной проблеме, принято выделять несколько причин распространения рекрутской повинности на еврейское население. Во-первых, самое известное представление, что рекрутский набор явился началом проведения политики русификации среди еврейского населения. Российские власти стремились провести культурную интеграцию населения с целью упрочнения внутривластного положения империи [1, с. 47–48]. Во-вторых, рекрутские еврейские наборы были тесно связаны с экономической политикой государства. Ряд исследователей считают, что российские власти стремились различными средствами поддерживать предпринимателей и ремесленников христианских конфессий (в первую очередь православной). Ослаблению данной конкуренции могло способствовать уменьшение численности еврейского населения городов и местечек. Одним из методов борьбы с перенаселенностью должны были стать рекрутские наборы, которые позволяли лишать диаспору значительной части экономически активного населения [2, с. 32]. В-третьих, распространение рекрутчины на иудейское население было вызвано желанием ослабить воинскую повинность для христианского населения страны. Подавляющее большинство населения Российской империи в то время составляли крестьяне, которые являлись важнейшим поставщиком людских ресурсов для армии. Экономические проблемы, с которыми столкнулось правительство Николая I, не позволяли безболезненно увеличивать рекрутские наборы, что негативно повлияло бы на экономику страны. В связи с этим власти были вынуждены привлечь к военной службе еврейское население [3, с. 7].

Таким образом, российское правительство, призывая евреев в армию, руководствовалось целым комплексом причин. Авторы вышеуказанных идей ставят во главу угла экономические или же политические факторы. Однако не следует забывать, что рекрутская повинность – в первую очередь военная сфера, поэтому одной из причин ее введения не могло не быть стремление улучшить состояние российской армии.

Цель статьи – раскрыть мотивы привлечения евреев на службу в российскую императорскую армию.

Материал и методы. Материалом исследования является рекрутская повинность населения Российской империи. Источники представлены документами законодательства и материалами делопроизводства (циркулярами Военного министерства, официальной

перепиской). При этом были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты и их обсуждение. Введение рекрутской повинности для евреев в Российской империи было тесно связано с масштабными изменениями в комплектовании вооруженных сил европейских государств, которые происходили в конце XVIII – начале XIX в. До этого времени армии ведущих держав формировались на основе рекрутской повинности, которая основывалась на принудительном зачислении в армию новобранцев путем жребия на очень длительный срок. Одним из итогов Французской революции 1789 г. было учреждение всеобщей (с некоторыми оговорками) воинской повинности, что впоследствии привело к коренному изменению в расстановке сил на европейском континенте. Революционная Франция, имея гораздо меньшее население, чем ее противники, смогла добиться превосходства в войнах 1792–1802 гг. благодаря новой системе комплектования, т.к. всеобщая воинская повинность позволяла мобилизовать в армию значительное число солдат. Кроме того, данная реформа давала возможность в мирное время держать достаточно небольшую по численности армию благодаря наличию многочисленного и подготовленного резерва из числа уволенных в запас солдат.

Применительно к Российской империи отсутствие хорошо подготовленных резервов влекло за собой возникновение еще одной острой проблемы: в российской армии существовал постоянный некомплект личного состава. По мнению исследователя Ю.Ф. Прудникова, хронический некомплект нижних чинов армии формально составлял 8–10%, а фактически 15–20% ее штатного состава [4, с. 195]. Строго фиксированная численность новобранцев в период рекрутского набора (некоторые из них становились дезертирами, преступниками или негодными к службе), а также отсутствие иных механизмов массового пополнения рядового состава не позволяли кардинально решить проблему некомплекта войск.

Тем не менее воинская повинность появилась в Российской империи только через 81 год после формирования подобной системы во Франции. Принято считать, что причиной подобного отставания было сохранение в стране феодальных пережитков [5, с. 156]. Введение всеобщей воинской повинности неизбежно должно было привести к серьезному пересмотру прав и обязанностей подавляющего большинства подданных империи. На это не мог решиться ни Александр I, ни Николай I. Однако российские власти были обязаны отвечать вызовам времени. Военные реформы позволили ведущим европейским государствам значительно увеличить свои вооруженные силы в военное время за счет организованных резервов. Российское правительство, лишившись численного перевеса над своими противниками, вынуждено было разрабатывать ответные меры, направленные на увеличение численности вооруженных сил.

Мероприятия высшего военного руководства, осуществленные в 1800–1856 гг., можно условно разделить на три группы. Во-первых, попытка создания резервов для вооруженных сил путем созыва ополчения. В периоды наивысшей угрозы правительство массово призывало в армию представителей податных сословий. Во-вторых, создание военных поселений, которые должны были решить не только проблему создания резервов, но и материального обеспечения войск в мирное время. Однако подобные проекты не могли кардинально решить проблему создания организованного запаса для вооруженных сил. Военные ополчения были малоэффективными, их созыв подрывал экономику государства. В-третьих, серия преобразований рекрутской системы, направленных на повышение ее эффективности. Преобразования проводились по нескольким направлениям: частичное уменьшение срока службы, изменение порядка набора рекрутов, распространение рекрутской повинности на новые группы населения. С целью создания подготовленного резерва в 1834 г. было принято решение о предоставлении бессрочного отпуска солдатам, беспорочно отслужившим 15 лет, что позволило правительству сформировать организованный и относительно малочисленный резерв для вооруженных сил. Вместо всеобщих рекрутских наборов в 1834 г. были введены так называемые частные наборы, которые попеременно охватывали северную и южную (позднее восточную и западную) части Российской империи. Однако данная мера не могла кардинальным образом повлиять на ситуацию [3, с. 43, 72].

Итак, российское правительство стремилось расширить круг лиц, на которые распределялась обязанность несения военной службы, что помогало частичному решению сразу нескольких проблем. Во-первых, она позволяла увеличить при необходимости численность вооруженных сил за счет большего числа новобранцев. Во-вторых, государство имело возможность не обременять дополнительными наборами крестьян и мещан, являвшихся основным источником налоговых поступлений в государственную казну. По этой причине российское правительство прекрасно понимало, что, забирая у крестьян или горожан еще одного рекрута, оно лишает себя же части податей. В-третьих, распространение рекрутской повинности на как можно большую численность населения давало дополнительные возможности для формирования запаса вооруженных сил.

По мнению российских властей, рекрутская повинность могла быть распространена на следующие группы населения: шляхту, не имеющую возможности документально подтвердить свою сословную принадлежность; часть духовенства, население Королевства Польского и евреев. Таким образом, еврейская диаспора была далеко не единственной социальной группой российского общества, на которую распространялась рекрутская повинность.

Для каждой из вышеперечисленных категорий населения воинская служба шла вразрез с их религиозными и политическими убеждениями. Тем не менее российское военное командование было вправе ожидать от уроженцев Королевства Польского или от шляхты западных губерний наличия хороших навыков боевой службы, что нельзя было сказать о представителях еврейской диаспоры. Иудейская традиция отрицала службу в вооруженных силах, и поэтому в историографии вопрос о еврейской рекрутской повинности до сих пор вызывает повышенный интерес. Неспособность большинства евреев нести полноценную боевую службу породила мнение о том, что еврейская рекрутская повинность носила сугубо политический характер.

Официально рекрутскую повинность для евреев ввели в Российской империи Сенатским указом от 26 августа 1827 г., согласно которому ранее взываемый с диаспоры денежный сбор заменялся рекрутским набором. В тот же день был издан «Устав рекрутской службы и военной повинности для евреев», ключевым отличием которого являлся установленный возраст призываемых на службу лиц. Так, если по правилам 91-го набора (1827 г.) возраст потенциальных рекрутов из числа христиан должен был варьироваться от 18 до 35 лет, то для евреев данный диапазон составлял от 12 до 25 лет [6, № 1330]. В соответствии с Уставом евреи, не достигшие 18 лет, поступали на действительную военную службу не сразу, а лишь после пребывания в институте военных кантонистов. Данное учреждение занималось подготовкой несовершеннолетних к будущей военной службе [7, с. 78]. Таким образом, российские власти изначально ставили перед собой задачу не получить уже готовых к полноценной военной службе солдат, а воспитать будущих воинов.

Подавляющее большинство солдат-евреев выполняли в вооруженных силах особую роль. В состав подразделений российской армии входил значительный вспомогательный персонал: музыканты, рабочие ремесленных специальностей, а также лица, ответственные за логистику [8, с. 13]. Как известно, из-за отсутствия возможности владеть землей иудейское население в черте оседлости занималось ремесленной деятельностью, предпринимательством, работало в сфере услуг, поэтому служба во вспомогательном персонале российской армии идеально подходила для них. С одной стороны, евреи являлись квалифицированными ремесленниками и поэтому могли обеспечить армию необходимыми специалистами. С другой стороны, это позволяло освободить прочих рекрутов от несения службы во вспомогательных частях и перевести их на службу в подразделения, призванные решать непосредственно боевые задачи. Неудивительно, что большинство сведений о службе евреев в российской армии в первой половине XIX в. связано со службой во вспомогательных частях.

Российское военное командование прекрасно представляло ограниченные боевые возможности военнослужащих из числа евреев. Еврейские дети

из числа военных кантонистов показывали ниже среднего уровня готовность к несению службы и сравнительно высокую степень владения навыками военной учебы, что старалось учитывать Военное руководство при определении места их будущей службы. До сих пор в историографии отсутствует специальное исследование о местах службы рекрутов иудейского вероисповедания, однако имеющиеся сведения позволяют сделать некоторые выводы о данном вопросе. Так, во время первого рекрутского набора рекруты из числа евреев поступили на службу в военно-морской флот [9, л. 13–14]. Материалы, связанные с распределением на военную службу кантонистов из числа евреев в период 1827–1840 гг., указывают на то, что 43,8% представителей иудейского вероисповедания направлялись на службу во вспомогательные части (учебные, маршевые и саперные роты, музыкальные подразделения, штабы резервных кавалерийских корпусов, рабочие команды, сигналисты варшавской телефонной линии, батальоны военных кантонистов, фельдшеры, мастеровые, оружейные и паровые заводы). Кроме того, 13,3% кантонистов были распределены в военные подразделения, вероятность участия которых в боевых действиях была крайне мала (резервные дивизии, внутренняя стража). Имеющиеся сведения об оставшихся 42,9% еврейских военнослужащих, распределенных в основные армейские подразделения (гвардейские, кавалерийские и пехотные полки), позволяют предполагать, что значительная их часть также выполняла вспомогательные задачи в роли денщиков, музыкантов и т.д. [2, с. 87–89].

Заключение. Таким образом, одной из причин распространения рекрутской повинности на еврейское население была попытка облегчить решение кадрового вопроса в вооруженных силах Российской империи. Взрослые рекруты из еврейской диаспоры могли эффективно выполнять вспомогательные задачи в вооруженных силах. Массовая запись еврейских детей в военные кантонисты свидетельствовала о том, что российское правительство верило в возможность перевоспитания юношей еврейской диаспоры в полноценных солдат российской армии. Распространение рекрутской

повинности на евреев, несмотря на ее репрессивный характер, содействовало постепенной ликвидации изоляции иудейского населения империи. Тем не менее попытка пополнить ряды армии и флота неквалифицированными рекрутами свидетельствовала о глубоком системном кризисе российских вооруженных сил.

Литература

1. Davies, F. Confessional policies toward Jews and Muslims in the Russian empire and the case of the army / F. Davies // *Jews and Muslims in the Russian empire and the Soviet Union* / ed. F. Davies.
2. M. Schulze Wessel, M. Brenner. – Gottingen, 2015. – P. 47–63.
3. Петровский-Штерн, Й. Евреи в русской армии 1827–1914 гг. / Й. Петровский-Штерн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 556 с.
4. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В.В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.
5. Ливчак, Б.Ф. Народное ополчение / Б.Ф. Ливчак // *Ученые труды Свердловского юридического института*. – 1961. – Т. 4. – С. 1. – 277 с.
6. Федоров, А.В. Русская армия в 50–70-х годах XIX века / А.В. Федоров. – Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959. – 291 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
8. Локшин, А.Е. Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I / А.Е. Локшин // *Вопросы истории*. – 2012. – № 7. – С. 77–85.
9. Николаев, Е.П. История 50-го пехотного Белостокского его высочества герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807–1907 гг. / Е.П. Николаев. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вилборг, 1907. – 426 с.
10. НИАБ. – Ф. 333. Минская казенная палата. Оп. 6. Д. 9: Циркуляры и расписание Инспекторского департамента Главного штаба е.и.в. о распределении рекрут 91 набора. 15.05–8.11.1827. – 320 л.

Поступила в редакцию 24.06.2019

Реализация турецко-туркменских проектов в сфере туризма

Худайбердиева Н.Х.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье раскрываются особенности формирования туркмено-турецких отношений в сфере туризма. Автор освещает механизмы сотрудничества Анкары и Ашхабада в туристической отрасли. В настоящее время данное направление сотрудничества для обеих стран обладает большими перспективами, при этом сформировано общее видение ситуации.

Цель работы — исследование вопроса туркмено-турецкого сотрудничества в развитии туризма в постсоветский период.

Материал и методы. *Источниками стали материалы СМИ, документы ТЮРКСОЙ. Основные методы: общенаучные — анализ, синтез, дедукция, индукция, системный анализ, специально-исторические — историко-системный, историко-типологический.*

Результаты и их обсуждение. *Туркменистан, как и Турция, обладает богатым потенциалом для реализации проектов в сфере туризма. Страна имеет выход к Каспийскому морю, в ней расположены исторические и архитектурные памятники, особые рекреационные зоны.*

Заключение. *В рассматриваемый период Туркменистан и Турция не смогли реализовать имеющиеся у стран перспективные возможности в области туризма. Туркменистан обладает богатым природным и культурно-историческим потенциалом для формирования собственной туристической отрасли. Турция имеет богатый опыт в туристической отрасли: строительство инфраструктуры, практику управления, привлечения туристов и др.*

Ключевые слова: *Турция, Туркменистан, туризм, экономика, дипломатия, внешняя политика.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 50–54)

Implementation of Turkish-Turkmen Tourism Projects

Khudaiberdieva N.Kh.

Belarusian State University, Minsk

The article disclosed features of the formation of Turkmen-Turkish relations in the tourism sector. The author highlights the features and mechanisms of cooperation between Ankara and Ashgabat in the tourism industry. At this stage, this area of cooperation for both countries has great prospects, they also have a common vision of the situation.

The research purpose is the study of the issue of Turkmen-Turkish cooperation in the development of tourism in the post Soviet period.

Material and methods. *The sources were mass media materials, documents of TURKSOY. The main research methods were general scientific methods of analysis, synthesis, deduction, induction, system analysis, as well as special historical methods such as historical-systemic, historical-typological.*

Findings and their discussion. *Turkmenistan as well as Turkey has a great potential for implementing tourism projects. The country has access to the Caspian Sea; it contains historical and architectural monuments, special recreational areas.*

Conclusion. *In the period under review, Turkmenistan and Turkey were not able to implement the potential of the countries in the field of tourism. Turkmenistan has a rich natural and cultural-historical potential for the formation of its own tourism industry. Turkey has rich experience in the tourism industry which is building of the infrastructure, management experience, attracting tourists, etc.*

Key words: *Turkey, Turkmenistan, tourism, economy, diplomacy, foreign policy.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 50–54)

В последние десятилетия туризм стал одним из важнейших и наиболее динамично развивающихся секторов мировой экономики. Обретение Туркменистаном независимости позволило стране направить усилия на поиск новых возможностей для развития своего экономического потенциала. Одним из таких направлений явилась туристическая сфера. Туркменское руководство рассматривало туризм как одну из самых перспективных и эффективных отраслей хозяйствования. Благоприятное воздействие на формирование этой сферы в Туркменистане оказали такие факторы, как наличие выхода к Каспийскому морю, ряд исторических и природных памятников. Сближение Ашхабада и Анкары в вопросах туристического потенциала основано на наличии у Турции необходимого туристического опыта, а также на существовании у Туркменистана рекреационных и культурных зон.

Вопросы развития туристического сектора в Туркменистане являются актуальной темой для исследования. Однако данная тема не получила широкого распространения в туркменской, российской и турецкой историографии.

Туркменская историография по теме исследования представлена работами Дж. Аррыковой [1], Ш.К. Хаитбаевой [2]. Указанные авторы рассматривают особенности формирования туристического потенциала Туркменистана в 1990–2000-е гг.

В частности, в статье Дж. Аррыковой «Будущее отелей в Березенги» рассматриваются перспективы формирования туристического потенциала в контексте привлечения иностранных, в том числе турецких, инвестиций в страну [1].

В публикации исследователя Ш.К. Хаитбаевой дается оценка стратегии развития туризма в Туркменистане путем создания «высокоэффективного и конкурентоспособного туристического комплекса» [2]. Автор отмечает, что туркменское руководство делает ставку на природный и культурный потенциал страны.

Кроме этого, нами использовались работы российских авторов Л.Б. Аристовой [3], Е.И. Уразовой [4], В.Ш. Хетагуровой [5]. Ученые рассматривают перспективы сотрудничества в туристическом потенциале Турции и Туркменистана в контексте развития туристической сферы в Турции, экономического и инвестиционного сотрудничества Анкары и Ашхабада.

Цель работы – исследование вопроса туркмено-турецкого сотрудничества в развитии туризма в постсоветский период.

Материал и методы. Источниковую базу составили материалы средств массовой информации, в том числе интернет-источники, материалы интернет-СМИ – Turkmenportal, информационный портал Туркменистана, Turkmenistan.ru, Turkmenistan, Золотой век, Вести Турции Босфор, позволившие сформировать общую картину современного состояния туркмено-турецкого сотрудничества в туристическом секторе.

Нами анализировались документы и правовые акты международных организаций, в том числе декларации Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) [6], Организации экономического сотрудничества (ОЭС) [7]. Эти документы позволяют оценить уровень сотрудничества Анкары и Ашхабада в туристическом секторе. Для исследования были привлечены законодательные акты Туркменистана, в частности, Закон Туркменистана «О туризме» [8].

При рассмотрении вопросов развития туристического потенциала Турции и Туркменистана в 1990–2000-е гг. были использованы общенаучные и специальные методы исследования.

Метод анализа помог выявить факторы, которые расширили возможности сотрудничества в туристическом секторе Турции и Туркменистана. Метод дедукции способствовал логическому описанию сотрудничества стран в туристическом секторе в 1990–2000-е гг., а метод индукции – обобщению информации о влиянии внутренних и внешних факторов на развитие туристического потенциала Туркменистана.

Среди специальных методов исследования международных отношений применялись контент-анализ, ивент-анализ, системный анализ.

Метод контент-анализа позволил сделать вывод на основе систематизации различных материалов (СМИ, сводок) о влиянии Турции на развитие туристической отрасли Туркменистана, метод ивент-анализа – определить элементы изучаемого процесса, сложности в формировании данных контактов в контексте развития двусторонних отношений, внешней и внутренней политики Туркменистана, метод системного анализа – установить структурные связи между изучаемыми вопросами.

Результаты и их обсуждение. Туристическая отрасль Турции начала развиваться с 1923 г., когда была образована Турецкая Республика. В межвоенный период в Турции сформировались определенные направления туристической отрасли, на развитие которых благоприятно влияли географическое положение страны, наличие выходов к морю, религиозных святынь, памятников культуры и архитектуры. После Второй мировой войны туристическая сфера в Турции сильно пострадала. Однако в 1950-е гг. началось ее возрождение: формировалось новое законодательство, шел процесс стимулирования предпринимателей, предоставление кредитов под низкие проценты. В 1972 г. была образована Ассоциация турецких туристических агентств, работа которой усовершенствовала деятельность туристической индустрии страны.

Кроме того, в 1970–1980-е гг. на территории Турции были построены и модернизированы аэропорты, так как пассажиропоток постоянно увеличивался [9].

Положительное влияние на развитие туристической отрасли в Турции оказывали природные условия – климат, протяженность морского побережья (Средиземного, Эгейского, Черного морей), что позволило стране сформировать пляжный отдых. Нали-

чие зеленых лесов и гор дало возможность создать в стране еще одно модное направление туристического сектора – пешеходный туризм. Кроме этого, историческое развитие страны, ее расположение на пути из Европы в Азию постоянно привлекает туристов, а также в связи с наличием памятников истории, культуры [3, с. 7].

Российский востоковед Л.Б. Борисова утверждает, что регион Центральной Азии, обладающий «богатыми и разнообразными рекреационными ресурсами», при привлечении большого количества туристических фирм, популяризации маршрутов в рамках международных туристических выставок и других мероприятий, способен вывести туристическую отрасль стран региона на новый уровень.

В 1990-е гг. в Турции получил развитие религиозный туризм, так как на территории Турции распространены три мировые религии, а сама страна богата архитектурными и культовыми памятниками, которые привлекают внимание людей разного вероисповедания [10, с. 45].

Таким образом, к 1991 г. у Турции имелся богатый опыт по развитию туристической отрасли, которым она могла поделиться с получившим независимость Туркменистаном.

Туркменистан обладает богатым историческим прошлым, которое берет начало в IV в. до н.э. Географическое положение Туркменистана на пути Великого шелкового пути помогло сохранить некоторые редкие культуры [5, с. 21].

Налаживание контактов в туристической сфере между Турцией и Туркменистаном началось с заключения двусторонних соглашений. 3 декабря 1991 г. было подписано Соглашение о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве между странами. 2 мая 1992 г. стороны подписали Соглашение о поощрении и защите иностранных инвестиций, что создавало базу для развития двустороннего диалога в туристической отрасли.

Благоприятно на двусторонних контактах в туристическом секторе сказалось создание при Министерстве иностранных дел Турции Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию (Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı) [4, с. 60]. Официальной целью работы ТИКА являлось оказание помощи в реализации и проведении совместными усилиями программ в сфере экономики, торговли, технологии, социокультурном и образовательном секторе.

16 марта 1993 г. между ТИКА и Туркменистаном был заключен дополнительный договор о сотрудничестве в экономической и социально-культурной сферах, а к нему прилагался протокол, по которому ТИКА был включен в структуру Министерства экономики и финансов Туркменистана.

В 1990-е гг. деятельность ТИКА в Туркменистане была направлена на развитие различных сфер, которые косвенно влияли на формирование туристической отрасли в стране – поддержка предприятий разной

величины, расширение инвестиционного сектора, использование инноваций и др. [4, с. 96].

В 1994 г. туркменский президент С. Ниязов инициировал создание государственной туристической корпорации «Туркменсыяхат». Ключевым направлением работы данного учреждения стало участие делегаций из Туркменистана в форумах, выставках, ярмарках и других мероприятиях по развитию туристической отрасли за рубежом [1, с. 8].

Формирование туристического сектора проходило поэтапно. В 1990-е гг. туристическая отрасль находилась на начальном этапе формирования. В 1997 г. Полномочный Посол Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Туркменистане Н.К. Хук в периодическом издании «Туризм и развитие», выходящем в Туркменистане, отметил ряд проблем, сдерживающих туристическую отрасль страны, – слабое развитие автомобильной и придорожной инфраструктуры, отсутствие подготовленных специалистов [11, с. 23].

Многостороннее сотрудничество в туристической отрасли могло активно развиваться в формате ТЮРКСОЙ. Во время саммита этой международной организации в Ташкенте была подписана Ташкентская декларация, которая инициировала готовность стран-членов совместными усилиями разработать и реализовать программу «Восстановление Шелкового пути: развитие познавательного туризма, возрождение, сохранение и устойчивое развитие культурного наследия тюркоязычных государств». Цель указанной программы состояла в формировании туристических маршрутов, создании соответствующей инфраструктуры [6, с. 174].

В 1990–2001 гг. турецкие компании осуществляли строительство в Туркменистане и инвестировали в различные проекты туристического назначения. Так, компания «Айгюн» построила ресторан, гостиницу «Небид-Даг». Компания «Асист» реализовала проекты трех гостиниц: одной в Ашхабаде и двух в Небид-Даге. Компания «ГАМА» построила в городе Туркменбаши гостиницу, а в Ашхабаде – культурный центр. Фирма «Менсел» создала ряд объектов в Ашхабаде: гостиницу «Туркмен», стадион, железнодорожный вокзал, занималась строительством городских дорог. Компания «СУММА» построила в Ашхабаде две гостиницы «Кара Алтын», «Небидчи». Фирма «Учген» осуществляла строительство здания Национального музея в Ашхабаде [4, с. 98–99].

В 2000-е гг. Турция продолжала укреплять свои позиции в Туркменистане в качестве надежного партнера в туристической сфере.

В рамках 7-й Стамбульской встречи глав государств и правительств Организации экономического сотрудничества (ОЭС) 14 октября 2002 г. была принята Декларация, которую, кроме представителей Турции и Туркменистана, подписали и другие участники ОЭС – Афганистан, Азербайджан, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан. В Стамбульской декларации стороны подтвердили

необходимость стимулирования многостороннего сотрудничества в туристической отрасли с целью расширения сотрудничества на профессиональном уровне [7, с. 180].

В 2000-е гг. в Турции туризм стал одним из самых доходных и развитых направлений экономического развития.

Приход в Туркменистане к власти Г. Бердымухамедова ознаменовал выход Ашхабада из международной изоляции, и как следствие – новый этап в реализации туристического потенциала страны. В 2007 г. туркменский президент объявил о начале создания национальной туристической зоны «Аваза» на берегу Каспийского моря, что включало в себя строительство курортной инфраструктуры, аэропорта, электростанции, мостов, фонтанов, пирсов для яхт и катеров [2, с. 11].

Масштабы проекта требовали привлечения инвестиций из других стран. С этой целью руководство страны ввело в зоне «Аваза» специальный туристический режим [12]. В 2010-е гг. продолжалась реализация проекта по созданию комплексного туристического объекта «Аваза». Строительство данного объекта представляло интерес для Турции и Туркменистана. Для Туркменистана строительство турецкой компанией Şahin İnşaat Gıda Tekstil ve Otomotiv S.T.Ş. туристического объекта являлось гарантом качественных работ, а также способствовало ознакомлению с подобными проектами в Турции. Для Анкары помощь в строительстве туристического проекта в Туркменистане представляла экономический интерес [13].

С 2012–2013 гг. в туристической зоне «Аваза» проходило обучение работников гостиничных комплексов. Оно проводилось специалистами по туристическому сервису из Турции.

10 мая 2010 г. в Туркменистане был принят Закон «О туризме», который ставил целью «создание правовой основы для становления туризма как высокорентабельной отрасли экономики и развития рынка туристических услуг, обеспечения занятости населения, увеличения валютных поступлений, защиты прав и законных интересов туристов и субъектов туристической деятельности, определение их обязанностей и ответственности» [8].

Законом предусматривались механизмы и формы расширения международных контактов в туристической отрасли – формирование международных связей с другими государствами, использование опыта иностранных коллег, осуществление совместной подготовки и переподготовки кадров в области туризма.

В 2010 г. под руководством руководителя Туркменистана Г. Бердымухамедова была принята «Национальная программа поддержки и развития в Туркменистане сферы туризма на 2011–2020 гг.». Целью принятой программы является формирование в стране высокоэффективной, конкурентоспособной туристической отрасли. Основные ее задачи следующие: увеличение количества туристических маршрутов, формирование национального туристического комплекса, учет мировых тен-

денций и иностранного опыта в контексте реализации поставленной цели, стимулирование сопутствующих отраслей экономики, популяризация национального природного и культурного наследия.

Одно из значимых направлений сотрудничества Турции и Туркменистана в туристической отрасли – реализация проектов, связанных с развитием Шелкового пути. Наиболее перспективной является китайская идея проекта «Один пояс – один путь», которая направлена на восстановление и увеличение роли взаимодействия между Востоком и Западом. Реализация этого проекта предполагает создание современной транспортной инфраструктуры, расширение экономического сотрудничества, углубление экономической интеграции между странами, участвующими в проекте, в том числе Турцией и Туркменистаном. Один из компонентов проекта «Один пояс – один путь» – развитие туристической отрасли в региональном масштабе.

Реализация данного проекта на территории Туркменистана осложнена наличием разного рода проблем, связанных с социально-экономической ситуацией в стране и препятствующих развитию туризма.

Таким образом, увеличение туристических контактов Турции и Туркменистана в 1990-е гг. было ограничено ростом опасений туркменского лидера относительно активизации турецких политиков и бизнесменов в регионе, которые могли получить долю контроля над энергетическим сектором страны и участвовать в формировании национальной нормативно-правовой базы центральноазиатского государства.

На расширение сотрудничества стран в туристической отрасли благоприятно повлияли встречи на высшем уровне. В феврале 2012 г. туркменский лидер Г. Бердымухамедов совершил визит в Турцию, по его итогам был подписан Протокол между Государственным комитетом Туркменистана по туризму и спорту и Турецким агентством по сотрудничеству и координации при премьер-министре Турции о реализации проекта «Организация учебных программ по повышению квалификации, направленных на развитие туризма в Туркменистане» [14].

В 2013 г. турецкая фирма «Полилекс» начала проектирование и строительство в Ашхабаде комплекса нового международного аэропорта с пропускной способностью 1600 человек в час. Кроме этого, турецкая фирма обеспечивала введение в эксплуатацию новой взлетно-посадочной полосы, поставку оборудования для технического обслуживания, системы безопасности, внедрение новых систем технического обслуживания [15].

Важным результатом в развитии туристической отрасли Туркменистана стало строительство пассажирского автовокзала международного класса. Вокзал был открыт в 2014 г., из него могут выполняться автобусные рейсы в города Ирана, Армении, Казахстана, Узбекистана, Турции и Афганистана [16].

Развитию туризма в Туркменистане способствовало расширение сотрудничества страны в рамках ТЮРКСОЙ. Так, в 2015 г. туркменский город Мары

был объявлен культурной столицей тюркского мира. Проведение множества разнообразных мероприятий в течение года позволило привлечь в страну значительное число туристов. С 6 по 28 ноября 2015 г. в Мары прошли торжественные мероприятия, приуроченные к закрытию Года культурной столицы тюркского мира [17].

Важным мероприятием во время закрытия стала встреча министров культуры тюркоязычных стран – XXXIII Заседание Постоянного Совета ТЮРКСОЙ, которое состоялось 26 ноября в Зале Конгрессов отеля «Мары». Участие в заседании приняли министр культуры Туркменистана А. Гараджаев, министр культуры, информации и туризма Кыргызстана А. Максутов, первый заместитель министра культуры и туризма Азербайджана В. Алиев, заместитель министра культуры и туризма Турции С. Йилмаз, депутат Сената Казахстана Ж. Ергалиев, начальник Управления культуры и туризма Гагаузии (Молдова) В. Петровичи.

Заключение. Следовательно, Турция и Туркменистан обладают богатым потенциалом по развитию туристической отрасли. Для обоих государств налаживание диалога в данной отрасли представляло большое значение. Турция получала возможность расширить свои контакты с Туркменистаном, а также экономическое и инвестиционное сотрудничество. Учитывая актуальность данного направления сотрудничества, Турция смогла сформировать диалог в туристическом секторе на двусторонней и многосторонней основе (в рамках ТЮРКСОЙ, ОЭС). Важным итогом данного партнерства стала реализация проекта туристической зоны «Аваза».

Литература

1. Аррыкова, Дж. Будущее отелей в Березенги / Дж. Аррыкова // Туризм и развитие. – 1997. – № 3. – С. 8–9.
2. Хаитбаева, Ш.К. Стратегия развития международного туризма в Туркменистане / Ш.К. Хаитбаева // European research. – 2016. – № 8. – С. 11–12.
3. Аристова, Л.Б. Туристический комплекс Турции и стран Центральной Азии: состояние, проблемы, перспективы / Л.Б. Аристова // Восточная аналитика. – 2019. – № 1. – С. 7–11.
4. Уразова, Е.И. Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ / Е.И. Уразова. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – 202 с.
5. Хетагурова, В.Ш. Открываем Центральную Азию: перспективы развития туризма по тропам Великого шелкового пути / В.Ш. Хетагурова // Сервис в России и за рубежом. – 2017. – № 6. – С. 15–31.
6. Ташкентская декларация 1996 г. // Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – 208 с. – С. 174–178.
7. Стамбульская декларация 2002 г. // Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – 208 с. – С. 179–183.
8. О туризме: Закон Туркменистана от 10 мая 2010 года № 107-IV [Электронный ресурс] // Параграф. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344087. – Дата доступа: 08.11.2019.
9. Tourism in Turkey [Electronic resource] // Tugberk. – Mode of access: <http://www.tugberkugurlu.com/archive/tourism-in-turkey-tourism-history-of-turkey-milestones-of-tourism-industry-in-turkey>. – Date of access: 08.11.2019.
10. Хашимов, П.З. Опыт развития туризма в зарубежных странах / П.З. Хашимов, Т.В. Ким // Экономика и финансы. – 2014. – № 6. – С. 43–47.
11. Хук, Н.К. Туризм как важная часть экспорта / Н.К. Хук // Туризм и развитие. – 1997. – № 3. – С. 22–23.
12. Туркменистан открывает миру свои туристические возможности [Электронный ресурс] // Turkmenistan. Золотой век. – Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=3152>. – Дата доступа: 08.11.2019.
13. Турция застраивает туристическую зону «Аваза» [Электронный ресурс] // Вести Турции Босфор. – Режим доступа: <http://www.vestiturkey.com/turci-zastraivaet-turisticsku-zonu-avaza-2123h.htm>. – Дата доступа: 08.11.2019.
14. Туркменистан и Турция подписали ряд двусторонних документов о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Turkmenistan. Золотой век. – Режим доступа: <http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/37084.html>. – Дата доступа: 08.11.2019.
15. Ashgabat Internationak Airport [Electronic resource] // Polimeks. – Mode of access: <http://polimeks.com/en/buildingdetail/46/6/ashgabat-international-airport>. – Date of access: 08.11.2019.
16. В Ашхабаде открыт пассажирский автовокзал международного класса [Электронный ресурс] // Turkmenportal. Информационный портал Туркменистана. – Режим доступа: <https://turkmenportal.com/blog/3260>. – Дата доступа: 08.11.2019.
17. Мары – культурная столица тюркского мира 2015 года [Электронный ресурс] // Международная организация тюркской культуры. – Режим доступа: <https://www.turksoy.org/ru/news/2015/06/29/589093bdb7b71>. – Дата доступа: 08.11.2019.

Поступила в редакцию 25.11.2019

Молодежная культура в середине 1950-х — начале 1980-х годов на примере города Витебска

Лукьянова В.А.

ГУО «Гимназия № 2 г. Витебска», Витебск

Данная публикация направлена на изучение адаптации молодежи к новым социально-политическим и культурным обстоятельствам, которые складывались в СССР, и в частности, в городе Витебске.

Цель исследования — проанализировать исторические условия развития, направления молодежной культуры в городе Витебске в середине 1950-х — начале 1980-х годов.

Материал и методы. При этом использовались материалы устной истории (интервью), документы Государственного архива Витебской области. Методологическую основу исследования составили историко-ситуационный метод, предполагающий изучение исторических фактов в контексте рассматриваемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами; социально-исторический метод для реконструирования исторического процесса, что помогает взглянуть на события прошлого «снизу», глазами и словами рядового человека; культурно-исторический, позволяющий раскрыть особенности «молодежной культуры» в рамках традиционной культуры советского общества.

Результаты и их обсуждение. Молодежная культура отражает социальные перемены второй половины XX века. Витебская молодежь в свою очередь копировала для своей культуры те идеи, которые распространяли различными информационными путями их же ровесники внутри огромной страны. Слушала ту же рок-музыку, перенимала черты внешнего стиля, сленга, создавала собственные рок-группы (ВИА), и тем самым наблюдался эффект «двойной копии»: советская молодежь крупных столичных городов копировала увлечения западной, а витебская — копировала то, что уже было «культивировано» их ровесниками в Советском Союзе.

Заключение. Весь процесс формирования молодежной культуры в городе Витебске, пусть и в «подражательном» варианте, свидетельствовал о прогрессивной эволюции молодежной культуры, которая не только отражала явления мирового культурного процесса, но и развивалась как самобытная культура.

Ключевые слова: молодежная культура, субкультура, повседневность, стилиаги.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 55–59)

Youth Culture from the Mid-1950s to the Early 1980s on the Example of the City of Vitebsk

Lukyanova V.A.

State Educational Establishment “Gymnasium No 2 of the City of Vitebsk”, Vitebsk

This publication is aimed at studying the adaptation of young people to the new social and political as well as cultural circumstances that were shaping in the USSR, and in particular in the City of Vitebsk, during the mid-1950s — early 1980s.

The purpose of the study is to analyze the historical conditions of the development, directions of youth culture in the City of Vitebsk in the mid-1950s — early 1980s.

Material and methods. Materials of oral history (interviews), documents of the State Archive of the Vitebsk Region were used in the research. The methodological basis of the study was a historical and situational method involving the study of historical facts in the context of the age studied, combined with “neighbouring” events and facts; the social and historical method for reconstructing the historical process, which allows to look at the events of the past “from below”, with eyes and words of the ordinary person; the cultural and historical, allowing to consider “youth culture” within the framework of the traditional culture of Soviet society.

Findings and their discussion. Youth culture reflects social changes in the second half of the 20th century. Vitebsk youth in turn copied for their culture those ideas that spread in various information ways their peers within a huge country. They listened to the same rock music, adopted features of external style, slang, created their rock bands (VIA), and thus observed the effect of “double copy”; Soviet youth of large capital cities copied hobbies of Western youth, and Vitebsk — copied what was already “cultivated” by their peers in the Soviet Union.

Conclusion. The whole process of shaping youth culture in the City of Vitebsk, albeit in a “imitative” version, testified to the progressive evolution of youth culture, which not only reflected the phenomena of the world cultural process, but also developed as an original culture.

Key words: youth culture, subculture, everyday life, stiliaga.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 55–59)

История мира после Второй мировой войны обычно понимается в рамках таких больших тем, как «холодная война», деколонизация и т.п. Но в то же время не следует исключать обыденные жизни рядовых людей, судьбы которых часто терялись в цепочке глобальных событий.

Молодежь во второй половине XX века как социальная группа, освобожденная в некотором смысле от ограничительной государственной и национальной идентичности, пыталась создать альтернативный порядок, хоть и в пределах границ советского государства. Изучение особенностей частной жизни молодежи во второй половине 1950-х – начале 1980-х годов, взаимодействия ее с государственными структурами может помочь государству на нынешнем этапе развития разрешить проблемы в сфере молодежной политики, связанные с асоциальными явлениями, а также улучшить процессы более эффективного сотрудничества неформальных структур с официальными.

В данной публикации понятие «повседневность» употребляется для обозначения всей жизненной среды человека, а также тех изменений, связанных с моделями поведения в обществе. Для исследования представляется интересным процесс адаптации молодежи к новым политическим, социальным и культурным трансформациям, происходившим в Советском Союзе, и в частности, в городе Витебске в период с середины 1950-х до начала 1980-х годов.

Современная белорусская наука как исторической, так и культурологической направленности не уделяет должного внимания данной проблематике. Углубленное рассмотрение молодежной культуры в Беларуси началось лишь во второй половине 1980-х годов на базе интенсивных социологических исследований. Наибольший интерес представляют работы Ю.М. Бубнова [1]. Новый период анализа проблемы произошел на рубеже 1980–1990-х годов, когда в научных изданиях наметился переход от изучения советской молодежи через призму истории ВЛКСМ к исследованию молодежи в целом. Особое внимание этой тематике уделили С.И. Левикова, представившая общую характеристику понимания проблемы «субкультур» в учебном пособии «Молодежная субкультура» [2]; А.А. Щегорцов в книге «Советская молодежь: эволюция политических взглядов», попытавшийся дать комплексный анализ молодежного движения в Советском Союзе [3].

На сегодняшнем этапе развития исторической науки является показательным момент, который охватывает изучение социокультурного облика советской молодежи в комплексном исследовании. В современной историографии содержатся, как правило, публикации, посвященные социально-политической инициативе советской молодежи, их реакции на «деформирование» социалистических основ. Однако проблема создания и формирования советской молодежью собственной, «своей» культуры не стала предметом комплексного изучения до настоящего времени.

Цель исследования – проанализировать исторические условия развития, направления молодежной культуры в городе Витебске в середине 1950-х – начале 1980-х годов.

Материал и методы. При этом использовались материалы Государственного архива Витебской области: документы горкома, райкома ВЛКСМ города Витебска, Витебского областного научно-методического центра народного творчества; данные интервью с очевидцами обозначенного хронологического периода. Основными методами стали историко-системный, предполагающий рассмотрение исторических фактов в контексте исследуемой эпохи в сочетании с «примыкавшими» событиями и фактами; структурный – для нахождения общих функций молодежной культуры на региональном и местном уровнях; культурно-исторический, позволяющий раскрыть особенности «молодежной культуры» в рамках традиционной культуры советского общества.

Результаты и их обсуждение. Для любого типа культуры на различных этапах исторического развития характерны те или иные поведенческие нормы. Данные нормы традиционно передаются из поколения в поколение. Культура индустриального общества содержит определенный слой инноваций, особенностью которого является перестраивание культурных традиций. Молодежная культура – своеобразная форма приспособления к ценностям и образу жизни общества, форма изменения старой и создания новой системы норм и правил. Молодежь города Витебска в указанный выше хронологический период жила в двух измерениях: насаждаемом информационно-образовательными и идейно-воспитательными структурами сверху и альтернативном, «своем» мире. Под воздействием первого она ездила на комсомольские стройки, под влиянием второго – формировала собственную культуру.

Первой «собственной» культурой, которая сложилась в кругу витебской молодежи, являлась субкультура стиляг. Она возникла в конце 1940-х годов в СССР, и ее появление совпало с началом периода противостояния двух политических систем – Запада и Востока. Относительно данного противостояния все внешние симпатии к врагу имели негативные последствия. Советская идеология считала «стиль» чуждой, враждебной культурой, которая попадала в поле зрения органов внутренних дел. Демонстративно яркая одежда расценивалась как вызов существующей идеологии. Ориентация взглядов стиляг на Запад, их желание выделиться из «бледной» массы советского общества расценивались как выражение разлагающего воздействия капиталистической идеологии. «Воспитание нового человека – это, прежде всего, формирование у него марксистско-ленинского мировоззрения. Сейчас происходит мощное столкновение двух идеологий, если хотите, схватка советского образа жизни и образа жизни западного, схватка между прошлым и будущим ...» [4].

Появление стиляг в городе Витебске отмечается не ранее 1957 года, что относительно возникновения субкультуры стиляг крупных столиц сдвинуто по временной фазе почти на десятилетие. Об этом свидетельствуют как очевидцы того времени, так и архивные документы. Из доклада товарища Логвина орешениях XX съезда комсомола Белоруссии (сентябрь 1958 года): «<...> стоял вопрос о форме одежды. Нужно бороться со стилем (брюки нужно шить 22 см, а шьют 12 см, как папуасы). Нужно обращать внимание на внешний вид, прежде всего ...» [5].

Стремление выразить индивидуальность проявлялось в подражании западной моде. Например, путем копирования воспроизводились образцы европейского стиля: в одежде – узкие брюки, пиджак в клеточку, обувь на платформе; в танцах – буги-вуги, твист и др. Образ стиляги был очень ярким, динамичным, контрастирующим на фоне советской моды: «Они резко бросались в глаза, эти вот короткие юбки, обтягивающие брюки у парней, их волосы, уложенные в кок: на висках все у них было заглажено, а наверху все стоит» [6]. Помимо внешней статичной символики: одежда, макияж (для девушек), что находит подтверждение в протоколе № 1 отчетно-выборного собрания физико-математического факультета от 19 сентября 1961 года: «Следует остановиться и на моральном облике студентов <...>, не одиночны случаи, когда девушки являются на занятия с крашенными вызывающе ногтями и губами. А это для педагогов уже не к лицу, и при том на лекциях ...» [7], – стиляги отличались высоким уровнем динамичности, проявлявшейся в тактильности – это, прежде всего, танцы. По рассказам очевидцев, «... танцевали они тоже кучками. Мы не знали, как их танцы назывались, но танцевали они... то слишком прижимались друг к другу, то резко отскакивали... вот это было прыгание» [8]. Когда речь идет о танцах, то можно встретить упоминание и в архивных документах следующего: «... остановимся на вопросе культурно-массовой работы. Из всего услышанного ранее стало ясно, что работа культурно-массового сектора поставлена слабо. И вот пример этой “слабости” мы видим в “стильных” танцах...» [9].

Витебские стиляги в своем стремлении к яркой самопрезентации не могли использовать достаточное количество заграничных товаров, тогда это была привилегия партийных работников, служащих посольств, поэтому витебским представителям стиляг приходилось самостоятельно шить себе необходимую яркую одежду или пользоваться услугами немногочисленных фарцовщиков. К примеру, стиляги покупали в магазинах детских товаров модные тогда разноцветные носки и затем их растягивали особым способом до необходимого размера; создание «стильных» вещей в домашних условиях могло происходить так: «... старые брюки распарывали и в них вшивали клин» [8].

Что же касается месторасположения стиляг в городе Витебске, то стиляжничество не было однородным в культурном пространстве городского общества,

оно было локализовано по территориальному признаку: район частного сектора Песковатики, возле кафе «Молодежное», танцевальная площадка в парке культуры и отдыха им. В.И. Ленина по ул. Политехнической. Основным занятием в перечисленных районах для витебских стиляг являлось демонстрирование своей персоны и одежды, так называемое «давление стиля». Для стиляг это значило не просто демонстрировать внешний вид, а, прежде всего, раскрыть собственную индивидуальность. Стремление выделиться из толпы, не быть одним целым с серой массой.

В советском обществе подобное отступление от нормы расценивалось как девиантное поведение. Образ стиляги неразрывно был связан с образом правонарушителя и хулигана. В связи с этим реакция на стиляг была активной и носила отрицательную коннотацию: «...партия обращает особое внимание на необходимость развивать у советской молодежи коммунистическую нравственность, в основе которой лежит преданность коммунизму и непримиримость к его врагам.

Надо вести решительную борьбу с такими моральными уродами, как хулиганы, пьяницы, стиляги. А ведь получается так, что приходят студенты на педагогическую практику в школу и несут с собой извращенные вкусы, манеры: девушки и ребята с прическами первобытных людей и в костюмах, уродующих нормальные человеческие фигуры. Это непорочно педагогическому коллективу и комсомольской организации, что допускают таких людей до школы. Мы не можем игнорировать возможность буржуазного влияния и обязаны вести борьбу против проникновения в среду советских людей чуждых взглядов и нравов ...» [8, л. 37]. При анализе воспоминаний очевидцев и архивных документов выяснилось, что витебские стиляги по своему социальному статусу имели неоднородный характер. Современники чаще всего соотносят стиляг в городе Витебске с представителями рабочей молодежи: «...к стилягам, в основном, принадлежали ребята-работяги, у которых не было достатка, но при этом они стремились выделяться» [9]. Большинство архивных документов свидетельствует о том, что к стилягам также относились представители студенческой молодежи «<...> однако в работе студенческих комсомольских организаций имеется много серьезных недостатков, <...> не изжиты полностью в студенческой среде аморальные поступки, стиляжество и апатичность, имеются факты иждивенческого настроя, проявляющиеся в неуважении физического труда» [8]. Мировоззренческий элемент движения витебских стиляг, определяющий субкультуру в целом, оказался менее всего проявленным. Некоторой общей характеристикой стала мысль о том, что все стиляги были ориентированы на Запад. Центральные, столичные стиляги, появившееся значительно ранее, чем витебские, в своих взглядах по большей мере опирались на западные веяния моды, политические мысли и т.п. Развитие же движения субкультуры стиляг в го-

роде Витебске происходило в конце 1950-х – начале 1960-х годов, а в это время советское общество уже было иным, чем десятилетие ранее, поэтому движение стиляг в городе Витебске являлось подражательным. Субкультура витебских стиляг формировалась не по примерам западной культуры, а скорее повторяла за отечественными (более продвинутыми) стилями.

Советское общество в 1960-е годы сильно эволюционирует: увеличивается доля образованных людей, возрастают культурные потребности, происходит рост информированности населения. Основными источниками информации становятся телевидение и радио, а также получают распространение не подлежащие цензуре ресурсы информации, такие как радиоголоса (вражеские радиостанции), самиздат (самодельные книги).

Все достижения страны в области научно-технической революции вызывают отклик у советской молодежи, в частности, и молодежи города Витебска. «...Это, факт, что буржуазная пропаганда избрала советскую молодежь основным объектом своего воздействия; усилила потоки на комсомол. Значительно расширились каналы ее проникновения. Особенно активно используются радио, периодические издания непонятной зарубежной литературы (газеты, журналы).

К примеру, свыше 30 иностранных радиостанций в течение 100 часов в сутки вещают на 22 языках народов Советского Союза и сколько же грязи выливают в эфир! Буржуазная идеология проникает к нам через переводную литературу, зарубежные эстраду и выставки.

При этом приемы и методы пропаганды становятся все изощреннее. Наряду с грубыми нападками на наш строй, все чаще клевета маскируется внешне невинной развлекательностью» [8].

В конце шестидесятых все, от школьников до студентов, были вовлечены в мероприятия по почитанию героев-фронтовиков. Происходила сакрализация всего, что имело отношение к военным сражениям Великой Отечественной войны (стихи, рассказы, песни). Одновременно с признанием героической темы тогдашняя молодежь начинала вникать в битломанию и увлекаться рок-музыкой.

Очевидцы тех лет вспоминают: «... “Битлз” были для нас тогда почти рядом, не только в географическом понимании, но и душевном. Элвис Пресли был хорош, но как-то экзотичен, к тому же из Америки. А реальные голоса “Битлз”, сливавшиеся в гармоничном хоре, оказались именно тем “своим” голосом, которого так ждало наше мятущееся поколение... Слова песен “Битлз”, “снятые” с пленки теми, кто знал английский по-настоящему, переписывались из тетрадки в тетрадку. Аккорды подбирались на слух и передавались путем простого показа на грифе гитары таких приемов, как “барэ”, “удавка”, “лесенка” и т.п. На втором месте по популярности были, пожалуй, “Rolling Stones”...» [10]. Молодые люди города Витебска, конечно, подражали своим кумирам, поэтому в моду начинают входить длинные волосы и пиджаки с круглым

воротником и без лацканов, а также белые рубашки и узенькие галстуки. Это было допустимо для молодежи – учащихся различных учебных заведений города, но не для комсомольских органов: «...Обязать комсомольские бюро факультетов и групп усилить работу со студентами, помочь им выработать наши советские вкусы и манеры относительно внешнего облика и музыкальных предпочтений. В тех случаях, если отдельные студенты пристрастны к подражательству и несообразным модам и впредь будут своим неаккуратным видом навязывать “моды” и различные прозападные “вкусы” в институте, применять к ним решительные меры воздействия (заставлять следить за своим внешним видом, указывать на политически правильную музыку и т.д.). Считать необходимым издавать при комитете комсомола сатирический орган, в котором подвергать острой критике тех студентов, кто распространяет так называемые “моды” и своим видом обращает на себя внимание» [8].

И действительно, в декабре 1974 года в ВГПИ им. С.М. Кирова на всех факультетах при комсомольских бюро был создан сатирический орган «Комсомольский прожектор», основной функцией которого являлось «...обличение аморального поведения и поступков студентов» [8].

Рок задавал ритм юношеским порывам и обретал характер чуть ли ни мировидения. Он давал возможность отличать наносное от искреннего, надуманное от откровенного, фальшиво-искусственное от стихийно-естественного. Он звучал из радиол и проигрывателей, которые только появлялись в витебском универмаге, виниловых пластинок, которые за большие (очевидцы вспоминают цену около 45–50 рублей) по тем временам деньги доставляли те, кто имел возможность побывать там, где пластинки эти покупались. В городе Витебске поставщиками, казалось, неземного звучания, были, как правило, спортсмены. В квартиру, где жил счастливчик, имевший возможность приобрести высшую для юношества того времени драгоценность – запись, пусть порой и не наилучшего качества, стояла очередь: слушали по группам (до 10 человек), не шевелясь, затаенно и восхищенно. Местные музыканты, окончившие, как правило, Витебскую музыкальную школу, строгаги доски, натягивая на них струны, ломая телефонные аппараты, откуда добывали то, что называли звукозаписывающими; в складчину за пятнадцать советских рублей в магазине «Школьник» (ул. Ленина, д. 1) покупали усилители, предназначенные для уроков физики, и тем самым мастерили необходимые «музыкальные» инструменты. Очевидцы вспоминают: «Мой отец в начале 1970-х годов купил у кого-то за 10 рублей магнитофонную приставку “Нота”. Потом мы подключили “Ноту” к радиоле и стали слушать единственную оказавшуюся у нас катушку. Я испытал мощнейший культурный шок, меня буквально прибило к стулу. И разве могло быть иначе? Ведь на той пленке был записан концерт группы “The Rolling Stones”» [10].

В стороне не оставались и комсомольские органы, которые упорно сопротивлялись распространению

в среде молодежи «прозападных настроений»: «...Комитетам комсомола нужно постоянно совершенствовать работу по использованию средств массовой информации среди молодежи. <...> Однако ими надо разумно пользоваться, ведь не секрет, что буржуазные радиочастоты день и ночь, ночь и день выливают в эфир потоки грязи антисоветизма, используя политические лозунги, музыкальные радиопередачи, а некоторые молодые люди поддаются такому влиянию, затем допускают случаи аполитичности, нездоровых антисоветских рассуждений в культуре <...>» [11].

Неудивительно, что рок как массовое явление абсолютно не вписывался в официальную советскую культуру. Тем не менее представители советской власти не могли игнорировать заинтересованность молодежи к рок-группам. Были сделаны шаги к включению рок-музыки в официальное музыкальное движение, поэтому к середине 1970-х годов в республике, как и по всему Советскому Союзу, появляются вокально-инструментальные ансамбли (или самостоятельные рок-группы), завоевавшие популярность в студенческой среде. Наиболее приметные из них – «Группа под управлением В. Кондрусевича» (Белорусская консерватория), «Сузор'е», «Верность» (Витебск), «Золотая середина» (Брест), «Солнечная сторона» (Бобруйск).

1970-е годы в витебскую молодежную среду приносят некоторые изменения касательно внешнего стиля, теперь местная молодежь в свободное от учебных занятий время носит джинсы – главный предмет одежды этого периода. В молодежную моду середины 1970-х – начала 1980-х годов входят значки, они, как правило, производились кустарным способом: брали большую пуговицу, затем сверху наклеивали картинку группы или любимое английское слово.

Начало 1980-х годов принесло в жизнь витебской молодежи очередные перемены: произошла смена курса в отношениях между официальными органами власти и трудящейся и учащейся молодежью. Уже в 1982 году Витебский горком комсомола постановляет: «В целях дальнейшего развития самостоятельного творчества и эстетического воспитания молодежи, повышения интереса трудящейся и учащейся молодежи к советским произведениям джазовой музыки и современной инструментальной провести 21–24 октября 1982 года Фестиваль инструментальной, эстрадной и джазовой музыки “Витебская осень-82”» [11]. На это предложение откликнулись не только представители витебской музыкальной молодежи, но и из других городов БССР и соседних республик (Латышской ССР, Литовской ССР). От города Витебска выступал квинтет «Верность». «Проведение девяти концертов джазовой музыки в городе Витебске несомненно явилось большим праздником и способствовало воспитанию музыкального вкуса

трудящихся и молодежи. На фестивале “Витебская осень-82” не было представлено советского песенного джаза. В основном, звучала классическая джазовая музыка, современные советские композиции, аранжировки музыки народов СССР в инструментальном исполнении. Были представлены джаз-ансамбль “Стандарт п/у Хаскина” (г. Минск), квинтет “Верность” (художественный руководитель Сергей Бачинский) из г. Витебска, квартет п/у П. Вишняускаса (г. Вильнюс), рок-группа “Солнечный дождь” (г. Гомель)» [11].

Заключение. Весь процесс формирования молодежной культуры в городе Витебске, пусть и в «подражательном» варианте демонстрировал прогрессивную эволюцию молодежной культуры, которая отражала явления мировых культурных процессов, а также утверждалась как «своя» оригинальная культура.

Основное отличие молодежной культуры Запада от молодежной культуры Советского Союза состоит в природе происхождения взглядов: если молодежь за рубежом помимо духовной сферы активно участвовала и в политической, то советская молодежь не выдвигала политических лозунгов на государственном уровне, ее скорее увлекала культурно-содержательная часть западной внутренней культуры. Во многом молодежная культура формировалась по западным образцам, советская молодежь «впитывала» все то, что предлагали западные ровесники (музыку, внешний стиль, формы проведения досуга).

Литература

1. Бубнов, Ю.М. Социология девиантного поведения / Ю.М. Бубнов. – Могилев, 2001. – 102 с.
2. Левикова, С.И. Молодежная субкультура: учеб. пособие / С.И. Левикова. – М., 2004. – 609 с.
3. Щегорцов, А.А. Советская молодежь: эволюция политических взглядов / А.А. Щегорцов. – М.: ВКШ, 1990. – 141 с.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 103-п-ОАФ. «Октябрьский районный комитет ЛКСМБ за 1961 год». Оп. 6. Д. 256. Л. 18.
5. ГАВО. – Ф. 740. «Комитет ЛКСМБ ВГПИ им. Кирова за 1958 г.». Оп. 1. Д. 49. Л. 18.
6. Иванова Лариса Иосифовна, год рождения 1942, проживала в районе Песковатиков в период 1950–1974 гг.
7. ГАВО. – Ф. 740. «Комитет ЛКСМБ ВГПИ им. Кирова за 1958 г.». Оп. 1. Д. 52. Л. 165.
8. ГАВО. – Ф. 103-п-ОАФ. «Октябрьский районный комитет ЛКСМБ за 1961 год». Оп. 8. Д. 96. Л. 32.
9. ГАВО. – Ф. 115. «Витебское государственное профессионально-техническое училище № 16. 1966 год». Оп. 39. Д. 38. Л. 23–24.
10. Козьминский Олег Олегович, год рождения 1957, очевидец указанных лет, участник музыкальной самостоятельности.
11. ГАВО. – Ф. 3805. «Витебский областной научно-методический центр народного творчества». Оп. 1. Д. 7. Л. 23–28.

Поступила в редакцию 02.12.2019

Проблема «поглощения» Беларуси Россией в российском политическом дискурсе

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Беларусь и Россия являются наиболее близкими союзниками и стратегическими партнерами. На протяжении двадцати пяти лет Минск и Москва активно участвуют в постсоветской интеграции. Именно наши страны достигли наибольшего успеха на пути сближения.

Цель статьи — рассмотреть взгляды российских политических кругов и экспертного сообщества на проблему сближения России и Беларуси.

Материал и методы. Исследование базируется на информационных и аналитических материалах, содержащих мнения представителей российского истеблишмента и экспертных кругов относительно путей интеграции России и Беларуси. В процессе работы использовались общенаучные и специальные методы.

Результаты и их обсуждение. Двадцатилетний период создания Союзного государства продемонстрировал как успехи и достижения в развитии российско-белорусской интеграции, так обнажил и существенные проблемы, обусловленные разным видением сторонами процесса построения данного интеграционного проекта. Однако ни Москва, ни Минск не спешат отказываться от дальнейшего сближения друг с другом, что стимулирует дискуссии относительно путей и перспектив российско-белорусских отношений. В последнее время в политическом дискурсе РФ активно обсуждается вопрос вероятности «поглощения» Беларуси Россией. На повестке дня он появился в связи с изменением геополитической ситуации в регионе и возникшей «проблемой 2024 года». Большинство сторонников сценария «поглощения» представлено антипутинскими политическими силами. Официальный Кремль категорически отрицает наличие подобных планов. Подавляющая часть российских политических и экспертных кругов также указывает на незаинтересованность РФ в «аннексии» Беларуси.

Заключение. В российском политическом дискурсе представлены различные подходы к развитию дальнейшей интеграции между Россией и Беларусью. На имеющиеся оценки оказывают влияние как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические факторы. Сценарии вероятного «поглощения», как правило, выдвигаются противниками Кремля и равноправного взаимодействия двух стран. Российское руководство и его сторонники опровергают подобные планы, считая их несовместимыми с внешнеполитической линией поведения РФ.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, белорусско-российские отношения, Союзное государство, аннексия, политические круги, экспертное сообщество.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 60–67)

The Issue of the “Absorption” of Belarus by Russia in the Russian Political Discourse

Kosov A.P.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Belarus and Russia are closest allies and strategic partners. Over twenty five years Minsk and Moscow have been participating in the post-Soviet integration. Our countries have been most success-ful in rapprochement.

The purpose of the article is to consider points of view of Russian political circles as well as those of the expert community on the issue of Russia’ and Belarus’ rapprochement.

Material and methods. The study is based on information and analytical materials which contain points of view of Russian establishment and expert circles concerning ways of the integration of Russia and Belarus. General scientific and special research methods were used in the course of the work.

Findings and their discussion. The twenty year period of creating the Union State has demonstrat-ed both success and achievements in the development of the Russian-Belarusian integration; it also disclosed the existing problems conditioned by the sides’ different vision of the process of building this integration project. However, neither Moscow nor Minsk wants to reject further rapprochement, which stimulates discussions regarding ways and prospects of Russian-Belarusian relations. Recently in the Russian political discourse the issue of the possibility of Russia’s “absorption” of Belarus has been

actively discussed. It has been included into the agenda due to the changes in the geopolitical situation in the region and the emergence of "the 2024 problem". Most of the "absorption" scenario supporters are presented by anti-Putin political forces. The official Kremlin rejects categorically the presence of such plans. The overwhelming majority of Russian political and expert circles also stress the absence of Russia's interest in "annexing" Belarus.

Conclusion. Different approaches to the development of further integration between Russia and Belarus are represented in the Russian political discourse. Both inner and outer political factors influence the available assessments. The possible "absorption" scenarios are put forward as a rule by the opponents of the Kremlin and the equal interaction of the two countries. Russian leadership and their supporters disprove such plans and consider them to go counter the foreign policy behavior line of the Russian Federation.

Key words: Belarus, Russia, Belarusian-Russian relations, the Union State, annex, political circles, expert community.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 60–67)

В декабре этого года исполнилось двадцать лет с момента подписания А. Лукашенко и Б. Ельциным Договора о создании Союзного государства Беларуси и России. Известно, что многие в наших странах связывали большие надежды с данным интеграционным проектом. Действительно, на фоне аморфного и стагнирующего СНГ, так и не ставшего аналогом ЕС, интенсивное сближение Минска и Москвы, начавшееся во второй половине 1990-х гг., стало флагом постсоветской интеграции. Однако два десятилетия построения Союзного государства развеяли многие радужные иллюзии и обнажили целый ряд проблем как объективного, так и субъективного характера, не позволяющих в близлежащей перспективе воплотить положения Договора в жизнь.

Разное видение и подходы белорусских и российских политических элит к интеграции, а также меняющаяся геополитическая обстановка в мире оказывают существенное влияние на экспертные оценки интеграционного процесса. В последнее время в российском политическом дискурсе заметное место занимает проблема возможного «поглощения» Беларуси Россией. Она рассматривается экспертами исходя из развития внутривнутриполитической ситуации в РФ, текущего положения дел в двусторонних отношениях, влияния внешнего фактора, особенно с учетом российско-западной конфронтации.

Цель статьи – рассмотреть взгляды российских политических кругов и экспертного сообщества на проблему сближения России и Беларуси.

Материал и методы. Материалом послужили публикации информационного и аналитического характера, позволяющие судить об оценках и точках зрения российских политиков и экспертов относительно возможности «поглощения» Беларуси Россией.

Статья написана с учетом основополагающих принципов научного познания – историзма, объективности, ценностного подхода. В процессе исследования использовались как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение, сравнение), так и специальные (типологический, генетический, диалектический, компаративный, системный) методы, способствующие рассмотрению российского

политического дискурса относительно текущих взаимоотношений России и Беларуси.

Результаты и их обсуждение. На протяжении двух десятилетий в политическом дискурсе России дебатруется вопрос о возможном российским «поглощении» тем или иным способом Беларуси. Как и среди белорусских и зарубежных экспертов, дискуссии в РФ активизируются в моменты обострения межгосударственных отношений. В частности, в политико-академическом сообществе России, как, впрочем, и в нашей стране, получил широкое распространение тезис об использовании Кремлем против Минска олигархов и цен на энергоносители в качестве «энергетического оружия» с целью вынуждения белорусских властей пойти на ускорение процесса вхождения республики в состав РФ. Именно в таком ключе в последнее время интерпретируются газовые и торговые войны между двумя государствами. Известный политолог С. Марков выразил уверенность, что у А. Лукашенко имеются опасения относительно возможной экспансии российских олигархических структур с последующим его свержением олигархами. Белорусский президент тревожится, что сначала они установят контроль над важнейшими частями экономики республики, а затем свое экономическое влияние трансформируют в политическое и, используя его для смены власти в Беларуси, захотят сделать президентом страны более покладистого политика [1].

Впрочем, значительная часть российских политиков и экспертов с подобными утверждениями категорически не согласна. Например, политолог К. Коктыш назвал их явной мифологемой. «О каком экономическом давлении может идти речь? Речь идет о том, что Россия прекращает одностороннее дотирование». В подтверждение своих слов он привел следующий пример: «Если я, положим, регулярно даю человеку деньги просто за то, что он хороший человек, ничего не требуя взамен, а в какой-то момент я перестаю ему давать деньги, я что, на него давлую?» [2, с. 429].

Со своей стороны, российский либеральный политолог Д. Тренин уверен, что А. Лукашенко, публично называя Беларусь ближайшим союзником РФ,

на деле не желает уступать свой суверенитет Москве, в том числе в части, касающейся продажи ключевых экономических активов республики [3, с. 82, 226; 4, р. 82]. Поэтому осуществление подобного сценария проблематично. Белорусское руководство не откажется от независимости.

Несмотря на декоративный характер Союзного государства в последнее время в политических и экспертных кругах России все чаще стали обсуждаться перспективы реального объединения двух стран – вплоть до силового варианта, поскольку Кремль якобы перестало устраивать «подвешенное состояние» российско-белорусской интеграции и поведение официального Минска в отношении ряда чувствительных для РФ проблем на международной арене. Так, с точки зрения директора Института стран СНГ К. Затулина, белорусское руководство, игнорируя явное недовольство Москвы, так и не признало независимость Абхазии и Южной Осетии, а в разгар конфликта вокруг Украины высказалось в поддержку ее территориальной целостности. Политолог объяснил подобное поведение Минска боязнью потерять свой суверенитет. По его словам, не одобряя «цветных революций», А. Лукашенко одновременно с явной опаской относится к попыткам России перекраивать постсоветские границы: вчера Грузия, сегодня Украина, а завтра кто [5]?

Действительно, отдельные эксперты говорят о наличии у российского руководства планов по оккупации нашей страны. Например, А. Пионтковский уверен, что операцию по захвату Беларуси уже давно планируют в Кремле, но А. Лукашенко пока успешно этому сопротивляется. По мнению политолога, изначально захват Беларуси планировался не как объявление войны, за которым следует вооруженное вторжение. Предполагался просто верхушечный переворот, с использованием верных В. Путину людей в белорусских спецслужбах и армии. Если бы Кремлю удалось сместить А. Лукашенко и найти человека или группу людей, которую можно поставить вместо него, то это было бы обставлено не совсем, как крымский сценарий, а как объединение двух государств, как новый этап в жизни единого государства России и Беларуси, которое на бумаге и так существует. С точки зрения А. Пионтковского, поглощение Беларуси – важнейшая цель всей российской политики, начиная с правления Б. Ельцина. И это прекрасно понимает А. Лукашенко, который успешно этому противится, защищая, разумеется, собственную власть, но при этом защищая и независимость своей страны. Эксперт подчеркивает, что если бы на его месте были бывшие советские номенклатурщики вроде В. Кебича или С. Шарецкого, их бы давно сломали или купили бы и затащили бы в РФ на правах одного из субъектов. В Кремле это тоже прекрасно понимают, и видят именно в белорусском президенте главное препятствие на пути поглощения Беларуси. Поэтому

в 2017 г. российские власти, по сути, начали гибридную войну против А. Лукашенко [6].

Версию относительно возможной «оккупации» подогревают и отдельные высказывания российских официальных лиц, которые интерпретируются как подготовка Москвы к «захвату» Беларуси. В качестве примера можно привести высказывания М. Бабича, который будучи послом в нашей стране, утверждал, что окончательному поглощению республики со стороны России якобы «никто не сопротивляется» и обвинял А. Лукашенко в том, что он создает из РФ «образ врага» [7].

Российские конспирологи, поддерживающие версию «аннексии», обосновывают ее тем, что объединение РФ и Беларуси в единое государство является решением «проблемы 2024 года». Многие из них убеждены, что определенные действия в отношении нашей страны помогут В. Путину, президентские полномочия которого завершатся в 2024 г., стать главой нового государства и тем самым продлить свое правление. Например, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктов убежден, что «Путин останется первым лицом в государстве», а «как это будет, не существенно». По его мнению, объединению России и Беларуси ничто и никто не мешает, если это будет нужно В. Путину, даже А. Лукашенко [8]. Политолог К. Рогов также считает, что подобный сценарий существует и рассматривается российским руководством. «Это будет довольно сложно, процесс будет длительным, но это возможно. Это важно для Кремля с его геополитическими представлениями. Его задача – как можно крепче привязать Белоруссию к России, чтобы не возникла ситуация, когда Белоруссия начнет “дрейфовать на Запад”. Вторая возможная задача – запустить процесс объединения, который приведет к конституционному переустройству и решит “проблему 2024 года”» [9]. При этом политолог не рассматривает сценарий возможной военной агрессии РФ в отношении нашего государства. Для него он кажется весьма маловероятным. К. Рогов подчеркивает, что для Кремля важно, чтобы возникло устойчивое впечатление консенсусного решения. Это объединение должно выглядеть как позитивный процесс, только в этом случае такой сценарий позволит России решить свои проблемы [9].

По словам либерального политолога Л. Шевцовой, являющейся критиком внешней политики Москвы, Беларусь как член «Союзного государства» вполне может стать фактором политической игры Кремля, когда приблизится завершение путинского срока правления [10].

Один из известнейших представителей российской несистемной оппозиции, популярный блогер А. Навальный также считает вариант с Беларусью достаточно реальным для транзита власти в РФ. По его словам, В. Путин в случае его реализации заявит:

«Ну, раньше же я был президентом России, а сейчас еще 12 лет я буду президентом России и Беларуси». Это вполне вероятно может произойти, хотя, по мнению оппозиционного политика, еще более вероятным является просто отмена любых сроков президентства в РФ [11].

Авторитетный российский журналист, член Совета по правам человека при президенте РФ Н. Сванидзе допускает в качестве возможных сценариев транзита власти после 2024 г. вариант с изменением Конституции России, которое снимет ограничения на количество президентских сроков, или объединение с Беларусью в новое государство с новой Конституцией. Правда, публицист сильно сомневается, что А. Лукашенко согласится расстаться со своей властью в обмен на дешевые энергоносители для белорусов [12].

В марте 2019 г. Г. Зюганов, рассуждая о сложной геополитической ситуации в мире в контексте возрастающего давления Запада, заявил о необходимости сплочения всех восточнославянских народов. Согласно политике, «мы можем быть конкурентоспособными, если нас будет не менее 200 миллионов. В этом контексте очень важен вопрос наших отношений с Беларуссией и Украиной. Мы должны сделать всё, чтобы эта политика была реализована. Для этого нужны воля, финансы и сплоченность общества. Блестящий пример Крыма показал, что все это возможно» [13]. Исходя из его высказываний, лидер КПРФ известен как большой сторонник российско-белорусской дружбы. Правда, приведенная политиком аналогия с Крымом невольно наталкивает на мысль: какой же путь объединения, в частности России и Беларуси, он подразумевает, ведь, как известно, Крым был включен в состав РФ в качестве одного из субъектов федерации. Неужели и суверенная Беларусь должна проследовать подобным путем? Следуя данной логике, Г. Зюганов становится, по сути, сторонником идеи «аншлюса», с чем категорически несогласны ни белорусское руководство, ни подавляющая часть населения нашей страны.

Сотрудники Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России рекомендуют Кремлю на белорусском направлении держать в уме в том числе и крымский сценарий. По мнению экспертов, его необходимо будет задействовать в том случае, если ситуация с вероятным транзитом власти в нашей стране станет складываться не в пользу России. Они допускают возможность смещения А. Лукашенко в результате массовых акций протеста, инспирированных прозападными силами. Поэтому «Россия должна быть готова к такому развитию событий и иметь соответствующий план действий по примеру того, что было сделано в Крыму в 2014 году» [14, с. 258]. Согласно экспертам, Москве нужно как можно раньше обеспечить передачу власти в Беларуси пророссийскому кандидату. Именно в этом случае к 2050 г. «интеграционные процессы зайдут настолько далеко, что вста-

нет вопрос о присоединении Белоруссии к России» [14, с. 258]. С их точки зрения, это станет достойным финалом российско-белорусской интеграции. Однако фундаментальная ошибка представителей Центра состоит в том, что в их трактовке белорусское общество и элита готовы к интеграции и лишь якобы А. Лукашенко препятствует этому. На самом же деле это огромное заблуждение: за годы независимости население нашей страны уже привыкло к белорусскому суверенитету и не желает вновь становиться зависимым от кого-либо.

Наряду с разделяющими мнение о возможной «аннексии» Беларуси Россией достаточно много и тех, кто с этим категорически не согласен. Они скептически высказываются о целесообразности подобного варианта развития событий. Ни геополитические, ни внутривнутриполитические выгоды такой операции совсем не очевидны. Так, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО В. Соловей уверен, что гипотетическое «объединение» России и Беларуси «не решит для Кремля ни одной проблемы, зато создаст массу новых» [15]. В свою очередь, Н. Петров из ВШЭ заметил, что вариант объединения двух стран действительно обсуждается на экспертном уровне. Однако, на его взгляд, абсолютно невозможно представить, чтобы А. Лукашенко согласился под давлением любой силы пойти на подобный шаг [15]. Кроме того, Кремль принципиально ничего не выиграет от потенциального объединения двух стран: «Ему выгоднее положение в рамках реального союза (двух государств). Сегодня у нас формально союзное государство, на деле же Лукашенко постоянно балансирует между Россией и Западом, и все попытки Москвы как-то более жестко его “привязать” к себе пока ни к чему не привели» [15].

С точки зрения профессора Р. Костюка из СПбГУ, «Белоруссия пытается проводить более дифференцированную внешнюю политику, но Лукашенко не раз высказывал стратегическую линию своей страны о том, что Россия остается самым близким союзником, имея общее историческое прошлое и культурное пространство. <...> Но при этом белорусское руководство и общественность не готовы идти на поглощение суверенитета своей страны Российской Федерацией, ее ассимиляцию» [16].

По мнению либерального политика В. Рыжкова, сценарий, при котором наши страны образуют союзное государство, в котором В. Путин становится его президентом, и тем самым сохраняет свою власть после 2024 г., действительно существует. Однако, по его убеждению, подавляющее большинство населения Беларуси выступает за сохранение суверенитета. В. Рыжков подчеркивал: «Мы знаем, что в начале 2000-х годов Путин предлагал Беларуси войти в состав России в качестве шести областей. Естественно, что тогда это было отвергнуто. Но это было давно.

Какие сейчас планы Москвы, мы не знаем, но раз Лукашенко публично выражает такую обеспокоенность, то, видимо, какое-то давление он испытывает» [17].

А. Суздальцев из ВШЭ уверен, что Кремль на аннексию Беларуси и сам никогда не пойдет, поскольку ему это просто не нужно. Политолог подчеркивает, что Москва не намерена проводить собственные политические сценарии на белорусском внутривнутриполитическом поле, не намерена искать преемников А. Лукашенко. Официально Республика Беларусь остается для России союзным государством. Одновременно вмешательство во внутренние дела суверенного государства само по себе является неприемлемым [18, с. 396]. Хотя, согласно исследователю, процесс выдворения украинских властей и воинских частей с Крымского полуострова произвел на А. Лукашенко большое впечатление. И якобы он даже примерил этот сценарий на Беларусь [19, с. 373]. Несмотря на то, что, по словам А. Суздальцева, на «оккупацию» нашей страны Кремль не пойдет, возможностей играть в «качели» между Востоком и Западом у Минска становится все меньше [20].

Политолог Н. Сергеев также отрицает вариант с возможным «поглощением» нашей страны. По его мнению, «нынешнее руководство Российской Федерации не ставит вопрос о включении Республики Беларусь в состав РФ. И здесь никак нельзя сравнивать Белоруссию с Крымом. От решения крымского вопроса напрямую зависела судьба российского государства. В отношении же РФ со стороны РФ последовало предложение наконец-то наполнить Договор о создании Союзного государства реальным содержанием» [21].

С точки зрения Е. Кузьминой из ИМЭМО РАН, Кремль не ставит цели присоединить Беларусь к РФ: «С моей точки зрения больший интерес для России представляют стабильные отношения с соседями, чем что-либо другое. Ей нужны спокойные соседи – и с точки зрения экономики, и с точки зрения политики» [22].

Весной 2019 г. о том, что Россия не будет поглощать Беларусь, заявил и известный российский политолог С. Белковский. Свою позицию он аргументировал следующим образом: «Во-первых, Александр Григорьевич совершенно не собирается отдавать власть. В последнюю очередь я рассчитываю, что он вдруг неожиданно кому-то отдаст власть вообще. Кому-то, а уж тем более Владимиру Владимировичу Путину, с которым у них очень плохие отношения. И всегда были плохие. Они были хорошие официально, но на личностном уровне не очень хорошие. Потому что они люди полярных психотипов». По мнению политолога, нынешний этап российско-белорусских отношений – это типичный «троллинг Беларуси», «попытка забрать ее активы, а не независимость». «Поэтому никакого аншлюса не будет. Это – борьба за собственность, а не за объединение двух государств. Ну просто как

действуют бандитские схемы: типичный “наезд-откат”. Сначала предъявляются максимальные требования – там, отдай миллиард долларов, потом, так сказать, достигается какой-то компромисс, ты отдаешь сто миллионов, и это всех устраивает. Вот в Беларуси будет что-нибудь такое» [23]. Однако в августе 2019 г. С. Белковский уже со ссылкой на некие источники, близкие к Кремлю, заявил о том, что якобы В. Путин заставляет А. Лукашенко согласиться на присоединение Беларуси к РФ [24].

Свое отношение к процессу «поглощения» Беларуси продемонстрировали представители ЛДПР. Как известно, в стратегическом аспекте В. Жириновский и его соратники выступают за воссоздание России в ее исторически сложившемся геополитическом пространстве в границах бывшего СССР, за восстановление ее статуса великой державы. Представители партии считают незаконным роспуск Советского Союза и создание на его территории так называемых суверенных государств. Вместе с тем ЛДПР не ставит целью насильственное присоединение к Российской Федерации территорий, входивших в СССР. Она против втягивания РФ в вооруженные конфликты и войны как со своими ближними, так и дальними соседями. Бывшие советские республики должны сами захотеть войти в состав Российской Федерации на правах федеральных округов [25, с. 83]. Что касается Беларуси, то представители ЛДПР ее ждут в РФ в качестве 8-го Минского федерального округа [25, с. 86]. При этом В. Жириновский ошибочно уверен, что большинство белорусов выступает за вхождение страны в состав России. Он утверждал: «Белорусы и русские – это братья, нас не поссорят. Речь идет только о режиме, даже не о режиме, об одном человеке – его армия ненавидит, бизнесмены, журналисты, все ненавидят» [26]. Однако, по его мнению, Россия никогда не собиралась насильно делить Беларусь и «впихивать» в Россию. «Все только добровольно. Но нужно понять: или наши взаимоотношения рыночные, или входите в состав России и получайте низкие цены, – пишет Жириновский. – Александр Григорьевич хочет усидеть на двух табуретках. И суверенитет сберечь, и получить внутрироссийские цены на газ, чтобы зарабатывать на перепродаже. Так не бывает» [27]. Известно, что ранее политик по этой причине даже сравнил Беларусь с теленком из известной русской поговорки [28].

Российский общественный деятель и писатель Н. Стариков несколько не сомневается, что рано или поздно Беларусь и Россия вновь станут единой страной. Для него русские и белорусы, как, впрочем, и украинцы, являются одним народом. Поэтому он категорически не согласен с имеющимися разговорами о якобы ведущейся российской «колонизации» Беларуси. По его мнению, подобные заявления – это хорошо оплачиваемая работа отдельных политических сил

по раскалыванию единого народа. Н. Стариков убежден, что за процессами объединения стоят все здоровые силы нашего единого народа, поскольку только вместе можно противостоять угрозам, которых достаточно много в современном турбулентном мире [29].

В свою очередь, известный общественный деятель С. Бабурин называет белорусов частью русской цивилизации. По его утверждению, большинство из нас не рассматривает себя как отдельную нацию, что мы с Россией часть одного целого. И эта наша черта является ключевой для РФ [30]. Политолог и общественный деятель, член «Изборского клуба» Г. Филимонов тоже считает русских и белорусов одним народом [31]. С тем, что Украина и Беларусь являются главными геополитическими и какими угодно союзниками России, согласен и оппозиционер А. Навальный. С его точки зрения, «наша внешняя политика должна быть максимально направлена на интеграцию с Украиной и Белоруссией... Фактически мы один и тот же народ. Мы должны усиливать эту интеграцию» [32]. В июле 2019 г. на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума сам В. Путин заявил: «Мы, по моему глубокому убеждению, один народ» [33]. В свою очередь, известный российский журналист М. Шевченко уверен в обратном: «Украинцы, белорусы и русские – конечно, разные народы. Это просто даже странно утверждать» [34]. А вот политолог С. Марков не дает четкого ответа на этот счет: «Русские и белорусы как минимум два братских народа, а как максимум – единый народ, сформировавший разные государства» [1]. Подобные суждения позволяют утверждать о стремлении к созданию единого государства, а каким путем – не важно.

На появившиеся слухи о том, что якобы объединение Беларуси и России позволит В. Путину остаться президентом после 2024 г., был вынужден отреагировать пресс-секретарь президента России Д. Песков, который отметил, что это «вольные упражнения, не имеющие никакого отношения к тому, что обсуждается в Кремле» [35]. По его словам, «в администрации президента России не обсуждают возможное объединение РФ с Белоруссией для сохранения российского лидера Владимира Путина у власти» [36]. Пресс-секретарь сказал, что Москва и Минск «движутся навстречу друг другу, а не в одну сторону» [15]. А 3 апреля 2019 г. спекуляции вокруг будущего российско-белорусских отношений прокомментировал глава МИД России С. Лавров. Отвечая на вопрос журналиста о том, существуют ли основания для опасений по поводу независимости Беларуси и России, министр заявил, что «подобные опасения не оправданы». По его словам, «мы не можем занимать такую позицию по отношению к братскому белорусскому народу. Мы ничего особенного не добиваемся. Хотим, чтобы чаяния россиян и белорусов, которые в свое

время были воплощены в Союзном договоре, реализовывались на практике» [35].

Заключение. Таким образом, в российском политическом дискурсе обсуждается проблема потенциального «поглощения» Беларуси РФ. У политиков и экспертов присутствует разное видение интеграции. Считая русских и белорусов одним народом, большинство из них отрицают наличие у руководства России планов по «аннексии» нашей страны, объясняя это прагматической нецелесообразностью в условиях непростых отношений с Западом. Меньшая часть политических и экспертных кругов, настроенных антипутински, наоборот, признает существование подобного сценария. В присоединении Беларуси они видят решение проблемы нахождения В. Путина у власти после 2024 г., а также объясняют подобные планы имперской сущностью политики Кремля. Однако сторонники данной точки зрения не предъявляют убедительных доказательств, поэтому есть все основания считать такого рода заявления «фейками» и «троллингом».

Работа выполнена в рамках научной темы «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов) по заданию 1.1.04 подпрограммы «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович) Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) (договор № 20160455).

Литература

1. Марков, С. Пограничная Белоруссия. Политолог Сергей Марков – о будущем российско-белорусских отношений [Электронный ресурс] / С. Марков // Известия. – 2017. – 6 февр. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/662523>. – Дата доступа: 13.08.2019.
2. Суздальцев, А. Российско-белорусские отношения: как мы потеряли Белоруссию? / А. Суздальцев // Безопасность Евразии. – 2007. – № 2. – С. 424–436.
3. Тренин, Д. Post-Imperium: евразийская история / Д. Тренин. – М.: РОССПЭН, 2012. – 326 с.
4. Trenin, D. Russia's Policy toward Belarus: A Tale of Two Presidents / D. Trenin // Prospects for Democracy in Belarus / J. Forbrig, D. R. Marples, P. Demeš (eds.); German Marshall Fund of the United States. – Washington, D.C., 2006. – P. 79–84.
5. Затулин, К.Ф. Союз России и Беларуси: незаметная годовщина [Электронный ресурс] / К.Ф. Затулин // Официальный сайт Константина Затулина. – 2014. – 8 дек. – Режим доступа: <http://zatulin.ru/soyuz-rossii-i-belarusi-nezametnaya-godovshhina/>. – Дата доступа: 04.09.2016.
6. Клименко, Ф. Андрей Пионтковский: по-тихому «замочить Батьку в сортире» уже не получится [Электронный ресурс] / Ф. Клименко // Русский Монитор. – 2017. – 4 февр. – Режим доступа: <https://rusmonitor.com/andrejj>.

- piontkovskijj-po-tikhomu-zamochit-batku-v-sortire-uzhe-ne-poluchitsya.html. – Дата доступа: 02.08.2019.
7. В Москве уверяют, что их посол Бабич «вырвет клыки» Лукашенко [Электронный ресурс] // ESPRESO.TV. – 2019. – 7 апр. – Режим доступа: https://ru.espreso.tv/news/2019/04/07/v_moskve_uveryayut_chno_ykh_posol_babych_quotvyrvet_klykyquot_lukashenko. – Дата доступа: 31.08.2019.
8. Венедиктов: у белорусов могут спросить, хотят ли они жить счастливо с Россией [Электронный ресурс] // Euroradio.Fm. – 12.08.2019. – Режим доступа: <https://euroradio.fm/ru/venediktov-u-belorusov-mogut-sprosit-hotyat-li-oni-zhit-schastlivo-s-rossiey>. – Дата доступа: 26.08.2019.
9. Чицова, Л. Поругались, помирились. Российско-белорусское единение без слияния [Электронный ресурс] / Л. Чицова, Я. Шимов // Радио Свобода. – 2019. – 2 апр. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/29856670.html>. – Дата доступа: 02.08.2019.
10. Лилия Шевцова: Путин знает, что его время уходит. И это его последний срок [Электронный ресурс] // Украинская правда. – 2018. – 26 нояб. – Режим доступа: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2018/11/26/7199387/>. – Дата доступа: 22.12.2018.
11. Навальный о продлении власти Путина: Вариант с Беларусью реальный [Электронный ресурс] // Белорусский партизан. – 2019. – 27 янв. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fbelaruspartisan.by%2Fpolitic%2F452970%2F>. – Дата доступа: 02.08.2019.
12. Ларина, К. Особое мнение [Электронный ресурс] / К. Ларина, Н. Сванидзе // Радио Эхо Москвы. – 2019. – 20 дек. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2557239-echo/>. – Дата доступа: 20.11.2019.
13. Россия должна наладить отношения с Белоруссией и Украиной – Зюганов [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 2019. – 15 марта. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fregnum.ru%2Fnews%2F2591867.html>. – Дата доступа: 02.08.2019.
14. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А.И. Подберезкин [и др.]; под ред. М.В. Александрова и О.Е. Родионова. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с.
15. Владимирив, В. Возможен ли российский аншлюс Беларуси? [Электронный ресурс] / В. Владимирив, Н. Явмен // Голос Америки. – 2019. – 1 янв. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/amp/belarus-ancshluss-russia/4724347.html>. – Дата доступа: 02.08.2019.
16. Бочарова, Е. Союз или разрыв: что ждет российско-белорусские отношения? [Электронный ресурс] / Е. Бочарова // РСМД. – 2019. – 7 марта. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/generation-shift/soyuz-ili-razryv-chno-zhdet-rossiyskobeloruskie-otnosheniya/>. – Дата доступа: 02.08.2019.
17. Ушаков, О. Владимир Рыжков: Поглощение Белоруссии вызовет кризис во всем мире [Электронный ресурс] / О. Ушаков // Собеседник.Ru. – 2018. – 18 дек. – Режим доступа: https://sobesednik.ru/politika/20181218-vladimir-ryzhkov-pogloshenie-belorussii-vyzovet-krizis-vo-vsem-mire?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. – Дата доступа: 17.10.2019.
18. Суздальцев, А.И. Формирование российской политики в отношении Белоруссии (2005–2008 гг.) / А.И. Суздальцев // Россия в глобальном мире: 2000–2011: хрестоматия: в 6 т. / сост.: И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов, Е.С. Алексеев; под общ. ред.: И.С. Иванова. – М.: Аспект Пресс, 2012. – Т. 5: Россия и постсоветское пространство. – С. 377–396.
19. Суздальцев, А.И. Россия, Украина и Белоруссия / А.И. Суздальцев // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / А.Г. Аксенов [и др.]; под ред. А.В. Лукина. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 340–392.
20. Лукашук, З. Аркадий Мошес: После Крыма устроить аншлюс Беларуси – вообще не проблема! [Электронный ресурс] / З. Лукашук // Euroradio.Fm. – 22.05.2014. – Режим доступа: <https://euroradio.fm/ru/arkadiy-moshes-posle-kryma-ustroit-anshlyus-belarusi-voobshche-ne-problema>. – Дата доступа: 26.08.2019.
21. Николай Сергеев: Если Москва будет принципиальна, то в 2020-м состоятся выборы в парламент Союзного государства (интервью) [Электронный ресурс] // Политринг. – 14.03.2019. – Режим доступа: <https://politring.com/articles/25178-nikolay-sergeev-esli-moskva-budet-principialna-to-v-2020-m-sostoyatsya-vybory-v-parlament-soyuznogo-gosudarstva.html>. – Дата доступа: 25.08.2019.
22. Заявление российского эксперта вызвало смех в ЕГУ [Электронный ресурс] // Салідарнасць. – 29.09.2019. – Режим доступа: <https://gazetaby.com/post/zayavlenie-rossijskogo-eksperta-vyzvalo-smex-v-egu/157038/>. – Дата доступа: 30.09.2019.
23. Власов, Д. Политолог: Россия пытается забрать у Беларуси активы, а не независимость [Электронный ресурс] / Д. Власов // Naviny.By. Белорусские новости. – 08.04.2019. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20190408/1554703619-politolog-rossiya-pytaetsya-zabrat-u-belarusi-aktivy-ne-nezavisimost>. – Дата доступа: 02.08.2019.
24. Старикевич, А. Сигнал тревоги: к чему Путин склоняет Лукашенко [Электронный ресурс] / А. Старикевич // Салідарнасць. – 15.08.2019. – Режим доступа: <https://gazetaby.com/post/signal-trevogi-k-chemu-putin-sklonyayet-lukashenko/155795/>. – Дата доступа: 22.08.2019.
25. Идеология ЛДПР / под общ. ред. В.В. Жириновского; Либерально-демократическая партия России. – М.: ЛДПР, 2010. – 96 с.
26. Президент РФ рассказал в своем видеоблоге о проблемах взаимодействия России и Белоруссии [Электронный ресурс] // Первый канал. – 2010. – 4 окт. – Режим доступа: https://www.ltv.ru/news/2010-10-04/138184-prezident_rf_rasskazal_v_svoem_videobloge_o_problemah_vzaimodeystviya_rossii_i_belorussii. – Дата доступа: 02.08.2019.
27. Жириновский: Абсолютное большинство белорусов поддержит вхождение в состав России [Электронный ресурс] // Tut.By. – 2018. – 17 дек. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fnews.tut.by%2Fconomics%2F619553.html>. – Дата доступа: 02.08.2019.
28. Жириновский предложил Беларуси стать частью России [Электронный ресурс] // Мир тесен. – 05.02.2017. – Режим доступа: <https://belarus-mt.ru/blog/43841166083/ZHirinovskiy-predlozhit-Belarusi-stat-chastyu-Rossii>. – Дата доступа: 02.08.2019.
29. Федорович, В. Станет ли Беларусь новой российской губернией? [Электронный ресурс] / В. Федорович // Naviny.By. Белорусские новости. – 29.11.2011. – Режим

-
- доступа: https://naviny.by/rubrics/politic/2011/11/29/ic_articles_112_175996. – Дата доступа: 21.07.2019.
30. Бабурин, С. Никто из президентов не хочет быть могильщиком Союзного государства [Электронный ресурс] / С. Бабурин // Русская народная линия. – 07.03.2007. – Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/07/nikto_iz_prezidentov_ne_hochet_byt_mogil_wikom_soyuznogo_gosudarstva/. – Дата доступа: 09.05.2008.
31. Круглый стол «Российско-белорусские отношения: мифы и реальность» [Электронный ресурс] // Изборский клуб. – 2016. – 7 дек. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/11540>. – Дата доступа: 21.08.2019.
32. Навальный считает русских и белорусов «фактически» одним народом [Электронный ресурс] // EX-PRESS. BY. – 2012. – 16 февр. – Режим доступа: <https://ex-press.by/rubrics/v-mire/2012/02/16/navalnyj-schitaet-russkix-i-belorusov-fakticheski-odnim-narodom>. – Дата доступа: 02.08.2019.
33. Запрудский, С. Павел Усов: Россия не позволит себе забыть продвинутую интеграцию Беларуси [Электронный ресурс] / С. Запрудский // Thinktanks.by. – 2019. – 17 июня. – Режим доступа: <http://thinktanks.by/publication/2019/06/17/pavel-usov-rossiya-ne-pozvolit-sebe-zabyt-prodvinutuyu-integratsiyu-belarusi.html>. – Дата доступа: 17.08.2019.
34. Российский журналист Максим Шевченко: Белорусы не являются частью русского народа, а Александр Григорьевич – национальный лидер [Электронный ресурс] // Лукашенко-2012. – 25.09.2015. – Режим доступа: http://www.lukashenko2008.ru/articles/stat_i/1556/. – Дата доступа: 02.08.2019.
35. Лавров озвучил новые задачи Союзного государства Беларуси и России [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. – 2019. – 4 апр. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/lavrov-ozvuchil-novye-zadachi-soyuznogo-gosudarstva-belarusi-i-rossii/>. – Дата доступа: 02.08.2019.
36. Кремль отреагировал на дискуссии о «присоединении Беларуси» [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. – 2019. – 22 марта. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/kreml-otreagiroval-na-diskussii-o-prisoedinenii-belarusi/>. – Дата доступа: 02.08.2019.

Поступила в редакцию 11.12.2019

ФИЛОСОФИЯ

Формы и способы конструирования межэтнической толерантности в условиях Пограничья (на примере Западного региона Беларуси)

Боярчук Т.Н.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно

В современном глобальном мире научный интерес вызывают локальные сообщества поликультурного Пограничья, примером которого является Западный регион Беларуси. Полиэтнический состав населения в регионе Пограничья базируется на принципах межэтнической толерантности.

Цель статьи — выявление основных форм и способов конструирования межэтнической толерантности в формировании региональной модели диалога и взаимопонимания культур в условиях полиэтнического региона Западной Беларуси.

Материал и методы. Материалом исследования выступает поликультурное Пограничье Западного региона Беларуси, рассматриваемое в контексте взаимодействия этногрупп на основе межэтнической толерантности. Методы: анализ и синтез, реконструкции, этнопсихологический, феноменологический, кросс-культурный.

Результаты и их обсуждение. На примере Западного региона Беларуси проанализированы формы и способы конструирования межэтнической толерантности, которые способствуют сохранению бесконфликтности в условиях поликультурного взаимодействия. Этногруппы Пограничья имеют общую психологическую зону совпадения этнотипических стилей поведения и способов коммуникации, что помогает межэтнической толерантности.

Заключение. В мультикультурном обществе межэтническая толерантность достигается в процессе установления отношений взаимного доверия и диалога. В условиях Пограничья Западного региона Беларуси этногруппы на протяжении длительного времени взаимодействия сформировали особый тип отношений, проявляющийся в активной форме межэтнической толерантности.

Ключевые слова: Пограничье, этногруппа, этнофоры, толерантность, конформизм, «Я» и «Другой».

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 69–76)

Forms and Methods of Constructing Interethnic Tolerance in the Conditions of the Borderland (on the example of the Western Region of Belarus)

Boyarchuk T.N.

Educational Establishment “Yanka Kupala State University of Grodno”, Grodno

In the modern global world, local communities of the multicultural Borderland, of which the Western region of Belarus is an example, are of interest. The multi-ethnic composition of the population in the Borderland region is based on the principles of interethnic tolerance.

The purpose of the article is to identify the main forms and methods of constructing interethnic tolerance in the formation of a regional model of dialogue and mutual understanding of cultures in a multi-ethnic region of Western Belarus.

Material and methods. The research material is the multicultural frontier of the Western region of Belarus, considered in the context of the interaction of ethnic groups on the basis of interethnic tolerance. The research methods applied in the article are analysis and synthesis, reconstruction, ethnopsychological, phenomenological, cross-cultural.

Findings and their discussion. Using the example of the Western region of Belarus, the forms and methods of creating interethnic tolerance were analyzed, which allow maintaining conflict-free conditions in the context of multicultural interaction. Ethnic groups have a common psychological point of coincidence of ethnotypic styles of behavior and methods of communication, which contributes to interethnic tolerance.

Conclusion. In a multicultural society, interethnic tolerance is the result of a relationship of mutual trust and security. In the conditions of the Border Zone of the Western region of Belarus, ethnic groups form a special type of relationship, manifested in an active form of interethnic tolerance.

Key words: Borderland, ethnic group, ethnophors, tolerance, conformism, “I” and “Another”.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 69–76)

Нынешний мир представляет собой огромное множество поликультурных сообществ и государств, где необходимым звеном оптимизации отношений между представителями различных этносов и их культурного взаимодействия является толерантность, способствующая поддержанию и сохранению целостности и стабильности общества. Многовековой опыт формирования различных этнических групп в пространстве поликультурного мира, отраженный в предметной сфере социогуманитарных наук, – уникальный объект познания как в теоретическом, так и эмпирическом аспектах для рассмотрения сущности толерантности как требуемого условия взаимодействия людей, принадлежащих к различным социокультурным системам.

Неповторимым примером такого поликультурного сообщества является Западный регион Беларуси, который в силу своего геополитического положения и исторического развития представляет собой поликультурное Пограничье, где на протяжении столетий проживают различные этнические группы населения, такие как белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, татары, литовцы и другие. Выбор данного региона не случаен, так как Западная Беларусь на протяжении только XX столетия стала ареной войн и социальных экспериментов, в итоге которых в течение короткого периода истории несколько раз меняла типы общественного устройства и государственную принадлежность, что и поспособствовало формированию полиэтнического состава населения. Теоретическое осмысление особенностей объединения людей, их внутригрупповых и межгрупповых взаимоотношений в регионе межэтнического Пограничья имеет свою актуальность для определения специфики их взаимодействия.

Цель статьи – выявление основных форм и способов конструирования межэтнической толерантности в формировании региональной модели диалога и взаимопонимания культур в условиях полиэтнического региона Западной Беларуси.

Материал и методы. Материалом выступает феномен поликультурного Пограничья на примере Западного региона Беларуси, отличающегося полиэтническим составом населения, что подразумевает обеспечение межкультурного взаимодействия на основе конструирования межэтнической толерантности. Для установления форм и способов конструирования межэтнической толерантности в условиях Пограничья были применены конкретные методы изучения объекта и предмета исследования: философские методы анализа и синтеза, посредством которых осуществлялась систематизация разнообразных теоретических концепций и фактических данных; метод реконструкции исторических условий культурогенеза на Пограничье Западного региона Беларуси; этнопсихологический метод анализа культуры и повседневной бытовой деятельности этносов; феноменологический метод анализа повседневного мира этнофоров

Пограничья, а также кросс-культурный метод, позволяющий рассмотреть действие этнопсихологических и социокультурных процессов в различных условиях развития межэтнических контактов в регионе Пограничья. Реализация поставленной цели, задач и методов исследования поможет получить модельное представление о сущности и характере межэтнических взаимодействий в Западном регионе Беларуси, определяемом нами как регион Пограничья.

Результаты и их обсуждение. Рассматривая толерантность как феномен культуры, необходимый для формирования позитивного взаимодействия в условиях Пограничья, следует, во-первых, прояснить теоретические основы и принципы той жизненной философии, которая реально обеспечивает практическую, повседневную толерантность, но до сих пор остается вне поля зрения ученых. Во-вторых, важно выявление существенных черт и особенностей реально существующего менталитета, опирающегося на принципы толерантности. В-третьих, проанализировать те формы и способы конструирования межэтнической толерантности, которые способствуют сохранению бесконфликтности и сотрудничеству. Решение поставленных задач позволит установить, насколько толерантность в условиях Пограничья помогает успешно осуществлять повседневный образ жизни жителей Западного региона Беларуси и в какой мере он устойчив в условиях поликультурного взаимодействия.

В Западном регионе Беларуси сложилось устойчивое взаимодействие культур различных этногрупп населения, вследствие чего происходят их контакты как на межличностном, так и на межгрупповом уровнях, поэтому проблема межэтнического взаимопонимания вызывает интерес среди отечественных ученых. Так, в последнее время феномен Пограничья активно изучается в рамках современного социогуманитарного знания и характеризуется исследовательскими подходами философов, этнологов, культурологов, социологов, а также специалистов по кросс-культурной психологии и межкультурным коммуникациям, среди которых необходимо выделить таких белорусских исследователей, как Е.М. Бабосов [1], Н.Н. Беспямятных [2; 3], И. Бобков [4], Л.Г. Титаренко [5], С.В. Донских [6] и др.

Изучение форм и типов межэтнического взаимодействия в Западном регионе Беларуси в XX веке фактически не было предметом специального концептуального осмысления. В свою очередь подобное положение затрудняло исследование динамики этнических процессов, в значительной степени определяющих бурное и контрастное развитие Западного региона Беларуси, специфичность которого определялась его пограничным положением. Изучением данной проблемы в 90-е годы XX столетия в Гродненском государственном университете занималась научно-исследовательская лаборатория под руководством У.Д. Розенфельда и его научной школы (Н.Н. Беспямятных, С.В. Донских, Г.Н. Щелбанина, Г.Н. Кобяк)

по научным темам: «Этносоциальные и социокультурные процессы пограничного региона (Западная Беларусь)», «Типы этнического взаимодействия в Западном регионе Беларуси: XX век».

Также необходимо отметить, что научный интерес к проблеме этнокультурных особенностей и взаимодействий восходит к философским трудам Д. Юма, классической этнографии и антропологии Э. Дюркгейма, Л.Г. Моргана, Э. Тэйлора. С развитием социогуманитарного знания проблема межкультурных различий и взаимодействий стала предметом исследования в социологии, этнологии, философии культуры, культурной антропологии, кросс-культурной, этнической психологии. В последнее время интерес к анализу проблем межэтнического взаимодействия в российской научной среде принадлежит к числу ключевых, о чем свидетельствует обширный круг теоретических исследований. Так, среди наиболее ярких исследователей этнических особенностей социализации, черт национального характера, специфики межэтнических контактов необходимо отметить таких, как Ю.В. Арутюнян, исследующий межличностный аспект в национальных отношениях постсоветских обществ [7], Л.М. Дробижева, анализирующая в своих исследованиях социально-психологические проблемы межгруппового взаимодействия [8], Н.М. Лебедева, изучающая сущность этнической идентичности и толерантности [9], А.П. Садохин, представляющий межкультурное понимание как основу толерантности [10].

Из европейских исследователей Пограничья Западного региона Беларуси значимы кросс-культурные исследования польской научной школы А. Садовского (Г. Бабинский, Э. Смулкова, А. Миронович), рассматривавшей Пограничье с польской стороны Подляшского воеводства [11]. В этой связи особый интерес представляют их исследования национального самосознания и межэтнического взаимодействия региона Пограничья, так как их результаты могут оказаться сопоставимыми с исследованиями белорусских ученых.

Современная этносоциальная теория определяет Пограничье не только как территорию, на которой сосуществует определенное количество этнокультурных групп населения, но и как регион с определенным типом межэтнических отношений, что связано с различными формами взаимодействия между представителями этногрупп региона и формированием особого типа человека, для которого характерно индивидуальное самосознание и групповое сознание, сочетающее в себе черты различных культур. Весьма важно в этой сложной ситуации этнокультурного взаимодействия сохранять условия бесконфликтного сосуществования, что само собой подразумевает создание определенных отношений, основанных на идее толерантности, где осуществляется принцип понимания богатого многообразия культур, а также проявляется способность поликультурного сообщества и его представителей воспринимать и принимать друг

друга. Исходя из этого межэтнические, межкультурные, межконфессиональные взаимодействия в регионе Пограничья нуждаются, прежде всего, в обстоятельном научном осмыслении форм и способов конструирования межэтнической толерантности.

При анализе способов конструирования межэтнической толерантности мы выдвигаем следующую гипотезу исследования: в связи с тем, что психология человека функционирует по общечеловеческим законам и универсальным механизмам, во всей своей многоаспектности она будет иметь те сферы проявления, где социотипическое поведение этнических групп поликультурного Пограничья найдет общую психологическую зону совпадения этнотипических стилей поведения, способов коммуникации и ценностных предпочтений. Эта зона совпадения является основой толерантности в межэтническом взаимодействии, понимания сходств культур, единства общечеловеческих ценностей в многообразии межкультурных различий.

Необходимость изучения сущности межэтнического взаимодействия в Западном регионе Беларуси обуславливается рядом причин. Одна из основных – это реализация поиска бесконфликтного сосуществования этногрупп в регионе Пограничья и выяснение того, как полиэтнические культуры, взаимодействуя между собой, находят общее и формируют свои отношения.

Обращаясь к изучению Западного региона Беларуси, мы рассматриваем данный регион Пограничья как поликультурный, исходя из следующих аспектов:

– *этнокультурный*, так как в данном регионе Пограничья живут и взаимодействуют представители разных этносов, каждый из которых в той или иной степени сохранил свою самобытность на протяжении многовековой истории;

– *трансграничный* – белорусско-польско-литовское и белорусско-украинское геополитическое Пограничье, где Гродненская область граничит с Подляшским воеводством Польши и Виленским краем Литвы, а Брестская область – с Ровенской и Волынской областями Украины и Люблинским воеводством Польши, что также способствует формированию особого типа пограничного человека как с одной, так и с другой стороны границы;

– *конфессиональный* – православно-католическо-униатское Пограничье, где мирно проживают представители различных конфессий и распространена практика межконфессиональных браков;

– *геополитический*, при котором размежевание Востока и Запада способствует поликультурности различных ментальных характеристик, что также влияет на самосознание жителей Западного региона Беларуси.

При этом необходимо отметить, что межэтническое взаимодействие в данном регионе имеет вековые традиции, которые и сформировали соответствующие формы и механизмы, обеспечивающие, с одной стороны, толерантный характер взаимоотношений, а с другой – сохранение специфики социокультурного

облика каждой из этногрупп региона. На территории Западного региона Беларуси в условиях Пограничья сложились устойчивые формы сосуществования этносов и взаимодействия их культур, а также и взаимных отношений их представителей. В результате этого образовался своеобразный тип локальной культуры, основанный на культуре взаимной толерантности, исключающий этнические и конфессиональные конфликты. Данному региону присущ своеобразный менталитет и тип людей, одновременно «включенных» в несколько культур и формирующих определенное специфическое поликультурное образование. Подобному «включению» представителей белорусского, польского, литовского, русского и других традиционно сформировавшихся и проживающих до настоящего времени этносов способствуют их постоянные контакты в семейной, бытовой, профессиональной сферах бытия Пограничья.

Характеризуя особенности менталитета, а также этническое самосознание населения Пограничья, важно учесть следующие особенности:

- Западный регион Беларуси представляет собой уникальный феномен полиэтничности, где проживают представители более 10 этногрупп, некоторые из которых (особенно белорусы, поляки, литовцы, украинцы) проживают совместно в этом регионе на протяжении нескольких веков. В результате длительного межэтнического контакта в данном регионе сложился своеобразный «культурный тип», отличающийся толерантным отношением к иноэтническим компонентам;

- этнические группы Западного региона Беларуси, осваивая, как правило, собственную социокультурную нишу, формировали свои отношения как бы дополняя друг друга, а не вступая в противоречия между собой;

- представители наиболее многочисленной этногруппы – белорусы, с характерной ей основной ментальной чертой – толерантностью, никогда не являлись антагонистами по отношению к другим представителям этногрупп региона;

- поликонфессиональный характер региона Пограничья, где сосуществуют представители различных конфессий – православные, католические, униатские, мусульманские и другие.

Частота межэтнических и межконфессиональных контактов в Западном регионе Беларуси всегда была очень высока, поэтому позитивность их взаимоотношений поспособствовала формированию толерантного менталитета. Межэтнические отношения в Беларуси всегда характеризовались определенной стабильностью и отсутствием межнациональных конфликтов, что объясняется, прежде всего, вековыми традициями совместного проживания белорусских, польских, литовских, русских и других этногрупп населения. Также необходимо отметить, что для белорусского менталитета характерно отсутствие чувства превосходства над другими народами. Сохранения основ своей этничности белорусы как титульная нация региона добивались не за счет агрессив-

ности, насилия, а за счет толерантных качеств, поощряющих миролюбие, взаимопомощь, сотрудничество в отношениях со всеми этническими группами населения.

Установив своеобразие Западного региона Беларуси, следует выявить сущность формирования и способы конструирования межэтнической толерантности, определяющей характер взаимоотношений этногрупп региона Пограничья. Для этого необходимо переосмыслить феномен толерантности как особый тип отношений, в основе которого лежит феноменологический анализ повседневности через механизмы саморефлексии этнофоров (т.е. представителей этнической группы) в процессе их взаимодействия. Философское понимание толерантности в рамках феноменологии позволяет проанализировать процесс взаимодействия субъектов (этнофоров) посредством описания явлений в том виде, как они проявляются в воображении человека и его сознании. Структурирование этнических форм взаимодействия в условиях поликультурного Пограничья определяется как ментальностью этноса, так и жизненным миром (повседневностью), что, с одной стороны, уводит в сферу либо образа жизни каждого этнофора, либо не осознаваемых коммуникативных их взаимодействий.

Межэтнические контакты этногрупп региона Пограничья сопровождаются контактами с другими этнокультурами, вследствие чего в них могут происходить естественные взаимоизменения, связанные с проникновением различных элементов культур, что особенно характерно для межэтнических и межконфессиональных браков в данном регионе. При этом каждая из этнокультур имеет различные уровни самосохранения, причем, чем выше этот уровень, тем она устойчивее и способна более избирательно ассимилировать только то, что ей необходимо. Этнокультуры региона Пограничья Западного региона Беларуси в процессе их многовекового взаимодействия смогли сохранить свою специфику благодаря тому, что у каждой из них наиболее развиты защитные механизмы самосохранения и сильный уровень саморефлексии. Такие культуры и их носители (этнофоры) лучше защищены от проникновения элементов чужих культур, тем самым оказывается сильное сопротивление попыткам ассимиляции. Представители поликультурного мира Пограничья сформировались, постепенно осознавая необходимость саморефлексии и самопознания, посредством возврата к мифам и культурно-историческому прошлому, что выразилось в субъективном поиске своего мира. Каждая из этнокультур региона, исходя из своей самодостаточности, способна сохранять и поддерживать самобытность. Таким образом, одним из способов конструирования межэтнической толерантности в регионе Западной Беларуси являются защитные механизмы самосохранения и высокий уровень саморефлексии каждого из этнофоров региона.

На формирование и реализацию толерантности в регионе Пограничья влияет межэтническая дистанция как необходимое условие сосуществования куль-

тур в рамках полиэтнической системы, как и внутренняя потребность самих этногрупп для поддержания своей оригинальности. При этом в стремлении сохранить свою специфику, самодостаточность каждая из этногрупп региона не изолировалась, а сформировался особый тип межэтнической коммуникации, основанный на сотрудничестве и культуре толерантности. Понимание происходящих процессов межэтнического взаимодействия в регионе Пограничья связано с необходимостью более глубокого анализа механизмов сохранения и функционирования этноса, а также характеристики специфической формы взаимодействия между этносами, которое, с одной стороны, направлено на формирование внутренней самоизоляции, а с другой – на расширение контактов вовне, так как невозможно в поликультурном мире существовать изолированно.

Для осмысления того, как происходило и происходит самосохранение жизни этносов в регионе Пограничья, вполне правомерно использование идеальных моделей самоструктурирования как этнических групп, так и поликультурного региона в целом. Наложение идеальных моделей на исторический процесс позволяет проследить механизмы защиты этноса в экстремальных ситуациях с точки зрения креативной системы его спонтанного самоструктурирования. Теоретическая проработка вопроса формирует у исследователя четкую идеальную модель анализа, но применение ее в рамках осмысления специфики анализируемого региона заставляет вносить коррективы в идеальную модель реальности, так как она определяется не столько современностью, сколько исторической памятью этнофоров, которые, находясь на стыке различных этнокультурных традиций в каждом из исторических этапов формирования региона, способны или даже вынуждены воспринимать социокультурные элементы различных культурных систем.

Таким образом, находясь на стыке разных культур, представители поликультурного Пограничья, удерживают в своем сознании значительно большее количество идеальных моделей, которые заполняют не только повседневный мир, но и сферы конечных значений, что приводит к возможности большего количества вариантов применения идеальных моделей как к анализу действительности, так и к многообразию моделей типов поведения, что и объясняет особый тип взаимодействия. На определенных исторических этапах, связанных с формированием поликультурности региона Пограничья, подобная ситуация приводит к формированию толерантного типа поведения этнофоров. Особенностью Западного региона Беларуси является единый контекст чего-то общего, т.е. того, что люди уже не рефлексируют, а неосознанно присваивают, а именно, элементы других культур.

Формирование культуры межэтнической толерантности требует немалых усилий от субъектов взаимодействия, так как необходимо создать общее пространство взаимодействия, не потеряв себя и

не нарушив границы другого «Я». Результативность содействия на «Другого» зависит от контакта с ним и способов воздействия друг на друга. И то, и другое связано с этнокультурной компетентностью, т.е. информированностью о партнере, поэтому важным фактором является осведомленность, знание о субъекте взаимодействия. Необходимы при этом тактика и стратегия взаимоотношений, где первая зависит от эмоционального отношения к объекту взаимодействия («Другому»), от оценки собственной выгоды, а вторая – от понимания ценности общей цели и ценностного отношения к субъектам взаимодействия. В условиях поликультурного Пограничья стратегическое должно доминировать, так как лучшая стратегия – взаимная выгода, основанная на ценностном выборе, а доминирование тактики может порождать конфликты. Установка на контакт во взаимодействии – необходимое условие возникновения содействия, при этом взаимный, конструктивный контакт возникает при объединении «Я» в «Мы»: проявлением интереса к нему и его проблемам, подчеркиванием общего, и всем тем, чем можно показать, что «Другой» существует для нас, и мы его принимаем. В этом также состоит один из способов реализации межэтнической толерантности, когда каждый из представителей разных этногрупп Пограничья, не проявляя свое доминирование или изоляцию, готов к взаимодействию и сотрудничеству.

Чтобы гарантировать толерантность в качестве принципа совместного взаимодействия и взаимоуважения этногрупп Пограничья, следует ее признавать как собственную потребность каждого субъекта отношений посредством установления ее как позиции содействия. К межэтнической толерантности культуры Пограничья мы относим взаимное уважение различных культур и традиций, так как в ее основе лежит принцип признания самоценности каждой культуры, где внимание направлено не на разделяющее начало, а на объединяющее, на общечеловеческие позиции, а именно – готовность к сотрудничеству, способность и желание идти на компромиссы.

Анализ жизненного мира посредством философского осмысления повседневности позволяет выйти на новый уровень рассмотрения межэтнических взаимодействий изучаемого региона, что раскрывает то, что придает повседневной жизни ее упорядоченный характер. Жизненный мир Западного региона Беларуси локализуется сохранением традиций, основывающихся на исторической памяти, которая жива только в трансляции и реализации их преемственности, образа жизни, родственных связей и длинных цепей семейных поколений. Жизнь каждого этноса пограничного региона проходит в относительно одинаковых условиях совместного проживания, что вполне закономерно предполагает единство взглядов, общие критерии оценки, сходные способы поведения и единые точки соприкосновения. Формирование оценочных суждений развивается постепенно в процессе

взаимодействия и завершается появлением общих этнопсихологических эталонов, которые передаются из поколения в поколение в виде обычаев, традиций, обрядов, мифов, стереотипов, оценок и т.д. Таким образом, окружающий мир каждого представителя этнической группы поликультурного Пограничья обладает некоторыми единообразными элементами, которые типизируют поведение каждого из них, тем самым подчиняют его нормам, выработанным и принятым в процессе исторического развития данного региона. Тем самым подтверждается выдвигаемая нами гипотеза, что этнические группы поликультурного Пограничья имеют общую психологическую зону совпадения этнотипических стилей поведения, способов коммуникации и ценностных предпочтений, что и способствует конструированию основ межэтнической толерантности.

Для более четкого понимания сущности реального жизненного мира межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе Пограничья необходимо выявление дифференциации границ толерантности, что характеризует и формы ее проявления. Так, немецкий исследователь Отфрид Хеффе выделяет 2 основные формы толерантности: пассивную и активную, где пассивная (излишняя терпимость к другому) «несет в себе заряд цивилизованного общения между людьми и благодаря ей становится возможной и приемлемой совместная жизнь в браке, в семье, в обществе, в государстве», а ее более сильная – «свободное признание другого, его инаковости, что, в конечном счете, основывается на достоинствах и свободе каждой человеческой личности» [12, с. 22]. Если принять форму толерантности как пассивности, то можно выявить отождествление толерантности с конформизмом, где проявляется вынужденная позиция, при которой существует тенденция личности изменять свои убеждения и ценностные установки на основе сознательного согласия под влиянием группы (большинства), в которую человек включен. Тенденция к конформизму в условиях межэтнического Пограничья будет связана с более низким уровнем развития самосознания. Тем не менее проявление «разумной» доли конформизма, что определяется реальностью, важно в процессе межэтнического взаимодействия в условиях Пограничья конкретно изучаемого региона. Конформизм является необходимой тактикой взаимодействия, так как человек вынужден терпеть чуждое ему только потому, что другого ему ничего не остается. Таким образом, пассивная форма толерантности – это форма терпеливого смирения, пассивного принятия существующего порядка вещей, господствующих мнений, тактики постоянной уступки, непротивления, вынужденное приспособление своего «Я» к общепринятому. Проявление уступчивости может также подразумевать такую форму взаимодействия, как компромисс, который необходимо отличать от конформизма, так как идущие на компромисс договариваются о взаимных уступках, а проявление конформизма подразумевает отказ от своего «Я». Конформисты с легкостью меняют свои

убеждения, если им это выгодно, а компромиссный человек в чем-то уступит, но не поменяет своих взглядов.

Активная (сильная) форма проявления толерантности означает заинтересованное отношение к «Другому», желание прочувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно (т.е. мироощущение) иное, чем-то не похожее на собственное восприятие действительности. Толерантность сама по себе не вялая, не аморфна, она активна, так как ее максимальная интенсивность проявляется в процессе взаимодействия. Толерантность – это позиция, призывающая к активности, к установлению духовной связи с «Другим». Руководствуясь ею как принципом «гуманного общения», от недоверия к настороженности «Я» приходит к пониманию и восприятию «Другого», а от этого – к признанию последнего.

При этом толерантность означает действенность и гарантии свободы «Других», уважение к другому мировоззрению и способам поведения. Подобное признание «Другого», его инаковости в конечном счете, базируется на достоинствах каждой человеческой личности. К позиции толерантности причастен тот, кто признает инакомыслящего, не отказываясь при этом от собственных убеждений. И толерантность, конечно, состоит не столько в снисхождении к своеобразию и слабостям Другого, а к взаимному признанию каждого в их совместной жизнедеятельности, без чего невозможно создание культуры межэтнического взаимодействия на принципах толерантности. Полноценна толерантность, которая основывается на готовности и способности включаться в образ жизни «Другого», его мировоззрение [12, с. 24]. Таким образом, если активная форма толерантности предопределяет рефлексию над сознательным выбором допущения «Другого», основана на готовности и способности включаться в образ жизни «Другого» и его мировоззрение, то пассивная – основана на конформизме, в основе которого – приспособление к инаковости «Другого».

При анализе сущности и форм конструирования межэтнической толерантности в условиях Пограничья перед нами стоит задача – определить, какая форма толерантности характерна для представителей Западного региона Беларуси.

Чтобы гарантировать толерантность в качестве ключевого принципа совместной жизни и взаимоуважения между субъектами взаимодействия в условиях поликультурного мира, необходимо проявление ее активной формы, так как в процессе взаимодействия внимание направлено не на разделяющее начало, а на объединяющее, а именно – готовность к сотрудничеству. К межэтнической толерантности культуры Пограничья мы относим взаимное уважение различных культур и традиций, где в основе лежит принцип признания самоценности всех этнокультур региона. Толерантность как тип межэтнического взаимодействия культур Пограничья должна рассматриваться в числе магистральных нравственных ценностей, где она вы-

стует в качестве одного из фундаментальных признаков цивилизованности и высокого уровня культуры.

Новые коннотации в осмыслении культуры связаны с ее пониманием как модуса человеческой экзистенции, где культура есть не только сфера универсальных моральных ценностей и норм, но и весь жизненный мир. Это локальный модус экзистенции людей, их повседневный мир, который оформлен их естественноисторическим развитием и управляет личностным восприятием, чувствами, эмоциями, ценностями и смыслами. Исходя из социокультурных и индивидуальных особенностей, вследствие своеобразия условий жизни люди по-разному воспринимают действительность, у них разные жизненные установки, но при этом каждый живет в едином социуме, где немало общего. В условиях поликультурного Пограничья необходимо только сфокусировать внимание на этом «общем», на определении сходства, на поиске того, что объединяет. И тут особую важность в процессе коммуникации обретает процесс взаимного сотрудничества и обогащения, при котором каждый имеет право быть принятым. Человек толерантный, с одной стороны, готов предоставить партнеру такую возможность, а с другой – отстаивая собственные взгляды и убеждения, принимать жизненные приоритеты партнера. Таким образом, принцип толерантных отношений подразумевает стремление к диалогу и сотрудничеству на основе активной формы проявления со-действия.

Пограничье Западного региона Беларуси как поликультурное пространство связано с дихотомией взаимодействия «Я» и «Другого», где невозможно познание себя без сопоставления своего «Я» с «Другим». Толерантность исходит из признания «Другого» как свободной и равноправной личности, имеющей право формировать свои собственные убеждения, жить в соответствии с ними самостоятельно или совместно с Другими, не нарушая их жизненные приоритеты, тем самым не причиняя вреда остальным субъектам коммуникации. Таким образом, в условиях поликультурного Пограничья межэтническая толерантность выступает не как самоцель, а как необходимое условие взаимодействия и сотрудничества, как позиция, призывающая к активности, к установлению духовной связи с «Другим». Спецификой межэтнического взаимодействия в регионе Пограничья является формирование и поддержание активной формы толерантности, представляющей собой такой тип взаимоотношений, при которой осуществляется принцип понимания многообразия культур, а также способность полиэтнического сообщества уважать и принимать жизненный мир других. Толерантность как осознанная установка на принятие «Другого» через обратное допущение такого же отношения к себе позволяет сохранить относительную стабильность в поликультурном регионе Западной Беларуси, объединяющем различные этнические культуры.

Для осуществления культуры межэтнической толерантности в процессе взаимодействия необходимы определенные условия, такие как:

- конструктивный диалог, при котором толерантность не означает отказ от собственных взглядов и позиций, а свидетельствует об открытости участников диалога, об их «взаимопроницаемости»;
- равноправие субъектов взаимодействия, их взаимовыгодное сотрудничество;
- взаимная согласованность действий, мнений, позиций субъектов взаимодействия;
- взаимопонимание как способность принятия другого;
- признание самоценности и самодостаточности других культур.

В обеспечении подобных условий и состоит предназначение толерантности как основного принципа взаимодействия этносов Пограничья.

Следовательно, целью толерантности является утверждение ее в качестве внутренней установки каждого из представителей этногрупп Пограничья, что впоследствии формирует и определяет взаимоотношения между людьми. Одним из важных способов функционирования толерантности является отказ от монополии своего «Я» и признание «иного» (инаковости). При этом дихотомия «Я»–«Другой» предполагает разногласие, но не требует отказа от своих убеждений, а, напротив, призывает к сосуществованию различий. Пограничье в своей сущности настолько многообразно в культурном, идеологическом, религиозном и прочих отношениях, что избежать разобщенности взглядов, взаимной агрессии можно только на основе толерантности.

Заключение. Таким образом, не вызывает сомнений, что Западный регион Беларуси является полиэтническим, так как здесь проживают представители польского, украинского, литовского, русского, татарского и других этносов. Хотя фактически основную часть населения составляют этнические белорусы, в регионе преобладают польская, русская, украинская, литовская культурные традиции, поэтому мы и определяем Западный регион Беларуси поликультурным ареалом. Стремление рассматривать культурное наследие многочисленных этнических групп, которые населяют регион Пограничья, как составную часть истории и культуры Беларуси, находить при этом в историческом развитии белорусской государственности пути к взаимовлиянию и обогащению культур – это основа формирования межэтнической толерантности.

В мультикультурном обществе согласие и взаимопонимание могут быть достигнуты только в процессе установления отношений взаимного доверия на основе толерантности. Эта идея все чаще привлекает внимание политиков, социологов, философов, психологов, педагогов. Толерантность не сводится к простой терпимости, снисходительному допущению или вынужденному терпению неприятных или неприемлемых ситуаций, так как в отличие от тер-

пимости толерантность подчеркивает право личности на сохранение своей автономии. Как социально-психологический феномен толерантность предполагает настроенность личности на паритетный диалог, познание иного, «чужого». Толерантность является уникальным механизмом мирного сосуществования в современном сложном многополярном мире.

Поликультурное и этническое разнообразие Западного региона Беларуси в условиях Пограничья – уникальный феномен, поэтому спецификой межэтнической коммуникации в данном регионе является то, что этногруппы на протяжении длительного времени взаимодействия сформировали и смогли сохранить особый тип отношений, проявляющийся в активной форме межэтнической толерантности. Исходной точкой и основным способом формирования культуры межэтнической толерантности выступает возникновение у разнородной по этническому составу группы населения поликультурного Пограничья общей психологической зоны совпадения интересов, взглядов, стилей поведения и отношений, которые осознаются ими как необходимые условия сосуществования. Важной характеристикой таких потребностей служит то, что они выражают общий коллективный интерес, содержательно превосходящий индивидуальные интересы каждого из представителей межэтнического региона. Потребности подобного рода представляют собой особые межиндивидуальные отношения и осуществляются посредством совместных действий, направленных на установку взаимоуважительных, а именно толерантных отношений, что и необходимо для полиэтнического региона Пограничья.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Белорусская модель этнокультурного развития / Е.М. Бабосов // Философские проблемы бытия, познания, веры и культуры / Е.М. Бабосов. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 164–175.
2. Беспамятных, Н.Н. Белорусско-польско-литовское пограничье: границы, культуры, идентичности / под науч. ред. проф. М.А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2009. – 244 с.
3. Беспамятных, Н.Н. Границы и пограничья: подходы, понятия, перспективы / под науч. ред. проф. М.А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2012. – 206 с.
4. Бобков, И. Этика Пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки. – 2005. – № 3–4. – С. 34–42.
5. Титаренко, Л.Г. Теории пограничья [Электронный ресурс] / Л.Г. Титаренко. – 2013. – Режим доступа: // <https://docplayer.ru/33747459-L-g-titarenko-teorii-pogranichya.html>. – Дата доступа: 13.10.2019.
6. Донских, С.В. Пограничье как проблема современной белорусской науки / С.В. Донских // Народы, культуры и социальные процессы на пограничье: материалы междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 22–23 февр. 2010 г. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 102–105.
7. Арутюнян, Ю.В. Мультикультурализм как социокультурный феномен полиэтнического общества / Ю.В. Арутюнян // Вопросы философии. – 2018. – № 8. – С. 26–33.
8. Дробижева, Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы современности / Л.М. Дробижева // Век толерантности. – 2003. – № 6. – С. 40–55.
9. Лебедева, Р.М. Психологические исследования этнической толерантности: монография / Р.М. Лебедева. – Екатеринбург: Уральский ун-т, 2003. – 240 с.
10. Садохин, А.П. Межкультурное понимание как основа толерантности / А.П. Садохин // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – С. 163–180.
11. Sadowski, A. Pogranisze polsko-białoruskie: Tożsamość mieszkańców / A. Sadowski. – Białystok, 1995. – 269 s.
12. Хеффе, О. Плюрализм и толерантность: к легитимации в современном мире / О. Хеффе // Философские науки. – 1991. – № 12. – С. 16–28.

Поступила в редакцию 02.12.2019

Билингвизм в социокультурной динамике общества (к истории вопроса)

Буденис О.Г.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно*

Данное исследование посвящено изучению билингвизма как фактора социокультурной динамики мирового сообщества, который периодически возникал на разных вехах истории в силу определенных исторических факторов.

Цель статьи – выявление предпосылок его возникновения и специфики функционирования в условиях первобытного, рабовладельческого, феодального, капиталистического, социалистического и современного общества.

Материал и методы. В своей работе автор опирался на исследование Ф.П. Филина «История общества и развитие двуязычия». Особый интерес представляли труды Ю.Д. Дешериева, Р.А. Вафеева, М.М. Михайлова, А.В. Зыкина, также работавших в данном научном направлении. При этом использовались общелогические и общенаучные методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Двуязычие не является новшеством, оно сопровождало человека на протяжении всей его истории. Эволюция билингвальной языковой ситуации неразрывно связана со становлением общества. Представляется, что применение двух языков не только расширяло возможности повседневной коммуникации, но и выступало фактором социокультурной динамики общества. Для подтверждения данной гипотезы автор обращается к детальному рассмотрению языковых ситуаций в условиях различных исторических этапов.

Заключение. Билингвизм как лингвистический и социокультурный феномен обнаруживается в той или иной степени на каждом историческом срезе. Наблюдается очевидное взаимовлияние языка и общества – формирование билингвальной ситуации происходит под воздействием определенных исторических факторов и социальных потребностей, и в то же время двуязычие оказывает в целом положительное влияние на развитие общества, поскольку дает возможность постигнуть материальные и духовные достижения носителей второго языка, приблизиться к их культуре и научному знанию.

Ключевые слова: двуязычие, билингвизм, языковая глобализация.

(Ученые записки. – 2019. – Том 30. – С. 77–81)

Bilingualism in the Social and Cultural Dynamics of the Society (about the History of the Phenomenon)

Budenis O.G.

*Educational Establishment “Yanka Kupala State University of Grodno”,
Grodno*

The article is devoted to the study of bilingualism as a factor of the global society social and cultural dynamics, which due to certain historical factors occasionally appeared at different milestones of history.

The purpose of the article is to consider the prerequisites for its appearance and the specifics of its functioning in the conditions of primitive, slave, feudal, capitalist, socialist and contemporary society.

Material and methods. The research is based on the study of F.P. Filin, “The history of society and the development of bilingualism”. Of particular interest were the findings of Yu.D. Desheriev, R.A. Vafeev, M.M. Mikhailov, A.V. Zykin who also worked in this scientific field. General logical and general scientific methods of theoretical research have been applied by the author.

Findings and their discussion. Bilingualism isn't a new and innovative phenomenon; it has accompanied man throughout his history. The evolution of the bilingual linguistic situation is inextricably linked with the formation of the society. It seems that the use of two languages not only expanded the possibilities of everyday communication, but also functioned as a factor of society social and cultural dynamics. To confirm this hypothesis, the author turns to a detailed examination of language situations in various historical stages.

Conclusion. Bilingualism as a linguistic as well as social and cultural phenomenon is revealed in every historical epoch. There is an obvious interconnection of language and society – the formation of a bilingual situation occurs under the influence of certain historical factors and social needs and at the same time bilingualism has a generally positive effect on the development of the society, as it makes it possible to comprehend the material and spiritual findings of a second language native speakers, to become familiar with their cultural and scientific knowledge.

Key words: bilingualism, bilingual language situation, language globalization.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 77–81)

Одним из признаков нации, помимо общности территории и экономической жизни, является общность языка. Однако сегодня в условиях интенсификации глобальных трансформаций мирового сообщества, которые приводят к увеличению количества непосредственных контактов как между государствами, так и отдельными индивидами, на карте мира едва ли можно обнаружить страны, жители которых владеют лишь одним, их национальным, языком. Сложившаяся лингвистическая ситуация также обусловлена активно протекающими в нынешнем обществе цифровыми информационными процессами, размывающими территориальные границы и объединяющими страны в единое информационное пространство. Однако билингвальная языковая ситуация отнюдь не является новшеством современности. Двуязычие имеет давнюю историю и периодически возникало на разных вехах истории в силу различных исторических факторов.

Цель статьи – выявление предпосылок возникновения и специфики билингвизма как социокультурного феномена, повлиявшего на развитие общества на разных исторических этапах.

Материал и методы. В своей работе мы опирались на исследование Ф.П. Филина «История общества и развитие двуязычия». Особый интерес представляли труды Ю.Д. Дешериева, Р.А. Вафеева, М.М. Михайлова, А.В. Зыкина, также работавших в данном научном направлении. При этом использовались общелогические и общенаучные методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Ф.П. Филин выдвинул идею о том, что двуязычие сопровождало человека на протяжении всей его истории. Он справедливо полагал, что эволюция билингвальной языковой ситуации неразрывно связана со становлением общества [1, с. 193]. Нам представляется, что использование двух языков не только расширяло возможности повседневной коммуникации, но и выступало фактором социокультурной динамики общества. Для подтверждения данной гипотезы обратимся к детальному рассмотрению языковых ситуаций в условиях различных исторических этапов.

Билингвизм первобытного общества. По мнению А.В. Зыкина, билингвальные языковые ситуации существовали уже на самых ранних этапах развития общества. Ученый полагает, что первичной формой билингвизма можно считать использование сакральных (тайных) языков, призванных сохранять тайну обряда в жречестве [2].

Однако применение культовых языков, отличных от общеплеменного, было не единственным источником двуязычия первобытной эпохи. В тот период племена жили достаточно изолированно, каждому из них был свойственен присущий только ему диалект. Столкновение первобытных коллективов носило чаще всего захватнический характер. Порабощенных не всегда убивали, иногда практиковалось их усыновле-

ние и наделение всеми правами племени [3]. Пленные были вынуждены осваивать язык (диалект) нового социального окружения, однако в течение некоторого времени ими сохранялось наречие их племени, что приводило к возникновению билингвизма одного поколения. Также известны факты, когда враждующие племена убивали только мужчин, оставляя у себя их женщин, которые со временем становились двуязычными. Распространению билингвизма в первобытном обществе также способствовала ассимиляция одних племен другими.

Каким бы ни был источник, двуязычие первобытного общества может быть охарактеризовано как вынужденное и имеющее временный характер. Можно утверждать, что оно способствовало эволюции древних людей не только в лингвистическом, но и в социокультурном аспекте. Необходимость использования второго языка в тот период оказывала значительное влияние на доминирующий язык – наблюдалось расширение его лексического состава, а также изменение фонетических характеристик. Более того, захваченные военнопленные и ассимилированные племена привносили в жизнь победителей достижения своей материальной и духовной культуры, которыми делились посредством билингвального общения, что, бесспорно, содействовало эволюционированию древнего общества.

Билингвизм рабовладельческого общества. С зарождением рабовладельческого строя возникают многонациональные государства, такие как Древний Египет, Римская империя, государства Древней Греции, Индии, Ирана. Данные государственные объединения характеризовались этнической пестротой, поскольку объединяли различные народности, обладающие своими собственными языками. На этом этапе истории возникла необходимость поиска новых форм общения и разрешения сложных ситуаций внутри государства, впервые появляется потребность в переводчиках. Используя би- и трилингвальные надписи, правители стремились достичь взаимопонимания, необходимого для эффективного управления государством. Примером такой политики может послужить знаменитый Розеттский камень, найденный в Египте. Благодаря высеченной на нем надписи, дублирующей один и тот же текст на трех языках (в верхней части – древнеегипетские иероглифы, посередине – демотический текст, в нижней части – текст на древнегреческом языке), Жан-Франсуа Шампольон в 1822 году смог расшифровать египетские иероглифы.

Еще одним источником двуязычия того времени были рабство и активная работорговля. Рабы были вынуждены усваивать язык победителей, однако на протяжении длительного времени продолжали использовать в ежедневной коммуникации свой родной язык. Более того, рабовладельцам приходилось учить язык рабов с целью получения максимальной выгоды от их эксплуатации [4, с. 18]. Распространению билингвизма также содействовало активное завоевание новых территорий, что приводило к насаждению языка победителя.

Пример тому – распространение латинского языка на территории Римской империи. Особым законом было установлено, что все постановления, обращения, судебные тяжбы должны были писаться на латыни [5, с. 5].

Несмотря на то, что основным отличительным признаком двуязычия в ту эпоху являлась его несбалансированность – наблюдалось очевидное превосходство языка господ над языком рабов и побежденных [1, с. 196], – билингвизм того времени являлся существенным стимулом развития общества, поскольку содействовал объединению представителей разных народностей в единую общность, обеспечивал их успешную коммуникацию, а также беспрепятственное распространение важной информации, что создавало предпосылки для централизации власти.

Билингвизм феодального общества. На дальнейшее складывание билингвальной языковой ситуации в феодальной эпохе повлияли распространение новых религий, сменивших языческие верования, и их важная роль в жизни людей. Религии вносили в устоявшийся жизненный уклад не только второй, культовый язык, но и служили подспорьем появлению письменности. Так, среди христиан, проживавших на территориях Центральной и Западной Европы, особую популярность обрела латынь, которая также выполняла роль языка науки и культуры. На восточных территориях и большей части южных языком церкви выступал старославянский язык [6, с. 5]. Таким образом, на данном историческом срезе билингвизм выполнял духовную, культуротворческую, научную и образовательную функции, которые заключались в формировании посредством религии мировоззрения, осмыслении категорий «добра» и «зла», складывании системы человеческих ценностей, сохранении и использовании научных знаний и достижений культуры, а также их передаче следующим поколениям.

Отличительной особенностью двуязычия той эпохи был его ограниченный характер, поскольку культовые языки, как правило, имели узкую сферу применения и не были популярны в обиходе. Формированию билингвизма также благоприятствовали войны, в ходе которых происходило покорение одного народа другим. Ярким примером тому может служить языковая ситуация франко-английского билингвизма при английском дворе, установившаяся после захвата Англии норманнами в 1066 году. Однако французским языком владели только королевский двор и аристократия, остальным слоям британского общества он был непонятен. Р.А. Вафеев также рассматривает крестовые походы как еще один фактор формирования двуязычия в указанную эпоху [4, с. 19].

Билингвизм капиталистического общества. XVI–XVII века маркируются как время великих географических открытий, которые позволили мореплавателям расширить диапазон знаний о других странах и познакомиться с их языками, что привело к динамичному языковому взаимодействию, впоследствии пробудившему интерес к культурам и литературам

других стран, что, безусловно, диктовало требование знаний популярных европейских языков. Этот факт в сочетании с уходом феодализма, зарождением и постепенным развитием капитализма обусловил изменения в языковой ситуации Европы. Было практически минимизировано использование культовых языков, превратившихся в архаичные. Многие их функции возложили на активно развивающиеся национальные языки. Некоторые из них, как, например, французский, немецкий, итальянский, испанский и английский, приобрели статус престижного, владение ими считалось признаком высокой образованности и культуры, поскольку позволяло приобщаться к научным изысканиям и литературным шедеврам [7]. Это содействовало активному развитию двуязычия, которое выполняло в то время не только образовательную функцию, но и выступало как маркер принадлежности к высшим элитарным кругам общества. Иллюстрацию подобной ситуации находим в произведении С.А. Пушкина «Евгений Онегин», который, описывая свою широко образованную русскую по происхождению героиню Татьяну, упоминает, что она плохо владеет своим родным языком, так как абсолютно не читает на нем, предпочитая авторитетный на тот момент французский: *«Она по-русски плохо знала. Журналов наших не читала, И выражалась с трудом На языке своем родном»* [8, с. 62]. Специфической чертой билингвизма в это время выступало софункционирование национального и одного из высоко престижных европейских языков. Двуязычие характеризовалось осознанным выбором языка и выступало показателем хорошего образования.

Еще одной задачей, возложенной на билингвизм того времени, было расширение экономических отношений и налаживание международных связей в мировой общественности с целью обеспечения выхода на абсолютно новый вид взаимоотношений – межнациональный, обеспечивающий установление социокультурной близости стран и развитие торговли.

Билингвизм того времени вобрал в себя специфические черты предыдущих этапов, что привело к складыванию различных его видов. Так, первый вид двуязычия – культурный, основанный на культурных влияниях развитых стран и ставший достоянием лишь господствующих кругов и узких слоев интеллигенции. Несмотря на то, что такое двуязычие было ограничено в социальном и культурном отношении, оно давало возможность познакомиться с литературными традициями и культурным достоянием более развитых стран, тем самым способствуя эстетическому развитию нации. Второй тип билингвизма возник в многонациональных государствах, таких как Россия. Билингвизм этого типа также нельзя назвать массовым. Второй язык был языком господствующей нации, который обычно навязывался побежденным народам, что, как правило, вызывало сопротивление и национально-освободительные движения. Третий тип двуязычия был схож с предыдущим и был обусловлен появлением колониальных империй в Азии, Африке,

Центральной и Южной Америке, Австралии, что приводило к вытеснению местных языков и господству языка колонизаторов. Население временно становилось двуязычным, потом утрачивало свой язык, за исключением тех территорий, где миграция была незначительная. При втором и третьем типе двуязычия наблюдается его отрицательное влияние для побежденного и поработанного населения, поскольку доминирующий язык вытеснял их родной говор, тем самым искореняя самобытность и аутентичность нации. Общей характеристикой билингвизма эпохи капитализма, по мнению Ф.П. Филина, была несбалансированность языков и дисгармоничное их сосуществование [1, с. 198].

Билингвизм социалистического общества. С возникновением социалистического общества создаются принципиально новые условия для развития двуязычия. Рассмотрим данный период на примере языковой ситуации Советского Союза, объединившего в себя 15 союзных республик, на территории которых функционировали свыше 130 языков коренных народов. Для управления такой многонациональной страной было необходимо средство межнационального общения и единый язык делопроизводства, поскольку практика 1920–1930-х годов, когда в документооборот вовлекались национальные языки, значительно усложнявшие коммуникацию, делавшие ее практически невозможной без услуг переводчиков, а также приводящие к увеличению документации, доказала, что применение национальных языков в делопроизводственной сфере было неэффективным. Официальным языком Союзного государства признавался русский язык, что порождало потребность свободного им владения всеми гражданами. Это было достигнуто посредством принятия 13 марта 1938 года постановления ЦК партии и правительства СССР об обязательном изучении русского языка в начальных и средних школах всех союзных республик, что привело к появлению социального национально-русского билингвизма, который в целом имел положительное влияние на развитие общества того времени. Рассматривая русско-национальное двуязычие с лингвистического ракурса, отметим, что активное использование русского языка способствовало обогащению и развитию национальных языков и их народов. Наглядный пример тому – введение кириллического алфавита по модели русского языка позволило некоторым бесписьменным языкам, таким как аварский, ингушский и мансийский, приобрести письменную форму. Изучение русского языка предполагало вхождение в его богатую культуру и приобщение к духовным ценностям последней, что явилось значительным толчком к развитию отдельных народностей. Русско-национальное двуязычие служило способом постижения развитого научного знания, ключом к получению качественного образования и продвижению по карьерной лестнице. Происходили культурная интеграция, накопление взаимного опыта. Массовый билингвизм снимал расовую агрессию, способствовал сплоченности общества, установлению более

доверительных и дружеских отношений. С позиции политико-идеологического ракурса формирование билингвального языкового пространства позволяло централизовать управление страной и вести активную пропаганду коммунистических идей. Вместе с тем советские власти не отказывались от провозглашенной после революции 1917 года идеи о равноправии языков и активно поддерживали развитие художественной литературы и театра на национальных языках. Однако увеличение статуса русского языка в советском обществе неизбежно вело к тому, что он рассматривался как более перспективный и престижный, вследствие чего происходил сознательный отказ населения от своего родного языка, не обладающего такими качествами, что привело к вымиранию языков малых народов.

Билингвизм современного общества. На современном этапе эволюции мирового сообщества наблюдается абсолютно иной масштаб билингвизма – массово планетарный (глобальный). Сегодня более 70% населения земного шара, согласно статистическим данным английских ученых европейского проекта «BILUМ», двуязычны (кроме своего национального языка владеют в разной степени еще одним языком). Языком международного общения выступает английский язык, свободное владение которым является профессиональным требованием во многих сферах. Повсеместное изучение этого языка с ранних лет способствует непосредственному безбарьерному общению, а значит, содействует развитию взаимопонимания, сближения и сотрудничества народов.

Необходимость в едином инструменте коммуникации продиктована растущей экономической и политической взаимозависимостью государств современного мира, глобальными торговлей и производством, осуществляемыми большим количеством транснациональных компаний, имеющих ключевую роль в мировой экономике и политике. Еще одной важной предпосылкой мирового двуязычия является активное развитие и распространение цифровых технологий, посредством которых осуществляется быстрое общение и эффективное взаимодействие международных организаций. Глобальная сеть Интернет, контент которой в своем большинстве англоязычный, сегодня выступает основным источником информации для научных исследований и способом организовать досуг. Подчеркивает важность владения английским языком активно развивающийся туризм.

Двуязычие не только способствует сближению людей разных национальностей, но и производит положительный эффект на личность индивидуума, поскольку обогащает его познания об окружающей действительности, расширяет границы мировоззрения, а также открывает духовные богатства других народов, отраженные в художественной, научной и технической литературе, развивает познавательные способности индивида.

Переключаясь с одного языка на другой, билингвы способны лучше фокусироваться, выполнять несколько задач одновременно. Кроме того, язык как часть

культуры несет в себе представление о системе ценностей и моделей поведения в обществе. Вместе с лексическими единицами носитель языка усваивает информацию, объясняющую нормы и устои общества.

Использование двух языков может быть рассмотрено как пассивная тренировка мозга, что в дальнейшем позволяет двуязычным детям прилагать меньше усилий при обдумывании и накоплении информации, и это влияет на скорость обучения.

Воспитание детей на двух языках также способствует более глубокому познанию ими действительности, поскольку идет одновременно с усвоением двух способов опосредования реальности. Это расширяет границы мышления, учит искусству анализа, развивает культуру речи, стимулирует развитие коммуникативных способностей.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, отметим, что билингвизм как лингвистический и социокультурный феномен обнаруживается в той или иной степени на каждом историческом срезе. Наблюдается очевидное взаимовлияние языка и общества – формирование билингвальной ситуации происходит под воздействием определенных исторических факторов и социальных потребностей, в то же время двуязычие оказывает в целом положительное влияние на развитие общества, поскольку дает возможность постигнуть материальные и духовные достижения носителей второго языка, приобщиться к их культуре и научному знанию.

Литература

1. Филин, Ф.П. История общества и развитие двуязычия / Ф.П. Филин // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1970. – Т. XXIX, вып. 3. – С. 193–202.
2. Зыкин, А.В. Билингвизм как основа межкультурного и межэтнического взаимодействия: социально-философский анализ / А.В. Зыкин // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 2(92). – С. 55–61.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 21. – С. 89.
4. Вафеев, Р.А. Двуязычие и многоязычие как факторы экономической, социально-политической интеграции стран и народов / Р.А. Вафеев, Г.С. Нурдинова // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – № 2(17). – С. 17–23.
5. Дешериев, Ю.Д. Предисловие к сборнику «Проблемы двуязычия и многоязычия» / Ю.Д. Дешериев. – М.: Наука, 1972. – 25 с.
6. Михайлов, М.М. Двуязычие в современном мире / М.М. Михайлов. – Чебоксары: Изд. Чувашского гос. ун-та, 1988. – 69 с.
7. Вафеев, Р.А. Билингв как носитель двуязычия и билингв – языковая личность в культурном пространстве страны / Р.А. Вафеев // Экология культуры и образования. Сер., Филология. Философия. История. – Тюмень, 1997. – С. 146–159.
8. Пушкин, А.С. Евгений Онегин: роман в стихах / А.С. Пушкин. – Минск: «Мастацкая літаратура», 2014. – 231 с.

Поступила в редакцию 02.12.2019

Американские исследования межкультурной коммуникации: генезис, эволюция, перспективы

Овчинникова Н.Н.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно

Раскрытие научного генезиса и потенциала американских исследований межкультурной коммуникации актуально, т.к. проясняет содержание данного исследовательского направления и открывает возможные пути эволюции теоретико-методологической базы дисциплины в американской и белорусской науке.

Цель статьи — выявление источников и этапов формирования межкультурной коммуникации как научного направления в США, перспектив развития исследований межкультурной коммуникации в американском и отечественном научном и социокультурном пространстве.

Материал и методы. Работа основывается на аутентичных научных источниках. Для достижения цели используются системный подход, диахронический и прогностический анализ, метод философско-теоретической реконструкции, приемы хронологизации, периодизации.

Результаты и их обсуждение. Изучение межкультурных взаимодействий в современном белорусском обществе требует обращения к истокам их изучения в американской научной традиции. Установлены историко-культурные и научные предпосылки и этапы развития межкультурной коммуникации как направления американских исследований, показаны перспективы его развития в американской и отечественной науке.

Заключение. Межкультурная коммуникация как исследовательское направление берет начало в культурной антропологии, психологии, лингвистике, биологии, социологии, теории информации. Оно оформилось как междисциплинарная, теоретически разнородная отрасль теории коммуникации. Перспективы развития дисциплины в США обусловлены ее актуальным состоянием. Опыт американских исследований видится перспективным с точки зрения его экстраполяции в отечественной науке и социальной практике.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурный тренинг, научный генезис, научная эволюция, американская научная традиция, белорусская научная традиция, исследовательские перспективы.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 82–88)

American Intercultural Communication Research: Genesis, Evolution, Perspectives

Ovchinnikova N.N.

Educational Establishment “Yanka Kupala State University of Grodno”, Grodno

Revealing the genesis and potential of American intercultural communication research is topical as it helps to clarify the subject matter of this scholarly field and opens the gate for the evolution of the discipline's theory and methodology in American and Belarusian science.

The aim of the article is to reveal the sources and stages of the intercultural communication field development in the USA, and the perspectives of its development in American and domestic scientific as well as social and cultural domains.

Material and methods. The article is based on authentic scientific sources. The systems approach, diachronic and prognostic analyses, the method of philosophical and theoretical reconstruction, the techniques of chronologizing and periodization are used to achieve the aim.

Findings and their discussion. The study of intercultural interactions in the present-day Belarusian society makes it necessary to turn to their original research in the American scientific tradition. The historical-cultural and scientific background, the stages in the development of intercultural communication as an American research field, and the perspectives of its development in American and Belarusian science are revealed.

Conclusion. Intercultural communication as a research field is rooted in cultural anthropology, psychology, linguistics, biology, sociology, information theory. It has developed as an interdisciplinary, theoretically diverse branch of communication theory. The perspectives of the development of the discipline are determined by its current state. Extrapolation of American research experience can be useful for domestic science and social practice.

Key words: intercultural communication, intercultural training, scientific genesis, scientific evolution, American scientific tradition, Belarusian scientific tradition, research perspectives.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 82–88)

В последние 25 лет большой популярностью среди отечественных исследователей пользуется проблема межкультурной коммуникации, в белорусских вузах открыты специальности, готовящие специалистов в данной области. В этой связи остро встает вопрос о том, что и как изучается под названием «межкультурная коммуникация». Прояснение и уточнение данного научного понятия и соответствующей методологии адресует нас к их истокам, которые прослеживаются в американской исследовательской традиции.

В силу относительной молодости межкультурной коммуникации как направления его история еще недостаточно изучена. Анализ аутентичных источников, так или иначе затрагивающих вопросы истории американской школы межкультурной коммуникации (У. Лидз-Гурвиц, Э.М. Роджерс, У.Б. Харт, Й. Миике, Д.Г. Мун, Р. Мартин, Дж. Пейдж и др.), показывает, что ее возникновение повсеместно связывают с именем американского антрополога Э.Т. Холла и деятельностью Института службы за рубежом. Однако полного согласия относительно даты рождения нового исследовательского направления среди его представителей нет. Недостаточно освещены также научные и культурно-исторические предпосылки, эволюция и перспективы исследований межкультурной коммуникации в США. Решение этих проблем будет способствовать определению возможностей применения американских идей межкультурной коммуникации в белорусской науке и социальной практике.

Цель статьи – выявление источников и этапов формирования межкультурной коммуникации как направления исследований в США, перспектив развития исследований межкультурной коммуникации в американском и отечественном научном и социокультурном пространстве.

Материал и методы. Материалом выступают аутентичные историографические, биографические, теоретические источники. Методологическую основу составляет философско-теоретическая реконструкция исторического и прогностического аспектов американских исследований межкультурной коммуникации в рамках системного анализа. Диахронический анализ реализуется с использованием историографического, персоналистского, интерпретативного видов анализа, приемов хронологизации и периодизации.

Результаты и их обсуждение. Американский антрополог Эдвард Твитчелл Холл повсеместно признается основателем межкультурной коммуникации. Как ученый Э.Т. Холл испытал интеллектуальное влияние идей многих научных направлений: культурной антропологии, лингвистики, биологии, психологии, социологии, теории информации.

Как *культурный антрополог* Э.Т. Холл воспринял идеи Ф. Боаса, Р. Линтона, А. Кардинера, Р. Бенедикт, М. Мид, Р.Л. Бердвистелла. Так, концепция взаимосвязи культуры и коммуникации идет от Ф. Боаса. Вслед за Ф. Боасом и Р. Бенедикт Э. Холл занимает

позицию культурного релятивизма. Невербальная коммуникация привлекла его внимание под влиянием работ Р. Бердвистелла. Однако Холл сместил акцент с традиционного для культурной антропологии монокультурного анализа феноменов макрокультуры на микроуровень поведения в интеракциях между людьми, принадлежащими к разным культурам [1, р. xi–xii]. Именно этот «межкультурный подход» был признан новаторским [2, р. 18].

В области *лингвистики* наиболее влиятельным для Э.Т. Холла оказалось его сотрудничество с Дж.Л. Трагером, от которого Холл воспринял идеи Э. Сэпира, Б.Л. Уорфа, М. Сводеша, Ч. Хокетта, Л. Блумфильда. Э. Холл использовал концепт лингвистической релятивности для изучения невербальной коммуникации [1, р. 164; 2, р. 28].

Интерес Э.Т. Холла к *биологии* выразился в идее «укорененности культуры в биологической активности» [1, р. 36]. Наблюдение за поведением животных используется им для анализа пространственного поведения и цепей действий. Классификация уровней культуры на формальный, неформальный и технический базируется на теории триединого мозга П.Д. МакЛина [1, р. 66].

В области *психологии* личное знакомство с А. Кардинером, Э. Фроммом, Г.С. Салливаном, работа в Вашингтонской школе психиатрии предопределили приверженность Холла психоаналитической и психодинамической традициям. Ученый признает доминирующую роль бессознательного аспекта коммуникации и важность культурной биполярности, состоящей в существовании культуры на двух уровнях – сознательном и бессознательном. Путем к эффективной межкультурной коммуникации Холл считает осознание бессознательного компонента культурного поведения, средством которого является познание культуры, сначала собственной, а затем – любой иной [1, р. 29–32, 61–62].

В области *социологии* Д. Ризман и Дж. Усим привлекли внимание Э. Холла к исследованиям национального характера (в частности, американского) и сравнительному анализу культурного поведения [1, р. xii]. Размышления Усима о подготовке американцев к участию в обменных программах и ее последствиях для личности, общества и международного понимания оказали прямое влияние на поиск Холлом методов для такой подготовки.

Под влиянием работ К. Шэннона, У. Уивера, Ф. Белло, Дж. Р. Пирса Э.Т. Холл в области *теории информации* Холл воспринял обоснование коммуникации как универсального свойства всех сложных систем и сформулировал идею культуры как коммуникации [1, р. 97, 186]. Свою теорию культуры он строит на коммуникационной модели, принимая язык в качестве «самой технической из систем сообщения» [1, р. 28]. В составе Группы Пало Альто Э.Т. Холл привносит интегративно-интерактивное понимание коммуникации как социального процесса конструиро-

вания смысла через множественные способы поведения на разных его уровнях, где ключевым звеном выступает личность как член определенной культуры [3].

Данные научные линии и их синтез в работах Э.Т. Холла послужили научными источниками и предпосылками формирования междисциплинарной парадигмы межкультурной коммуникации, представленной в 1959 году в книге «Безмолвный язык», заложившей следующие основные принципы исследований в данной области: отождествление культуры и коммуникации; холистский подход к пониманию культуры; междисциплинарное видение процесса межкультурной коммуникации; ориентация на межкультурный анализ и отход от монокультурного анализа; переход от макроанализа к микроанализу культуры на интерактивном уровне; сегментирование микроуровня культуры на иерархизированные структурно-смысловые единицы; направленность на систематическое изучение невербальной коммуникации; концентрация на бессознательном уровне информационного обмена, особенно в области невербальной коммуникации; требование культурного познания и осознанности при первичности культурного самопознания и самоосознанности; культурный релятивизм как требование безоценочного (неосуждающего) отношения к культурным различиям; ориентация на включенные и экспериментальные методы обучения межкультурной коммуникации; направленность на формирование практических умений и навыков межкультурной коммуникации в ходе тренинговых программ; ориентация на работу с широкой аудиторией, открытый характер дисциплины, ее общедоступность.

Парадигма межкультурной коммуникации сформировалась не сразу и постепенно эволюционировала. В истории межкультурной коммуникации как направления американских исследований можно выделить следующие периоды:

1. 1947–1951 гг. – *допарадигматический*, когда происходит зарождение межкультурного тренинга и складываются предпосылки для появления парадигмы межкультурной коммуникации. В социально-политическом контексте послевоенной эпохи США активно участвовали в перестройке мирового порядка, в экономической и политической экспансии [4, р. 37], пересмотре международных отношений. Однако представители США зачастую не обладали должной компетентностью, не владели языком страны назначения, что нередко приводило к провалу миссий, из-за чего США несли значительные экономические и репутационные убытки. С целью решения практических задач, связанных с деятельностью официальных представителей США в иностранных государствах, в 1947 году был создан Институт службы за рубежом, где языковой подготовкой госслужащих занималась Языковая школа, в состав которой вошли лингвисты Г.Л. Смит и Дж. Трагер, антропологи Е. Кеннард и Р.Л. Бердвистел. Но владение иностранными языками не устраняло возникающих проблем. Росло осоз-

нание необходимости изучения помимо иностранных языков также и культур других народов, их обычаев, традиций, норм поведения. Сотрудники школы адаптировали к своим целям многие культурно-антропологические концепты [2, р. 18–20]. Содержание и форма первых тренинговых программ носили когнитивный макроуровневый характер, который был признан неэффективным [1, р. 21–22]. Возник вопрос о способах такого обучения культуре, который бы формировал практические умения и навыки функционирования в инокультурной среде.

2. В 1951–1955 гг. пришедший в институт Э.Т. Холл совместно с Дж. Трагером на основе конвергенции лингвистической и антропологической перспектив разрабатывают теорию культуры как коммуникации, парадигму межкультурной коммуникации, экспериментальную тренинговую модель [2]. В 1953 году идеи были сформулированы в руководстве для сотрудников Института службы за рубежом «Анализ культуры» и опубликованы годом позже в статье «Культура и коммуникация: модель и анализ». Данные работы можно считать предтечей всего направления. В «Анализе культуры» впервые применяется термин «межкультурный» (intercultural). Новый подход был хорошо воспринят обучаемыми. Но в 1955 году разработка проблем межкультурной коммуникации была остановлена по причине непонимания идей антропологов со стороны бюрократической части персонала института и госдепартамента [2, р. 29].

3. В 1955–1959 гг. организованное исследование межкультурной коммуникации в США отсутствует. Э.Т. Холл систематизирует разработки Института службы за рубежом и в 1959 году публикует их в книге «Безмолвный язык». Идеи межкультурной коммуникации получают в США широкое признание. Этот период вместе с двумя предыдущими составляет *этап зарождения межкультурной коммуникации* как исследовательского направления в США.

4. В 60-е гг. XX века межкультурный тренинг получил в США новый всплеск в связи с деятельностью Корпуса мира, войной во Вьетнаме, движением за гражданские права [4, р. 40]. Межкультурная коммуникация начинает формироваться в США как отрасль теории коммуникации [3, р. 14]. *Университетская модель* обучения этого периода повторяла ранний опыт Института службы за рубежом и не учитывала его более поздние идеи, из-за чего вновь обнаружила свою несостоятельность [4, р. 40]. Это обусловило возврат к идеям Холла. Однако в плане теории данный этап представляет собой скорее «декаду тишины».

5. 70-е гг. XX века можно считать наиболее интенсивными с точки зрения институционализации направления. Несмотря на рост в стране расового напряжения и политической нестабильности после войны во Вьетнаме, основное внимание по-прежнему уделялось международным тренингам [4, р. 41]. В 1974 году с целью популяризации направления было основано Общество межкультурного образования, подготовки

и исследования (SIETAR). В профессиональных ассоциациях американских коммуникативистов были образованы отделения межкультурной коммуникации. С 1973 года издаются учебники по межкультурной коммуникации, с 1974 года – специализированные научные издания по проблемам межкультурной коммуникации. Доминирует опытное, эмоционально включенное обучение. Но вопрос о наилучших способах обучения остается открытым [4, р. 41]. Этот период можно назвать «декадой исследования», по большей мере, атеоретичного. К концу периода направление столкнулось с кризисом идентичности, который потребовал поиска более ясного ответа на вопрос о том, что такое «межкультурная коммуникация» [5].

6. 80-е гг. XX века ознаменовались в мировом масштабе беспрецедентным ростом глобализации в экономике, а также значительным увеличением культурного разнообразия рабочей силы в США. Межкультурная коммуникация получила статус полупрофессии в США и приобрела глобальное измерение. Происходит дифференциация между исследованиями проблем внешней и внутренней межкультурной коммуникации. Начинается разработка проблем мультикультурного образования в учебных заведениях США. Межкультурное обучение строится на сочетании когнитивных и опытных методов. Специфический теоретико-прикладной подход начинает формироваться вокруг понятия межкультурной коммуникативной компетентности. В направлении происходит поворот в сторону развития теорий, объясняющих межкультурные интеракции, понимания культуры как «нации-государства», использования методов социальных наук с привлечением количественных методов [1, р. 18; 6, р. 73–75], достижений в области кросс-культурной психологии. Поэтому данный период можно обозначить как «декаду теории».

7. В 90-е гг. XX века падение Берлинской стены, распад Советского Союза и последовавшие за ними социальные проблемы и этнические конфликты во многих странах мира способствовали продолжению тенденции наращивания теоретического массива. Направление выходит на уровень осознания необходимости выработки «единой теоретической рамки, или парадигмы» [7, р. 368], для чего обобщается и систематизируется предшествующий исследовательский опыт, появляются первые историографические работы. Построение собственной теоретической базы осуществляется посредством заимствования концептов и теорий из смежных областей исследования, аппликации теорий из интракультурной коммуникации, развития новых теорий на стыке смежных дисциплин. Создаются более широкие подходы, которые могли бы «увязать» между собой многочисленные компоненты американских теорий межкультурной коммуникации в некую единую научную картину. Однако теоретическое поле направления остается весьма разрозненным. Период также ознаменовался «критическим поворотом» [8, р. 13] в связи с осмыслением тенденций пост-

колониального мира, расовых и гендерных проблем. Это расширило предметную область, теоретико-методологическую, идеологическую базу направления, но и создало дополнительное интеллектуальное напряжение. Поэтому 90-е годы XX века стали для направления «декадой дебатов».

8. В 2000-е гг. XXI века в развитии американской школы межкультурной коммуникации происходит беспрецедентное расширение исследовательской деятельности на фоне беспрецедентной интенсивности процессов глобализации и информатизации. Вопросы внутреннего и международного разнообразия стали рассматриваться как «две стороны одной теоретической монеты» [7, р. 369], возросло влияние критических исследований межкультурной коммуникации, развиваются историография направления, основополагающие концепты, педагогика как ключевой праксис. Парадоксальным образом проблема недостатка теоретических и тренинговых инструментов сменилась проблемой их избытка, еще больше затруднившей работу ученых и тренеров, из-за чего данный период можно характеризовать как «декаду дезинтеграции/деконструкции». Это проявилось в первых попытках внутридисциплинарной рефлексии, поиска собственных научно-методологических основ. К концу периода под влиянием четвертой глобальной научной революции в направлении наметилась постнеклассическая тенденция к комплексным исследованиям.

9. Текущий период, 2010-е гг., обретает новые черты и может характеризоваться скорее как «декада диалога». Американские теоретики межкультурной коммуникации выходят не только на уровень обобщения своего опыта, но также на уровень пересмотра собственных эпистемологических оснований. Ими осознается национально-культурная обусловленность самой их исследовательской традиции. Более пристальное внимание уделяется философским аспектам межкультурной этики и исследовательской аксиологии.

В ходе развития американской исследовательской традиции в ней сложилось понимание процесса межкультурной коммуникации как *транзакционного символического интерактивного процесса межличностной коммуникации, затрудненного наличием социокультурных шумов на разных уровнях коммуникативной системы*. Такое достаточно узкое понимание процесса межкультурной коммуникации создает определенные проблемы концептуального и теоретико-методологического плана. Возникают и новые вызовы, связанные с фундаментальными изменениями в современном мироустройстве в контексте «трансформационной мобильности, культурной гибридности и сверхразнородных обществ» [9, р. 39]. Все это определяет стоящие перед направлением вопросы как перспективы его ближайшего развития.

Вопросы концептуального плана связаны, прежде всего, с уточнением объекта исследования и дисциплинарной идентификации. Осмысление процесса межкультурной коммуникации как исследовательско-

го объекта осуществляется через концептуализацию центральных понятий – «культура» и «коммуникация», исключительно сложных для научного определения. Эта сложность создает проблемы категориального порядка, эпистемологические парадоксы и концептуальные дилеммы. Компонент *меж-* (*inter-*) также имеет свои дефиниционные трудности.

Основные дебаты по поводу понятия *культуры* разворачиваются вокруг эссенциализма и неэссенциализма как двух взаимоисключающих подходов к ее пониманию и составляющих первую теоретическую дилемму. С ней связана вторая дилемма «теория – практика», где теоретики признают ригидность эссенциалистского понимания культуры в современных реалиях, а практики не видят возможности применения неэссенциалистских методологических инструментов [9, р. 39–42]. Американским теоретикам и практикам межкультурной коммуникации предстоит найти и предложить новые методы изучения и преподавания межкультурной коммуникации в сегодняшнем гибридизирующемся обществе.

В отношении *коммуникации* камнем преткновения в американских исследованиях межкультурной коммуникации является исследуемый уровень коммуникации. Традиционно, вслед за Э.Т. Холлом, исследовался уровень межличностной коммуникации в контексте микроуровня культуры. В настоящее время под влиянием критического подхода актуализируется изучение макроуровня культуры как исторического контекста и его влияния на коммуникативный процесс, где субъектами могут выступать не только индивиды, но и группы, организации, медиа [6, р. 3; 10, р. 3–5]. Отсюда еще две дилеммы: «межличностный – межгрупповой» уровень межкультурной коммуникации; «микро – макро» уровни опыта и анализа. Поэтому важными направлениями американских исследований межкультурной коммуникации должны стать интеграция микро- и макроуровней культуры и контекста, исследование роли медиа-коммуникаций в межкультурной коммуникации с целью преодоления неисторического характера межкультурного теоретизирования.

С компонентом *меж-* (*inter-*) связан «межкультурный парадокс», в основе которого лежит аксиома «Все люди одинаковые и все люди разные» [11, р. 17]: с одной стороны, межкультурная коммуникация начинается, когда люди не обладают общими культурными кодами; с другой стороны, все человеческие существа обладают некоторым пониманием друг друга. Согласно другой трактовке «межкультурного парадокса», теория межкультурной коммуникации игнорирует конструкт «личность» в межличностных интеракциях, в результате чего *любой* коммуникативный акт является в некоторой степени межкультурным, ибо две интеракции никогда не идентичны [5, р. 283–284]. Обе трактовки ставят вопрос о границах «межкультурности» как таковой и требуют ее нового видения.

Американские аналитики также ставят вопрос о межкультурности самих исследований, т.е. о «белой проблеме»: насколько адекватно разрабатываемые темы, теории, методы «отражают разнообразие коммуникативного опыта в глобализирующемся мире»? В направлении имплицитно сложились тренды на разделения культур на западные и незападные, интерпретацию незападных культур с точки зрения нерелексируемых западных категорий как универсальных, подход к незападным культурам с позиций «учитель – ученик» [10, р. 4]. Устранение «белой проблемы» видится одним из важнейших направлений в развитии американской межкультурной коммуникации,

Вопросы теоретизирования лежат в плоскости осознания американскими интеркультуралистами центристского, внелингвистического, атеоретичного, неисторичного, аполитичного характера, культурной обусловленности собственной научной деятельности. Данные вопросы включают в себя необходимость инкорпорирования в исследованиях коренных теоретических подходов к изучению культуры и коммуникации; восполнение разрыва между межкультурной коммуникацией и лингвистикой; поиск баланса между объективизмом и субъективизмом коммуникативного процесса и культурного мировосприятия для преодоления атеоретичного характера исследований; инкорпорирование в теории межкультурной коммуникации вопросов власти и привилегий в рамках критической диалектики «культура – коммуникация – власть» [8, р. 1–2] для преодоления неисторичности и аполитичности конвенциональной межкультурной теории.

С этим напрямую связаны *вопросы межкультурной этики*, которые предполагают анализ идеологической базы теории и практики межкультурной коммуникации [9, р. 55], выработку метаэтики межкультурного поведения как основополагающих принципов гуманистических отношений и построения единого сообщества «социальной справедливости, общественного порядка и глобального мира в обозримом будущем» [10, р. 6–7]. Но эти вопросы пока являются новыми для направления, отсутствует их системное изучение, зрелое теоретическое и философское обоснование и потому они имеют статус нерешенных, как и центральная этическая дилемма между *этическим абсолютизмом* и *этическим релятивизмом* [11, р. 296]. Особенности локальных коммуникативных этик малоизучены, отсутствует их сопоставительный анализ, что также является одним из важных будущих направлений американских исследований межкультурной коммуникации.

Наконец, решение глубинных концептуальных и теоретико-методологических проблем американских исследований межкультурной коммуникации и выход из сложившейся теоретической турбулентности видятся в обращении к *философскому анализу* собственных научных оснований как важнейшему из направлений развития данной исследовательской традиции.

Теоретико-методологические основания американских исследований межкультурной коммуника-

ции могут найти научное и практическое приложение в Беларуси. Границы их применимости на отечественной почве определяются степенью актуальности для страны проблем межкультурного взаимодействия на трех уровнях – внешнем, внутреннем, личностном. Ввиду исторически сложившейся большей культурной гомогенности белорусского общества (по сравнению с американским) на внутреннем уровне и долгого, также исторически обусловленного, внешнего взаимодействия преимущественно с географическими соседями в отечественной науке до конца XX века не возникала ни практическая, ни теоретическая потребность в специальных исследованиях специфики общения между представителями разных культур. Сегодня ситуация стремительно меняется. Республика Беларусь оказалась в ситуации интенсивных межкультурных контактов в политической, дипломатической, деловой, торговой, производственной, научной, образовательной, культурной и других сферах. Поэтому возникает потребность в межкультурной коммуникативной компетентности белорусских представителей. Это требует от белорусской социально-гуманитарной науки решения некоторых вопросов, в которых использование американского научного опыта может оказаться продуктивным.

Можно предположить ряд возможных научных направлений отечественных исследований в области межкультурной коммуникации с учетом возможностей и границ применимости американского исследовательского опыта. Так, белорусские ученые могут заняться разработкой общих неразрешенных проблем и лакун, таких как:

1. *Философско-культурологический категориальный анализ культуры и коммуникации в системе межкультурной коммуникации*, который давно и успешно ведется отечественными исследователями, однако в значительном отрыве от международной научной дискуссии. Необходима выработка инкорпорированного расширенного видения данных ключевых понятий.

2. *Анализ корреляций между различными измерениями культурной вариативности* как одна из главных задач для будущего развития кросс-культурного анализа.

3. *Анализ этических аспектов межкультурной коммуникации*, включающий проблемы метаэтики межкультурного общения, особенности локальных этик, вопросы профессиональной этики. Подобные проблемы могли бы получить глубокий уровень разработки в отечественной науке в силу высокой степени развитости в ней аксиологических и акмеологических традиций.

4. *Анализ межкультурной коммуникации в контексте общественных отношений*. Здесь имеется в виду рассмотрение блока социально-философских вопросов, связанных с развитием человеческих обществ в будущем, в том числе определение роли и места в нем межкультурной коммуникации.

5. *Разработка проблем обучения межкультурной коммуникации* как основных прикладных проблем в рамках всей дисциплины.

В качестве культурно-специфичных направлений отечественных исследований в области межкультурной коммуникации просматриваются:

1. *Анализ ценностного содержания отечественной культуры (в совокупности его национального инварианта и этнокультурных вариантов)*, предполагающий два вектора исследования: 1) анализ макроуровня объективной белорусской культуры, 2) анализ микроуровня субъективной белорусской культуры. Первый вектор исследований является традиционным для отечественной социально-гуманитарной традиции. Однако «проблема ценностей белорусской ... культуры не разработана ни на теоретическом, ни на прикладном (образовательном) уровнях» [12, с. 18]. С этой точки зрения приложение американского методологического аппарата может оказаться продуктивным.

2. *Анализ межкультурных взаимодействий и межкультурной ситуации в белорусском обществе на внутреннем уровне*. Теоретико-методологический опыт американских исследований может оказаться полезным для типологических исследований характера межкультурных взаимодействий как между традиционными этнокультурными группами внутри белорусского общества, так и между жителями Беларуси и членами более культурно дистантных групп, исторически не проживающих на территории Беларуси. Это позволит прогнозировать возможности возникновения межэтнических конфликтов, сепаратистских тенденций, планировать миграционную политику государства.

3. *Разработка теоретико-методологических основ исследования межкультурной коммуникации*. Поскольку в американских исследованиях межкультурной коммуникации лингвистика занимает периферийное место, а в отечественных исследованиях, напротив, преобладает, то при условии интеграции обеих традиций отечественные исследователи имеют преимущество в разработке целостной теоретико-методологической базы дисциплины.

4. *Анализ манифестаций ценностных культурных тенденций в белорусском и русском языках и их сопоставительное исследование с другими языками*. Поскольку язык является основным средством фиксации, сохранения и межпоколенной передачи культурных установок, возможно исследование языковых единиц с точки зрения отражения в них ценностных измерений культурной вариативности.

5. *Анализ взаимоотношений между объективной и субъективной культурой* как установление взаимосвязей между социальными и ценностными тенденциями в культуре. Такой анализ допустим как на уровне монокультурных, так и на уровне кросс-культурных исследований; как в синхронической, так и в диахронической перспективе, и может привнести новый взгляд на вопросы морфологии, типологии, динамики культуры.

В идеолого-праксеологическом аспекте американские теории межкультурной коммуникации могут служить базой для научного обоснования многовекторной политики и интернациональной идеологии

белорусского государства как объективной необходимости поддержания и развития мирного сообщества (как регионального, так и мирового) в современных глобализационных, трансформационных и, более того, кризисных условиях, создающих сложные отношения взаимозависимости всех со всеми в разных сферах жизнедеятельности. Беларусь избрала адекватный сегодняшней межкультурной ситуации в мире курс сохранения своего более или менее равновесного существования как независимого государства. Для последовательной реализации определенных белорусским государством целей и потребностей необходима просветительская работа: образование белорусского гражданского общества и профессиональных сообществ в области проблем межкультурной коммуникации, воспитание населения в духе межкультурности. Эти задачи обуславливают целесообразность обращения к опыту американских исследователей. Оригинальный опыт межкультурной практики позволяет осмыслить возможности трансформации американских праксеологических тенденций в образовательной практике, в сфере межкультурного посредничества (дипломатического и переводческого) и сфере бизнеса с точки зрения наиболее адекватных и эффективных способов их реализации на отечественной почве.

Приведенные перспективы не исчерпывают гносеологических возможностей знакомства с американскими идеями межкультурной коммуникации, их критического научного осмысления.

Заключение. Наш опыт философско-теоретической реконструкции продемонстрировал, что межкультурная парадигма межкультурной коммуникации Э.Т. Холла в синтезе идей культурной антропологии, психологии, лингвистики, биологии, социологии, теории коммуникации заложила такие черты американской школы межкультурной коммуникации, как междисциплинарность, релятивизм, холизм, прагматизм, сопоставительный, микроуровневый, неисторический характер.

Американская школа межкультурной коммуникации прошла большой путь становления и развития как исследовательского направления и академической дисциплины в области теории коммуникации, но еще находится в процессе становления как полноценной общей теории.

В ходе развития направления в американской науке в нем сложился ряд проблем концептуального, теоретико-методологического, философско-этического плана, которые требуют своего решения в будущем. С учетом границ и возможности применимости к белорусскому культурному простран-

ству американский опыт изучения межкультурной коммуникации представляется ценным научно-практическим ресурсом.

Литература

1. Hall, E.T. *The Silent Language* / E.T. Hall. – New York: Anchor Books, 1990. – xii, 209 p.
2. Leeds-Hurwitz, W. Notes in the history of intercultural communication: The Foreign Service Institute and the mandate for intercultural training / W. Leeds-Hurwitz // *The Global Intercultural Communication Reader* / M.K. Asante, Y. Miike, J. Yin (Eds.). – 2nd ed. – New York: Routledge, 2014. – P. 17–34.
3. Rogers, E.M. Edward T. Hall and the history of intercultural communication: The United States and Japan / E.M. Rogers, W.B. Hart, Y. Miike // *Keio Communication Review*. – 2002. – № 24. – P. 3–26.
4. Paige, R.M. Ethics in intercultural training / R.M. Paige, J.N. Martin // *Handbook of Intercultural Training* / D. Landis, R.S. Bhagat (Eds.). – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. – P. 35–60.
5. Casmir, F.L. Intercultural communication revisited: Conceptualization, paradigm building, and methodological approaches / F.L. Casmir, N.C. Asuncion-Lande // *Communication Yearbook* / J.A. Anderson (Ed.). – Vol. 12. – Newbury Park, CA: Sage, 1989. – P. 278–309.
6. Moon, D.G. Concepts of «culture»: Implications for intercultural communication research / D.G. Moon // *Gommunication Quarterly*. – 1996. – № 44(1). – P. 70–84.
7. Medina López-Portillo, A. Developing a Global Learning and Living Community: A Case Study of Intercultural Experiences on The Scholar Ship / A. Medina López-Portillo, R. Salonen // *Student Learning Abroad: What Our Students Are Learning, What They're not, and What We Can Do About It* / M. Vande Berg, R.M. Paige, K.H. Lou (Eds.). – Sterling, VA: Stylus Publishing, 2012. – P. 360–382.
8. Halualani, R.T. Critical Intercultural Communication Studies: At a Crossroads / R.T. Halualani, T.K. Nakayama // *The Handbook of Critical Intercultural Communication* / edited by T.K. Nakayama, R.T. Halualani. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. – P. 1–16.
9. Virkama, A. From othering to understanding / A. Virkama // *Cross-Cultural Lifelong Learning* / V. Korhonen (Ed.). – Tampere: Tampere University Press, 2010. – P. 39–60.
10. Asante, M.K. Introduction: New directions for intercultural communication research / M.K. Asante, Y. Miike, J. Yin // *The Global Intercultural Communication Reader* / M.K. Asante, Y. Miike, J. Yin (Eds.). – 2nd ed. – New York: Routledge, 2014. – P. 1–14.
11. Samovar, L.A. *Communication between cultures* / L.A. Samovar, R.E. Porter. – 4th ed. – Belmont, CA: Wadsworth, 2001. – 334 p.
12. Беспамятных, Н.Н. Методология кросс-культурного анализа: базовые концепты, направления и перспективы исследований / Н.Н. Беспамятных // *Наука. Релігія. Суспільство*. – 2008. – № 1. – С. 11–19.

Поступила в редакцию 02.12.2019

Г.В. Плеханов и неокантианство: две парадигмы философии истории

Кулак Н.И.

Белорусский государственный университет, Минск

Историко-философская концепция Г.В. Плеханова является ключевой при анализе западноевропейских философских систем. В контексте материалистической философии истории дается критическая оценка популярного для конца XIX — начала XX века неокантианства.

Цель статьи — анализ соотношения двух парадигм философии истории.

Материал и методы. В качестве эмпирической базы исследования выступили критические работы Г.В. Плеханова и представителей неокантианства — В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Р. Штаммлера. Достижение поставленной цели реализовано посредством метода историко-философской реконструкции и компаративистики.

Результаты и их обсуждение. Исходя из анализа философии Г.В. Плеханова в контексте кантовской философии и неокантианства, было установлено, что это две парадигмы философии истории. Выявляется специфика основных постулатов неокантианства путем критического анализа материалистических тенденций с позиций исторического материализма Г.В. Плеханова. Продемонстрирована значимость идей И. Канта в развитии историко-философской концепции Г.В. Плеханова.

Заключение. Существенным является понимание того, что философия И. Канта могла оказать на Г.В. Плеханова влияние, равнозначное марксизму. Оставаясь на позиции, прежде всего, материалистического понимания истории, Г.В. Плеханов подвергает критике неокантианство в лице ее основных представителей, в ходе чего сквозь призму критики выясняется, что на формирование историко-философской концепции философа оказали влияние фундаментальные идеи немецкого философа.

Ключевые слова: Плеханов, Виндельбанд, Риккерт, Штаммлер, неокантианство, исторический материализм.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 89–93)

G.V. Plekhanov and Neo-Kantianism: Two Paradigms of the Philosophy of History

Kulak N.I.

Belarusian State University, Minsk

The historical and philosophical concept of G.V. Plekhanov is the key in the analysis of Western European philosophical systems. In the context of materialistic philosophy of history, a critical assessment is given of neo-Kantianism, popular for the late 19th and early 20th centuries.

The purpose of the article is to analyze the relationship between the two paradigms of the philosophy of history.

Material and methods. The empirical base of the research was the critical work of G.V. Plekhanov and representatives of neo-Kantianism — V. Windelband, G. Rickert, R. Stammler. This goal is achieved through the method of historical and philosophical reconstruction and comparative studies.

Findings and their discussion. Based on the analysis of G.V. Plekhanov's philosophy in the context of Kantian philosophy and neo-Kantianism, it was established that these are two paradigms of the philosophy of history. The specificity of the basic postulates of neo-Kantianism is revealed through a critical analysis of materialistic tendencies from the standpoint of G.V. Plekhanov's historical materialism. The importance of I. Kant's ideas in the development of the historical and philosophical concept of G.V. Plekhanov is indicated.

Conclusion. It is essential to understand that of I. Kant's philosophy could influence G.V. Plekhanov as much as Marxism did. Remaining in the position, first of all, of materialistic understanding of history, G.V. Plekhanov criticized neo-Kantianism represented by its main representatives, during which, through the prism of criticism, it turns out that the formation of the historical and philosophical concept of the philosopher was influenced by the fundamental ideas of the German philosopher.

Key words: Plekhanov, Windelband, Rickert, Stammler, neo-Kantianism, historical materialism.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 89–93)

Историко-философская концепция Г.В. Плеханова является ключевой при анализе западноевропейских философских систем. В контексте материалистической философии истории дается критическая оценка популярного для конца XIX – начала XX века неокантианства.

Цель статьи – анализ соотношения двух парадигм философии истории.

Материал и методы. В качестве эмпирической базы исследования выступили критические работы Г.В. Плеханова и представителей неокантианства – В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Р. Штаммлера. Достижение поставленной цели реализовано посредством метода историко-философской реконструкции и компаративистики.

Результаты и их обсуждение. Представленная тема данной публикации, на первый взгляд, выглядит несколько необычно, с точки зрения сопоставления персоналий И. Канта и Г.В. Плеханова. Кажется, что соединяется несоединимое: трансцендентально-критическое мышление и последовательно материалистические интенции понимания и познания мира. Но если проследить путь «долгого XIX в.», роль и место И. Канта в нем, то мы увидим, что кантовским «критицизмом» и оппонированием ему в разных вариантах пронизано все столетие. Полукантианцы в первой трети XIX века и неокантианцы во второй половине XIX века вели жаркие дискуссии.

Апогей философского возрождения кантианства приходится на вторую половину XIX века, где, как замечает В. Виндельбанд, «... снова повторяются со всеми оттенками те противоречивые истолкования, которым уже подверглось учение Канта тотчас после своего появления» [1, с. 430]. Идеи И. Канта каждая сторона интерпретировала в соответствии со своим философским мировоззрением. Не обошла стороной тема И. Канта и представителей русской философии. В первой половине XIX века философия немецкого мыслителя оказала позитивное влияние на П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, М.А. Бакунину, В.С. Соловьева и др. В конце XIX – начале XX века восприятие кантианских идей актуализировалось в русской философии преимущественно сквозь призму концепций основных представителей немецкого неокантианства – В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Г. Когена, Р. Штаммлера, Э. Кассирера, А. Рия. Начинают переводиться их работы, пишутся комментарии [2].

Особенность концепций представителей немецкого неокантианства включала детальное исследование основных вопросов кантианских проблем: от онтологических до теоретико-познавательных. Но не только эти проблемы волновали мыслителей, не менее значимыми оказались и другие. В частности, неокантианство акцентировало внимание на концепции этического социализма, т.е. на проблемах понимания общественного развития. Теоретические корни этического социализма уходят в учение И. Канта о «практическом разуме». Магистральной задачей, которая

стояла перед этими мыслителями, было обогащение социализма этическими принципами в неокантианском духе. К основным представителям концепции этического социализма относят Г. Когена, П. Наторпа, Э. Бернштейна, П. Нельсона и других. В конце XIX века эти неокантианские идеи распространились среди теоретиков 2-го Интернационала и выразились в стремлении соединить социально-экономическое учение К. Маркса с этикой И. Канта. От ряда материалистически ориентированных мыслителей последовала незамедлительная реакция. В числе первых выступил Г.В. Плеханов. Дело в том, что во время освоения идей К. Маркса и Ф. Энгельса им были приняты и основные постулаты кантовской философии, а фигура самого И. Канта на протяжении всего его творчества была тождественна классикам марксизма. В этой связи достаточно привести простой эмпирический факт, суть которого состоит в том, что в полном собрании сочинений Г.В. Плеханова (оно представлено в 24 томах) «кантианство» и имя И. Канта упоминается более тысячи раз. Чуть больше только упоминаются имена К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. Гегеля.

В своих главных произведениях: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» – он подвергает критике не учение И. Канта, а философские концепции, апеллирующие к И. Канту и направленные против марксизма. В работах «Cant против Канта», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм или кантианизм», «Еще раз о материализме», «Критика наших критиков», написанных в период актуальности в европейской философии идей неокантианства, Г.В. Плеханов в полемике с оппонентами подробно разбирает творчество И. Канта. Приведем несколько утверждений. Так, подвергая критике критику марксизма Б. Кроче, Г.В. Плеханов замечает: «Г-н Кроче говорит о себе, что он в этических вопросах не высвободился из-под власти кантовской критики. Мы прибавим, что “кантовская критика” наложила глубокую, неизгладимую печать на *все* его миросозерцание. В этом и заключается тайна его собственных “критических” упражнений. Он чувствует, что *кантианство* не совместимо с историческими и социально-политическими взглядами Маркса, насквозь проникнутыми духом *материализма*. Но вместо того, чтобы решительно отказаться от кантианства или окончательно отвернуться от марксизма, он пытается сесть между двух стульев, стараясь видоизменить марксизм так, чтобы он перестал, наконец, противоречить тому, чему он *не может не противоречить*. И этот усердный, но совершенно непроизводительный труд украшается у него, – как и у многих других, – этикеткой *критики*» [3, с. 716]. Или вот знаменательная фраза, венчающая подробный полемический разбор кантовской «вещи в себе» и «кантовского идеализма»: «... Кант со времени опубликования своих “*Пролегомен*”, т.е. с 1783 года,

восстал против идеалистического истолкования своего учения. Мы просим читателя запомнить этот факт, он очень важен» [4, с. 410].

Г.В. Плеханов в свойственной ему манере любое критическое исследование взглядов начинал с анализа общих философских основ этого мировоззрения, т.е. с метода. В этом контексте в своих полемических работах Г.В. Плеханов подробно разбирает философские основания, претендовавшие на «пересмотр» философии истории К. Маркса, апеллируя к И. Канту. Цитируя «Прологомены» и «Критику чистого разума» И. Канта на языке оригинала, Г.В. Плеханов замечает: «Кант категорически утверждает, что все действия разумных существ, поскольку они представляют собою явления, так или иначе встречаются нам в опыте, подчинены естественной необходимости. (“Prolegomena”, параграф 53). Что же это значит, что явления подчинены естественной необходимости? Это значит именно то, что они объясняются материалистически (ср. “Kritik der Urteilkraft”, параграф 78). Оказывается, стало быть, что г. Бернштейн восстает не только против материалистов, но *также и против Канта*» [5, с. 392]. Защиту кантовского учения в лице Г.В. Плеханова можно найти и в словах Ф. Энгельса, которые он приводит в качестве аргумента против оппонента: «... в то время, когда жил Кант, наше знание материальных вещей было достаточно отрывочно для того, чтобы можно было подозревать за каждой из них существование какой-то таинственной вещи в себе» [6, с. 46].

Все вышеотмеченное свидетельствует о том, что учение самого И. Канта было важным компонентом в становлении материалистически ориентированного мировоззрения Г.В. Плеханова и формировании под воздействием кантианских и марксистских идей его собственной историко-философской концепции. Соответственно, можно предположить, что для Г.В. Плеханова марксизм и кантианство находились в тесной взаимосвязи.

Это дает повод заключить, что философия И. Канта играла если не ключевую роль в формировании концепции мировоззрения русского мыслителя, то оказала значительный вклад на его философское мировоззрение. Конечно, говорить о том, что Г.В. Плеханов был неопитом И. Канта, не совсем правомерно, поскольку он упрекал немецкого философа в дуализме, который «... ясно обнаружился в его “Критике практического разума”» [6, с. 24].

Таким образом, стоит отметить, что Г.В. Плеханов в собственных работах, выступая как критик русских и западноевропейских мыслителей, находясь на позициях общей теории материалистического понимания истории, оценивает своих оппонентов, в том числе и неокантианство, именно с данной методологии философии истории.

В этой связи рассмотрим более детально критику Г.В. Плехановым философии истории представителей неокантианства. Так, анализируя книгу В. Виндельбанда «Философия в немецкой духовной жизни

XIX столетия. Опыт культурной феноменологии» (1910), Г.В. Плеханов как убежденный марксист констатирует ее значимость за попытку «выяснить в связи общего исторического развития немецкой нации в течение XIX столетия те мотивы мировоззрения, которые играют в нем известную роль и в которых отражается сама жизнь. Это, разумеется, очень интересная и важная задача», что подчеркивает также его ход мысли «рассматривать теории как осадок жизни», соответственно «важное значение философских систем кроется в конечном счете в тех содержаниях жизни, которое находит в ней свое прояснение». Однако русский философ тут же замечает, что невозможно выполнить эту задачу, если не усвоить основное положение материализма, гласящее, «что не мышление определяет собой бытие, а бытие определяет собой мышление». По его мнению, В. Виндельбанд данное положение не усвоил, как и в целом не разобрался с материалистическим пониманием истории, оставшись на идеалистических позициях. Поэтому вполне логично Г.В. Плеханов подчеркивает, что немецкий мыслитель «дает нам лишь несколько более или менее удачных намеков на то, каким образом развитие германского мировоззрения в XIX веке должно объясняться развитием общественной жизни Германии» [7, с. 443].

Это связано с тем, что, с одной стороны, В. Виндельбанд в духе неокантианства действительно находился в неведении основных постулатов материалистического понимания истории, представив марксистскую «материалистическую философию истории социализма, в которой своеобразно перекрещиваются мотивы учений Гегеля и Канта...» и «все различные виды культурной деятельности являются лишь разветвлением экономической жизни, и вся история поэтому должна свестись к истории экономической» [1, с. 446]. С другой стороны, он «рассматривал кантовское учение как зрелый результат всех философских движений под тенью которого предстояло жить целое столетие» [1, с. 187]. Из данного диалога следует вывод, согласно которому Г.В. Плеханов и В. Виндельбанд являются последователями учения И. Канта, но для реализации своих историко-философских концепций использовали разную методологию философии истории.

Стоит заметить, что упрек, касающийся истолкования материалистического понимания истории сквозь призму кантовского учения, был обнаружен Г.В. Плехановым и в философии другого влиятельного философа баденской школы неокантианства – Г. Риккерта. Свое мнение он выразил в рецензии на его работу «Науки о природе и науки о культуре» (1911). Рецензию Г.В. Плеханов начинает с ответа на претензии, которые могут испытывать многие в отношении материалистического понимания истории. Прежде всего, речь идет об анализе данной концепции, в которой Г. Риккерт видит «...попытку превращения всей истории в экономическую историю, а затем и в естествознание», тем самым отвергая историческую теорию К. Марк-

са. Г.В. Плеханов упрекает Г. Риккерта в незнании теории исторического материализма, представленного в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Он разъясняет, что «...сторонники исторического материализма решительно никогда не пытались превратить всю историю в экономическую историю. Им еще менее того приходило в голову превратить затем экономическую историю в естествознание» [8, с. 508].

В рецензии на книгу Г.В. Плеханов ссылается на произведение французского философа Н. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», которую использует Г. Риккерт для подтверждения мысли о том, что Н. Кондорсе уже пытался всю историю превратить в экономическую. За данное произведение мыслитель был признан родоначальником теории «прогресса» и одним из основателей философии истории. Г.В. Плеханов пишет, что «... тот, кто читал знаменитую книгу, очень удивится, услышав от Риккерта, что Кондорсе делал попытку превратить всю историю в экономическую историю». Г.В. Плеханов считает, что «...дело тут в том, что Г. Риккерт и подобные ему ученые из рук вон плохо понимают исторический материализм не по каким-нибудь личным причинам, а потому, что их умственный кругозор ограничен предрассудками, свойственными *целому классу*. Это именно о них можно сказать, что те пустяки, которые называются у них изложением исторического материализма, обусловлены совершенно ненаучными политическими соображениями» [8, с. 509].

Таким образом, по мнению Г.В. Плеханова, точка зрения Г. Риккерта по вопросам концепции исторического материализма столкнулась с недостаточной осведомленностью трудов классиков марксизма, как это было и с В. Виндельбантом. Как видим, и здесь в данном случае сталкиваются две контрарные парадигмы философии истории.

Но корень разногласий значительно глубже, в философском мировоззрении. Анализируя критерий разделения наук о природе и наук о культуре, Г. Риккерт сталкивает фундаментальные категории бытия и мышления, которые он принципиально противопоставляет. Не зря Г.В. Плеханов подмечает, что Г. Риккерт «вслед за Кантом выдвигает понятие природы как бытия вещей, поскольку оно определено общими законами. И этому понятию он противопоставляет понятие исторических явлений» [8, с. 513], и добавляет: «по Канту, природа есть “наличное бытие” (Dasein) вещей, поскольку оно определяется общими законами» [9, с. 437]. Как видим, здесь сталкиваются две противоположные философские точки зрения: Г.В. Плеханов стоит на принципах, как он постоянно подчеркивает, диалектики, а Г. Риккерт подобных рассуждений не принимает. И те приводимые примеры из истории развития наук, по мнению Г.В. Плеханова, подтверждают основополагающий принцип формулы «да-нет» и «нет-да», вместо отвлеченного «или-или» [5, с. 377]. Г.В. Плеханов исходил из историко-диалектического понимания мира, в основе которого суще-

ственным элементом реальности является не понятие непротиворечивости, выраженное в законе тождества, как это считал Г. Риккерт, а противоположность. Именно она обуславливает постоянную трансформацию идей, сущностей и вещей. Она является источником жизни, принципом всякого становления и прогресса.

С тех же мировоззренческих позиций Г.В. Плеханов разбирает идеи представителя Марбургской школы неокантианства Р. Штаммлера. Его книга «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории», статья «Материалистическое понимание истории», пропитанные духом кантовской «Критики чистого разума», привлекли всеобщее внимание. Р. Штаммлер утверждает, «что если бы общественное развитие совершалось исключительно в силу *причинной необходимости*, то было бы явной бессмыслицей всякое сознательное стремление содействовать ему. По его словам тут может быть только одно из двух: или я считаю данное явление *необходимым*, т.е. неизбежным, ... *или* же моя деятельность нужна для того, чтобы могло произойти это явление, и тогда оно не может быть названо *необходимым*» [10, с. 192].

Здесь, как и в предыдущих размышлениях, Г.В. Плеханов в полемике с оппонентом обращает главное внимание на философские аргументы. Прежде всего, он подчеркивает, что в данном случае речь идет о философской проблеме свободы и необходимости. Опять же два полярных подхода к данной проблеме. Р. Штаммлер, следуя дуализму И. Канта, упрекает исторический материализм в том, что он «совсем не считается с социальной телеологией», Г.В. Плеханов, напротив, диалектически соединяет подобное противоречие. «Нетрудно заметить, – констатирует Г.В. Плеханов, – в каком именно месте этого рассуждения Р. Штаммлер делает логическую ошибку, налагающую свою печать на все его дальнейшие критические замечания» [10, с. 191].

Приводя слова К. Маркса «чтобы производить, люди вступают в определенные взаимные отношения», Г.В. Плеханов акцентирует внимание на относительной самостоятельности общественного сознания по отношению к общественному бытию, диалектически осмысливая данные категории философии истории.

Таким образом, идеи Г.В. Плеханова, наполненные духом кантовской философии, важным компонентом которых стало материалистическое понимание истории, сыграли значительную роль в общественном развитии. Они востребованы и в современном понимании феномена исторического развития, о чем пишет один из ярких представителей либерализма Л. Мизес в своей книге «Социализм. Экономический и социологический анализ»: «Неокантианцы добились не большего успеха, чем их учитель. Им также недостает понимания основного общественного закона... При столкновении с общественными вопросами даже людям с независимым мышлением трудно сохранять беспристрастность» [11, с. 276]. Подобные взгляды отстаивал и Г.В. Плеханов в оценке философии исто-

рии, что дает нам основание выразить определенную конгенитальность и эвристичность его философско-исторических размышлений, высказанных в полемике с неокантианцами в конце XIX – начале XX века.

Заключение. Философия И. Канта оказала существенное влияние на мировоззрение Г.В. Плеханова в контексте его постижения марксизма. Оставаясь на позициях, прежде всего, материалистического понимания истории, Г.В. Плеханов подвергает критике неокантианство в лице ее основных представителей. В процессе критики неокантианства формируется его историко-философская концепция как мыслителя.

Литература

1. Виндельбанд, В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд; пер. с нем. А.И. Введенский. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с.
2. Дмитриева, Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России / Н.А. Дмитриева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 512 с.; Дмитриева, Н.А. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / Н.А. Дмитриева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 567 с.
3. Плеханов, Г.В. Критика наших критиков / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – Т. 2. – С. 504–727.
4. Плеханов, Г.В. Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – Т. 2. – С. 403–422.
5. Плеханов, Г.В. Sant против Канта, или Духовное заветование г. Бернштейна / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – Т. 2. – С. 374–402.
6. Плеханов, Г.В. Против эмпириокритицизма и богоискательства / Г.В. Плеханов // Собрание сочинений: в 24 т. – М.: Государственное издательство, 1925. – Т. 17. – 301 с.
7. Плеханов, Г.В. О книге В. Виндельбанда «Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. Опыт культурной феноменологии» / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 3. – С. 443–447.
8. Плеханов, Г.В. О книге Г. Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 3. – С. 508–516.
9. Плеханов, Г.В. Материализм или кантианизм / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – Т. 2. – С. 423–441.
10. Плеханов, Г.В. Основные вопросы марксизма / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 3. – С. 124–196.
11. Мизес, Л. Социализм. Экономический и социологический анализ / Л. Мизес. – М.: Gatallaxy, 1994. – 416 с.

Поступила в редакцию 16.12.2019

ФИЛОЛОГИЯ

Об осознании своеобразия родного языка в условиях «чужой» лингвокультуры (на материале произведения «Урок языка» А.Г. Битова)

Зайцева И.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск

В статье анализируются возможности, которые открывает для более полного и всестороннего осмысления лингво-философского феномена «родной язык» привлечение в качестве исследуемого материала коммуникативно-речевых произведений с явным присутствием эстетической функции.

Цель работы — пронаблюдать за авторским осмыслением понятия «родной язык» в одном из художественно-публицистических дискурсов, созданным известным писателем и публицистом Андреем Георгиевичем Битовым.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужил очерк А.Г. Битова «Урок языка», входящий в художественно-публицистический цикл «Уроки Армении» (1969).

Основными методами при этом явились семантический, контекстуальный, сопоставительный и интерпретативный анализ, а также дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение. Поскольку в художественно-публицистическом произведении понятие «родной язык» функционирует, вобрав в себя элементы индивидуально-авторского мировидения, оно получает в подобных дискурсах более глубокое и многогранное истолкование, выявляет свойства, менее актуальные либо вообще не принимаемые во внимание при иных подходах к нему (в том числе и при осмыслении в ключе сугубо академическом). Это, в свою очередь, позволяет охарактеризовать данное понятие более развёрнуто и конкретно.

Заключение. Ценность привлечения коммуникативно-речевых произведений с явным преобладанием эстетической функции, в частности художественно-публицистических, для осмысления сути ключевых лингво-философских понятий, к которым принадлежит и такая категория, как родной язык, представляется не только очевидной, но и чрезвычайно важной.

Ключевые слова: родной язык, лингвокультура, эстетическая функция, художественно-публицистическое произведение, лингвоэкология, индивидуально-авторское мировосприятие, креативность.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 95–100)

On the Awareness of the Originality of the Mother Tongue in the Conditions of “Foreign” Linguistic Culture (on the Material of the Work “Lesson of Language” by A.G. Bitov)

Zaitseva I.P.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The article analyzes the possibilities that open for a more complete and comprehensive understanding of the linguistic and philosophical phenomenon “native language” the attraction as the research material of communicative and speech works with the obvious presence of an aesthetic function.

The research purpose is to observe the author’s understanding of the notion of mother tongue in one of the artistic and journalist discourses created by a well-known writer and journalist Andrei Georgiyevich Bitov.

Material and methods. The material for the study was an essay by A.G. Bitov “Lesson of Language”, which is part of the artistic and journalistic cycle “Lessons of Armenia” (1969).

The main methods of the study were the following: semantic, contextual, comparative and interpretative analysis, as well as discourse analysis.

Findings and their discussion. Since the concept of mother tongue functions in an artistic and journalistic work, incorporating elements of the individual author’s worldview, it receives a deeper and more multifaceted interpretation in such

discourses, reveals properties that are less relevant or not taken into account in other approaches to it (including the purely academic interpretation). This, in turn, allows us to characterize this concept in a more detailed and specific way.

Conclusion. The value of attracting communicative and speech works with a clear predominance of aesthetic function, in particular artistic and journalistic, to understand the essence of the key linguistic and philosophic concepts, which belong to such a category as the mother tongue, is not only obvious, but also extremely important.

Key words: mother tongue, linguistic culture, aesthetic function, an artistic and journalistic work, linguistic ecology, individual author's perception of the world, creativity.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 95–100)

Категория «родной язык» в последние несколько десятилетий находится в центре исследовательского внимания как лингвистов, так и представителей множества смежных с языкознанием научных отраслей: социолингвистики, психолингвистики, лингводидактики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и многих других. Несмотря на столь пристальный интерес учёных к этому понятию, оно и в настоящее время является изученным явно недостаточно и, как следствие, будучи весьма активно применяемым в различных научных сферах, практически ни в одной из них не имеет однозначного толкования. Так, в частности, в изданном в 2013 году «Словаре терминов межкультурной коммуникации» [1] данное понятие трактуется как тождественное ряду иных терминов, в понимании которых на сегодня также не существует единства: «язык родной – *mother tongue, native language*. – Язык, используемый индивидом с рождения, полученный в монолингвальной семье. В определённых условиях родной язык ребёнка может отличаться от языка его родителей. При смене языка родной язык может не совпадать с первым языком индивида. Тж. **язык материнский, язык первичной социализации, язык этнический**» [1, с. 493].

Недостаточно чёткое представление о родном языке как научной дефиниции обуславливает необходимость системного выстраивания основных характеристик данного понятия, формирование перечня которых, с нашей точки зрения, могло бы обеспечить большую конкретность и чёткость его истолкования как при использовании в отдельных областях научного знания (в частности – в лингвистической науке), так и в принципе.

Системному выстраиванию диапазона параметров, свойственных категории «родной язык» как научной дефиниции, с нашей точки зрения, в значительной степени может способствовать детальный анализ осмысления данного понятия не только в научно-исследовательской сфере, но и в иных областях человеческой деятельности – в различных коммуникативно-речевых образованиях, где фигурирует рассматриваемая категория, выполняя не только традиционно ей свойственные в научном дискурсе, но и иные функции. Речь в данном случае идёт прежде всего о функции эстетической, наиболее отчётливо присущей в произведениях художественной словесности, однако имеющей место

и в других жанрах, в частности – в художественной публицистике, где данная функция реализуется, как правило, в сочетании с другими, но в ряде случаев является очевидно приоритетной.

Настоящая публикация имеет целью пронаблюдать за авторским осмыслением понятия «родной язык» в одном из художественно-публицистических дискурсов, созданным известным писателем и публицистом Андреем Георгиевичем Битовым.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужило художественно-публицистическое произведение А.Г. Битова – очерк «Урок языка», входящий в художественно-публицистический цикл «Уроки Армении» (1969) [2].

Основными методами при этом явились семантический, контекстуальный, сопоставительный и интерпретативный анализ, а также дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение. Понятие «родной язык», как уже было отмечено, фигурирует в настоящее время в исследованиях самой различной тематики; в лингвистических и контактирующих с языкознанием сферах оно употребляется, пожалуй, наиболее активно, о чём свидетельствуют, в частности, и попытки осмыслить данную категорию не только в академических источниках, но и в научно-популярной лингвистической литературе. Так, например, в томе «Языкознание. Русский язык» из популярной серии «Энциклопедия для детей», адресованном школьникам старших классов, находим о родном языке следующую информацию: «**Язык, который человек усваивает в раннем детстве, называют материнским, или родным.** ...

Родной язык осваивается лишь в раннем детстве, не позже, чем в четыре года. Только в этом возрасте в овладении языком участвуют оба полушария мозга. Позже освоить язык значительно труднее, потому что в обучении участвует лишь левое полушарие. Оно отвечает за фонетику и грамматику, поэтому научиться говорить на чужом языке без акцента и грамматических ошибок можно в любом возрасте. Но языковыми значениями ведаёт прежде всего правое полушарие. Поэтому поздно выученный язык будет обеднён с точки зрения богатства значений. **Если даже человеку придётся в дальнейшем пользоваться лишь неродным языком, влияние родного всё равно будет сказываться**» (выделено нами. – И.З.) [3].

Легко убедиться, однако, в том, что приведённый фрагмент в популярной форме излагает лишь одну

из существующих на сегодня точек зрения на интересующее нас понятие (к тому же разделяемому далеко не всеми исследователями), определяя родной язык как *язык, усвоенный человеком с детства*. Однако и при несходстве существующих на понятие «родной язык» точек зрения практически не вызывает сомнений то, что именно родной язык чаще всего является для человека *основным* средством общения, выполняя при этом не только информативно-коммуникативную, но и ряд других важных функций, в том числе и выходящих за рамки собственно процесса вербального общения: воплощения особенностей внутреннего мира индивида; выражения присущих ему личностно-психологических качеств и эмоционального состояния в конкретной жизненной ситуации и т.д. Более наглядно продемонстрировать и соответственно более глубоко осознать указанные и иного рода функции, реализуемые при безусловном участии родного языка, позволяет, с нашей точки зрения, рассмотрение коммуникативно-речевых произведений, в которых в той или иной степени присутствует эстетическая функция. В первую очередь это, конечно же, разножанровые произведения художественной словесности; однако не меньшего внимания заслуживают и некоторые другие коммуникативно-речевые образования, в частности – художественно-публицистические, в которых нередко проявляют себя талантливые мастера художественной словесности.

Ведь произведения такого рода являют собой необыкновенно ценный исследовательский материал, поскольку помимо констатации факта, описания события и подобного рода информативных фиксаций они практически всегда содержат не только авторскую оценку изображаемого (причём в большинстве случаев – весьма оригинальную, с выраженным индивидуальным компонентом), но и в той или иной мере наделяют создаваемый текст основными параметрами художественного произведения, прежде всего – в плане выдвижения в нём на ведущие позиции эстетической функции. Результатом в этих случаях становится акцентирование читательского внимания на философско-эстетическом осмыслении (причём как наивно философского, так и академически философского свойства) в том числе и многих лингвистических явлений, стремление автора разными путями проникнуть в их суть, что в конечном итоге приводит к более многостороннему и глубокому осмыслению и ряда ключевых категорий лингвокультуры, в частности – феномена родного языка.

Одним из произведений, заслуживающих беспорочного внимания с обозначенных позиций, является художественно-публицистический цикл А.Г. Битова «Уроки Армении», на одном из очерков которого – «Урок языка» – мы сосредоточиваем внимание в настоящей публикации.

Уже первые строки рассматриваемого очерка характеризуют автора как личность нестандартную, с чутким, очевидно творческим осмыслением окружа-

ющего, постоянно рефлексирующую по поводу всего воспринимаемого, затрагивая в ходе этого процесса и весьма серьёзные лингво-философские проблемы. Вот как, в частности, автором воспринимается надпись названия города, в который он прибыл (Еревана), на двух – родном и чужом – языках, в зарисовке, практически открывающей произведение (первое из предложений приводимого далее фрагмента завершает первый абзац очерка):

«Я шёл к зданию вокзала:

ЕРЕВАН.

ԵՐԵՎԱՆ...

Ага, значит, вот эта штука – Е, вот эта Р, а эта опять Е...

Так и запечатлелся во мне первый кадр: ветер и выгоревшая трава, которая не то чтобы стелилась по ветру (она была слишком короткой для этого), но была навсегда им причёсана. Ветер подталкивал меня к Еревану. Это, значит, В, а это вот А, а это уже Н. Красиво» [2].

Как выяснится впоследствии, испытанный поведователем сенсорный (зрительный) импульс послужит основанием для весьма серьёзных, явно философского свойства, авторских рассуждений об алфавитах в принципе, а также – что в данном случае для нас особенно важно – об ощутимой, по мнению автора, связи истории конкретного народа с используемым им алфавитом. Эти авторские размышления весьма аргументированно доказывают, что алфавит может применяться не только в сугубо практических целях – для передачи речи на письме, – но и пробуждать в носителях языка (причём как в тех, для кого этот язык родной, так и в других) разные чувства – например, чувство благоговения, испытанное автором очерка по отношению к чужому, армянскому, алфавиту. Более того – автор утверждает, что сквозь призму очертаний составляющих тот или иной национальный алфавит буквенных знаков можно «разглядеть» и более глубоко осознать в том числе и некоторые черты национального своеобразия народа, которому этот алфавит принадлежит. По его мнению, внимательное отношение к буквенной системе нации стимулирует и более отчётливое проявление разного рода национальных общественно-исторических особенностей, которые складываются в многокомпонентную, но при этом целостную систему, заключающую в себе особенности национального мировосприятия. Подтверждением высказанного положения может служить приводимый далее фрагмент очерка А.Г. Битова: *«Это великий алфавит по точности соответствия звука графическому изображению. Тут всё цельно и образует круги. Цепкость армянской речи (“дикая кошка – армянская речь”) так соответствует кованости армянских букв, что слово – начертанное – звякнет, как цепь. ... Этими буквами можно подковывать живых коней... Или буквы эти стоило бы вытёсывать из камня,*

потому что камень в Армении столь же естествен, как и алфавит, и плавность и твёрдость армянской буквы не противоречат камню. (Стоит вспомнить очертания армянских крестов, чтобы опять восхищаться этим соответствием.) И так же точно подобна армянская буква своим верхним изгибом плечу древней армянской церкви или её своду, как есть эта линия в очертаниях её гор, как подобны они, в свою очередь, линиям женской груди, **настолько всеобщие для Армении это удивительное сочетание твёрдости и мягкости, жёсткости и плавности, мужественности и женственности – и в пейзаже и в воздухе, и в строениях и в людях, и в алфавите и в речи**» (выделено нами. – И.З.) [2].

Приведённые размышления А.Г. Битова касаются алфавита армянского языка – чужого для повествователя, которым он, по собственному его признанию, так и не овладел. Однако творческое отношение к языку как таковому, «пронизывающее» всё анализируемое произведение, создаёт основу и для более глубокого проникновения в суть родного для автора языка – русского, формирует соответствующий фон для расстановки авторских акцентов на самых неожиданных качествах этого феномена, и как следствие – явно выводит и сознание читателя из стандартного, автоматизированного восприятия многих его свойств. Это выражается, в частности, в приводимых далее словах: *«Никогда бы не предположил, что после палочек и ноликов первого класса буквы могут стать ещё раз предметом волнений и даже страстей... Однако если не первый, то второй вопрос, который мне задали на армянской земле, был: “Ну, как тебе нравится наш алфавит? Правда, очень? Скажи, только честно, какой тебе больше нравится, твой или наш?”»*

Да простит мне Россия, я готов согласиться: наш алфавит проигрывает... У “великого, могучего, правдивого и свободного” (Тургенев) не будет от такого заявления» [2].

После воплощения в очерке эмоционально-субъективного восприятия двух алфавитов – чужого и родного языков – автор переходит к размышлениям более глобального характера, усматривая в историческом изменении правил пользования алфавитом отражение трансформации собственно системы языка и применяемых в общении конкретных речевых средств: *«Собственно, раньше я о достоинствах нашего алфавита почему-то не задумывался. Разве что мне казалось неверным набирать классиков по новой орфографии – они-то ведь не по ней писали. Мне не хватает фиты в имени Фёдор, например, и десятичного в слове “идиот” и кое-где твёрдых знаков, в конце некоторых слов. (Так же и рождались классики, не по новому стилю, а по старому: привыкали к числу и месяцу своего рождения... и число это что-нибудь для них значило.) Не переименовываем же мы в их произведениях города и улицы в соответствии с названиями нынешними, не переводим цены в новый масштаб цен... Такие мелкие вопросы досуже*

же возникали во мне. А так я не обращал внимания на наш алфавит, не замечал его, более вслушиваясь в слово, чем всматриваясь в него.

Задумался я об этом, лишь присмотревшись к армянскому алфавиту и послушавшись чужого звучания речи» (выделено нами. – И.З.) [2].

В приведённых словах заключена очень глубокая и, как представляется, чрезвычайно важная для постижения сути языка вообще мысль, которую необходимо учитывать при осмыслении феномена языка лингвоэкологических позиций – причём как языкового существования в целом, так и конкретных проявлений языка в разного рода речевых событиях. К настоящему моменту уже установлено, что одним из ключевых понятий лингвистической экологии (лингвоэкологии) является понятие *языковой среды*, которое по отношению к языку рассматривается в двух аспектах. «С одной стороны, это некое состояние языковой системы и общественно-речевой практики в данный исторический момент развития языка, оказывающее определённое влияние на формирование языкового сознания (в том числе – языковых предпочтений членов социума). С другой стороны, это совокупность экстралингвистических факторов и условий (экономических, политических, идеологических, культурных, социально-психологических, этнопсихологических и т.д.), влияющих на состояние языка, направление его развития и характер функционирования» [4].

В представленных в очерке наблюдениях А. Битова затронута весьма важная лингвоэкологическая проблема, связанная с определением правомерности сознательного вмешательства в язык – в частности, в те лингвистические явления, которые формировались в течение длительного времени и отразили и особенности исторического развития той или иной лингвокультуры. С этих позиций проблема о правомерности печатания произведений русских классиков, созданных в XVIII и XIX веках, с использованием современного алфавита, то есть в упрощённом по сравнению с предыдущими эпохами виде, оказывается решаемой совсем не однозначно. И замечание автора: *«Не переименовываем же мы в их произведениях города и улицы в соответствии с названиями нынешними, не переводим цены в новый масштаб цен»* – в связи с этим видится абсолютно справедливым.

Армяне в этом плане, по мнению автора очерка, оказались народом, значительно бережнее относящимся к своей культуре (а значит – и к сохранению своего национального своеобразия), нежели русские: *«Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нём древность, история, крепость и дух нации. До сих пор рукописная буква не расходится у них с печатным знаком, и даже в книгах, в типографском шрифте существует наклон руки писца. Рукопись переходит в книгу, почти не претерпевая графических метаморфоз. И это тоже замечательно.*

Прогресс, врывающийся в словарь, в правописание, унификация правил, упрощение начертаний – дело, полезное для всеобщей грамотности, но не для культуры. Охрана языка от хозяйственных попользований так же необходима, как и охрана природы и исторических памятников. Стоит вспомнить кириллицу, насколько она ближе по своей графике русскому пейзажу, русской архитектуре, русскому характеру» (выделено нами. – И.З.) [2].

Не менее интересным с исследовательской точки зрения представляется воплощённое в очерке авторское осмысление контактирующих в изображаемой ситуации языков: русского, родного для автора, и армянского, основного для той территории, где он временно пребывает. Интерпретация А. Битовым взаимодействия двух языков не столько с логических, сколько с эмоционально-креативных позиций позволяет ему «увидеть» и предъявить читателю те свойства родного языка, которые в среде привычного бытования и широкой распространённости последнего, как правило, не замечаются его носителями или, во всяком случае, не осознаются столь отчётливо. Так, у носителя языка, неплохо овладевшего каким-либо из иностранных («чужих» для него) языков, нередко складывается впечатление, что освоенный неродной язык вполне успешно может быть использован им *в любой* из сфер деятельности, причём не только в функции чисто информативной, но и во всех присущих языку иных (эмотивной, конативной и т.д.).

Однако при ближайшем рассмотрении подобное утверждение оказывается заблуждением, поскольку иностранный язык даже при практически совершенном им владении не сможет в полной мере заменить для носителя языка родной и, соответственно, по определению не способен выполнять его некоторые функции. Это в особенности заметно в отношении тех функций языка, которые базируются не только на рациональном подходе к последнему, но и на процессах подсознания, обозначаемых терминами «языковой вкус», «языковое чутьё», «чувство языка» и подобными, которые на сегодня изучены ещё крайне недостаточно. Ср. в связи с высказанным положением ещё один фрагмент рассматриваемого очерка, содержащий весьма любопытное авторское наблюдение за вначале использующими чужой, а затем переходящими на родной язык армянами и необыкновенно тонкий и глубокий комментарий к нему: *«И когда они [армяне] устают ломать свою голову и язык переводом таких простых и понятных слов, таких прекрасных, на чужой, мой язык, устают путаться в надеждах и родах, они вдруг соскальзывают счастливо на родную речь и начинают отдыхать в ней между собою. ... И когда они наконец погружаются в покалывающие, как горная река, воды своей речи, я вдруг испытываю ту же лёгкость, что и они, с меня спадает эта невнятная неловкость, и мне радостно слышать чужую речь. И не только по причинам, приведённым выше. Впервые в жизни я поймал себя на том, что,*

не понимая языка, я слышу то, чего никогда не слышу в русской, понятной мне речи, а именно: как люди говорят» (выделено нами. – И.З.) [2].

По сути в приведённом фрагменте в эмоционально-образной форме воплощена мысль, которая академическим языком выражена в одной из посвящённых статусу родного языка научных статей, написанной профессором А.А. Кораблёвым: «Один из самых сильных социальных инстинктов, если не самый сильный, – быть собой, т.е. соответствовать своей сущности. **Отсюда – особое, иррациональное отношение к родному языку – ведь это первичное оформление своей самости.** Если бы язык был чем-то внешним по отношению к человеку, то трудно было бы объяснить остроту и решительность выступлений в его защиту. Именно природой языка, не сводимой к рациональности и системности, предопределена необычная и труднообъяснимая эмоциональность в дискуссиях о статусе языка: **язык в своей основе и сути – иррационален и онтологичен, это не только средство коммуникации, это форма человеческого бытия**» (выделено нами. – И.З.) [5].

Продолжая излагать в очерке наблюдения над общением своих друзей-армян, стремящихся из уважения к гостю говорить на его языке, автор приходит ещё к одному немаловажному, хотя на первый взгляд – парадоксальному, выводу: *«И ещё, когда они говорят со мной, то есть говорят по-русски, они никогда не смеются. Стоит им перейти на армянский – сразу смех. Словно смеются над тобой, непонимающим. Так вполне может показаться, пока не поймёшь, что смеяться возможно лишь на родном языке. Мне не с кем было посмеяться в Армении...*

Если им бывало уж очень смешно, отсмеявшись, они спохватывались. Улыбка смеха сменялась улыбкой вежливости – подчинённая жизнь лица, – ко мне поворачивались. Та, невольная улыбка сходилась ещё не сразу, память о смехе тихо таяла в глазах, и в них отражался я, моё наличие. Их лица приобретали чрезвычайно умное и углублённое выражение, как в разговоре с иностранцами на плохом языке, когда, чем глупее разговор, тем значительнее интонация, а киваний и поддакиваний не сдержат никакими силами... После таких разговоров ноют мускулы лица и шеи от непривычной, неестественной работы» (выделено нами. – И.З.) [2].

По тонкому наблюдению писателя, смех, будучи специфической формой человеческой культуры, «поведенческой, мимической и словесной реакцией на любые жизненные явления и ситуации, в основе которой – акт духовного преодоления внешних и внутренних семиотических границ (игра различиями своего и чужого и смена связанных с ним точек зрения, по Жан Поллю)» [6], в своём поведенчески-вербальном выражении теснейшим образом связан именно с родным языком личности, со всеми теми качествами человека, которые в родном языке не только концентрируются, но и находят максимально полное выражение («...смеяться возможно лишь на родном языке»).

Таким образом, способность смеяться, которая в значительной степени не контролируется логикой и рациональностью личности, а, напротив, по большей части основывается на подсознательных реакциях и свойствах человека, оказывается и одним из параметров, по которым можно отграничить чужой язык от родного, выделить среди окружающих «своего», связанного с тобой общим родным языком. *«Мне не с кем было посмеяться в Армении...»* – подводит автор очерка итог собственным наблюдениям, прекрасно осознавая при этом, что в Армении его окружали очень достойные и дружелюбно расположенные к нему люди, однако с иным – не таким, как у него, – родным языком.

Сформулированный параметр отграничения родного языка от всех остальных, которыми может владеть человек, А.Г. Битов включает в перечень характеристик родного языка, уже сформированный в настоящее время на основе как различных исследовательских источников, так и – что представляется крайне важным – и произведений с преобладанием эстетической функции, где данный феномен осмысливается преимущественно творчески (более подробно ряд произведений подобного рода охарактеризован в одной из наших прежних работ – см. [7]). Этот перечень, как и следовало ожидать, автор преподносит читателю с позиций индивидуально-творческого мировосприятия, в подчёркнуто образной форме: *«Только на родном языке можно петь, писать стихи, признаваться в любви... На чужом языке, даже при отличном его знании, можно лишь преподавать язык, разговаривать о политике и заказывать котлету. Один язык у человека – два языка не покажешь».*

Чуть ли не так, что чем тоньше и талантливей поэтическое и живое знание родного языка, тем безнадежней знание чужого, и разрыв невосполним. Как остроумен мой друг, по-русски мрачный, почти унылый человек... Каждая его фраза по-армянски встречается таким радостным, неподвластным смехом...

Мне не с кем было посмеяться в Армении. И я был счастлив, когда обо мне забывали» (выделено нами. – И.З.) [2].

Заключение. Таким образом, ценность привлечения коммуникативно-речевых произведений с явным преобладанием эстетической функции – художественных и художественно-публицистических – для осмысления сути ключевых лингво-философских понятий, к которым, вне всякого сомнения, относится и такая категория, как *родной язык*, видится нам не только очевидной, но и чрезвычайно важной. Будучи вос-

принятыми сквозь призму индивидуально-авторского мировидения, которое у талантливого художника слова, помимо обострённого чувства слова, повышенной экспрессивности и эмоциональности, как правило, сопровождается и выраженным креативным подходом, особым авторским «зрением», позволяющим выявлять в формируемой словесной ткани имплицитные (подтекстовые, ассоциативные и т.д.) смыслы, эти понятия получают более глубокое и многогранное истолкование, обнаруживают свойства, менее актуальные либо вообще не принимаемые во внимание при иных подходах к ним (в том числе и при осмыслении в ключе сугубо академическом).

Литература

1. Жукова, И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзёфович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. – 632 с.
2. Битов, А.Г. Урок языка [Электронный ресурс] / А.Г. Битов // Битов, А.Г. Уроки Армении (Книга путешествий по Империи). – Режим доступа: <http://nashasreda.ru/andrej-bitov-uroki-armenii/>. – Дата доступа: 25.01.2019.
3. Еськова, Н. Чужой родной язык / Н. Еськова // Энциклопедия для детей. Т. 10: Языкознание. Русский язык / гл. ред. М.Д. Аксёнова. – М.: Аванта+, 1998. – С. 423.
4. Сковородников, А.П. Лингвистическая экология, или Лингвоэкология / А.П. Сковородников, Л.И. Скворцов // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2003. – С. 294.
5. Кораблёв, А.А. Статус родного языка / А.А. Кораблёв // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2006. – № 1(7). – С. 59.
6. Тamarченко, Н.Д. Смех / Н.Д. Тamarченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко]. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 238.
7. Зайцева, И.П. Художественно-эстетическое осмысление феномена родного языка в романе Милорада Павича «Ящик для письменных принадлежностей» / И.П. Зайцева // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сб. науч. ст. и творческих работ (по итогам научно-методического семинара, посвящённого Международному дню родного языка), Витебск, 21 февр. 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.П. Зайцева (отв. ред.) [и др.]; под общ. ред. И.П. Зайцевой и С.В. Николаенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – С. 25–35.

Поступила в редакцию 20.09.2019

Предельность / неопредельность и способы глагольного действия в аспекте сопоставительного исследования русского и немецкого языков

Алимпиева Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В современных лингвистических работах сравнительно-типологического характера значительное место занимают вопросы исследования разных типов аспектуальных систем и основных категорий, формирующих их структуру.

Цель статьи — определить статус категории предельности / неопредельности как структурного компонента функционально-семантического поля аспектуальности и ее место в семантической структуре способа глагольного действия, выявить инвентарь наиболее частотных языковых средств актуализации предельной / неопредельной акциональной семантики русского и немецкого глаголов.

Материал и методы. Методологическую базу работы составляют труды в области функциональной грамматики и полевого подхода к изучению языков. Для установления инвентаря средств формирования предельных / неопредельных акциональных значений глагольной лексики сопоставляемых языков привлекаются данные «Большого немецко-русского словаря» О.И. Москальской, переводные документально-художественные тексты. Основные методы исследования — дескриптивный, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Категория П / НП в сопоставляемых языках имеет многокомпонентную структуру, которая формируется в зависимости от «видового» либо «безвидового» статуса языка. Предельная / неопредельная семантика в видовом русском и безвидовом немецком языках является как свойством глагола в его начальной форме, так и акциональной характеристикой фразы в целом.

Значение П / НП глагольного действия на лексикографическом и контекстуальном уровнях в сопоставляемых языках формируют комплексы разноуровневых языковых средств, в целом сопоставимые по своему качественному составу.

Заключение. Таким образом, признак П / НП является обязательным компонентом семантической структуры СГД в русском и немецком языках и может служить основой для семантической классификации СГД при их контрастивном исследовании.

Ключевые слова: контрастивная аспектология, предельность / неопредельность, способ глагольного действия, языковые средства репрезентации.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 101–105)

Telicity / Atelicity and Manners of Verbal Action in the Aspect of the Comparative Study of the Russian and German Languages

Alimpiyeva E.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

In the contemporary linguistic works of a comparative-typological nature, an important place is occupied by the issues of research of the various types of aspectual systems and main categories that form their structure.

The purpose of the article is to clarify the status of the telicity/atelicity category as a structural component of the functional-semantic field of aspectuality and its place in the semantic structure of the manner of verbal action, to identify the inventory of the most frequent language means of implementation of the telic / atelic actional semantics of Russian and German verbs.

Material and methods. The methodological basis of the article consists of works in the field of functional grammar and field approach to the study of languages. To establish the inventory of representation means of the compared telic / atelic actional verbal meanings, we use the material of the "Great German-Russian Dictionary" by O.I. Moskalskaya and the parallel non-fiction texts of the Russian and German languages. The main methods of the research are descriptive and comparative methods.

Адрес для корреспонденции: e-mail: elena.alimpiyeva@gmail.com — Е.В. Алимпиева

Findings and their discussion. The telicity / atelicity-category in the compared languages has a multi-component structure, which is formed depending on the “aspect” or “non-aspect” status of the language. The telic / atelic semantics in the non-related Russian and German languages is both a property of the verb in its infinitive form, and an actional characteristic of the phrase as a whole.

The meaning of the telicity / atelicity of the verbal action at the lexicographic and contextual levels in the compared languages is formed by complexes of multi-level language means that are generally comparable in their qualitative composition.

Conclusion. The mark of the telicity / atelicity is an obligatory component of the semantic structure of the manner of verbal action in the Russian and German languages and it can be used as the basis for the semantic classification of the manners of verbal action in their contrastive study.

Key words: contrastive aspectology, telicity/atelicity, manner of verbal action, language means of representation.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 101–105)

Сопоставительное исследование разносистемных языков с целью выявления особенностей взаимодействия родного языка с другими языками в би- и полилингвистических ситуациях – одно из актуальных направлений лингвистики. В современных лингвистических работах сравнительно-типологического характера значительное место занимают вопросы исследования разных типов аспектуальных систем и основных категорий, формирующих их структуру, что явилось результатом возросшего интереса к способам выражения инвариантных семантических функций средствами того или иного языка.

Аспектология по-прежнему представляет собой один из наиболее сложных разделов русского и немецкого языкознания и характеризуется наличием значительного количества дискуссионных вопросов и противоречивых точек зрения. В частности, до настоящего времени продолжают дискуссии о наличии либо отсутствии в немецком языке морфологической видовой категории, аналогичной категории вида в русском языке, о семантике видовых значений, о сущности способов глагольного действия (СГД) в славянских и германских языках и критериях их выделения. Критике подвергаются имеющиеся в аспектологической литературе классификации СГД. Нерешенным считается вопрос о классификации глаголов по отношению к значениям предельности / неопределенности (П / НП).

Рассмотрению перечисленных выше аспектов проблемы посвящены выполненные в русле функциональной грамматики работы таких ученых, как Б.М. Балин, А.В. Бондарко, Ю.С. Маслов, Л.Б. Гарифулин, Н.В. Морковина, Н.С. Авилова, И.-Э.С. Рахманкулова, Е.В. Горбова, М.Ю. Никитина, В.М. Павлов, Б.Х. Ризаев, И.М. Дюсекенева, С. Агрелль, А. Лескин, Э. Кошмидер, С.-Г. Андерссон, Р.О. Якобсон, В. Флемиг, У. Швалль и др.

В данных исследованиях семантические категории грамматики, связанные с процессами мыслительно-речевой деятельности, выделяются на основе их регулярной представленности в содержании высказываний, в значениях языковых единиц и их разнообразных сочетаниях. Семантические категории, рассматриваемые вместе с комплексом средств их выражения в языке, по мнению А.В. Бондарко, – «это и есть функци-

онально-семантические поля (ФСП), анализируемые в функциональной грамматике» [1, с. 31].

Цель статьи – определить статус категории предельности / неопределенности как структурного компонента функционально-семантического поля аспектуальности и ее место в семантической структуре способа глагольного действия, выявить инвентарь наиболее частотных языковых средств актуализации предельной / неопределенной акциональной семантики русского и немецкого глаголов.

Материал и методы. Методологическую базу работы составляют труды в области функциональной грамматики и полевого подхода к изучению языков. Для установления инвентаря средств формирования предельных / неопределенных акциональных значений глагольной лексики сопоставляемых языков привлекаются данные «Большого немецко-русского словаря» О.И. Москальской [2], переводные документально-художественные тексты. Основные методы исследования – дескриптивный, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Как известно, аспектуальность понимается большинством ученых как семантический категориальный признак «характер протекания и распределения действия во времени» [3, с. 105]. ФСП аспектуальности, так или иначе организованное, представлено во всех языках, что свидетельствует о метаязыковом характере данного категориального признака.

В славянских языках, в том числе и в русском, ядром ФСП аспектуальности выступает грамматическая категория вида, вокруг которой группируются другие компоненты данного поля: СГД, разряды предельных / неопределенных глаголов, лексические и синтаксические показатели аспектуальности [1, с. 42].

В германских языках, в частности в безвидовом немецком языке, в центре ФСП аспектуальности находится лексико-грамматическая категория предельности / неопределенности, периферийными компонентами являются *акционсарты*, или СГД, лексические и синтаксические аспектуально окрашенные элементы контекста.

Традиционной аспектологической классификацией глагольной лексики в русистике и германистике является классификация по способам глагольного действия. Изучение лексико-семантических особенностей глаголов на материале русского и других славянских языков

выявляет их тесную связь с категорией вида. Данная связь проявляется в способности русских глаголов различных СГД включать в свой состав видовые пары. Исходя из данной особенности, Ю.С. Маслов предложил изучать аспектуальные особенности глаголов различных СГД с учетом совместимости определенных черт их семантики с грамматическими значениями и функциями совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ). На материале славянских языков были выявлены СГД, представленные глаголами только СВ либо НСВ, а также СГД, в состав которых входят глагольные лексемы СВ и НСВ [4, с. 82–86].

Категориями, наиболее близкими по семантике к виду и лежащими в основе противопоставления форм СВ и НСВ русских глаголов, являются категории П / НП. Однако рассматриваемые категории по-разному проявляют себя в языках с видовым и безвидовым статусом.

Изучение грамматических особенностей предельных / неопредельных глаголов имеет длительную традицию в русистике и германистике. Признак предельности / неопредельности глагольного действия, впервые отмеченный еще Аристотелем, в современном языкознании рассматривается в качестве «универсальной семантической базы поля аспектуальности» видовых и безвидовых языков [5, с. 79].

В трудах, посвященных исследованию русского глагола, термин «предельность / неопредельность» впервые был употреблен Г.Н. Воронцовой в 1948 г. В видовых языках под предельностью глагола принято понимать его «способность выражать либо реальный, либо потенциальный предел. Соответственно под неопредельностью глагола – отсутствие способности выражать какой бы то ни было предел – как реальный, так и потенциальный» [1, с. 48].

В русском языке, по мнению А.В. Бондарко, «“предельная / неопредельная способность” глагола реализуется в рамках жесткой и облигаторной видовой системы» [5, с. 21]. Реальный предел при этом является постоянным семантическим признаком форм СВ, потенциальный предел может быть выражен лишь формами НСВ. В то же время видовые значения и значения СГД трактуются преимущественно как «отражающие объективные свойства процессов» [6, с. 10–11].

В германской аспектологии, сформировавшейся под непосредственным влиянием славянской аспектологии, понятие о пределе также играет существенную роль. Наиболее удачными считаются термины, предложенные в 1972 г. С.-Г. Андерссоном: «*Grenzbezogenheit*» – соотношенность с пределом, «*Nichtgrenzbezogenheit*» – несоотношенность с пределом [7, с. 48].

Во многих исследованиях, наряду с полным либо частичным отрицанием наличия морфологической категории вида в немецком языке, отмечается, что акциональные значения немецких глаголов, «выступая в определенном контексте, все-таки обнаруживают основные оттенки противопоставления по линии совершенности – несовершенности. <...> Базой

для контекстуального проявления совершенности – несовершенности через предельность – неопредельность в немецком языке являются способы глагольного действия (акционсарты). Это вытекает из четкой логики подразделения всех немецких способов глагольного действия на средства выражения предельности и неопредельности» [8, с. 17].

Рассматривая П / НП в качестве ядра ФСП аспектуальности немецкого языка, исследователи отмечают, что в безвидовом немецком языке оппозиция П / НП по сравнению с русским языком представлена в ослабленном виде, что объясняет сложность решения неоднократно обсуждавшегося в аспектологической литературе вопроса о классификации глаголов по данному признаку. По этой же причине по-прежнему нерешенным считается вопрос о том, следует ли считать П / НП лексической, лексико-грамматической либо синтаксической категорией.

Так, например, Б.М. Балин, Б.Д. Нефедов к предельным предлагают относить глаголы, сочетающиеся с наречиями, указывающими на временную точку осуществления действия, на полную его завершенность, мгновенность, внезапность либо полную исчерпанность. В работе Н.В. Морковиной утанавливается «несостоятельность попыток выработать единый критерий для распределения глаголов по П- и НП-классам, основываясь лишь на их сочетаемости с определенными дистрибутивными элементами» [9, л. 22, 24].

Предпринятые попытки выработать объективные критерии распределения глаголов по признаку П / НП привели к формированию двух противоположных подходов. В рамках одного из них наряду с предельными и неопредельными глаголами принято выделять также акционально нейтральные глаголы, которые могут выступать как в предельном, так и в неопредельном значении в зависимости от условий их употребления (С.-Г. Андерссон, И.-С. Рахманкулова, В.М. Павлов, Б.Х. Ризаев и др.). Сторонники другого подхода придерживаются бинарной классификации (Б.М. Балин, Б.Д. Нефедов, Н.В. Морковина).

Можно сделать вывод, что в отношении глаголов немецкого языка оправданным видится проводить классификацию глаголов по признаку П / НП на основе семантического анализа глагольной лексемы, учитывая при этом также типовой контекст, регулярно реализующий ту или иную акциональную характеристику глагольной лексемы, так как характеристика глагола с точки зрения П / НП часто определяется языковым уровнем, на котором проводится классификация: семасиологическим либо ономасиологическим.

При рассмотрении данной проблемы наиболее обоснованной нам представляется наметившаяся в современной аспектологии тенденция различать аспектуальные значения, связанные с понятием достижения потенциального предела, и способы глагольного действия, которые в свою очередь подразделяются на акциональные группировки в зависимости от наличия /

отсутствия в семантике глагольной лексемы признака потенциального предела [10, с. 26].

Значимость подобной тенденции для нашего исследования видится в том, что данный подход позволяет нам, во-первых, исходя из содержания семантического признака П / НП, присущего тому либо иному акциональному значению СГД, и общности понятийного содержания, объединяющего глагольные лексемы в видовом русском языке, выделить аналогичные предельные / неопредельные акциональные характеристики глагольного действия для безвидового немецкого языка; во-вторых, исследовать языковые средства выражения общей акциональной семантики глагольных лексем сопоставляемых языков как на собственно языковом (семасиологическом) уровне, так и в различных контекстных условиях их употребления. Мы разделяем точку зрения А.В. Бондарко, который утверждал, что «значения СВ / НСВ, а также значения П / НП “проходят сквозь призму” того или иного способа действия. Значения П / НП не могут быть раскрыты без обращения к способам действия, в которых эти значения выявляются» [1, с. 31].

Итак, анализ теоретического и фактического материала дает нам основание считать, что признак П / НП выступает как обязательный компонент семантической структуры СГД в русском и немецком языках и может служить основой для их семантической классификации при контрастивном исследовании. Предельная / неопредельная семантика глаголов в видовом русском и безвидовом немецком языках является как свойством глагола в его начальной форме, так и акциональной характеристикой фразы в целом.

Обобщение данных, имеющихся в русской и немецкой аспектологической литературе, и результатов анализа фактического материала позволяет нам выделить следующие общие для сопоставляемых языков предельные / неопредельные / нейтральные акциональные значения глагольных лексем, выражаемые комплексом разноуровневых языковых средств:

1) предельные значения СГД (имеющие семантику СВ / перфективную видовую семантику):

- начинательное (инхоативное, ингрессивное): рус. *за шуметь*/нем. *aufbrausen*, рус. *поехать*/нем. *losfahren*;

- уменьшительно-ограничительное (делимитативное): рус. *подождать*/нем. *abwarten*, рус. *порисовать*/нем. *ein wenig zeichnen*;

- длительно-ограничительное (пердуративное): рус. *прободрствовать* (напр., *всю ночь*)/нем. *durchwachen*, рус. *проболеть весь год*/нем. *das ganze Jahr über krank sein*;

- завершительное (эгрессивное, комплетивное): рус. *отзвучать*/нем. *verklingen*, рус. *доделать*/нем. *fertigmachen*;

- точечное (моментативное): рус. *лопнуть*, *треснуть*/нем. *bersten*, *platzen*, рус. *пронзить (мгновенно)*/нем. *durchbohren*;

- однократное (семельфактивное): рус. *дрогнуть*/нем. *mücken*, рус. *чихнуть*/нем. *einmal niesen*;

- смягчительно-уменьшительное (диминутивное, недостаточно-нормативное): рус. *покашливать*/нем. *hüsteln*, рус. *приоткрыть*/нем. *halb öffnen*;

- интенсивно-результативное: рус. *измучиться*/нем. *sich abhetzen*, рус. *зажидаться*/нем. *allzu lange warten*;

2) неопредельные значения СГД (имеющие семантику только НСВ / имперфективную видовую семантику):

- многократное (итеративное): рус. *стучать*, *греметь*/нем. *ballern*, рус. *кружить*/нем. *mehrere Kurven beschreiben*;

- сопроводительное (комитативное): рус. *подыгрывать*/нем. *nachspielen*, рус. *поддакивать кому-л.*/нем. *j-m nach dem Munde reden*;

- длительно-ослабленное: (пердуративно-диминутивное): рус. *плестись*/нем. *schlendern*, рус. *слегка дождить*/нем. *leise regnen*;

- длительно-интенсивное (пердуративно-интенсивное): рус. *орать*/нем. *brüllen*, *johlen*, рус. *напряженно смотреть*/нем. *ganz Auge sein*;

- прерывисто-смягчительное (аттенуативное): рус. *прихрамывать*/нем. *humpeln*, рус. *нашептывать*/нем. *j-m etw. in die Ohren blasen*;

- длительно-взаимно-дистрибутивное (пердуративно-дистрибутивное): рус. *переписываться*/нем. *sich schreiben*, рус. *переглядываться*/нем. *Blicke tauschen*;

- осложненно-интенсивное: рус. *выпытывать*, *расспрашивать*/нем. *ausfragen*, рус. *отшлифовывать*/нем. *feinschleifen*;

3) нейтральные / потенциально-предельные значения СГД (имеющие в определенных условиях аспектуального контекста семантику СВ либо НСВ / имперфективную либо перфективную видовую семантику):

- накопительно-суммарное (кумулятивное, сатуративное): рус. *наговорить*/нем. *aufreden*, рус. *наиграться*/нем. *sich müde spielen*, рус. *объездить*, *объезжать*/нем. *umfahren*;

- распределительное (объектно-дистрибутивное, субъектно-дистрибутивное): рус. *забросать*, *забрасывать (что-л. чем-л.)*/нем. *bewerfen*, рус. *повставать (один за другим)*/нем. *Mann für Mann aufstehen*;

- отделительно-партитивное: рус. *откусить*, *откусывать*/нем. *abbeißen*, рус. *отломать*, *отламывать*/нем. *losbrechen*;

- комплетивно-партитивное (добавочное): рус. *подтопить*, *подтапливать (напр., печь)*/нем. *nachfeuern*, рус. *приплатить*, *приплачивать*/нем. *zubuttern*;

- редупликативное: рус. *перемыть*, *перемывать что-л. (повторно)*/нем. *etw. von neuem waschen*, рус. *переспросить*, *переспрашивать*/нем. *nochmals fragen*;

- орнативное: рус. *покрыть что-л. золотом*/нем. *etw. mit Gold überziehen*, рус. *окаймлять*, *обить каймой что-л.*/нем. *umranden*;

- мутативное: рус. *(но)толстеть*/нем. *dick werden*, *stärker werden*, рус. *(но)тускнеть*/нем. *den Glanz verlieren*.

Оппозиция П / НП, лежащая в основе предложенной классификации значений, в свою очередь, предпо-

лагает деление глагольных лексем на классы глаголов действия (предельные глаголы), глаголов состояния и процессов (непредельные глаголы).

При сравнительном анализе средств выражения акциональных характеристик глагольных лексем в видовом русском и безвидовом немецком языках мы, вслед за А.В. Бондарко, выделяем *глагольную* аспектуальность, которая содержится в лексической семантике глагола либо выражается с помощью глагольных сочетаний, *лексическую неглагольную* аспектуальность, транслируемую при участии определенных лексических детерминантов, и аспектуальность *контекстно-синтаксическую*. Последняя реализуется на уровне предложения с помощью союзов и бессоюзного сочетания предложений [11, с. 50].

В результате анализа фактического материала установлено, что значение предельности / непредельности глагольного действия на лексикографическом и контекстуальном уровнях в сопоставляемых языках формируют:

1) семантика корневых глагольных лексем: рус. *начинать, начинаться*/нем. *beginnen*; рус. *заканчивать, закончить*/нем. *enden*;

2) морфологические средства (глагольные аффиксы: рус. *про-, по-, пере-, за-, рас-... -(ся), до-...-(ся), от-...-(ся), ну-, под-...-ива-/ыва-, по-...-ива-/ыва-...-(ся)* и др., нем. *ab-, auf-, aus-, an-, los-, ein-, be-, er-, ver-, zer-, über-, -er(n), -el(n)* и др., добавление умлаута корневого гласного – для немецкого языка): рус. *до-делать*/нем. *abarbeiten*, рус. *покашливать*/нем. *hüsteln*;

3) аналитические структуры:

– фазовые аналитические конструкции: рус. *начать говорить*/нем. *beginnen zu sprechen*, рус. *перестать плакать*/нем. *aufhören zu weinen*;

– глагольно-субстантивные конструкции: рус. *положить начало*/нем. *Anfang machen*, рус. *выпить одним глотком, осушить (напр., стакан) одним залпом*/нем. *etw. auf einen Zug trinken*;

– сочетания глагола и лексического показателя определенного акционального значения: рус. *слегка коснуться чего-л.*/нем. *etw. leicht berühren*;

– фразеологические сочетания: рус. *закончить какое-либо дело*/нем. *etw. unter Dach und Fach bringen*, рус. *пробездельничать весь день*/нем. *dem lieben Gott den Tag abstehlen*;

– глагольная редупликация: «*А в войну целую ночь орудия стучают-стучают, секут-секут. <...> Бомбят и бомбят.*» [12, с. 41] – «*Im Krieg haben die ganze Nacht die Geschütze geballert und geheult. <...> Und die bombardierten und bombardierten.*» [13, с. 71].

Заключение. Следовательно, категории П / НП в русском и немецком языках представляют собой поликомпонентные образования, структуру которых формируют предельная / непредельная семантическая характеристика глагола; морфологические средства; аналитические (лексико-синтаксические) структуры.

Такой подход, при котором категории П / НП рассматриваются как поликомпонентные структуры,

на наш взгляд, позволяет выделить в немецком языке типы СГД, аналогичные типам СГД русского языка, наиболее полно описать системы разноуровневых языковых средств, участвующих в формировании универсальных / метаязыковых акциональных характеристик глагольных лексем сопоставляемых языков, а также отобразить отношение говорящего к качеству совершаемого действия, имплицитное в достижении действием своего предела, что «в конечном счете, характеризует языковой менталитет» [14, л. 91].

Литература

1. Бондарко, А.В. Введение. Аспектуальность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. – М., 1987. – С. 3–93.
2. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. Т. 1 / авт.-сост.: Е.И. Лепинг, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг [и др.]; под общ. рук. О.И. Москальской. – 9-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. – 761, [7] с.
3. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – 7-е изд., стереотип. – М., 1956. – 511 с.
4. Маслов, Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов; сост. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян; вступ. ст.: А.В. Бондарко [и др.]. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 839 с.
5. Бондарко, А.В. Семантика предела / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 14–85.
6. Виноградов, В.В. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 717 с.
7. Andersson, S.-G. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. Bd. I: Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen. – Uppsala, 1972. – 248 S.
8. Рахманкулова, И.-Э.С. К вопросу о теории аспектуальности / И.-Э.С. Рахманкулова // Вопросы языкознания: науч. сб. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; под ред. Т.М. Николаевой (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2004. – Вып. 1. – 2004. – 160 с. – С. 3–28.
9. Морковина, Н.В. Предельность / непредельность немецких глаголов как категория семасиологического уровня (Опыт дистрибутивного и трансформационного анализа): дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Морковина. – Калинин, 1968. – 200 л.
10. Ризаев, Б.Х. Функционально-семантическое поле лимитивности в современном немецком языке / Б.Х. Ризаев. – Самарканд: СамГИИЯ, 2013. – 162 с.
11. Бондарко, А.В. Русский глагол / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин; под ред. Ю.С. Маслова. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
12. Алексиевич, С.А. Чернобыльская молитва (хроника будущего) / С.А. Алексиевич. – М.: Изд-во «Остожье», 1997. – 223 с.
13. Alexijewitsch, S. Tschernobyl Eine Chronik der Zukunft / S. Alexijewitsch. – Aus dem Russischen von Ingeborg Kolinko. – München; Berlin: Ungekürzte Taschenbuchausgabe, Piper Verlag GmbH., 2015. – 298 S.
14. Дюсекенева, И.М. Категория аспектуальности в русском и английском языковом менталитете: дис. ... д-ра философии: 6D020500 / И.М. Дюсекенева. – Алматы, 2014. – 135 л.

Поступила в редакцию 26.09.2019

Язык для специальных целей (LSP) в системе функциональных стилей английского языка: аналитический обзор существующих точек зрения

Антипов А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск

Одной из актуальных проблем современного общества является выбор средства общения во всех областях научной, технической и профессиональной сфер для обеспечения эффективного, грамотного и адекватного общения специалистов в каждой конкретной сфере жизнедеятельности.

Цель статьи — аналитический обзор существующих на LSP точек зрения для выбора наиболее адекватной для проводимого нами сопоставительного исследования экономической терминологии в ряде языков индоевропейской семьи.

Материал и методы. Материалом в данном случае послужили определения LSP, помещенные в лексикографических, справочных и научно-исследовательских источниках. Методы: общенаучные — наблюдения, обобщения и сравнительно-сопоставительный анализ; общелингвистический — интерпретативный.

Результаты и их обсуждение. Как свидетельствуют проанализированные источники, терминологическая лексика, используемая в той разновидности LSP, которая функционирует в сфере научного экономического общения, в значительной степени сформирована именно в системе английского языка.

Представляется, что прежде всего этим обстоятельством обусловлено придание значительному пласту экономической терминологии английского происхождения интернационального характера — функционирующие в этой сфере термины вошли в экономический терминологический фонд многих языков.

Заключение. Полученные результаты позволяют прийти к выводу, что при проведении сопоставительных исследований в области экономической терминологии на материале разных языков в качестве основы для сопоставления целесообразно избирать именно английский язык, поскольку экономический терминологический фонд английского происхождения в настоящее время составляет значительную часть экономической терминологии многих других языков.

Ключевые слова: общение, функциональный стиль, язык научного общения, LSP (Language for Specific Purposes), терминологический фонд, экономическая терминология, лексический уровень.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 106–109)

Language for Special Purposes (LSP) in the Functional Style System of the English Language: an Analytical Review of Existing Points of View

Antipov A.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

One of the urgent problems of the contemporary society is the choice of means of communication in all areas of the scientific, technological and professional sphere to ensure effective, competent and adequate communication of specialists in each specific area of life.

The purpose of the article is an analytical review of the points of view existing on LSP to select the most appropriate economic terminology for our comparative study in a number of languages of the Indo-European family.

Material and methods. The research material was the definitions of LSP in lexicographic, reference and research sources. The research methods are: general scientific methods of observation, generalization and comparative analysis, the general philological interpretative method.

Findings and their discussion. According to the analyzed sources, the terminological vocabulary used in the LSP variety that operates in the field of scientific economic communication is largely formed in the English language system.

This seems to explain the international character of a considerable amount of economic terminology of English origin. Terms functioning in this system have become part of the economic terminology fund of a great number of languages.

Conclusion. *The results allow us to conclude that when conducting comparative studies in the field of economic terminology on the material of different languages, it is advisable to choose the English language as the basis for comparison, since the economic terminology fund of English origin currently forms a significant part of the economic terminology of many other languages.*

Key words: *communication, functional style, language of scientific communication, LSP (Language for Specific Purposes), term fund, economic terminology, lexical level.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 106–109)

Выбор средства общения в эпоху интенсивного, технологического развития во всех областях научной, технической, экономической, социальной сфер жизни общества является крайне актуальной проблемой по нескольким причинам. Во-первых, увеличение количества профессиональных контактов, как межрегиональных, так и международных (в том числе глобальных), связано с появлением разноречивых коммуникативных техник и технологий, а также приемов и методик их использования. Во-вторых, для обеспечения эффективного, грамотного и адекватного общения специалистов той или иной профессиональной сферы подобного рода технологичность требует и наличия соответствующего необходимого инструментария. Сказанным обуславливается в первую очередь появление термина «язык для специальных целей», или «Language for Specific Purposes» (далее мы в большинстве случаев будем, как это принято в научном лингвистическом сообществе, применять для обозначения данной понятийной категории аббревиатуру **LSP** как закрепившееся в международной терминологии обозначение). Термин «Language for Specific Purposes» в большей степени предпочтителен в исследованиях указанной области в связи с тем, что они проводились преимущественно на материале английского языка.

Вместе с тем необходимо отметить, что помимо термина «язык для специальных целей» в настоящее время для исследования речевой практики коммуникантов в определенной профессиональной среде лингвистов используется ряд других, по большей части синонимичных приведенному, терминологических выражений: *научный стиль; научная речь; научный язык; язык профессиональной коммуникации; профессиональный язык науки; специальный язык; научно-технический стиль; подязык науки; профессиональная языковая подсистема; профессиональная речь*. Однако наиболее употребительным все же остается термин «язык для специальных целей», у которого, как нам представляется, *коммуникативная* (возможность передавать информацию), *когнитивная* (способность через посредство языка накапливать опыт и познавать мир) и *информативная* (способность сохранять и передавать накопленное содержание) функции выражены наиболее явно.

Цель статьи – аналитический обзор существующих на LSP точек зрения для выбора наиболее адекватной

для проводимого нами сопоставительного исследования экономической терминологии в ряде языков индоевропейской семьи.

Материал и методы. Материалом в данном случае послужили определения LSP, помещенные в лексикографических, справочных и научно-исследовательских источниках (преимущественно англоязычных и русскоязычных). Методы: общенаучные – *наблюдения, обобщения и сравнительно-сопоставительный анализ*; общелингвистический – *интерпретативный*.

Результаты и их обсуждение. Среди многочисленных определений LSP мы выделяем дефиниции А.И. Комаровой и И.С. Кудашева. Так, А.И. Комарова под LSP понимает особую разновидность языка, обладающую выраженными категориальными – понятийными и языковыми – свойствами [1]. Исследователь также акцентирует внимание на месте данной разновидности коммуникативно-речевых средств в языковой системе и на функциональном назначении LSP (разновидность «языка в целом», которая используется при общении на ту или иную специальную тему» [2]. И.С. Кудашев рассматриваемому понятию дает следующее определение: «Язык для специальных целей – это совокупность естественных или искусственно-искусственных языковых средств, использующаяся в какой-либо области знаний и/или деятельности главным образом для передачи предметной информации и отражающая понятийный аппарат, не являющийся достоянием большинства носителей данного национального языка» [3].

Два приведенных определения LSP уже позволяют составить некоторое представление о различии подходов к пониманию LSP, в частности – о расстановке исследователями акцентов на различных составляющих этого феномена.

Достаточно оригинальной представляется точка зрения, в соответствии с которой различные характеристики LSP выявляются в процессе его оппозиционного сопоставления с другими коммуникативно-речевыми разновидностями языковой системы. Вместо оппозиции «LSP – язык для общих целей» язык для специальных целей иногда трактуется в научном сообществе как совокупность тех языковых средств, которые применяются в устном и письменном видах определенных дискурсов. Дж. Трим (J.L.M. Trim, работа «Linguistic Considerations in Planning Courses and in the Preparation of Teaching Materials», опубликованная в сборнике

«Languages for Special Purposes» в 1969 году) предлагает рассматривать LSP как язык, «присоединяющий специальный (профессионально ориентированный) словарь к тому слою языка, который составляет его общее ядро и остается неизменным независимо от социальной (или профессиональной) роли, выполняемой говорящим» [цитируется по: 4].

Разделяя позицию Дж. Трима, можно, таким образом, утверждать, что специфика LSP определяется дополнением каждого из уровней языка, используемого в общем употреблении, теми или иными лингвистическими элементами, которые характерны именно для LSP.

Так, в частности, лексический уровень применяемого в общем употреблении языка (преимущественно общеупотребительная лексика) дополняется активным употреблением терминологической лексики, по большей части латинского либо греческого происхождения, а также иной профессиональной лексики (более узкого назначения): цифровые символы; обозначения товарных знаков и фирменных наименований и т.п.

Таким образом, Дж. Трим понимает под LSP более объемную разновидность «общего языка», основу которого составляет нейтральный, употребляющийся в обычном общении стиль, расширенную за счет добавления к нему значительного корпуса элементов, необходимых для осуществления общения именно в научной сфере.

В научно-исследовательской представлена также несколько иная точка зрения на LSP, которую условно можно обозначить как *дискурсивная*. Придерживающиеся этой позиции ученые предлагают трактовать LSP более широко, учитывая при его определении не только лингвистические характеристики, но и жанровую принадлежность, макроструктурные свойства принадлежащих к LSP коммуникативно-речевых произведений, а также экстралингвистические факторы.

Значительный – по сравнению с нейтральным стилем – пласт терминологической лексики, по общему мнению исследователей, является для LSP ключевым признаком (а иногда не только основным, но исчерпывающим).

Так, В. Ментруп пишет: «Под профессиональным языком можно понимать терминологию, имеющую в значительной мере конвенциональный характер, по возможности свободную от синонимов и омонимов, характеризующуюся высокой степенью точности, семантической четкостью и однозначностью» [5].

Лексико-семантический пласт любого коммуникативно-речевого произведения, презентующего научный стиль, безусловно, следует отнести к дифференцирующим LSP факторам, поскольку именно он в первую очередь придает своеобразие репрезентации профессиональной речи практически в любом национально-культурном сообществе. Однако в определенной степени можно говорить и о национально-языковом своеобразии LSP в конкретной лингвокультуре.

Так, в системе английского языка выявление соотношений между такими сходными, однако не тождественными категориями, как LSP, «научный стиль», «научный жанр», «язык науки», «научный регистр языка» и под., традиционно связывается с историческим результатом такого общественного явления, как разделение труда.

Данный процесс обусловил появление специальных знаний и, как следствие, специальных понятий, которыми пользовались специалисты в той или иной отрасли материального производства. Вероятно, коммуникативно-речевые произведения, возникшие в результате коммуникации между представителями различных производственных, и составили основу для вычленения специальных (профессиональных) лингвистических средств в устном и письменном дискурсах, которые получили дальнейшее развитие. Результатом этого стало появление *English for Specific Purposes (ESP)*, воплотившегося в диапазоне разновидностей, соотносимых по своему назначению с функциональными стилями и/или подсистемами современного английского языка.

А. Уотерс и Т. Хатчинсон [6] одной из причин возникновения ESP, оценивая это событие как революцию в лингвистике, считают смену парадигм в гуманитарной науке. Они, в частности, отмечают: «Смена формальной парадигмы на функциональную привела к тому, что лингвисты стали концентрировать внимание не на формальных характеристиках языков, а на ситуативных контекстах, в которых происходит коммуникация, и исследовать обусловленность языковой вариативности ситуацией общения» [6, p. 13].

Утвердившийся в лингвистике функциональный подход к рассмотрению в том числе и определенных, объединенных общим значением групп языковых средств обусловил развитие *функциональной стилистики*. В связи со сказанным мы разделяем точку зрения Т.Н. Хомутовой в отношении того, что LSP является функциональной разновидностью языка [7]. Следовательно, обеспечение эффективной коммуникации между специалистами внутри определенной профессиональной области стали прямо связывать с характерными ситуациями общения, где одной из особенностей является использование соответствующего терминологического аппарата. Именно эта специфика терминологического аппарата (совокупность лексических единиц и характерных для той или иной области выражений) является отличительной чертой отдельных разновидностей LSP и в настоящее время.

Так, в частности, устанавливая характерные особенности той разновидности LSP, которая применяется в сфере *экономической науки*, необходимо в первую очередь отметить такую ее особенность, как активное употребление слов и выражений, служащих для обозначения явлений, процессов и понятий, фигурирующих в данной профессиональной среде.

Заключение. Как свидетельствуют проанализированные научно-исследовательские, лексикографические и некоторые справочные источники, терминологическая лексика, используемая в той разновидности LSP, которая функционирует в сфере научного экономического общения, в значительной степени сформирована именно в системе английского языка.

Представляется, что прежде всего этим обстоятельством обусловлено придание значительному пласту экономической терминологии английского происхождения **интернационального** характера – функционирующие в данной сфере термины вошли в экономический терминологический фонд многих языков.

Это, в свою очередь, предопределяет ведущую роль английского языка при проведении **сопоставительных** исследований в области экономической терминологии на материале *разных* языков: основой для сопоставления становится экономический терминологический фонд именно английского языка.

Литература

1. Комарова, А.И. Язык для специальных целей (LSP): теория и метод / А.И. Комарова. – М.: МАЛПИ, 1996. – С. 12.
2. Комарова, А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP) / А.И. Комарова. – М.: ЛКИ, 2010. – С. 92.
3. Кудашев, И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики / И.С. Кудашев. – Helsinki: Helsinki University Translation Studies, 2007. – С. 74.
4. Гвишиани, Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии) / Н.Б. Гвишиани. – М., 1986. – С. 223.
5. Ментруп, В. К проблеме лексикографического описания общенародного языка и международных языков / В. Ментруп // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 236.
6. Hutchinson, T. English for Specific Purposes: A learning-centered approach / T. Hutchinson & A. Waters. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 183 p.
7. Хомутова, Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект / Т.Н. Хомутова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 11(71). – С. 97.

Поступила в редакцию 20.11.2019

Проблемы интерференции родного языка и пути их решения в процессе формирования иностраных навыков и умений

Бобылева Л.И.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск*

В статье обсуждаются проблемы связи языка и мышления, их значение для преодоления интерференции родного языка в процессе иностранного образования.

Цель статьи — разработка методических рекомендаций по предупреждению интерференции.

Материал и методы. Материалом послужили психолого-педагогические и методические исследования данного вопроса и предметный опыт самого автора в качестве преподавателя таких дисциплин, как «Методика обучения иностранным языкам», «Английский язык» на филологическом факультете Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Результаты и их обсуждение. Предупреждение деформирующего влияния родного языка в процессе развития иностранного опыта учащихся обусловлено когнитивным усвоением изучаемого материала. Наиболее эффективными приемами предупреждения интерференции являются: 1) превентивное пояснение; 2) инструкция; 3) использование алгоритмов; 4) эвристический поиск; 5) прием «типичная ошибка/правильный ответ»; 6) нахождение и коррекция ошибок самими учащимися.

Заключение. Решение проблем преодоления интерференции родного языка в процессе формирования иностранных навыков и умений тесно связано с контролируемым и направляемым учителем сравнением иностранного материала с соответствующими явлениями родного языка посредством правила-инструкции, ситуации, контекста, наглядности, выделения характерных признаков в усваиваемом материале и последующей тренировки на основе языковых и речевых упражнений.

Ключевые слова: родной язык, интерференция, сознательность, активность, методические рекомендации.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 110–113)

Mother Tongue Interfering Influence Issues and Ways of their Tackling in the Process of Foreign Language Skills and Habits Development

Bobyleva L.I.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article dwells upon language and cognition interconnection problems and their importance for overcoming mother tongue interfering influence in the process of foreign language skills and habits development.

The aim of the article is to work out methodological recommendations for interference prevention.

Material and methods. Psychological, pedagogical and methodological literature analysis and the author's personal experience in giving lectures on foreign language methodology and teaching English at the Philology Department of Vitebsk State University were the background of the article.

Findings and their discussion. To solve the prevention problems of distortive native language influence in the process of foreign language skills and habits development cognitive target language assimilation is necessary. The most advantageous interference prevention techniques are 1) preventive explanation, 2) an instruction, 3) an algorithmic prescription, 4) a heuristic research, 5) a comparative analysis "typical error/correct answer", 6) error detection and correction by students.

Conclusion. The solution of problems of mother tongue interfering influence in the process of foreign language skills and habits development is closely connected with the teacher's directed and controlled comparison between foreign language material and the corresponding mother tongue phenomena. This correlation is made on the basis of instructions, situations, context, visual aids, typical cues highlighting, and further development on the basis of language and speech exercises.

Key words: mother tongue, interference, cognitive-code learning, activity, methodological guidelines.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 110–113)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lianabobyleva@gmail.com — Л.И. Бобылева

Изучение любого иностранного языка неразрывно связано с проблемой интерферирующего влияния родного языка, достаточно сильно усложняющего, а порою и тормозящего формирование иноязычных навыков и умений.

Цель статьи – разработка практических рекомендаций, направленных на предупреждение и преодоление отрицательного влияния родной речи и ведущих к повышению эффективности обучения.

Материал и методы. Материалом послужили психолого-педагогические и методические исследования данного вопроса и предметный опыт самого автора в качестве преподавателя таких дисциплин, как «Методика обучения иностранным языкам», «Английский язык» на филологическом факультете Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Результаты и их обсуждение. Попытки методистов периода Реформы исключить родной язык из учебной аудитории не дали положительных результатов. Данная позиция опиралась на популярную в то время теорию о том что каждый язык является отражением мышления своего народа, систему понятий и представлений которого можно усвоить лишь через непосредственную связь языкового материала с ними, минуя перевод на родной язык. «Так как речь всегда связана с образом мысли, иностранный язык не может быть автономным по отношению к тому же мышлению. Но так как морфологический код языка достаточно явно отличается по своим фонетическим, лексическим, грамматическим и стилистическим средствам выражения мыслей от системы родного языка, то само мышление должно также отличаться. В противном случае иностранный язык не будет иметь специфических особенностей языка, т.е. не будет таким же средством общения и выражения мыслей, каким является родной язык» [1, с. 39].

Если опираться на научные доказательства того, что мышление на любом языке мира является типичным, то не менее очевиден тот факт, что оформление мыслей имеет значительные отличия в каждом языковом коде. Мыслительный аппарат напрямую связан с языковой базой человека. Как отмечал Л.В. Щерба, обучение иному языку при уже четко сформированном языковом коде своего родного всегда будет процессом их взаимодействия, но мышление изменить не удастся, так как оно уже сформировано. «Изучая иностранный язык того или другого народа, мы изучаем исторически сложившуюся у него систему понятий, сквозь которые он воспринимает действительность. Изучая эту систему и сознательно сравнивая ее с нашей собственной, мы лучше постигаем эту последнюю» [2, с. 33].

Таким образом, чтобы решить проблему предупреждения деформирующего воздействия родного языка на усвоение иноязычной языковой системы, следует сделать акцент на сознательном усвоении изучаемого языка. В само понятие сознательного изучения вкладывается значение понимания, осмысления основных принципов действия, в том числе и речевого.

Освоение нового языка пройдет успешно, если учитывать следующие пять этапов осознанной деятельности: 1) предварительное ознакомление с действием, 2) материальное действие по освоению его содержания, 3) внешнеречевой этап, 4) проговаривание про себя, 5) умственный этап [3, с. 79]. Только прохождение каждого этапа позволит добиться хорошего результата.

Осознанное изучение иностранных языков предусматривает первичный синтез, аналитическую ступень (расчленение, сравнение, абстрагирование) и вторичный синтез (обобщение). Эффективным усвоение языка становится при выполнении системы упражнений, включающих 1) начальное восприятие неизвестного или малоизвестного материала; 2) тренировку и выработку автоматизмов; 3) активное использование на практике. Очень важно учесть и лингвистическую сторону вопроса: разделение учебного материала на языковой и речевой. На начальном этапе выполняются упражнения, обеспечивающие развитие первичных умений и общих представлений об изучаемом материале. Следующий этап включает в себя тренировку языковых и речевых навыков на основе дифференцированных, имитационных, субституционных, трансформационных, репродуктивных заданий. Третий этап позволяет непосредственно развивать и совершенствовать устную и письменную речь.

Реализация принципа сознательности обеспечивается первоначальным теоретическим изучением особенностей языковых единиц и правил их употребления, а затем в результате тренировки – выработкой автоматизмов их применения в речи.

Осознанное изучение новых языков всегда связано с неизбежным сравнением между своим родным языком и тем, который изучается. С помощью сравнения осуществляется положительный перенос путем установления сходства между двумя языками и предупреждается возможная интерференция. Так, при изучении иноязычного материала учащимся указываются известные им из своего первичного языка грамматические понятия: подлежащее, сказуемое, определение, притяжательный падеж и др. Подобное сходство иноязычных явлений и родного языка позволяет не анализировать их детально.

Вместе с тем было бы неправомерно полностью уподоблять усвоение иностранного языка развитию речевой деятельности на родном языке учащихся, т.к. подобный процесс требует совершенно другой системы организации учебного процесса, поэтому сопоставление помогает успешно решить и проблемы интерференции. Отрицательное влияние родного языка приводит к тому, что учащиеся часто не видят различий в значении, интерпретации, образовании, употреблении языковых единиц. С помощью сравнения создаются предпосылки для действия механизма противопоставления, ограничивающие вероятность ошибки на основе ложной аналогии. К числу наиболее действенных приемов, позволяющих избежать интерференции, мы относим: 1) превентивное пояс-

нение; 2) инструкцию; 3) использование алгоритмов; 4) эвристический поиск; 5) прием «типичная ошибка/правильный ответ»; 6) работу над ошибками самими учащимися.

Превентивное пояснение (термин З.М. Цветковой) преследует цель уточнения понимания значения, формы и употребления языковых явлений, причем особое внимание уделяется обнаружению отличительных признаков для создания основы последующей практики речи. Рассмотрим такие лексические единицы, как *politics* и *policy*, превентивное объяснение которых может содержать следующий комментарий: «*politics*» можно перевести как «политика», «политическая жизнь», «политическая деятельность», «политические взгляды», и значения слова включают: 1) *the art and science of governing (e.g. to be engaged in politics)*; 2) *the job of holding a position of power in the government (e.g. to go into politics)*; 3) *the study of the ways in which the country is governed (e.g. to read politics, to study politics)*; 4) *the activity of the government (e.g. local politics)*; 5) *political views, opinions (e.g. I don't share your politics)*.

«*Policy*» может переводиться как «линия поведения» или «курс деятельности» и означает 1) *a set of ideas or a plan of what to do in a particular situation*, 2) *a course of actions, guiding principles considered advantageous (e.g. It is a good policy to go to bed early)*.

Предупреждающая инструкция направляет внимание учащихся на потенциальные ошибки, причины их возникновения и развивает таким образом механизмы самоконтроля и самокоррекции. Например, такое слово, как «день» (по-английски «*day*»), представляет некоторые трудности в процессе общения. Так, «*Good day*» переводится не «добрый день», хотя предположить подобный перевод можно было бы аналогично с «*Good morning*», которое имеет значение «доброе утро». Но «добрый день» – «*Good afternoon*», в то время как «*Good day*» употребляют обычно напоследок, и сама фраза кажется несколько резкой, а в переводе означает «Разговор закончен. До свидания».

Чтобы предупредить ошибки на грамматическом уровне, важно тщательно анализировать употребление тех или иных конструкций, сравнивая новый материал с уже изученным. Например, при прохождении темы «The Future Perfect Tense» необходимо сопоставление этого времени со временем the Future Indefinite, так как фразы «Я напишу этот доклад завтра» и «Я напишу этот доклад завтра к 5-ти часам» следует употреблять в разных временных формах английского языка. Учащиеся должны ознакомиться с такой инструкцией: «“*An action expressed by the Future Indefinite denotes a future action without mentioning a definite moment of its performance, while the Future Perfect shows an action completed before a definite moment in the future. The Future Perfect is used with such adverbial modifiers as “by”, “already”, “for”, “since”, etc. E.g. “I will write this report tomorrow” – “I will have written this report by 5 o'clock tomorrow”*».

Использование алгоритмов направлено на управление познавательным процессом. Если учесть абсолютно все признаки грамматических структур в рамках изучаемой темы, то можно составить логичную систему объяснения многих трудно различимых явлений, ведущую к снижению числа ошибок, которые могут быть допущены на начальном уровне. Для более понятного восприятия предыдущего тезиса допустимо привести пример алгоритмического предписания с целью предупреждения грамматических ошибок по теме «Degrees of Comparison»: 1) определение числа слогов в слове; 2) уточнение наличия таких окончаний, как *-er*, *-ow*, *-y*, *-le* в словах, состоящих из 2-х слогов; 3) проверка слова на возможность принадлежности к исключениям (к примеру, *good*, *bad*, *much*, *many*, *little*); 4) уточнение контекстуальных условий употребления слова (для *far* – *farther* или *further*, для *old* – *elder* или *older*, etc.); 5) выбор соответствующей грамматической формы сравнения.

Эвристическое обучение управляет деятельностью учащихся посредством наводящих вопросов, целью которых является концентрация внимания учеников на «зоне» возможной ошибки и направление их на поиск правильного решения. Так, при изучении темы «The Past Continuous Tense» возможна следующая ситуация:

St.: *When the phone rang, I read that article.*

T.: *Was your reading activity in progress when the phone rang?*

St.: *Yes, it was.*

T.: *So we don't know when you began reading and when you completed doing it. We only know that you were occupied with reading when the phone rang, don't we?*

St.: *When the phone rang, I was reading that article.*

Прием «типичная ошибка/правильный вариант» предлагает контрастные речевые модели, которые состоят из верного варианта и неправильных предложений. В дальнейшем это может стать эффективным способом распознавания аналогичных ошибок. Например, слова *historic/historical* часто употребляются друг вместо друга из-за одинакового перевода на русский язык как «исторический». Ошибочный вариант *historical battle* противопоставляется правильному варианту *historic battle*, при этом объясняется разница в значении и употреблении данных слов. После контроля понимания учащиеся выполняют упражнения на дифференциацию, повторение, субституцию, трансформацию, перевод с родного языка на английский, которые обеспечивают формирование навыка и готовят к активизации лексических единиц в речи.

Целью приема определения и исправления ошибок самими учащимися является развитие умений находить ошибки в речи, обнаруживать причины их возникновения, выбирать способы коррекции, что особенно важно в процессе самостоятельной и индивидуальной работы. Варианты выполнения заданий могут быть самыми разными: учащимся может быть предложено найти ошибки в предложениях, связанном тексте, устном высказывании и др.

Реализация на практике указанных выше приемов предполагает мобилизацию памяти учащихся, их внимания, мышления и готовит к речевой деятельности на коммуникативном уровне. Как известно, основными источниками активности являются цели, мотивы, интересы, желания. Для их актуализации важно использование проблемных заданий на основе логико-смысловых моделей, логико-семантических карт проблем и прочих опор. Такие задания включают: 1) коммуникативно-поисковые упражнения с направленностью на закрепление у учеников знаний о значении иностранных слов и умений правильного построения высказываний в соответствии с коммуникативным замыслом; 2) задачи на поиск информации и познание нового, способствующие развитию общего уровня учащихся, подкрепляющие их речевую практику; 3) игры на коммуникацию, которые основаны на приемах перекодирования, группировки, ранжирования информации; 4) проблемные речевые ситуации, имеющие цель стимуляции речи и построенные по принципу «мозгового штурма», часто содержащие «провоцирующую» реплику или слоган для обсуждения.

Для раскрытия личностного потенциала учащихся важно создать благоприятные психологические условия, способствующие преодолению трудностей интерференции. Большую помощь могут оказать различные формы педагогического воздействия, такие как поведенческий тренинг, самоанализ учебной деятельности, аутотренинг.

Поведенческий тренинг преследует цель научить школьников целесообразным приемам организации познавательной деятельности. В этой связи можно использовать задания на составление, например, диалога из разрозненных реплик; заполнение пропусков в тексте; решение кроссвордов, сканвордов; подбор дополнительного иллюстративного материала к тексту или заполнение таблицы и др. Подобные задания позволяют сформировать рациональные приемы деятельности, которые в дальнейшем применяются в самостоятельной работе с новым материалом.

Самоанализ учебной деятельности направлен на выявление учащимися трудностей и причин, снижающих их познавательные возможности. Данные причины постепенно систематизируются учителем, который

использует полученную информацию в индивидуальной работе, разрабатывает пути повышения результатов учебного труда.

Приемы саморегуляции, снимающие нервно-психические перегрузки в процессе работы, опираются на аутотренинг. Учащихся следует познакомить с базовыми положениями самовнушения. Так, после формулы релаксации («Мне легко и комфортно») нужно переходить к формуле «Я сосредоточен, спокоен и организован». Для повышения активности учащихся на занятии формулы стимуляции могут произноситься на счет, например: «Раз. Я успокаиваюсь», «Два. Я готов хорошо работать», «Три. Голова ясная. Я сосредоточен. Я справляюсь с заданием». Подобные установки могут изменяться, сохраняя лишь общее направление, главное – чтобы ученики при выполнении аутотренинга осознанно принимали и понимали его содержание.

Заключение. Таким образом, решение проблем преодоления интерференции родного языка в процессе развития иноязычных навыков и умений тесно связано с 1) контролируемым и направляемым учителем сравнением иноязычного материала с соответствующими явлениями родного языка посредством правила-инструкции, контекста, наглядности, выделения характерных признаков, словообразовательного анализа; 2) определением языковой закономерности, общего принципа действия и последующей тренировки на основе языковых и речевых упражнений; 3) организацией на уроке поведенческого тренинга, ведущего к снятию нервно-психических перегрузок и повышающего познавательную активность учащихся.

Литература

1. Беляев, В.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам / В.В. Беляев. – М.: Просвещение, 1965. – 174 с.
2. Щерба, Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / Л.В. Щерба. – М.: Высшая школа, 1974. – 112 с.
3. Талызина, Н.Ф. Теоретические проблемы программированного обучения / Н.Ф. Талызина. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 218 с.

Поступила в редакцию 25.09.2019

Лексические средства создания рекламных сообщений на билбордах г. Витебска

Воробьева О.И.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
Витебск*

Реклама — социально обусловленный семиотический знак, который зачастую отражает все изменения, происходящие в социуме. Это неотъемлемый феномен массовой коммуникации и незаменимый свидетель речевой культуры современного времени.

Цель статьи — анализ состояния языка рекламы на билбордах г. Витебска, выявление комплекса лексических средств и приемов, направленных на создание максимального рекламного воздействия.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили тексты рекламных продуктов наружной рекламы г. Витебска.

Результаты и их обсуждение. Наружная реклама многообразно привлекает возможности употребления слов в разных значениях. С их помощью создается образ рекламируемого предмета, который позднее формирует в сознании человека представление о товаре. Лексика рекламы, зачастую положительно окрашенная, не только образует буквальный смысл, но и информирует об экономике, культуре, общественном укладе социума. Широко используются экспрессивные особенности синтагматики.

Заключение. Таким образом, анализ языка рекламных сообщений билбордов, выявление механизмов его воздействия, определение комплекса языковых, в том числе и лексических, средств и приемов создания рекламы может способствовать делу продвижения отечественного рекламного продукта.

Ключевые слова: наружная реклама, билборды, равноуровневые единицы языка, лексические средства, эффект коммуникации.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 114–117)

Lexical Means of Creating Advertising in Vitebsk Billboards

Vorobyova O.I.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Advertising is a socially conditioned semiotic image, which often reflects the changes taking place in the society. It is an essential phenomenon of modern mass communication and an indispensable witness of the national speech culture.

The purpose of the article is to analyze the state of advertising language in Vitebsk billboards, to identify a set of lexical tools and techniques designed to create maximum advertising effect.

Material and methods. The study is grounded on texts of outdoor advertising in the City of Vitebsk.

Findings and their discussion. The outdoor advertising reveals inexhaustible possibilities of variation of words in different senses and meanings. They help to create the image of the advertised product which later shapes an image of goods in the person's mind. Advertising language, which is often positively colored, not only shapes literal meaning but also informs about economics, culture, social condition background of the society. Expressive syntagmatics is widely used.

Conclusion. Thus, the analysis of the language of billboards messages, detecting mechanisms of its action, the identification of the complex of language units, including vocabulary, means and methods of creating advertising can contribute to the promotion of the national advertising product.

Key words: outdoor advertising, billboards, language units, lexical means, communication effect.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 114–117)

Текст рекламы – строго организованная и состоящая из множества разноуровневых единиц языка и невербальных знаков коммуникативная структура, не сводимая к «линейному» речевому посланию. Сообщения на билбордах (бигбордах) как виде наружной рекламы краткие, образные, запоминаемые, что достигается за счет привлечения средств языка, художественных приемов, паралингвистических компонентов.

Существует ряд исследований, в которых проанализированы механизмы рекламного воздействия, определен комплекс языковых и невербальных средств и приемов создания обращений рекламы [1–5]. В отдельных работах представлен анализ рекламных текстов, бытующих в рекламе Беларуси в настоящее время [6; 7]. Проводятся исследования по особенностям организации наружной рекламы [8–10].

Реклама – социально обусловленный знак семиотики, который зачастую отражает все изменения, происходящие в социуме. Это неотъемлемый феномен массовой коммуникации и незаменимый свидетель речевой культуры нашего времени. Таким образом, актуальность данного исследования устанавливается важностью рекламных сообщений как языкового, социального и экономического явления, необходимостью определения вербальных и невербальных средств и приемов, которые дают возможность эффективными, максимально учитывающими интересы получателя рекламы способами достичь желаемого эффекта коммуникации.

Цель статьи – анализ состояния языка рекламы на билбордах г. Витебска, выявление комплекса лексических средств и приемов, направленных на создание максимального рекламного эффекта.

Материал и методы. Материалом послужили тексты рекламных продуктов наружной рекламы г. Витебска. Теоретической базой публикации являются работы современных лингвистов, посвященные изучению лингвистики рекламы и анализу рекламного воздействия; исследования в области теории речевой деятельности, семиотики и системы массовых коммуникаций, лингвистической прагматики, психолингвистики, риторики, лингвокультурологии, социолингвистики, паралингвистики. Для решения поставленных задач в работе были использованы различные методы и приемы анализа: описательно-аналитический, сопоставительный и контекстный анализ, приемы риторического анализа. Применялись методы наблюдения и сплошной выборки.

Результаты и их обсуждение. Наружная реклама непосредственно включена в социальный опыт, познавательный, языковой процесс и речевой поток социума. Билборды (бигборды) – это вид наружной рекламы, он являет собой такие качества, как оперативность, краткость, образность, запоминаемость, массовость получателей.

Проведенное исследование обнаружило следующие характерные черты рекламы на билбордах

г. Витебска. Рекламные обращения стремятся к доверительному диалогу с реципиентом: *Куфар авто. Продавай авто по-человечески. avto.kufar.by; Yandex такси навстречу празднику; Ганна. Большие счастья в каждый дом!; Цэны годныя. Велікодныя! Еўраопт.* Реклама дифференцирована по социальным, возрастным группам, прослеживается все большая индивидуализация адресата: *Дети не ищут опасность. Они просто играют. МЧС благодарит заботливых родителей; Для пострадавших от домашнего насилия телефон общенациональной горячей линии; Собираешься за границу – позвони 113; Мой МТС. Мои правила. Скачай приложение «Мой МТС».* Создаются яркие образы, просматривается «фирменный» подход к рекламе: *Conte – это белье; Наш Новый год. Макдональдс; Фрудоза – музыка твоего лета* (реклама мороженого); *Jacobs. Кофейня есть там, где Melicano.* Сохраняется тенденция к «американизации» языка рекламы: *Чизбургер в подарок!* (реклама ресторана быстрого питания «Бургер Кинг»); *Сезон шашлыков открыт! Coca-cola.* Вместе с тем активно признается высокое качество отечественной продукции: *Мой любимый шашлык! Славянский мясокомбинат; ОАО Верхнедвинский маслосырзавод Верхний дуг. Сделано в Беларуси; Минская. Легенда родной воды; Віцебскае малако. Каждое утро доброе.* Современные рекламные послания нацелены на формирование патриотических чувств: *Мой Витебск!; Отражение вашего города. Портал vitebsk.by; Досаафовцы – патриоты страны; Сохраним свое завтра – обустроим малую родину. Министерство природных ресурсов и окружающей среды РБ; Мы приручили стихию! Ветроэнергия Беларуси. Чистая окружающая среда.* Наблюдается достаточно широкое употребление белорусского языка: *Хлеб – тое, што нас аб’ядноўвае; Віцебск... Прыгажосць заўсёды побач; Асалода чытання. Міністэрства інфармацыі РБ. Саюз друкароў і распаўсюджвальнікаў друку; Samsung Galaxy 59–59+. Камера. Створана нанова; Простыя рэчы – аграэкалогія даступны кожнаму!* Осуществляются попытки популяризировать родной язык посредством рекламных щитов: *Ма - ма = мо - ва? Любіш маму?; Маё першае слова – сябар. Якім будзе тваё першае слова на роднай мове?*

Во всяком рекламном сообщении используются разнообразные языковые средства, а также иконические и графические приемы, которые порождают эффект экспрессии. Между тем в конкретной ситуации порождения и восприятия рекламы экспрессивной может стать любая единица, которая находится во взаимодействии с другими языковыми и невербальными знаками.

На важность слов и устойчивых сочетаний в рекламных посланиях указывают многие лингвисты [1–5]. Проанализируем, как авторы эффективной рекламы, размещенной на рекламных щитах, применяют системные свойства слова, а также его сочетаемостные возможности.

Рекламисты выделяют графически тематические, ключевые, контекстуальные слова, по-разному связанные с денотатом рекламы.

Тематические слова выражают основную тему или идею рекламы: *Invitro. Медицинские анализы. Более 1000 лабораторных исследований; Осложнения артериальной гипертензии... Если ваше давление выше 140/90 – обратитесь к врачу. Санитарно-эпидемиологическая служба.* Ключевые слова укрепляют уникальное торговое предложение, формируют имидж товара. В качестве ключевых используются, как правило, положительно оценочные слова и слова с повышенной эмоциональной, или рекламной, ценностью. Употребляются прилагательные «доступный», «первый», «надежный», «вкусный», «удобный», «специальный», «большой», «качественный», «новый», «экономный», придавая положительную оценочность всему рекламному обращению: *Kitkat senses. Оцени новые вкусы; Пятый элемент. Покупаем подарки выгодно; Загораживающая новинка. Айфоны Samsung.* Термин «контекстуальные слова» используется для обозначения слов, вызывающих прямые ассоциации с объектом рекламы (они рассказывают о применении продукта, его составе, форме, процессе воздействия, использования, сопутствующих предметах, ситуации). При этом каждую рекламную сферу характеризует свой набор лексики, т.е. рекламный словарь привязан к типу продукции или ожидаемому эффекту и достаточно стереотипизирован: *СХМ. Бетон. Щебень. Песок; Sprite со вкусом лимона, лайма, мяты. Попробуй новинку!*

Многозначные слова привлекают интерес к тексту, создают комическую ситуацию и двусмысленность в прочтении: *Біткі на Вялікодзень. Трушчым цэны ўшчэнт.* В текстах наружной рекламы часто встречаются слова с одним лексическим значением, они создают конкретный образ товара или услуги, что помогает потребителю принять решение о покупке этого товара: *Нужны шины? autose.by; ДОМИНО 'С. Скоростная доставка; Приборы учета воды и тепла «Ромис».* В результате адресат рекламы в простом распознает сложное, в бытовом возвышенное: *Jacobs Cappuccino. С королевской пенкой. Аромагия; Устрой сочное веселье. Fanta. Тайна идеального вкуса! Кофе Классик.*

Стиль наружной рекламы формируют каламбуры, мотивируя человеческое восприятие, они придают тексту новый смысл. В рекламе шоколада отечественного производства «План Б» обыгрывается словесный товарный знак – центральный смысловой компонент рекламного сообщения, своего рода рекламоноситель, информирующий о товаре и привлекающий к его покупке: *На все случаи жизни есть... План Б.*

Достаточно частотна в рекламе семантическая трансформация слова, играющая роль характеристики: *Лови снежную рассрочку! Пятый элемент.* Рекламный слоган банка ВТБ – *Успей взять кредит по вкусной ставке Кредит «Вкусненький»* – информацию о процентной ставке изображает в виде долек апельсина. Мы наблюдаем использование эффекта синесте-

зии, ориентированного на подключение в восприятие рекламы вкусовых ощущений. Кроме того, в данном, как и в предыдущем, примерах, необычная коммуникативная роль разрушает традиционное употребление лексем «вкусный» и «снежный».

Широко распространены в рекламе разговорная лексика, жаргонные и просторечные слова, являющиеся экспрессивно-стилистическим средством интимизации, сближения с адресатом: *Life:) Тряси как следует. Подключайся на тарифы «Шэйк» ... и встрясай подарки в приложении...; Хочешь в драйв-зону с Новым радио? Родителей бесит, что ходишь к друзьям? Пусть друзья живут у тебя. Burning Black. Друзи по-черному!*

Существует множество лингвистических приемов, с помощью которых слоган рекламы (девиз, лозунг) – спрессованная до формулы суть рекламной концепции – может превратиться в действенный инструмент воздействия на потенциального покупателя. Авторы рекламы активно обращаются к использованию эмоционально окрашенных слов и выражений, приемам, обыгрывающим имя бренда, изобразительному воплощению заложенной в девиз рекламной идеи: *Супер там, где СУПЕР (реклама тарифа безлимитного интернета, предлагаемого компанией МТС); #Научи своих близких покупать билеты в театр, не выходя из дома.*

Исследователь языка белорусской рекламы И.И. Новосельцева указывает «на активное обновление семантики и структуры прецедентных высказываний в рекламных слоганах», что «придает им яркую стилистическую значимость и экспрессивную акцентуацию» [6]: *Завтрак съешь сам. Дапоне; Быстрее, выше, пышнее! Activia дрожджи; КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ. В законодательстве важна каждая запятая, каждое слово, каждая буква. Официальная правовая информация ЭТАЛОН.*

Игра слов, параллелизм, метафора, антитеза, акцентирование графическими средствами и другие текстовые приемы могут помочь привлечь внимание потенциального покупателя: *Забудьте о старом. Тариф «Новый» А1; Burger – king. Цена – огонь!; Красная полоса – настоящая колбаса! Мясовит; Витебск – это наш город. «Витебск» – это наш клуб!; Маленькі шанс ратуе вялікае дзіцячае жыццё. Юнісэф.*

Целостность образа рекламируемого продукта создается умелым представлением художественных средств и приемов. Метафоры, гиперболы, олицетворения, сравнения, антитезы динамично выстраивают обращение рекламы, экономя при этом языковые средства. Рекламное сообщение *Новая Coca-Cola! Лимон эмоций* мотивирует получателя текста к некоторому творческому усилию. Ему требуется выявить, что может быть общего у кока-колы и лимона, т.е. пойти по пути размышления создателя рекламы. Гиперболы и сравнения относятся к наиболее популярным тропам в рекламе: *NITTO – шины, которые меняют все!; Яго любяць усе. Безлімітны інтэрнэт.*

Искусственное построение метонимических связей через помещение в единую речевую цепочку – важнейшая составляющая создаваемого рекламного образа. На одном из билбордов города фраза *Поддержка малого бизнеса* рифмуется с изображением маленького воздушного шара красного цвета, подхватываемого в воздухе зелеными шарами большего размера. Таким образом с помощью метонимического переноса реципиент эмоционально настраивается на рекламируемый товар.

Однокоренные слова, синонимические повторы, многократное воспроизведение важной информации, которая представлена одними и теми же единицами языка, создают в тексте повторение: *Все просто! С Мясковит все просто и вкусно!* Разноуровневые повторы, параллелизмы, а также рифма и стихотворный размер придают тексту рекламы дополнительную регулярность: *Они не бросят из-за болезни и старости. Не бросайте и вы (защита животных); Твои билеты в яркое лето. II Европейские игры 2019 г.; Беражом пакой країны роднай. ВВС; Белвест – мой бренд, мой стиль; Меньше трачу, покупая на дачу! Пятый элемент.*

Заключение. Таким образом, наружная реклама создает неустрашимое рекламно-информационное пространство города. Горожан на улицах окружают щиты, вывески, плакаты, указатели, перетяжки, наклейки. Билборды – это эффективный, доступный и востребованный вид наружной рекламы. Они привлекают внимание потенциальных потребителей и поражают смелыми и красочными решениями.

Наружная реклама предоставляет широкие возможности употребления слов в разных значениях. С их помощью создается образ рекламируемого предмета, который позднее формирует в сознании человека представление о товаре. Лексика рекламы, зачастую положительно окрашенная, не только образует буквальный смысл, но и информирует об экономике, культуре, общественном укладе социума. Широко используются экспрессивные особенности синтагматики.

Анализ языка рекламных обращений билбордов, выявление способов его воздействия, определение комплекса языковых, в том числе и лексических, средств и приемов создания рекламы может способствовать делу продвижения рекламного продукта Беларуси.

Литература

1. Горлатов, А.М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке / А.М. Горлатов. – М.: МГЛУ, 2002. – 256 с.
2. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 681 с.
3. Пирогова, Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин. – М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000. – 681 с.
4. Розенталь, Д.Э. Язык рекламных текстов / Д.Э. Розенталь, Н.Н. Кохтев. – М.: Высшая школа, 1981. – 127 с.
5. Старобинский, Э.Е. Самоучитель по рекламе / Э.Е. Старобинский. – М.: Интел-синтез, 1999. – 352 с.
6. Новосельцева, И.И. Особенности функционирования прецедентных высказываний в языке белорусской рекламы [Электронный ресурс] / И.И. Новосельцева // Universum: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 9(31). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3653>. – Дата доступа: 20.01.2019.
7. Пачкоўская, А.В. Прыкрытэнае ўжыванне назойнікаў у мове рэкламных тэкстаў / А.В. Пачкоўская // Текст в лингвистической теории и методике преподавания лингвистических дисциплин: материалы II Междунар. науч. конф., Мозырь, 26–27 марта 2003 г.: в 2 ч. / Мозыр. гос. пед. ун-т. – Мозырь, 2003. – Ч. 1. – С. 159–160.
8. Бердышев, С.Н. Эффективная наружная реклама / С.Н. Бердышев. – М.: Дашков и Ко, 2010. – 132 с.
9. Игра слов в зарубежной наружной рекламе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lingexpert.ru/conference/langlaw3/melikyana_mihailishina.html. – Дата доступа: 20.04.2019.
10. The use of wordplay and idioms in brands [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://steconomice.uoradea.ro/anale/volume/2008/v1-international-business-and-european-integration/113.pdf>. – Дата доступа: 05.05.2019.

Поступила в редакцию 24.09.2019

Профессионально ориентированный подход в обучении студентов неязыкового профиля иноязычному профессионально-коммуникативному общению

Грушова Л.Д.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск*

Современное высшее образование нацелено на подготовку высокообразованных, конкурентоспособных специалистов, мотивированных, способных ориентироваться в нарастающем потоке информации, умеющих осуществлять исследовательскую деятельность, владеющих как минимум одним иностранным языком, готовых осуществлять иноязычную коммуникацию в сфере своей будущей деятельности.

Использование профессионально ориентированного подхода в обучении студентов неязыковых специальностей с целью развития у них умений и навыков иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции как готовности и способности к осуществлению профессиональной коммуникации на иностранном языке является довольно сложным и малоизученным процессом, требующим дополнительного рассмотрения.

Цель исследования — развитие у студентов неязыкового профиля умений и навыков использования иностранного языка в коммуникативном пространстве и в сфере своей будущей профессиональной деятельности с помощью применения активных методов обучения.

Материал и методы. Материалом послужили разработки в сфере профессионально ориентированного обучения иностранному языку, активные методы обучения для формирования коммуникативных умений и навыков, занятие «студенческая конференция» на иностранном языке. В процессе исследования использовались теоретические, практические, обобщающие методы.

Результаты и их обсуждение. В статье показана значимость применения профессионально ориентированного подхода в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей, предусматривающего формирование у студентов умений и навыков иноязычной профессионально-коммуникативной коммуникации как готовности и способности осуществлять речевую деятельность на иностранном языке. Достигнуть эффективности процесса обучения иностранному языку возможно через создание определенных условий активизации речемыслительной деятельности студентов; обоснована целесообразность применения активных методов в обучении иностранному языку, способствующих практическому использованию профессионально-коммуникативных навыков в сфере будущей профессиональной деятельности студентов определенного профиля; показана роль преподавателя в методическом обеспечении подготовки и проведения программного занятия «студенческая конференция».

Заключение. На примере подготовки и проведения занятия «студенческая конференция» показана важная значимость профессионально ориентированного подхода в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей и формирования у них с помощью активных методов обучения коммуникативных умений и навыков осуществления профессионально-коммуникативного общения.

Ключевые слова: профессионально ориентированный подход, коммуникативные умения и навыки, студенческая конференция, профессионально-коммуникативное общение.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 118–123)

Professionally-Oriented Approach in Teaching Non-Linguistic Students Foreign Language Professionally-Focused Communication

Grushova L.D.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Contemporary higher educational is aimed at training highly educated, competitive specialists, motivated, able to find their way in the increasing flow of information, able to carry out research, speak at least one foreign language, ready to carry out foreign language communication in the sphere of their future activities.

Адрес для корреспонденции: e-mail: luciena1950@mail.ru — Л.Д. Грушова

The use of a professionally-oriented approach in teaching non-linguistic students in order to develop their skills and abilities of foreign language professional-communicative competence as readiness and ability to implement professional communication in a foreign language is a rather complicated and little studied process that requires additional consideration.

The aim of our research is to develop non-linguistic students' skills and abilities to use a foreign language in the communicative space and in the sphere of their future professional activity through the use of active teaching methods.

Material and methods. *The materials of the study were the developments in the field of professionally-oriented teaching of a foreign language, active teaching methods for communicative skills and abilities formation, the lesson "student conference" conducted in a foreign language. In the process of research theoretical, practical, generalizing methods were used.*

Findings and their discussion. *The article shows the importance of applying a professionally-oriented approach in teaching foreign language to non-linguistic students, implying the development of students' skills and abilities of foreign professionally-focused communication as readiness and ability to carry out speech activity in a foreign language. It is possible to achieve the effectiveness of the process of learning a foreign language through the creation of certain conditions for the intensification of students' speech and thinking activities; the expediency of active methods usage in teaching a foreign language is justified which contribute to the practical use of professional and communication skills in the field of future professional activity performed by students of a certain profile. The role of the teacher in the methodological support of the preparation and giving the curriculum lesson "student conference" is shown.*

Conclusion. *The example of preparation and conducting a "student conference" lesson shows the importance of a professionally-oriented approach in foreign language teaching to non-linguistic students and formation by using active methods their communicative skills as well as skills of carrying out professionally-focused communication.*

Key words: *professionally-oriented approach, communicative skills and abilities, student conference, professional communication.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 118–123)

Нынешнее высшее образование нацелено на подготовку высокообразованных, конкурентоспособных специалистов, мотивированных, обладающих научной пылкостью, владеющих как минимум одним иностранным языком. Иноязычное общение становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалистов [1].

В новой концепции обучения иностранному языку в неязыковом вузе подчеркивается, что иностранный язык является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля. В связи с этим особую актуальность приобретает профессионально ориентированный подход в обучении иностранному языку как возможность для повышения уровня профессиональной компетентности студента и формирования у него устойчивых умений и навыков, связанных с решением разноплановых профессиональных задач [2, с. 10]. Профессионально направленное обучение студентов иностранному языку способствует формированию у них умений и навыков профессионального общения [3, с. 13].

Задачи вузовского курса определяются, в первую очередь, коммуникативными и познавательными потребностями будущих специалистов соответствующего профиля. Весь курс иностранного языка носит коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер. Для этого важно «овладение коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении ...» [4].

Выпускники неязыковых вузов должны быть готовы к непосредственному общению с коллегами, принадлежащими к иным культурам [5], а также «осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуациями общения в рамках той или иной сферы деятельности [6, с. 139].

Таким образом, у будущих специалистов неязыкового профиля должен быть сформирован комплекс способностей, или иноязычная коммуникативная компетенция, представляющая собой совокупность сложных интегративных умений и способностей понимания и интерпретации чужой культуры в различных ее проявлениях с целью эффективной коммуникации.

В Республике Беларусь иноязычная коммуникативная компетенция рассматривается как владение совокупностью речевых, языковых, социокультурных норм изучаемого языка, а также компенсаторными и учебно-познавательными умениями [7]. Д. Хаймс включает в иноязычную коммуникативную компетенцию следующие компетенции: ... *дискурсивную* (правила построения смыслового высказывания); *стратегическую* (правила поддержания контакта с собеседником) [8].

Но, как показывает практический опыт, процесс овладения студентами неязыковых специальностей в течение 1–2 или 1–4 семестров дискурсивными и стратегическими умениями и навыками, приемами и техникой общения на иностранном языке по профессиональной проблематике и развитие навыков иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции как «готовности и способности к овладению предметными и научными знаниями в профессиональном общении на иностранном языке ...» [9, с. 124] являются довольно сложным и недостаточно изученным процессом, требующим дополнительного рассмотрения.

Очевидно, что студенты неязыковых специальностей I–II курсов не обладают в достаточной мере профессиональными знаниями, необходимыми для решения специфических задач и проблем. Задача преподавателя иностранного языка вооружить студентов неязыкового профиля соответствующими языковыми

и профессионально направленными знаниями через пробуждение интереса к изучаемому материалу.

Достигнуть эффективности процесса обучения иностранному языку возможно через создание определенных условий для активизации познавательной активности студентов при изучении лексических тем, связанных с их будущей профессиональной деятельностью. В связи с низкой эффективностью традиционных методов обучения целесообразно использовать различные активные методы. При введении активных методов обучения в педагогический процесс учебно-познавательная деятельность максимально приближается к ситуациям, часто встречающимся в сфере избранной профессии, и создаются условия для формирования профессионально значимых умений по их практическому применению [10, с. 108].

Активные методы обучения призваны развивать у студентов речевые, когнитивные, творческие способности; максимально вовлекать всех в учебный процесс; активизировать речемыслительную коммуникативную деятельность. К числу таких методов относятся проектная технология, кейс-технология, «мозговой штурм», технология творческих мастерских, обучение в сотрудничестве, дискуссия, «круглый стол», студенческая конференция и др.

Все эти технологии объединяют общие тенденции, каждая технология – это «специально организованный педагогом и самостоятельно выполняемый обучающимися комплекс действий по решению значимой для учащихся проблемы, завершающихся созданием творческого продукта» [11].

Коммуникативные технологии направлены на организацию групповой работы и сотрудничество. Они позволяют формировать у студентов универсальные умения, связанные с согласованием интересов и постановкой общих целей деятельности членов группы, анализом и представлением полученных результатов, культурой доказательства собственных суждений, осмыслением и оценкой разных точек зрения, принятием групповых решений [12].

Цель исследования – развитие у студентов неязыкового профиля умений и навыков использования иностранного языка в коммуникативном пространстве и в сфере своей будущей профессиональной деятельности с помощью активных методов обучения.

Материал и методы. Материалом послужили представления и разработки ученых в сфере профессионально ориентированного обучения иностранному языку (Н.М. Болохонцева, И.А. Зимняя, М.Г. Евдокимова, А.М. Митяева, М.А. Хусаинова, А.Н. Шукин); исследования ученых в области применения активных методов обучения для формирования коммуникативных умений и навыков (В.В. Авраменко, Е.А. Дикова, О.Л. Жук, Т.С. Иванова, Е.Я. Климович, Р.П. Мильруд, И.М. Шеина и др.); подготовка и проведение занятия – «студенческая конференция» на иностранном языке. В процессе исследования использовались теоретические, практические и обобщающие методы.

Результаты и их обсуждение. Признавая несомненные достоинства указанных выше активных методов обучения, преподавателю иностранного языка следует выбирать такие методы, которые будут способствовать эффективному развитию умений студентов, активизирующих мыслительный, то есть когнитивный, и коммуникативные аспекты учебной деятельности с применением иноязычного материала.

Существенным когнитивным умением является понимание иноязычной информации, которое невозможно без владения лексикой, грамматикой, фонетикой изучаемого языка. И.М. Шеина [13] трактует когнитивно-коммуникативные умения как умения, связанные с извлечением и сообщением информации; умения, связанные с анализом и оценкой информации. И принципиально важным умением является способность студентов использовать данную информацию в речемыслительной деятельности.

Для развития у студентов неязыковых специальностей определенных коммуникативных умений наше предпочтение отдается обычно на завершающем этапе изучения программных лексических тем таким методам, как проектная технология, дискуссия, «круглый стол», студенческая конференция. Каждая, отдельно взятая технология – это одна из личностно ориентированных технологий, способ организации самостоятельной деятельности обучающихся, направленный на решение задач учебного проекта и интерпретирующий в себе проблемный подход, групповые методы, рефлексивные, презентативные, исследовательские и прочие методики [14, с. 16].

Процесс подготовки, например, занятия «студенческая конференция» (а также «круглого стола», дискуссии, проекта) предполагает основательную подготовительную работу преподавателя: выбор темы обсуждения, которая должна быть интересной и актуальной для студентов определенных неязыковых специальностей; определение проблем, подлежащих обсуждению; разработку хода занятия; подбор текстов; подбор дополнительных тематических материалов; «подбор виртуальных источников в соответствии с принципом аутентичности, профессиональной направленности, интерактивности, информационной ценности, надежности и адекватности для самостоятельной работы» [15, с. 185–187].

Следует подчеркнуть, что большинство студентов испытывают значительные трудности в построении устного высказывания, так как не владеют достаточным объемом лексических знаний как исходным строительным речевым материалом. «Богатый словарный запас сам по себе не обеспечивает высокий уровень речемышления. Вербальные средства лишь тогда становятся инструментом мышления, когда словарный запас формируется в ходе и результате речевой деятельности» [16].

Поэтому преподавателю иностранного языка на подготовительном этапе занятия «студенческая конференция» с целью развития у студентов умений и

навыков использования учебной, в том числе и профессиональной, лексики необходимо проработать профессионально ориентированную лексику и добиться «автоматизированности, гибкости навыка. Автоматизированность и гибкость навыка гарантирует скорость, плавность выполнения действия. Это качество позволяет говорящему думать только о содержании своей речи, не концентрируясь на лексической или грамматической ее стороне» [17, с. 65].

С этой целью преподавателем применяются различные приемы, например, кейс-технология. Отобранный лексический материал систематизируется в «чемоданчик» (кейс) под рубриками «Лексика», «Предтекстовые задания», «Текстовые задания», «Послетекстовые задания», в которые помещаются лексические задания с образцами их выполнения, например:

– Образуйте сложные существительные со словом «die Verschmutzung». Переведите их.

Образец: *die Luft + die Verschmutzung = die Luftverschmutzung*

die Stadt, die Abgase, die Industrie, der Boden, das Weltmeer, der Rohstoff, die Umwelt, der Hausmüll, das Wasser.

– Назовите обобщающее слово для следующих слов и словосочетаний, используя познания в вашей специальности:

Erdbeben, Vulkane, Taifune, Tornados, Erdrutsche, Berggrutsche, stäubige Stürme, Brände, Überschwemmungen.

– Назовите слово, не подходящее к тематическому ряду слов:

der Abfall, die Deponie, die Verschmutzung, der Urlaub, der Hausmüll.

– Найдите в колонке справа соответствующий синоним:

<i>die Verschmutzung.</i>	<i>a. verantwortlich sein.</i>
<i>der Abfall.</i>	<i>b. vorschlagen.</i>
<i>das Unternehmen.</i>	<i>c. die Erzeugung.</i>
<i>die Produktion.</i>	<i>d. der Betrieb.</i>
<i>anbieten.</i>	<i>e. zuständig sein.</i>
<i>der Müll.</i>	<i>f. die Verseuchung.</i>

– Найдите русский эквивалент для следующих словосочетаний:

die natürliche und die antropogene Umweltverschmutzung, die radioaktiven Zerfallprodukte, unter die Tschernobylkatastrophe leiden, die verseuchten Territorien, wegen der Erdölwasserflut, die Ozeanoberfläche verunreinigen, umweltbewusste Länder, Mehrwegflaschen gebrauchen, die künstlichen Schlamspeicher, die toxische Deponie.

– Переведите немецкие предложения, используя тематический список профессионально ориентированной лексики:

1. Moderne Verkehrsmittel verschmutzen mit ihren Abgasen die Stadtstraßen und beeinflussen die Atmungsorgane der Menschen negativ. 2. Flüsse und Seen werden mit den Abwässern der Betriebe verschmutzt. 3. Die Abfallberge werden nach der Kalisalzförderung gebildet. 4. Durch die ständige Verwendung der Düngemittel wird

der Boden zerstört. 5. Das Weltmeer verwandelt sich allmählich in eine riesige toxische Deponie. 6. Der Hausmüll wird deponiert, begraben, verbrannt und verwertet. 7. Einige Länder beseitigen den Hausmüll mit biologischen Verfahren.

Аналогичным образом наполняются и другие кейсы под рубриками «Тексты для изучающего чтения», «Тексты для ознакомительного чтения» (статьи, интервью), «Видеосюжеты», расширяющие кругозор студентов по изучаемой теме. Каждый кейс содержит тематический словарь, текстовые и послетекстовые задания для воспроизведения содержания текста.

Приведем пример заданий воспроизводящего типа:

– прочитайте текст и выпишите из каждого абзаца ключевые предложения;

– дополните данные предложения информацией из текста;

– расположите предложения в логической последовательности соответственно содержанию текста;

– ответьте на вопросы к тексту, используя тематический словарь;

– составьте план высказывания по тексту с опорой на данные ключевые слова.

Таким образом, при подготовке студенческой конференции применяемые преподавателем иностранного языка разнообразные коммуникативные предтекстовые, текстовые и послетекстовые задания способствуют развитию у студентов неязыковых специальностей умений и навыков по усвоению профессионально ориентированной лексики, использованию ее в устном речевом высказывании.

Для концентрации внимания студентов не только на известном им материале, но и на новом, профессионально ориентированном, преподаватель, применяя прием «Инсерт», предлагает задания, ориентирующие студентов на выявление наиболее важной, содержащейся в текстах информации, а также задания, предполагающие ответы, требующие от студентов проверки достоверности информации.

При подготовке студентами докладов для студенческой конференции по теме «Глобальные экологические проблемы» преподаватель оказывает им помощь в выборе направления исследования, подборе литературы, сайтов; рекомендует студентам прочитать и перевести тексты, статьи, интервью в специальных журналах и газетах, ориентирует их на самостоятельный отбор тематической информации, что способствует формированию у студентов умений и навыков самостоятельно ориентироваться в информационном пространстве.

При работе с дополнительной информацией по теме исследования преподаватель обращает внимание студентов не только на констатацию фактов, но и на умение дать свою оценку по освещаемой проблеме, предложить собственное видение решения проблемы и предлагает следующие задания:

– Прочитайте две статьи, содержащие журналистское освещение глобального загрязнения окружающей среды, в том числе мировых океанов, двумя авторами,

сравните их трактовку обоснования причин плачевного состояния мировых океанов и скажите, с мнением какого автора Вы не согласны? Почему?

– Подготовьте свои предложения по решению данной проблемы.

Задача преподавателя познакомить студентов также с основами исследовательской работы в процессе подготовки доклада для студенческой конференции, что способствует формированию, например, следующих исследовательских умений и навыков:

– определить цель и задачи исследования по теме доклада;

– работать с информацией (сбор, обработка, анализ информации по определенной теме);

– пользоваться словарями, справочной литературой;

– оформлять результаты своего исследования в виде доклада, подкрепляя сведения/факты таблицами, схемами, ассоциограммами;

– сравнивать, сопоставлять сведения/факты, подкрепляя их убедительными примерами:

1. *Das Ausmaß des Müllhaufens im Stillen Ozean übersteigt die Fläche der USA, sowie Frankreichs um das Zweifache, die Fläche von Spanien – um das Dreifache.* – Размер мусорной кучи в Тихом океане превышает площадь США, а также Франции в 2 раза, площадь Испании в 3 раза.

2. *Die Experten haben festgestellt, dass in einer dicht besiedelten Stadt mit etwa 3 Mio. Einwohner circa 3,5 Mrd. Tonnen Hausmüll produziert werden.* – Эксперты установили, что в густо населенном городе, в котором проживает примерно 3 млн жителей, производится в год 3,5 млрд тонн домашнего мусора.

3. *In den USA werden 255 Mrd. Tonnen Hausmüll produziert, in Russland – 120 Mrd. Tonnen, in China – 2 Mrd. Tonnen, in Deutschland – 230 Mio. Tonnen, in Belarus – 10 Mio. Tonnen.*

4. *Täglich werden in den USA 700 Mio. Tonnen Hausmüll produziert, in Japan – 450 Mio. Tonnen, in Moskau – 1 Mio. Tonnen, in Witebsk – 136 000 Tonnen;*

– выдвигать предположения:

1. *Alle 5 Minuten kaufen Amerikaner 2 Mio. Plastikflaschen.* – Каждые 5 минут американцы покупают 2 млн пластиковых бутылок.

– *Für ein Jahr kann man mit diesen Flaschen unsere Erde einhüllen.* – В течение одного года можно этими бутылками обернуть нашу землю.

Следует отметить, что на подготовительном этапе роль ведущего выполняет преподаватель. При этом он объясняет каждый этап работы, цели, задачи, последовательность и механизм выполнения отдельного задания; обращает внимание студентов на процедуру ведения студенческой конференции, на необходимость внимательно слушать доклад выступающего, записывать важные ключевые моменты с целью использования их в обсуждении.

В ходе конференции некоторые ведущие функции преподавателя возлагаются на студентов: они вызывают и представляют докладчика, объявляют тему его

доклада, регламентируют лимит времени выступающего, а преподаватель следит за соблюдением этикета обращений к докладчику и пр.

После выступления докладчиков на конференции и проведенной полемики по докладам преподаватель предлагает студентам сделать выводы по заданной теме конференции и составить совместные воззвания/призывы к гражданам планеты, используя материалы докладов. При этом преподаватель, применяя метод обучения в сотрудничестве, объединяет студентов в микрогруппы/команды. Непременным условием деятельности методики сотрудничества является безоговорочное принятие студентами основного принципа «один за всех и все за одного».

В процессе взаимодействия у студентов формируются следующие умения и навыки, например: умения работать друг с другом, оказывая помощь и поддержку (например, составление предложений на иностранном языке, выбор подходящей для данного утверждения профессионально-коммуникативной лексики, привлечение фактов/сведений журналистских расследований и пр.); навыки межличностного общения; умение осознавать личную ответственность за выполнение коммуникативного задания; навыки совместной творческой познавательной деятельности и др. Кроме этого в процессе совместной деятельности совершенствуются речевые навыки.

Таким образом, приобретенные студентами во время проведения программной студенческой конференции по профессионально ориентированной тематике способности к сотрудничеству, взаимодействию, межличностному общению, а также навыки групповой и коллективной работы являются необходимым условием устойчивого эмоционального состояния и стрессоустойчивости студентов, что, в свою очередь, может обеспечить успешность будущим специалистам в любых профессиональных сферах.

Наши наблюдения позволяют утверждать, что использование метода обучения в сотрудничестве помогает студентам добиться хороших результатов не только на занятии «студенческая конференция» (также на ранее проведенных занятиях «круглый стол», «дискуссия»), но и в целом в учебе, повысить самооценку, укрепить веру в собственные способности, в эффективность своих действий.

Заключение. На примере подготовки и проведения программного занятия «студенческая конференция» была показана значимость профессионально ориентированного подхода в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей и в формировании у них профессионально-коммуникативных умений и навыков осуществления иноязычного профессионально-коммуникативного общения при применении активных методов обучения, проявляющегося в умении работать с иностранной информацией; работать в группе, коллективе; обмениваться информацией; вести аргументированное высказывание на иностранном языке, используя профессиональную лексику.

Литература

1. Болохонцева, Н.М. К вопросу о повышении мотивации на занятиях по иностранному языку / Н.М. Болохонцева // Наука и политика. – 2014. – № 3(60). – С. 184–187.
2. Митяева, А.М. Компетентностная модель многоуровневого высшего образования / А.М. Митяева // Образование и общество. – 2007. – № 4. – С. 9–11.
3. Хусаинова, М.А. Становление профессиональной позиции студентов – будущих менеджеров средствами иностранного языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / М.А. Хусаинова. – Самара, 2006. – 19 с.
4. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании / И.А. Зимняя. – М.: Московский исследовательский центр подготовки специалистов, 2004. – 38 с.
5. Евдокимова, М.Г. Система обучения иностранному языку на основе информационно-коммуникационной технологии (технический вуз, английский язык): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / М.Г. Евдокимова; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2007. – 49 с.
6. Щукин, А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов / А.Н. Щукин. – 4-е изд. – М.: Филоматис; Изд-во «Омега-Л», 2010. – 480 с.
7. Общее среднее образование. Иностранный язык. III–XI классы [Электронный ресурс]: образовательный стандарт: постановление Мин-ва образования Респ. Беларусь от 29.05.2009. – № 32. – Режим доступа: http://www.tambu.info/kodeks/edu_tekst.htm. – Дата доступа: 16.12.2009.
8. Hymes, D. On Communicative Competence / D. Hymes. – New York: Harmondsworth: Penguin, 1972. – P. 269–293.
9. Ростовцева, В.М. Компетентность и компетенции: герменевтический аспект в контексте диверсификации современного образования / В.М. Ростовцева. – Томск: Изд-во ТПУ совместно с изд-вом ИЧА «КИТ», 2009. – 261 с.
10. Шувалова, Е.В. Активные методы обучения и качество учебного процесса студентов-психологов / Е.В. Шувалова // Территория науки. – 2006. – № 1. – С. 107–112.
11. Дикова, Е.А. Интеграция материальных и информационных технологий / Е.А. Дикова // Школа и производство. – 2008. – № 7. – С. 34.
12. Жук, О.Л. Педагогические технологии в современной теории и практике образования: учеб.-метод. комплекс для студентов, получающих педагогическую специальность / О.Л. Жук. – Минск: БГУ, 2002. – 129 с.
13. Шеина, И.М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / И.М. Шеина; Моск. гос. ун-т. – М., 2009. – 50 с.
14. Авраменко, В.В. Рефлексивно-деятельностные технологии в работе педагога: метод. рекомендации / В.В. Авраменко. – Могилев: УО «МГОИРО», 2011. – 63 с.
15. Климкович, Е.Я. Педагогические условия формирования иноязычной профессионально ориентированной коммуникативной компетенции студентов технического вуза / Е.Я. Климкович // Вестн. СИБАДИ. – 2013. – № 6(34). – С. 182–190.
16. Мильруд, Р.П. Навыки и умения в обучении иноязычному говорению / Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 1. – С. 15.
17. Рогова, Г.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г.В. Рогова, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахарова. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.

Поступила в редакцию 24.09.2019

Дискурсивность как источник появления новых смыслов в художественном тексте

Малышева К.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Советское поколение вступило в XXI век и встречается с совершенно новой действительностью, на фоне которой пережитое прошлое начинает припоминаться все более ярко и контрастно. И это же прошлое оказывается сейчас предметом разгоревшейся идейной борьбы в поиске новых ценностей и ориентиров в неустойчивом и разнонаправленном постсоветском, а также нарождающемся глобалистическом обществе, испытывающем на себе огромное влияние публичной и бытовой полемики, давно уже ставшей существенной частью нынешнего, в том числе отечественного, общественного сознания. Информационная, территориальная и культурная открытость, свобода исторических представлений в наше время порождают большие ожидания, высокую восприимчивость к любым картинам мира из прошлого.

Цель статьи — раскрыть обращение текста произведений Л. Улицкой к вопросам идейного, социального и культурного противостояния советской партийной власти и советской интеллигенции.

Материал и методы. Материалом исследования является роман Л. Улицкой «Зеленый шатер». В качестве основных использовались метод филологического анализа художественного текста, дискурсивный анализ и описательный метод.

Результаты и их обсуждение. Дискурсивное изучение романа Л. Улицкой «Зеленый шатер» открывает важные, часто не лежащие на поверхности реалии советской жизни 1950–1970-х годов. Показано, что в произведениях Л. Улицкой переданы острые неинституциональные дискурсы, одним из которых является открытое общество. Действующими лицами романа оказываются в основном представители просвещенной московской, преимущественно еврейской, среды поколения 70-х. Для них советская система предстает затхлой и гнетущей, а доступ к литературе, издаваемой за «железным занавесом», сопряжен с риском. Но в этой опасной действительности людям широкого кругозора удается достойно жить, находясь в свободном общении, и партийный авторитаризм не подрывает их свободолобивого духа, либеральная интеллигенция продолжает общаться с западным миром и вести независимую жизнь. Также в романе присутствует дискурс советского марксизма как мифологии, которому противопоставлен западный, альтюссеррианский марксизм, опирающийся на упомянутую в романе работу Маркса «Парижские рукописи 1844 года», которая имела большое значение для одного из персонажей.

Заключение. Дискурсивный анализ романа показал, что важными элементами рассмотренного художественного текста являются упоминаемые или описываемые автором реалии советской жизни 1950–1970-х гг.

Ключевые слова: дискурс, советская действительность, социально-культурные явления, советская либеральная интеллигенция, новые смыслы.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 124–128)

Discourse as a Source of New Meanings in Artistic Text

Malysheva K.I.

Educational Establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The Soviet generation entered the 21st century and is encountering a completely new reality, against which the past experience begins to be recalled more and more vividly and contrastingly. And this same past is now the subject of a heated ideological struggle in the search for new values and benchmarks in an unstable and multidirectional post-Soviet, as well as emerging globalist society, which is under the enormous influence of public and domestic polemics, which has long become an essential part of modern, including domestic, public consciousness. Informational, territorial and cultural openness, freedom of historical representations in our time raise great expectations, a high susceptibility to any pictures of the world from the past.

The purpose of the study is to reveal the focus of the text of the works of L. Ulitskaya on the problems of ideological, social and cultural confrontation between the Soviet party power and the Soviet intelligency.

Material and methods. The research material is the novel by L. Ulitskaya "The Green Tent". The main methods used were a philological analysis of a literary text, a discursive analysis, and a descriptive method.

Results and its discussion. A discursive study of the novel by L. Ulitskaya "The Green Tent" reveals the important, often not lying on the surface, realities of Soviet life of the 50s and 70s. It is shown that in the works of L. Ulitskaya sharp non-institutional discourses are conveyed, one of which is an open society. The protagonists of the novel are mainly representatives of the enlightened Moscow, mostly Jewish milieu of the 70s generation. For them, the Soviet system appears stale and oppressive, and access to literature published behind the Iron Curtain is fraught with risk. But in this dangerous reality, broad-minded people manage to live with dignity, being in free communication, and party authoritarianism does not undermine their freedom-loving spirit, the liberal intelligency continues to communicate with the Western world and lead an independent life. Also in the novel there is a discourse of Soviet Marxism as mythology, which is opposed to Western, Altusserrian Marxism, based on the work of the Paris Manuscripts of 1844 mentioned in the novel, which was significant for one of the characters.

Conclusion. A discursive analysis of the novel by L. Ulitskaya showed that the realities of Soviet life of the 50s and 70s mentioned or described by the author are important elements of her literary text.

Key words: discourse, Soviet reality, socio-cultural phenomenon, Soviet liberal intelligency, new meanings.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 124–128)

Согласно постструктуралистской парадигме любое смыслопорождение обусловлено социальным контекстом и преобладающим дискурсом своего времени. Такое понимание отчетливо выражено в социально-когнитивной модели Т. ван Дейка. В ее рамках дискурс предполагается к рассмотрению на макроуровне как отношения социальных групп и микроуровне как речевое взаимодействие. Установление связи между этими уровнями входит в задачу критического дискурс-анализа. Рассмотрение происходит в отношении контроля, осуществляемого в публичном пространстве по линии контекста, структур текста и речи, а также сознания. В фокусе анализа дискурса оказываются те способы управления контекстом, которые используются в интересах господствующей социальной группы для воздействия на общественное сознание.

Огромные возможности для влияния на ценностные установки, личную и социальную культуру несет в себе художественный текст. Он в наибольшей степени является текстом в широком смысле, семиотической системой, которая хранит в себе «многообразные коды» (Лотман) и может иметь как вербальный, так и невербальный характер.

Художественный текст в коммуникативно-дискурсивном его понимании, развернутом в работах Т. ван Дейка, представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия. Помимо грамматически обусловленного текста, художественный текст имеет также глубинное внеязыковое строение, обнаруживающее связь между изменчивой средой действительного мира и лингвистическим пространством самого текста. М. Мамардашвили справедливо утверждает: «Текст есть то, что соединяет, – в действительности написание литературного текста не есть занятие, отдельное от жизни» [1, с. 27]. Новые дополнительные смыслы возникают при сопоставлении художественного текста с жизненными и философскими воззрениями как

самого автора, так и определенного социума в целом. Понятый подобным образом текст фактически обретает прошлое, «приобретает память» (Лотман).

Истоки теории дискурса впервые выявились в исследованиях употребления языка (немецкая школа П. Хартмана, П. Вундермаха и др.), социолингвистических исследованиях (американская школа Э. Щеглова, Г. Закса и др.), этнолингвистике.

В научный обиход понятие дискурса было введено бельгийским лингвистом Э. Бюиссансом. В 1960-е годы во Франции стала бурно развиваться теория дискурса, берущая начало в теории высказывания, возникшей в работах Э. Бенвениста [2] и отчасти Р. Якобсона [3]. Появился анализ дискурса, в рамках которого исследовались культурно-речевые единства. Его представителями были М. Пеше, М. Фуко, П. Серио и др., считавшие, что язык обнаруживает в себе социально-исторические и психологические условия возникновения смысла высказываний.

В настоящее время распространен функционально-коммуникативный подход, согласно которому дискурс представляет собой «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [4, с. 8]. Как писал Б.В. Томашевский, «произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты» [5, с. 152].

Французский исследователь, специалист по советскому политическому дискурсу Патрик Серио выделил восемь значений термина «дискурс», в одном из них дискурс характеризуется как социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума [6, с. 26].

Цель статьи – раскрыть обращение текста произведений Л. Улицкой к вопросам идейного, социального и культурного противостояния советской партийной власти и советской интеллигенции.

Материал и методы. Материалом исследования является роман Л. Улицкой «Зеленый шатер», который открывает важные, часто не лежащие на поверхности реалии советской жизни 1950–1970-х годов. Показано, что в произведениях Л. Улицкой переданы острые неинституциональные дискурсы, одним из которых выступает открытое общество. Действующими лицами романа оказываются в основном представители просвещенной московской, преимущественно еврейской, среды поколения 70-х. В качестве основных использовались метод филологического анализа художественного текста, дискурсивный анализ и описательный метод.

Результаты и их обсуждение. Большой интерес представляют события исторической действительности, особенности советской юриспруденции и судебно-психиатрической системы, отечественные и зарубежные музыкальные произведения, что переносит читателя в атмосферу (реальную из-за лингвистической конкретики) того времени. Именно эти реалии создают художественную достоверность романа. И даже родившийся в конце XX века молодой читатель поймет, почувствует и поверит в то, о чем пишет Л. Улицкая в данном романе, как она лингвистически виртуозно передает атмосферу возмущения всей советской интеллигенции.

Историческое объявление: «Внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем правительственное сообщение...» – четко и торжественно произносил диктор Всесоюзного радио Государственного комитета СМ СССР по телевидению и радиовещанию Юрий Борисович Левитан. В романе Л. Улицкая использовала речь Левитана, передавая сообщение о трагическом событии – смерти Сталина, что являлось началом нового периода жизни советского народа. Именно с этой новости Л. Улицкая начинает повествование, передавая эмоции и обсуждения своих героев в каждой из семей трех подруг – Ольги, чей отец был военным, а мать – редактором журнала; Тамары, которую воспитывали мать и бабушка; Галины, семья которой никогда не жила в достатке.

В 50-е годы прошлого столетия знаменательной приметой времени были военные награды. Всем нам знакомы такие награды, как орден «Победа», ордена Славы, Отечественной войны, Нахимова, Александра Невского, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы». Боевые награды говорят о чести, мужестве и выполненном долге перед Родиной и всегда висят на старых кителях и пиджаках пожилых ветеранов. Л. Улицкая в эпизоде про кражу орденов упоминает названия редких наград: «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кёнигсберга», орден «Легион Почета». Герой романа – отставной полковник медицинской службы Василий Иннокентиевич – отобрал награды у балующихся ребят, внимательно рассмотрел каждую и определил военную биографию владельца. То был его знакомый

военный – генерал Ничипорук, который лежал у него в госпитале в 1945 году. Выяснив детали, полковник смог вернуть медали в дом генерала. Этот факт раскрывает образ Василия Иннокентиевича как честного, справедливого, достойного человека. Перечисление наград и судьба того, кто нашел, судьба – кому отдал, судьба миллионов...

Дискурсивность романа Л. Улицкой проявляется через передачу определенных коммунистических лозунгов советской эпохи, поскольку различные лозунги и пропаганда коммунистических идей были неотъемлемой частью советской истории. Надпись «Слава КПСС!» в романе изображена в виде карикатуры в журнале «Штерн»: «...гигантские буквы складывающиеся в слова “Слава КПСС!”», а под этими гигантскими буквами стояла толпа людей и собак, пытающихся добраться до священных слов. Буквы были сложены из колбасы – вареной колбасы с кружками белого жира на срезах, с веревочными хвостиками и даже с этикеткой “2 руб. 20 коп”» [7, с. 37]. Автором карикатуры являлся Борис Иванович Муратов, и данная публикация грозила художнику арестом, тем не менее он ее нарисовал, и подобный поступок раскрывает характер одного из героев романа.

Эхо истории доносится из названий произведений, упоминаемых в романе, «Государство и революция», «Коммунистический манифест», «Технология власти», «Парижские рукописи 1844 года», «Из истории марксизма и международного рабочего движения», а также «Почетной грамоты» – «плотной, желтоватой, с красной казенной шапкой» и профилем В.И. Ленина. Герой романа Валентин Кулаков увлекался идеями марксизма-ленинизма, являлся хорошим специалистом, вместе с женой издавал подпольный марксистский журнал и они даже выучили немецкий язык. «До смерти ему хотелось прочитать в подлиннике “Парижские рукописи 1844 года”, что-то в них было такое, о чем в более поздние годы Маркс уже не говорил. Когда Гитлер пришел к власти, немецким социалистам удалось привезти эти рукописи в Москву» [7, с. 63].

В своем романе Л. Улицкая передает события советского времени и самой семантико-стилистической их подачей дает собственную глубинную им оценку. В «Зеленом шатре» Л. Улицкая упоминает про операцию «Дунай», когда в ночь на двадцать первое августа 1968 года советские войска вошли в Чехословакию. «Русские танки катили по Праге, нанося тем самым мощный удар по мировому коммунистическому движению» [7, с. 223]. Сколько глубокой и горькой иронии в данной фразе, ведь формально танками как раз защищали мировое коммунистическое движение, а на самом деле это действительно был удар по мировому коммунистическому движению. Советская интеллигенция была возмущена беспрецедентной ситуацией. Е. Евтушенко через несколько дней после того, когда советские танки вошли в Прагу, написал:

*Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.*

...

*Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков.*

...

танки идут по надежде ...

...

*Пусть надо мной – без рыданий –
просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге».*

После демонстрации в знак протеста на Красной площади главный герой романа Миха (прототип поэта Ильи Габая), полный гнева, написал заметку о том, что произошло, под названием «Пятиминутное стояние великолепной семерки на Лобном месте». Материал, слегка подправленный и сокращенный, был передан позднее по радио «Голос Америки».

Музыка, звучавшая в советский период, словно оживает на страницах книги. В школе, где учились главные персонажи – Миха, Илья и Саня, на новогоднем балу все танцевали под «Риориту», на Всемирном фестивале молодежи и студентов вся Москва распевала «Подмосковные вечера» В.П. Соловьева-Седого, также Л. Улицкая приводит строчки из «Гимна демократической молодежи мира»: «Песню дружбы запекает молодежь, молодежь, эту песню не задушишь, не убьешь» [7, с. 158–159]. В ночь закрытия фестиваля «доносились обрывки – “Не слышны в саду даже шорохи», все здесь замерло до утра, если б знали вы, как мне дороги...”». Начальство на верхах музыкой не интересовалось, вполне удовлетворяя свой вкус мелодией «Во саду ли, в огороде» [7, с. 307]. Шлягер «Ля Макорина» в романе пел колумбийский писатель на приеме в Ташкенте, автор даже процитировала строчку песни в русском переводе: «Положи мне руку сюда, Макорина». Но в те времена данный шлягер не был известен в Москве, и уж тем более в Ташкенте.

Автор без прикрас описывает деятельность комитета государственной безопасности в социально-экономических условиях периода развитого социализма. В этот период КГБ сосредоточил свои усилия на борьбе с национализмом и антисоветскими проявлениями внутри страны и за рубежом. Расширилось применение средств психологического давления на диссидентов, включая слежку, давление с помощью общественного мнения, подрыв профессиональной карьеры, профилактические разговоры, депортацию из СССР, принудительное

заключение в психиатрические клиники, политические судебные процессы, дискредитацию, различные провокации и запугивания. Под пристальным вниманием КГБ находились, в первую очередь, представители творческой интеллигенции – деятели литературы, искусства и науки, которые по общественному статусу и международному авторитету могли нанести вред репутации советского государства.

Л. Улицкая в романе в хладнокровной манере повествует об обысках, проводимых представителями КГБ с целью изъятия запрещенных советской властью книг, печатных изданий, рукописей, писем, фотографий; о допросах и арестах, системе заключения в психиатрические лечебницы. Искали «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Технологию власти» А. Авторханова, «Доктора Живаго» и «Приглашение на казнь» Б. Пастернака, «Говорит Москва» и «Искупление» Ю. Даниэля, «1984» Д. Оруэлла, самиздат «Вестник РДХ», «Хроники текущих событий». Писателей арестовывали, отправляли в ссылку. Все допросы велись в доме на Малой Лубянке, «на котором честно было написано: «Управление Комитета госбезопасности по Москве и Московской области». Автор приводит выдержки из уголовно-процессуального кодекса: статья 190 часть 1 – «Распространение ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй СССР», по данной статье предъявляли обвинение не одному персонажу романа – генералу с наградами Ничипоруку, Михе, Эдику Толмачеву – редактору журнала «Гамаюн», вызывали на допрос Илью, его жену Ольгу. В СССР карали не только тюрьмами и ссылками, там была изощренная система уголовной психиатрии.

Судебно-психиатрическая система действовала безжалостно, заведомо ставя противоречивые или ошибочные диагнозы с целью заключить «неудобных власти» людей, дать заключение о невменяемости арестованных, чьи политические взгляды расходились с советской идеологией. Л. Улицкая цитирует фрагмент из старой амбулаторной экспертизы больного, бывшего генерал-майора: «Сознание ясное, правильно ориентирован, в беседе держится вполне упорядоченно, речь связная, целенаправленная». Но в новом документе, который должен был подписать ведущий советский психиатр, под диагнозом значились слова «алкогольный паранойд» и знак вопроса. Медицинское заключение в конце консультации гласило: «Наблюдается алкогольное поражение внутренних органов. Со стороны центральной нервной системы наблюдается ряд изменений: присутствует алкогольная энцефалопатия, ретроградная амнезия. DS – атипичный алкогольный паранойд» [7, с. 139]. В результате человека с фронтовой биографией и боевыми заслугами отправляли в особое медицинское учреждение.

В романе также встречаются английские, немецкие и французские включения, предметы быта советского

периода 1950–1970-х годов: названия алкогольных напитков и блюд, марки автомобилей, духов и сигарет, периодических изданий, печатные машинки, а также общественно-культурные места Москвы.

Заключение. Дискурсивный анализ романа, опирающийся на выраженность актуальных смыслов, устоявшихся в поле культурно-общественного диалога, продемонстрировал, что важными элементами ее художественного текста являются упоминаемые или описываемые автором реалии советской жизни 1950–1970-х гг, такие как социальные и общественные отношения, культурный уклад городской среды.

Повествование отчетливо выделяет советскую эпоху: особенности советской юриспруденции, судебно-психиатрическую систему, работу КГБ, отношение к власти советской интеллигенции. И главное – передает представление о яркой, человекоутверждающей атмосфере глубинной советской жизни.

Литература

1. Мамардашвили, М. Эстетика мышления / М. Мамардашвили. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 205 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б.А. Успенский. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.
4. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: [вступ. ст.] / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. ван Дейк [и др.]. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.
5. Томашевский, Б.В. Писатель и книга. Очерк текстологии / Б.В. Томашевский. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1959. – 279 с.
6. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО «ИГ Прогресс», 1990. – С. 12–54.
7. Улицкая, Л. Зеленый шатер: роман / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011. – 592 с.

Поступила в редакцию 27.12.2019

Загадки с компонентом-именем числительным «один» в белорусском и туркменском языках (структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты)

Дубинкина А.О.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск

В статье осуществлено комплексное рассмотрение белорусских и туркменских загадок, имеющих в своём составе числительное «один» (бел. адзін и туркм. бир), целью которого явился комплексный — структурно-семантический с элементами лингвокультурологического — анализ загадок как одной из разновидностей паремий с означенным компонентом-числительным.

Материал и методы. Материалом исследования послужила картотека белорусских и туркменских загадок с числительными: 32 загадки с компонентом-числительным «адзін» белорусского языка и 5 загадок с компонентом-числительным «бир» туркменского языка, — сформированная автором методом сплошной выборки из нескольких источников. При этом использовались общенаучные методы — наблюдение, описание; филологические — сопоставительный анализ, интерпретационный, а также анализ в рамках лингвокультурологического подхода.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение отобранных для анализа загадок проводилось по следующему алгоритму: установление структурной модели; характеристика семантики; выявление и интерпретация — в случае её наличия — лингвокультурной информации. Проведённый комплексный сопоставительный анализ позволил выявить как сходные, так и отличные характеристики исследуемых единиц; установлено, что наибольшее сходство рассмотренные загадки обнаруживают в структуре; в семантике и присущей некоторым из проанализированных паремий лингвокультурной информации это сходство присутствует в меньшей степени, хотя и преобладает явно над имеющимися различиями. Основной компонент загадок представляет собой в большинстве случаев фразу, оформленную как простое либо сложное предложение различных типов и видов.

В лексическом наполнении как белорусских, так и туркменских загадок преобладают конкретные исчисляемые существительные, характерные прежде всего для непринуждённого, обиходно-бытового общения: бел. галкі, палкі, вароты, хустка; туркм. сакгал (борода), бармак (палец), күйзе (кувшин) и т.д., что подтверждает глоттохронологическую концепцию М. Сводеша, включающего такую лексику в базовый обиходный словарь многих языков мира. Некоторые из загадок содержат лексические обозначения, «отсылающие» к определённой культуре; в белорусских загадках среди таких номинаций отмечены казак, авёс и паненачка.

Заключение. Проведённый анализ свидетельствует, что оба языка отразили в одном из самых древних фольклорных жанров — загадках — осуществляемые человеком мыслительные операции (со-, противопоставление и др.), в ходе которых по-особому «преломляются» свойства наиболее привычных для человека предметов и явлений; по-новому происходит их осмысление, более креативно.

Полученные результаты могут быть использованы при определении своеобразия как белорусской, так и туркменской лингвокультур в различных ситуациях, прежде всего в образовательной, но также и в воспитательной сфере.

Ключевые слова: имя числительное, числительное «один», загадка, сопоставительный анализ, структурно-семантический аспект, лингвокультурологический аспект.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 129–135)

Riddles with the Numeral “One” Component in the Belarusian and Turkmen Languages (the Structural Semantic and the Linguistic Cultural Aspects)

Dubinkina A.O.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article deals with the complex consideration of Belarusian and Turkmen riddles with the numeral “one” (Bel. адзін and Turkmen. bir), the purpose of which is a complex — structural-semantic with elements of linguistic cultural — analysis of riddles as one of the varieties of paroemias with the indicated numeral component.

Material and methods. The research material was the card index of the Belarusian and Turkmen riddles with numerals: 32 riddles with the component-numeral “адзін” of the Belarusian language and 5 riddles with the component-numeral “bir” of Turkmen language — generated by the author by the method of continuous sampling from multiple sources. The study used general scientific methods: observation, description; philological methods — the method of comparative analysis, interpretative method, and analysis within the linguistic cultural approach.

Findings and their discussion. The consideration of the selected riddles was carried out according to the following algorithm: the establishment of a structural model; the characteristic of semantics; the identification and interpretation — if there is any — of linguistic cultural information. The complex comparative analysis revealed both similar and different characteristics of the studied units: it was found out that the greatest similarity of the considered riddles is found in the structure; in the semantics and inherent in some of the analyzed paroemias of linguistic cultural information, this similarity is insufficiently present, although it clearly prevails over the existing differences. The main component of the riddles is a phrase in most cases, organized as a simple or complex sentence of different types.

The lexical content of both Belarusian and Turkmen riddles is dominated by specific countable nouns, which are characteristic primarily of casual, everyday communication: Bel. *галкі, палкі, вапаты, хвстка*; Turk. *sakgal* (beard), *barmak* (finger), *кыззе* (pitcher), etc., which confirms the glottochronological concept of M. Swadesh, who includes such words into basic everyday vocabulary of many languages of the world. Some of the riddles contain lexical designations that “refer” to a particular culture; in Belarusian riddles among such categories, we observed *kazak, aves* and *panenachka*.

Conclusion. Thus, the analysis shows that both languages reflected in one of the most ancient folklore genres — riddles — mental operations carried out by man (co-, opposition, etc.), during which the properties of the most familiar objects and phenomena for man are “refracted” in a special way; to rethink them, as a rule — more creatively.

The obtained findings can be used in understanding the uniqueness of both Belarusian and Turkmen linguistic cultures in various situations, primarily in education, as well as in the educational sphere.

Key words: the Numeral, numeral “one”, a riddle, a comparative analysis, structural-semantic aspect, linguistic cultural aspect.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 129–135)

Имя числительное — часть речи, входящая в морфологические системы подавляющего числа языков, которая представляет собой «класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счёте, кратности (повторяемости), совокупности» [1].

Числительное является частью речи, объединяющей лексические единицы (слова и выражения) прежде всего на основании их значения: абстрактного, не привязанного к конкретным предметам числа. Имя числительное — это часть речи, сформированная на основе объединения ряда других: имени существительного, имени прилагательного и местоимения. Именно поэтому грамматические признаки числительного очень разнообразны: они в значительной степени определяются происхождением той или иной номинации, вошедшей в состав имени числительного. Ещё в 1985 году А.А. Потебня отмечал, что «числительные количественные 5–10, 100–1000 и заимствованное 40 суть первоначально существительные, т.е. названия вещей, а не признаков и отношений... Уже в древнейших памятниках славянских языков количественные распадаются на два отдела: прилагательные и существительные» [2, с. 118, 122]. «Пестрота», возникшая в результате наполнения этого лексико-грамматического класса элементами из разных объединений подобного характера (других частей речи), обуславливает выделение внутри этой части речи отдельных семантико-грамматических разрядов, которое наблюдается в разных языках.

При выделении разрядов числительных в первую очередь учитывается своеобразие лексической семантики

данной группы слов, которая, как уже было отмечено, всегда связана с числом, однако может быть скорректирована соотносённостью с различными мыслительными категориями и операциями, которые при этом осуществляются человеком. Так, например, в узбекском языке А.Н. Кононов выделяет следующие разряды числительных: количественные, штучные, порядковые, разделительные, дробные, собирательные, неопределённо-количественные [3, цит. по: Буранов, с. 214]. В языках, обнаруживающих ту или иную степень родства, устанавливается и определённое сходство в разграничении имён числительных на разряды — так, в английском языке, как и в русском, числительные делятся на количественные (*Cardinal Numerals*) и порядковые (*Ordinal Numerals*), однако русские числительные делятся на четыре лексико-грамматических разряда, несомненно включая количественные (два, пятьдесят один) и порядковые числительные (первый, сотый), а также собирательные (оба, пятеро) и дробные (одна пятая, две девятых).

Неоднородный состав имени числительного как части речи обуславливает и довольно существенное различие его грамматических признаков — например, в русском языке порядковые числительные изменяются по родам, числам и падежам, в то время как количественные — только по падежам.

Имена числительные достаточно частотны не только в речи (в различных коммуникативно-речевых произведениях (текстах), где так или иначе присутствуют количественные либо числовые сведения, и т.д.), но и в языке — например, в составе разного рода устойчивых лингвистических «формул» (фразеологизмов,

паремий и под.). Подтверждение этому мы находим, например, в статье Е.П. Маюк «Семантические характеристики количественных единиц три и девять в белорусских и английских паремиях» [4], которая в ходе своего исследования выявляет типологически общие черты восприятия количества носителями означенных языков, а на этом фоне устанавливает и ряд национально-специфических особенностей числительных в системах этих языков, которые в том числе подчёркивают и уникальность количественных представлений, сформировавшихся у каждого этноса.

Поскольку подобного рода устойчивые выражения, помимо основного их значения, нередко содержат в себе и семантику национально-культурного свойства, представляется интересным проанализировать в сопоставительном аспекте группы таких лингвистических единиц в двух и/или более языках. В настоящей работе для исследования в означенном аспекте выбрана одна из групп паремий – загадки с компонентом-именем числительным в двух разнотипных языках – белорусском и туркменском.

Будучи специфическими лингвистическими «формулами», загадки входят в состав наиболее культурно значимых для любого языка единиц в связи с тем, что, являя собой один из наиболее древних жанров устного народного творчества, они зафиксировали в себе «память» той или иной нации о своеобразии быта, жизненного уклада, многих традиций и, помимо этого, по утверждению И.А. Седаковой и С.М. Толстой, «обнаруживают связь с архаическим ритуалом ... и мифопоэтической картиной мира» [5, с. 233–234]. Поскольку загадка основывается преимущественно на метафорическом сближении далёких областей предметно-вещного мира (ср., например: *висит сито, не руками свито – паутина*), она нередко стимулирует видение в самых обычных вещах в том числе и неожиданной, образно обусловленной (поэтической) стороны [6].

Актуальность предпринятого исследования, таким образом, обусловлена прежде всего особым вниманием современной лингвистической науки к языковым единицам, содержащим в своей семантике культурные смыслы, которые в большинстве случаев передают этнокультурное своеобразие того или иного народа, фиксируя в себе тем самым и многие элементы его национального колорита.

Цель статьи – комплексный (структурно-семантический с элементами лингвокультурологического) анализ загадок с компонентом-числительным «один» в белорусском и туркменском языках.

Материал и методы. Материалом исследования послужила картотека белорусских и туркменских загадок с числительными: 32 загадки на белорусском языке (с компонентом-числительным «адзін») из сборника «Свяці, свяці, сонейка: Творы беларускага фальклору» (уклад. І.К. Цішчанка), а также 5 загадок (с компонентом-числительным «бир») на туркменском языке из туркменско-русского словаря под общей редакцией Н.А. Баскакова (данный источ-

ник был привлечён в связи с тем, что автору не удалось обнаружить специализированный источник – сборник загадок, аналогичный белорусскому), – сформированная автором методом сплошной выборки [7; 8].

При проведении исследования использовались общенаучные методы – наблюдение, описание; филологические – сопоставительный анализ, интерпретационный, а также анализ в рамках лингвокультурологического подхода.

Результаты и их обсуждение. В нашем исследовании мы опираемся преимущественно на определение загадки В.П. Аникина, который характеризует этот тип паремий как «иносказательное поэтическое воспроизведение какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего» [6, с. 109].

Предваряя анализ конкретного языкового материала, отметим, что интересующий нас компонент – имя числительное «один» как в белорусском, так и в туркменском языке может иметь различную частеречную принадлежность: в белорусском языке «адзін», в зависимости от контекстного окружения, может выступать в роли имени числительного, имени прилагательного или местоимения (основное значение номинации «адзін» определяется следующим образом: «Адзін 1. лічэбнік: кольк. Лік, лічба і колькасць» [9]); в туркменском языке компонент «бир» также может иметь значение нескольких частей речи – имени числительного («бир 1. один, одна, одно; ~ден~и один из двух, один из них; не тот, так другой; кто-нибудь из них...; ~и~инден друг друга, друг у друга, один другого; а) один раз; однократно; б) однажды...» [8, с. 99]) и неопределённого артикля, а также «в сочетании с именем может образовывать сложные существительные, прилагательные и наречия» [8, с. 100].

При рассмотрении отобранных для анализа загадок мы руководствуемся следующим алгоритмом: установление структурной модели; характеристика семантики (с особым акцентом при наличии метафоричности), а также выявление (в случае её наличия) и интерпретация лингвокультурной информации.

Своеобразие оформления загадки как фольклорного речевого жанра в большинстве случаев предполагает её *двухкомпонентную* структуру: собственно *загадка* и *отгадка*. Второй компонент, как правило, представлен словом (реже – словосочетанием или предложением), заключаемым в скобки; мы в данном случае сосредоточиваем внимание на собственно загадках, отгадки интересуют нас в меньшей степени.

Как правило, основной компонент загадок – фраза, оформленная как простое либо сложное предложение различных типов и видов.

Большинство из отобранных нами белорусских загадок (19 единиц) по структуре представляют собой *простые предложения*, которые весьма разнообразны по своим характеристикам: *односоставные* и *двусоставные*, *распространённые*, а также включающие осложняющие компоненты (преимущественно

однородные члены предложения). Большинство составляют двусоставные распространённые предложения:

1. Пад адною папонкаю сядзіць брат з сястронкаю. (Авёс)
2. Сто сястрыц адну хустку вяжуць. (Пчолы і соты)
3. Пад адной страхой чатыры браты стаяць. (Стол)
4. Чатыры брацікі пад адным капелюшом стаяць. (Ножкі стала)
5. Чатыры заловачкі схілілі галовачкі пад адным капелюшом. (Стол)
6. Чатыры паненачкі пад адным парасонікам стаяць. (Ножкі стала)
7. Дзве галачкі сядзяць на адной палачцы. (Каромысел і вёдры)
8. Пад адной шапкай чатыры панічыкі жывуць. (Стол)
9. Які год цягнецца адзін дзень? (Новы год)

Часть из такого рода синтаксических конструкций содержит осложняющие компоненты – в основном, однородные члены предложения (в приводимых далее примерах это однородные подлежащие и однородные сказуемые):

1. Дванаццаць арлоў, пяцьдзесят дзве галкі знялі адно яйцо. (Год)
2. Маленькі работнік шмат гадоў працаваў, ніколі не спаў, толькі адзін раз працаваць перастаў – і на-век прапаў. (Сэрца)
3. Тысячы брацікаў звязаны, адным поясам падпязаны. (Сноп)

Примечательно, что в большинстве приведённых загадок подлежащее выражено словосочетанием имени существительного с количественными числительными, которые являются основными объектами нашего исследования.

Поскольку загадки, являясь одним из жанров устного народного творчества, максимально приближены к устной разговорной речи, в отобранных паремиях закономерно присутствуют и синтаксические конструкции, типичные именно для разговорной речи, в частности – *односоставные* предложения различных типов, в приводимых далее примерах это преимущественно *номинативные* предложения:

1. Два разы нараджаецца, адзін раз памірае. (Птушка)
2. Пад адным брыльком дзевяць казакоў. (Лён)
3. Пад адным брыльком семсот казакоў. (Макаўка)
4. У адным клубочку ды сем дзірачак. (Галава)
5. На адной яме сто ям. (Напарстак)
6. Пад адным брыльком чатыры хлопчыкі. (Ножкі стала)
7. У аднаго парсюка два лычы. (Начоўкі)

Часть отобранных для анализа белорусских загадок структурно оформлена как *сложные* предложения:

1. Дзве галавы, дзве спіны, шэсць ног, адзін хвост. (Чалавек на кані)
2. Шэсць ног, дзве спіны і адна галава. (Чалавек у крэсле)
3. Семсот варот, адзін уваход. (Сетка, невад)

4. У жываце – лазня, у носе – рэшата, на галаве – пупок, адна рука і тая на спіне. (Чайнік)

5. Пяць пунь, адны вароты. (Пальчаткі)

6. Рук многа, а нага адна. (Дрэва)

7. Поўны хлеў авец, і адзін баран бляець. (Язык за зубамі)

8. Адзін на лаўцы, а дзесяць пад лаўкай. (Пальцы на нагах у час сядзення на лаўцы)

9. Які прадукт харчавання можна зварыць з соллю адзін фунт на адзін фунт, каб можна было есці. (Яйкі)

Среди приведённых конструкций преобладают *сложные предложения с бессоюзной связью* (пять из девяти), что также подтверждает близость загадки к устной (живой) речи, где явственно присутствуют присоединительные отношения, выражаемые в том числе и бессоюзием. Три загадки представляют собой по структуре *сложносочинённые* предложения, одна – *сложноподчинённое с придаточным обстоятельственным* (цели):

Особого внимания заслуживают белорусские загадки, структурно оформленные как *мини-диалоги*, т.е. как относительно законченные тексты из нескольких предложений с определённым сюжетом; нами отмечены две загадки подобного характера:

1. Ляцеў статак гусей. Насустрач ім адзін гусь:

– Добры дзень, сто гусей!

– Нас не сто гусей. Каб нас было яшчэ столькі, паўстолькі, чвэрць столькі і ты, адзін гусь, тады было б сто гусей. Колькі ляцела гусей? (Трыццаць шэсць гусей)

2. Ляцела два статкі гусей. Першы статак гаворыць:

– Дайце нам аднаго гуся, тады ў нас будзе пароўну.

А другі статак гаворыць:

– Дайце вы нам аднаго гуся, тады ў нас будзе ў два разы больш. Колькі было гусей у адным і ў другім статку? (Пяць і сем)

Структурно отличается от остальных и ещё одна белорусская загадка, представляющая собой текст, состоящий из трёх предложений (двух сложных и одного простого):

Ляцелі галкі, стаялі палкі. Як сядуць яны па адной – галка лішняя, як сядуць яны па дзве – палка лішняя. Колькі было галак і колькі палак? (Тры палкі і чатыры галкі)

Отметим, что наиболее типичными синтаксическими функциями имён числительных в приведённом перечне белорусских загадок являются: 1) функция одной из частей подлежащего; 2) функция одного из компонентов обстоятельства, – т.е. имена числительные оказываются синтаксически значимыми лишь в сочетании с другими частями речи, самостоятельно же они синтаксических функций не выполняют.

Отобранные для анализа туркменские загадки с компонентом-числительным «бир» («один») составили группу из 5 единиц, т.е. значительно меньшую, нежели в сопоставляемом белорусском языке (приводимый в скобках перевод туркменских загадок на русский язык взят автором из того же источника, откуда отобраны данные туркменские паремии):

1. *Бойы бир гарыш, сакгалы ики гарыш (Ростом в одну пядь, а борода – в две пяди).* Ответ: *мекгежөвен (кукуруза).*

2. *Икиси дартар, бири ёртар. (Двое тянут, один бежит.)* Ответ: *азал ве оңа гошулан өкүзлер (соха и впряжённые в неё два быка).*

3. *Ики энэниң он оглы, хеммесиниң ады бир (У двух матерей десять сыновей, у всех – одинаковые имена).* Ответ: *он бармак (пальцы на руках).*

4. *Бир күйеде ики сув (В одном кувшине две воды).* Ответ: *юмурта (яйцо).*

5. *Бир чанак сүйт, элеме дүйт (На весь мир одна чаша молока).* Ответ: *ай (луна)* [8, с. 161, 247, 349, 488, 721].

Данный материал (туркменские загадки) целесообразно классифицировать по структуре на основе тех же принципов, которые применялись при классификации белорусских загадок. Среди приведённых конструкций мы обнаруживаем, что по структуре туркменские загадки разнообразны: две из них представляют собой простое предложение (*Бир күйеде ики сув; Бир чанак сүйт, элеме дүйт*); остальные сложные предложения с бессоюзной связью (*Бойы бир гарыш, сакгалы ики гарыш; Икиси дартар, бири ёртар; Ики энэниң он оглы, хеммесиниң ады бир*). Наиболее типичной синтаксической функцией имён числительных в туркменских загадках является функция одной из частей подлежащего.

Как известно, определённые синтаксические структуры отличаются друг от друга и семантикой, которая в этом случае выражается в главных чертах, поскольку синтаксическое значение взаимодействует в данном случае и с лексическим содержанием, однако позволяет в той или иной степени говорить о *структурно-семантическом* аспекте. С этой точки зрения заслуживает внимания наиболее многочисленная (24 единицы) группа белорусских загадок, в которых наряду с числительным «адзін» использованы и другие числительные или другие части речи с количественным значением: «сто», «семсот», «тысяча»; наречие «многа», прилагательное «поўны». Общая семантика данной группы заключается в том, что акцент сделан на *со-* либо *противопоставлении* единичного предмета, качества либо явления более чем одному из них: *На адной яме сто ям. (Напарстак); Семсот варот, адзін уваход. (Сетка, невад); Тысяча брацікаў звязаны, адным поясам падпяразаны. (Сноп)* и другие.

В этой группе в отдельную подгруппу можно выделить загадки, где вторым числительным (помимо «адзін») являются числительное «два» (5 единиц): *Два разы нараджаецца, адзін раз памірае. (Птушка)* и другие – и числительное «чатыры» (5 единиц): *Пад адным брыльком чатыры хлопчыкі. (Ножкі стала)* и другие.

Следует заметить, что числительное «чатыры» (четыре) в загадках, как и в других устойчивых сочетаниях, чаще всего характеризует пространство – сравним, к примеру, выражения: «в четырёх стенах», «на все четыре стороны» и под. Любопытно, что в христианстве в средние века четвёрка считалась символом

земного существования и материальных вещей и знаменовала собой статическую целостность, идеально устойчивую структуру [10, с. 30], что, с нашей точки зрения, присутствует и в белорусских загадках.

Остальные загадки рассматриваемой группы представляют собой менее типичные случаи использования в одной паремии двух числительных, где, помимо числительного «адзін», употреблены:

– числительное «пяць» (*Пяць пунь, адны вароты. (Пальчаткі);*

– числительное «семь» (*У адным клубочку ды сем дзірачак. (Галава);*

– числительное «дзесяць» (*Пад адным брыльком дзесяць казакоў. (Лён);*

– числительное «дзесяць» (*Адзін на лаўцы, а дзесяць пад лаўкай. (Пальцы на нагах).*

В анализируемом корпусе загадок нами отмечены также паремии, в которых функционирует три числительных. Помимо «адзін», это «два» (в одной из загадок употреблено дважды) и «шэсць»: *Шэсць ног, дзве спіны і адна галава. (Чалавек у крэсле); Дзве галавы, дзве спіны, шэсць ног, адзін хвост. (Чалавек на кані);* а также «дванаццаць» и «пяцьдзсят два»: *Дванаццаць арлоў, пяцьдзсят дзве галкі зняслі адно яйцо. (Год)* [7].

В анализируемых туркменских загадках, по нашим наблюдениям, преобладает общая семантика *противопоставления* – ср.: *Икиси дартар, бири ёртар. (Двое тянут, один бежит.)* и под.; в приведённом примере числительное «бир» (один) в пределах синтаксической структуры противопоставлено числительному «ики» (два).

Несмотря на неравнозначные группы сопоставляемого в процессе анализа материала (с очевидным преобладанием белорусских загадок), представляется возможным сделать вывод о сходстве общей семантики белорусских и туркменских загадок с компонентом «адзін» и «бир», поскольку в обоих случаях они оформлены сходными синтаксическими конструкциями с аналогичным значением *со-* и *противопоставления*.

Остановимся на *собственно семантической* стороне анализируемых загадок, т.е. на более детальном рассмотрении значений входящих в загадки лексических элементов – номинаций предметов и явлений, которые количественно осмысливаются в данных паремиях, принимая при этом во внимание не только загадки, но и отгадки.

Даже при поверхностном рассмотрении можно заметить явное преобладание как в белорусских, так и в туркменских загадках *конкретных* исчисляемых существительных, в большинстве своём относящихся к общепотребительной лексике, характерной прежде всего для непринуждённого, обиходно-бытового общения: бел. *галкі, палкі, вароты, хустка*; туркм. *сакгал (борода), бармак (палец), күйзе (кувшин)* и т.д. Это в полной мере соответствует глоттохронологической концепции Морриса Сводеша, по утверждению которого, именно подобная лексика составляет базовый обиходный словарь многих языков мира [11; 12].

Для загадок как особого жанра устного народного творчества, возникшего в глубокой древности, не характерно ни углубление в сложные сюжеты, ни разработка каких-либо глобальных тем. Тем не менее загадку не стоит считать примитивной жанровой формой: в загадках детально, иногда с очень неожиданной стороны, представлены предметы и явления, которые с давних пор окружают человека, постоянно сопровождают его в повседневной жизни, что и позволяет относить их к базовым, т.е. наиболее значимым, лексемам во многих языках.

Сопоставление же лексического воплощения ключевых для разных языков понятий подводит и к осознанию лингвокультурной значимости последних и тем самым к установлению как сходств, так и отличий в национально-языковых картинах мира.

В анализируемых загадках обоих языков (несмотря на их разноструктурность) преобладает лексика, связанная с одной из основных потребностей человека – потребностью в пище (названия продуктов, посуды и т.д.); ср., к примеру:

Які прадукт харчавання можна зварыць з соллю адзін фунт на адзін фунт, каб можна было есці. (Яйкі);

Пад адной папонкай сядзіць брат з сястронкай. (Авёс);

У лазе – на адной назе, жыве ў лета, што гэта? (Грыб);

Бойы бир гарыш, сакгалы ики гарыш. (Ростом в одну пядь, а борода – в две пяди.) Ответ: мекгежовен – кукуруза;

Бир күйзеде ики сув. (В одном кувшине две воды.) Ответ: юмурта – яйцо.

Бир чанак сүйт, элеме дүйт. (На весь мир одна чаша молока.) Ответ: ай – луна.

Помимо этого, как в белорусских, так и в туркменских загадках довольно частотна лексика, обозначающая части человеческого тела, а также предметы быта и орудия труда (в частности, древнейшего занятия человека – земледелия): бел. *У жываце – ланя, у носе – рэшата, на галаве – пупок, адна рука і тая на спіне. (Чайнік);* турк. *Икиси дартар, бири ёртар. (Двое тянут, один бежит.) Ответ: азал ве оңа гошулан өкүзлер – соха и впряжённые в неё два быка.*

Загадки предоставляют нам информацию о том, что, несмотря на существенные культурные различия, у многих народов обнаруживается и общее в обиходно-бытовом укладе, особенно в тех занятиях, которые сопровождают человека с древних времён, в частности – в земледелии. Так, в последнем из приведённых примеров функционирует слово «азал» (соха), по данным Большого энциклопедического словаря, «пахотное орудие (с конца 4-го тыс. до н.э. – на Древнем Востоке, в средние века и до XX в. – у многих народов Евразии)» (выделено нами. – А.Д.) [13]. Данная загадка свидетельствует, что соха как примитивное земледельческое орудие для вспахивания земли было распространено и на территории Туркменистана, ина-

че эта номинация вряд ли смогла бы быть зафиксирована в упомянутой загадке.

Очень интересной для исследования в лингвокультурологическом аспекте представляется туркменская загадка о кукурузе *Бойы бир гарыш, сакгалы ики гарыш (Ростом в одну пядь, а борода – в две пяди)*, где дважды употреблено слово *гарыш* (пядь), поскольку данная номинация традиционно воспринимается как обозначение исключительно русской меры длины. Так, по данным Малого академического толкового словаря, это «старая русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев либо незначительная часть пространства» [14]. Использование этой номинации в туркменской загадке позволяет предположить существование контактов между среднеазиатской и восточнославянской культурами уже в глубокой древности, в результате чего, вероятно, и произошло заимствование этого обозначения одного языка другим.

Однако, помимо сходства, анализируемые загадки двух языков безусловно обнаруживают и некоторые семантические отличия, что проявляется, в частности, в использовании в данных паремиях лексики, нетипичной для другого языка. В этой связи обратим внимание на две довольно похожие белорусские загадки, которые имеют совершенно разные отгадки:

Пад адным брыльком дзевяць казакоў. (Лён);

Пад адным брыльком семсот казакоў. (Макаўка).

В обеих загадках употреблено слово «казак», которое для туркменского языка не характерно, поскольку исторически связано с Российской империей, в которую в разное время и разными территориями входила и Беларусь. Казак – «на Русі ў 15–17 стст. вольны чалавек з прыгонных сялян, халопай, гарадской беднаты, якія ўцякалі на ўскраіны дзяржавы – Дон, Запарожжа, Яік» [14], а также «у дарэвалюцыйнай Расіі з 18 ст. – прадстаўнік ваеннага саслоўя...» [14]. Употребление номинации «казак» в белорусских загадках свидетельствует о взаимодействии родственных – русской и белорусской культур, которые с давних пор развивались в тесном контактировании.

С лингвокультурологических позиций заслуживают внимания и такие белорусские загадки, как *Пад адною папонкаю сядзіць брат з сястронкаю. (Авёс)* и *Чатыры паненачкі пад адным парасонікам стаяць. (Ножкі стала)*, в которых функционируют лексические элементы, «отсылающие» к восточнославянской культуре.

Так, *авёс* в Республике Беларусь с давних пор является злаковым растением разностороннего использования, ценной продовольственной и зернофуражной культурой; вероятно, именно поэтому данный злак, будучи зафиксированным в народном сознании, нашёл отражение и в загадке как в распространённом жанре народного творчества. Номинация *паненачка* представляет собой характерное для белорусского языка обращение к незамужней женщине, которое возникло под влиянием польского языка и, помимо территории Беларуси, получило распространение на западной

части Украины; в республиках же Средней Азии оно никогда не использовалось.

Заключение. Проведённый сопоставительный анализ, не претендуя на полноту результатов, позволяет в то же время сделать ряд выводов. Несмотря на разноструктурный характер сопоставляемых языков, по нашим наблюдениям, загадки с компонентом – именем числительным в белорусском и туркменском языках обнаруживают больше сходства, нежели отличий.

Это сходство проявляется в синтаксическом оформлении загадок, которые в обоих языках чаще всего структурно представляют собой простое (реже – сложное) предложение, что можно объяснить функционированием данного жанра преимущественно в обиходно-разговорной сфере общения, а также ориентированностью загадки прежде всего на детское восприятие, чем обуславливается её особое внимание к деталям изображаемого, поиску взаимосвязи между явлениями и т.д.

Лексическое наполнение загадок, их семантика также обнаруживают в двух языках значительное сходство: наиболее часто в загадку вводятся названия реальных, непосредственно связанных с повседневной жизнью людей, их основными потребностями: потребностью обеспечивать себя пищей и под. Наряду с этим в загадках двух языков встречаются лексические обозначения, «отсылающие» к определённой культуре; среди подобных номинаций в белорусских загадках нами отмечены такие слова, как *казак*, *авёс* и *паненачка*.

Сосредоточенность на исследовании загадок с компонентом – именем числительным, с нашей точки зрения, позволила пронаблюдать за тем, как в количественном измерении в одном из наиболее древних жанров устного народного творчества в процессе осуществляемых человеком мыслительных операций (сопоставление, противопоставление и др.) «преломляются» свойства конкретных предметов и наиболее привычных для человека явлений. Это позволяет по-новому, как правило, более креативно, подойти к осмыслению различных качеств окружающих человека самых обычных вещей, в числе которых их величина, численность, форма, цвет, вкус, звучание, движение, материал, назначение и многое другое.

Наши наблюдения подтверждают, что система образов, закреплённых посредством загадок в различных национально-языковых картинах мира, обнаруживает связь (нередко – очень тесную) с социально-культурным контекстом практически любой языковой общности, а потому загадки могут безусловно восприниматься как свидетельства её культурно-национального опыта и традиций. Полученные нами результаты могут быть использованы при определении своеобразия как белорусской, так и туркменской лингвокультур в различных ситуациях, в том числе и в образовательно-воспитательной сфере.

Литература

1. Супрун, А.Е. Числительное / А.Е. Супрун // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 582–583.
2. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. IV. – Вып. I: Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог. – М.: Просвещение, 1985. – 319 с.: ил.
3. Буранов, Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков: учеб. пособие для пед. ин-тов / Дж. Буранов. – М.: Высш. шк., 1983. – 267 с.
4. Маюк, Е.П. Семантические характеристики квантитативных единиц три и девять в белорусских и английских паремиях / Е.П. Маюк // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы IV Междуна. науч. практ. конф., Минск, 22 апр. 2013 г. / редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2013. – С. 275–282.
5. Седакова, И.А. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / И.А. Седакова, С.М. Толстая; под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1995. – Т. 2. – 690 с.
6. Аникин, В.П. Загадка / В.П. Аникин // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 109.
7. Цішчанка, І.К. Свяці, свяці, сонейка: Творы беларус. фальклору: для малодшага школьнага ўзросту / уклад. І.К. Цішчанка; уступ. арт. А.С. Грачанікава; маст. Т.В. Кубліцкая [і інш.]. – Мінск: Юнацтва, 1994. – 350 с.: каляр. іл.
8. Туркменско-русский словарь: [около 40000 слов] / [под общ. ред. Н.А. Баскакова, Б.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева]. – М.: Сов. энциклопедия, (Академия наук Туркменской ССР, Институт языка и литературы им. Махтумкулы), 1968. – 832 с.
9. Родныя вобразы. Тлумачальны слоўнік [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://rv-blr.com/dictionary/explanatory?letter=0&marker=&page=45>. – Дата доступу: 05.01.2019.
10. Кириллин, В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси XI–XVI вв. [Электронный ресурс] / В.М. Кириллин. – СПб.: Алетей, 2000. – 314 с. – Режим доступа: <http://biblio.imli.ru/index.php/ruslit/488-Kirillin-VM-Simvolika-chisel-v-literature-Drevnej-Rusi.html>. – Дата доступа: 06.01.2019.
11. Кузнецов, А.М. Этнолингвистика / А.М. Кузнецов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 309.
12. Иванов, В.В. Моновокализма гипотеза / В.В. Иванов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – С. 597.
13. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с. – Режим доступа: <https://opac.mpei.ru/notices/index/IdNotice:43078/Source:default.html>. – Дата доступа: 06.04.2019.
14. Малый академический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Режим доступа: http://enc.biblioclub.ru/encyclopedia/118_Malyu_.html. – Дата доступа: 06.04.2019.

Поступила в редакцию 23.09.2019

Семантико-стилистические особенности использования колоративов *белый / черный* в поэзии Михаила Матусовского

Дьякова Т.А.

Государственное образовательное учреждение культуры
«Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»,
Луганск

В статье рассмотрены семантико-стилистические особенности использования колоративов *белый / черный* в поэтических произведениях М. Матусовского. Проанализированы тексты разных периодов творчества поэта, что позволяет максимально полно проследить авторское видение названных цветообозначений.

Цель работы – исследовать семантико-стилистические особенности колоративов *белый / черный* в поэзии Михаила Матусовского, учитывая традиционную этнокультурную символику цвета.

Материал и методы. Материалом стали поэтические тексты М. Матусовского, написанные в разное время, теоретические исследования, посвященные функционированию колоративов в художественном тексте. При этом применялись общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления, описательный; теоретический анализ (изучение лингвистических и культурологических исследований); метод сплошной выборки адъективных лексем со значением цвета; метод контекстуального анализа. Как абсолютные синонимы в работе использовались понятия «колоратив», «колоративная лексема», «колорема», «цветообозначение».

Результаты и их обсуждение. Изучение семантико-стилистических особенностей использования колоративов *белый / черный* в поэзии Михаила Матусовского позволяет сделать следующие выводы. Являясь одним из средств познания мира, цвет выражает эстетическую и морально-нравственную оценку. Этнокультурная составляющая цвета в художественном тексте реализуется при помощи тропов. Применение адъективной колоративной лексики является одним из средств создания лирических образов, характеристики персонажей, описания предметов, событий и отношения к ним автора. В произведениях Матусовского представлена богатая цветовая палитра. Особый интерес представляют ахроматические цвета *белый* и *черный*, обозначающие противоположные понятия, которые создают «бинарную оппозицию в языке». Семантика использованных колорем соответствует их толкованию в лексикографических источниках. Однако особенностью поэзии М. Матусовского является ее идейная, историческая, культурная связь с мировоззрением эпохи, историей и традициями родного края – Донбасса. Неоднозначность восприятия белого и черного цвета в этнокультурной традиции прослеживается и в проанализированных произведениях.

Заключение. Анализ семантико-стилистических особенностей применения колоративов *белый / черный* в поэзии Михаила Матусовского позволяет получить комплексное представление о реализации в текстах значений названных колорем, зафиксированных в лексикографических источниках современного русского литературного языка. Поэтические тексты являются отражением исторических, культурных воззрений автора, неразрывно связанного с историей и культурой народа, Родины – Донбасса. Исходя из этого, можно утверждать, что семантико-стилистические особенности использования колоративов обусловлены традиционными идейными, культурными аспектами развития современного автору общества.

Ключевые слова: поэзия, цвет, семантика, семантико-стилистические особенности, колоратив, колоративная лексика, символика.

(Ученые записки. – 2019. – Том 30. – С. 136–140)

Semantic and Stylistic Peculiarities of the Application of the Colorative Adjectives *white / black* in Mikhail Matusovsky's Poetry

Dyakova T.A.

State Education Institution of Culture «Mikhail Matusovsky State Culture and Art Academy
of Lugansk», Lugansk

The paper reviews semantic and stylistic peculiarities of the use of colourative adjectives *white / black* in M. Matusovsky poetical works. The analysis of texts from different stages of the poet's oeuvre provides an opportunity to identify the author's perspective on above colour naming to the fullest extent possible.

Адрес для корреспонденции: e-mail: diako122@rambler.ru – Т.А. Дьякова

The purpose of the paper is to analyse semantic and stylistic peculiarities of the use of colourative adjectives white / black in M. Matusovsky's poetry paying due consideration to traditional ethnocultural colour symbolism.

Material and methods. *M. Matusovsky's poetic texts composed at different times, theoretical researches on colourative adjectives functioning in the literary text are used as a study material. In concurrence with this the following methods are utilized: general scientific methods of observation and generalization, matching and descriptive methods; theoretical analysis (research on linguistic and cultural studies); continuous sampling method for adjective lexical units implying colour characteristic; contextual analysis method. The terms colourative adjectives, colourative dictionary, colourative lexical unit, colourheme, colour naming are used in the paper as absolute synonyms.*

Findings and their discussion. *The research on semantic and stylistic peculiarities of the use of colourative adjectives white / black in M. Matusovsky's poetry leads to the following conclusions. Being one of the means of the world cognition, colours express aesthetic and moral values. The ethnocultural component of colour is implemented in literary text by the means of tropes. The use of adjective colourative dictionary is one of the means of creating a lyrical image, character portraiture, a description of an item or an event, and the author's attitude to all of the above. The colour palette presented in Matusovsky's works is rich. Of special interest are achromatic colours white and black, which denote opposite concepts and form "a binary opposition in language". The semantics of the applied colourhemes correspond to their definition in lexicographical literature. However, distinctiveness of M. Matusovsky's poetry is his ideological and cultural connection to the mindset of his era, history and tradition of his Motherland – Donbass. White and black colours perception ambiguity is discernible in analyzed works as well.*

Conclusions. *The analysis of semantic and stylistic peculiarities of the use of colourative adjectives white / black in Mikhail Matusovsky's poetry allows us to get a complex insight of a textual implementation of the above colourhemes' meaning, established by lexicographical sources of the contemporary standard Russian language. Poetic texts reflect historical and cultural worldviews of the author, who is inextricably bound up with history and culture of his ethnos, his Motherland – Donbass. From this perspective it is fair to say that semantic and stylistic peculiarities of the use of colourative adjective are based on traditional ideological and cultural aspects of the development of the author's contemporary society.*

Key words: *poetry, colour, semantics, semantic and stylistic peculiarities, colourative adjectives, colourative vocabulary, symbolics.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 136–140)

Цвет является одним из средств осмысления мира: передавая характеристики конкретных реалий окружающей действительности, он становится средством эстетической и морально-нравственной оценки, элементом семиотической системы, оставаясь одной из констант культуры, одной из центральных категорий концептуальной и языковой картин мира. В современном русском литературном языке цвет толкуется как «свойство тела вызывать зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого им видимого излучения» [1, с. 1458].

Колоративы как культурное и языковое явление в разное время и в различных аспектах изучали Я.А. Астахова, Н.Б. Бахилина, С.И. Григорук, В.Б. Колосова, Ю.А. Нельзина, М.О. Новикова, Т.М. Тяпкина и другие лингвисты.

Восприятие цвета языковой системой отличается от научного: «...на то, как мы описываем цвет объектов, влияют как физические и психологические законы восприятия, так и знания о мире, о функциональном использовании наблюдаемых объектов» [2, с. 111]. По мнению психолога П.В. Яньшина, «цвет является не только атрибутом дневного зрения, но – что безмерно важнее – атрибутом человеческого сознания... атрибутом душевной организации, наряду с эмоциями, мотивами, мышлением» [3, с. 9].

Цвет как этнокультурная категория наделен определенной символикой, которая в художественном тексте реализуется посредством тропов. Цветовые тропы основываются на традиционной этнокультурной

семантике, берущей свое начало в устном народном творчестве народа, «реализуя проявление коллективного бессознательного определенного этноса в цвете» [4, с. 154]. На ранних этапах развития человечества это нашло отражение в мифах, преданиях, сказках, различных религиозных и мистических учениях. На более поздних – стало предметом изучения различных наук и художественным средством. Особое значение цвет приобретает в поэтическом творчестве. Тропы, образованные на основе колоративов, позволяют понять эмоциональное состояние автора, чувства, которые он стремится передать читателю, «цветовые метафоры» широко используются в бытовой и литературной речи, они стали неотъемлемым компонентом современного языка [5, с. 47].

Цель работы – исследовать семантико-стилистические особенности колоратива *белый / черный* в поэзии Михаила Матусовского, учитывая традиционную этнокультурную символику цвета.

Материал и методы. Материалом стали поэтические тексты М. Матусовского, написанные в разное время, теоретические исследования, посвященные функционированию колоративов в художественном тексте. При этом применялись общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления, описательный; теоретический анализ (изучение лингвистических и культурологических исследований); метод сплошной выборки адекватных лексем со значением цвета; метод контекстуального анализа. Как абсолютные синонимы в работе использовались понятия *колоратив, колоративная лексема, колорема, цветообозначение*.

Результаты и их обсуждение. Творчество Михаила Матусовского – яркое и самобытное явление в литературе XX столетия. Реальный мир, преображенный творческой фантазией поэта, раскрывается, расцветает перед глазами читателя, и мы как бы заново открываем этот мир для себя. Одним из средств создания лирических образов, характеристики персонажей, описания предметов, событий и отношения к ним автора является применение адъективной колоративной лексики. Для выборки колоративных лексем использованы поэтические сборники Михаила Львовича «Это было недавно, это было давно...», «Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе», «Избранные стихотворения».

В поэзии Матусовского представлена богатая цветовая палитра, автор применяет такие адъективные простые (одноосновные) колоративы: *белый, черный, красный (багровый, розовый, вишневый), синий (голубой), серый (сизый), зеленый (малахитовый)* и др.

На наш взгляд, особый интерес представляют ахроматические цвета *белый* и *черный*, обозначающие противоположные понятия, которые создают «бинарную оппозицию в языке» [6, с. 84]. В этнокультурной традиции восприятие *белого* цвета не является однозначным. С одной стороны, он символизирует чистоту, незапятнанность, радость, ассоциируется со светлыми силами, дневным светом, но с другой – как бы поглощает, нейтрализует все остальные цвета и соотносится с пустотой, бестелесностью, ледяным молчанием и в конечном итоге – со смертью [7, с. 153]. Лексикографы выделяют шесть значений колоратива *белый* [1, с. 70], ни в одном из которых не отражен коннотативный компонент.

В поэзии Михаила Матусовского реализованы такие семы названного цветообозначения:

1) цвет снега, молока, мела (противоп.: *черный*): «Я вспомнил лес под Выборгом, пожарами охваченный, / И маскхалаты *белые* в светящейся пыли...» («Лыжники») [8, с. 152]; «...По Красной площади проскачет / На *белой* лошади земляк» («Партизан»); «Парень в походной военной больнице / Капли лечебные пьет. / В *белом* халате седая сестрица / Воду ему подает» («Луганчанин»); «По случаю дня именин он был в *белой* рубашке...» («Четыре песни о славном городе Луганске») [9, с. 27, 36, 61]; «Тот, кто рожден был у моря, / Тот полюбил навсегда / *Белые* мачты на рейде...» («Черное море мое») [10]. Такое использование колоративов, с одной стороны, сближает поэтический текст с разговорной повседневной речью, а с другой – способствует созданию образной выразительности, передаче смысловой емкости.

В поэтическом наследии М. Матусовского символы-дендронимы – неотъемлемая часть образной системы: «Не забывай, как *белой* пеной / У нас сады цветут весной» («Не забывай») [10], метафора *белой* пеной выразительно передает картину цветущих деревьев. Среди наиболее часто применяемых дендронимов *береза* и *акация*. В этносознании и культуре

восточных славян *береза* и *акация* прочно связаны с эпитетом *белый*, который относится собственно к стволу и соцветиям соответственно. Вот как это отражено в поэзии Михаила Львовича: «На *белых* стволах появляется сок – / То плачут березы, то плачут березы» («Березовый сок»); «*Белой* акации гроздь душистые / Ночь напролет нас сводили с ума» («Целую ночь соловей нам насвистывал...») [9, с. 262, 279].

Страницы древней истории Руси предстают в стихотворении «Сказание о великой княгине Соломонии»: «Все показали гонцу честь по чести: / *Белую* зыбку и крестик простой, / И у простенка на памятном месте / Чье-то надгробие с *белой* плитой» [8, с. 226]. Предполагаем, что колоратив *белый* в словосочетании *белая зыбка* (*зыбка* – колыбель, люлька) объединяет значения «цвет снега, молока, мела» и «чистый, невинный, связанный с добром», потому что дитя, которое было в зыбке – «...Сын государев, младенец Георгий / Умер, как ангел, *безгрешен* и *чист*» [8, с. 226];

2) близкий по оттенку к молоку, матово-бледный: «Что ж вас все меньше и меньше, паяцы / С лицами *белыми*, как полотно, – / Может быть, мы разучились смеяться, / Или самим вам не так уж смешно?!» («Клоуны, клоуны...») [8, с. 219]. Колорема *белый* благодаря компаративу *как полотно* приобретает особую смысловую нагрузку, поскольку сравнение с полотном подразумевает предельную, возможно, излишнюю в гриме бледность;

3) очень светлый, светлее, чем обычно, бывает определяемый этим словом предмет: «Много бед наделало / В кабачке прохладном / «Цинандали» *белое*, – / Будь оно неладно» («Много бед наделало...») [8, с. 227]. В данном случае речь идет о вине, изготовляемом из светлых сортов винограда. Эта же сема реализована в наименовании славянских напитков *белый квас, белая брага, белый мед* [11, с. 153, 155, 156];

4) необычайно яркий, слепящий (о свете, освещении или источнике такого света, освещения): «Металл накалился, и *белые* искры шипели» («Четыре песни о славном городе Луганске») [9, с. 71];

5) в первые годы Советской власти: действующий или направленный против Советской власти, контрреволюционный (противоп.: *красный, революционный*): «Были дни больших походов, кровью пахло от земли. / И однажды в наш поселок банды *белые* вошли» («Случай с фотографом») [8, с. 22]; «Только *белые* в город вступили, / Вас подняли из мерзлой земли» («Братская могила») [9, с. 30]; «И вылезли гады, и в щели на площадь глядели. / Кондитер Козлов проверял в магазине запоры, / И старый лабазник выглядывал часто в окошко – / Не немцев, так *белых*, не *белых*, так просто бандитов»; «Но *белые* гады и ночью, и днем сторожили»; «Прорваться сквозь *белых*, разбить и развеять их части...»; «И *белые* видят безмолвные круглые башни – / Попробуй-ка выкуси, глухо завинчены люки» («Четыре песни о славном городе Луганске») [9, с. 72, 76, 77, 84].

Использование колоративной лексики *белый* в значении «направленный против Советской власти» отличается особой экспрессивностью. Стилистически нейтральным является один из названных фрагментов: «Прорваться сквозь *белых*, разбить и развеять их части...», частично – «И *белые* видят безмолвные круглые башни...», однако контекст позволяет далее увидеть авторскую позицию «...Попробуй-ка выкуси, глухо завинчены люки» – императив *попробуй-ка выкуси*, «обращенный» к *белым*, синонимичен *на-ка выкуси* «грубо; резкий отпор чьим-л. домогательствам, притязаниям и т.п., обычно сопровождаемый показом кукиша» [1, с. 174], что позволяет говорить об эмоциональной окраске колоратива *белый*. Еще большей отрицательной коннотацией наделено цветообозначение *белый* в сочетании с существительными *банда* (группа людей, совместно совершающих грабежи, убийства, насилия и т.д.) и *гад* (бранно, отвратительный, мерзкий человек) [1, с. 58, 190].

Метафора лежит в основе применения колоремы *белый* в таких поэтических фрагментах: «Рабочий Луганск пробивался сквозь *белые* степи»; «И *белый* состав напоролся на поезд “Царицын”» («Четыре песни о славном городе Луганске») [9, с. 76, 84].

Таким образом, изначально не оценочная колорема *белый* создает многоаспектность содержания и рождает новый символический для определенного периода времени смысл, формируя смысловую оппозицию *белый / красный*, что проявляется только в этом значении колоратива.

Черный цвет, выступая антиподом *белого*, традиционно воспринимается носителями славянской этнокультуры как символ тьмы, мрака, печали (*черная душа, черная магия, черные дела, черные мысли* и т.д.). Словарь современного русского литературного языка фиксирует 12 значений адъектива *черный*, шесть из которых содержат негативную оценку.

Рассмотрим реализацию значений колоративной лексики *черный* в поэтическом наследии Матусовского:

1) самый темный из всех цветов, имеющий цвет сажи, угля (противоп.: *белый*): «...Или, как прежде, в *черных* бушлатах / Грозно шагают твои патрули?» («Крейсер “Аврора”») [10]; «*Черных* быков, раздвигающих небо рогами, / Мерно плывущих в своей двухколесной арбе» («Муза, воспой суету...») [8, с. 100]; «...Зуб золотой, и в *черной* перчатке / сухая висит рука» («Пархоменко»); «...Ремесленник в *черной* шинели...» («Поезд идет на Старобельск»); «Вот он снова в *черных* рукавицах, / Вот он снова, как бывало, дома» («Быль о Макаре Мазае»); «Седой шахтер надел мундир / Из *черного* сукна...» («Шахтерская семья») [9, с. 33, 108, 132, 169, 189]. Очевидно, что в приведенных фрагментах аксиологическая составляющая отсутствует, но при этом колоратив *черный* позволяет автору создать определенную образную картину.

В стихотворении «Курганы» читаем: «...И *черная* бурка комдива / Была, как воронье крыло» «Курганы» [9, с. 117]. Эпитет *черный* усиливается компаративом

как *воронье крыло*, воспринимаемым как максимальная степень проявления *черного* цвета, к которому добавляется синеватый отлив [1, с. 150].

Кроме передачи цвета, в отрывках «Враг летит на мирные просторы / с *черными* крестами на крыле» («Разговор с земляком»); «И слово ГАРТМАН в тишине, / Взглянув вокруг с опаской, / Холуй какой-то на стене / Намазал *черной* краской» («Рассказ о старом наследстве») [9, с. 98, 189] колоратив *черный* содержит сему «опасность». Самолеты с *черными* крестами сбросят бомбы, а надпись на стене *черной* краской Гартман (фамилия дореволюционного владельца одного из луганских заводов, наследник которого вернулся вместе с фашистами) не предвещает рабочим завода, оставшимся в городе, ничего хорошего.

Особую группу составляют поэтические фрагменты, в которых колорема *черный* является синонимом прилагательного *угольный*: «Был поезд составлен из *желтых* и *синих* вагонов, / Из *красных*, из *угольных черных* платформ. / И люди толкались, и боком влезали в теплушки, / Толпились в проходах и тамбурах *классных* вагонов, / На *черных* платформах огромным ежом колыхались» («Четыре песни о славном городе Луганске»); «В *черную* кожу въедалась, как *порох*, / *черная* пыль» («Старый шахтер»); «Кто растратил все здоровье / По землянкам и углам, / Кто под старость харкал кровью / С *черной* пылью пополам» («Мой земляк») [9, с. 67, 68, 151, 175]. Шахтерский край, горняцкий труд, сами шахтеры – неотъемлемые образы поэзии Матусовского, автор создает картины жизни, труда, борьбы шахтерского края.

Обозначение цвета, объединенное с чувственным оттенком беды, тревожности, горечи, сожаления, прослеживаем во фрагментах «Солнце *черное* висит, / Еле видное в тумане» («Дорога»); «Знать, уж так самой судьбою / Суждено мне с давних пор / Слушать вечно над собою / *Черных* сосен разговор» («Мокрый остров»); «И в сумрак уходят дома, / Все в *черном*, как польские вдовы» («Белосток горит»); «*Черной* завесой беды не заволочены дали, / Что суждено испытать, / Мы еще не испытали» («Двадцать второе июня») [8, с. 44, 49, 62, 154]; «О, когда б земля заговорила, / *Черная*, сожженная в бою...» («Разговор с земляком») [9, с. 100]. Метафоры *черная завеса беды, солнце черное* придают особую выразительность поэтическим строкам и очень точно передают мироощущение автора. Все эти стихотворения – своеобразная летопись войны, участником которой был и сам Матусовский. Поэт не только излагает свои воспоминания, но и выражает собственное отношение к ним. В «Семейном альбоме» Михаил Львович писал так: «Каждый раз, когда мне надо писать о 22 июня 1941 года, руки мои опускаются, и я часами сижу перед чистым листом бумаги, не решаясь начать первую фразу»; «Такими мы и вошли в войну, еще не понимая, что дата 22 июня останется для нашего поколения датой, от которой можно будет

заново начинать всё летоисчисление, как когда-то люди условились вести отсчет новой истории от рождения Христова» [12, с. 58, 112];

2) колоратив *черный* в значении «непроницаемый, густой, темный» использован поэтом для характеристики состояния природы: «И, в *черную* ночь большевикскими глядя глазами, / Во мгле на дороге мы видим родной бронепоезд» («Четыре песни о славном городе Луганске») [9, с. 86]. В другом отрывке сумрак сравнивается с *черным* деревом: «Прокуренный зрительный зал, / И сумрак, глядящий в ворота, / Как будто его вырезал / Из *черного* дерева кто-то» («В гвинейском кино») [8, с. 144];

3) темный, более темный по сравнению с обычным цветом, принявший темную окраску (о побывавшем на солнце, грязном или потемневшем): «Здесь выпадает *черный* снег зимой, / Здесь крестят небо вспышки автогена» («Мой город»); «Здесь браток в черноморской фуражке, / С якорями на *черных* руках...» («Братская могила»); «...И *черные* траншеи котлованов, – / Как будто в пору юности былой» («Опять, как в годы первых пятилеток...») [9, с. 24, 31, 134].

Отсутствует отрицательная коннотация и не возникает негативная ассоциация (*черный* – грязный – неаккуратный), когда автор пишет о своих земляках, заводских рабочих и шахтерах, испачканных мазутом, углем, обожженных солнцем: «Заречною улицей, темным и Каменным Бродом / Идут пролетарии – *черные* дети Донбасса – В тяжелой одежде, дубленой мазутом и маслом...»; «Спокойно шагали небритые крепкие люди, / Бесстрашные, *черные* от украинского солнца...» («Четыре песни о славном городе Луганске») [9, с. 48, 81], скорее, их образы вызывают симпатию читателя;

4) не требующий высокого мастерства, некачественный, подсобный, чаще физически тяжелый и грязный (о работе, труде и т.п.): «Отец – крановщик, сыновья – слесаря, подмастерья, / Девчонки – в модельном, и внуки на *черной* работе» («Четыре песни о славном городе Луганске») [9, с. 48];

5) предназначенный для каких-либо служебных или бытовых нужд, не главный, не парадный: «Прибили меня и отправили с *черного* хода» («Четыре песни о славном городе Луганске») [9, с. 82].

Таким образом, анализируя поэзию Михаила Матусовского, можно говорить о богатой семантико-стилистической палитре использования колоративов *белый* / *черный*, которые являются не только своеобразными маркерами этнокультуры, но и выразительным художественным средством. Основным художественным тропом, применяемым при создании

стихотворных образов, передаче мировоззренческих взглядов автора, его эмоционально-психологического состояния, является метафора.

Заключение. Анализ семантико-стилистических особенностей использования колоративов *белый* / *черный* в поэзии Михаила Матусовского позволяет получить комплексное представление о реализации в текстах значений названных колором, зафиксированных в лексикографических источниках современного русского литературного языка. Поэтические тексты являются отражением исторических, культурных воззрений автора, неразрывно связанного с историей и культурой народа, Родины – Донбасса. Исходя из этого, можно утверждать, что семантико-стилистические особенности применения колоративов обусловлены традиционными идейными, культурными аспектами развития современного автору общества.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Жаркынбекова, Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики / Ш.К. Жаркынбекова // Материалы IX Конгресса МА-ПРЯЛ, Братислава, 1999 г. – М., 1999. – С. 107–112.
3. Яньшин, П.В. Эмоциональный цвет: Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета / П.В. Яньшин. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. – 218 с.
4. Коркишко, В.О. Поэтика цвета и света в творчестве М. Волошина / В.О. Коркишко // Наук. записки Бердянский держ. пед. ун-та. – 2015. – Вып. VIII. – С. 154–160.
5. Немыкин, В.В. Символика цвета / В.В. Немыкин // Вестник АлтГТУ им. И.И. Ползунова. – 2010. – № 1–2. – С. 47–49.
6. Григорьева, Т.В. Метафорическая оппозиция *белый* – *черный* и ее роль в языковой интерпретации действительности / Т.В. Григорьева // Вест. Новосибирск. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 3(19). – С. 84–89.
7. Самарина, Л.В. Традиционная этическая культура и цвет (Основные направления и проблемы зарубежных исследований) / Л.В. Самарина // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 2. – С. 147–156.
8. Матусовский, М. «Это было недавно, это было давно...» / М. Матусовский. – М.: Худ. лит., 1970. – 272 с.
9. Матусовский, М. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М. Матусовский. – М., 2011. – 304 с.
10. Матусовский, М. Избранные стихотворения [Электронный ресурс] / М. Матусовский. – Режим доступа: https://45parallel.net/mikhail_matusovskiy/stihi/. – Дата доступа: 30.07.2019.
11. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 507 с.
12. Матусовский, М. Семейный альбом / М. Матусовский. – М.: Сов. писатель, 1983. – 432 с.

Поступила в редакцию 23.09.2019

Ценностная нейтрализация категории пустоты в литературе постмодернизма как отражение аксиологического релятивизма

Житко Р.Г.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно*

Характерными чертами постмодернистской художественной философии являются отказ от логики бинарных оппозиций, преодоление идеи о структурности мира и текста, а также аксиологическая плюрализация и хаотизация изображаемой художественной реальности и ее объектов. Трансформация специфики ценностного отношения к миру и человеку предполагает его субъективизацию в аспекте крайнего релятивизма. При этом категория пустоты приобретает семантику «нулевой ценностной значимости» изображаемого в постмодернистском тексте предмета.

Цель работы — охарактеризовать специфическую роль категории пустоты как отражения ценностного релятивизма поэтики постмодернистской литературы.

Материал и методы. Для целостного осмысления проблемы данного исследования, связанного со спецификой ценностной природы категории пустоты в постмодернистской поэтике, в качестве материала избраны поэтические и прозаические художественные тексты писателей-постмодернистов, наиболее репрезентативные в указанном аспекте. При этом использованы такие методы, как структурно-семиотический, культурно-исторический и герменевтический.

Результаты и их обсуждение. Постмодернистская литература, исходя из релятивистской концепции мира и человека, субъективизирует проблему ценностного отношения к миру, отрицает наличие объективных, Абсолютных ценностей, бывших основополагающими в предшествующую модернистскую эпоху (репрезентантом которых являлась категория Ничто). Об этом свидетельствует преодоление антитезы ценности и антиценности, а также устранение категорий сакрального и возвышенного. Поэтика постмодернистской литературы сталкивает/смешивает бытовое и бытийное, высокую и низкую (даже обесцененную) лексику, что указывает на релятивистское восприятие изображаемого. В сюжетном поле произведения происходит последовательная (вплоть до осмеяния) деконструкция ряда религиозных, идеолого-политических, историко-культурных проблем; вводятся элементы квази- и криптоистории, а элементы сюжета, в ценностном смысле противоречащие друг другу, становятся материалом для построения динамического постмодернистского аксиологического хаосмоса.

Заключение. Постмодернизм преодолевает системную логику бинарных оппозиций, децентрирует и хаотизирует ценностную структуру художественного текста. В рамках данной стратегии поэтика постмодернизма десакрализует культурный код, разрушает ценностное единство текста, «опустошая» его; модернистское Абсолютное Ничто уступает место пустоте как «фактору отрицания». Происходит смешение (неразличение) «положительного» и «отрицательного», высокого и низкого, а также инверсия ценностей и антиценностей. Постмодернистская поэтика семантически и аксиологически «опустошает» предмет в противовес модернистскому опредмечиванию пустоты; тем не менее в обоих случаях семантическая структура пустоты включает в себя компонент оксюморонности, внутренней противоречивости, организующей неопределенную, неструктурированную аксиологию художественного мира.

Ключевые слова: постмодернизм, текст, поэтика, аксиология, ценность, хаосмос.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 141–145)

Value Neutralization of the Category of Emptiness in the Literature of Postmodern as a Reflection of Axiological Relativism

Zhitko R.G.

Educational Establishment “Yanka Kupala State University of Grodno”, Grodno

A characteristic feature of Postmodern artistic philosophy is the rejection of the logic of binary oppositions, overcoming the idea of the structural nature of the world and the text, as well as axiological pluralization and randomization of the depicted artistic reality and its objects. The transformation of the specificity of the value attitude to the world and the man implies its

subjectivization in the aspect of extreme relativism. Moreover, the category of emptiness acquires the semantics of “zero value significance” of the subject depicted in the Postmodern text.

The purpose of this study is to characterize the specific role of the category of emptiness as a reflection of the value relativism of the poetics of Postmodern literature.

Material and methods. To achieve a holistic understanding of the issue related to the specificity of the value nature of the category of emptiness in Postmodern literature, the poetic and prose literary texts of Postmodern writers, the most representative in this aspect, were selected as the research material. At the same time, such methods as structural-semiotic, cultural-historical and hermeneutical were used.

Findings and their discussion. Postmodern literature, based on the relativistic concept of the world and human, subjectivates the problem of the value attitude to the world, denies the idea of the existence of objective, Absolute values that were fundamental in the preceding Modernist era (the personification of which was the Nothingness category). In order to do this, the antithesis of value and antiquity is overcome, as well as the elimination of the sacred and the sublime categories. The poetics of Postmodern literature confronts/mixes mundane and existential, high and low (even obscene) vocabulary, which indicates a relativistic perception of the depicted. In the plot field of the work, there is a consistent (up to ridicule) deconstruction of a number of religious, ideological, political, historical and cultural problems; elements of quasi- and crypto-history are introduced; contradicting in the sense of value plot elements become material for a dynamic Postmodern axiological chaosmos.

Conclusion. Postmodern overcomes the systemic logic of binary oppositions, decentrates and randomizes the value structure of a literary text. According to this strategy, the poetics of Postmodern desacralizes the cultural code, destroys the value unity of the text, “devastating” it; the Modernist Absolute Nothing gives way to emptiness as a “factor of denial”. There is a mixture (indistinguishability) of the “positive” and “negative”, high and low, as well as the inversion of values and antivalues. Postmodern poetics semantically and axiologically “devastates” the subject as opposed to the Modernist objectification of emptiness; nevertheless, the semantic structure of the emptiness category includes a component of oxymorony, an internal inconsistency that organizes the indefinite, unstructured axiology of the art world.

Key words: Postmodern, text, poetics, axiology, value, chaosmos.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 141–145)

Мировоззренческие трансформации эпохи постмодерна обусловили изменения художественной поэтики литературы постмодернизма в аспекте построения пространства и времени. Наиболее характерными аспектами данного явления становятся постепенное разрушение структурированной картины мира, отказ от логики бинарных оппозиций и децентрация семантико-аксиологического поля. И.С. Андреева указывает в качестве основных параметров постмодернистского моделирования реальности «виртуальность мира, феномен “двойственного присутствия”, отсутствие категории Истины» [1]. В этой связи не представляется спорным тот факт, что постмодернистский текст тяготеет к формальной, аксиологической и семантической деструкции на всех своих уровнях. Сообразно хаотической природе художественной онтологии пустого постмодернистского образа моделирование пространства и времени в рамках указанного направления сводится к следующим факторам: расслоение, децентрация (преодоление структуры, замещение систематизации хаотизацией; моделирование семантического и эстетического мультиверсума); виртуализация (построение пустой, «фиктивной» художественной реальности, «означающего без означаемого»); деструкция (разложение и рекомбинированное использование существующих в культурном дискурсе элементов семантического кода вплоть до полного их обесмысливания и опустошения); условность (в том числе нарочитая неестественность изображаемого); разрушение вертикальной иерархической модели мира,

а также системы бинарных оппозиций; ироническое «принижение» возвышенного. Фактически постмодернистский персонаж находится в мире, который всеми средствами демонстрирует свою субъективную и иллюзорную природу [2; 3].

Отказ от дуальной картины мира (характерной для модернистской эстетики), стремление к его максимальной плюрализации в рамках постмодернистской парадигмы связаны с переустройством основных аксиологических положений. Более того, изменяется сама специфика ценностного отношения к миру: на смену идее об объективных и высших аксиологических ориентирах приходит субъективизация системы ценностей. В аксиологической модели постмодернизма проявляется себя так называемая философия различия, которая «позволяет выйти за пределы классической тавтологии, возводящей все возможные состояния объекта (мира) к исходным причинам и тем пресекающей перспективу аналитики процессов подлинного становления и подлинной новизны: лозунгом постмодернизма становится “Да здравствует множественное!”» [2]. Если ценностная парадигма модернизма так или иначе тяготела к системности и универсальности, то в случае постмодернистской допустимо судить о своеобразном мультиверсуме, неизменно ставящем под сомнение каждый из своих элементов.

Цель работы – охарактеризовать специфическую роль категории пустоты как отражения ценностного релятивизма поэтики постмодернистской литературы.

Материал и методы. Для целостного осмысления проблематики данного исследования, связанного со спецификой ценностной природы категории пустоты в постмодернистской поэтике, в качестве материала избраны поэтические и прозаические художественные тексты писателей-постмодернистов, наиболее репрезентативные в указанном аспекте. При этом использованы такие методы, как структурно-семиотический, культурно-исторический и герменевтический.

Результаты и их обсуждение. Важным фактором хаотизации системы ценностей в постмодернизме является ее субъективизация, когда аксиологические параметры всех явлений задаются сообразно особенностям системы нравственных ориентиров персонажа, лирического «я» либо повествователя. Кроме того, «аксиология постмодернизма» более не опирается на классическую вертикальную иерархию ценностей, как и на горизонтальную шкалу оппозиции «ценность – антиценность». Поскольку всякое значение «безразлично» (не «идентично» и не «противоположно») своему содержанию, постольку «провести расчеты в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого так же невозможно, как вычислить одновременно скорость частицы и ее положение в пространстве. Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат» [4, с. 11]. Таким образом, утрачивается установка на постижение сакрального, на смену приходит релятивистское восприятие мира, человека, художественного целого, феномена творения и т.д. В связи с этим представляется возможным обозначить следующие поэтико-семантические стратегии, базирующиеся на данном принципе.

Столкновение/смещение бытового и бытийного, актуализируемое в постмодернистской эстетике, свидетельствует о разрушении иерархической модели мира, о преодолении логики противопоставления высокого низкому. Сфера обыденного, банального, «бесконечно старого» и «бесконечно серого» мира, моделируемого в произведении Тимура Кибирова «Памяти любимого стихотворения» (1999), обнаруживает внутреннюю пустоту и подвергается последовательной иронической деконструкции:

*Куда глаза глядят? – На небо иль под юбку.
Но в небе – пустота, под юбкой – чёрт-те что!
О, как не пригубить из рокового кубка,
Когда вокруг не то, всегда, везде не то! [5].*

Сосуществование в тексте просторечных («в бигудях»), сленговых («скипай») и возвышенных («из рокового кубка») стилистических конструкций иронически хаотизирует его аксиологическое и семантическое устройство. Вертикальная ценностная модель мира разрушается, небесная сфера перестает уравнивать земную в ценностном отношении,

и разрушение этого равновесия ставит под сомнение сами основы мировоззрения.

Снижение сакрального, разложение «мифов» о мире приводит к полной «трансформации» бытия в его ценностном понимании. Так, французский поэт М. Уэльбек в стихотворении «Природа» развенчивает сферу таинственного и непостижимого, отрицая ее сакральное значение и отказываясь от иллюзии «двоемирия»:

*Я не завидую восторженным кретинам,
В экстазе млеющим над норками зверей.
Природа сумрачна, скучна и нелюдима,
Ни символ, ни намек не зашифрован в ней*

*Приятно за рулем, катя на «Мерседесе»,
Пейзажи созерцать и смену панорам,
И скорости менять, и ощущать в процессе,
Что реки, горы – всё, весь мир подвластен вам
(пер. с фр. И. Кузнецовой) [6].*

Категория непостижимого исключается из ценностной парадигмы; абстрактно-философскому модусу восприятия мира противопоставляется конкретно-эмпирический, и единственно истинной реальностью становится та, что проявляет себя в субъективном ощущении и переживании; кроме того, обыгрывается классическая тема «природа – цивилизация» (в аспекте сопоставления *естественного* и *технического*). При этом пренебрежение к сфере «таинственного» (непостижимого), которая составляла основу «классического» отношения к природе, достигает крайней точки и выражается в уничижительных и едких замечаниях; происходит своего рода полемика с идеями, господствовавшими в культуре и искусстве прошлых эпох.

В постмодернистской парадигме сфера сакрального последовательно десакрализуется; так, в стихотворении Т. Кибирова «Их-то Господь вон какой!» она иронически разделяется на «свою» и «чужую», причем последняя в аксиологическом смысле словно бы выглядит предпочтительней, «привлекательней»; рассуждение лирического героя словно бы «рекламирует» ее. В данном контексте сталкиваются христианская и, очевидно, буддийская (на что указывает «поза лотоса») картины мира, каждая из которых представляет собой один из вариантов ценностной организации плюрального, вариативного бытия:

*А у тех-то Господь – он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Дарует-вкушает вечный покой
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенен тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то – увы, сынок, –
А наш-то на ослике – цок да цок –
Навстречу смерти своей [7].*

Возвышенная лексика (*дарует, вкушает, осенен, осиян*) соседствует с просторечием (*вон какой, свистопляска, страсти-мордасти*), в результате постмодернистский полистиль снижает ценность сферы сакрального, иронизирует над ней.

Если для поэтики модернизма творческое (творящее) слово/Слово было олицетворением божественной воли и средоточием креационного потенциала высших сил бытия, а заполнение белого листа буквами являлось одним из ключевых сакральных символов, то для постмодернизма предпочтительнее пустота незаполненного листа:

*Убираю свой карандаш.
Получилась ли фраза?
Карандаш мой, напрасно ты входишь в раж –
Мне куда милее tabularasa*
(пер. с фр. М. Яснова) [8].

Постмодернизм обнаруживает разнообразие стратегий снижения категории возвышенного, деконструирует и уничтожает мировоззренческие ориентиры, изображая «внутреннюю пустоту» заключенной в них реальности.

К примеру, повесть В. Пелевина «Омон Ра» (1991) в гротескной форме «разоблачает» идеологические основы советской космической программы; изображается якобы ложная действительность, вводящая в заблуждение и главного героя, и читателя. Героическая тема, важная для советской идеологии, представляется в форме пустого культурного мифа и циничной идеологемы; понятия *подвига, самоотверженности и самопожертвования* (входящие в категорию Возвышенного) девальвируются и обретают гротескное сюжетное воплощение. Произведение, содержащее элементы квази- и криптоистории, радикально снижает героический пафос идей советской космонавтики, моделирует и изобличает «иллюзии» общественно-политической пропаганды, при этом адресуя посвящение «Героям советского космоса». Деконструкция культурно-мировоззренческого дискурса в повести доводится до абсурдной идеи о фиктивной природе советской программы лунных пилотируемых объектов. Изображенная действительность пуста, бессмысленна и безысходна; столкновение «виртуального» и «реального» аспектов мира фактически приводит главного героя к мировоззренческому краху, а также к семантическому коллапсу самой действительности.

Тема разоблачения глобальных «обманов» (фальшивых космических полетов и иных мистификаций) актуализируется в контексте эпохи (к примеру, в широко известных кинофильмах «Большое космическое путешествие» (1974) и «Козерог один» (1977 г.)). «Омон Ра» доводит деконструкцию до абсурда, проводя параллель между разрушением «мифа» и разложением официальной идеологии в процессе распада Советского Союза, а также пред-

ставляя финальное бегство главного героя из фальшивой ракеты метафорой освобождения от мировоззренческих иллюзий [9, с. 187–189].

Таким образом, постмодернистская пустота, полнотью утрачивая сакральное значение, превращается в метафизическое свободное пространство, не ограниченное структурными рамками, но использующее случайным образом готовый, изначально существующий в культурном дискурсе семантический материал, подвергаемый перекодированию и реформатированию.

В данном отношении пустота символизирует постмодернистскую тенденцию сомневаться в любой из культурных реалий, любую из них ставить под ироническое сомнение и свободно «жонглировать» полученными в итоге идеями и формами.

Естественно, что в «стихийном», хаотическом культурном дискурсе разрушается любая логика и иерархия, распадаются пары бинарных оппозиций (к примеру, противоречащие друг другу явления мыслятся в равной степени истинными), разрушается вертикальная модель мира. Художественный мир перестает моделироваться в качестве упорядоченного целого; структура уступает место «антиструктуре», хаосу и алогичности.

Постмодернистская поэтика преодолевает и уничтожает жесткой иронией то, что принято называть «вечными ценностями», считая их тоталитарными идеями, которые препятствуют свободе сознания и культуры, а также творческой реализации личности. В изображаемом мире сосуществуют две сферы: неупорядоченное начало хаоса и «тираническое» начало порядка. Ж. Бодрийяр утверждает, что утрата ценностных значений происходит в результате разрыва между знаком и его объектом, когда знак превращается в самостоятельный объект, который посредством ряда самокопирований отрывается от реальности, которую он призван обозначать, и образует виртуальную реальность, не имеющую ничего общего с подлинной реальностью [3].

Идее системности/структурности мира противопоставляется хаос/хаосмос, олицетворяющий бесконечное множество потенциальных семантических и аксиологических возможностей.

Постмодернистская философия, иронически поставившая под сомнение каждый предмет, ставший объектом ее внимания, уравнила в аксиологическом отношении исключительное и незначительное, сакральное и обыденное, бытийное и бытовое; вертикальная ценностная модель, свойственная парадигме модернизма, уступила место горизонтальной модели; при этом нейтральный аксиологический модус пустоты становится одним из ключевых факторов поэтики текста.

Заключение. Постмодернизм преодолевает системную логику бинарных оппозиций, децентрирует и хаотизирует ценностную структуру художественного текста. В рамках данной стратегии поэтика постмодернизма десакрализует культурный код, разру-

шает ценностное единство текста, «опустошая» его; модернистское Абсолютное Ничто уступает место пустоте как «фактору отрицания». Происходят смешение (неразличение) «положительного» и «отрицательного», высокого и низкого, а также инверсия ценностей и антиценностей. Постмодернистская поэтика семантически и аксиологически «опустошает» предмет в противовес модернистскому опредмечиванию пустоты; тем не менее в обоих случаях семантическая структура пустоты включает себя компонент оксюморонности, внутренней противоречивости, организующей неопределенную, неструктурированную аксиологию художественного мира.

Литература

1. Андреева, И.С. Постмодернизм в русской литературе [Электронный ресурс] / И.С. Андреева // Purgatorium Mentis. – 2019. – Режим доступа: <http://fege.narod.ru/librarium/andreeva.htm>. – Дата доступа: 15.11.2019.
2. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шмако. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
3. Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр // Арктогея. – 2019. – Режим доступа: <http://my.arcto.ru/public/9bodrial.htm>. – Дата доступа: 25.10.2019.
4. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 257 с.
5. Кибиров, Т.Ю. Памяти любимого стихотворения [Электронный ресурс] / Т.Ю. Кибиров // ЛитМир. – 2019. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=175328&p=45>. – Дата доступа: 12.10.2019.
6. Уэльбек, М. Природа [Электронный ресурс] / М. Уэльбек // Журнальный зал. – 2019. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/3/stihi-636.html>. – Дата доступа: 26.10.2019.
7. Кибиров, Т.Ю. Греко- и римско-кафолические песенки и потешки [Электронный ресурс] / Т.Ю. Кибиров // Журнальный зал. – 2019. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/1/ki5.html>. – Дата доступа: 27.09.2019.
8. Уэльбек, М. Стихи [Электронный ресурс] / М. Уэльбек // Журнальный зал. – 2019. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/3/uul-pr.html>. – Дата доступа: 16.03.2018.
9. Пелевин, В.О. Омон Ра / В.О. Пелевин. – М.: Эксмо, 2009. – 190 с.

Поступила в редакцию 13.11.2019

Роль русского языка в преподавании второго иностранного языка на продолжающем этапе

Смирнова В.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск*

Использование языка-посредника является неотъемлемой частью процесса обучения иностранному языку на начальном этапе. Однако на практике обнаруживается, что русский язык в той или иной форме присутствует на занятиях по второму иностранному языку и на среднем (или продолжающем) этапе обучения. Таким образом, актуальность данного исследования обосновывается теоретической неразработанностью проблемы применения языка-посредника на среднем этапе обучения второму иностранному языку.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить, на каких этапах занятий и какими именно средствами и способами язык-посредник используется в процессе обучения второму иностранному языку.

Материал и методы. *Материалом послужили задания уровня Pre-Intermediate, взятые из книги Everyday English под редакцией Т.Ю. Дроздовой, флеш-карты и разработка песни 'In the Shadows'.*

Результаты и их обсуждение. *Ключевая роль языка-посредника состоит в раскрытии смыслов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что на каждом этапе обучения иностранному языку важно обращаться к родному языку — как для сравнительно-сопоставительного анализа двух языков, так и для лучшего понимания и запоминания изучаемого материала. В статье рассматриваются упражнения, которые предполагают присутствие языка-посредника (скороговорка, письменный перевод текстов с английского на русский, песня, флеш-карты).*

Заключение. *Анализ обращения к языку-посреднику на занятиях по второму иностранному языку позволяет сделать следующие выводы: на среднем этапе обращение к языку-посреднику является методически обоснованным и целесообразным на протяжении всего занятия. Использование учебных пособий российских авторов содействует этому, поскольку они составлены таким образом, чтобы студент так или иначе соприкасался с языком-посредником.*

Для более сильных студентов обращение к языку-посреднику не всегда является разумным решением, тогда как для слабых студентов, напротив, язык-посредник становится существенным подспорьем при изучении второму иностранному языку.

Ключевые слова: *язык-посредник, родной язык, второй иностранный язык, продолжающий этап, флеш-карты.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 146–149)

The Role of Russian in Teaching a Second Foreign Language at the Intermediate Stage

Smirnova V.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The use of an interlanguage is an essential part of the process of teaching a foreign language at the starter stage. However, in practice, it is found out that the Russian language in one way or another is used in the second foreign language classes and at the intermediate stage of training. Thus, the relevance of this study is justified by the theoretical underdevelopment of the issue of using of the interlanguage at the intermediate stage of teaching a second foreign language.

The aim of this work is to trace stages of classes and means and methods the interlanguage is used in the process of teaching a second foreign language.

Material and methods. *The material of the study was the Pre-Intermediate level tasks taken from the Everyday English book edited by T.Y. Drozdova, flash cards and the development of the song 'In the Shadows'.*

Findings and their discussion. *The key role of the interlanguage is to reveal the meanings. At the same time, it should be emphasized that at each stage of teaching a foreign language it is important to refer to the native language — both for a comparative analysis of the two languages, and for a better understanding and memorization of the studied material.*

The article analyzes the exercises that involve the presence of the interlanguage (a tongue-twister, the written translation of texts from English into Russian, a song and flash cards).

Conclusion. The analysis of the use of the interlanguage in the second foreign language classes allows us to reach the following conclusions: at the intermediate stage the use of the interlanguage is methodologically reasonable and appropriate throughout the class. In addition, the use of textbooks by Russian authors helps this, since they are written in such a way students in one way or another should address the interlanguage. For top students, the reference to the interlanguage is not always a reasonable solution, while for weak students, on the contrary, the interlanguage becomes a significant help when learning a second foreign language.

Key words: interlanguage, native language, second foreign language, intermediate stage, flash-cards.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 146–149)

Использование языка-посредника является неотъемлемой частью процесса обучения иностранному языку на начальном этапе. Этот вопрос нашел отражение в трудах И.В. Рахманова, З.М. Цветковой, Л.В. Щербы [1]. Однако на практике обнаруживается, что русский язык в той или иной форме присутствует на занятиях по второму иностранному языку и на среднем (или продолжающем) этапе обучения. Рассмотрению этой проблемы, в частности, посвящены работы Д. Аткинсона [2] и Н.Ю. Бирюковой [3].

Актуальность данного исследования обосновывается теоретической неразработанностью проблемы применения языка-посредника на среднем этапе обучения второму иностранному языку.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить, на каких этапах занятий и какими именно средствами и способами язык-посредник используется в процессе обучения второму иностранному языку.

Материал и методы. Материалом послужили задания уровня *Pre-Intermediate*, взятые из книги *Everyday English* под редакцией Т.Ю. Дроздовой, флеш-карты и разработка песни *'In the Shadows'*.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты могут быть использованы на занятиях по второму иностранному языку (английский).

На среднем этапе изучения второго иностранного языка (английского) студентам предлагаются учебные пособия, соответствующие уровню *Pre-Intermediate* (например, *Headway* или *Everyday English*). Не вдаваясь в подробности работы с пособиями данного уровня, отметим, что большинство учащихся достаточно свободно отвечают на вопросы на английском языке, при этом неизбежно допуская грамматические и фонетические ошибки, в целом осваивают правила написания эссе, но испытывают затруднения с аудированием. Вышеизложенное подчеркивает необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса о важности использования родного языка или языка-посредника (в данном случае речь идет о русском языке) на среднем этапе обучения второму иностранному языку.

Употребление языка-посредника на занятиях по второму иностранному языку в большинстве случаев имеет конкретную цель: повышение эффективности учебного процесса.

Эта цель достигается посредством:

- экономии учебного времени аудиторного занятия (при объяснении сложного материала или семантизации);
- облегчения усвоения нового материала с включением механизма положительного переноса или сознательного избегания интерференции;
- избегания фрагментарного или неправильного понимания, а также применения методически грамотных форм контроля понимания при формировании рецептивных навыков;
- повышения мотивации учащихся [4, с. 101–102].

В ходе проведения учебных занятий язык-посредник может проявляться в двух формах – имплицитной и эксплицитной.

Эксплицированное, то есть открытое, обращение к языку-посреднику легче систематизировать и, соответственно, использовать более целесообразно. Но и имплицитное присутствие языка-посредника должно быть осознанным и организованным, поскольку ему требуется присутствовать не только в языковом сознании инофонов, но и у преподавателя, который должен понимать и учитывать механизм воздействия навыков родного языка на процесс формирования навыков на иностранном языке [5, с. 49]. Следовательно, применение языка-посредника должно не «заслонять» второй иностранный язык, а, наоборот, оказывать незаметное содействие изучению и преподаванию этого предмета. В свете сказанного нельзя не согласиться с выводом С.Н. Казимировой: «Искусственное изгнание языка-посредника из учебного процесса, на наш взгляд, способно не только существенно снизить мотивацию и замедлить прогресс обучающихся, но и сделать содержание занятий скучным, менее интересным, а иногда даже вызывать у обучающихся состояние фрустрации» [5, с. 51].

Итак, в работе с устными и грамматическими темами, по нашему мнению, допустимо ненавязчивое присутствие русского языка. Ниже приводятся виды упражнений, которые предполагают присутствие языка-посредника.

В рамках темы *'Health'*, на которую в учебном семестре выделяется 38 часов, студентам предлагаются разнообразные упражнения из учебных пособий и интернет-ресурсов, в которые тем или иным способом вовлечен и язык-посредник. Так, на первом занятии

для разминки речевого аппарата была выбрана скороговорка: *'When a doctor doctors a doctor, does the doctor doing the doctoring doctor as the doctor being doctored wants to be doctored or does the doctor doing the doctoring doctor as he wants to doctor?'* [1, с. 39]. Вначале студентам показалось, что данная скороговорка, представляющая цепочку из повторения одного и того же слова, выраженного разными частями речи, лишена всякого смысла, однако переведя это выражение на родной язык, они убедились в обратном: «Когда врач врачует врача, врачует ли врачующий врач врача так, как врачующий врач хочет быть врачующим; или врачующий врач врачует врача так, как врачующий врач хочет врачевать врача?» Таким образом, именно перевод речевой зарядки на родной язык облегчил студентам быстрое запоминание и заучивание скороговорки.

На следующем этапе занятия учащиеся осваивали новые слова по уже указанной теме с привлечением *Everyday English* под редакцией Т.Ю. Дроздовой [6]. В частности, студенты ознакомились со следующими подразделами: *human body, the skeleton, the face, the internal organs, complaints, diseases, diagnosing and treatment, medicines, the doctor, hospital, at the dentist's*. В книге *Everyday English* лексические единицы на английском языке сопровождаются переводом, а в отдельных случаях – транскрипцией: *whooping-cough* ['hu:piŋ 'kɔʃ] – коклюш [6, с. 184]. Для более сильных студентов группы подобная подача лексического материала может иметь негативный эффект: снижение мотивации, упрощение работы как в аудитории, так и дома, отсутствие необходимости в работе со словарем (поиск перевода слова или словосочетания). Однако для слабых студентов подобный вариант работы над темой, наоборот, может послужить мотиватором, что в результате приведет к повышению мотивации и улучшению знаний благодаря родному языку. Если слабый студент не понимает слова, предложения или целого текста, он не способен обсуждать и анализировать изучаемый материал. Следовательно, нельзя однозначно сказать, стоит ли на этом этапе привлекать язык-посредник. Для решения подобной задачи, по нашим наблюдениям, необходимо изучить, каких студентов в учебной группе больше – слабых или сильных, и в зависимости от этого решать, давать ли дефиниции к словам на английском языке, побуждая студентов самостоятельно искать перевод или использовать уже готовые списки слов с переводом, как это сделано в учебном пособии *Everyday English*.

После изучения и закрепления нового вокабуляра в упомянутом учебном пособии студентам предлагается выполнить ряд упражнений, осуществляя это, в основном, с опорой на русский язык, например, в одном из упражнений сделать письменный перевод об истории болезни человека с русского языка на английский, подобрать английские эквиваленты к словам и словосочетаниям, а также перевести диалоги с русского языка на английский. Работа в парах или самостоятельная работа проходит быстро, сплочен-

но и результативно. Все названные виды упражнений вызывают у учащихся неподдельный интерес и стимулируют их к интенсивной умственной деятельности на занятии.

Следует отметить, что, выполняя письменный перевод, более слабые студенты допускают определенные грамматические ошибки: неверный порядок слов в предложении; опущение артиклей или выбор неподходящих; неверное использование предлогов, неправильное указание времени глагола.

На заключительном этапе занятий студентам предлагались другие формы работы. Так, на одном из этапов студентам была рекомендована разработка песни *'In the Shadows'* группы *Rasmus*. Выбор данного музыкального произведения для занятия объясняется, во-первых, возможностью потренировать аудитивные навыки, во-вторых, наличием активной лексики по теме *'Health'* и, в-третьих, возможностью повторения ряда грамматических категорий. После прослушивания песни студенты успешно справились с аудированием, сделали несколько упражнений на тренировку лексики и грамматики. Однако для разъяснения смысла песни им потребовалось перевести текст песни на русский язык. В результате детального рассмотрения данного этапа занятия был сделан вывод, что подобные задания на продолжающем этапе обучения второму иностранному языку являются трудоемким процессом: детальная работа с песней отнимает большое количество учебного времени аудиторного занятия, не может осуществляться без пояснений преподавателя и привлечения родного языка. Следовательно, ключевая роль языка-посредника состоит в раскрытии смыслов. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на каждом этапе обучения иностранному языку важно обращаться к родному языку – как для сравнительно-сопоставительного анализа двух языков, так и для лучшего понимания и запоминания изучаемого материала.

Еще одно задание на проверку лексического материала с помощью флеш-карт по теме *'Health'* также предполагает обращение к русскому языку. По мнению Н.Ю. Бирюковой, данный метод «помогает установить непосредственные связи между конкретным словом и его образом», «он также способствует произвольному и более быстрому запоминанию материала» [3, с. 65]. На одном из заключительных занятий по теме *'Health'* каждый из студентов получил по десять карточек, на которых значились слово и предложение с этим словом на русском языке, а с обратной стороны, соответственно, – на английском. Например, «тошнит» – «*Меня стошнило, потому что я заболел*» (*'vomit' – 'I vomited because I was sick'*). Использованная карточка была направлена на проверку знания перевода двух глаголов – *vomit* и *sick*. Язык-посредник помог выявить, насколько глубоко и правильно студент усвоил наиболее употребительные слова по изучаемой теме.

Заключение. На основании всего вышеизложенного, можно утверждать, что обращение к языку-посреднику делает занятие более интенсивным и эффективным. На среднем этапе обращение к языку-посреднику является методически обоснованным и целесообразным на протяжении всего занятия. К тому же использование учебных пособий российских авторов содействует этому, поскольку они составлены таким образом, чтобы студент так или иначе соприкасался с языком-посредником. Язык-посредник является также существенной составляющей психологического климата занятия. Ведь одно только осознание студентами того, что в случае необходимости они могут обратиться к родному языку, благоприятно сказывается на ходе занятия и его итогах.

Тем не менее для более сильных студентов обращение к языку-посреднику не всегда является разумным решением, тогда как для слабых студентов, напротив, язык-посредник становится существенным подспорьем при изучении второго иностранному языку.

Литература

1. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
2. Atkinson, D. The mother-tongue in the classroom: a neglected resource? / D. Atkinson // *ELT Journal*. – 1987. – № 4. – P. 241–247.
3. Бирюкова, Н.Ю. Роль визуализации в обучении иностранному языку: мнемонический метод использования флеш-карт / Н.Ю. Бирюкова // *Образование. Карьера. Общество*. – № 2(34). – 2012. – С. 65–68.
4. Осинцева-Раевская, Е.А. Роль и место родного языка при изучении русского языка как иностранного / Е.А. Осинцева-Раевская // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. – 2014. – № 5. – С. 96–102.
5. Казиминова, С.Н. Язык-посредник в преподавании иностранного языка / С.Н. Казиминова // *Филология и лингвистика*. – 2017. – № 1. – С. 48–51.
6. Дроздова, Т.Ю. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника / Т.Ю. Дроздова, А.И. Берестова, М.А. Дунаевская. – СПб.: Антология, 2010. – 592 с.

Поступила в редакцию 01.10.2019

Сравнительная характеристика цыганских диалектов / говоров балтийской языковой семьи цыган (ромов)

Калинин В.И.

Лондон (Великобритания)

В лингвистической литературе по изучению языка балтийской цыганской (ромской) языковой семьи отсутствуют работы по цыганским диалектам / говорам данной языковой группы, в особенности диалектам Латвии, Эстонии и Польши. В статье подробно представлены специфические отличия диалектов и говоров, которые не были отражены в литературе и могут вызвать затруднения у ученых.

Цель исследования — определение наиболее типичных и важных точек дивергенции диалектов внутри балтийской цыганской (ромской) языковой семьи.

***Материал и методы.** Материалом послужили полевые записи и наблюдения, имеющиеся публикации, их описание, сравнение и итоговый анализ.*

***Результаты и их обсуждение.** Описание и исследование выделенных моментов дальнейшего расхождения балтийских цыганских диалектов показало, что современная политическая ситуация между ЕС с одной стороны и Беларусью и Россией с другой стороны способствует этому лингвистическому расхождению и усугубляет проблемы обыкновенного общения внутри балтийской цыганской (ромской) языковой семьи.*

***Заключение.** В связи с установлением государственных границ между Европейским союзом (Литва, Латвия и Эстония) и Беларусью, Россией прекращение изучения русского языка в странах Балтии заметно ускорило процесс дивергенции между близкими и даже тождественными диалектами внутри балтийской цыганской (ромской) языковой семьи.*

***Ключевые слова:** балтийские цыгане, роды / кланы / титулы, фонетика, лексические этические различия, инфинитив, грамматическая дивергенция, санскритско-индуистские особенности, соплеменники из Уэльса, Германии, Финляндии, общая дивергенция, усугубление общения.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 150–158)

Comparative Characteristics of the Romani Dialects / Subdialects of the Baltic Romani Language Family

Kalinin V.I.

London (Great Britain)

The Baltic Romani linguistic family literature lacks studies of the Romani dialects / subdialects of this language group especially of the dialects of Latvia, Estonia and Poland. The paper presents specific distinctions of dialects and subdialects which were not reflected in research and can cause researchers' difficulties.

The research goal is to track down and define the most typical and important occurrences of divergence within the Baltic Romani language family.

***Material and methods.** Field work recordings and observations, available publications, analytical description, comparison and overall analysis were the research material.*

***Findings and their discussion.** The analysis and description of the observed points of the further deviation examples showed that the modern political situation between the EU on one side and Belarus and Russia on the other side with a ban on free movement contributes to further linguistic divergence and makes verbal and social misunderstanding in contacts worse between once similar dialects within the Baltic Romani language family.*

***Conclusion.** Due to the setting of state borders between the EU (Lithuania, Latvia and Estonia) on the one hand and Belarus, Russia on the other hand, cessation of learning the Russian language obviously accelerated the process of deviation between close and even identical dialects within the Baltic Romany language family.*

***Key words.** Baltic Roma, tribes / clans / titles, phonetics, lexical ethic difference, infinitive, divergence in grammar, Sanskrit-Hindu peculiarities, co-tribesmen from Wales, Germany and Finland, overall divergence, worsening of personal contacts.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 150–158)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kalininvalemar@yahoo.com — В.И. Калинин

Наше исследование не имеет специальной лингвистической задачи, а является языковедческим дополнением в нашем стремлении более полно рассказать о цыганах балтийской языковой группы. Этим и определяется основная цель исследования, которое вызвано следующими причинами:

– отсутствием компетентных лингвистических исследований по цыганским диалектам / говорам балтийской языковой группы, в особенности диалектам Латвии, Эстонии и Польши. Отдельные публикации в этой области, время от времени появляющиеся на свет, только усугубляют ситуацию, поскольку чаще всего лишены серьезной языковой базы и не получают признания среди носителей языка, которым такие исследования кажутся опасными. При этом некоторые цыгане насмеваются над опрашиваемыми, специально дают самые нелепые ответы на вопросники, в связи с чем подобные исследования оперируют отвлеченными примерами из якобы цыганских диалектов на базе записанных, искусственно смешанных образцов цыганско-нецыганских разговоров;

– несомненной трудностью для возможных исследований в данном направлении выступает и общая «недоговоренность» этнографов о самом феномене балтийских цыган, которых чаще всего огульно отождествляют только с цыганами стран Балтии: Литвы, Латвии и Эстонии. Обычно они упоминаются как цыгане России, Беларуси и только эпизодически Польши, хотя и те, и другие являются представителями балтийской языковой группы;

– заблуждением, возникшим и существующим на западе Европы относительно этнического состава европейских цыган: живущие во всех европейских странах цыгане-кэлдэрари считают себя «единственными цыганами», тогда как на самом деле они представляют только часть европейских цыган. В действительности же, кроме кэлдэрарей, европейские цыгане являются носителями других разнообразных *некэлдэрарских* (*влашских*) цыганских диалектов и культурно-исторических норм. В нашем случае это цыгане балтийского, немецкого и финского языковых диалектов *агро* (*agro* – *Romani*: уэльские *Калэ* (*Welsh Cale*) и английские *Романичал(в)з* (*English Romanichal(v)s*);

– необходимостью уточнения информации о цыганских говорах Польши – в современной литературе о цыганах мы не найдем и намека на принципиальное отличие диалекта польских *цыган-плюняков* от других польских ‘низинных цыганских диалектов, а между тем следует говорить о сходстве этого диалекта с диалектом немецких цыган «синти» и «флюков», бывших жителей Восточной Пруссии, предки которых проживают сейчас в ареале Литвы и Калининградской области.

Материал и методы. Материалом послужили полевые записи и наблюдения, имеющиеся публикации, которые подробно представлены в итоговом списке литературы, их описание, сравнение и итоговый анализ.

Результаты и их обсуждение. Мы представляем, что диалекты балтийской цыганской семьи стали появляться после исхода цыган с территории Речи Посполитой.

За исходную точку рассмотрения мы берем цыган Беларуси¹: в силу центрального географического расположения внутри всего ареала проживания цыган балтийской группы, а также в связи с наиболее явным влиянием славянских, балтийских и немецкого языков окружающего населения, среди которого выкристаллизовались группы балтийских цыган. Мы не будем давать полного обзора сходства и различия, но остановимся на тех специфических отличиях диалектов и говоров, которые не были отражены в литературе и могут вызвать затруднения у исследователей и читателей немногочисленной литературы на говорах / языках балтийской языковой семьи цыган (*романэс*).

Внутри самих этих племен (кланов) балто-славянской группы наблюдаются также некоторые незначительные различия в языковом плане. Эти различия объясняются разной степенью влияния окружающих языков, особенно немецкого, польского и русского, а также отличием в плане родового традиционного занятия, которое в свою очередь породило различный уровень отношений с окружающим населением, вылившийся в разный уровень контактов как с представителями цыганского клана, отдельными соплеменниками, так и нецыганскими представителями деловых кругов.

Рассмотрим классификационную таблицу говоров балтийских цыган, которую можно составить на материале анализа цыганских родов и кланов, проживающих в Беларуси как исходной точке в центре функционирования цыганских диалектов балтийской языковой группы, и в сравнении с говорами цыган Польши, Литвы, России, а также Латвии, Эстонии, Калининградской области и балтийских цыган, осевших в северной Украине, Казахстане и Средней Азии, бывших русских цыган из Харбина (Китай).

ФОНЕТИКА

В плане произношения все диалекты можно подразделить на 5 групп:

а) диалекты / говоры с идентичной фонетической системой языку / языкам окружающего населения: польский (*низинно*) – в их произношении даже отсутствуют типичный для всех других балтийских цыганских диалектов, а также белорусского, украинского, словацкого и чешского заднеязычный, фриктивный звук «г», все шипящие, мягкие и т.д.;

б) диалект / говоры, произношение которых частично совпадает с произношением окружающего населения: белорусско-литовский, польско-литовско-белорусский, белорусско-украинский, литовский, прусский, латышский и эстонский диалекты;

¹ Позволим себе повториться, что в широком плане цыган Беларуси можно назвать белорусско-литовскими цыганами, так как в языковом отношении они почти не отличаются от цыган южной и восточной Литвы. Исторически и этнически они связаны с так называемым балто-славянским ареалом, что позволяет употреблять также термин «балто-славянские цыгане».

Классификация говоров балтийских цыган

Диалект	Племена (родовые кланы) и их титулы	Место проживания
Северорусский (стандартный письменный с 1926 г.) диалект	Руска (Расейка) Рома; Бобры, Вешытка, Расейцы, Сяки, Сибиряки, Тобояки, Уральцы, Шамхайцы	Россия, Беларусь, Казахстан, Украина, Средняя Азия, Монголия, Китай, страны Балтии
Среднерусский диалект	Руска (Расейка) Рома, Бобры	Брянская, Орловская области России; Черниговская и Сумская области Украины
Польский (низинно) диалект ²	Вармияки, Венгры, Дьяки, Галицыяки, Зависяки, Лешаки, Мартины, Паховяки, Ягеляни	Польша, Литва, Беларусь, Казахстан
Прусский диалект	Пруситка Рома, Плюняки, Флюки	Калининградская область России, Польша, Литва
Южно-балтийский диалект	Гомельцы, Магары, Муканы, Синяки, Чернобыльцы	Беларусь, Украина, Россия
Ливонно-карельский диалект	Рома Ливонцы ³	Санкт-Петербург, Карелия (последние носители вымерли в 1992–1997 гг.)
Литовский диалект	Брази, Бучки, Валюки, Гельбуты, Ежуки, Калуги, Лянки, Литвакирэ Флюки	Калининградская область России, Польша, Литва, Латвия, Беларусь
Латышский диалект	Лотфитка Рома (Чухны): Видзэмяки, Курзэмяки	Латвия, Литва, Эстония, Швеция
Эстонский диалект ⁴	Эстонска Чухны / Лалоритка Рома	Эстония, Латвия, Россия
Белорусско-литовский	Балтруки, Борисы, Берники, Виленцуки, Липенцы, Минчани, Филянты, Пинчуки, Партизаны (Фандари), Чернобыльцы, Прахитка	Север Украины, Беларусь, Литва, Польша
Литовско-польский	Бежанцы, Литовцы, Халадытка из Польши	Литва, Польша, Беларусь

в) диалект / говоры, произношение которых значительно отличается от языков окружающих народов: северорусский и ливонский диалекты. Так, самым употребительным гласным звуком в речи цыган этих диалектов является открытый звук «э» (который отсутствует в русском), а шипящие звуки [х, ц, ш] всегда твердые, отсутствует мягкий «шц» и т.д.;

г) литовские и некоторые польско-литовско-белорусские говоры в словах с позицией -ав(ав): лава / лав произносится: лоўва / лоў, что показывает белорусское влияние;

д) латышский (чухно) и эстонский (лалоритко) диалекты имеют долгие и краткие гласные и ударение, как правило, на первом слоге.

ЛЕКСИКА

В области лексики и словарного запаса можно говорить приблизительно о 71% сходства пласта индо-иранской лексики во всех 10 диалектах балтийской языковой группы *романэс*. Остальной словарный запас представляют в разной пропорции заимствования из греческого, немецкого, польского, русского, белорусского, латышского и других языков. Но каждый диалект имеет свои выражения. Вот они:

– северорусский диалект: *лоло мачхо* (лосось), *патрjáри* (портфель), *матрjáри* (метрики), *патрjика* (тетрадь), *вастáрька* (сумочка на плечо), *сылтáри* (сундук), *нуклó* (боб), *дандалj* (кукуруза), *кхасýтко* (сеновал), *пхурт* (мельница) и т.д.;

– польский (низинно или низинный): *círo* (время), *rukħ* (дерево), *pherdó* (блузка, свитер), *kambána* (часы на цепочке), *kúla* (яма, отверстие), *khéltra* (подвал), *te rakhelpe* (встречаться), *pahlýn* (роса), *sygní* (такси), *fího* (зверь) и т.д.;

² Имеются в виду все польские цыгане, кроме представителей диалекта 'Плюняки / Плюны', старшее поколение которых разговаривает так, примерно как немецкие 'Синти'.

³ Последние носители этого диалекта вымерли в конце 1990-х гг., поэтому молодое поколение называет себя или карельскими, или финскими цыганами.

⁴ Исконно эстонские цыгане 'лааусика Рома' были расстреляны эстонскими фашистами в 1941 г. Все современное цыганское население Эстонии – это, как правило, приезжие цыгане «чухна» из Латвии, а также халадытка / фандаритка – цыгане из восточной Латвии, Ленинградской и Псковской областей. Поэтому мы можем говорить о тождественности латышского диалекта «чухно» и эстонского «лалоритко». Последний термин носит просто исторически традиционный характер, поэтому в аспекте языка мы будем употреблять название латышско-эстонский (чухно) диалект.

– белорусско-литовский: *труюны́* (юбка), *прастыб-ны́тко* (машина), *традуны́* (такси), *санэ-гэры́тка* (носки), *кхуды́* (сеть для ловли), *морды́* (швабра), *паясли́* (лодка / паром), *ризи́л* (пила), *чхурны́* (коса *инструм.*) и т.д.;

– польско-литовский: *kuri* (ковёр), *te javel de stac* (мочь, быть в состоянии), *brifo* (доверенность), *fuksa* (ножовка) и т.д.;

– прусский: *skamús* (стул), *fiho* (зверь), *mólno* (дорогой), *gorhófa* (кладбище) и т.д.;

– белорусско-украинский: *фирла́го* (бурак), *мохто́* (чемодан), *кхудо́* (корзина), *му́рсы* (кладбище), *ко́нко* (колышек), *кло́пи* (веснушки), *баху́рка* (ласточка) и т.д.;

– ливонский: *хич* (сковорода), *кунь* (час), *ви́рингли* (семена), *ва́хта* (час, время), *мулыкано́* (гроб), *бэша́дэ* (валюта) и т.д.;

– латышский (чухно): *saik* (всегда), *vágo* (до того, раньше), *nín* (также), *namírja* (налог, подать) и т.д.;

– эстонский (лалоритко): *kúgo* (корабль), *barkán* (томат), *gindlý* (книга) и т.д.;

– литовский: *korig* (поздно), *duv́a* (молитва), *féni* (только), *stěčka* (очередь), *dávato* (монах / монахиня), *kolón* (дворец), *džip* (остров) и т.д.

Следует обратить внимание на разницу в религиозной лексике. Так, выражение **молиться Богу** польские цыгане передают как *тэ мангэспэ Дэвлэскэ* (дат. падеж), другие используют только форму «*тэ мангэс Дэвлэс*» (род. падеж досл.: «молить Бога») – это, как правило, цыгане России, Беларуси и Латвии.

Католики называют свой костел «*khangiri*», а православный храм «*цэрква*», православные же чаще называют эти культовые здания одним словом «*кхангирй*». Более того, одним словом они обозначают и сооружения других религий (магометанской, индуистской).

Классово-этнические различия имеются в значении и этническом отношении к специфическому значению некоторых слов. Так, слово *халадо́* (солдат) в сознании северорусских цыган сразу приводит к производному слову *халадыбэ́н* (армия, войско), в то время как уже в говорах Беларуси это слово приобретает два значения: *солдат* и *старообрядец – русский*.

Но если мы продвинемся дальше в страны Балтии и Польшу, это же слово *халадо* уже означает или *полицейский*, или любой *русский человек*, а также **всякий человек** из бывшего СССР среди местных цыган.

Выражение **выйти замуж** вызывает некоторое непонимание и смех среди цыган вышеупомянутых народов. Так, в России и Беларуси местные цыгане используют выражение *тэ джас палором*, дословный перевод которого означает *идти сзади мужа*; у латышских цыган это выражение *тэ джас пал ромэстэ*, дословный перевод – *следовать (идти) за мужем (цыганом)*. Для вышеупомянутых групп цыган бывшего Советского Союза это же выражение из уст польских цыган *тэ лэл ромэс* (*te lel romes*) (дословно *взять мужа*) вызывает усмешку и недоумение.

Интерес представляет пестрое расхождение в выражении «быть/являться/становиться кем-то», «работать

в качестве...». Так, носители северорусского цыганского диалекта, представители некоторых поддиалектов белорусско-литовского диалекта используют инструментальный падеж: «мэ сомас пхурэдырэса» (Я был боссом). Цыгане, говорящие на поддиалектах польского (*низинно*) диалекта, некоторых поддиалектов белорусско-литовского диалекта и литовского диалекта, как правило, употребляют именительный падеж: «мэ сомас пхурэдыро». Носители латышско-эстонского диалекта «чухно» и некоторые цыгане из польского (*низинно*) диалекта используют дательный падеж: «мэ сомас пхурэдырэскэ».

Удивление и смех вызывают и другие глаголы: **бе-жась** (*тэ прастас / тэ нашэс*), **течь** (*тэ пхадэл / тэ нашэл*), **есть сполна** (*тэ подхас / тэ хал чалэс*), **идти** (о фильме, концерте) – (*тэ джал / тэ нашэл*), **лететь** (*тэ урняс / тэ фрувинэл*), **встречаться** (*тэ дыкхэспэ / тэ раххэлэ*), **нравиться** (*тэ явэл пир ило, тэ камэл / тэ волинэл*), **запрягать** (*тэ дэс андрэ / тэ урьел грэс* – досл.: **одевать коня**), **раздеваться** (*тэ росчхувэспэ, тэ розурьспэ / тэ сурьес урибэн*), **двигаться** (*тэ кхарэспэ / тэ рушэнэлэ*), **ругаться** (*тэ кошэспэ / тэ чингардэспэ*), **ставить** (*тэ чхувэс / тэ тховэл*), **жить** (*мэ дживэс / тэ бэшэл* – досл. «сидеть»), **ткать** (*тэ курэс*) и т.д. Все эти слова вызывают различную реакцию у разных представителей.

Также следует упомянуть и этическое расхождение в употреблении отдельных существительных и производных от них прилагательных: *хив / хев* (дыра / нора), *биб́и* (тетя), *бэ́нг / н́алачхо* (дьявол), *дзар* (шерсть на животных), *драб* (лекарство / наркотик), *пхурдыны́ (-и)* (поезд / машина / астматик), *бузно* (козел / еж, нецыган), *джужэл* (собака / полицейский), *ди* (душа / сердце / живот), *вурал́и* (железная дорога / машина / поезд / вагон), *пэ́гэнд* (орех / пуля / дробь), *кира́л* (творог / сыр / тайна), *якх* (глаз / очко / свидетель / бусинка алмазная) и т.д.

Наблюдается различие и в употреблении выражения **стоит, сколько стоит**. В большинстве диалектов используется выражение «исын мол» (стоит) и производное «кицы мол» (сколько стоит) во всех диалектах, кроме польского: вот как здесь звучит: *kicy kerél?* (досл.: «сколько составляет, сколько стоит?»).

Существует довольно пестрая картина при обозначении времени и понятия **час**. Так, говоры русского диалекта применяют слово *кашт* (палка, дерево) или *мардо* (пробитый, рубль). Полное же выражение **сколько времени** звучит так: *Кицы кашта́ (мардэ) исын?* / *Кицы часы исын аканá?*

В белорусско-литовском диалекте используются как цыганские слова *кашт*, *мардо*, так и заимствование из немецкого *штунда* (*штундя*). Полное выражение **сколько времени**: *ци́ бут исын акана?* – *Ци́ бут часо́ (часы) исын аканá (какана)?* – *Кицы часо́ (цы́ро) исын аканá?*

Немногочисленные носители ливонского диалекта выражают данный вопрос тремя путями: *Кицы куня́ (тундры) исын акана?* – *Саво́ цы́ро исын акана?* – *Сави́ ва́хта исын акана?*

В польских поддиалектах это выражение звучит так: *Kicy ciro isy akana?* – *Kicy štundy (hodini) isy akana?*

Носители литовского диалекта спрашивают время так: *Ci but vriemĩa isy akana? – Kici ėasy isy akana? – Kicy vahta isy?* (лит. флюки).

В латышско-эстонском диалекте этот вопрос выражается следующим образом: *Kicy (k) zvonos isy (n) akana? – Isy (n) but zvonos?*

ГРАММАТИКА

Шесть говоров (поддиалектов) – северорусский (*расейко*), польский (*низинно*), белорусско-литовский (*балто-славянский*), польско-литовский (*халадытко*), литовский и латышский (*чухно*) – **более или менее различаются в грамматическом плане.**

Четыре говора (поддиалекта) – прусский, южно-балтийский, ливонский, эстонский – отличаются фонетически и лексически от своих соседей и имеют титулы, скорее всего, **историко-консервативного плана.**

Настоящее время

Все диалекты балтийской группы можно разделить по этому признаку на три группы.

1 группа состоит только из корневой основы (*мэ кэрав, мэ совав, мэ хав*): польский, прусский, южно-балтийский, литовский и некоторые носители польско-литовско-белорусского диалекта;

2 группа с суффиксом -а: *мэ кэрава, мэ совава, мэ хава*; все поддиалекты северорусского (*расейко*) диалекта, латышского и некоторые поддиалекты белорусско-литовского (*балто-славянского*);

3 группа (смешанного типа): *латышские диалекты* и некоторые поддиалекты белорусско-литовского (*балто-славянского*): *мэ кэрав* и *мэ кэрава*.

Хотя следует заметить, что форма «*мэ кэрав*» приобретает всё большее значение настоящего времени с эмфатической окраской.

Литовские же диалекты в первом лице имеют специфическую форму: *мэ кэрбу (те кербу)*.

Будущее время

Сложилось определенные различия в плане образования будущего времени:

а) оговори диалекты Беларуси и Латвии используют глаголы «*тэ лэс*» («*брать*») или *тэ огомэ лава тэ кэрав (тэ кэрэл), мэ явава тэ кэрэв (тэ кэрэл)*;

б) синтаксический при помощи окончания -а: *Мэ кэрава* (Польша и литовские диалекты). Но латышско-эстонский диалект «*чухно*» в первом лице имеет специфическую, краткую форму *mekēā*.

В сфере **глаголов с префиксами** все десять диалектов (говоров) можно подразделить на три главные группы:

– восточные – с русско-белорусской префиксацией **при, пири, пира**: белорусско-литовский, белорусско-украинский и северорусский диалекты;

– западные – с польской префиксацией **prze, pŕe (пшэ)** во всех позициях: польский (*низинно*), польско-литовско-белорусский (*халадытко*) в Польше и Литве, литовский диалекты;

– северные – со смешанной префиксацией: балтийской **aiz, at, nu**; балтийской и русско-белорусской

префиксацией: **при, nu**; латышско-эстонский (*чухно*), *фандаритко* (Латвии и Эстонии) и некоторые говоры литовско-латышского пограничья.

Встречается несколько различий в **родовом** оформлении существительных. Так, слова «вода» (пани), «язык» (чиб) в большинстве диалектов мужского и женского рода. Цыгане Польши употребляют эти слова в мужском роде.

Образование множественного числа некоторых существительных **женского рода** также различается внутри диалектов. Так, цыгане России и Беларуси произносят «дар» (дара), «чиб» (чиба), а в польских диалектах эти же существительные во множественном произносятся так: «дарья», «чибья».

В **притяжательных** местоимениях и словах латышско-эстонского «*чухно*» диалекта и некоторых говоров польского диалекта используются в отличие от других диалектов сокращенные формы: *дадэску кхэр, мамняки чхай*. В диалектах северорусского, польско-литовско-белорусского, белорусско-украинского и белорусско-литовского диалектов произносятся полные формы: *дадэскиро кхэр, мамнякири чхай*.

В относительных местоимениях большинства диалектов применяются формы: *вару-саво (вару-сави) – savó/ú – vari-savi, вару-савэ (savé)*.

В говорах польского диалекта роль относительного местоимения иногда подменяется универсальным словом **кай / kaj**. Пример: «-me dykhióm dalé čhavés, kaj phendia mange».

Прилагательные в именительном падеже в латышско-эстонском «*чухно*» диалекте имеют окончание «**и**»: *baru, tiknu*.

В области **инфинитива** мы можем выделить три различные группы:

– северная (латышско-эстонская) «*чухно*» группа и северорусские цыгане имеют управляемый по лицам инфинитив: *ту камэса тэ джас / tu kamesa te džas*;

– западная (диалекты Литвы и Польши) используют форму третьего лица как инфинитив: *ту камэс тэ джал (tu kameste džal)*;

– средняя: некоторые группы белорусских цыган на пограничье Беларусь–Украина, русские цыгане северо-восточной Украины применяют семантический корень глаголов: *ту камэс / at e джа (tu kames / a te džā)*.

В плане **глагольно-временном** только латышский (*чухно*) и северорусский диалекты сохранили все временные оттенки, в том числе аорист и имперфект в прошедшем времени. Отсутствуют формы аориста в большинстве говоров польского (*низинно*) диалекта, используется продолженно-сослагательная форма имперфекта: *те ракирэвас* (я говорил), *те рацирэвас* (я верил) и т.д. Но эта же самая форма имперфекта отсутствует в говорах белорусско-литовского (*балто-славянского*) диалекта, а применяется аорист: *те ракиридиом* (я говорил), *те рациадиюм* (я верил).

Все диалекты балтийской языковой семьи используют в **вопросительном предложении** союз «сб» (**что**),

а большинство носителей польского (*низинно*) диалекта произносят этот союз «хó» (**cho**).

В области **стилистики** можно определить общность для трех групп:

а) восточная – белорусско-литовский, северорусский, литовский диалекты, употребляющие, как правило, русско-белорусскую структуру;

б) западная – польский (*низинно*), польско-литовско-белорусский (*халадытко*);

в) северная – латышский (*чўхно*) и эстонский (*лалоритко*) диалекты.

Диалекты / говоры цыган балтийской языковой группы могут также дифференцироваться еще по одному лингвистическому признаку – наличию или отсутствию **личностного управления притяжательной частицы -ся (-пэ)**. Так, в латышско-эстонских диалектах / говорах «чухно», а также некоторых поддиалектах польских цыган эти частицы имеют личностные окончания. Например: *пхучав ман* (я спрашиваю), *пхучэс тут* (ты спрашиваешь). Во всех других диалектах балтийской группы используется **неизменяемая притяжательная частица «-ся» (-пэ)**.

Диалекты «чухно» и некоторые поддиалекты польских цыган также сходны и по признаку формирования **местного падежа (о ком? о чем?)**. Так, латышско-эстонский и некоторые польские говоры употребляют форму отглагольного инструментального падежа: *пхэнава лэстыр* (дословно – скажу от него). Диалекты же северорусский, польско-литовский, белорусско-литовский, литовский, южно-балтийский и ливонский либо предлог «*тал*», либо «*ваи*»: *пхэнава пал лэстэ* (дословно – скажу за него).

Следует отметить, что балтийские диалекты можно разделить по признаку **образования цели (для чего? с какой целью?)**. Так, восточная группа (северорусский, белорусско-литовский, литовский, латышский и эстонский диалекты) использует «*соб (собы) / каб*», а западная (польские диалекты и польско-литовско-белорусский диалект) – общепринятое цыганское выражение «*кай (kaj)*».

Другой пример конвергенции базируется на выражении «играть роль, кого-то имитировать». Так, северорусский диалект и некоторые поддиалекты белорусско-литовского применяют инструментальный падеж *ёв кэрдя пэс пхурыдэрэса*, другие же поддиалекты белорусско-литовского используют винительный падеж: *ёв кэрдя пэс пхурыдэрэс*.

Представители же латышско-эстонского диалекта «чухно» употребляют дательный падеж: *ёв кэрдя пэс пхурыдэрэскэ*.

В области **синтаксиса** большинство диалектов балтийской группы используют отрицательную частицу «*на / над*», *ничы / нисо*, в то время как в некоторых говорах польского диалекта применяют отрицательные «*мат/ма*» (*ma*) и «*чи*» (*ci*) – эти формы ближе к санскриту/хинди – ‘*ma/mat*’ и ‘*nahī*’: **на джа кокоро / ma dža kokoro > don't go by yourself**.

При выражении **утверждения «да»** диалекты балтийской группы имеют довольно разные формы выражения согласия: северорусский – *аи*, польский – *ува (ula)*, белорусско-литовский, литовский, белорусско-украинский – *ны/нэ* (с нисходящей интонацией), латышско-эстонский диалект «чўхно» – *ами (ami)*, *ва (va)*.

Наречия

В значении «**куда**» говоры цыган Беларуси и северорусские диалекты используют слово «*карик*» в значении «**куда**», в то время как у цыган Польши и Латвии это наречие «*карик*» означает «**откуда**» или выражение «о ком», «о чём». А направление «**куда**» переводится наречием «*кай*» (**где?**), а слово «*откуда*» в белорусско-литовском диалекте звучит как «*кацёр*» (*kacir*).

Модальные глаголы / Сослагательное наклонение

Все говоры / диалекты балтийской языковой семьи можно разделить на 4 группы в плане использования цыганами заимствованных и смешанных форм модальных глаголов. Они показывают **отношение говорящего к действию и оценивают его**.

В первую группу мы отнесем все варианты модальных выражений, показывающие **возможность, посильность, вероятность быть в состоянии что-либо делать**. Наиболее универсальным является выражение *тэ дэс рáда (te des ráda)*, употребляющееся во всех диалектах.

В северорусском диалекте используется видоизмененный глагол «**мочь**»: *ту могоинэса*. В диалекте белорусско-литовском мы уже находим еще два способа передачи этого смысла: *ту могоинэса / ту можынэса; тўкэ исын пир зор* (досл. тебе по силам).

Литовские говоры применяют комбинированное выражение: санскр. корень *ашты / асты* + цыганское окончание по лицу: *ту саштынэс / а*. Латышско-эстонский диалект «чухно» употребляет похожую форму – *tu vaštuvés / a*.

Некоторые говоры польского (*низинно*) диалекта употребляют выражение с глаголом «**быть**»: *тэ явэл (te yavel)* + заимств. слово «**стать**» (*stač*) – *te javel de (dre) stač*.

Есть небольшие различия и в формировании сослагательного наклонения для выражения **возможности пожелания**: носители северорусского, белорусско-литовского, литовского, латышско-эстонского диалектов используют заимствованную белорусскую кальку «**калі**» – *коли: коли ту явэса* (если ты придешь); иногда просто применяется русское «**если**», латышское «**ja**» в латышско-эстонском или польском «*jeżeli*».

Старшее поколение польского (*низинно*) диалекта оформляет это явление по-цыгански *so / ho / cho* (что); *so tu javesa* (дословно: что [если] ты придешь). При большей степени **вероятности** используется глагольная форма сослагательного наклонения «*javjanas tu*».

Менее эмфатическая форма применяет просто инфинитив в этом значении «**te javes tu...**» (пришел бы ты...).

В значении **разрешения, дозволения, невозбранения, позволения** картина в диалектах балтийской семьи более пестрая.

Так, в говорах польского (*низинно*) диалекта используется заимствование из немецкого «frej» (**можно, позволено**): *mange frej te džal* (мне позволено идти).

Другие диалекты применяют различные фонетически-локальные формы краткого прилагательного санскритского корня – *ashti* (**возможность, позволение**): *sašty / ašty / hašty / vašty* (белорусско-литовский, литовский, северорусский, ливонцы, латышско-эстонский диалект «чухно»). Например:

mángə sašty te džav / te džoy – б/л;
máŋgie sašty te džou / te džal – лит.;
mángə ašty / hašty te džav – русск. / ливон.;
me vašty te džav – лат. / эст. чухно.

Для передачи смысла **необходимость, долженствование, потребность ... следует ... вынужден** используются краткие прилагательные, заимствованные из белорусского и польского языков в значении **нужно, надо, нужно**: *трэби, трэй, čeba / čebi / čeb*.

В белорусско-литовском и русском диалектах местоимения должны быть в дательном падеже: выражение *мангэ трэй (трэби)* (досл. «мне нужно»), а в латышско-эстонском и польском диалектах употребляется с местоимением в именительном падеже *te čebi / te čeb /, te / mange tszczeba te džal* (польск. (низ.) диалект).

В этом же значении используют во всех диалектах, кроме польского, и производные глаголы от этих же корней: *мэ трэбинова, te čebisā*.

В белорусско-литовском и польском диалектах применяется заимствованный из польского производный глагол от «*musiet*»: *мэ мусинав / а* (бел.-лит. **я должен**): *te musinav* (польск.), *te musinoŭ* (лит.).

В польском диалекте также используется для выражения **крайней необходимости, обязанности** конструкция с выражением «**быть** (*тэ явл / te jawel*)», которая склоняется: *те сом те džal* (**мне необходимо идти**).

В русском же диалекте применяется прилагательная конструкция, образованная от прилагательного

банго / банги (виноват/-а; кривой/-ая): *мэ сом банго/и тэ джав (я обязан идти)*.

Существует различие и в образовании местоимения **каждый/-я**. Так, в литовском и латышско-эстонском диалектах это слово переводится заимствованием из сербско-хорватского *svako/sako*, а во всех остальных диалектах употребляется выражение, заимствованное из языков окружающих народов: *кажно / каждо; kažno / kažno (wszelko)*.

Определенный интерес представляют образование и употребление союза **потому что** в придаточных предложениях следствия.

Так, русский, белорусско-литовский, белорусско-украинский и литовский диалекты используют кальку из русского языка «*нал-дова со/нал-дова кай*». Носители польского (*низинно*) диалекта употребляют комбинированный предлог «*daleske kaj*»: изм. слова «*dava*» – «*daleske*» (дат. падеж) по аналогии с польским «*dlategoże*». Цыгане латышско-эстонского диалекта «чухно» оформляют это явление так: *vaš(o) odova, sir (ki)*.

При образовании **превосходной степени** прилагательных используется два способа: при помощи слова **само (самый / самая)** – *само баро (бари), само тыкно (тыкны)*; с частицей «**най**» – *най барэдыр, най тыкнэдыр*.

В цыганском предложении порядок слов свободный, он меняется в зависимости от логического ударения и личностного подхода к фразе.

Неопределенные формы от местоимений, прилагательных, союзов, наречий (кто-то, какой-то, где-то, что-то) образуются двумя путями:

1. Так, в русском, литовском, белорусско-литовском, белорусско-украинском и ливонском они формируются при помощи слова *вари (vari)*: *вари-кон, вари-саво, вари-кай, вари-со*.

2. В говорах польского (*низинно*), некоторых носителей латышско-литовского диалекта (*чухно*) при-

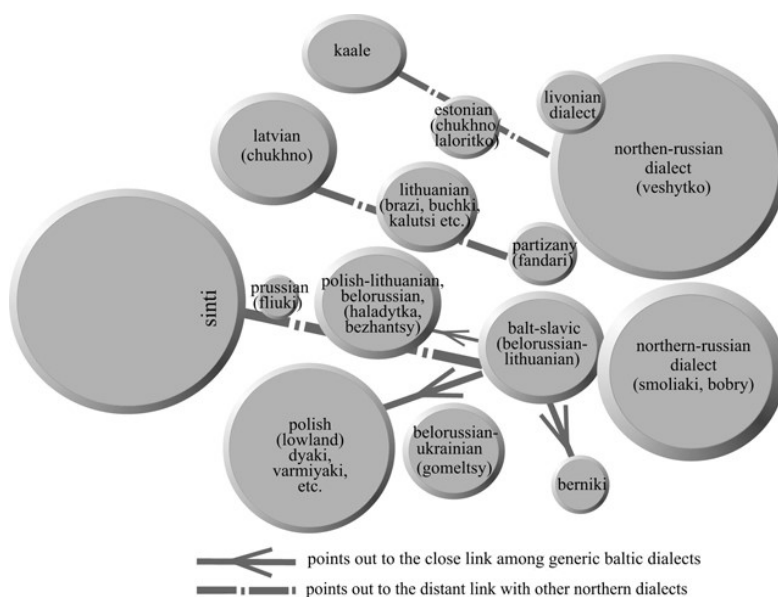

Рис. 1. Балтийские и близкородственные им диалекты цыганского языка

Рис. 2. Общая картина цыганских диалектов и поддиалектов Европы

меняются в тех же случаях слово *били* (*bili*): *bili-кон*, *bili-savo* (*-i*), *bili-kaj*, *bili-so* (*bili-ho*).

В польском (*низинно*) диалекте применяются только отрицательные выражения производной фразы «**нельзя, не могу, не в состоянии**»: *me naszty te...* В утвердительной форме «**могу, можно, умею**» используется славянское заимствование: «*me moginav*» или выражение «*me džinav*» во всех перечисленных оттенках сослагательного наклонения.

Артикли *о/э* употребляются, как правило, в эмпатическом значении во всех диалектах.

Отрицательное местоимение «**ничто, ничего**» только в польском (*низинно*) диалекте сохранило санскритско-индустскую форму «*chi*»: *me na moginav ci* (*či*). Во всех остальных диалектах применяется комбинированное слово **ничи**: **ни** – славянский союз + за-

имствованное из санскрита «*chi*»: *me na moginou niči* (лит. диалект), *мэ на могинав/а* **ничы** (бел.-лит. диалект). Иногда в том же значении используется также комбинированное слово «*нисо*»: *ни + со*.

Представим наглядно и схематично то, о чем мы говорили: рис. 1.

Заключение. Соотношение величин окружностей, указывающих на диалекты, отвечает соотношению количества говорящих на диалекте. Расстояние между окружностями определяет близость / дальность родства между диалектами (говорами). За исходный берется балто-славянский, поставленный нами в центр схемы.

Между цыганами балтийской языковой группы существуют стабильные лингвистические и экстралингвистические контакты, как и с цыганами соседних ареалов государств – Украины и Молдовы, в меньшей

степени с цыганами «синти» из Германии, Голландии, а также с цыганами «каалэ» из Финляндии.

Появились после распада СССР между ЕС и Беларусью, Россией границы, которые нарушили взаимодействие цыган балтийской группы.

Для более ясного определения процессов конвергенции цыганских диалектов (заметим, что в настоящее время подобная конвергенция приостановлена) очень важно показать взаимное соседство различных диалектов и говоров одной семьи на карте (рис. 2).

Так выглядит соседство балтийских цыган с другими единоплеменниками, как и с представителями других этнических и языковых групп – финской, немецкой, карпатской, украинской, владарской и балканской. Это разделение, разумеется, достаточно условно и взаимно перекрывает политические границы государств.

Что же важнее: территориальное проживание, влияние языка или же самоопределение? Скорее всего, важен жизненный уклад, более или менее подобный и приближенный к типичному для окружающих народов укладу или противоположный?

Если сравнить историю жизни балтийских цыган с их соплеменниками из Финляндии, Уэльса или Германии, можно отметить два сходных явления: для мужчин основным занятием было выращивание коней⁵ и торговля ими, в то время как в других семьях (в лашской, балканской, армянской) основным было какое-нибудь ремесло (лужение, плетение, гончарное дело, кузнечное ремесло). И музыка была и остается любительской, исполняется на скрипке и гитаре, аккордеоне и гитаре. Но вот, скажем, для многих цыган Венгрии, для цыган Чехии и Словакии или украинских «сэрвов» музыка являлась и является основным источником доходов. Это позволяет сделать вывод об общей прародительской истории цыган стран Балтии, России, Германии, Финляндии и Уэльса. Причем их появление в конце XV – начале XVI века в вышеуказанных странах явственно происходило через период проживания на территории Германии, перед тем, когда вышло антицыганское законодательство в 1497 году.

Следует также упомянуть роль непродолжительного по времени (1925–1938) периода Цыганского просвещения (Ромского Ренессанса), когда северорусский диалект играл роль стандартного, межгруппового языка как в общении, так и в образовании, литературе и на сцене для цыган бывшего СССР и до наших дней.

История пошла по-своему: Берлинская стена была разрушена, СССР завершил свое существование. Новые государства: Литва, Латвия и Эстония – спешно установили границы, прекратив свободное перемещение и общение. Помощь русского языка сгладилась.

Подробное исследование возрастающих примеров непонимания между родственниками молодого

поколения цыган, оказавшихся в разных государствах (в нашем случае цыгане ‘литовцы / литовская Рома’ в Литве и Беларуси), позволяет выдвинуть гипотезу о формировании разных микроэтносов из бывшего одного диалекта в течение этих прошедших 28 лет [1–22].

Литература

1. Sergievski, M. Cyganski jazyk / M. Sergievski. – M.: Central’noje Izdatel’stvo Narodov SSSR, 1931.
2. Ariste, P. Supplementary review concerning the Baltic Gypsies and their dialect / P. Ariste // Journal GLS. – 1964. – Vol. 43. – P. 58–61.
3. Kochanowski, Vania de Gila (Vania, Van’ka Petrov) Some notices on the Gypsies of Latvia / Vania de Gila Kochanowski (Vania, Van’ka Petrov) // JGLS. – 1946. – Vol. 25. – P. 34–38.
4. Matras, Y. Romani A Linguistic Introduction / Y. Matras. – Cambridge, 2008.
5. Rusakov, A. North Russian dialect: Interference in case system / A. Rusakov, O. Abramenko // Grazer Linguistische Studies. – 1998. – Vol. 50. – P. 109–133.
6. Manuss, L. Ciganu-latviesu-anglu etimologiska vardnica unlatviesu-ciganu vardnica / L. Manuss, J. Neilands and K. Rudevics. – Riga: Zvaigzne ABC, 1997.
7. Manuss, L. Romani chib abeca / L. Manuss. – Riga: Spiriditis, 1996.
8. Wentzel, T. Die Ziguener Sprache (Nordrussischer Dialekt) / T. Wentzel. – Leipzig: Enzyklopadie, 1980.
9. Ventcel’, T. Dialekty cyganskogo jazyka / T. Ventcel’, L. Cerenkov // Yazyki narodov Azii i Afriki. – M.: Nauka, 1976. – P. 283–332.
10. Miklosich, F. Über die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas X–XII / F. Miklosich. – Vienna: Karl Gerols’s Sohn, 1872–1880.
11. Tihovska, I. Ista Ciganu Muzika Autentiskums un etniskums / I. Tihovska. – Riga, 2016/2017.
12. Shapoval, V. Samouchitel’ cyganskogo jazyka / V. Shapoval. – M., 2007.
13. Kalinin, V. Zagadki Baltijskih Cygan / V. Kalinin. – Minsk: Logvinov press, 2005.
14. Kalinin, V. Belarus-Lithuanian (Balt-Slavic) dialect of Romani / V. Kalinin // 8th International Conference on Romani Linguistics, Russian Academy of Science. – SPb., 2008. – P. 40–41.
15. Ficowski, J. The Gypsies in Poland / J. Ficowski // Journal of GLS. – 1950. – Vol. 29, № 3–4. – P. 49.
16. Kalinin, V. Belaruskija cygany / V. Kalinin. – Minsk, 1990.
17. Kalinin, V. The Baltic Roma / V. Kalinin. – Aubervilliers, 1999.
18. Kalinin, V. Peculiarities in the functioning of the Baltic Romani dialects under the conditions of bilingualism and monolingualism in Eastern Europe / V. Kalinin // The 5th International Conference on Romani Linguistics. – Sofia, 2000.
19. Kalinin, V. БИБЛИЯПэ Балтитко Романи чиб (Романэс) = BIBLIJA, Baltic Romani Language / V. Kalinin. – Minsk: PRINTCORP, 2014.
20. Rishi, W.R. (Senior). Multilingual Romani Dictionary (Romani/English/Hindi/Russian) / W.R. Rishi (Senior). – India Chandigarh: Roma Publications, 1997.
21. Loya, J.V. O dialektie latyshskih cygan / J.V. Loya // Yazyki narodov Azii i Afriki. – M.: Nauka, 1976.
22. Vasilievski, N. Tsygansko-russkiy-slovar’ / N. Vasilievski. – Kaliningrad, 2013.

⁵ Допустимо говорить об удивительном родстве понятий и лексического объема словаря, относящегося к занятию лошадьми.

Рэпрэзентацыя традыцыйнасці і інавацыйнасці ў камерцыйным медыядыскурсе

Кавалькова Т.У.

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт», Мінск

Эксплуатацыя камерцыйнымі суб'ектамі ідэі прыхільнасці да традыцый ці інавацый выступае стратэгічным напрамкам маркетынгавай палітыкі сучасных камерцыйных арганізацый.

Мэта артыкула — выяўленне і апісанне языковай рэпрэзентацыі стратэгіі традыцыйнасці і інавацыйнасці ў камерцыйным медыядыскурсе.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі рускамоўныя і беларускамоўныя камерцыйныя медыятэксты прадпрыемстваў алкагольнай і піваварнай прамысловасці Рэспублікі Беларусь, размешчаныя ў перыядычных выданнях і інтэрнэт-публікацыях сучаснасці, з якіх метадам суцэльнай выбаркі былі вылучаны тэкставыя фрагменты з камунікатыўнай функцыяй «схільнасць да традыцыі» / «схільнасць да інавацыі». Разам з агульнанавуковымі метадамі выкарыстоўваўся метадавы дыскурс-аналіз.

Вынікі і іх абмеркаванне. Маніфестацыя стратэгіі традыцыйнасці рэалізуецца праз апелюючы да нацыянальных каштоўнасцей, сімвалаў, фальклору, настальгіі па мінулым. Для рэалізацыі стратэгіі інавацыйнасці выкарыстоўваюцца ўказанне на адпаведнасць сучаснаму ўзроўню развіцця эканомікі, канстатацыя першыства, падкрэсліванне ступені крэатыўнасці кампаніі. Пры стварэнні вобраза некаторых прадпрыемстваў назіраецца тэндэнцыя падкрэсліваць спалучэнне традыцыйнай накіраванасці з пэўнымі інавацыйнымі мадэлямі.

Заключэнне. У аснове камунікатыўных тактык, што выкарыстоўваюць прадпрыемствы, ляжыць апелюванне да эмацыйнай, аксіялагічнай сферы мэтавай аўдыторыі, яе жадання быць у мейнстрыме сучаснасці, выказваючы, такім чынам, лаяльнасць у адносінах да пэўных камерцыйных суб'ектаў. Моўныя сродкі (паўторы, сінтаксічны паралелізм, парцэляцыя, анафара, вобразнае параўнанне, увасабленне), якія выкарыстоўваюцца пры вербалізацыі ўказаных стратэгіяў, спрыяюць дасягненню прадпрыемствамі сваіх камунікатыўных намераў.

Ключавыя словы: традыцыйнасць і інавацыйнасць, камерцыйны медыядыкурс, языковая рэпрэзентацыя, моўныя сродкі.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 159–163)

Representation of Tradition and Innovation in Commercial Media-Discourse

Kavalkova T.U.

Educational Establishment “Belarusian State Economic University”, Minsk

The exploitation of the idea of closeness to tradition or innovation is used as the critical deciding factor for the marketing policy of the modern commercial organizations.

The purpose of the article is to detect and describe the language representation of the tradition / innovation strategy in commercial media-discourse.

Material and methods. The materials used in the course of the research are commercial media-texts used by the companies of the alcohol production and brewing industry of Republic of Belarus in the Russian and Belarusian languages, published in periodicals and on the Internet, text fragments picked by the general sample method with communicational function “leaning towards tradition” / “leaning towards innovation”. The discourse analysis method was used along with general scientific methods.

Findings and their discussion. The manifestation of the tradition strategy is implemented through appellation to national values, symbols, folklore and nostalgia. The means of innovation strategy realization are the demonstration of the current economy level, statements of being the first, underlining the company's creativity stage. Some companies show tendency to underline the combination of tradition-oriented but acutely innovative models in their image-making.

Conclusion. The basis of communication tactics which are used by the companies is made up of appellation to emotional, axiological part of the target audience, its desire to be mainstream here and now, showing this way its loyalty to certain commercial brands. Linguistic tools (repetitions, syntactic parallelism, parcellation, anaphora, figurative comparison, personification), which are used for verbalization of the aforementioned strategies, help the companies achieve their communicative objectives.

Key words: tradition and innovation, commercial media discourse, language representation, linguistic tools.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 159–163)

Галоўнай асаблівасцю сучаснага грамадства з'яўляецца медыятызацыя, абумоўленая тэхналагічнымі, цывілізацыйнымі і ментальнымі пераўтварэннямі [1]. СМІ аказваюць уздзеянне на грамадскасць праз трансліраваныя паведамленні, канструяваныя ў залежнасці ад вызначанай камунікатыўнай інтэнцыі. Перавагі пераконваючага ўздзеяння масавых камунікацый актыўна выкарыстоўваюцца суб'ектамі гаспадарання для падтрымання свайго публіцызмага капіталу [2]. Стварэнне ў грамадскай свядомасці неабходнага арганізацыі вобразу дасягаецца за кошт рэалізацыі пэўнай ідэі, якая выказваецца галоўным чынам моўнымі сродкамі [3]. Эксплуатацыя камерцыйнымі суб'ектамі ідэі прыхільнасці да традыцый ці інавацый выступае стратэгічным напрамкам маркетынгавай палітыкі сучасных камерцыйных арганізацый.

Ідэі традыцыйнасці і інавацыйнасці з'яўляюцца аб'ектамі міждысцыплінарнага даследавання, таму розныя аспекты дадзеных з'яў падрэзана апісаны ў культуралогіі (А.У. Вашчанка, Р.Р. Тактамышыава), сацыялогіі (А.А. Мішучкоў, М.М. Акуліч, А.У. Шчыпкоў), філасофіі (А.У. Стоўба, Н.С. Шчокін), педагогіцы (А.В. Галавін, Т.В. Ховіна), юрыспрудэнцыі (М.М. Бабаеў, Ю.Я. Пудавачкін, Я.Ю. Курышаў) і мастацтвазнаўстве (А.П. Дзеравянка, Т.А. Кануннікава). У цэлым у названых гуманітарных навуках дыхатамія традыцыйнасці / інавацыйнасці разглядаецца ў святле парогавайсці, інакш кажучы, інавацыя разглядаецца як натуральны вынік традыцыі, якасны скачок у развіцці чаго-небудзь для яго пераходу на новы ўзровень. У галіне эканомікі апісваецца мэтазгоднасць спалучэння традыцый і інавацый у мэтах мадэрнізацыі гаспадарчай культуры (А.В. Пабягуча). У філалагічных даследаваннях ідэі традыцыйнасці і інавацыйнасці апісаны ў кагнітыўным (І.Г. Сярова, Н.У. Чэрнікава) і лінгвакультуралагічным (А.М. Ямалетдзінава) аспектах, у той жа час лінгвісты не ўдзяляюць увагі прагматычнаму аспекту.

Мэта артыкула – выяўленне і апісанне моўнай рэпрэзентацыі стратэгіі традыцыйнасці і інавацыйнасці ў камерцыйным медыядыскурсе.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі рускамоўныя і беларускамоўныя камерцыйныя медыятэксты прадпрыемстваў алкагольнай і піваварнай прамысловасці Рэспублікі Беларусь (ААТ «Крыніца», холдынг «Мінск Крышталь Груп», які з'яўляецца асноўным прадстаўніком галіны, а таксама прадпрыемствы Саюзу вытворцаў алкагольных напояў – «Завод Бульбашь», «Белвінгруп», вытворчая кампанія «Сябры», «Мінскі завод вінаградных він»), размешчаныя ў перыядычных выданнях і інтэрнэт-публікацыях сучаснасці, з якіх метадам суцэльнай выбаркі былі вылучаны тэкставыя фрагменты з камунікатыўнай функцыяй «схільнасць да традыцыі» / «схільнасць да інавацый». Разам з агульнанавуковымі метадамі выкарыстоўваюцца метады дыскурсу-аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пад традыцыйнасцю ў нашым даследаванні ўслед за Х.Г. Гадамерам мы разумеем зварот да традыцыі, звыкласць, дзейнасць у сілу ўсталяванага парадку [4]. Выкарыстанне стратэгіі традыцыйнасці для прасоўвання беларускіх прамысловых прадпрыемстваў уяўляецца заканамерным. Па сцвярджэнні сацыёлага І.В. Катлярава, «з першых дзён незалежнасці Беларусі найважнейшай задачай узроўню дзяржаўнай палітыкі стала развіццё той вялізнай і бяспэчнай духоўнай і культурнай спадчыны, якая на працягу многіх стагоддзяў стваралася папярэднімі пакаленнямі нашых продкаў, а вяртанне да духоўных вытокаў народа і яго каранёў, да традыцыйных духоўных каштоўнасцей беларускі народ разглядае як арганічны, натуральны працэс росту нацыянальнай самасвядомасці» [5].

Маніфестацыя стратэгіі традыцыйнасці рэалізуецца праз апеляцыю да нацыянальных каштоўнасцей, заснаваную на важнасці застольных традыцый і культуры піцця для беларусаў, павазе да народнага мастацтва выцінанкі, нацыянальных сімвалаў, фальклору і беларускай мовы:

ОАО «Минск Кристалл» создал корпоративный календарь в стилистике белоруской «выцінанкі». Цэнтральны образ календаря – цвешчае лубочнае чудо-дрэва в корпоративных цветах, на котором растут яблоки, желуди, смородина, лекарственные травы, чьи корни питают традиции производства белорусских крепких напитков. Венчают сакральны дуб блюда, которыми согласно белорусским застольным традициям изобилует рождественский праздничный стол;

У кожнаго народа – свой путь, свои традиции. Но как же они красивы у белорусов. Хотите понять душу белорусов, послушайте, как они поют. Хотите разобраться в характере белорусов – посмотрите, как они работают;

«Бульбашь®» стала первой компанией в Беларуси, которая создала стикерпаки для Viber на белорусском языке с национальной тематикой.

Апеляцыя да нацыянальных каштоўнасцей рэалізуецца пры дапамозе шматлікіх паўтораў этноніма беларуский (белорусской «выцінанкі», белорусских напитков, белорусским традициям, душу белорусов, в характере белорусов, на белорусском языке), пералічэння нацыянальных фітонімаў (яблоки, смородина), выкарыстання сінтаксічнага паралелізму (хотите понять – послушайте, как они поют, хотите разобраться – посмотрите, как они работают).

Сімвал лубачнага дрэва арганічна ўпісваецца ў паняцце нацыянальных каштоўнасцей, бо лубачныя карцінкі першапачаткова былі разнавіднасцю народнай творчасці. Такія выявы метадам гравіравання наносіліся на луб, унутраную частку кары маладых лісцяных дрэў. Сам луб як матэрыял таксама асацыіруецца з простым народам, сялянамі, па прычыне таго, што менавіта з мякака ліпавага лубу, больш вядомага як «лыка», выраблялі лапці.

Падкрэсліванне значнасці традыцый у жыцці грамадства рэалізуецца ў наступным прыкладзе пры дапамозе парцэляцыі і анафары:

Традиции рядом с нами с самого начала. Традиции – красивые иллюстрации нашей жизни. Традиции словно солнце подогревают интерес к жизни. Традиции – наша духовная пища. Традиции, словно колесо, ходят по кругу. Традиции заставляют нас двигаться вперед. Меняются времена, но традиции остаются. Они подогревают ощущение жизни. Как бы далеко мы ни оказались от дома, традиции путешествуют вместе с нами. Они не требуют места в чемодане – они всегда в нашем сердце.

Роля традыцыі падкрэсліваецца вобразным параўнаннем (словно солнце, словно колесо, духовная пища, красивые иллюстрации) і ўвасабленнем (подогревают интерес к жизни, ходят по кругу, заставляют двигаться, подогревают ощущение жизни, путешествуют, не требуют места в чемодане).

Параўнанне піва з мёдам і слабаалкагольным ахаладжальным напоем звяртае ўвагу на традыцыйнасць гэтага напою і адначасова спрыяе нівеліраванню нанясення магчымай шкоды здароўю, звязанай з ужываннем алкаголю. Імпліцытным «дазвалам» ужываць піва з'яўляюцца намёк на элітарнасць дадзенага прадукту (*варили в усадьбах, напиток был любим шляхтой*), апеляцыя да аналогіі з працавітымі беларусамі, бо менавіта працавітасць традыцыйна лічыцца стэрэатыпнай характарыстыкай беларускага грамадства, надзяленне піва сакральнымі ўласцівасцямі (*святой, обрядовый напиток, для подкрепления и для бесед*):

Беларусь имеет свои богатые пивоваренные традиции и свой национальный вкус пива. Белорусское пиво по своей истории ничуть не уступает зарубежным «коллегам», наравне с таким старинным напитком, как мед. Традиционно пиво в нашей стране изготавливалось только верховой ферментации, обычно малой крепости, 2–3%, но употреблялось в значительных количествах, в какой-то мере заменяя охлаждающие напитки. Этот напиток довольно часто варили в усадьбах. Трудолюбивые белорусы любили после работы в поле сесть за общий, семейный стол и выпить прохладного, светлого и пенного напитка;

Пива в XVI–XVIII веках выпивалось очень много. Этот напиток был любим не только крестьянами, но и шляхтой;

«В поганской Жмуди пиво (*alus*) изготавливалось из ячменя и служило как святой, обрядовый напиток, для подкрепления и для бесед».

Акцэнт на пастаянстве і падкрэсліванне «сталасці» кампаніі ўказваюць на сувязь традыцыйнасці з часавым фактарам: *Немногие знают, что предприятие – ровесник «правильного» менделеевского напитка*, ОАО «Минск Кристалл» – *старейший* и самый крупный в Беларуси производитель ликероводочных изделий;

Все 125 лет своей истории «Минск Кристалл» находился на одном и том же месте, на нынешней Октябрьской, а ранее – на Нижне-Ляховской улице.

Так что мы – не просто старейшее, а, пожалуй, самое постоянное производство в стране;

Как бы ни меняла название эта улица в центре Минска в разные периоды истории города, *краснокирпичное здание, расположенное в самом ее сердце, оставалось практически неизменным*. Как неизменно и то, что здесь на протяжении *уже 125 лет производят высококачественный алкоголь*, известный далеко за пределами не только города, но и страны.

Перыфраз ровесник «правильного» менделеевского напитка адсылае адрасата паведамлення да 1865 г., калі Д.І. Мендзялееў абараніў доктарскую дысертацыю «Аб злучэнні спірту з вадою». На самай справе дачыненне навукоўца да вынаходства гарэлкі з'яўляецца міфам, якім аперыруе ў дадзеным выпадку ААТ «Крышталь». Вышэйшая ступень параўнання прыметніка (*старейший; не просто старейшее, а, пожалуй, самое постоянное производство*) узмацняе эфект перыфразы.

Звяртае на сябе ўвагу выкарыстанне прыёму аналогіі прадпрыемства з будынкам, у якім яно размяшчаецца (*краснокирпичное здание, оставалось практически неизменным*), і аналогіі прадпрыемства з яго лакалізацыяй («Минск Кристалл» *находился на одном и том же месте, на нынешней Октябрьской*), што разам з азначальным займеннікам *все*, які стаіць у прэпазіцыі да ліку, і прыслоўем часу *уже* падкрэслівае пастаянства (*Все 125 лет своей истории, уже 125 лет производят высококачественный алкоголь*).

Акцэнтаванне працягласці часавага адрэзку існавання прадпрыемстваў рэалізуецца праз апеляцыю да лічбаў, выкарыстанне акалічнасцей часу (*не первый год, вот уже который год подряд*), прыметніка внушительная, што назіраецца ў наступных прыкладах:

История предприятия «Лидское пиво» – внушительная. Уже 137 лет оно радует белорусов своими напитками европейского качества. Не первый год компания занимается восстановлением истории;

Вот уже который год подряд ОАО «Криница» показывает положительные результаты своей работы;

У 1876 г. лідскі мешчанін Носель Зелікавіч Пупко будзе піўны завод. Праз 140 год лідскі бровар пацвердзіць статус найстарэйшага з дзеючых піваварных заводаў Беларусі;

У дакументах Вялікага Княства Літоўскага бровары ўпершыню згадваюцца ў XVI стагоддзі.

Для надання вобразу кампаніі традыцыйнасці робіцца акцэнт на тым, што кампанія з'яўляецца неад'емнай часткай беларускага грамадскага жыцця. Для гэтага выкарыстоўваецца часціца *именно*, падкрэсліваюцца сувязі прадпрыемства з гісторыяй краіны (значымый участник белорусской истории):

Сложно представить, что были времена, когда в нашей стране Новый год отмечали без традиционной нарядной бутылочки «Советского шампанского» на столе. И именно с бокалом шампанского от Минского завода игристых вин миллионы людей встречают Новый год!;

Сегодня ОАО «МИНСК КРИСТАЛЛ» – не просто крупнейший в стране производитель алкогольной продукции, но также **значимый участник белорусской истории.**

Настальгія па мінулым бярэцца за аснову дасылкі да пэўнай гістарычнай эпохі, што таксама з’яўляецца спосабам выражэння традыцыйнасці. Указаная тактыка рэалізуецца праз прыём апеляцыі да дат:

12 отрывных открыток с рецептами укладываются в сувенирный конверт, который собирается из задней части календаря и остается на добрую память своему хозяину. Такие открытки были популярны в 70-е годы 20 века (маецца на ўвазе календар, выраблены кампаніяй «Бульбаш»);

На этот раз пивных ценителей ждет грандиозный подарок – возвращение легендарного пива «Лев»! Этот темный сорт варился на заводе «Криница» еще в 90-х годах. Некоторые до сих пор считают его любимым напитком того времени.

Для стварэння станюўчага вобраза разам з ідэяй традыцыйнасці камерцыйныя прадпрыемствы Беларусі таксама эксплуатауюць ідэю інавацыйнасці. «Інавацыі ўключаюць у свой склад не толькі тэхнічныя або тэхналагічныя распрацоўкі, але і любыя станюўчыя мадыфікацыі ва ўсіх сферах навукова-вытворчай дзейнасці» [6].

Для рэалізацыі стратэгіі інавацыйнасці выкарыстоўваецца тактыка ўказання на адпаведнасць прадпрыемства сучаснаму ўзроўню развіцця эканомікі:

Для улучшения органолептических характеристик продукции применяются **современные** способы обработки водок;

Внедрена **современная технология** подготовки воды питьевой, используемой для производства: обработки «черным» кремнием, шунгитом и серебром;

Особое внимание в ОАО «МИНСК КРИСТАЛЛ» уделяется **инновационным технологиям и современным технологическим приемам**, которые позволяют не только повысить эффективность труда, но и обеспечить стабильно высокое качество нашей продукции;

По уровню технической оснащенности наша компания сегодня не уступает многим мировым производителям. Все основные процессы на заводе **автоматизированы**;

В июне мы завершили первый этап **модернизации** цеха по производству спирта в Уречье, что позволило значительно снизить затраты и улучшить качество.

Каб прадэманстраваць, што прадпрыемствы алкагольнай прамысловасці Беларусі адпавядаюць цяперашняму часу, выкарыстоўваюцца ацэначныя прыметнікі (**современные** способы, **современная** технология, **инновационным** технологиям, **современным** приемам) і навуковая тэрміналогія (технология, технологический прием, техническая оснащенность, процессы автоматизированы, модернизация).

Каб прадставіць кампанію перад грамадствам як «наватара», як правіла, канстатуецца яе першынства ў чым-небудзь. Дадзеная тактыка матэрыялізуецца

парадкавым лічэбнікам *первый* і лексемамі са значэннем «інавацыйнасці»:

Благодаря внедрению современных технологий получили новые перспективные продукты и **первыми в стране освоили выпуск нового сорта «Альфа»**;

Знак **инновационности** принадлежит вам по праву, поскольку связь науки и ликероводочного производства осуществляется сегодня через «МИНСК КРИСТАЛЛ»;

Мы первыми в стране освоили производство яблочного, сливового дистиллятов, а также алкогольных напитков на их основе;

«Калекцыя Майстра» – **першая ў Беларусі** лінейка прамысловага крафта ад буйнога піваварнага вытворцы;

У Беларусі ўпершыню выпусцілі квас са смакам грушы ад Лідскага піва;

Кампанія «Лідскае піва» прадставіла на беларускім рынку **першы танізавальны напой, у якім няма цукру. Інавацыйны** прадукт DYNAMIT SUGAR FREE ў фармаце алюмініевай бляшанкі 0,25 л пачаў паступаць на паліцы гандлёвых кропак з 22 чэрвеня;

У папулярным месенджары Viber з’явілася **першае беларускае брэндавае кам’юніці**. Новую анлайн-пляцоўку для зносін са спажывальцамі адкрыў брэнд ЛІДСКАЕ®;

В эпоху начала рыночных отношений предприятие **первым в Республике Беларусь** начало выпускать пиво по лицензии. Завод **первым** получил международный сертификат безопасности пищевой продукции ISO 22000:2005.

Аб інавацыйнасці таксама можа сведчыць ступень крэатыўнасці камерцыйнага суб’екта. Менавіта гэтая яго якасць выкарыстоўваецца пры станюўчым пазіцыянаванні кампаніі:

Если бы мне кто-то сказал, что государственный завод настолько **открыт к экспериментам**, я бы не поверила в это просто. А на сегодняшний день на «Кринице» мы можем каждый день буквально работать над тем, чтобы **удивлять** пивной рынок, **экспериментировать и не бояться этого**. Проще было бы конечно варить 2–3 сорта и на этом все, но это скучно, **хочется чего-то нового, каких-то новых идей... Мы не боимся экспериментировать. Мы всегда хотим удивлять.**

Крэатыўнасць лексічна выражаецца дзеясловамі змены стану (экспериментировать, удивлять) і прыметнікамі ацэнкі **новый**. На сінтаксічным узроўні прыём увасабляецца анафарай (**Мы не боимся экспериментировать. Мы всегда хотим удивлять**).

Пры стварэнні вобраза некаторых кампаній назіраецца тэндэнцыя падкрэсліваць спалучэнне традыцыйнай накіраванасці з пэўнымі інавацыйнымі мадэлямі:

Торговая марка «Кристалл» – это **сочетание традиций производства**, заложенных еще в XIX столетии, **классических рецептов**, не потерявших актуальности до наших дней, **и передовых технологий XXI века**;

Ко дню рождения «Кристалла» увидела свет книга **старинных рецептов** белорусских блюд и напитков

ков «История на блюде». **Аутентичные рецепты белорусских блюд и напитков представлены читателю в первоизданном виде и здесь же адаптированы профессиональными поварами и барменами к нынешним реалиям и современным продуктам.**

Тактыка грунтуецца на супрацьпастаўленні лексем са значэннем «традыцыйны» (классические, старинные, аутентичные, в первоизданном виде) з лексемамі са значэннем «сучасны» (передовой, нынешний, современный).

Апісаная тактыка таксама назіраецца ў наступных прыкладах:

Новогодние традиции в призме технологий: виртуальный праздничный эфир с Бульбаш® и Vliprag;

Стартовала рекламная кампания на белорусском языке в поддержку зонтичного бренда питьевой воды «Бульбаш» под девизом важности поддержания и сохранения традиций, которые вдохновляют компанию создавать что-то новое, взяв за основу старинные рецепты производства алкоголя в Беларуси;

Ідэя нагадаць пра такія незвычайны від народнай творчасці, паказаць, што не вышыванкай адзінай жыве культура Беларусі, і зрабіць маляўнічы календар, які сам стаў бы ўнікальным творам, што **спалучае ў сабе традыцыі і сучаснасць**, падалася выдатнай.

Заклучэнне. Праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць вывад аб разнастайнасці спосабаў рэалізацыі стратэгіі традыцыйнасці і інавацыйнасці ў камерцыйным медыядыскурсе. У аснове камунікатыўных тактык, што выкарыстоўваюцца прадпрыемствамі, ляжыць апеяванне да эмацыйнай, аксіялагічнай сферы мэтавай аўдыторыі, яе жадання быць у мэйнстрыме

сучаснасці, выказваючы такім чынам лаяльнасць у адносінах да пэўных камерцыйных суб'ектаў. Моўныя сродкі (паўторы, сінтаксічны паралелізм, парцэляцыя, анафара, вобразнае параўнанне, увасабленне), якія выкарыстоўваюцца пры вербалізацыі ўказаных стратэгіі, спрыяюць дасягненню прадпрыемствамі сваіх камунікатыўных намераў.

Літаратура

1. Полонский, А.В. Медиалект: язык в формате медиа / А.В. Полонский // Научные ведомости БелГУ. Сер., Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 37, № 2. – С. 235.
2. Кривоносов, А.Д. Основы теории связей с общественностью / А.Д. Кривоносов, О.Г. Филатова, М.А. Шишкина. – СПб.: Питер, 2010. – С. 37.
3. Мажоров, Д.М. Формирование имиджа в СМИ: имиджеобразующие тексты / Д.М. Мажоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2007. – Вып. 2, ч. II. – С. 307.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 16.
5. Котляров, И.В. Традиционные ценности как основа развития белорусского общества: социологический анализ / И.В. Котляров // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей: материалы междунар. науч.-практ. конф., Жировичи, 27 мая 2010 г. / науч. ред. совет: М.В. Мясникович [и др.]. – Минск, 2010. – С. 16.
6. Кузин, А.А. Роль и значение инноваций в функционировании предприятий / А.А. Кузин // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2012. – № 2. – С. 39.

Паступіў у рэдакцыю 16.09.2019

Переводческие стратегии преодоления культурных различий в межкультурной коммуникации

Ли Лунь

Белорусский государственный университет, Минск

В настоящей работе рассматриваются стратегии преодоления культурных различий в межкультурной коммуникации.

Цель статьи — выявить доступные переводческие стратегии, используемые при переводе художественных произведений с китайского на русский язык.

Материал и методы. В качестве материала исследования применялись переводы следующих произведений: «Осажденная крепость» Цяня Чжуншу, «Сон в красном тереме» Цао Сюэцин, «Я и Пу И» Син Фэнся и «Суэта» Чжу Вэньин. Основными методами выступили сравнительно-сопоставительный анализ, лингвистический анализ, анализ коннотативного содержания, анализ ретрансляции культурных смыслов, обобщение и систематизация.

Результаты и их обсуждение. На основе анализа научной литературы установлена сущность понятия «реалия», определены типы реалий в зависимости от степени эквивалентности в разных культурах и от семантического содержания самой реалии, выявлены доминирующие стратегии перевода китайских реалий в художественной литературе. Приведены основные приемы перевода китайских реалий, благодаря чему установлены базовые стратегии их перевода. Проведен сравнительно-сопоставительный и лингвистический анализ переводов китайских произведений на русский язык. Практически проиллюстрированы стратегии и приемы перевода китайских реалий на материале художественных произведений.

Заключение. Наиболее часто встречающиеся переводческие стратегии — форенизация и доместикация, наименее редко используемая стратегия — нейтрализация.

Ключевые слова: понятие «реалия», перевод, переводческие стратегии, форенизация, доместикация, нейтрализация.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 164–168)

Translation Strategies to Overcome Cultural Differences in Intercultural Communication

Li Lun

Belarusian State University, Minsk

This article discusses strategies to overcome cultural differences in intercultural communication.

The purpose of the article is to analyze available translation strategies for overcoming cultural differences when translating works of art from Russian into Chinese.

Material and methods. The object of the study was the translation of fiction from Chinese into Russian. Translations of the following works were used as the material of the study: “The besieged fortress” by Qian Zhongshu, “The Dream in the Red Tower” by Cao Xueqing, “I and Pu Yi” by Xing Fengxia and “Bustle” Zhu Wenying. The main research methods were comparative analysis, linguistic analysis, connotative content analysis, analysis of cultural meanings retranslation, generalization and systematization.

Findings and their discussion. Based on the analysis of scientific literature, the essence of the concept of “reality” is established, types of realities are determined depending on the degree of equivalence in different cultures and on the semantic content of the reality itself, the dominant strategies for translating Chinese realities in fiction are revealed. The basic techniques for translating Chinese realities are given, on the basis of which the basic strategies for their translation are established. A comparative, comparative and linguistic analysis of translations of Chinese works into Russian was carried out. Practically illustrated are the strategies and techniques for translating Chinese realities on the basis of literary works.

Conclusion. It is concluded that the most common translation strategy is pre-conditioning and domestication, the least used strategy is neutralization.

Key words: the concept of “reality”, translation, translation strategies, foreignization, domestication, neutralization.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 164–168)

В настоящее время активно развиваются глобализационные процессы, что приводит не только к политико-экономическому, но и социально-культурному взаимодействию стран. Одним из аспектов такого взаимодействия является знакомство с художественной литературой другой культуры. Так, мы можем наблюдать возросший интерес к китайским художественным произведениям, в то же время в научном дискурсе слабо освещаются проблемы перевода и интерпретации китайских произведений. При этом китайская культура значительно отличается от русской или белорусской, что отражается также и в языковых различиях, т.е. наличии реалий или безэквивалентной лексики. В научной литературе достаточно мало работ, посвященных проблеме перевода данного пласта языковых средств. Более активно изучается переводческий аспект западных реалий (в частности английской и американской культур). Тем не менее мы можем перечислить несколько работ, посвященных вопросам перевода китайских художественных произведений и прямо или косвенно затрагивающих перевод реалий: диссертационные исследования Би Юэ [1], Н.Л. Глазачевой [2], Н.В. Потаповой [3], Чжоу Хань Жуй [4] и др. Однако стратегический аспект перевода реалий остается неизученным, в то время как в современном переводе уделяется много внимания стратегиям перевода.

Цель статьи – выявить доступные переводческие стратегии, используемые при переводе художественных произведений с русского языка на китайский.

Материал и методы. В качестве материала исследования применялись переводы следующих произведений: «Осажденная крепость» Цзя Чжуншу, «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, «Я и Пу И» Син Фэнся и «Суэта» Чжу Вэньин. Основными методами выступили сравнительно-сопоставительный анализ, лингвистический анализ, анализ коннотативного содержания, анализ ретрансляции культурных смыслов, обобщение и систематизация.

Результаты и их обсуждение. Однако прежде чем перейти к результатам исследования, необходимо более подробно рассмотреть, что представляет собой реальия, переводческая стратегия, а также выявить, какие приемы являются традиционными для перевода китайских реалий.

В нынешнем переводе реалии рассматриваются как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [5, с. 47]. То есть реальия – это понятие, которое носит национальный характер и входит в категорию безэквивалентной лексики, т.е. лексики, не имеющей эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат. При рассмотрении реалий Г.Д. Томахин

выделяет несколько типов в зависимости от степени безэквивалентности:

- реальия, которая свойственна только одной культуре, в другой ее не существует;
- реальия, которая встречается в нескольких культурах, однако в рамках одной из них реалии свойственно дополнительное значение;
- реальия, которая существует в другой культуре, однако выполняет в ней другую функцию;
- реальия, которая существует в другой культуре, но отличается оттенками значений [6].

При описании реалий с позиции семантического содержания также можно выделить несколько групп:

1) ономастические реалии:

- географические названия (топонимы);
- имена исторических личностей, общественных деятелей, писателей, ученых, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и фольклора (антропонимы);
- названия произведений литературы и искусства, исторические факты и события в жизни страны, названия государственных общественных учреждений и многие другие;

2) реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой:

- географические термины, обозначающие особенности природной географической среды, флоры и фауны;
- некоторые слова (в том числе общие термины), относящиеся к государственному устройству, общественно-политической жизни страны, юриспруденции, военному делу, искусству, системе образования, производству и производственным отношениям, быту, обычаям и традициям [7, с. 54–73].

Таким образом, реальия – это объект культуры, который отсутствует в другой культуре, соответственно, не имеет языкового выражения и нуждается в специальном подходе при осуществлении перевода. В.Ф. Щичко в своем пособии «Китайский язык. Теория и практика перевода» выделяет 6 основных способов перевода реалий: транскрипцию, калькирование, описательный перевод, приблизительный перевод, функциональный аналог, совмещенный способ (транскрипция и калька; транскрипция и пояснение; калька и пояснение) [8, с. 79–81]. Анализируя данные приемы, мы можем сгруппировать их следующим образом:

1) приемы, направленные на сохранение реалии: транскрипция, калькирование, совмещенный способ;

2) приемы, направленные на замену реалии знакомым явлением: приблизительный перевод, функциональный аналог;

3) приемы, направленные на нейтрализацию реалии: описательный перевод.

На основе данных групп мы можем определить основные стратегии перевода китайских реалий. Переводческая стратегия – это программа действий переводчика по достижению состояния адекватности перевода. Стратегия перевода формируется в ходе предпереводческого анализа и реализуется в процессе выполнения перевода [9, с. 22]. В противовес алгоритму

стратегия предполагает не строго регламентированную последовательность переводческих действий, а гибкое варьирование методов и техник перевода в пределах выбранных ориентиров и «генеральной линии» перевода [10, с. 49]. Так, на основе вышеназванных групп приемов мы можем определить три ключевые стратегии перевода: форенизации, доместикации и нейтрализации.

Следует отметить, что названные стратегии не являются нашим изобретением. В частности стратегии доместикации (адаптация иностранного текста к культурным ценностям языка перевода) и форенизации (этно-девиантное давление на культурные ценности при выделении лингвистических и культурных отличий иностранного текста) являют собой базовые переводческие стратегии [11, с. 389].

Доместикация нацелена на создание переводного текста, который не включает «чужеродные» элементы текста-оригинала и воспринимается читателем как текст на родном языке. Выбор подобной стратегии переводчиком существенно упрощает понимание, но при этом переведенный текст не отражает стилистических и культурных особенностей текста оригинала.

Форенизация, напротив, обеспечивает сохранение специфических особенностей иностранного текста за счет использования тщательно подобранных языковых средств. Такой текст воспринимается как переведенный с иностранного языка и делает очевидными лингвистические и культурные отличия оригинального текста. Выбор данной стратегии подчеркивает тот факт, что переводчик хочет передать специфику иностранного текста. Выбор переводчиком стратегии зависит от целевой аудитории и функционального назначения переведенного текста.

Что касается стратегии нейтрализации, то она направлена на стирание культурного элемента в тексте перевода, при этом не адаптирует его под реалии культуры языка перевода, а трансформирует реалию в нейтральный описательный текст.

На выбор стратегии влияет множество факторов: назначение перевода, мотивация реципиента текста, языковая среда и др., но ключевым фактором является назначение перевода. При этом следует отметить, что та или иная стратегия практически никогда не применяется в чистом виде, так как на практике они всегда пересекаются. Направление перевода определяется не какой-либо одной стратегией, а доминирующей из них. Это и было выявлено нами при анализе стратегий перевода произведений Цяня Чжуншу, Цао Сюэциня, Син Фэнся и Чжу Вэньин. По результатам исследования доминирующей стратегией перевода китайских реалий в художественной литературе является стратегия **форенизации**, которая реализуется следующими переводческими приемами:

1) калькирование или дословный перевод – предполагает познаковый перевод, который может быть использован в тех случаях, если реалия уже вошла в разряд международных или же познаковый перевод позволяет передать ее сущность:

元宵节 *yuánxiāojié* – «Праздник фонарей» (китайский праздник, который отмечается в пятнадцатый день

первого месяца по лунному календарю; сопровождается обычаем украшения домов разноцветными фонарями) (Сон в красном тереме);

中秋佳节 *zhōngqiū jiājié* – «Праздник середины осени» (китайский праздник, который отмечается в пятнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю) (Сон в красном тереме);

对联 *duìlián* – «парные надписи» (афоризм или изречение, состоящие из двух или четырех строк) (Сон в красном тереме);

兰台寺大夫 *lántái sì dàfū* – «Великий муж Орхидеевых террас» (должность императорского цензора) (Сон в красном тереме);

窗纸 *chuāngzhǐ* – «бумага в окне» (Сон в красном тереме);

员外郎 *yuánwàiláng* – «сверхштатный помощник» (Сон в красном тереме);

无稽崖 *wújī yá* – «склон Нелепостей» (Сон в красном тереме);

水袖 *shuǐxiù* – «струящиеся рукава» (Суэта).

При использовании приема калькирования переводчик теряет значительный пласт культурологической информации, так как реципиент текста перевода, незнакомый с китайской культурой и реалиями, воспримет лишь прямое денотативное значение, в то время как дополнительные смыслы будут утеряны. Так, например, в старом Китае окна не застеклялись, а заклеивались бумагой. Поэтому при применении выражения 窗纸 китайский читатель окунется в соответствующую атмосферу, в то время как среднестатистический русскоязычный читатель поймет словосочетание «бумага в окне» буквально, без какой-либо эмоциональной или культурной вовлеченности, т.е. при калькировании китайские языковые единицы заменяются русскоязычной конструкцией, при этом происходит потеря коннотативного значения текста оригинала;

2) второй прием – транскрибирование – это прием перевода, который предусматривает передачу лексемы языка оригинала на язык перевода с помощью его графических средств, обеспечивая при этом его максимальную фонетическую приближенность к оригинальной фонетической форме. В целом данный прием достаточно редко применяется самостоятельно, тем не менее мы можем выделить несколько примеров, которые в основном касаются имен собственных, географических наименований либо титулов. Так, в романе «Сон в красном тереме» переводчик интерпретирует имя согласно транскрипции, не переводя каждый иероглиф:

女媧氏 *nǚwāshì* – «госпожа Нюйва» (Сон в красном тереме);

甄士隐 *zhēnshìyǐn* – Чжэнь Шиинь (Сон в красном тереме).

Использование транскрибирования представляется оправданным, пока мы не ознакомимся с коннотацией имен собственных. Например, в китайской мифологии есть такой персонаж, как Нюй-Ва – прародительница

мира, которая чинит обвалившуюся часть небосвода, преграждает путь разливу вод и т.д. Знание данного аспекта может сыграть важную роль в понимании сюжета.

То же касается топонимов и названий титулов, которые переводчик транслитерирует:

荟芳 *huì fāng* – «Хуэйфан» (Суэта);

公阳 *gōng yáng* – «Гунъян» (Суэта);

列侯 *liè hóu* – «лехоу» (в феодальном Китае княжеский титул второй степени) (Сон в красном тереме);

公 *gōng* – «гун» (в феодальном Китае титул знатности первой степени) (Сон в красном тереме);

箫 *xiao* – «сяо» (продольная флейта, китайская флейта) (Суэта).

При применении данного переводческого приема реципиент может даже не понять денотат, т.е. прямое значение языковой единицы, в случае если он не знаком с китайской культурой. Соответственно, никакие культурные смыслы также не будут поняты. В то же время как прямое, так и коннотативное значение может играть важную роль для понимания ситуации в целом. Так, например, в большинстве случаев отдельные районы города обладают той или иной репутацией, понимание которой может определять осознание сюжета в целом или отдельной ситуации. Поэтому переводчику следует либо представить сноску с пояснением, либо описательной конструкцией дать лаконичную и информативную характеристику транскрибируемой реалии;

3) совмещенный способ – наиболее распространенный прием стратегии форенизации, который может реализовываться по следующим моделям:

а) транскрипция + пояснение

丈 *zhàng* – «чжан» – мера длины, равная 3,33 м (Сон в красном тереме);

进士 *jìnshì* – «цзиньши» – «ученая степень в императорском Китае, дававшая право на занятие высоких должностей» (Сон в красном тереме);

选反派 – «цзаофани» – низкоквалифицированные, временные рабочие, служащие (Я и Пу И);

大字报 *dàzìbào* – «дацзыбао» – газета, написанная большими иероглифами; рукописная стенгазета в Китае, используемая для пропаганды, выражения протеста (Я и Пу И);

舢板 *shàn bǎn* – «сампан» (маленькая лодка) (Суэта);

б) описательный перевод + пояснение

劫 *wànjié* – «десять тысяч калп» – согласно буддийской философии, развитие мира происходит путем чередования периодов расцвета и упадка. Калпа представляет собой период времени от начала расцвета до полного упадка, равный 4 320 000 лет (Сон в красном тереме);

三更 *sāngēng* – «третья стража» – в старом Китае время с семи часов вечера до девяти утра делилось на пять двухчасовых страж. Третья стража приходится на отрезок времени с одиннадцати часов вечера до одного часа ночи (Сон в красном тереме);

三生 *sānshēng* – «три времени» – буддийское понятие, трактующее три временных пути к нирва-

не. В данном случае термин употреблен в ироническом смысле как противопоставление «вечности» (т.е. «пути трехкратного перерождения от низшего существа к высшему») (Сон в красном тереме);

大理石的大插屏 *dàlǐshí de dàchāpíng* – «мраморный экран» – щит, ставившийся перед входом в дом, чтобы не допустить в него злых духов, которые, по поверьям, могут двигаться только по прямой линии (Сон в красном тереме);

в) калька + пояснение

黑五类 – «пять черных категорий» – пять дискредитировавших себя слоев (Я и Пу И).

Применение данного приема представляется нам наиболее целесообразным при реализации переводческой стратегии форенизации, так как он позволяет наиболее полно передать как основной, так и дополнительные смыслы реалии. В то же время не всегда использование совмещенного приема помогает переводчику сохранить культурную значимость того или иного явления. Например, пояснение слова «сампан» через словосочетание «маленькая лодка» не дает полного представления читателю о значении этой лодки для культуры. В Китае такие лодки некоторыми применяются как лавка торговца или даже жилье, а управляют ими по традиции женщины. Подобные нюансы могут иметь значение для атмосферы, образности или «многослойности» произведения, поэтому также должны отражаться в переводе.

В рамках исследуемых произведений использовалась еще одна переводческая стратегия – **доместикации**, носящая характер дополнительной. Реализация данной стратегии осуществлялась через следующие приемы:

1. Генерализация – замена единицы языка оригинала, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением:

壽星 – «духи». В данном случае имя китайского сказочного божества Шоусин переводится обобщением для сохранения смысла без прибегания к пояснениям (Сон в красном тереме);

油饼 – «печенье» (жареные лепешки) (Я и Пу И);

麻花 – хворост (мучная плетенка, жареная в масле) (Я и Пу И).

2. Адекватная замена. Так как реалии по-разному воспринимаются в культурах языка оригинала и языка перевода вследствие исторических особенностей развития, одна и та же реалия в плане содержания может соответствовать разным реалиям в плане выражения. Соответственно, при переводе будет более целесообразно исходить из сходства планов содержания, а не планов выражения, т.е. применять адекватную замену:

飒飒 *sāsà* – «свист ветра» (Сон в красном тереме);

霹雳 *pīlì* – «раскат грома» (Сон в красном тереме).

Подобные выражения имеют важное значение в китайской культуре, в которой жизнь человека тесно связана с природными явлениями. Так, существует множество мифов, связанных с названными явлениями. Один из них гласит, что Пань Гу (первопредок)

стал причиной возникновения явлений природы: его вдох рождает ветер и дождь, выдох – гром и молнию. Это уподобляет мир живому организму, что обосновывает тесную связь человека и природы в китайской культуре и может придавать дополнительный смысл художественному произведению.

3. Приблизительный перевод – переводческий прием, предполагающий использование близкого по значению слова, контекстуального синонима:

风尘碌碌 *fēngchén lùlù* – жизнь прошла в мирской суете (Сон в красном тереме);

瓦灶绳床 *wǎzào shéngchuáng* – дымный очаг и убогая утварь (Сон в красном тереме).

4. Компенсация – полная или частичная замена выражения или отдельных компонентов для сохранения образности текста:

饭碗 – «кусок хлеба». Дословный перевод здесь – чашка риса – также допустим и приемлем. Тем не менее, если принять во внимание роль риса в китайской культуре, его главенствующую роль в иерархии продуктов китайцев, то вариант перевода «кусок хлеба» является более адекватным, т.к. понятно выражает смысловую нагрузку реалии.

Прибегание к обозначенным приемам стратегии доместикации позволяет переводчику обеспечить понимание текста перевода без использования многочисленных комментариев, которые в большом количестве могут перегружать текст, тем самым приводя к нарушению целостного восприятия произведения. В то же время в связи с этим теряется культурный код, из-за чего произведение не воспринимается как принадлежащее определенной культуре.

Последняя применяемая стратегия – **нейтрализация**. Здесь используется такой прием перевода, как описательный перевод, который наиболее часто используется в случае отсутствия соответствующих реалии понятий в языке перевода. Сущность описательного перевода заключается в передаче содержания иностранного слова посредством распространенного объяснения:

政协 – Политический консультативный совет (Я и Пу И);

馒头 – «пресное тесто» (Осажденная крепость);

裙带 – «с помощью жениной родни» (Осажденная крепость).

Заключение. Как мы можем видеть, при осуществлении перевода реалий китайско-русские переводчики стремятся к использованию переводческой стратегии форенизации. Применение данной стратегии позволяет сохранить культурный колорит произведения, передать его стиль. Также данная стратегия помогает познакомить читателя с элементами чужой культуры, что способствует как общему развитию личности, так и формированию культурной толерантности, что представляется важным в условиях глобализации. В то же время следует отметить, что стратегия форенизации наиболее часто предполагает использование приемов транскрипции или калькирования совместно с приемом описательного перевода

(пояснения), что вызывает трудности в восприятии текста, нарушает ритмичность чтения.

Стратегия доместикации применяется реже, однако также является важным элементом перевода. Такая стратегия позволяет обеспечить максимально быстрое и комфортное понимание реалии читателем, при этом все же могут происходить семантические искажения, потеря культурной и коннотативной окраски.

Наименее используемая стратегия нейтрализации применяется лишь в случаях невозможности подобрать более адекватный способ перевода.

Таким образом, при переводе переводчики могут руководствоваться двумя базовыми стратегиями: осложнением восприятия при сохранении культурного кода (стратегией форенизации) или упрощением восприятия при потере культурного кода (стратегией доместикации). Ни одна из стратегий, на наш взгляд, не может быть названа единственно верной, поэтому переводчику необходимо исходить из целей и задач перевода, особенностей целевой аудитории и иных условий, обуславливающих требования к переводу, что и должно поясняться переводчиком еще на этапе профессиональной подготовки.

Литература

1. Би Юэ. Проблемы освоения культуры китайского «золотого века» (поэзия Ли Бо и русские переводы): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Би Юэ; Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. – М., 2009. – 25 с.
2. Глазачева, Н.Л. Модель лакунизации как составляющая теории перевода (на примере русского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Л. Глазачева; Благовещен. гос. пед. ун-т им. М.И. Калинина. – Барнаул, 2006. – 20 с.
3. Потапова, Н.В. Китайские переводы «Алмазной сутры» и «Сутры сердца»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Н.В. Потапова; Моск. гос. ун-т. – М., 2008. – 21 с.
4. Чжоу Хань Жуй. Фразеологизм как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект (на материале китайского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Чжоу Хань Жуй; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2014. – 20 с.
5. Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
6. Томахин, Г.Д. Реалии в языке и культуре / Г.Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 3. – С. 13.
7. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
8. Щичко, В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода / В.Ф. Щичко. – М.: Восток-Запад, 2004. – 223 с.
9. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д.М. Бузаджи [и др.]. – М.: Всероссийский центр переводов, 2009. – 118 с.
10. Поломских, Е.Г. Стратегии перевода (теоретические основы модуля) / Е.Г. Поломских, В.В. Барсукова. – Пермь: Перм. ун-т, 2009. – 255 с.
11. Мельничук, М.В. Роль перевода и переводчика в условиях глобализации знаний / М.В. Мельничук, В.М. Осипова // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5, № 4. – С. 385–393.

Поступила в редакцию 23.10.2019

Русистика в Зеленогурском университете: настоящее и перспективы

Лучик М.

Институт неофилологии Зеленогурского университета, Зелена Гура (Польша)

Традиции зеленогурской русистики каким-то образом предопределены и неразрывно связаны с историей, этапами и направлениями развития города. В анналах истории города Зелена Гура запечатлены факты сложившихся добрососедских отношений с городом Витебском.

Цель работы — предоставление социолингвистической и социокультурной информации, в которой отражен опыт международного сотрудничества в области филологии между белорусским и польским университетами.

Материал и методы. *Материал: документы, подтверждающие международные связи Института неофилологии Зеленогурского университета и филологического факультета ВГУ имени П.М. Машерова; программы обучения по специальностям «Бизнес-коммуникация на русском языке», «Русская филология», «Русская филология с английским языком». Описательный метод, используемый в статье, способствует раскрытию основных лингвистических и социокультурных тенденций, сложившихся в практике обучения студентов польского вуза; наглядный метод представлен ссылками на модули обучения из учебных планов.*

Результаты и их обсуждение. *Осуществляемые в рамках международного сотрудничества международные проекты (ERASMUS+ teaching/staff and students training mobility; Центр славянских языков и культур) позволяют подготовить студентов к свободному владению иностранными языками, обеспечить формирование как профессиональных, так и академических компетенций в области филологии и лингводидактики. Программа обучения на специальности «Бизнес-коммуникация на русском языке» как образовательного предложения гуманитарного факультета Зеленогурского университета в наивысшей степени соответствует актуальным требованиям рынка труда Любушского воеводства для выпускников, владеющих русским языком, при учете стратегии развития воеводства до 2020 года. Лингвистическая подготовка студентов должна проводиться исходя из изменяющихся задач профессиональной деятельности, которые предопределяют приобретение необходимых филологических знаний, овладение разными умениями, в том числе формирование способности к участию в межкультурной коммуникации.*

Заключение. *Для ученых-лингвистов, занимающихся вопросами сопоставительного анализа языковых систем, преподаванием лингвистических тем в аспектах русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации, представляет большой интерес не только опыт международного сотрудничества специалистов в области филологии, но и социокультурные особенности в различных дисциплинах гуманитарного цикла, в идеях меж- и трансдисциплинарности.*

Ключевые слова: учебные модули, уровни владения языком, междисциплинарность, компетенции, международное сотрудничество.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 169–174)

Russian Studies at Zelena Gura University: the Present and Perspectives

Luchik M.

Zelena Gura University, Institute of Neophilology (Republic of Poland)

Traditions of Zelena Gura Russian studies are somehow preconditioned and closely linked with the history, stages and directions of the city development. Zelena Gura historical files contain facts of friendly neighboring relations with the City of Vitebsk.

The purpose of the present paper is to present social linguistic as well as social and cultural information which reflects the experience of international cooperation in the field of philology between the Belarusian and the Polish Universities.

Material and methods. *The material is presented by documents which confirm the international links of Zelena Gura University Institute of Neophilology and Vitebsk State University Faculty of Philology as well as curricula on Business Communication in Russian, Russian Philology, Russian Philology and English. The descriptive method used in the work promotes the disclosure of basic linguistic as well as social and cultural tendencies of the practice of teaching students at the Polish University; the visual method is presented by references to the curricula academic modules.*

Findings and their discussion. *The international projects within the international cooperation (ERASMUS+ teaching/staff and students training mobility; Slavonic Languages and Cultures Center) make it possible to train students' foreign language*

proficiency, to provide shaping both professional and academic competences in the field of philology and linguistic didactics. Business Communication in Russian curriculum as an academic offer of Zelena Gura University Humanitarian Faculty highly corresponds the urgent requirements of the labor market of Liubush District for graduates with the Russian language proficiency considering the development strategy of the District until 2020. Student linguistic training should correspond the changing tasks of professional activity which require acquisition of some philological knowledge, mastering different skills including shaping the ability to participate in cross cultural communication.

Conclusion. *Linguist scholars who are engaged in issues of the comparative analysis of language systems, teaching linguistic topics in the aspects of Russian as a foreign language and cross-cultural communication are greatly interested in the experience of both international cooperation of philology specialists and social and cultural features in different humanitarian disciplines, in trans- and interdisciplinary ideas.*

Key words: *academic modules, language proficiency levels, interdisciplinary idea, competence, international cooperation.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 169–174)

Не один из жителей города Зелена Гура, особенно представители молодого поколения, задается вопросом, откуда название улицы Витебская, расположенной в районе Пястовского парка вблизи амфитеатра им. Анны Герман. Молодежь, по всей вероятности, связывает это название с направлениями международного сотрудничества современной Зелена Гуры. Договор о сотрудничестве городов-партнеров, Зелена Гуры и Витебска, датируется 2002 годом. Но старшее поколение помнит (и считает одним из 13 культовых мест проведения свободного времени в недавнем прошлом) и ресторан «Витебск», осознавая и понимая присутствие этих урбанонимов на карте города Зелена Гура.

Точно так же, наверное, и не всем жителям города Витебска понятно название ресторана «Зелена Гура» на проспекте Фрунзе, а также Зеленогурской улицы, расположенной в Первомайском районе. Названия этих объектов в обоих городах – свидетельства долголетней дружбы и сотрудничества.

Цель работы – предоставление социолингвистической и социокультурной информации, в которой отражен опыт международного сотрудничества в области филологии между белорусским и польским университетами.

Совершая краткий экскурс в историю, нельзя не отметить, что укреплению культурных связей между городами способствовали организованные городом Зелена Гура фестивали советской песни (с 1965 по 1989 г.), а также фестиваль польской песни в Витебске (1988, 1990). Сопутствующие этим музыкальным событиям мероприятия давали возможность зеленогурцам и витебчанам познакомиться с деятелями культуры, писателями и поэтами обеих стран. За время фестивалей неоднократно гостили в нашем городе белорусский писатель и переводчик, почетный член академии наук Беларуси Янка Брыль, а также Анатолий Вертинский (уроженец Витебска) – поэт, драматург, публицист, переводчик. В 1982 году литературная среда города Зелена Гура особо отмечала столетние юбилеи со дня рождения Якуба Коласа (Константина Мицкевича) и Янки Купалы (Ивана Доминиковича Луцевича) [1].

Как сопутствующее фестивалям мероприятие с 1974 г. (со времени X фестиваля) зеленогурские русисты организовывали ежегодные научные симпозиумы, в которых участвовали польские и зарубежные исследователи.

Зеленогурская русистика возникла еще на базе Высшей учительской школы (1971 г.), которая двумя годами позже преобразовалась в Высшую педагогическую школу им. Т. Котарбинского (далее ВПШ). За время существования ВПШ устанавливается и развивается сотрудничество с Витебским государственным университетом имени П.М. Машерова. Преподавательский состав русистов постоянно подкрепляется специалистами из ВГУ (Л.М. Вардомацкий, С.М. Яковлев, Н.С. Вислобокова). Студентам русской филологии предоставляется с 1983 г. возможность прохождения включенной семестровой языковой практики по русскому языку как иностранному в ВГУ.

«[В] условиях политической трансформации 1989–1990 годов русский язык стал жертвой по языковым причинам» [2, с. 12]. До половины девяностых годов количество обучающихся русскому языку учеников диаметрально сократилось. Этот процесс, естественно, отразился и на популярности русской филологии в вузах страны, в том числе и в ВПШ, а впоследствии сказывается также и на уровне поступающих, которые начинают изучать язык с основ. Дополнительно демографический кризис (постепенно начавшийся с 1990-го и приобретший самую острую форму в 1997–2008 годах) имеет негативные последствия для набора на русскую филологию.

Подобная тенденция сохраняется и до сих пор. Кандидаты, поступающие на русскую филологию Зеленогурского университета (далее ЗУ), возникшего в 2001 году в результате объединения двух вузов (упомянутой Высшей педагогической школы и Политехнического института), не владеющие русским языком, составляют подавляющее большинство студентов первого курса.

За время политических и экономических перемен в наших странах сотрудничество филологов-русистов продолжается, приобретая другие

формы, в основном это участие в научных конференциях, организованных обоими вузами, а также обмен опытом преподавателей.

Материал и методы. Материал: документы, подтверждающие международные связи Института нефилологии Зеленогурского университета и филологического факультета ВГУ имени П.М. Машерова; программы обучения по специальностям «Бизнес-коммуникация на русском языке», «Русская филология», «Русская филология с английским языком». Описательный метод, использованный в статье, способствует раскрытию основных лингвистических и социокультурных тенденций, сложившихся в практике обучения студентов польского вуза; наглядный метод представлен ссылками на модули обучения из учебных планов. Дидактические совместные проекты возобновляются с 2015 года, когда на базе филологического факультета студенты-русисты из Зелена Гуры проходят страноведческую практику. Обмен студенческими группами с 2015 года осуществляется каждый год. Белорусские студенты проходят в Зеленогурском университете языковую практику по польскому языку, которому они обучаются в родном вузе, получая возможность побывать в языковой среде и участвуя в занятиях по польскому языку, проводимых специалистом по польскому языку как иностранному. Студенты-русисты Зеленогурского университета, в свою очередь, имеют возможность пообщаться на русском языке с ровесниками – студентами ВГУ и пройти занятия со специалистами филологического факультета. По результатам опроса, проведенного среди студентов-русистов ЗУ, эта возможность нередко является фактором, решающим выбор отделения русской филологии именно в ЗУ. 22 июня 2016 года было подписано соглашение о сотрудничестве между Зеленогурским университетом и Витебским государственным университетом имени П.М. Машерова. С этого года регулярно реализуется программа академической мобильности в рамках проекта «ERASMUS+». В начале 2017 года на базе филологического факультета ВГУ и Института нефилологии ЗУ был образован Центр славянских языков и культур. Основной задачей центра является научно-исследовательское и учебно-методическое сотрудничество факультета и института, направленное на совершенствование качества практической подготовки специалистов, максимально адаптированных к практической профессиональной деятельности, развитие академических, социально-личностных и профессиональных компетенций студентов, расширение академической мобильности, проведение совместных конференций и учебных занятий путем объединения сил профессорско-преподавательского состава филологического факультета ВГУ имени П.М. Машерова и специалистов Института нефилологии Зеленогурского университета, сохранение, поддержка и развитие культур славянских народов, формирование у молодых людей ценностей, направленных на созидание и расцвет государства,

обмен консультациями, опытом практической и научной деятельности между специалистами в образовательной, научной и иных сферах.

К частным задачам, успешно реализуемым в рамках центра, относятся:

1. Обеспечение взаимодействия будущих специалистов с языковой средой.
2. Обмен консультациями, опытом практической и научной деятельности между преподавателями обоих вузов.
3. Координация учебной работы студентов при подготовке курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций.
4. Закрепление на практике знаний, умений, навыков, полученных студентами в ходе образовательного процесса в университете, вовлечение их в совместные исследования и научную деятельность.
5. Проведение совместных конференций, семинаров, круглых столов, консультаций с привлечением студентов и сотрудников университетов.
6. Подготовка публикаций научного и практического характера по результатам совместной научно-исследовательской работы.
7. Проведение мониторинга требований к специальным знаниям, социальным, личностным качествам специалиста, складывающихся на рынке труда, для формирования целей образовательного процесса в университетах.
8. Проведение культурных мероприятий к юбилейным датам поэтов, писателей, других деятелей искусства обеих стран, выставок и презентаций к основополагающим для истории стран событиям, организация концертов славянской дружбы.
9. Предоставление условий для проведения стажировок сотрудников, аспирантов и магистрантов.

Результаты и их обсуждение. Современная русистика функционирует как структурное подразделение гуманитарного факультета Зеленогурского университета. Статус русистики, о чем мы уже упоминали, в течение долголетней истории существования в структурах зеленогурского вуза менялся в зависимости от социальных потребностей и численности и профессиональной подготовки преподавательского состава. Зеленогурские русисты-филологи работали и работают как сотрудники кафедры русской филологии, института восточнославянской филологии, кафедры восточнославянской филологии в структуре Института нефилологии и по сей день.

Обучение русскому языку в Институте нефилологии Зеленогурского университета ведется по трем направлениям: русской филологии, русской филологии с английским языком, а также бизнес-коммуникации на русском языке. На наш взгляд, самым интересным в данном случае будет презентация программы обучения последнего из перечисленных направлений как образовательного предложения гуманитарного факультета ЗУ, в наивысшей степени соответствующего актуальным требованиям рынка труда Любушского воеводства,

для выпускников, владеющих русским языком, при учете стратегии развития воеводства до 2020 г.

В связи с интеграцией Польши в Европейское сообщество, увеличением контактов с зарубежными странами и проникновением культур, с новыми требованиями на рынке труда, предъявляемыми выпускникам вузов разного профиля, языковое образование в Польше приобретает все большую значимость. На любом направлении вузовского образования подготовка студентов должна проводиться в соответствии с изменяющимися задачами профессиональной деятельности, которые предопределяют приобретение необходимых знаний, овладение разными умениями, в том числе формирование способности к участию в межкультурной коммуникации.

В условиях Любушского воеводства (запад Польши, у границы с Германией), где обучение русскому языку в школах только возрождается – до недавнего времени в основном было представлено в виде факультативов, – потребность подготовки учителей русского языка пока что является небольшой. Знание русского языка все чаще требуется в сфере широко понимаемого бизнеса, а также в других сферах, в которых осуществляется сотрудничество с русскоговорящими странами. Студенты осознают значение языкового образования в изменяющейся ситуации своего профессионального будущего. Поэтому меняется мотивация к изучению иностранных языков, в том числе русского языка. Этим процессам должна соответствовать языковая политика вузов, проявлением чего нужно считать открытие Институтом нефилологии Зеленогурского университета направления *Бизнес-коммуникация на русском языке*. Данное направление обусловлено, в первую очередь, изменением научно-образовательной парадигмы. Как утверждает С.В. Николаенко, «смена структурно-системной парадигмы на антропоцентрическую способствовала возникновению и развитию новых лингвистических дисциплин, объединенных общей целью – вниманием к говорящему человеку на основе установления тесной связи с другими науками о человеке. Это когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, социалингвистика, коммуникативная лингвистика и др.» [3, с. 11].

Бизнес-коммуникация на русском языке реализуется как первый уровень высшего образования (бакалавриат) в очной форме обучения, продолжительность обучения – 6 семестров. Нововведением в систему образования в Зеленогурском университете является формула 30+, появившаяся впервые в наборе на 2014/2015 учебный год на гуманитарном факультете. Формула 30+ адресована всем, кто желает изучать русский язык, но не может принимать участие в занятиях в первой половине дня, возрастной предел – условный. Появление формулы 30+ предоставило возможность получить первое высшее образование взрослым лицам, которые не воспользовались этой возможностью ранее, тем, кто захотел получить второе высшее образование, а также студентам, которые совмещают учебу на двух направ-

лениях. Формула 30+ является разновидностью очной формы, программа обучения, права и обязанности у студентов одинаковы. Несмотря на возраст, студенты пользуются привилегиями, связанными со статусом студента (скидки на средства транспорта, стипендия по результатам успеваемости или социальная стипендия, формы академической мобильности по программе ERASMUS+, участие в обмене студенческими группами с российскими и белорусскими вузами и др.). В результате набора в 2014/2015 году, когда впервые было предложено направление *Бизнес-коммуникация на русском языке* (с формулой 30+), на первый курс поступили около 70 человек (две «взрослые» группы: в первой – занятия в послеобеденное время, вторая, состоящая из нынешних абитуриентов средних школ Любушского воеводства).

Программы обучения на трех указанных выше направлениях, сориентированных на обучение русскому языку, интегрированы, совпадают в 80%. Это условие обеспечивает открытие всех трех направлений, несмотря на количество кандидатов на каждое из них, если общее количество всех студентов составляет около 25 человек (численность одной группы в Зеленогурском университете).

Программа обучения на *Бизнес-коммуникации на русском языке* включает 6 основных модулей (пять обязательных и один по выбору), реализация которых рассчитана на 2100 часов [4, предусматривает определенные результаты обучения для каждого из них и общее количество зачетных единиц (кредитов) – 180.

А. Нулевой модуль реализуется в первом семестре, количество зачетных единиц (ECTS) – 14. Целью этого модуля является ознакомление студента со спецификой избранного им направления, определение им самим объема имеющихся у него знаний и умений, выработка умения критически оценить собственный уровень продвинутости (в основном это касается общих знаний, а также уровня владения русским языком), планирование своей дальнейшей учебы, вплоть до изменения направления/специальности. Нулевой модуль на гуманитарном факультете ЗУ планируется так, чтобы приобретенные студентом компетенции на одном направлении продолжали развиваться на любом другом, в случае изменения направления в рамках гуманитарного факультета. Чтобы изменение направления не влекло за собой различий по программе, зачетные единицы, приобретенные в нулевом модуле, зачисляются на счет кредитов, которые студент должен получить на новом направлении. Нулевой модуль включает: русский язык – учебный курс (предполагающий изучение языка с нулевого уровня, а также образование группы с продвинутым уровнем), фонетику русского языка, старославянский язык.

Б. Базовый модуль реализуется на протяжении II–VI семестров, количество кредитов, приписываемых этому модулю, колеблется от 81 до 83, что предопределено возможностью выбора студентами формы зачета некоторых предметов, например: экза-

мена (больше кредитов) или зачета с оценкой (меньше) и др. Базовый модуль – это программный стержень обучения по направлению *Бизнес-коммуникация на русском языке*. Он включает предметы (курсы), являющиеся основными для данного направления, реализация которых предусматривает достижение большинства базовых результатов обучения и которым приписывается самое большое количество зачетных единиц по сравнению с другими предметами того же направления. В состав этого модуля входят четыре подмодуля. Б1 – практические занятия по русскому языку (с III семестра проводится с подразделением на лексику, аудирование, письмо, восприятие письменного текста, говорение, интегрированное обучение). В данный подмодуль включается также практическая грамматика русского языка. Б2 – история русской литературы. Б3 – история, география и культура России. Б4 – элементы русского профессионального языка, блок предметов, направленных на обучение русским профессионалам: Русский язык в фирме, Русский язык для работников сферы гостиничного сервиса, Русский язык в сфере туристического бизнеса, Русский язык в сфере торговли и услуг, Делопроизводство и документооборот на предприятии, Русскоговорящий экскурсовод, Документы во внутреннем обороте фирмы и др.

В. Модуль, дополняющий базовый, реализуется в IV–VI семестрах, количество приписываемых зачетных единиц – 20. В состав этого модуля входят предметы, предоставляющие студентам возможность развития своих специальных увлечений, способностей, связанных с изучаемыми дисциплинами, в том числе просеминар (подготовка к семинару) и спецсеминар, имеющий своей целью подготовить студента к написанию выпускной квалификационной работы.

Г. Начальный модуль, реализуемый с I по IV семестр. Этому модулю приписываются 24 зачетные единицы. В него включены предметы, не связанные непосредственно с направлением обучения, такие, как иностранный язык, физкультура, информационные технологии, а также общественно-гуманитарный предмет (избираемый из числа предложенных гуманитарным факультетом), создающий основы для полного гуманитарного образования. Кроме указанных, в течение первого семестра студентам предлагался (первый набор на бизнес-коммуникацию 2014/2015) предмет Введение в вузовское обучение, целью которого было ознакомление с системой обучения в вузе, организационной структурой и функционированием ЗУ, библиотечной системой, основными правилами охраны интеллектуальной собственности.

Д. Модуль специализированный, обучение которому продолжается со II по IV семестр, количество зачетных единиц – 25. Этот модуль включает курсы (предметы), реализации которых приписываются специфические результаты обучения, не свойственные базовому модулю. Специализации, предлагаемые гуманитарным факультетом, открыты для всех сту-

дентов-гуманитариев при условии, что они удовлетворяют вступительным требованиям, определяемым для каждой специализации. Таким условием выбора специализации на русском языке является владение им как минимум на уровне А 2. Студенты *Бизнес-коммуникации на русском языке*, начинающие изучение русского языка с нулевого уровня, обязаны выбирать специализацию на русском языке, ведущими здесь является перевод и переводоведение. Широкий диапазон предлагаемых предметов, в рамках которых студенты обучаются переводу, способствует разносторонней подготовке будущих выпускников и увеличивает их шансы на трудоустройство. Программа обучения специализации предусматривает следующие курсы (предметы): основы перевода, организация работы переводчика, мастерство перевода, русский язык в сфере силовых структур (вооруженные силы, пограничная и таможенная служба, полиция и др.), частная и служебная переписка, перевод текстов СМИ и рекламы, документы в сфере внешней торговли, основы перевода экономических и юридических текстов.

Е. Модуль занятий свободного выбора реализуется в II–VI семестрах, количество зачетных единиц варьируется от 14 до 16. В рамках этого модуля студенты выбирают учебные курсы из предлагаемых для выбора предметов по специальности, по другим специальностям в рамках гуманитарного факультета, а также из так называемых общеуниверситетских предметов, предлагаемых студентам всех факультетов и всех специальностей ЗУ. В данном модуле студент обязан получить минимальное количество зачетных единиц на другой специальности или по общеуниверситетским курсам.

Процедуры верификации планируемых результатов обучения на всех направлениях, в том числе и на *Бизнес-коммуникации на русском языке*, определены Законом о высшем образовании от 27 июля 2005 г., уставом обучения в ЗУ, распоряжениями ректора. Верификация включает результаты обучения по трем категориям: знания, умения, общественные компетенции. На уровне специальности (направления) – это в основном формы верификации, указываемые в программах обучения по отдельным предметам (помещенные в электронном виде на сайте ЗУ, напр.: экзамен, зачет, коллоквиум, презентация, письменная работа, проект и др.). Окончательным элементом верификации результатов обучения является дипломная работа и дипломный экзамен.

В рамках специализации студент *Бизнес-коммуникации на русском языке* после IV семестра, во время каникул, проходит педагогическую практику в объеме 90 часов на месте, предложенном студентом и одобренном руководителем практики. Руководитель практики назначается деканом гуманитарного факультета и является ответственным лицом за верификацию результатов обучения, приобретенных студентом во время практики. Студенты *Бизнес-коммуникации на русском языке* проходят практику в фирмах, органах

администрации, в гостиницах и туристических бюро, а также в других учреждениях, сотрудничающих с русскоговорящими партнерами. Зачет практики осуществляется на основании соответствующих документов: подписанного сторонами соглашения об организации студенческой практики, отчета о прохождении практики, отзыва с места прохождения практики, а также журнала практики.

В программах обучения на всех трех направлениях, особенно на *Бизнес-коммуникации на русском языке*, особый акцент делается на практическом, прикладном характере обучения русскому языку. При этом подготовка студентов к межкультурной коммуникации осуществляется двумя путями: непосредственным – через погружение студентов в русскую культурную и языковую среду, что обеспечивается участием в обмене академическими группами с вузами-партнерами, или же мобильностью студентов в рамках программы ERASMUS+; и посредственно – через соответствующий подбор содержания обучения. Достижение цели предусматривает взаимосвязанное коммуникативно-речевое, социокультурное и языковое развитие с учетом познавательных потребностей студентов. Содержание обучения русскому языку на *Бизнес-коммуникации на русском языке* как раз и предопределено профессионально-познавательными потребностями обучающихся в формуле 30+, представляющих собой весьма разнообразную группу, а также ситуацией на рынке труда в Любушском воеводстве.

Заключение. Таким образом, составлению программы обучения способствовал широкий опрос среди выпускников русской филологии, учеников средних школ, работников органов территориального управления (секции по международному сотрудничеству), учителей иностранных языков, владельцев фирм и др. В результате опроса было установлено, что подготов-

ка студентов *Бизнес-коммуникации на русском языке* должна быть направлена на формирование коммуникативных умений и навыков студентов, позволяющих им вступать в контакты на русском языке в разных сферах и ситуациях общения. За последние два-три года русский язык все более приобретает популярность. У нынешней молодежи, учеников средних школ, студентов вузов изучение русского языка становится элементом осознанного выбора. В школах Любушского воеводства количество желающих изучать русский язык увеличилось вдвое. Существенным является факт, что русскому языку обучаются уже не только в рамках факультативных занятий, как это было еще 4 года назад, но предмет русский язык преподается в качестве равноправного обязательного иностранного языка. Такое положение внушает оптимизм и русистам, работающим в Зеленогурском университете.

Литература

1. Rudiak, R. Dni literatury Radzieckiej w Zielonej Górze (1974–1989) / R. Rudiak // *Studia Zielonogórskie* / red. A. Toczewski. – Zielona Góra, 2014. – Т. XX. – S. 63–100.
2. Чахор, Р. Преподавание русского языка в Польше: исторический опыт, состояние, перспективы / Р. Чахор // *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. – 2011. – № 1(1). – S. 7–16.
3. Николаенко, С.В. Теория и практика социокультурного развития учащихся 5–11 классов: национально-культурный содержательный аспект в контексте обучения русскому языку: монография / С.В. Николаенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 252 с.
4. Plan studiów stacjonarnych. Kierunek: Komunikacja biznesowa w języku rosyjskim. Studia I stopnia. Rekrutacja w roku akademickim 2017/2018. Czas trwania: 6 semestrów. Wydział Humanistyczny Uniwersytetu Zielonogórskiego.

Поступила в редакцию 06.11.2019

Дидактический потенциал русского языка в процессе обучения английскому языку взрослых в системе дополнительного образования (начальный этап обучения)

Мацько Д.С.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

Проблема организации обучения английского языку взрослых обучающихся в системе дополнительного образования относится в современной методике иностранных языков к числу актуальных.

Цель статьи — освещение дидактического потенциала русского языка в обучении взрослых английскому языку в системе дополнительного образования.

Материал и методы. Исследование выполнено преимущественно на материале личного преподавательского опыта автора. Основными методами явились общенаучные: обобщения, систематизации, прогнозирования.

Результаты и их обсуждение. Путём сбора, анализа и обобщения структуры обучения иностранным языкам означенной аудитории и его конкретных задач доказано, что процесс обучения английскому языку целесообразно организовывать как состоящий из следующих этапов: 1) организационный (подготовительный) этап — выбор учебно-методического обеспечения учебного процесса, определение целей и задач курса; 2) процессуальный этап — процесс обучения; 3) итоговый этап — оценка достигнутых результатов и установление перспективных направлений языковой подготовки взрослых учащихся.

Заключение. Результатом практической работы по обучению английскому языку взрослых обучающихся стали сформулированные автором методические рекомендации по организации обучения английскому языку взрослых в системе дополнительного образования на начальном этапе.

Ключевые слова: взрослые учащиеся, дидактический потенциал русского языка, дополнительное образование, методические рекомендации, этапы обучения английскому языку.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 175—178)

The Didactic Potential of the Russian Language in Teaching English to Elementary Adult Students in the System of Additional Education

Matsko D.S.

Luhansk Taras Shevchenko National University, Lugansk

The problem of the organization of teaching English to adults within the system of additional education is among the topical ones in the contemporary methodology of foreign languages.

The purpose of the article is presenting the didactic potential of the Russian language in teaching adults English within the system of additional education.

Material and methods. The study was carried out mainly on the material of personal teaching experience of the author. The main methods were the general scientific methods of generalization, systematization, forecasting.

Findings and their discussion. By collecting, analyzing and summarizing the structure of foreign language teaching of the aforesaid audience and its specific tasks it is proved that the process of teaching English should be organized as consisting of the following stages: 1) organizational (preparatory) stage — the selection of training and methodological support of the academic process, determining the goals and objectives of the course; 2) the procedural stage or the teaching process; 3) the final stage is the assessment of achieved results and perspectives of language training for adult learners.

Conclusion. The result of practical work on teaching English to adult learners was formulated by the author guidelines for the organization of English language training for adults in the system of additional education at the initial stage.

Key words: adult students, didactic potential of the Russian language, additional education, guidelines, stages of teaching English.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 175—178)

В условиях углубления международного сотрудничества многократно возрастает необходимость овладения иностранным языком как средством межнационального диалога и свидетельством конкурентоспособности наёмного работника. На современном этапе одним из наиболее распространённых мировых языков является английский, имеющий статус официального языка межгосударственных отношений, языка культуры и науки. По данным Европейской комиссии, более 40% граждан стран-членов ЕС заявляют о владении именно английским языком как первым иностранным [1, р. 63].

Удовлетворение социального заказа на изучение иностранного языка приводит к существенному расширению списка учреждений дополнительного образования, предоставляющих взрослым учащимся возможность начать изучение иностранного языка «с нуля» либо совершенствовать уже имеющиеся языковые умения и навыки. Практика преподавания английского языка в системе дополнительного образования показывает, что на начальном этапе обучения действенную помощь взрослым учащимся оказывает опора на родной язык.

Вопросы обучения взрослых нашли отражение в работах О.А. Акименко, Б.Г. Ананьева, Е.С. Комракова, А. Литлджона (А. Littlejohn), Н.С. Мартинович, К.С. Махмурия, Л.П. Нестеренко, С.Д. Смирнова, П. Ур (Penny Ur), Д.В. Чернилевского и других отечественных и зарубежных исследователей. Так, Н.С. Мартинович магистральным направлением развития системы образования взрослых считает целенаправленность, динамику и прогностичность последней, что достигается посредством учёта особенностей структуры и содержания образовательных потребностей личности на разных стадиях жизненного пути [2]. В работе П. Ур (Penny Ur) рассматриваются особенности обучения иностранному языку обучающихся разных возрастных групп, в том числе взрослых, с учётом особенностей личности студентов [3].

Роль родного языка в обучении иностранному языку освещается в научных публикациях З.В. Дементьевой, О.Н. Кулиевой, Н.М. Румянцевой, Т.П. Слесаревой, А.А. Шушкевич и других учёных. Так, О.Н. Кулиева рассуждает о положительном и отрицательном влиянии родного языка на процесс обучения иностранному языку [4]. На наш взгляд, анализ научной литературы продемонстрировал, что проблема опоры на родной язык в процессе обучения взрослых английскому языку как одна из наиболее значимых методических проблем нуждается в более глубоком осмыслении.

Цель статьи – раскрытие дидактического потенциала русского языка в обучении взрослых английскому языку в системе дополнительного образования.

Материал и методы. В работе сформулированы результаты исследования, проводившегося на протяжении 2017–2018 годов. Базой исследования послужили Частное образовательное учреждение дополнительного образования «Луганская специали-

зированная школа переводчиков» и Центр профессионального развития Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Использовались следующие методы: анализ существующих учебных программ и учебно-методического обеспечения курсов, беседа со студентами, практическая работа в процессе преподавания английского языка слушателям курсов. В эксперименте приняли участие 79 слушателей.

Результаты и их обсуждение. Понимание особенностей обучения взрослых учащихся английскому языку в системе дополнительного образования предполагает определение сути и задач дополнительного языкового образования. Учреждения дополнительного образования, под которыми мы имеем в виду различные языковые курсы и языковые школы, призваны обеспечить овладение студентами языковыми умениями и навыками сообразно целям учащихся – ликвидировать пробелы в знаниях, изучить профессиональную лексику, подготовиться к сдаче экзаменов на знание иностранного языка. Определение дидактического потенциала русского языка в обучении взрослых английскому языку предполагает рассмотрение этапов и задач обучения английскому языку. Мы полагаем, что процесс обучения английскому языку состоит из следующих этапов:

- *организационный (подготовительный)* этап, задачи которого заключаются в выборе учебно-методического обеспечения учебного процесса, определении целей и задач курса;
- *процессуальный* этап, представляющий собой непосредственно процесс обучения;
- *итоговый* этап, на котором происходят оценка достигнутых результатов и установление перспективных направлений языковой подготовки взрослых учащихся.

Важной задачей организационного этапа является *выбор учебно-методического обеспечения* курса. В одной из наших предыдущих публикаций мы призывали ориентироваться в обучении взрослых английскому языку на аутентичный учебный материал, обосновывая свою позицию следующими причинами: 1) подготовка учебно-методического обеспечения носителями языка; 2) построение аутентичных учебников на словарном составе современного английского языка [5, с. 128]. Нужно сказать, что в системе дополнительного образования приоритет отдаётся именно «линейке» аутентичных учебников – Click On, Headway, Project и других.

Практика преподавания английского языка взрослым показывает, что на начальном этапе целесообразно использовать дополнительную учебно-методическую литературу, подготовленную отечественными авторами. Следовательно, дидактический потенциал русского языка в обучении взрослых английскому языку видим **в опоре на учебно-методические пособия по английскому языку, подготовленные на родном языке.**

На *процессуальном* этапе происходит непосредственная реализация целей и задач языковой подго-

товки. Опыт работы в системе дополнительного образования свидетельствует о том, что зачастую учебная группа состоит из студентов разного возраста, имеющих различный уровень языковой подготовки и опыт изучения английского языка. Задача преподавателя на начальном этапе обучения состоит в том, чтобы **посредством обращения к родному языку минимизировать негативный предыдущий опыт изучения английского языка и создать на занятии благоприятную атмосферу языкового сотворчества.**

На наш взгляд, минимизации предыдущего «бага» студентов будет способствовать соблюдение преподавателем следующих методических рекомендаций:

1) демократичный стиль коммуникативной сферы (удачная шутка или самоирония преподавателя);

2) исправление допущенных студентами речевых ошибок допускается только после окончания выступления;

3) учёт индивидуальных особенностей слушателей (если студенту сложно высказать мысль, можно предложить ему разбить сложное предложение на несколько простых).

Овладение иностранным языком предполагает овладение фонетическим и грамматическим составом изучаемого языка. Сложности студентов в овладении фонетикой английского языка обусловлены существенными отличиями в фонетическом составе английского языка и родного языка (наличие в английском языке фонем, отсутствующих в русском языке, отличие правил словообразования и тенденций ударения).

Как показывает практика, на начальном этапе изучения английского языка целесообразно **ввести преподаваемый на русском языке коррективный курс фонетики английского языка**, имеющий целью ознакомить взрослых обучающихся с системой английских гласных (согласных) фонем, типами слога, правилами деления на слоги, типами ударения и интонацией. По нашему мнению, такой курс позволит студентам не просто заучивать «образцы чтения» отдельных слов, испытывая трудности в аналогичных случаях.

Взрослые учащиеся испытывают определённые сложности в процессе овладения грамматикой английского языка, причины которых кроются в наличии неестественных для родного языка грамматических особенностей (артикл, временные формы). Разрешение описанных сложностей видим в **подготовке на русском языке алгоритмов**, отражающих грамматические феномены английского языка.

В системе дополнительного образования преподаватель сталкивается с определённого рода дилеммой. С одной стороны, в условиях приоритета коммуникативной составляющей меньше времени приходится уделять грамматике изучаемого языка. С другой стороны, недостаточное внимание к грамматическому аспекту языка может в дальнейшем негативно сказаться на уровне владения взрослыми английским языком. Как утверждает Л.Н. Каширина, эффективность применения алгоритмов при обучении грамматике ино-

стрannого языка обуславливается возможностью сведения последней к конечному набору правил [6, с. 45]. При составлении алгоритмов рекомендуем преподавателю исходить из таких ключевых позиций:

а) алгоритм должен быть чётким и понятным, для наглядности в качестве «смысловых блоков» алгоритма можно использовать картинки;

б) содержание алгоритма должно максимально отражать аспекты изучаемого грамматического явления английского языка;

в) в составлении алгоритма слушатели должны принимать самое непосредственное участие.

Владение иностранным языком предполагает применение языка в ситуациях коммуникативного взаимодействия. Мы разделяем мнение Н.В. Федичевой, что в обучении иностранному языку необходимо делать акцент на формировании у студентов способности общаться на изучаемом языке [7, р. 115]. Вместе с тем следует признать, что на начальном этапе обучения студенты не обладают достаточным лексическим запасом и не отличаются глубокими знаниями грамматических структур английского языка, что позволило бы им беспрепятственно общаться на изучаемом языке.

В уже упоминавшейся публикации мы подчёркивали, что одной из особенностей обучения взрослых английскому языку выступает превалирование англоязычной речевой практики студентов [5, с. 128]. На начальном этапе считаем целесообразным предоставить студентам возможность описывать объекты (явления) на русском языке, если они не знают слова-соответствия в английском языке. Причём, подобное обращение к родному языку должно обязательно сопровождаться объяснением со стороны преподавателя соответствий (синонимов), существующих в английском языке. Тем самым преподаватель решает две задачи. Во-первых, устраняется коммуникативный барьер, связанный с желанием выразить мысль на английском языке и недостаточными коммуникативными возможностями говорящего. Во-вторых, существенно расширяется активный и пассивный лексический запас взрослых студентов. Следовательно, дидактический потенциал русского языка в обучении взрослых английскому языку заключается в **использовании средств русского языка для преодоления коммуникативных барьеров** при изучении английского языка.

На *оценочном* этапе осуществляется оценка успехов слушателей в овладении английским языком и определение задач, над решением которых группа будет работать в дальнейшем. Как справедливо замечает К.С. Махмурия, контроль языковой подготовки слушателей системы дополнительного образования делится на три вида: 1) текущий контроль (проводится на каждом занятии); 2) промежуточный контроль (проводится по завершении темы или модуля); 3) итоговый контроль (проводится по завершении преподавания дисциплины в форме, предусмотренной учебным пла-

ном) [8, с. 208–209]. Считаем целесообразным осуществлять оценку достижений студентов на русском языке, что обеспечит наиболее полное понимание студентами собственных недоработок. Следовательно, дидактический потенциал русского языка на оценочном этапе обучения взрослых английскому языку видим в **диагностике уровня языковой подготовки слушателей и определении аспектов, требующих дополнительного изучения и / или корректировки.**

Заключение. В условиях углубления международного сотрудничества многократно возрастает необходимость овладения английским языком как средством межнационального диалога. Удовлетворение социального заказа на изучение английского языка способствует развитию системы дополнительного образования, предоставляющей возможность взрослым учащимся овладеть иностранным языком. Опыт работы в учреждениях дополнительного образования позволил автору сделать вывод о сферах проявления дидактического потенциала русского языка в обучении взрослых английскому языку на начальном этапе. На наш взгляд, дидактический потенциал русского языка в обучении взрослых английскому языку на начальном этапе заключается в следующем:

- опоре на учебно-методические пособия по английскому языку, подготовленные на родном языке;
- минимизации негативного опыта изучения английского языка посредством обращения к родному языку;
- благоприятной атмосфере языкового сотворчества на занятии;
- возможности преподавать на русском языке коррективный курс фонетики английского языка, имеющий целью ознакомить взрослых обучающихся с системой английских гласных (согласных) фонем, типами слога, правилами деления на слоги, типами ударения и интонацией;
- подготовке на русском языке алгоритмов, отражающих грамматические феномены английского языка;

- минимизации средствами русского языка коммуникативных барьеров при изучении английского языка;
- диагностике уровня языковой подготовки слушателей и определении аспектов, требующих дополнительного изучения и / или корректировки.

Литература

1. Key Facts and Figures about the European Union. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2004. – 79 pp.
2. Мартинович, Н.С. Тенденции развития образования взрослых в условиях Болонского процесса / Н.С. Мартинович // *Технология наставничества: зміст, структура, основні характеристики: матеріали наук.-практ. конф.* / редкол.: С.Я. Харченко, Є.М. Хриков, О.І. Кравченко. – Луганськ: Альма-матер, 2005. – С. 45–50.
3. Ur, P. A Course in Language Teaching: Practice and Theory / P. Ur. – Cambridge University Press, 2009. – 388 pp.
4. Кулиева, О.Н. Использование родного языка в преподавании иностранного: вред или польза? / О.Н. Кулиева, Е.Н. Горегляд // *Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сб. науч. ст.* / под общ. ред. И.П. Зайцевой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 40–44.
5. Мацько, Д.С. Особенности обучения английскому языку взрослых в системе дополнительного образования / Д.С. Мацько // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования.* – 2018. – № 2. – С. 126–129.
6. Каширина, Л.Н. Алгоритмы в обучении грамматике французского языка / Л.Н. Каширина // *Иностранные языки в школе.* – 2000. – № 4. – С. 44–46.
7. Fedicheva, N.V. Teaching English as a foreign language: educational guidance / N.V. Fedicheva. – Lugansk: «Lugansk Taras Shevchenko LNU», 2011. – 240 pp.
8. Махмуриян, К.С. Особенности контроля в системе дополнительного послевузовского образования / К.С. Махмуриян // *Современные теории и методики обучения иностранным языкам* / под общ. ред. Л.М. Фёдоровой, Т.И. Рязанцевой. – М.: Изд-во «Экзамен», 2004. – С. 205–209.

Поступила в редакцию 20.09.2019

Процесс обучения испанскому языку носителей русского языка как родного

Сидоренко А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск

В настоящее время развитие экономики стран Латинской Америки позволило этому региону увеличить своё влияние на мировой арене, что обусловило рост интереса к изучению испанского языка.

Цель статьи — рассмотреть основные особенности преподавания испанского языка русскоязычным студентам, проблемы и сложности, с которыми сталкиваются как студенты, так и преподаватели в процессе изучения испанского языка как иностранного.

Материал и методы. Материалом послужили методические разработки в сфере обучения испанскому языку носителей русского языка, составленные испаноговорящими и русскоговорящими авторами (Rafael Tirado, Maniela Pino, В.С. Виноградов). В процессе исследования использовались методы анализа и обобщения литературных источников, поднимающих проблемы преподавания испанского языка русскоязычной аудитории.

Результаты и их обсуждение. В процессе изучения испанского языка русскоязычные студенты сталкиваются с некоторыми сложностями как на письме, так и в ходе овладения устной речью на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Это связано с тем, что в сознании ученика на первый план всегда выходят система, нормы и употребление родного языка, которые он бессознательно стремится применить к иностранному языку; чтобы подобный перенос не стал источником ошибок, возникает необходимость включить контрастирующие элементы в процесс обучения иностранному языку, т.е. в учебных пособиях следует делать упор на явления в иностранном языке, которые противоположны явлениям в родном языке, и детально объяснять грамматические, фонетические и лексические особенности, несовпадающие в двух языках, а также включать упражнения для их усвоения.

Полученные результаты могут быть использованы на занятиях по испанскому языку.

Заключение. Таким образом, изучение интерференции, которая возникает между двумя языками, позволит сделать выводы, которые послужат рекомендациями для преподавателей испанского языка, работающих с русскоговорящими студентами.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, испанский язык, русский язык, опора на родной язык, интерференция.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 179–182)

Teaching Russian-Speaking Students Spanish as a Foreign Language

Sidorenko A.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

At present, the development of the economy of the countries of Latin America has allowed this region to increase its influence in the world, which has led to a growing interest in learning Spanish.

The research goal is to consider main features of teaching Spanish to Russian-speaking students, problems and difficulties faced by both students and teachers in the process of learning Spanish as a foreign language.

Material and methods. The material of the study was methodological guidelines in the field of teaching Spanish to Russian speakers, compiled by Spanish-speaking and Russian-speaking authors (Rafael Tirado, Manuela Pino, V.S. Vinogradov). In the process of the research, methods of analysis and synthesis of literary sources that raise the problems of teaching Spanish to Russian-speaking audience were used.

Findings and their discussion. The findings can be used in Spanish classes.

In the process of learning Spanish, Russian-speaking students face some difficulties both in writing and in the process of mastering oral speech at the phonetic, morphological, syntactic and lexical levels. This is due to the fact that in the consciousness of the pupil the system, norms and the use of the native language always come to the fore, which he unconsciously seeks to apply to a foreign language; so that such a transfer does not become a source of errors, it is necessary

to include contrasting elements in the process of teaching of a foreign language, i.e. textbooks should focus on phenomena in a foreign language that are opposed to phenomena in the native language and explain in detail the grammatical, phonetic and lexical features that do not match in two languages, and also include exercises for their mastery.

Conclusion. *Thus, the study of the interference that occurs between the two languages will allow conclusions to be drawn that will serve as recommendations for Spanish teachers working with Russian-speaking students.*

Key words: *foreign language teaching, Spanish, Russian, mother tongue base, interference.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 179–182)

В настоящее время достаточно интенсивное развитие экономики стран Латинской Америки позволило государствам этого региона увеличить своё влияние на мировой арене, что обусловило, в том числе, и рост интереса к изучению испанского языка.

Цель статьи – аналитически обобщить проблемы и сложности, с которыми сталкиваются как студенты, так и преподаватели в процессе изучения испанского языка в качестве иностранного, учитывая при этом основные особенности преподавания испанского языка русскоязычной студенческой аудитории, а также предложить пути предотвращения возможных сложностей.

Материал и методы. Материалом послужили методические разработки для обучения испанскому языку носителей русского языка, составленные испаноговорящими и русскоговорящими авторами (Rafael Tirado, Manuela Pino, В.С. Виноградов). В процессе исследования использовались методы наблюдения, анализа и обобщения библиографических источников, в которых разноаспектно рассматриваются проблемы преподавания испанского языка русскоязычной аудитории.

Результаты и их обсуждение. Одним из ключевых факторов, который, с нашей точки зрения, нельзя игнорировать в процессе преподавания иностранного языка, – необходимость учёта родного языка обучаемого. Особый акцент на обозначенном положении должен быть поставлен и в связи с тем, что влияние данного фактора, по нашим наблюдениям, нередко явно уменьшается. При этом очевидно, что под влиянием родного языка обучающимися допускаются не абсолютно все ошибки, однако наиболее частотные, обычно обусловленные интерферентными процессами.

Под интерференцией мы, вслед за рядом исследователей, понимаем случаи, когда при употреблении одного языка совершаются ошибки (на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и/или лексическом уровнях), мотивированные влиянием другого языка [1, с. 20].

Интерференция возникает в основном из-за существования контрастирующих элементов между лингвистическими системами родного и иностранного языка, что провоцирует определённые проблемы в процессе обучения. Это в значительной степени обусловлено тем, что в сознании студента на первый план всегда выходит система родного языка, которую он подсознательно пытается использовать и по отношению к языку, изучаемому в качестве иностранного.

Особое внимание в процессе обучения иностранному языку в связи со сказанным следует уделить контрастирующим элементам двух языков, что будет способствовать предотвращению ошибок интерферентного характера: студент сможет заранее получить сведения о случаях, в которых изучаемый язык имеет отклонения от предполагаемой им нормы.

Остановимся подробнее на рассмотрении ряда сложностей, с которыми сталкиваются русскоязычные студенты в процессе изучения испанского языка, овладевая как письменной, так и устной формами речи на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях.

Письмо как вид речевой деятельности. Одной из важнейших причин возникновения интерференции в данной области является использование различного алфавита: латинского и кириллического соответственно.

Современный русский алфавит основан на одном из вариантов кириллицы (греческого происхождения), применяемом также и другими языками (славянскими и неславянскими), который состоит из 33 букв. Обратив особое внимание на сходные буквы, можно прийти к выводу, что некоторые из них совпадают полностью (например, *a, e, o* и *k*); другие очевидно отличаются как графически, так и фонетической значимостью (например, русские: *б, г, ж, з, ш, ы, ю, я* или испанские: *ll, ñ, z*) [2, с. 416].

На начальном этапе изучения испанского языка в качестве иностранного русскоязычные студенты (к этой аудитории мы относим также носителей других славянских языков, использующих кириллицу: украинского, белорусского, болгарского и т.д.), как правило, испытывают сложности в усвоении алфавита (из-за отмеченных выше отличий), однако они не представляются нам особенно серьёзными, так как в большинстве случаев студенты уже сталкивались с латинским алфавитом – например, при изучении английского или немецкого языков как иностранных.

Немало времени потребуется и для преодоления трудностей при овладении навыками связной письменной речи, поскольку при этом студенту необходимо научиться писать в том числе и буквы, которые не имеют аналогов в кириллице, их воспроизведение на письме иногда приводит к неразборчивости почерка.

Некоторую трудность для русскоязычного студента представляют также правила испанской орфографии, это также происходит под интерферентным влиянием норм, принятых в его родном языке. Так, в испанском

языке в названиях организаций каждое слово пишется с прописной буквы, в то время как в русском языке в большинстве случаев – только первое: например: *Fondo Europeo de Desarrollo Regional* / *Европейский фонд регионального развития*; *Fondo Monetario Internacional* / *Международный валютный фонд*.

Наиболее распространённой пунктуационной ошибкой при освоении испанского языка является чрезмерное использование запятых, употребление которых в двух языках существенно отличается. Например, в русском языке части сложных предложений разного типа в подавляющем большинстве случаев отделяются знаками препинания, преимущественно – запятыми; носителями русского языка эти знаки препинания по аналогии употребляют и при письме на испанском языке, что зачастую приводит к ошибкам: *Quiero que me ayudes* / *Я хочу, чтобы ты мне помог*; *Espero que haga buen tiempo el domingo* / *Надеюсь, в воскресенье будет хорошая погода*; *Ana tiene miedo de que la despidan* / *Анна боится, что её уволят*.

Значительные проблемы возникают при овладении таким видом речевой деятельности, как *чтение*, поскольку написание известных уже обучающимся латинских букв нередко может не совпадать с известным ранее обучающимся их звуковым значением: так, испанская буква «с» произносится как «s»; «g» как «d»; «m» как «b»; «u» как «и», а «e» как «ie».

Остановимся на некоторых типичных ошибках интерферентного характера, допускаемых носителями русского языка при изучении испанского на разных языковых уровнях.

Фонетический уровень. Интерференция, которая возникает ввиду различия фонетических систем обоих языков, свойственна этому уровню в большей степени, нежели другим, и соответственно встречается чаще [2, с. 417].

Основные отличия на этом уровне можно отнести к следующим:

а) различия в системах гласных: в русском языке существует 6 гласных звуков: /a/, /o/, /y/, /э/, /и/ и /э/, которые сохраняют своё значение только в ударном положении, например, звуки /o/ и /e/: *ун*, но *она* [анá], *стол* [стол], но *столы* [сталы́]; в отличие от них испанские гласные никогда не редуцируются, несоблюдение этого правила при произношении часто приводит к изменению смысла слова или фразы, например: *contar* / *cantar* (*считать* / *петь*), *retener* / *ritiner* (*задерживать* / –), *Francisco* / *Francisca* (*мужское* / *женское имя*), *todos los nicos* / *todas las nicas* (*все мальчики* / *все девочки*);

б) несовпадения в системах согласных: испанские фонемы /z/ и /ш/ не существуют в русском языке, артикуляция некоторых русских и испанских фонем различается (например: /c/ и /s/, /ч/ и /ch/, /н/ и /n/, /л/ и /l/, /р/ и /r/).

Морфологический уровень. На данном уровне трудности для обучающихся увеличиваются. Рассмо-

трим наиболее частотные ошибки, связанные с интерферентными процессами:

а) употребление артиклей. В связи с отсутствием артиклей в русском языке овладение правилами их употребления в испанском становится для русскоязычных обучающихся непростой задачей. Основные случаи, на которые преподаватель должен обратить внимание в этом плане:

– использование определённого артикля вместо неопределённого и наоборот: *mi padre me ha comprado el coche, se han ido a una playa*;

– отсутствие артикля в случае, когда он необходим: *trabajan en fábrica, es necesario fregar platos*;

– употребление артикля в случаях, когда его использование необязательно: *mi padre no tiene el trabajo, hay que tener los amigos en todas partes* и т.д.;

– употребление артикля вместо притяжательного местоимения: *me están ayudando los amigos, la hermana se parece mucho a mí*. В данном случае в русском языке притяжательное местоимение не применяется [3, с. 5];

б) употребление имён существительных. С точки зрения грамматических особенностей данной части речи, основное различие между существительными в двух языках состоит в том, что в испанском языке существительное не изменяется, и все падежные значения выражаются в нём аналитически; в русском же языке основным способом выражения грамматического значения является синтетический, с помощью флексий: студентов (Р. п.) – *de los estudiantes*, студентам (Д. п.) – *para los estudiantes*.

Категория рода присутствует в обоих языках, однако разница состоит в том, что в русском языке категория рода состоит из четырёх значений: мужской, женский, средний и общий, а в испанском языке – из двух: мужской и женский. В связи с этой особенностью наиболее частотные ошибки при употреблении форм рода можно разделить на следующие группы:

– по аналогии с русским языком включение слов с соответствующими внешними формальными показателями в категорию женского рода. Например, в русском языке не существует неодушевлённых существительных, которые заканчиваются на -а и относятся к мужскому роду, в то время как в испанском языке присутствуют группы слов, которые относятся к мужскому роду, как, например, существительные греческого происхождения, оканчивающиеся на -ma, -ta: *problema, cometa* и т.д.;

– ошибки, связанные с испанскими существительными, оканчивающимися на -e или согласный, которые могут относиться как к мужскому, так и женскому роду. Ошибки возникают при переносе значения рода существительного из русского языка в испанский язык. Например: *el ciudad* – *город* (м.р.), *la país* – *страна* (ж.р.), *el llave* – *ключ* (м.р.), *el fuente* – *фонтан* (м.р.) [3, с. 27].

Лексический уровень. Одной из основных причин ошибок при переводе испанской лексики носителем русского языка является несовпадение семантическо-

го объёма слова в двух языках и, как следствие, ложные аналогии, обусловленные заимствованием слов из одного языка в другой. Здесь интерференция может быть трёх типов:

– оба слова совпадают полностью: *lingüística* – лингвистика, *sintaxis* – синтаксис (необходимо обратить внимание лишь на разницу в ударении);

– частичное совпадение: *conferencia* – конференция. В данном случае совпадают все значения слова, кроме того в испанском языке в отличие от русского оно также означает «школьный урок»;

– полное отсутствие совпадения: например, слово *inteligencia* следует переводить как *ум, разум, интеллект*, а не *интеллигенция*.

Особого внимания заслуживает лексическая группа, объединяющая глаголы движения (например: *ir, viajar, llegar, volar, llevar, traer* и т.д.), которые представляют большую трудность для русскоязычных студентов [2, с. 422]. Это также объясняется интерференцией, так как, с одной стороны, данная лексическая группа в русском языке намного шире, с другой стороны, каждый язык отражает разные особенности движения: в русском языке важно, производится ли оно только в одном направлении или является двусторонним, осуществляется ли движение с помощью транспорта или пешком, в то время как в испанском языке имеет значение направление, положение говорящего и слушающего. Так, глаголы *venir* и *llegar* в русском языке не различаются, их значения могут быть переданы глаголами *идти, приходить, ехать, приехать, приезжать*. Соответственно наиболее частотной ошибкой является их употребление в предложениях типа «*cuando mi padre viene a su trabajo, cuando yo vengo a mi casa*». С другой стороны, часто русские глаголы *приехать, ездить* переводятся на испанский язык глаголом *viajar* вместо *ir*, так как в русском языке они обозначают движение с помощью транспортного средства, и носители русского языка избегают глагола *ir*, который ассоциируется с движением пешком [4].

Заключение. В преподавании иностранного языка всегда лучше предотвращать ошибки, чем затем преодолевать их, в связи с чем в учебных пособиях

необходимо делать упор на явления в иностранном языке, которые противоположны явлениям в родном языке, и детально объяснять грамматические, фонетические и лексические особенности, несовпадающие в двух языках, а также включать упражнения для их усвоения [1, с. 22].

Очевидно, что в сознании ученика на первый план всегда выходят система, нормы и употребление родного языка, которые он бессознательно стремится применить к иностранному языку. Подобный перенос может стать источником ошибок, поэтому возникает потребность включить контрастирующие элементы грамматики в процесс обучения иностранному языку, что позволяет заранее обратить внимание на случаи, когда иностранный язык представляет отклонения от того, что обучающийся привык считать нормой в родном языке.

Таким образом, в процессе изучения иностранного языка важно учитывать родной язык студента и особенности его лингвистического сознания; изучение интерференции, которая возникает между двумя языками, поможет сделать выводы, которые послужат рекомендациями для преподавателей испанского языка, работающих с русскоговорящими студентами.

Литература

1. Леонтьева, Т.П. Методика преподавания иностранного языка: учеб. пособие / Т.П. Леонтьева [и др.]; под общ. ред. Т.П. Леонтьевой. – 2-е изд., испр. – Минск: Вышэйшая школа, 2016. – 239 с.: ил.
2. Tirado, R. La enseñanza del español a rusohablantes. ASELE Actas XIII (2002) [Электронный ресурс] / R. Tirado, M. Pino // Centro Virtual Cervantes. – Режим доступа: http://www.cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_asele/pdf/13/13_0415.pdf. – Дата доступа: 09.01.2019.
3. Виноградов, В.С. Грамматика испанского языка: Практический курс: учебник для институтов и факультетов иностранных языков / В.С. Виноградов. – 5-е изд. – М.: Книжный дом «Университет», 2001. – 432 с.
4. Фирсова, Н.М. Испанско-русский и русско-испанский словарь / Н.М. Фирсова, Н.Ф. Михеева. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 711 с.

Поступила в редакцию 02.10.2019

Межкультурные информационные взаимодействия в контексте национальной безопасности: основы системного исследования

Солодовникова Т.В.

Белорусский государственный университет, Минск

В настоящее время характерными чертами глобализационных процессов являются возрастание и интенсификация межкультурных информационных взаимодействий, вследствие которых могут возникать риски для национальной безопасности, в том числе и те, которые могут быть описаны как элементы информационных войн.

Цель статьи — уточнить методологию исследования теоретических основ межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности.

Материал и методы. *Материал — публикации зарубежных и отечественных ученых, содержащие концептуальные подходы к исследованию данной проблематики. Методической основой послужили методы эмпирического анализа, системный и институциональный подходы, а также другие общенаучные методы и принципы познания.*

Результаты и их обсуждение. *Представлен обзор зарубежных и отечественных исследований, в фокусе которых лежат проблематика информации как важного современного ресурса и способы информационного воздействия на общественное сознание. Гипотезой выступает тезис, согласно которому из множества межкультурных взаимодействий, представляющих собой сложную многоукладную систему, сочетающую в себе как универсальные, так и национальные особенности, выделяются объективные, неслучайные, регулярно повторяющиеся, длительные межкультурные взаимодействия, способные оказывать самые различные воздействия на национальную безопасность. Обоснован авторский подход к методологии исследования теоретических основ межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности.*

Заключение. *Разработаны методологические этапы познания межкультурных информационных взаимодействий: этап поиска и отбора приемлемой/ых формы интеллектуального постижения исследуемого явления, этап выработки исходных понятий, этап выявления причин, условий и противоречий, порождающих межкультурные информационные взаимодействия, этап установления и структурирования интересов и нормативных потребностей участников коммуникации, этап выявления закономерностей функционирования межкультурных информационных взаимодействий под воздействием различных факторов, этап выработки окончательного варианта исходных понятий и построения идеальной органомиической модели межкультурных информационных взаимодействий, этап верификации модели.*

Ключевые слова: *межкультурное информационное взаимодействие, национальная безопасность, методология, модель.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 183–188)

Intercultural Information Interactions in the Context of National Security: Bases of System Research

Saladounikava T.V.

Belarusian State University, Minsk

Currently, a characteristic feature of globalization processes is the increase and intensification of intercultural information interactions, which may result in risks to national security, including those that can be described as elements of information warfare.

The purpose of this article is to clarify the methodology for studying the theoretical foundations of intercultural information interactions in the context of national security.

Material and methods. *The research material was the publications of foreign and domestic researchers containing conceptual approaches to the study of this problem. The methodological basis was empirical, analysis, systemic and institutional approaches, as well as other general scientific methods and principles of cognition.*

Findings and their discussion. *A review of foreign and domestic studies, which focus on the issue of information as an important modern resource and ways of informational impact on public consciousness, is presented. The hypothesis is the thesis that out of many intercultural interactions, which are a complex multistructure system that combines both universal and national characteristics, objective, nonrandom, regularly repeating, long-term intercultural interactions are able to exert*

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com — Т.В. Солодовникова

a variety of effects on national security. The author's approach to the research methodology of the theoretical foundations of intercultural information interactions in the context of national security is substantiated.

Conclusion. *The methodological stages of cognition of intercultural informational interactions are developed: the stage of searching and selecting acceptable forms of intellectual comprehension of the phenomenon under study, the stage of developing initial concepts, the stage of identifying the causes, conditions and contradictions that generate intercultural informational interactions, the fourth stage of establishing and structuring the interests and normative needs of communication participants, the stage of identifying patterns of functioning of intercultural information interactions under the influence of various factors, the stage of developing the final version of the initial concepts and building the ideal organomic model of intercultural information interactions, the stage of model verification.*

Key words: *intercultural information interaction, national security, methodology, model.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 183–188)

В своем докладе на II Съезде ученых Президент А.Г. Лукашенко отметил, что «СМИ и интернет наполнены мнениями различных псевдоаналитиков, которые пытаются разрушить стабильность и спокойствие в нашем обществе – и не только в нашем. Сегодня идет глобальная мировая война. Но она идет новыми методами, и прежде всего в средствах массовой информации». Республика Беларусь, являясь молодым, независимым государством, находится на стыке интересов различных государств, в результате чего наша страна все чаще становится объектом информационных войн и вынуждена в этих условиях отстаивать свои национальные интересы [1].

Актуальность исследования, таким образом, обусловлена важностью выявления из огромной массы коммуникативных актов непрерывно совершенствующихся приемов и способов информационного воздействия на общественное сознание, в том числе и с помощью лингвистических средств, используемых в современном медиальном пространстве, для чего и необходимо разработать соответствующий инструмент.

Несмотря на то, что до настоящего времени никто системно не исследовал проблематику межкультурных взаимодействий в контексте национальной безопасности, проблемами информации как ресурса ученые занимаются относительно давно. Впервые исследованием информации как особого социального ресурса занялись основоположники кибернетики и математической теории связи, которым удалось выработать методы и способы ее математического измерения, показать ее значение в кибернетике и для теории полукоткрытых кибернетических систем (Н. Винер, А. Тьюринг, Дж. фон Нейман, К. Шеннон). В 60-е гг. XX в. под воздействием объективных исторических процессов, когда на смену традиционному индустриальному обществу приходит новое общество, характеристики которого уже просматриваются, но до конца еще никому неизвестны, философы, социологи, экономисты начинают по-другому смотреть на значение информации для этого общества, вызванное тем, что значение ее в результате ускорения технологического, социального, культурного прогресса стало значительно возрастать, и традиционные методы применения информации, ее защиты на основе традиций, преемственности поколений,

очевидно, перестают работать. В результате этого достаточно большое количество авторов подходит к проблеме исследования информации как принципиально нового ресурса (Д. Белл, З. Бжезинский, Э. Тоффлер, А. Турен, Ж. Фурастье, И. Валлерстайн, П. Друкер, М. Маклюэн, Ю. Хабермас). Важно подчеркнуть, что взгляды этих авторов в ряде случаев были не только не комплементарны, но и противоречили друг другу, между ними велась заочная полемика, как по характеристикам будущего общества, так и по роли информации в нем. Вместе с тем все они признавали необходимость исследовать это новое общество и вырабатывать механизмы для его понимания.

В российской исследовательской традиции проблематика информации в жизни нынешнего общества по ряду исторических причин стала рассматриваться немного позже: в технологическом аспекте информатизации (А.И. Берг, В.М. Глушков, Г.Р. Громов и др.), в социальном (Е.Е. Данилова, Д.В. Ефременко, Е.С. Затуливетер, И.Н. Курносов и др.), в аспекте медиатизации и виртуализации (А.А. Бодров, И.А. Грибов, О.И. Елхова, Д.В. Иванов и др.), в аспекте информационной антропологии (М.Г. Абрамов, Ю.А. Васильчук, А.Д. Еляков, В.А. Кутырев и др.). Проблемам воздействия на сознание посредством лингвистических инструментов посвящены работы Ю.А. Бельчикова, М.Р. Желтухиной, В.Г. Костомарова, А.А. Масленниковой, Т.М. Николаевой, Г.Я. Солганика. Исследования данных авторов объединены проблемой искаженного формирования картины мира и манипулированием общественным мнением с помощью языка СМИ: «Посредническая роль СМИ настолько велика, что картина мира, создаваемая ими, может иметь очень мало общего с действительностью; иными словами, СМИ создают события речевые, виртуальные, а не отражают реальные. Примеры – пропагандистская подготовка бомбардировок Югославии авиацией НАТО – так называемой гуманитарной миссии на Балканах, вторжения США в Ирак – так называемой антитеррористической операции на Ближнем Востоке, паника вокруг так называемого свиного гриппа» [2, с. 200].

За рубежом в русле критического дискурса-анализа в последние годы теорией манипулирования, стратегиями аргументации, механизмами убеждения занимаются такие ученые, как Т. Ван Дейк, Л. де Соссюр, С. Освальд, Д. Майа, А. Роччи [3–6].

Проблематика межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности не является принципиально новой и для Республики Беларусь. В свое время в коллективной монографии под редакцией М.В. Мясникова, В.В. Пузикова и др. прямо указывается угроза попадания в информационную зависимость от технологически более развитых стран: «Сегодня в список информационно колонизируемых стран входит и Республика Беларусь. Поскольку единое информационное пространство требует унификации информационных и телекоммуникационных технологий всех стран субъектов информационного сообщества, а необходимая сегодня степень информатизации может быть достигнута лишь в обществе с высоким научно-техническим и промышленным потенциалами и достаточным культурно-образовательным уровнем населения, страны-лидеры в использовании информационных технологий и услуг проявляют самую “трогательную” заботу и участие в формировании и развитии белорусского информационного рынка и образовании персонала» [7]. Таким образом, по ряду причин теоретико-методологические основы исследования собственно межкультурных взаимодействий в контексте национальной безопасности изучены недостаточно.

В качестве рабочей гипотезы выступает тезис, согласно которому межкультурные информационные взаимодействия в современном обществе постоянно расширяются и совершенствуются, носят стохастический и объективный характер. Существующие сегодня представления об этих взаимодействиях в зависимости от дисциплины носят частный характер и рассматривают данный тип взаимодействий одноаспектно. Например, политология все межкультурные взаимодействия сводит к политическим либо к политико-культурным отношениям; с точки зрения информатики, межкультурные взаимодействия сводятся к проблеме равного для всех, вне зависимости от географического расположения, доступа к нынешним информационным технологиям; культурология, в свою очередь, исследует межкультурные информационные взаимодействия сквозь призму культурно-цивилизационного подхода; с позиций экономических дисциплин, межкультурные информационные взаимодействия сводятся исключительно к институциональным обменам, где информация представлена в форме институтов или правил игры (по Д. Норт). Предполагается, что из множества межкультурных взаимодействий, представляющих собой сложную многоукладную систему, сочетающую в себе как универсальные, так и национальные особенности, выделяются объективные, неслучайные, регулярно повторяющиеся, длительные межкультурные взаимодействия, способные оказывать самые различные воздействия на национальную безопасность.

Цель статьи – уточнить методологию исследования теоретических основ межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности.

Материал и методы. Материал – публикации зарубежных и отечественных ученых, содержащие концептуальные подходы к исследованию данной проблематики. Методической основой послужили методы эмпирического анализа, системный и институциональный подходы, а также другие общенаучные методы и принципы познания.

Результаты и их обсуждение. С тем, чтобы уточнить методологию исследования теоретических основ межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности с учетом ограниченности объема данной статьи, оговоримся, что целью научно-исследовательского проекта не является развитие методологии научного познания, т.е. предлагаемая работа носит не онтологический характер, а напротив, нацелена на более глубокое познание феномена межкультурных информационных взаимодействий. В связи с этим нами оставляется за собой право не разрабатывать все методологические принципы нашего исследования, а, взяв за основу уже существующие и проверенные временем, готовые методологические принципы, лишь адаптировать их под наши исследовательские задачи.

С учетом вышеназванной гносеологической оговорки используем в качестве основы для уточнения методологии исследования теоретических основ межкультурных информационных взаимодействий разработки белорусских ученых, приверженцев деятельностного подхода при исследовании общественных феноменов (Н.В. Герасимов, А.П. Морова, С.Ю. Солодовников, Л.П. Васючонок и др.).

В рамках обозначенного подхода при исследовании любого социального феномена сегодня предлагается «последовательно пройти некоторые методологические уровни познания» [8, с. 137], а именно – взаимосвязанные и последовательно используемые гносеологические уровни. Поскольку в рамках деятельностного подхода существует по крайней мере две модели построения и применения этих гносеологических уровней, попробуем создать на их основе гибридную органомическую [9] модель, дополняя ее по мере необходимости теми атрибутивными признаками, которые, по нашему мнению, будут способствовать такому уточнению методологии исследования теоретических основ межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности, которое позволит рассмотреть межкультурные информационные взаимодействия не как застывшее явление, а напротив, как живой постоянно меняющийся объект.

На первом этапе происходит «поиск и отбор формы интеллектуального постижения явлений социальной реальности <...>, определяющих данной воздействие, и включающее в себя познание его цели <...> и проекции практического преобразования» [10]. В нашем случае это означает то, что для исследования проблемы межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности наиболее приемлемой формой познания явля-

ется филология, опирающаяся на привлечение в ряде случаев подходов, используемых другими сопредельными с ней дисциплинами или направлениями.

На втором этапе «вырабатывается предварительное представление об исходных центральных понятиях исследования» [8], даются их рабочие определения, «при завершении исследования эти понятия могут быть уточнены или даже изменены, но это не избавляет исследователя, последовательно опирающегося в своей работе на принцип системности, от необходимости при научном описании того или иного социального феномена, как минимум, представлять объект исследования» [8]. Соответственно для начала исследования проблемы межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности следует дать рабочие определения исходных понятий, в том числе таких, как межкультурное взаимодействие; межкультурное информационное взаимодействие; факторы, обуславливающие процесс межкультурных информационных взаимодействий; принципиальная модель межкультурных информационных взаимодействий; субъект и объект межкультурных информационных взаимодействий.

На третьем этапе «следует сконцентрировать внимание на выявлении и раскрытии причин, условий, противоречий, порождающих» исследуемый феномен, показать его «историческую обусловленность, <...> генезис и тенденции движения» [8]. В нашем случае это означает, что нужно установить и раскрыть причины, условия, противоречия, лежащие в основе межкультурных информационных взаимодействий, показать их историческую обусловленность, генезис и тенденции движения с учетом того, когда названные взаимодействия стали непосредственно влиять на национальную безопасность и когда необходимость обеспечения последней начала оказывать сущностное, устойчивое, неслучайное, регулярно повторяющееся влияние на эволюцию названных коммуникаций.

На четвертом этапе происходит выявление потребностей и интересов, «которые вызывают необходимость существования и реализуются (удовлетворяются) посредством <...> тех или иных социальных субъектов (*общественных феноменов – примечание авторов*)» [8], «причин и условий, препятствующих реализации цели» [10], что делает возможным «выявление и структурирование движущих сил, определяющих возможность достижения поставленной цели» [10]. В нашем случае это означает то, что в гибридную органомическую модель межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности должен быть обязательно включен блок, показывающий, какие нормативные потребности и интересы стремятся реализовать субъекты, участники этих коммуникаций, а также в каких условиях происходит эта реализация и как структурируются усилия этих субъектов, определяющие возможность достижения поставленных целей одними участниками назван-

ных информационных взаимодействий за счет интересов других участников.

На пятом этапе «раскрываются функциональные цели исследуемого феномена, а также материальные и социальные условия реализации целей и осуществления соответствующей деятельности социальных субъектов, показываются формы и способы реализации целей социальных субъектов» [8], устанавливаются способы «изменения данных сил (факторов), <...> и определение оптимальной комбинации данных факторов» [10]. Отличие пятого этапа от четвертого заключается в том, что если на четвертом этапе выясняется, каким образом и под влиянием каких потребностей и интересов сформировался данный феномен, какие предпосылки, причины и условия повлияли на этот процесс и какой баланс сил (системы реализации интересов) в результате сложился, то на пятом этапе устанавливаются закономерности функционирования этого феномена, когда он уже достиг степени зрелости и начинает эволюционировать во многом на своей собственной основе за счет своих внутренних устойчивых связей и отношений, т.е. собственной структуры, трансформируя (иногда до неузнаваемости) действия внешних факторов, первоначально повлиявших на появление этих феноменов.

Иначе говоря, если в начале мы исследовали, почему и как была преодолена синкретичная стадия развития этого феномена, за счет каких движущих сил он стал тем, чем стал, то на пятом этапе мы исследуем, каким образом он функционирует на своей собственной основе, исходя из своих собственных закономерностей (в том числе руководствуясь своим главным экономическим интересом – упрочением социально-экономической жизнестойкости).

На четвертом этапе сформировалась некая система, для нормального функционирования которой необходимы индивиды, объединенные в социально-профессиональную группу, ее обслуживающие. Это происходит, поскольку без людей общественных феноменов не существует. У этих индивидов начинают формироваться компетенции и навыки, необходимые для надлежащего выполнения подобных функций, что ведет к формированию специфических профессиональных навыков и на этой основе специфических социально-профессиональных групп [11]. Как только социальная структура принимает устойчивый характер, а она его принимает тогда, когда завершается преодоление синкретичного характера общественного феномена, социальные группы, возникшие в этой новой системе, начинают удовлетворять свои социально-экономические интересы за счет выполнения определенных социальных функций в рамках этого феномена. Поскольку чем выше общественное признание результатов их труда, тем выше их социальный статус и тем лучше реализуются их интересы, то они начинают действовать исходя не только из своих функций в системе, но и в своих эгоистических целях. Вот это и исследуется на пятом этапе.

В нашем случае это означает то, что нормативные (нормативно-функциональные) потребности и интересы субъектов, участников межкультурных информационных взаимодействий, сформировавшиеся при завершении синкретичной стадии существования этих взаимодействий, дополняются закономерностями реально-онтологического функционирования этих коммуникаций, когда они уже достигли степени зрелости и на них начинают оказывать влияние как объективные (объектные и субъектные), так и субъективные факторы, обусловленные стремлением профессиональных участников межкультурных информационных взаимодействий повысить собственный социальный статус и реализацию своих потребностей. Таким образом, сегодня формы нормативных межкультурных информационных взаимодействий могут эволюционировать до неузнаваемости под воздействием как внешних факторов, первоначально повлиявших на появление этих феноменов, так и в результате эгоистических мотивов их участников.

Говоря о допустимости разграничения четвертого и пятого гносеологических этапов, считаем необходимым отметить то, что нами здесь аксиоматически не используется точка зрения О. Конта и Г. Спенсера на разграничение эволюции социальных систем как социальных анатомии (стадии формирования) и физиологии (стадии эволюции системы на своей собственной основе). Из такого подхода следует, что возможно отделить структуру общества от его функций и что социум можно рассматривать «...как некую жесткую сущность, осязаемый объект, отдельно от происходящих в нем процессов» [12, с. 19]. В соответствии с этими взглядами конечный итог развития общества «...уподоблялся результату эволюции организма (от эмбриона к зрелости). Предполагалось, что существует некое устойчивое состояние общества, которое можно наблюдать и анализировать независимо от состояния последнего» [12, с. 19].

В данной работе нами разделяется позиция известного польского социолога П. Штомпка, аргументированно доказавшего методологическую ошибку О. Конта и Г. Спенсера при таком разграничении. Действительно, для сложных социальных систем подобный подход (Г. Спенсер) методологически неверен, но поскольку филологические системы относятся к знаковым системам, т.е. к таким системам, в которых факторы, влияющие на их формирование, и факторы, обуславливающие их эволюцию, могут быть четко разграничены во времени, то такой подход для них представляется гносеологически перспективным при рассмотрении межкультурных информационных взаимодействий как онтологических явлений. При изучении межкультурных информационных взаимодействий как феноменологического явления указанное разграничение будет гносеологическим упрощением.

На шестом этапе вырабатываются «идеальные модели и нормы, регулирующие функционирование социально-субъектных отношений» [8]. При этом используются результаты, полученные на предыдущих пяти этапах. Задача этого этапа – сформулировать закон, предопределяющий существование и развитие исследуемого явления. Иначе говоря, здесь категориально определяются объект исследования и базовые концепты. Таким образом, на данном этапе вырабатывается окончательный вариант исходных понятий, уже как категорий. В нашем случае это означает то, что на указанном этапе нами должен быть сформулирован закон межкультурных информационных взаимодействий как идеальная органомика модель.

На седьмом этапе проводится соотнесение полученной идеальной органомика модели с исследуемым феноменом, при этом устанавливаются в нем общее и особенное. Задача этапа – выявить закономерности, предопределяющие существование и развитие исследуемого явления как феномена. После и в процессе этого проводится мониторинг «модели, оценка результатов с последующей ее коррекцией» [10]. Коррекция происходит в том случае, если обобщение наблюдений за реальными объектами выявило не обнаруженные исследователем ранее общие моменты в их жизнедеятельности. В нашем случае это означает то, что устанавливаются закономерности межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности.

Заключение. Следовательно, заключим вышесказанное в гносеологическое рамочное пространство. На данном этапе исследования нами была уточнена методология исследования теоретических основ межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности, в том числе разработаны методологические этапы познания исследуемого феномена с опорой на существующие общепризнанные философские принципы:

- первый этап поиска и отбора приемлемой/ых формы интеллектуального постижения исследуемого явления;
- второй этап выработки центральных исходных понятий исследования;
- третий этап выявления причин, условий и противоречий, порождающих межкультурные информационные взаимодействия, с учетом их исторической обусловленности, генезиса и тенденции движения;
- четвертый этап установления и структурирования интересов и нормативных потребностей участников коммуникации, определяющих возможность достижения поставленных целей одними участниками межкультурных информационных взаимодействий за счет интересов других участников;
- пятый этап выявления закономерностей функционирования межкультурных информационных взаимодействий под воздействием как внешних факторов, первоначально повлиявших на появление этих феноменов, так и в результате эгоистических мотивов их участников;

– шестой этап выработки окончательного варианта исходных понятий, уже как категорий, построения идеальной органомиической модели межкультурных информационных взаимодействий;

– седьмой этап соотнесения полученной идеальной органомиической модели с исследуемым феноменом, мониторинга модели и оценки результатов с последующей коррекцией.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г19М-003 от 02.05.2019.

Литература

1. Лукашенко: «Интернет не всегда на пользу Беларуси» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tvnews.by/comm/11943-lukashenko-internet-ne-vsegda-na-polzubelarusi.html>. – Дата доступа: 14.11.2019.
2. Сурикова, Т.И. Журналист, аудитория, власть: лингвоститические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ / Т.И. Сурикова // Язык СМИ и политика / под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. – 952 с.
3. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. Ван Дейк / пер. с англ. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», URSS, 2013. – 352 с.
4. De Saussure, L. Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind / L. de Saussure, P. Schulz. – John Benjamins Publishing, 2005. – 312 p.
5. Rocci, A. Verbal Communication / A. Rocci, L. de Saussure. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. – 603 p.
6. De Saussure, L. Extending presuppositions to discourse: a tribute to Eddo Rigotti / L. de Saussure // Language, reason and education. – Peter Lang, 2014. – P. 279–299.
7. Мясникович, М.В. Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы: монография / М.В. Мясникович [и др.]. – Минск: Изд-во «Экономика и право», 2003. – 451 с.
8. Солодовников, С.Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С.Ю. Солодовников / науч. ред. П.Г. Никитенко; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2006. – 530 с.
9. Бэкон, Ф. Новый органон / Ф. Бэкон. – Рипол Классик, 2019. – 364 с.
10. Солодовников, С.Ю. Регулирование действия факторов, предопределяющих эволюцию социально-экономической системы общества переходного периода: на примере Республики Беларусь [Электронный ресурс] / С.Ю. Солодовников // Санкт-Петербургский научный вестник. – 2019. – № 3(4). – Режим доступа: URL: <http://spbvestniknauka.ru/ru/5>. – Дата доступа: 10.06.2019.
11. Сорокин, П.А. Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика. Ч. 1: Учение о строении простейшего (родового) социального явления / П. Сорокин. – Пг.: Колос, 1920. – XIV, [1]. – 360 с.
12. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Поступила в редакцию 05.12.2019

Сравнительно-сопоставительный анализ средств выразительности передачи образа матери в произведениях Б. Брехта и М. Горького

Турковская Е.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск*

В статье раскрыт образ матери во взаимосвязи с внелитературным контекстом: историческим, социальным, культурным; представлен сравнительный анализ художественных способов и средств передачи образа матери в произведениях Б. Брехта и М. Горького.

Цель работы — определить содержательные характеристики образа матери и выявить художественные средства его воплощения в произведениях Б. Брехта и М. Горького.

Материал и методы. Теоретическую базу исследования составили труды как отечественных (П.В. Басинского, Л.П. Кременцова, Л.А. Смирновой, И.М. Фрадкина, С.Д. Артамонова, Г.Н. Пospelova), так и зарубежных (К. Давид, В. Хинк, Б. Есинг, Р. Кёнен, Р. Кэммерлингс, К. Хёрнляйн, У. Шримпф, Ф. Турм) авторов, практическую — художественные произведения Б. Брехта и М. Горького. Были использованы методы: историко-культурный, типологический, описательно-аналитический, контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Исследованы жанрово-стилевые особенности анализируемых произведений. Рассмотрено влияние культурно-исторического контекста на эволюцию образа матери как литературного феномена. Определена содержательная сущность образа матери в образах произведений русской и зарубежной литературы. Выявлены характеристики, приобретаемые образом матери в процессе его развития в произведениях. Сопоставлены языковые средства выразительности и художественные приемы создания образа матери в произведениях Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» и М. Горького «Мать».

Заключение. Уникальный образ матери в литературе формируется с помощью языковых средств художественной выразительности. Авторы используют сравнения, метафоры, эпитеты, анафору, персонификацию и метонимию, чтобы создать глубокий и неповторимый образ матери. С помощью разнообразных средств художественной выразительности М. Горькому и Б. Брехту удалось передать свой особый образ матери. Так, концепция образа матери, созданного М. Горьким, заключается в отражении современной автору реальности, писатель отождествляет образ матери с Богородицей, наделяет его революционностью, духовностью, способностью к развитию. Образ матери, изображенный Б. Брехтом, получает следующие характеристики: противоречивость, статичность, пассивность.

Ключевые слова: образ матери, внелитературный контекст, троп, сравнение, эпитет, анафора, метафора, персонификация, метонимия.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 189–193)

A Comparative Analysis of Expressive Means of Presenting the Image of the Mother in Works by B. Brecht and M. Gorky

Turkovskaya E.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The image of the Mother in the relation to the outer literature context: historical, social, cultural is revealed in the article. A comparative analysis of artistic means and tools of conveying the image of the mother in B. Brecht's and M. Gorky's works is presented.

The research purpose is to identify the content characteristics of the image of the Mother and to reveal artistic means of its implementation in B. Brecht's and M. Gorky's works.

Material and methods. The theoretical research base is works by both domestic (P.V. Basinsky, L.P. Kremmentsov, L.A. Smirnova, I.M. Fradkin, S.D. Artamonov, G.N. Pospelov) and foreign authors (K. David, V. Khink, B. Esing,

R. Koenen, R. Kammerlings, K. Hoernlein U. Schrimpf, F. Turm). The practical research base is works of fiction by B. Brecht and M. Gorky. The historical and cultural, typological, descriptive and analytical and the method of context analysis were used.

Findings and their discussion. The genre and stylistic features of the analyzed works are studied. The influence of the cultural and historical context on the evolution of the image of the Mother as a literary phenomenon is considered. The content essence of the image of the Mother in masterpieces of the Russian and foreign literature is identified. Characteristics which the image of the Mother acquires in the process of its development in works of art are revealed. Linguistic means of expressiveness and artistic tools of the creation of the image of the Mother in B. Brecht's "Mother Courage and her Children" and M. Gorky's "Mother" are compared.

Conclusion. The unique image of the Mother in literature is created with the help of linguistic means of artistic expressiveness. Authors use comparisons, metaphors, anaphora, personification and metonymy to create a deep and unique image of the Mother. Through various means of artistic expressiveness M. Gorky and B. Brecht managed to create their own special images of the Mother. Thus, the concept of the image of the Mother created by M. Gorky consists in the reflection of the author's contemporary reality. The writer equates the image of the Mother with God's Mother, imparts revolutionary and spiritual features to it, the ability to develop. B. Brecht's image of the Mother acquires the following characteristics: it is contradictory, static, passive.

Key words: the image of the Mother, the outer literature context, trope, comparison, epithet, anaphora, metaphor, personification, metonymy.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 189–193)

Во все времена писателями, художниками, музыкантами воспевалась красота женщины. Но именно образ женщины-матери являлся идеалом женской красоты. Мать – это женщина, гармонично соединившая в себе женственность и материнство. XX столетие, именуемое Серебряным веком русской литературы, оставило глубокий след в истории отечественной и мировой словесности. Литература приобрела особую философию. Авторы в своих произведениях изображали испытания, которые пришлось на их трагический век: войну, революцию, кризис религиозного восприятия, трагедию личности в обстоятельствах выбора между долгом и личными интересами.

Цель статьи – определить содержательные характеристики образа матери и выявить художественные средства его воплощения в произведениях Б. Брехта и М. Горького.

Материал и методы. Материалом исследования послужили учебные справочники и пособия П.В. Басинского, Л.П. Кременцова, Л.А. Смирновой, И.М. Фрадкина, труды историка и литературоведа С.Д. Артамонова, советского литературоведа-теоретика Г.Н. Поспелова, литературных критиков Д.В. Затонского и В.В. Набокова, а также труды зарубежных литературоведов, писателей и философов, таких как К. Давид, В. Хинк, Б. Есинг, Р. Кёнен, Р. Кэммерлингс, К. Хёрнляйн, У. Шримпф, Ф. Турм. Материалом для практического анализа средств и приемов выразительности явились произведения Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» и М. Горького «Мать». Обращение к учебным пособиям по истории И.М. Тронского, Х. Шульце, М. Роулинг позволило рассмотреть исторические, социальные, культурные условия и предпосылки создания произведений. При этом были использованы следующие методы: историко-культурный, типологический, описательно-аналитический, контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. В русской литературе в XX веке просматривается тенденция к изображению и возвышению связи между Матерью и Сыном в произведениях, относящихся к революционному и военному времени. К ней в своих произведениях обращались такие писатели, как М. Горький («Мать»), М.А. Шолохов («Тихий Дон»), Л.К. Чуковская («Софья Петровна»), Б.Л. Пастернак («Доктор Живаго»), В.П. Крапивин («Лощман», «Кораблик, или Помогите мне в Пути») А.И. Приставкин («Ночевала тучка золотая»). Так, в романе М. Горького «Мать» революционные идеи и действия послужили объединяющим звеном сына и матери. Осознание того, что героиня своими действиями вносит вклад в революционную борьбу, пробуждает в матери чувство гордости, является основой возникшего у нее чувства самоуважения. Не только Пелагея Ниловна гордится собственным сыном, но и Павел испытывает гордость за свою мать, ставшую ему родной по духу. Такая духовная общность, связь Матери и Сына, воплощенная в общем деле, укрепляет и наполняет глубоким содержанием, способствует постепенному достижению взаимопонимания между героями.

Пьеса Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» была написана в 1939 году и представляет события Тридцатилетней войны XVII века. Работу над пьесой Б. Брехт начал в эмиграции в канун Второй мировой войны. Произведение «Мамаша Кураж и ее дети» отражает повседневность Европы того времени: пьеса была обращена к немецкому населению, которое поддавалось национал-социалистической пропаганде. Драматург пытается предостеречь современников от повторения ошибок прошлого, заставив их вспомнить события двухсотлетней давности.

Б. Брехт создает противоречивый образ матери, обусловленный историческими событиями военного времени. В образе мамашы Кураж соединились два начала: мещанское и материнское. С одной стороны,

Анна Фирлинг является обывательницей, пытающейся нажиться на войне любыми способами. С другой стороны, она мать, любящая своих детей и переживающая за их судьбу. Но так как эти два начала несовместимы, одно из них, материнское, ослабевает. Одна из главных поднимаемых тем пьесы – взаимодействие в системе «человек–история». Драматург выбрал местом и временем действия пьесы Тридцатилетнюю войну, где история непосредственно «участвует» во всех делах и поступках людей, человек и история тесно соприкасаются и взаимообуславливают друг друга [1, с. 159]. В этом соприкосновении Брехт усматривает трагическое начало: люди вынуждены участвовать в истории против своей воли, как заложники исторических обстоятельств. При этом исторический процесс показывается как огромный слепой механизм, изменяющий судьбы людей и поколений.

Так, Б. Брехт создал нетрадиционный для своего времени образ матери. С одной стороны, он изображает мать-защитницу, сильную женщину, заботящуюся о своих детях, что вполне вписывается в исторический контекст XX века. С другой стороны, он обращает внимание на отсутствие связи между матерью и детьми, способной предотвратить многие беды и несчастья. Основная черта образа матери в данном произведении – ослабевание материнского инстинкта и преобладание худших качеств человека, провоцируемых условиями войны.

Анализируя социально-исторические условия рождения образа матери, М. Горький на протяжении всего произведения затрагивает тему положения женщины в современном ему обществе. Так он показывает тяжелое положение женщины-матери в рабочей семье:

«... Мать была незаметной в доме, молчалива, и всегда жила в тревожном ожидании побоев.... Ее тело, разбитое долгой работой и побоями мужа, двигалось бесшумно и как-то боком, лицо ... освещалось темными глазами, тревожно грустными, как у большинства женщин в слободке» [2, с. 59].

Писатель подчеркивает низкое социальное положение замужней женщины и матери. Родители изначально воспитывали девочек с мыслью, что брак и полное, безоговорочное служение мужу – это единственное женское предназначение. Таким образом, в рабочей и крестьянской среде брак с побоями и унижениями женщины воспринимался как нечто естественное и единственно верное. В соответствии с подобным положением женщины в обществе автор изображает мать в начале своего повествования. Но созданный образ матери в романе уникален тем, что героиня проходит духовное становление, ее образ развивается от тихой, запуганной женщины до бесстрашной революционерки, способной мыслить неординарно, задуматься о своей жизни, понять всю несправедливость такого существования. Обогащение души матери можно наблюдать в ее поступках, в изменении ее речи и мышления. В романе «Мать» писатель убедительно продемонстрировал, что не только материнский инстинкт Пелагеи Ниловны

заставляет ее помогать сыну, но и пробудившееся осознание социальной несправедливости:

«Думаю я о своей жизни, – говорит она, – Господи Иисусе Христе! Ну зачем я жила? Побой ... работа ... ничего не видела, кроме страха!» [2, с. 131].

Центральное место в произведении М. Горький отвел матери, и это подчеркивает изменение места женщины в обществе. Автор одним из первых затронул тему социального неравенства между мужчиной и женщиной, создал уникальный в своем роде образ матери, способный развиваться и наполняться новым духовным содержанием.

Выписывая образ мамы Кураж, Б. Брехт изобразил сильную, мыслящую довольно свободно и независимую от мужчины женщину, способную самостоятельно заработать средства к существованию. В пьесе драматургу удалось перейти границы равноправия: не женщина ищет защиты у мужчины, а мужчины просят ее о помощи. Героиня, не имеющая привычку надеяться на кого-то кроме себя, пытается самостоятельно решать все сложившиеся проблемы. На протяжении всего произведения образ матери является статичным. Даже после смерти всех своих детей мамаша Кураж, хоть и постаревшая, остается сильной и независимой женщиной. В пьесе «Мамаша Кураж и ее дети» не прослеживается духовная эволюция матери, скорее, речь идет о постепенной деградации героини. Смерть детей символизирует уничтожение ее материнского начала. Автор осознанно оставляет образ матери статичным, не оставляя надежды на духовное спасение героини. Его цель – воздействовать на разум, заставить зрителя сомневаться в неизбежности происходящего, не решать самому затрагиваемую в пьесе проблему, разбудив чувственно-эмоциональную сферу зрителей, отказаться от иллюзии.

Таким образом, Б. Брехт в обстановке борьбы за равенство полов создает образ матери-одиночки, которая не страдает от собственного положения. Женщина-Мать становится равной мужчине, и равно мужчинам, убивающим и продолжающим воевать, она несет ответственность за свои поступки, зарабатывая на войне [1, с. 244].

Для дальнейшего выявления характерных особенностей образа матери обратимся к анализу средств языковой выразительности, которые дают возможность автору для более полной, точной, яркой и образной передачи своих мыслей, чувств и оценок. Сравним способы выражения обращения героев произведений к матери, с их помощью писатели показывают отношение героев друг к другу и свою авторскую позицию. Так, в романе М. Горького «Мать» Павел Власов говорит со своей матерью с помощью обращений – «мать», «мамаша», «мама», «родная» и местоимений в форме второго лица «ты» и третьего лица «Вы». Автор подчеркивает обращения «мать» и «ты»:

«Он сказал ей “мать” и “ты”, как говорил только тогда, когда вставал ближе к ней» [2, с. 97].

С помощью данных обращений автор изображает близкие и доверительные отношения между матерью

и сыном. Использование обращений «мама» и «мамаша» связаны с эмоциональным состоянием героя. Павел Власов называет мать ласково «мама», «родная», «голубушка», когда чувствует в ней своего сподвижника, продолжателя его дела, раздраженно «мамашей», когда мать излишне беспокоится и опекает его. Стоит отметить, что отстраненное отношение сына к матери в начале произведения выражается с помощью местоимения «Вы», указывающего на уважение к матери, но и на отсутствие близости между родственниками. Позже Павел Власов все чаще обращается к матери с помощью местоимения «ты». Таким образом, автор изображает сближение матери и сына через общее дело.

В пьесе Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» сыновья Эйлиф и Швейцеркас обращаются к своей матери с помощью «Mutter» (мать). Так, автор показывает нейтральные отношения между родственниками в семье, где дети все-таки уважают мать. Применяя единственное обращение «Mutter», драматург изображает отсутствие эмоциональной привязанности детей к матери, отсутствие градации степени выраженности сыновних чувств [3, с. 21].

Такой изобразительный прием, как сравнение, часто используемый авторами, призван вызывать в сознании читателей ассоциации, эмоции и воображение, что способствует возникновению образа у читателя или зрителя. Например, в романе «Мать» находим ряд сравнений: одна из героинь сравнивает свою мать с «маленькой мышкой»:

«Маленькая такая, точно мышка, так же быстро бегают и всех боится» [2, с. 78].

Сравнивая мать с пугливой мышью, автор изображает положение всех замужних женщин и матерей того времени, полностью зависящих от своих мужей-тиранов, страдающих от побоев и испытывающих унижение, страх вызвать вспышку гнева у мужа, имеющих низкий социальный статус. Ярko изображая нелегкую жизнь женщины, М. Горький сравнивает «боль сердца» матери с «тугой струной»:

«Это облегло тихую боль ее сердца, которая, вздрагивая, пела в груди ее, как тугая струна» [2, с. 168].

В этих же строчках мы можем отметить такой прием, как персонификация «боль... пела в груди ее». Так, мать страдает от невозможности изменить женскую долю, боль, сдавливающая ее сердце, кажется, вот-вот порвет его, как рвется «тугая струна». При этом боль не утихает на протяжении всей женской жизни, она «вздрагивая, поет».

Часто прием олицетворения используется авторами для поэтизации речи. М. Горький с помощью персонификации изображает единство рабочих людей, их родственную связь, так как они являются «детьми одной матери – непобедимой мысли о братстве рабочего народа всех стран земли», «все – дети одной матери – правды» [2, с. 82]. Здесь мать является символом объединения людей, их духовного родства, сравниваемого с родственным. Но с помощью пер-

сонификации автор описывает не только образ матери как родительницы всех людей, но и ее душевный подъем после того, как она смогла оказать помощь и тем самым принести пользу своему сыну: «в груди ее птицею пела радость...» [2, с. 129].

В пьесе «Мамаша Кураж и ее дети» Б. Брехт также прибегает к сравнениям. Анна Фирлинг, используя сравнение «...die kleinen Leut wie ich» («маленькие люди вроде меня») [4, с. 270], показывает свою принадлежность к низкому сословию. Также автор на протяжении всей пьесы описывает героев «die kleinen Leut», подчеркивая тем самым их низкий социальный статус. Мать, как и другие герои, не осознает своей роли в войне, более того она оправдывает свои действия собственной незначительностью.

Мамаша Кураж сравнивает себя с «вошью в шубе» («wie die Laus im Pelz») [4, с. 279], которая, как и ее семья, находится в плену. Данное сравнение дано, чтобы показать отношение матери к жизни: в какой бы ситуации она ни оказалась, она из всего сможет извлечь выгоду.

Полковой священник, сопровождавший мамашу Кураж, сравнивает ее с гиеной:

«Sie sind Hyäne des Schlachtfelds» [4, с. 300].

«Вы гиена, которая рыщет по полю боя» [5, с. 126].

Так, образ матери получает негативную оценку со стороны окружающих. Мать сравнивается с хищницей, наживающейся на войне. Также мать сама себя сравнивает с животным:

«Ich komm mir vor wie einen Schlachterhund, ziehst Fleisch für die Kunden und kriegst nix davon ab» [4, с. 327].

«Я как та собака мясника, что разносит мясо покупателям, а сама его не ест» [5, с. 133].

Сравнивая мать с животными, автор пытается изобразить звериные инстинкты, движущие людьми во время войны. Традиционно светлый и возвышенный образ матери в произведении наделяется негативными характеристиками с целью изображения ужасов войны, способных вызвать животный инстинкт у женщины-матери.

При описании внешности матери М. Горький обращается к эпитетам, которые отражают неповторимость восприятия мира автором, вследствие чего приобретают оценочный характер и субъективное значение. М. Горький изображает внутреннее состояние матери: «Ее тело, разбитое долгой работой и побоями мужа» [2, с. 60], «...лицо...освещалось темными глазами, тревожно-грустными, как у большинства женщин в слободке» [2, с. 60], «вся она мягкая, печальная, покорная» [2, с. 60]. Перед глазами читателя возникает образ маленькой, печальной, уставшей и униженной женщины. Через образ матери автор представляет портрет других женщин с «тревожно-грустными глазами». Вся тяжесть жизни «утомленная волнением мать» носит в «наболевшем сердце». Но, несмотря на все невзгоды, автор изображает мать, обладающей «чутким сердцем», «ласкающими глазами».

Б. Брехт также характеризует свою героиню с помощью эпитетов: «mein anständiges Gesicht» («лицо

порядочной женщины»)[4, с. 269], «*ein enunbotmäßiger Geist*» («дух непокорности»)[4, с. 356], «*unglückliche Mutter, ich schmerzensreiche Gebälerin*» («несчастливая мать, я горемычная родительница»)[4, с. 243], «*warmherzige Natur*» («горячее сердце»)[4, с. 298]. Перед читателями предстает портрет сильной, непокорной женщины, являющейся при этом «несчастной матерью», потерявшей всех своих детей.

С помощью метафор, скрытых сравнений повышаются точность поэтической речи и ее эмоциональная выразительность. М. Горькому удалось создать неповторимый образ матери-страдальцы, вечно беспокоящейся о своем сыне:

«В груди ее черным клубком свивалось ожесточение и злоба на людей, которые отнимают у матери сына...» [2, с. 113].

Также с помощью метафор автор раскрывает образ матери – несчастной замужней женщины, состарившейся раньше времени от невзгод семейной жизни. Так мать сама описывает свою жизнь: «...силу мою, ногами затоптанную, молодое сердце мое забитое...» [2, с. 59]. М. Горький метафорично передает состояние матери после ареста сына: «...сердце сжалось, высохло...» [2, с. 208], а ее прежнюю замужнюю жизнь называет «серым свитком печальных дней» [2, с. 225]. Но все же главной идеей создания образа матери остается ее безграничная любовь к сыну: «Ее любовь – любовь матери – разгоралась...» [2, с. 217]. Характеризуя все несчастья, выпавшие на долю женщины-матери, автор возвышенно описывает ее материнскую любовь. Это состояние матери изображается на контрасте унижений, получаемых от мужа, и всплесков всеобъемлющей материнской любви к сыну.

Б. Брехт напротив с помощью метафоры демонстрирует не материнскую сущность героини, а характер опытной торговки. Так, мать называет себя «*ein gebranntes Kind*» («пуганая ворона»)[4, с. 356], проверяя монету, которой с ней расплатились, и, не замечая, как вербовщик уводит ее сына. Автор таким образом подчеркивает всю трагичность происходящего – материнские чувства женщины притупляются, когда речь идет о деньгах и наживе.

Важным в формировании образа матери является один из приемов метонимии, а именно синекдоха, с помощью которого целое заменяется своей составной частью для усиления эмоционального эффекта на читающего или слушающего. Так, образ матери часто опи-

сывают с помощью синекдох «материнское сердце», «мамин голос», «мамины руки».

Также и М. Горький культивирует образ матери с помощью синекдохи «...да здоровствует сердце матери!» [2, с. 118], «острая горечь щипнула сердце матери» [2, с. 145], «...поверьте сердцу матери, седым волосам ее...» [2, с. 383]. Вместо «матери» автор пишет «сердце матери», чтобы сделать акцент на ее душевном состоянии. Так как сердце издавна считается символом любви, материнское сердце является символом любви матери к ребенку.

В пьесе «Мамаша Кураж и ее дети» Б. Брехт использует следующий прием метонимии:

«*Wie wir alle gemischt sind, von Mutterleib an...*» [4, с. 378].

«Все мы перемешаны уже во чреве материнском» [5, с. 82].

С помощью синекдохи «Mutterleib» («чрево материнское») автор ограничивает общественные и культурные функции матери, он присоединяется к традиции назначения женщины лишь к детородной функции [6, с. 184]. Очевидно, Б. Брехту чужда поэтизация при создании материнского образа.

Заключение. Таким образом, благодаря драматургам Б. Брехту и М. Горькому образ матери приобрел особую значимость в литературе XX века. Писателям удалось не только создать яркий и уникальный образ, но он приобрел новые составляющие, что способствовало его дальнейшему развитию в художественной литературе.

Литература

1. Бланшо, М. От Кафки к Кафке / М. Бланшо. – М.: Логос, 1998. – 420 с.
2. Горький, А.М. Избранное: В.И. Ленин. Мать. Враги (Сцены). Старуха Изергиль / А.М. Горький. – М.: Правда, 1977. – 487 с.
3. Ямпольский, М.Б. Сообщество одиночек: Арндт, Беньямин, Шолем, Кафка / М.Б. Ямпольский. – М.: Ипполитов, 2004. – 43 с.
4. Brecht, B. Vorwärts und nicht vergessen. Ausgewählte Werke / B. Brecht. – М.: Progress, 1976. – 525 S.
5. Брехт, Б. Три пьесы: Трехгрошовая опера. Мамаша Кураж и ее дети. Кавказский меловой круг / пер. с нем. С. Апта; под ред. Н. Рылъникова. – М.: Моск. рабочий, 1983. – 240 с.
6. Брод, М. Франц Кафка. Узник абсолюта / М. Брод. – М.: Центрполиграф, 2003. – 286 с.

Поступила в редакцию 18.09.2019

Закономерности номинации действия разрушения в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.)

Хомуськова Н.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск

В настоящее время имеется ряд исследований, посвященных изучению глагольной лексики со значением разрушения: с точки зрения семантики, деривационных возможностей, лексической и синтаксической сочетаемости. Однако нераскрытой остается проблема номинации и языковой категоризации действия разрушения.

Цель статьи — установить закономерности глагольной номинации действия разрушения в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.).

Материал и методы. Материалом исследования выступают глагольные наименования со значением разрушения, фиксируемые в письменных памятниках русского языка донациональной эпохи, которая включает в себя древнерусский (XI–XIV вв.) и великорусский периоды (XIV–XVII вв.). Глагольные лексемы извлекались из исторических словарей русского языка: «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. При этом применялись описательный, метод сплошной выборки из словарей, компонентный анализ.

Результаты и их обсуждение. В работе определены основные способы глагольной номинации действия разрушения, а также приведена их сравнительная характеристика. Способы наименования установлены на основе теоретического разграничения первичной и вторичной номинации. Проведен этимологический анализ первичных глагольных наименований, а также представлены модели морфемной и семантической деривации.

Заключение. Установлено, что глагольная префиксация является наиболее продуктивным способом номинации действия разрушения (88,2%). В меньшем количестве представлены семантическая деривация (7,3%) и первичная номинация (4,5%).

Ключевые слова: наименование, глагольная номинация, значение разрушения / деструкции, первичная и вторичная номинация, семантический переход, донациональный период.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 194–198)

Regularities of the Nomination of Destruction Action in the Russian Language of the Pre-National Period (XI–XVII Centuries)

Khamuskova N.F.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Nowadays there are a number of studies devoted to the research of verbs with destruction meaning: from the point of view of semantics, their derivational possibilities, lexical and syntactic compatibility. However, the problem of nomination and linguistic categorization of destruction action remains unexplored.

The purpose of this article is to reveal the regularities of verbal nomination of destruction action in the Russian language of a pre-national period (XI–XVII centuries).

Material and methods. The material of the research is the verbs with destruction meaning attested in the written monuments of the Russian language of the pre-national period which includes the Old Russian (XI–XIV cent.) and Great Russian periods (XIV–XVII cent.). Verbal lexemes were extracted from historical dictionaries of the Russian language: "Dictionary of the Russian language of the XI–XVII cc." and "Materials for the dictionary of the Old Russian language" by I.I. Sreznevsky. The study used the method of continuous sampling from dictionaries, component analysis, descriptive method.

Findings and their discussion. The article defines the main ways of verbal nomination of destruction action as well as their comparative characteristics. The ways of naming are determined on the basis of a theoretical distinction between primary and secondary nomination. The etymological analysis of primary verbal nominations has been carried out and models of morphemic and semantic derivation have been presented.

Conclusion. It is established that verb prefixation is the most productive way of nominating the destruction action (88,2%). Semantic derivation (7,3%) and primary nomination (4,5%) are represented in smaller numbers.

Key words: nomination, verbal nomination, destruction meaning, primary and secondary nomination, semantic transition, pre-national period.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 194–198)

В последние десятилетия исследование лексико-семантических глагольных групп привлекает внимание лингвистов. Подобный интерес обусловлен спецификой глагола как части речи: его соотносительностью с предметными именами, широтой референции, предикативной функцией. Глаголы разрушения не раз становились объектом исследования в трудах русских и англоязычных ученых. Они рассматривались в разных аспектах: с точки зрения семантики, синтаксических связей, деривационных возможностей, в когнитивном аспекте. Так, Я.И. Маркот исследует семантико-синтаксическую структуру предложений с глаголами физического воздействия в современном английском языке [1]. Р.Р. Галиева рассматривает глаголы разрушения в русском языке в когнитивном аспекте как средства выражения деструктивных явлений и ситуаций [2]. Имеется работа, посвященная словообразовательным особенностям глаголов разрушения в английском языке [3]. При наличии значительного количества разноаспектных исследований глаголов разрушения за пределами внимания ученых до сих пор остаются вопросы глагольной номинации действия разрушения в процессе исторического языкового развития. Единичные ономастические исследования рассматривают лишь отдельные аспекты номинации и не дают комплексного описания глагольной номинации действия разрушения.

Это определяет цель настоящего исследования, которая заключается в попытке установить закономерности номинации действия разрушения в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.). Обращение к донациональной эпохе языкового развития представляется целесообразным ввиду отсутствия работ соответствующего характера, а также невозможностью объяснить современное номинативное состояние языка без возврата к прошлому.

В теории номинации принято различать первичный и вторичный виды номинации. Наименования, образованные в результате первичной номинации, являются простыми с точки зрения морфемной структуры и воспринимаются носителями языка как первообразные. Их производность может быть раскрыта только путем этимологического анализа. Вторичные наименования являются производными по морфологическому составу или смыслу. Основные средства вторичной номинации – морфемная и семантическая деривация.

Материал и методы. Материалом исследования являются глагольные наименования со значением разрушения, фиксируемые в письменных памятниках русского языка в донациональную эпоху, включающую в себя древнерусский период (XI–XIV вв.) и великорусский период (XIV–XVII вв.). Глаголы были извлечены методом сплошной выборки из лексикографических источников: «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Общее количество отобранных единиц составляет 807 наименований. Критерием отбора послужило наличие в семантической

структуре глагольных единиц семы ‘разрушение’, которая реализуется в следующих аспектах:

- 1) нарушение первоначальной структуры объекта на микроуровне, т.е. его частичное разрушение;
- 2) нарушение первоначальной структуры объекта на макроуровне, т.е. его полное разрушение;
- 3) тотальное разрушение первоначальной структуры объекта, т.е. уничтожение неживого объекта или умерщвление живого объекта;
- 4) нарушение первоначальной структуры субъекта-пациенса как следствие какой-либо ситуации, т.е. частичное / полное разрушение неживого объекта или смерть живого объекта.

Методы исследования: описательный, сплошной выборки из словарей, компонентный анализ.

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа фактического материала было выявлено 37 глагольных наименований со значением разрушения, образованных в результате первичной номинации. Время появления таких наименований датируется, как правило, началом древнерусского периода (XI в.). Этимологическая реконструкция показывает, что в большинстве случаев в основе наименования действия разрушения лежат очевидные мотивировочные признаки, обусловленные семантикой соответствующих индоевропейских корней: *колоти* ‘раскалывать, разбивать’ [СлРЯ 7 1980, 252] (< праслав. **kolti* < и.-е. **kel-* ‘колоть, тыкать’) [ЭССЯ 10 1983, 155]; *палити* ‘жесть, уничтожать огнем’ [СлРЯ 14 1988, 133] (< праслав. **paliti* < и.-е. *pel-* / *pol-* / *plē-* / *plō-* ‘жесть’, ‘палить’) [6, с. 618]; *толчи* / *толчи* / *толочи* ‘толочь’ (< праслав. **tolkti* < **telek-* / *telk-* ‘толочь’, ‘толкать’, ‘разбивать’)[7, с. 248], *мрѣти* / *мерѣти* (< праслав. **mr̥ti* < и.-е. **ter-* ‘тереть’) [8] и др.

В ряде случаев установление этимологических связей не связано с актами первичной номинации, а фактически имеет место переход из одного значения в другое. Такое семантическое развитие может быть представлено в виде моделей семантических переходов. Примером может служить семантический переход, установленный для глагола *хванати* (< праслав. **chapati*), известного в значениях ‘кусать, жалить’, ‘разрывать’ [Срезн. 3 1912, 684]. Этимологически глагол восходит к и. е. **kap-* ‘хватать’ [7, с. 333]. Следовательно, семантический переход может быть представлен в виде модели ‘хватать’ → ‘разрывать’, т.е. кусая, отхватывать части. Еще одним примером является глагол *тьлѣти* / *тлѣти* / *тълати* ‘разлагаться’, ‘уничтожаться’ [Срезн. 3 1912, 1080]. Этимология глагола связана с семантикой и.-е. корня **tēl-* (:**tē-*) ‘быть тихим, незаметным’, соответственно модель семантического перехода выглядит как ‘быть тихим, незаметным’ → ‘гнить, портиться’ [7, с. 246–247]. В данном случае основу наименования действия разрушения составляет мотивировочный признак, обладающий невысокой различительной способностью. Очевидно, что мотивировочный признак ‘тихий, незаметный’ определяет характер деструктивного действия, которое протекает с невысокой интенсивностью и незаметно для окружающих.

Среди средств вторичной номинации наибольшую активность в номинации действия со значением разрушения демонстрирует морфемная деривация. Удельный вес морфемных дериватов в значительной степени превышает первичные наименования. В анализируемый период зафиксировано 712 производных глаголов, что составляет 88,2% от общего количества. Большинство первичных глагольных наименований служат производящей основой для образования вторичных наименований со значением разрушения в результате морфемной деривации. Таким образом, наиболее продуктивным способом морфемной деривации оказывается отглагольное префиксальное словообразование и соответственно наиболее деривационно активной словообразовательной моделью является модель префикс + глагол разрушения. В подобных случаях, присоединяясь к глаголам, чаще всего префиксы реализуют значения количества, интенсивности совершаемого действия, а также локативное и привативное значения. Результатом является образование производных глагольных наименований, которые могут иметь следующие словообразовательные значения:

1) 'распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на все или многие объекты': *бити* > *пере-бити* 'избить (всех, многих)' [СлРЯ 14 1988, 210]; *рубити* > *по-рубити* 'зарубить, убить (о всех или многих)' [СлРЯ 17 1991, 135]; *вѣшати* > *из-вѣшати* 'повешать, казнить (всех, многих) через повешение' [СлРЯ 6 1979, 119]; *рвати* > *при-рвати* 'порвать, разорвать (о значительном количестве чего-л.)' [СлРЯ 19 1994, 264];

2) 'интенсивно и (или) тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом': *горѣти* > *вы-горѣти* 'сгореть целиком, выгореть' [СлРЯ 3 1976, 195]; *бити* > *на-бити* 'многочисленными ударами попортить, исхлестать, разбить что-л.' [СлРЯ 10 1983, 19];

3) 'слабо, слегка, бегло совершить действие, названное мотивирующим глаголом': *ломити* > *на-ломити* 'повредить, сломать' [СлРЯ 10 1983, 141];

4) 'действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-н., на все стороны чего-н.': *жечи* / *жещи* > *о-жечи* / *о-жещи* 'сжечь вокруг, выжечь' [СлРЯ 12 1987, 301];

5) 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, отделяя части объекта': *грызти* > *от-грызти* 'отгрызть' [СлРЯ 13 1987, 219] и др.

Префиксы также присоединяются к глаголам, не имеющим в своей смысловой структуре деструктивного семантического компонента и приобретающим его только при добавлении соответствующего словообразовательного форманта. Наибольшей активностью отличается префикс *раз-*, который в сочетании с глаголами интенсивного действия реализует значения разъединения, уничтожения, распространения или полноты проявления признака: *колотити* 'бить, колотить, ударять' [СлРЯ 7 1980, 252] > *рас-колотити* 'колота,

разбить или расплющить' [СлРЯ 22 1997]; *волочити* 'тащить волоком' [СлРЯ 3 1976, 9] > *раз-волочити* 'разрушить, снести (постройку)' [СлРЯ 21 1995, 158] и др.

К XVI в. в русском языке сформировалась грамматическая категория вида, поэтому префиксы изменяли лексическое значение слова и одновременно выполняли грамматическую функцию, т.е. приносили в слово видовое значение. В ряде случаев фиксировался исключительно видовой тип префиксации, такие глаголы не являются объектом настоящего исследования.

В меньшей степени в анализируемый период фиксируются случаи отсубстантивного и отаггективного глагольного словообразования. В качестве примера приведем деривационную модель сущ. + суфф., результатом действия которой являются дериваты с такими словообразовательными значениями:

1) 'превратить в то, что названо мотивирующим существительным': *пласть* 'тонкий слой' [Срезн. 2 1902, 954] > *пласт-а-ти* 'разрубать холодным оружием (человека, животное)' [СлРЯ 15 1979, 74]; *кроха* 'мелкая частица какого-л. вещества, крупинка' [СлРЯ 8 1981, 76] > *крошити* 'крошить, резать' [СлРЯ 8 1981, 77];

2) 'действовать с помощью того, что / кто названо / назван мотивирующим существительным': *долото* 'долото' [СлРЯ 4 1977, 305] > *долот-и* / *долот-и-ти* 'долотить' [там же]; *коса* 'орудие для срезания травы, коса' [СлРЯ 7 1980, 356] > *кос-и-ти* 'косить, срезать косой' [СлРЯ 7 1980, 359];

3) 'совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным': *морь* 'повальная смерть (от голода, эпидемии)' [СлРЯ 9 1982, 261] > *мор-и-ти* 'умерщвлять, губить': [СлРЯ 9 1982, 265]; *казнь* 'лишение жизни, казнь' [СлРЯ 7 1980, 25] > *казн-и-ти* 'предать смерти, казнить' [СлРЯ 7 1980, 24] и др.

Примером деривационных моделей прил. + суфф. и префикс + прил. + сущ. являются дериваты со словообразовательным значением 'наделить что-л. признаком, названным мотивирующим прилагательным': *голый* 'нагой, без одежды, голый' [СлРЯ 4 1977, 71] > *гол-и-ти* 'оголять, опустошать' [СлРЯ 4 1977, 71]; *тѣнькъ* / *тѣнькый* 'мелкий' [Срезн. 3 1912, 1049] > *о-тонч-и-ти* 'раздробить, сокрушить' [СлРЯ 13 1987, 291].

Если большинство первичных наименований фиксируются в начале древнерусского периода, то морфемная деривация является продуктивной на протяжении всего донационального периода языкового развития.

В наименовании действия разрушения сравнительную активность демонстрируют виды семантической деривации: метафора (36 наименований) и метонимия (23 наименования). Отличительными чертами метафоры являются образность и экспрессивность. В ее основе лежат глубинные связи, сходства, аналогии, приписываемые действиям. Образный характер метафоры определяет и специфику деструктивного действия, описываемого глаголом. Как правило, глагольные наименования, образованные в результате

метафорического переноса, обозначают действие разрушения более абстрактного, обобщенного характера. В донациональный период зафиксирован ряд моделей метафорических переносов, среди которых модель ‘делать ровным, гладким’ → ‘разрушать, ровнять с землей’. Согласно такой модели происходит формирование вторичного наименования на основе древнерусского глагола *поровняти*, прямое значение которого ‘выровнять, сделать ровным, гладким что-л.’ фиксируется в его смысловой структуре в XV в.: *Азъ пред тобою поиду и горы поровняю* (1480 г.) [СлРЯ 17 1991, 118]. Основу семантического перехода составляет общность характеристик, описывающих результат действия ‘делать что-л. ровным, гладким’. Так, к XVI в. относится фиксация вторичного наименования в значении ‘сровнять с землей, разрушить что-л.’: *Прочаа же вся, и стѣны и домы и црковь, тако поровняша разорители, яко ни познати лѣтъ котораа създания* (XVI в. ~ XII в.) [там же]. Еще одним примером может быть модель ‘делать пустым’ → ‘разрушать’. Такая модель метафорического переноса представлена заимствованным из церковнославянского языка глаголом *истѣщати*, который фиксируется в первичном значении ‘опорожнять’, ‘раздавать’, ‘делать пустым’ [СлРЯ 6 1979, 333; 10]. К XV в. относится фиксация вторичного значения ‘превращать в ничто, разрушать’: *Помяни ги сны Едомскыя въ днь Иерслимль, глущая истѣщайте до основаниа его* (1499 г.) [СлРЯ 6 1979, 333].

Отличительной чертой ряда глаголов, обозначающих конкретные деструктивные действия, является способность служить производящей основой для образования вторичных наименований действия разрушения. В подобных случаях действие разрушения носит обобщенный характер и не имеет указания на способ его совершения. Модель ‘толочь’ → ‘уничтожать’ реализуется на примере глагола *истерети*, исходная семантика которого ‘растереть, размельчить’: *Изотри пилюю вълми мѣлко* (XVII в. ~ 1534 г.) [СлРЯ 6 1979, 316]. Метафорический перенос приводит к образованию наименования, обозначающего разрушение без указания на способ действия ‘истребить, уничтожить’: *Сего ради винограды ваши и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глеть гсѣ, а злобъ вашихъ не могахъ истерти* (1068 г.) [там же]. Достаточно предсказуемой представляется модель ‘срезать (косой, серпом)’ → ‘уничтожать’. В основе такой модели наблюдается семантический переход, опирающийся на древнее представление человека о смерти с косой. Примерами реализации такой модели являются глаголы *косити*, *пожинати*. Глагол *косити* ‘косить, срезать косой’ фиксируется в письменных источниках XII–XIII вв.: *Да старец же Арсений привез рубль денег, взял за Мокрой починок да за Репашина взял 15 алтын под паренину и траву косит* (XII–XIII вв.) [СлРЯ 7 1980, 359]. Вторичное наименование с деструктивным значением ‘убивать, лишать жизни’ как результат метафорического переноса отмечается в XV в.: *Смерть глагола: пап, цесарей, кардиналов –*

кошу аз вѣхъ – воинов, жен и презвитеров и все, яже некогда есть рожено (XVI ~ XV в.) [там же]. Еще одним примером, указывающим на регулярность подобной модели, является формирование вторичного наименования на основе глагола *пожинати*, известного в первичном значении ‘сжинать, срезать серпом’: *Якоже бо се нѣкто землю разореть, другыи же наѣсть, ини же пожинають и ядятъ пищу бескудну* (1037 г.) [СлРЯ 16 1990, 102]. К XI в. относится и фиксация метафорически производного наименования ‘истреблять, уничтожать’: *Серпъ онъ, его же пророкъ видѣ пожинаи и искоренявся нещадно* [о нашествии Батыя] (1096 г.) [там же].

Вышеперечисленные примеры в целом соответствуют общим тенденциям в истории лексики, которые заключаются в формировании номинаций абстрактных и обобщающих понятий или действий от конкретных обозначений.

В отличие от метафоры основу метонимии составляют объективно существующие в экстралингвистическом мире признаки смежности между какими-либо действиями и процессами [11, с. 55]. В сфере метонимических переносов центральное место в наименовании деструктивного действия принадлежит так называемой каузальной метонимии, в основе которой находятся причинно-следственные связи. Это значит, что, благодаря импликационной связи, глагол, обозначающий некий признак, втягивает в свое значение и совмещенный с ним признак. Эти признаки, в том числе действия, процессы, состояния, находятся между собой в отношениях причины и следствия [12, с. 11]. Наиболее распространенной разновидностью такого метонимического переноса для глаголов разрушения является модель ‘действие как причина / условие’ → ‘действие как результат’, общая для ряда семантических переходов. Примером данного перехода является модель ‘бросать / носить в разные стороны’ → ‘разрушать’. Модель представлена глаголом *метати*, фиксируемым в русском языке в XII–XIII вв. в значении ‘кидать, бросать (в том числе с помощью специальных приспособлений, орудий)’: *Повель метати смолу и стѣру, изгрьби и лозье, да велми разгорится пѣщъ* (XIII в.) [СлРЯ 9 1982, 124]. К XVI в. относится формирование вторичного наименования со значением ‘разрушать, разбирать, растаскивать что-л.’, в основе которого лежит идея движения в разные стороны, что определяет и характер деструктивного действия: *Не дадите де намъ иныхъ дворовъ, и намъ деи вамъ хоромъ метати не дати* (1570 г.) [там же]. В качестве еще одного примера приведем модель ‘переворачивать’ → ‘разрушать’, реализуемую на примере глагола *разворочати*, фиксируемого в исходном значении ‘повернуть; перевернуть’: *... инако речъ извороча къ нимъ, не акы святитель, но акы перевѣтникъ и ложь* (1186 г.) [СлРЯ 6 1979, 129]. В результате метонимического переноса образуется наименование действия разрушения ‘разломать, разворочать, привести в беспорядок’: *Ирбитцкую мелницу вешиною водою розмыло и онбаръ изворочало, потому что гнил* (1669 г.)

[там же]. Следует отметить, что приведенные модели являются регулярными для русского языка анализируемого периода, они неоднократно используются для наименования действия со значением разрушения. Семантическая деривация применяется на протяжении всего донационального периода, однако наибольшей активности достигает в великорусский период.

Заключение. Наиболее продуктивным средством номинации действия разрушения в русском языке донационального периода является морфемная деривация. Морфемные дериваты составляют 88,2% от общего количества глагольных наименований. В сфере морфемной деривации центральное место принадлежит отглагольному словообразованию, а именно префиксации. Семантическая деривация, представленная метафорой и метонимией, проявляет меньшую активность. Насчитывается 59 семантически производных наименований, что составляет 7,3%. Наименования, образованные в результате первичной номинации, представлены меньшим количеством единиц (4,5%), которые, однако, далее могут использоваться языком в качестве номинативных средств в новой для них функции наречения.

Литература

1. Маркот, Я.И. Семантико-синтаксическая структура предложений с глаголами физического воздействия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Я.И. Маркот. – Минск, 1990. – 22 с.
2. Галиева, Р.Р. Семантико-когнитивный анализ деструктивных глаголов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.Р. Галиева. – Уфа, 2016.
3. Matsumoto, H. Of with verbs of killing in 'The Destruction of Troy' / H. Matsumoto // Notes and Queries. – 1994. – Vol. 41, no. 1. – P. 14.
4. СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2008. – 28 вып.
5. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: [в 38 вып.] [Электронный ресурс] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1974–2012. – 38 вып. – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>. – Дата доступа: 12.04.2019.
6. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 1. – 624 с.
7. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 2. – 560 с.
8. Индоевропейский этимологический словарь Покорного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/>. – Дата доступа: 25.04.2019.
9. Срезн. – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1893–1912. – 3 т.
10. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. [и с предисл.] чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – Режим доступа: <http://www.slovorod.ru/etym-shansky/>. – Дата доступа: 10.04.2019.
11. Сатарова, А.И. Механизмы косвенной номинации / А.И. Сатарова // Семантические механизмы в системе лексической номинации и в актах коммуникации. – М., 1989. – С. 54–62.
12. Агеева, Н.Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Г. Агеева. – Киев, 1990. – 22 с.

Поступила в редакцию 17.09.2019

Защита диссертации как объект лингвистического анализа

Чалова О.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины», Гомель

В статье рассматриваются вопросы лингвопрагматической организации такого коммуникативного события и жанрообразующей системы, как защита диссертации.

Цель работы — характеристика основных жанров, составляющих защиту диссертации, установление сходств и различий между защитой диссертации и смежными разновидностями научной речи.

Материал и методы. Материал исследования — стенограммы заседаний белорусских и российских диссертационных советов по присуждению ученых степеней кандидата наук по различным специальностям, метод — коммуникативно-прагматический анализ.

Результаты и их обсуждение. Основные жанры, составляющие поле коммуникативного события «защита диссертации» (доклад соискателя, научная дискуссия, отзыв научного руководителя, отзыв оппонента, выступление специалиста по автореферату и др.), представляют собой самобытные речевые образования, которые отличаются от сходных научных жанров (доклада на научной конференции, научной дискуссии на научном семинаре, научной рецензии на монографию и проч.) по ряду параметров: композиционному, собственно языковому, речевому и т.д. В совокупности эти различия составляют лингвопрагматическую специфику и уникальность защиты диссертации как жанрообразующей системы, выделяют ее из ряда других речевых событий и делают ее весьма привлекательным объектом лингвистического анализа.

Заключение. В отношении защиты диссертации как объекта лингвистического анализа накопился ряд спорных моментов и нерешенных вопросов, касающихся, например, соотношения таких жанров, как защита и предзащита диссертации, а также определения коммуникативного статуса отдельных эпизодов защиты диссертации (отзыва оппонентов, отзыва научного руководителя, выступления экспертов по автореферату и т.д.). В поисках ответов на эти вопросы и видятся перспективы дальнейшего исследования защиты диссертации как речевого события.

Ключевые слова: лингвопрагматика, защита диссертации, научный жанр, коммуникативное событие, доклад соискателя, научная дискуссия, отзыв оппонента, отзыв научного руководителя, выступление эксперта по автореферату.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 199–202)

Thesis Defense as an Object of Linguistic Analysis

Chalova O.N.

Educational Establishment “Francisk Skorina Gomel State University”, Gomel

The article considers the problem of pragmalinguistic organization of thesis defense as a communicative event and genre-forming system.

The work aims at characterizing the main genres which make up the field of thesis defense, finding similarities and differences between thesis defense and related kinds of scientific speech.

Material and methods. The research is carried out on the basis of transcripts of sessions of Belarusian and Russian dissertation defense boards awarding degrees in different fields. The pragmalinguistic approach has been chosen as a method of interpretation of the discourse under study.

Findings and their discussion. The chief genres making up the sphere of thesis defense as a communicative event (the doctoral candidate's speech presentation, scientific discussion, the scientific advisor's review, the opponent's review, the speech of other specialists, etc.) are unique speech formations that are different from similar scientific genres (conference report, scientific discussion during a scientific workshop, monograph review, etc.) in many ways: compositional, linguistic, speech-act parameters and others. Collectively, these differences predetermine the pragmalinguistic specificity and unique character of thesis defense as a genre-forming system, make it special in comparison with other speech events and give to its attractiveness as an object of linguistic analysis.

Conclusion. In linguistics, there are a lot of controversial moments and unsolved problems concerning thesis defense as a speech event, for example those about correlations between such genres as thesis defense and dissertation proposal defense as well as about establishing the communicative status of single episodes of thesis defense (the scientific advisor's review, the opponent's review, the speech of other specialists, etc.). One can see the prospects of further pragmalinguistic research of thesis defense in finding answers to these questions.

Key words: pragmalinguistics, thesis defense, scientific genre, communicative event, the doctoral candidate's speech presentation, scientific discussion, the scientific advisor's review, the opponent's review, the speech of other specialists.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 199–202)

Слингвопрагматической точки зрения защиту диссертации можно определить как коммуникативное событие, характеризующееся определенным составом участников (диссертационный совет, соискатель степени, научный руководитель/консультант, оппоненты и др.), конкретной целью (инициация нового ученого), формализованной процедурой проведения, актуализирующейся в специфических коммуникативных эпизодах, таких как доклад соискателя, отзыв научного руководителя, научная дискуссия, выступления оппонентов, сообщения экспертов по автореферату и др.

Как видно, защита диссертации (далее ЗД) – это уникальное речевое событие в поле научного дискурса, представляющее собой совокупность разных по форме, содержанию и прагматической направленности жанров научного общения, которые, с одной стороны, являются самобытными коммуникативными образованиями, заслуживающими отдельного и максимально пристального лингвистического внимания, а с другой – настолько тесно связаны друг с другом, что едва ли могут функционировать сами по себе и образуют неразрывное коммуникативное целое.

Цель статьи – характеристика основных жанров, составляющих защиту диссертации, установление сходств и различий между защитой диссертации и смежными разновидностями научной речи.

Материал и методы. Материалом исследования послужили стенограммы заседаний белорусских и российских диссертационных советов по присуждению ученых степеней по различным специальностям, метод интерпретации полученных данных – коммуникативно-прагматический анализ.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим подробнее лингвопрагматические характеристики основных речевых жанров, составляющих область ЗД.

Доклад соискателя. Доклад соискателя – это одно из первых речевых событий в структуре заседания диссертационного совета. Как и любому научному докладу (например, на пленарном заседании научной конференции), докладу диссертанта во время ЗД присущи определенные языковые, композиционные, категориальные и прагматические черты: абстрактная и терминологическая лексика, усложненный синтаксис, определенный объем и структура, высокоинформативный и интерпретационный характер, четкость, точность, последовательность изложения, нацеленность на распространение результатов своего исследования и на то, чтобы убедить аудиторию в состоятельности собственных научных идей и взглядов (*Для оптимизации ассортимента предложено использовать ABC-метод и уровни учета косвенных затрат: единицы продукции, партии изделий и уровни цеха, что обеспечивает более объективный учет косвенных затрат по сравнению с традиционным методом – предлагаемая классификация операций в системе ABC приведена на странице 6 ил. материала*). В то же время, по сравнению с другими разновидностями научного доклада, доклад соискателя обладает своими особенностями. Так, выступление докладчика во время ЗД имеет, как правило,

максимально формализованный, безэмоциональный и неэкспрессивный характер как с языковой, так и прагматической точек зрения, отличается широчайшим использованием определенных дискурсивных формул или клише (*Таким образом, новизна диссертационной работы состоит в разработке экономико-математической модели формирования оптимального ассортимента <...>. Научная значимость полученных результатов исследования состоит в развитии теории оптимизации ассортимента производственной программы машиностроительного предприятия. Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что разработанные методические подходы позволяют: оптимизировать ассортимент посредством разработки модели его планирования; осуществлять более объективный учет затрат <...>*). Кроме того, целью доклада соискателя является не только доказательство определенной точки зрения, но прежде всего позиционирование себя в качестве состоявшегося представителя научной общественности [1]. Несмотря на специфические черты, доклад соискателя не стоит рассматривать в качестве самостоятельного жанра научного дискурса, а необходимо считать разновидностью научного доклада как такового, поскольку имеющиеся особенности доклада соискателя являются немногочисленными.

Научная дискуссия. Научная дискуссия (далее НД) во время ЗД следует непосредственно за докладом соискателя и обычно имеет вопросно-ответную форму, хотя в ряде случаев содержит и элементы критики. Несмотря на то, что участниками научной дискуссии признаются все присутствующие в зале заседания диссертационного совета, традиционно активное участие в ней принимают, с одной стороны, члены совета, выступающие в роли инициатора научного диалога (авторов вопросительных реплик и критических замечаний), а с другой – соискатель степени, занимающий аргументирующую позицию. В отличие от других разновидностей НД, возникающих, например, на научной конференции в рамках секционных заседаний или за «круглым столом», дискуссия во время ЗД имеет ряд лингвопрагматических отличий. Во-первых, диалогические единства, составляющие НД на ЗД, состоят обычно всего из нескольких реплик, зачастую из двух (вопроса члена совета и ответной реакции диссертанта), т.е. являются максимально сжатыми. Во-вторых, критические замечания относительно исследовательских взглядов диссертанта имеют традиционное (исключительно вежливое, конструктивное) для научного дискурса лингвистическое оформление (*В главе II эксперименты для прямого и скользящего крыльев проводятся при различных уровнях турбулентности набегающего потока. Пояснений на этот счет автор не дает*), в то время как, например, во время дискуссии на научном семинаре, участники которого хорошо знают друг друга лично, коммуниканты могут задействовать стилистически сниженную лексику с целью опровержения теории оппонента (*Не морочьте мне голову. Это выглядит, как бред*). Кроме того, научная дискуссия

на защите диссертации не отличается широким тактико-стратегическим разнообразием: так, в принципе, набор стратегий и тактик, находящихся в распоряжении соискателя, ограничивается такими разновидностями, как информативная/аргументативная тактика и тактика позитивной самопрезентации. В свою очередь, докладчик на конференции на этапе дискуссии обычно применяет более широкий диапазон стратегий и тактик, в частности тактику несогласия с позицией собеседника.

На наш взгляд, научная дискуссия на защите диссертации не обладает достаточным набором специфических характеристик, чтобы трактоваться в качестве отдельного жанра в поле научного дискурса, и, таким образом, представляет собой одну из многочисленных разновидностей научной дискуссии как таковой.

Отзыв научного руководителя/консультанта.

Данную разновидность общения целесообразно относить к числу ярко оценочных жанровых форм, таких как, например, рецензия (на научную статью, монографию и прочие научные работы). Однако знак равенства между отзывом научного руководителя и рецензией поставить нельзя: это принципиально разные жанры общения, так как отличаются друг от друга по ряду параметров. Во-первых, в противоположность рецензии отзыв научного руководителя нацелен не только на характеристику исследования диссертанта, обоснование актуальности выбранной темы и др., но и на оценку исследовательских и других профессиональных качеств аспиранта/докторанта (*Олег Владимирович – классический пример очень хорошего физтеховского студента, который над одной задачей работал несколько лет. Как только он пришел студентом к нам в лабораторию, он занялся вычислительным экспериментом. Как я понимаю, вычислительными задачами он интересовался еще со школы и младших курсов института. Поэтому эти задачи были ему близки*). Во-вторых, отзыв научного руководителя является жанром устной речи со всеми присущими устному научному общению языковыми и категориальными чертами (письменная/стенографическая версия выступления научного руководителя может в определенной степени разниться от оригинальной речи последнего, но, как правило, только в языковом отношении; в структурном и прагматическом плане она совпадает с устным выступлением). В-третьих, оценочная лексика, которая широко используется в отзыве научного руководителя, представлена шире (*Олег Владимирович активно участвовал в общественной жизни факультета, регулярно принимал участие в научных семинарах и конференциях. Я считаю, что он – квалифицированный научный сотрудник с большим кругозором*), чем в традиционной рецензии, хотя последняя, как известно, также обладает высочайшим аксиологическим потенциалом. Другими словами, несмотря на наличие лингвопрагматических сходств, отзыв научного руководителя и рецензия на статью являются, с нашей точки зрения, принципиально разными жанровыми образованиями, каждый из которых обладает рядом уникальных свойств, позволяющих рассматри-

вать их в качестве самостоятельных лингвистических, социальных и исследовательских объектов.

Отзыв оппонента. Отзыв оппонента, равно как и предыдущий жанр, имеет гибридную природу, поскольку представлен устной и письменной формой (которые по большей части совпадают) и обнаруживает в себе элементы таких научных жанров, как рецензия (оценочный характер) и доклад (устная монологическая форма, объем и др.). Тем не менее ни к докладу в традиционном смысле слова, ни к рецензии отзыв оппонента относить не стоит. От первого его отличает ярко выраженная аксиологическая и метакоммуникативная природа, проявляющаяся в широкой представленности оценочной лексики и метаязыковых средств, а от второй – не просто четкая, а строгая формальная структура, наличие особых параметров оценки (соответствие определенной специальности, опубликованность результатов диссертации в научной печати, соответствие оформления диссертации требованиям Инструкции ВАК и др.: *Рецензируемая работа, таким образом, способствует решению ряда важных задач лингвопрагматики, стилистики, лексикологии и межкультурной коммуникации, что свидетельствует о ее соответствии специальности 10.02.19 – теория языка, по которой она представлена к защите*), исходя из которых характеризуется рецензируемая работа (диссертация). Все это делает отзыв оппонента интересным лингвокультурологическим образованием, с одной стороны, похожим на другие, а с другой – однозначно отличающимся от них. Такая двойная сущность отзыва оппонента, его способность «мимикрировать» под другие речевые разновидности и в то же время выделяться из ряда подобных, должны, казалось бы, вызывать здоровое исследовательское любопытство со стороны лингвистов к данному коммуникативному феномену. Однако по каким-то непостижимым причинам данный научный жанр, как и многие другие, формирующие ЗД, выходят из области непосредственного внимания языковедов.

Выступление эксперта/специалиста по автореферату. Выступление экспертов/специалистов представляет собой изложение подготовленного ими заключения по диссертации. Так же, как и отзыв оппонента, выступление эксперта может иметь позитивный и/или негативно оценочный характер (*Диссертация мне очень нравится. Прежде всего, я хотел отметить очень удачный дизайн новых биомаркеров. Это сделано оригинально, соответствует требованиям времени. Результаты диссертации, проведенной на материале двух языков и двух типов дискурса, сложно перечислить, т.к. помимо основных выявлено множество частных результатов, получено много количественных данных в одном и другом стилях в сравнительно-сопоставительном аспекте. И здесь нужно отдать должное автору, что он разработал непротиворечивый метаязык для описания этой сложной проблемы*). Основные отличия сообщения специалиста от отзыва оппонента заключаются в том, что оно (сообщение специалиста) является более свободным в структурном плане (может начинаться с известной цитаты, используемой в качестве эпиграфа для установ-

ления контакта с аудиторией и привлечения внимания), синтаксически разнообразным (может сочетать вопросительные и неполные предложения со сложносочиненными и сложноподчиненными конструкциями: *Мне представляется, что у любой работы есть еще один аспект. А что дальше? Насколько то, что сделано соискателем, важно для дальнейшего развития нашей науки*) и прагматически разноплановым, поскольку диапазон речевых стратегий и тактик, применяемых экспертом в своем выступлении, несколько шире тактико-стратегического арсенала оппонента, излагающего свой отзыв: так, в выступлении экспертов более активно используются такие коммуникативные стратегии, как диалогизация (*Дорогие коллеги, я бы тоже хотела сказать несколько слов в том ключе, в каком говорил Дмитрий Георгиевич*) и стратегия позитивной презентации и апелляционных тактик (*Чтобы укрепиться в своем мнении, я обратилась к работе Н.Б. Мечковской «Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков», где и нашла подтверждение своему предположению. Потом я задала свой вопрос автору диссертации, которая также его подтвердила*), в то время как в отзыве оппонента основные коммуникативные усилия оратора направлены на реализацию ключевой стратегии – оценочно-информативной.

Кроме того, отзыв оппонента предполагает характеристику диссертации, в то время как сообщение эксперта/специалиста – оценку автореферата, при этом представляет собой не столько комментарий исследования, сколько выступление в дискуссии, сообщение в виде рассуждения (*Думаю, что, пользуясь классификацией, которая предложена Н.Б. Мечковской и представлена в третьей главе ее работы, где, к сожалению, материала не так много именно по универсалиям, давайте посмотрим и выделим следующие пункты. Мы можем предположить и прикоснуться к поиску и нахождению универсалий. Очевидно, речь идет не о дедуктивных аксиоматических, а об индуктивных эмпирических универсалиях; не об абсолютных, а о статистически-вероятностных универсалиях <...>, формулировки которых сопровождаются, как правило, указанием на один-два или три-четыре исключения. Очевидно, речь идет о лексико-семантических и социолингвистических универсалиях. Иными словами, значимость таких результатов заключается еще и в важности поиска универсалий*).

Можно назвать и другие виды речи, формирующие структуру ЗД, в частности речь председателя или секретаря совета, заключительное слово диссертанта и др. Однако, на наш взгляд, и указанных выше жанров достаточно, чтобы убедиться в специфичности и оригинальности эпизодов, входящих в состав изучаемого феномена.

Обозначенные речевые жанры, функционирующие в поле ЗД, обладают, помимо рассмотренных, и другими отличительными чертами. Так, обращает на себя внимание ярко выраженный диалогический характер каждого из представленных выше видов речи. Как доклад соискателя соответствующей степени, так и, например, отзыв оппонента (в отличие от своих дублетов – доклада на научной конференции и рецензии

на статью или монографию) всегда ориентированы на получение непосредственного отклика (вербального ответа) со стороны индивидуального или коллективного адресата: за докладом соискателя неизменно следует реакция членов совета в форме вопросов и комментариев, а за отзывом оппонента – ответное слово докладчика.

Другими словами, научные жанры, составляющие специфику защиты диссертации как речевого события, характеризуются очевидным лингвопрагматическим своеобразием, отличаются от сходных жанров речи по ряду параметров и, казалось бы, должны вызывать исследовательский интерес лингвистов, однако парадоксальным образом выпадают из поля зрения специалистов-языковедов, хотя необходимость в их изучении является довольно острой, поскольку знание коммуникативно-прагматической организации таких специфических разновидностей речи, как отзыв научного руководителя или выступление эксперта по автореферату, а также вариантов ответа (отклика, реакции) соискателя на них может способствовать расширению знаний об оптимизации научного общения в частности и институциональной коммуникации в целом (в то же время другие научные жанры регулярно становятся объектом лингвистического анализа [2–4]).

Кроме того, любопытным является и проблема соотношения ЗД в совокупности ее жанров с близкими коммуникативными событиями, такими как, например, предзащита диссертации на заседании кафедры и методическом объединении или в оппонизирующей организации. В свете этого закономерно возникает вопрос о связи всех этих мероприятий, о том, стоит ли их рассматривать как части одного целого события или все-таки в качестве принципиально разных объектов.

Заключение. Как видно, в отношении защиты диссертации как речевого и социального события назрело много спорных моментов, требующих немедленного разрешения, что возможно только при условии надления ЗД статусом полноценного лингвистического объекта и постановки правильных исследовательских задач. В решении этих задач, связанных с построением коммуникативно-прагматической модели каждой из частей ЗД, поиском оптимальных способов ведения научного диалога и проч., и видятся перспективы лингвистического изучения защиты диссертации как речевого события.

Литература

1. Карасик, В.И. Защита диссертации как жанр научного дискурса / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 338–350.
2. Михайлова, Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 л.
3. Соболев, С.А. Особенности научного стиля изложения в немецкой лингвистической монографии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.А. Соболев. – М., 2002. – 186 л.
4. Соловьева, Н.В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Соловьева. – Пермь, 2007. – 244 л.

Поступила в редакцию 13.11.2019

Сакральная паремия *Слышал звон, да не знает, где он*: междисциплинарный аспект

Шкуран О.В.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

В современной лингвистике язык понимается не просто как средство коммуникации, а как культурный код нации, функциональное описание которого совмещается с когнитивным подходом на широком социо-историко-культурном фоне; при этом одним из аспектов подобных исследований становится комплексный анализ паремиологической составляющей языка.

Цель статьи — убедиться в том, что пословица *Слышал звон, да не знает, где он* является сакральной и внутренняя форма содержит глубокую социо-историко-культурную интенцию.

Материал и методы. Материалом послужили лексикографические и другие справочные источники, в которые включена рассматриваемая паремия, осмысливаемая в них в семантическом, структурном, лингвокультурном и некоторых иных лингвистических и междисциплинарных аспектах. При проведении исследования использовались как общенаучные методы (наблюдения, обобщения, сопоставления), так и специальные лингвистические и методы междисциплинарного характера: этимологический, дискурсивного и контекстуального анализа, интерпретативный.

Результаты и их обсуждение. Сакральная паремия *Слышал звон, да не знает, где он* представляет лингвомаркер звон как символ русской культуры, который утратил своё значение в жизни русского человека со времён боготорческой войны XX века. Современный человек с трудом может определить разновидности перезвонов, в каком храме слышен колокольный звон и что он означает. Технологизация упростила сложное восприятие многоголосия через использование электронных систем оповещения как в мирской, так и в церковной жизни. Поэтому устойчивое выражение со значением «знать дело отчасти, не совсем, смутно», в котором употребляется в настоящее время, по всей вероятности, сформировалось уже в атеистический период существования русского государства.

Заключение. Таким образом, проведённый в статье анализ позволяет утверждать, что лингвистические единицы в том числе и устойчивого характера (в данном случае — одна из сакральных паремий) могут в процессе длительного функционирования тем или иным образом трансформировать своё значение под влиянием факторов экстралингвистического свойства (социальных, культурных, политических и т.д.).

Ключевые слова: паремия, сакральность, лингвомаркер, социо-лингво-культурная интенция, афористичность.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 203–207)

Sacred Paremia *I heard a jingle, but I don't know where it is*: the Interdisciplinary Aspect

Shkuran O.V.

Lugansk National Taras Shevchenko University, Lugansk

In modern linguistics, language is understood not simply as a means of communication, but as a cultural code of a nation, the functional description of which is combined with a cognitive approach on a broad social historical and cultural background; at the same time, one of the aspects of such research is a comprehensive analysis of the paremiological component of the language.

The purpose of the article is to make sure that the proverb *I heard a jingle, but I don't know where it is* is sacred and the inner form contains a deep social historical and cultural intention.

Material and methods. The material in this case was lexicographical and other reference sources, which included the considered paremia, interpreted in them in semantic, structural, linguistic and cultural as well as some other linguistic and interdisciplinary aspects. During the research, both general scientific methods (observation, generalization, comparison) and special linguistic methods and interdisciplinary methods were used: etymological method, discursive and contextual analysis methods, interpretive method.

Findings and their discussion. Sacred paremia *I heard a ringing, but I don't know where it represents* the linguistic marker of ringing as a symbol of Russian culture, which has lost its meaning in the life of a Russian person since the atheistic war of the twentieth century. It is difficult for a modern person to determine the types of chimes, in which church bell ringing

is heard and what it means. Technologization has simplified the complex perception of polyphony through the use of electronic warning systems in both secular and church life. Therefore, the stable expression with the meaning "to know the matter in part, not entirely, vaguely", which is currently used, in all probability, was formed already in the atheistic period of the existence of the Russian state.

Conclusion. *Thus, the analysis conducted in the article allows to assert that linguistic units including those of steady character (in this case – one of sacral paremiaes) can in the process of the protracted functioning this way or other transform their value under the influence of extra-linguistic factors (social, cultural, political and etc.).*

Key words: *paremia, sacredness, linguistic marker, social linguistic and cultural intention, aphorism.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 203–207)

В современной лингвистике язык понимается не просто как средство коммуникации, а как культурный код нации, функциональное описание которого совмещается с когнитивным подходом на широком социо-историко-культурном фоне. Невозможно познать сам язык, не выйдя за его пределы, «не обратившись к человеку, к конкретной языковой личности» [1]. Одним из аспектов подобных исследований становится комплексный анализ паремиологической составляющей языка. Проблема языкового статуса паремий представляет собой дискуссионную область современной антропоцентрически ориентированной лингвистики, которая уделяет большое внимание «ситуативно обусловленным образованиям, источникам обновления и развития языка» [2]. Вместе с тем следует отметить, что паремии являются прецедентными языковыми единицами, которые относятся к области речевой стихии. Но наличие большого числа компонентов в составе паремий, переосмысленных в соответствии с речевой ситуацией, свидетельствует о высокой мотивации внутренней формы устойчивого предложения. Таким образом, для паремий являются характерными парадигматические объединения на основе концептуальной общности отдельных устойчивых высказываний. Паремии «синкретичны по своей природе и сочетают в себе признаки фразеосочетания, афористического высказывания и текста» [3].

К одному из паремиологических жанров относятся пословицы, которые, как правило, имеют параллельные предикативные части, размещённые в линейной последовательности. Ядром конструкции является первая часть, поскольку умозаключение может реализовываться самостоятельно, а вторая часть расширяет обобщённое значение пословицы. Важная черта для паремиологической семантики – «слабые мысли» [4], т.е. их сложно понять, не зная ситуации, которую они полностью характеризуют. В тексте пословицы немаловажную роль играет дискурсивная интенция, которая иллюстрирует когнитивное содержание с нравственной функцией. Стереотипным подходом народного сознания является доминирование отдельного компонента в когнитивной модели в паремии пословичного жанра. Весьма показательны в таких характеристиках паремии религиозного содержания, которые в данной статье мы называем сакральными.

Представители уральской лингвистической школы (Н.И. Коновалова [5], Н.А. Воробьева, Т.Н. Бурмистрова и др.) относят в широком смысле к сакральным фразеологизмам устойчивые народные сочетания с «сакральным компонентом, который характеризуется следующими содержательными характеристиками: с одной стороны – через конкретизаторы: священный, обрядовый, ритуальный, таинственный, магический, сверхъестественный, с другой – через релятивные параметры: относящийся к существу, персонажу, лицу, вещи, действию, таинству и т.д.» [5, с. 6].

Многие исследователи (В. Ильченко, В. Исаев, Е. Цепковская, В. Шелюто и др.) понятие сакрального связывают со значением отделённости, сокрытости, неприкосновенности [6], а в контексте культуры – ‘исполненное благодатной иночеловеческой силой’ [7].

Сакральной паремией мы называем сложно структурированное морализующее высказывание с целостными и обобщёнными представлениями о позитивном отношении народной культуры к традиционной конфессии.

Стоит остановиться на особой роли в реализации познавательной функции данной паремии *национального лингвомаркёра* (resp. *этнолингвомаркёра*) – *звон*, который отражает национальное своеобразие, «культурную память» и, возможно, может иметь прямые аналоги в других языках, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака в славянском континууме [8]. По словам В.Н. Телия, отражение в языке предметов материальной культуры может стать «надёжным материалом для моделирования культуры» [9].

Цель статьи – убедиться в том, что пословица *Слышал звон, да не знает, где он* является сакральной и внутренняя форма содержит глубокую социо-историко-культурную интенцию.

Материал и методы. Материалом послужили лексикографические и другие справочные источники, в которые включена рассматриваемая паремия, осмысливаемая в них в семантическом, структурном, лингвокультурном и некоторых иных лингвистических и междисциплинарных аспектах. При проведении исследования использовались как общенаучные методы (наблюдения, обобщения, сопоставления), так и специальные лингвистические и методы междисциплинарного характера: этимологический, дискурсивный и контекстуальный анализа, интерпретативный.

Результаты и их обсуждение. Лексема «звон» – укр. звін, дзвін, блр. звон, ст.-слав. звонъ, болг. звънѣц, сербохорв. звъно «колокол», словен. звоп, чеш., слвц. zvon «колокол», польск. dzwon «колокол», в.-луж., н.-луж. Zvon [10] – в русской культуре называет звук, издаваемый колоколом, который призывает христиан к храмовому богослужению. Поскольку распространено мнение о том, что zvonъ произошло из *svonъ под влиянием зову, звать (Мейе, IF 5, 333; Мейе-Вайан 29; Блумфилд, IF 4, 76), постольку данное понятие ассоциируется с церковным колоколом. В «чине благословения колокола» сказано: «Яко да вси слышащие звенения его, или во дни или в нощи, возбудятся к словословию имени Святого Твоего» [11].

В православии называют звоном то, что воспроизводит один или несколько колоколов; бывает пять видов звона – **благовест** (благая весть), возвещающий о начале церковной службы; **трезвон** (звон в три приёма), символизирующий христианскую радость, торжество; **двузвон** (звон во все колокола дважды) – радость о воплощении Второго Лица Пресвятой Троицы; **перезвон** (поочерёдный многоразовый звон колоколов) – «истощание» Господа ради нашего спасения; **перебор** (медленный поочередный звон по несколько раз) – грусть и скорбь об усопшем [11, с. 726].

В славянских преданиях и летописных сказаниях упоминается ещё об одном виде звона – **самозвоне**: в третьей Новгородской летописи сообщается о том, что в 1470 г. в предвещии завоевания города колокола из Корсуни сами о себе зазвонили. Кашубы верили, что перед пожаром, градом, эпидемией колокола звонят сами; мотив самозвучания описывается в духовных стихах об Алексее Человеке Божьем, св. Борисе и Глебе, св. Дмитрие Солунском [3, с. 546].

Колокола стали использоваться христианами не сразу: в Ветхозаветной церкви в Иерусалимском храме верующие созывались звуками труб. В первые века гонений от язычников христиане открыто не возвещали о Богослужении – о времени и месте сообщал сам епископ. Как общий способ созыва верующих к VI веку употреблялись **била** (кандалии) – деревянные доски и **клепала** – железные или медные полосы, согнутые в полукруг.

Изобретение церковных колоколов приписывается св. Павлину, епископу Ноланскому (411 г.), т.е. в конце XV – начале V в., по преданию, св. Павлин во сне увидел полевые цветы – колокольчики, которые издавали приятные звуки. После этого епископ дал распоряжение отлить колокола в форме этих цветов.

Русь заимствовала колокола из Западной Европы в IX в., поэтому происхождение лексемы учёные связывают и с немецким эквивалентом Glocke; и с греческим словом «калкун» (от слов «клепало» или «било»); в церковных богослужбных книгах колокол именуется «кампаном» – от названия римской провинции Кампаний, где из меди были отлиты первые колокола.

По мнению Т.Б. Радбиля, «любой народ вырабатывает особые принципы отношения человека к Миру,

к Богу, к Человеку и делает это на своём родном языке и во многом с помощью языка» [12]. Поэтому колокольный звон приобрёл явные черты антропоморфизма, что отразилось в номинировании его составных частей, которые стали называться и продолжают называться номинациями – обозначениями частей человеческого тела и одежды человека: *тулово, оплечье, язык, уши, плащ, юбка*. Спустя некоторое время в России стали отливать колокола и присваивать собственные имена – Вседневный, Реут, Успенский, Праздничный, Царь-Колокол и нарицательные – *сторожевой, набатный / вспо́лшний, вечевой* (от народного *вече*), *вестовой* (от слова *весть*), *путевой* (указывающий путь), *метельный* (спасающий в метель сбившегося в пути), *ссылный* (сосланный за какую-то «провинность»), *Карнаухий* (с отрубленными ушами), *лыковый* (разбитый и связанный лыком), *пленный* (взятый во время захвата в плен – *Немчин, Татарин, Голландец* и др.). Имя **Голодарь** присваивали благовествующим во время Великого поста. Отличительными чертами русских колоколов являются их звучность и певучесть, что достигается различными средствами, например, у колокола есть ударная свободнокачающаяся часть под названием *язык*, который и производит звук. Язычный способ изготовления колоколов на Руси развил народное умение различать многоголосие. Обозначение одной из частей колокола номинацией **язык**, также, безусловно, не случайно: ведь звон колокола напоминает живой голос, является говорящими устами, Божьим гласом. Жители сёл и городов внимательно слушали напевы колоколов и научились различать их мелодии – например, колокол **Лебедь** издавал резкий, сильный звук, напоминающий крик лебедя; звук колоколов с прозвищами **Баран, Козёл** (отмечены и такие) был дребезжащий и неровный; имена святых **Гавриил, Георгий, Крест, Неопалимая Купина** подчёркивали торжественность и чистоту звучания. Они стали символом русского народа, русской культуры и часто используются как символ призыва к духовному возрождению, несмотря на то, что решение о замене на звонницах бил и клепал православными священниками было принято неохотно. В частности, например, на Афоне некоторые монастыри по-прежнему применяют эти ударные предметы для созыва на церковную службу.

При изготовлении бил мастера подбирали дерево из бука, ясеня, клёна, а для наибольшей музыкальности колоколов использовались звонкие металлы – медь или бронза. Благодарные Господу христиане заказывали новые колокола, оставляли на них надписи о том, когда и кем он был отлит. Часто благодетели отливали колокола для храмов из серебра (так, в 1890 г. в Харькове появился серебряный колокол из чистого серебра весом в 20 пудов в знак сохранения жизни царской семьи при крушении поезда) и позолоты (в Сибири в г. Таре при храме Казанской иконы Божьей Матери), даже из глины (такие колокола применялись в Соловецком монастыре).

Но благозвучность и звонкость колокольного звона определялись не содержанием драгоценных металлов (они не улучшали качество звона), а пропорцией меди и олова (на 100 пудов меди добавляли 22 пуда олова за 10 минут до отлива колокола) и формой и толщиной стенок колокола, потому что толщина его была неравномерной – в верхней части меньше, а в нижней – толще [13].

А ещё колокол уподобляли бьющемуся сердцу. У гуцулов на Ивана Купала девушка омывала язык звонницы и приговаривала имя возлюбленного в молитве для установления более крепких отношений. Висящим колоколам на одной звоннице приписывались родственные отношения – отец, мать, сын, брат (например, как в сказке Н. Агафонова «История одного колокола»), а в их звуках слышалась человеческая речь.

Поскольку колокольный звон был и остаётся сакральным атрибутом христианского богослужения, то в составе фразеологических единиц, закрепивших многие культурные смыслы, эта номинация до настоящего времени обладает значением, связанным с мерою правды, чистоты, отличного качества и под., например: *рожь чище звона* ‘созревшая рожь’; *говорит как колокол* ‘чисто говорит’; *человек-колокол* ‘разносчик новостей’; *как под колоколом* ‘иметь богатырский голос’; *стоять под колоколом* ‘хорошо слышать’; *колокол льют* ‘говорить о несбыточных новостях’; *целешенек как колокольчик* ‘быть здоровым и бодрым’; *полно девке колоколоть-то* ‘цвести’ и другие.

Однако в составе паремий компонент *колокол* может иметь не только положительную, но и отрицательную коннотацию, напр.: *Пришло счастье, хоть в колокола звони! Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню. Чужой человек в доме колокол. Ваш колокол, хоть разбей об угол. У царя колокол на всю Русь* (рекрутский набор) [14].

В русском языке сформировалась довольно характерная словообразовательная цепочка с рассматриваемой номинацией: *колокольчатый* – ‘похожий на колокол’; *колокольник* – ‘колокольный мастер’; *колокольница* – ‘жена мастера’, ‘иноверческая колокольня’; *кококольщицкий, колоколенный, колокольничный* – ‘свойственный мастеру’; *накололоть* – ‘наговориться’ и др. [14].

Подобное явление обусловлено рядом культурных факторов. В частности, в бинарной системе взаимодействия организованной религии и аморфного открытого язычества неотъемлемой сущностью русской культуры, по утверждению Б.А. Успенского и Ю.М. Лотман, всегда оставалась двойственность [15] – в связи с богословской необразованностью (неустойчивой религиозной ориентацией) (Ю.Ю. Синелина) русский человек, приняв христианство, во многих своих жизненных ситуациях руководствовался прежними, дохристианскими подходами. Так происходило, например, в юридической сфере – ср., в частности, использование очистительной присяги под колоколом; привязывание к колоколу украденной вещи – для определения вора; в обиходно-бытовой сфере,

где, к примеру, после колокольного звона приступали к домашней работе по уходу за животными, домашней птицей; в важной для русского крестьянина сельскохозяйственной среде – ср., в частности, пробуждение плодовых деревьев после звона в Страстную субботу; при совершении разного рода медицинских процедур – так, при повальной болезни звоном изгоняли нечистую силу; под колокол ставили кликуш, больных детей, а также людей при испуге, лихорадке и других болезненных состояниях.

Среди праздничных звонов особенно популярным был пасхальный, которому приписывалась возрождающая и продуцирующая сила: девушки в течение всей пасхальной недели собирались на колокольне, пели, плясали, звонили, дети играли с пасхальными яйцами; на Украине и в восточной Польше считалось, что пасхальный звон положительно влияет на рост гречи и т.д. [16].

О колоколе слагали песни, писали лирические стихи, картины, ведь он был мерою земной, временной жизни и призывом к вечному бытию, например, в 1827–1828 гг. стихи-перевод И. Козлова и музыка композитора А. Алябьева легли в основу песни, получившей статус народной только благодаря тому, что она выражала саму суть души народа, его страдания, характер: *Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он О юных днях в краю родном, Где я любил, где отчий дом, И как я, с ним навек простясь, Там слушал звон в последний раз!*

Гармонично сочетает изображение русского монастыря в лучах заходящего солнца на полотне «Вечерний звон» русский художник И. Левитан (1892). Символическое значение переднего плана картины – берег, затемнённый вечерними сумерками, – несомненно, связан с миром земным, суетным и сумрачным. Тонкая тропинка к монастырю – путь, с которого начинается духовное возрождение. Обитель изображена на берегу Волги, которая символизирует границу между двумя мирами, и лодка с извозчиком, перевозящим души с одного берега на другой (как в греческой мифологии представление о реке Стикс и Хароне).

Таким образом, социо-историко-культурный анализ лингвомаркёра *звон* позволяет утверждать следующее: каждый русский христианин прекрасно разбирался в многоголосии колокольного звона – ведь в каждом городе, селении были возведены православные храмы со звонницей, на которых устанавливали ансамбль колоколов. Из года в год, изо дня в день, по несколько раз в день русский человек слышал и запоминал звон, поэтому мог легко определить место расположения звучащего колокола (в Москве во второй половине XIX века звенело 1700 колоколов, а в 1917 году в России их было миллион). Примечательно, что колокол стал не только православным, но и государственным символом: *Чувством красоты Я от природы не был обездолен; Но у кого все средства отняты, Тот слышит звон, не видя колоколен...* [16].

Заключение. Сакральная паремия *Слышал звон, да не знает, где он* представляет лингвомаркёр звон как символ русской культуры, который утратил своё значение в жизни русского человека со времён богоборческой войны XX века. Современный человек с трудом может определить разновидности перезвонов, в каком храме слышен колокольный звон и что он означает. Технологизация упростила сложное восприятие многоголосия через использование электронных систем оповещения как в мирской, так и в церковной жизни. Поэтому устойчивое выражение со значением «знать дело отчасти, не совсем, смутно», в котором употребляется в настоящее время, по всей вероятности, сформировалось уже в атеистический период существования русского государства [10]. Отражая черты национального характера, будучи ретранслятором культурной традиции в языке и обладая кумулятивной функцией, сакральная паремия, употребляемая во всех восточнославянских языках (рус. *Слышал звон, да не знает, где он* (укр. *Чув дзвін, та не знає, де він*; бел. *Чуў звон ды не ведае, дзе ён*), включает в себя большое количество компонентов, переосмысленных в соответствии с речевой ситуацией, и свидетельствует о высокой мотивации внутренней формы. Это одновременно и фразеосочетание, и афористическое высказывание, и микротекст. При параллельном расположении предикативных частей пословицы проиллюстрированы «слабые мысли», которые выражают когнитивное содержание с ироническим смыслом.

Литература

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – С. 7.
2. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта, Наука, 2009. – С. 124–126.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 3. – 2009. – 655 с.
4. Зельдович, Г.М. О типах семантической информации: слабые смыслы / Г.М. Зельдович // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1998. – Т. 57, № 2. – С. 32–41.
5. Коновалова, Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: монография / Н.И. Коновалова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2007. – 298 с.
6. Ильченко, В.И. Духовная культура в пространстве сакрального: монография / В.И. Ильченко, В.М. Шелютто. – СПб.: Изд-во «Ъ»; Луганск: «Пресс-экспресс», 2016. – С. 24–26.
7. Культурология XX век. Энциклопедия / гл. сост. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, ООО «Алетейя», 1998. – С. 34.
8. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / О.В. Ломакина; под ред. д-ра филол. наук, проф. В.М. Мокиенко. – М.: Изд-во РУДН, 2018. – С. 94–96.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1: А–Д. – 1986. – С. 234.
10. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru> /.../ 127_ Bolshoy_ tolkovo-frazeologicheskij_slovar_Mihelsona. – Дата доступа: 08.08.2019.
11. Серафим Слободский, протоиерей. Закон Божий. Руководство для семьи и школы / Протоиерей Серафим Слободский. – М.: АНО «Православный журнал “Отдых христианина”», 2002. – С. 721–726.
12. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 7.
13. Бородин, А.В. Основы православной культуры. Православие – культуруобразующая религия: учеб. пособие / А.В. Бородин. – Изд. 6-е, испр. и доп. – М.: ООО «ТДДС «Столица-8», 2014. – С. 122–144.
14. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] // Википедия, свободная энциклопедия. – Электрон. дан. – Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=7042034>. – Дата доступа: 09.08.2019.
15. Лотман, Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. – Вып. 284. – С. 147–152.
16. Толстой, А. Биография. Стихи [Электронный ресурс] / А. Толстой. – Режим доступа: <https://www.mmsk.ru/people/unit?id=47686>. – Дата доступа: 09.08.2019.

Поступила в редакцию 17.09.2019

Ценностные доминанты в англоязычном медиадискурсе белорусских ИТ-компаний

Шуманская О.А.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

С развитием технологий и появлением новых медиаформатов коммуникации (сайтов, блогов, социальных сетей, мессенджеров и др.) корпоративная медиаопосредованная коммуникация рассматривается как основное средство конкурентной борьбы за современного потребителя, интересующегося не только качеством продукта или услуги, но и социальной позицией организации.

Цель статьи — определение ценностных доминант белорусского корпоративного медиадискурса и способов их репрезентации в корпоративных медиатекстах.

***Материал и методы.** Материалом для исследования послужили англоязычные медиатексты 50 белорусских ИТ-компаний, размещенные в социальной сети «Твиттер» и корпоративных блогах. Для выявления ключевых ценностей, характерных для медиадискурса белорусских ИТ-компаний, использовался метод контент-анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Корпоративный блог и официальная страница в социальной сети «Твиттер» представляют собой популярные корпоративные медиаформаты. Они отличаются коммуникативными функциями, жанрами и тематическим наполнением текстов. Общим для текстов данных медиаформатов является обращение к семи основным ценностям или ценностным доминантам, составляющим ядро корпоративного медиадискурса ИТ-компаний.*

***Заключение.** Рассмотренные корпоративные ценности выполняют консолидирующую функцию для корпоративного медиадискурса белорусских ИТ-компаний.*

***Ключевые слова:** корпоративный медиаопосредованный дискурс, корпоративные медиа, корпоративные ценности, контент-анализ, ценностные доминанты.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 208–213)

Value Dominants in Corporate Media Discourse of Belarusian IT Companies

Choumanskaya O.A.

Educational Establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

With the development of technology and the emergence of new media formats (websites, blogs, social networks, messengers, etc.), corporate communication is seen as the main means of winning modern customers, who are interested not only in the quality of the product or service, but also in the social position of the company.

The purpose of the study is to determine the value dominants of the Belarusian corporate media discourse and the way they are represented in corporate media texts.

***Material and methods.** The English-language media texts of 50 Belarusian IT companies, posted on Twitter and corporate blogs are the material for the research. The method of content analysis was used to determine the key values characteristic of the media discourse of Belarusian IT companies.*

***Findings and their discussion.** The corporate blog and the official Twitter page are popular corporate media formats. They differ in communicative functions, genres and thematic content of the texts. All the texts of these media formats contain the appeal to seven common values or value dominants that make up the core of the corporate media discourse of IT companies.*

***Conclusion.** The corporate values listed in the article have a consolidating function for the corporate media discourse of Belarusian IT companies.*

***Key words:** corporate discourse, corporate media, corporate values, content analysis, value dominants.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 208–213)

Для стран постсоветского пространства понятия «корпорация» и «корпоративная культура» являются символами перехода к рыночной экономике и последовавших за ней изменений в других сферах общества. Занимая все более существенное место в экономике, корпорации активно влияют на общественную жизнь. Этим объясняется актуальность их исследования.

Как междисциплинарное понятие *корпорация* трактуется по-разному. Слово «корпорация» происходит от латинского «corporatio», обозначающего объединение, общество, союз. В широком смысле данное понятие используется для обозначения «общества, соединенного какой-либо общей целью, имеющего свой устав и особые предоставленные ему права» [1].

Корпорация рассматривается не только как организация с особым юридическим статусом, но как структура с особым видом взаимоотношений, основанным на общности экономических и социальных интересов [2]. Исследователи определяют корпорацию так: 1) «модель, представляющую единство деятельности и коммуникации <...> Способом бытия корпорации являются социальное действие, единство сознательного целесообразного поведения и коммуникации группы индивидов» [3]; 2) общество в миниатюре [3]; 3) «социальная организация, в которой переплетено множество интересов» [4, с. 72].

Одним из существенных признаков корпорации является корпоративная культура, представляющая собой «систему важных предположений, разделяемых членами группы и организации, выраженную в общепринятых материальных и духовных ценностях, присущих только данной организации, отражающих ее коллективную субъектность и самоидентификацию в социальной и вещественной среде, проявляющихся в способах реализации сущностных сил членов организации и отражающих главные цели и задачи организации» [5, с. 129].

Согласно Н.Р. Имаевой, корпоративную культуру можно представить в виде пирамиды, в основании которой находятся ценности, идеалы, принципы; в середине – сложившиеся отношения, нормы и образцы поведения. На верхушке расположены фирменный стиль, корпоративные цвета и другие символы [6].

Данный образ позволяет наглядно увидеть роль корпоративных ценностей, установок и мировоззрений. Они формируют фундамент организационной культуры и служат основанием для объединения сотрудников, партнеров и клиентов компании, формируя у них чувство общности и сопричастности к деятельности корпорации. Другими словами, корпоративные ценности и установки обеспечивают связанность изначально разнородной общности людей.

С глубокими изменениями в сфере информационных технологий и появлением новых медиаформатов корпоративной коммуникации (корпоративных сайтов, блогов, страниц в социальных сетях, мессенджеров, чатов, форумов, вики-проектов и др.) возрастает роль корпоративной культуры и корпоративного медиа-

дискурса как основного инструмента трансляции и продвижения корпоративной культуры.

Информационная открытость компаний становится средством конкурентной борьбы за современного потребителя, для которого важны не только качество продукта или услуги, но и социальная позиция, этические ориентиры организации. Трансляция корпоративной философии, ритуалов, традиций и норм поведения используется для формирования у целевой аудитории доверия к корпорации и моральной общности с ней.

Вклад в изучение корпоративного дискурса внесли современные английские и американские исследователи: Норман Фэркло, Пол Ардженти, Рут Бриз [7–9]. Работы российских лингвистов Ю.В. Данюшиной, И.П. Ромашовой, И.Н. Потеряхиной, Н.В. Касьяновой характеризуют языковые составляющие корпоративного дискурса российских и иностранных компаний [10; 11]. Что касается белорусских ученых, то они, в основном, рассматривали инструменты корпоративной коммуникации через призму журналистики.

Цель статьи – определение ценностных доминант белорусского корпоративного медиадискурса и способов их репрезентации в корпоративных медиатекстах, различающихся коммуникативными форматами и функциями.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили медиатексты 50 белорусских компаний, относящихся к сфере информационных технологий. Данные тексты рассчитаны на смешанные целевые аудитории (потенциальных и действительных сотрудников, клиентов, партнеров, держателей акций и, в некоторых случаях, широкую общественность) и размещены на официальных страницах в социальной сети «Твиттер» и корпоративных блогах. Выбор данных форматов обусловлен их популярностью среди белорусских ИТ-компаний. Все проанализированные компании регулярно размещают новые записи в корпоративных блогах и перечисленных социальных сетях. Для выявления ключевых ценностей, характерных для медиадискурса белорусских ИТ-компаний, использовался метод контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. Белорусские компании сферы ИТ используют социальную сеть «Твиттер» и корпоративный блог для коммуникации с иностранной целевой аудиторией, публикуя в них тексты на английском языке.

Данные форматы корпоративной медиакommunikации различаются жанрами текстов и их функциями. Корпоративный блог применяется для: 1) привлечения внимания целевой аудитории к компании, ее сайту, блогу через информирование на актуальные темы; 2) продвижения компании в интернете; 3) отстройки от конкурентов за счет качественного содержания. Основным жанром текстов, размещаемых в данных блогах, является «лонгрид», представляющий собой массив текста объемом от 2 до 4 тысяч слов, разделенный на части фото и видеоматериалом, инфографикой.

Коммуникативные функции текстов, размещенных на официальных страницах в социальной сети

«Твиттер», заключаются в: 1) расширении круга клиентов; 2) формировании и поддержании долгосрочных отношений с ними; 3) внедрении корпоративной культуры, 4) продвижении корпоративного сайта и блога. Жанровый состав текстов в данной социальной сети включает беседу, совет, поздравление, пожелание, приветствие, анонс, обращение, объявление и информационную заметку.

Корпоративные ценности «Partnership» («Партнерство»), «Quality» («Качество»), «Progress and Change» («Прогресс и изменение»), «Expertise and Professionalism» («Экспертность и профессионализм»), «Success and Supremacy» («Успех и превосходство»), «Attitude to Work» («Отношение к работе»), «Company Localization» («Локализация компании») являются универсальными для белорусских ИТ-компаний и встречаются в текстах разных медиаформатов: корпоративных блогов, социальных сетей и, как показали предыдущие исследования, корпоративных сайтов. Данные ценности отражаются в медиатекстах при помощи ключевых лексем, объединенных нами в 7 одноименных тематических блоков, или тем [12].

Тема «Partnership» («Партнерство») включает описание взаимоотношений между компанией и ее сотрудниками, клиентами, партнерами. Равноправные и доверительные отношения выступают в качестве основной ценности, на которой выстраивается коммуникация. В текстах упоминаются открытость, честность, стремление обмениваться идеями: *The term «transparency» means different things in different contexts. In the business world, for instance, transparency is the main word to indicate openness, trust and cooperation (Термин «прозрачность» имеет разные значения в разном контексте. В деловом мире, например, прозрачность является основным словом для обозначения открытости, доверия и кооперации); We just love the opportunity to collaborate on projects which push us and our clients into a deeper understanding of machine learning... (Мы просто обожаем возможность участвовать в проектах, благодаря которым мы и наши клиенты лучше понимаем машинное обучение).*

Тема «Quality» («Качество») затрагивает описание качества товаров и услуг, предоставляемых ИТ-компаниями: *At ..., we are constantly conducting deep research of algorithms and technologies and increase accuracy of our tracking system to improve the overall performance and achieve better results (В компании ..., мы постоянно проводим исследование алгоритмов и технологий, позволяющих увеличивать точность нашей системы отслеживания, что, в свою очередь, помогает улучшить общую производительность и достичь лучших результатов);*

We want our clients to be sure the products we deliver have a high level of quality with no hidden bottlenecks or issues (Мы хотим, чтобы наши клиенты были уверены в продуктах, которые обеспечивают высокий уровень качества без каких-либо скрытых помех или вопросов).

Тема «Progress and Change» («Прогресс и изменение») включает упоминание и описание одной из ключевых ценностей сферы ИТ и современного бизнеса: прогресс и развитие. Они выступают как необходимые условия для коммерческого успеха. Прогресс описывается как данность сегодняшнего мира. Компании должны постоянно совершенствоваться и развиваться, чтобы успевать за изменяющимся миром: *First introduced in the UK, the phenomenon of challenger banks has expanded immensely. Today, there are nearly two hundred challenger banks operating worldwide, and their number is growing. And this became possible with the rise of such innovative technologies as... (Впервые появившись в Великобритании, феномен банков Челленджер получил широкое распространение. Ныне по всему миру существует около 200 банков Челленджер, и их число постоянно растет. Это стало возможным благодаря инновационным технологиям, таким как ...).*

Тема «Expertise and professionalism» («Экспертность и профессионализм») включает демонстрацию и описание высокого уровня профессионализма и экспертности сотрудников компаний: *Our team is highly experienced in computer vision, predictive modelling and natural language processing (Наша команда высококвалифицирована в машинном распознавании образов, прогнозном моделировании и обработке информации на одном языке);*

... has done it for customers from a number of industries and has earned a reputation of a CRM professional. We'll be happy to share our experience and help your company create a unique tool that is perfectly adapted to your business (Компания ... сделала это для своих клиентов из разных отраслей и заслужила репутацию профессионалов в сфере системы управления информацией о клиентах. Мы будем счастливы поделиться опытом и помочь вашей компании создать уникальный инструмент, который будет полностью адаптирован к вашему бизнесу).

В рамках темы «Success and Supremacy» («Успех и превосходство») белорусские ИТ-компании позиционируют себя и своих клиентов как успешных. Подчеркиваются их лидерские позиции. Успех упоминается в текстах с целью мотивации читателей меняться самим и менять свой бизнес: *Craft your success with us. Salesforce registered consulting partner (Создайте ваш успех вместе с нами. Зарегистрированный партнер-консультант по системе управления взаимодействием с клиентами (Salesforce));*

Catch some motivation from ...! Success doesn't just find you (Получите дозу мотивации от Успех просто так не придет к тебе).

Тема «Attitude to Work» («Отношение к работе») раскрывает отношение представителей компаний к своей работе: *We are a team of specialists passionate about anything tech-related and working hard to build truly great products (Мы команда специалистов, страстно увлеченных всем, что так или иначе связано с технологиями, мы усердно работаем, чтобы созда-*

вать действительно великолепные продукты); ... *we create a community where everyone feels intellectually challenged and professionally satisfied* (... мы создаем сообщество, в котором каждый находит для себя интересные задачи и чувствует профессиональное удовлетворение).

Тема «Company Localization» («Локализация компании») включает описание Беларуси как надежного и перспективного рынка, поставляющего услуги ИТ. Белорусские компании ставят своей целью продвижение не только собственного бренда, но и национально-го: *Why Belarus? Western mentality With Agile approach to business and startup work environment helps achieve insane synergy ... Just ask our clients! ...* (Почему Беларусь? Западный менталитет. Гибкий подход к бизнесу и рабочая атмосфера стартапов позволяют добиться невероятной синергии... Спросите наших клиентов! ...) *The most advanced tech legislature of 2018. With the new digital economy decree everything – from legal cryptocurrencies to foreign R&D centers – is possible in Belarus* (Самое продвинутое законодательство в сфере технологии в 2018 году. С новым экономическим декретом о цифровой экономике в Беларуси возможно все – от криптовалюты до иностранных научно-исследовательских департаментов).

Сочетание высокого качества продуктов и услуг, выгодного географического расположения и низких цен предлагается в качестве основного преимущества белорусского рынка ИТ-услуг: *Our headquarters and development centre are located in the convenient Central European time zone. Competitive nearshore costs.* (Наш головной офис и центр разработки расположены в удобной центрально-европейской временной зоне. Приемлемые цены) *Our Belarus nearshore development centre can offer very competitive prices* (Наш белорусский центр разработки предлагает очень приемлемые цены).

Приоритетность и способы отображения тем меняются в зависимости от формата корпоративных медиа. В текстах, размещенных в корпоративных блогах, данные темы распределяются в порядке, представленном в табл. 1.

Наиболее приоритетной темой является «Progress and Change» («Прогресс и развитие»). Эта особенность объясняется тем, что ИТ-компании часто сталкиваются с необходимостью популяризировать и продвигать инновационные технологии, мало понятные потенциальным клиентам или незнакомые им. Данная коммуникативная задача успешно решается при помощи статей в корпоративных блогах, посвященных описанию и объяснению пользы и важности инновационных решений. Формат корпоративного блога позволяет в увлекательной и неформальной манере познакомить целевую аудиторию с новыми ИТ-продуктами и услугами.

Тема «Progress and Change» затрагивается в начале статей для обоснования их актуальности: *In the last few years, the face of banking has irrevocably changed; The ever-growing use of smart devices has already influenced all aspects of human life and has triggered the emergence of the smart home...; Today, the market of public surveillance solutions has a huge niche for a computer vision technologies and their implementations. Using these technologies allows us to make a significant step in process automation and data processing, gain meaningful insights from raw data, and improve decision-making.*

Данная тема раскрывается в основной части статей при описании продуктов и услуг ИТ-компаний. Гибкость и способность к быстрым изменениям является важной характеристикой ИТ-компаний и их продуктов: *Agile development is all about flexibility at all levels: processes, roles, and technologies. If a situation requires that a particular technology or framework be used for the project, the team should be prepared to take a deep dive and learn the ropes very quickly.*

Низкий уровень адаптивности и гибкости рассматривается как один из основных недостатков: *Magento 2 can seem slower than other e-commerce platforms. Part of the problem is that Magento is a complicated system so sometimes developers just don't know what slows it down; Another weakness is the lack of flexibility. Alas, traditional software is now more flexible than cloud solutions.*

Таблица 1

Результаты контент-анализа англоязычных текстов, размещенных в корпоративных блогах белорусских ИТ-компаний

	Темы	Количество лексем
1.	Progress and Change	212
2.	Partnership	66
3.	Quality	51
4.	Expertise and Professionalism	26
5.	Attitude to Work	14
6.	Success	6
7.	Company Localization	–

Тема «Progress and Change» раскрывается в кейсах, описывающих успешное применение ИТ-продуктов на практике: *we are constantly conducting deep research of algorithms and technologies and increase accuracy of our tracking system to improve the overall performance and achieve better results.* Данная тема часто встречается в инструкциях и рекомендациях по использованию ИТ-продуктов: *In this guide however, we'll assume you've exhausted all other options and your Magento 2 admin panel login is still very slow. Here's how you can fix that: Increase Memory Limit to Speed up Magento 2 Back-end. Lack of free memory is a common issue with a suboptimal Magento 2 install.*

Часто изменение и улучшение заключается в упрощении существующих процессов или программ: *The reason for such manipulations is to simplify the calculation and make algorithm less computationally expensive.*

На втором и третьем местах в текстах корпоративных блогов размещаются темы «Partnership» («Партнерство») и «Quality» («Качество»). Теме «Partnership» посвящено интервью с одним из руководителей белорусской ИТ-фирмы. В данном интервью затрагивается вопрос прозрачных (*transparent*), партнерских отношений внутри компании и за ее пределами, с клиентами и партнерами: *When a company follows the transparency policy, it means it is transparent outside and inside the organization. A transparent organization is open with its employees. Nothing is concealed and done behind the scenes.* В других проанализированных нами статьях с корпоративных блогов данная тема не раскрывается.

Тема «Quality» часто затрагивается при описании успешных кейсов компании, ИТ-продуктов: *properly tuned signaling system; reliable configuring of integration modules and creating various scenarios for sensor combinations.*

В текстах, размещенных на официальных страницах компаний в социальной сети «Твиттер», приоритетность тем меняется (табл. 2).

Тема «Progress and Change» («Прогресс и изменение») встречается в записях, посвященных достижениям компаний, описанию продуктов, в случаях цитирования записей в корпоративном блоге или на сайте: *Are there any steps that can help businesses get ready to Big Data transformation? Sure there are! Read about them in our recent blog post...* (Существуют ли такие меры, которые помогли бы компаниям подготовиться к трансформациям, связанным с супермассивами данных? Естественно, существуют. Прочитайте о них в нашей недавней записи в блоге...);

The digital revolution in banking significantly changes its face. And if there is the best time to implement innovations into your business, then it is now. Learn about the most trendy techs used in banking and find out what benefits they have on offer (Цифровая революция в банковской сфере существенно изменяет ее. И если внедрять инновации в свой бизнес, то стоит начать уже сейчас. Прочитайте о передовых технологиях, используемых в банковской сфере, и узнайте о преимуществах их применения).

Тема «Partnership» («Партнерство») часто встречается в анонсах конференций, выставок и других тематических мероприятий. Компании приглашают представителей ИТ-сферы прийти и поделиться опытом: *A new portion of expert talks is coming at #adobecombu, If you are in Minsk, join us July* (Приближается время выступлений экспертов. Если вы будете в Минске, присоединяйтесь к нам в июле).

Записи в «Твиттере» часто содержат побуждение целевой аудитории к общению, обмену мнениями. Читателей приглашают высказать свои мысли и обсудить вопросы, интересующие ИТ-сообщество. Другими словами, авторы текстов призывают читателей к взаимодействию и кооперации: *If you have questions about our #MachineLearning & #ComputerVision Development Services, please contact us and let's discuss the possibility of cooperation* (Если у вас есть вопросы по услугам, связанным с разработкой машинного обучения, и машинному распознаванию образов, пожалуйста, свяжитесь с нами и мы обсудим возможность сотрудничества).

Таблица 2

Результаты контент-анализа англоязычных текстов белорусских ИТ-компаний, размещенных на официальных страницах в социальной сети «Твиттер»

	Темы	Количество лексем
1.	Progress and Change (Прогресс и изменение)	36
2.	Partnership/Expertise and Professionalism (Партнерство/ Экспертность и профессионализм)	32
3.	Quality (Качество)	14
4.	Success (Успех)	12
5.	Attitude to Work/Company Localization (Отношение к работе/ Локализация компании)	13

На страницах социальной сети ИТ-компании позиционируют себя как открытых к общению, готовых помочь коллегам и клиентам: *We are here to help with finding your best solution (Мы здесь для того, чтобы помочь вам найти лучшее решение)*.

Тема «Expertise and Professionalism» («Экспертность и профессионализм») часто встречается в одних записях вместе с темой «Partnership» («Сотрудничество»). Компании делятся собственным опытом, рекомендациями с позиции профессионалов и экспертов в своей области, приглашают к сотрудничеству тех, кому они могут помочь: *Tap into our multi-year domain expertise to drive your digital transformation strategy (Воспользуйтесь нашим многолетним опытом для того, чтобы привести в движение цифровую трансформацию); Watch a breathtaking demo of Adobe Analytics, Audience Manager, and Advertising Cloud from best practitioners (Посмотрите захватывающее демо о продуктах Adobe Analytics, Audience Manager, Advertising Cloud)*. Данная тема часто встречается в коротких рекламных текстах, размещенных вместе с логотипом вверху страницы и предназначенных для быстрого знакомства с компанией: *... is an expert in nearshore outsourcing, custom software and mobile apps development (Компания ... является экспертом в предоставлении своих услуг компаниям ближнего зарубежья в разработке мобильных приложений и заказного программного обеспечения)*.

Таким образом, приоритетными темами для записей в социальной сети «Твиттер» являются «Progress and Change» («Прогресс и изменение»), «Partnership» («Партнерство») и «Expertise and Professionalism» («Экспертность и профессионализм»). Они способствуют формированию образа компетентных, открытых к общению, прогрессивных компаний.

Заключение. Повторение перечисленных тем в медиатекстах разных форматов свидетельствует об их важности для отправителей сообщений. Данные темы отражают ценности и установки, формирующие основу корпоративной культуры в белорусских ИТ-компаниях. Обращаясь к одним и тем же ценностям в разных медиатекстах, различающихся жанрами и коммуникативными форматами, компании стремятся добиться целостности в формировании и трансляции своего образа. Другими словами, данные темы и отраженные в них ценности выполняют консолидирующую функцию для корпоративного медиадискурса белорусских ИТ-компаний.

Частотность обращения к темам определяется коммуникативными функциями разных корпоративных медиаформатов. Наиболее приоритетной темой в текстах, размещенных в корпоративных блогах и на страницах в сети «Твиттер», является «Progress and

Change» («Прогресс и изменение»). В текстах, размещенных на страницах корпоративных блогов, данная тема упоминается в 6 раз чаще, чем в публикациях в сети «Твиттер». Подобная особенность объясняется коммуникативными функциями корпоративного блога, заключающимися в объяснении и популяризации инновационных технологий в сфере ИТ.

Литература

1. Чудинов, А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / А.Н. Чудинов (ред.). – СПб.: В.И. Губинский, 1910. – 676 с.
2. Грицай, Н.В. Понятие и сущность корпорации / Н.В. Грицай // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер., Право. – 2015. – № 1–2(17). – С. 20–23.
3. Шилина, М.Г. Связи с общественностью в XXI в.: прагматический аспект / М.Г. Шилина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2011. – № 6. – С. 46–60. – Библиогр.: с. 59.
4. Огородов, М.Р. Корпорация как социальная организация / М.Р. Огородов // Вестн. РУДН. Сер., Социология. – 2007. – № 2. – С. 71–75. – Библиогр.: с. 74.
5. Цукерман, Г.В. Корпоративная культура: ценностные основания интеграции / Г.В. Цукерман // Социум и власть. – 2016. – № 6(62). – С. 128–133. – Библиогр.: с. 132.
6. Имаева, Н.Р. Корпоративная идеология: истоки зарождения и роль в современных социокультурных процессах / Н.Р. Имаева // Вестник УлГТУ. – 2006. – № 4. – С. 4–6. – Библиогр.: с. 6.
7. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis and the Marketization of Public Discourse: Universities / Norman Fairclough // Discourse and Society. – 1993. – № 4(2). – С. 133–146.
8. Argenti, P.A. How Technology Has Influenced the Field of Corporate Communication / P.A. Argenti // Journal of Business and Technical Communication. – 2006. – Vol. 20(3). – С. 357–370.
9. Breeze, R. Corporate Discourse / R. Breeze. – Bloomsbury Publishing Plc, 2013. – 209 p.
10. Данюшина, Ю.В. Бизнес-лингвистика – новое синергетическое направление прикладной лингвистики [Электронный ресурс] / Ю.В. Данюшина // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-lingvistika-novoe-sinergeticheskoe-napravlenie-prikladnoy-lingvistiki>. – Дата доступа: 28.05.2019.
11. Ромашова, И.П. К определению термина «корпоративный дискурс» в современной лингвистике [Электронный ресурс] / И.П. Ромашова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-opredeleniyu-termina-korporativnyy-diskurs-v-sovremennoy-lingvistike>. – Дата доступа: 28.05.2019.
12. Шуманская, О.А. Контент-анализ англоязычного медиадискурса белорусских ИТ-компаний / О.А. Шуманская // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 4(101). – С. 72–79. – Библиогр.: с. 78.

Поступила в редакцию 26.11.2019

Метафара як сродак рэпрэзентацыі канцэпту “неба” ў мове паэзіі Рыгора Барадуліна

Дзядова А.С.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле праведзена даследаванне метафарычных выразаў, якія выступаюць у якасці моўных рэпрэзэнтантаў канцэпту “неба” ў паэтычных творах Р. Барадуліна.

Мэта працы — выявіць спецыфіку метафары як сродку рэпрэзентацыі канцэпту “неба” ў мове паэзіі Р. Барадуліна.

Матэрыял і метады. Навуковае даследаванне праведзена на матэрыяле зборнікаў паэзіі Р. Барадуліна. Пры аналізе моўнага матэрыялу выкарыстоўваліся апісальны і колькасна-статыстычны метады, а таксама метады канцэптуальнага і кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Да моўных сродкаў, якія ўваходзяць у намінацыйнае поле канцэпту “неба” ў паэтычных творах Р. Барадуліна, адносяцца наступныя: ключавое слова неба як рэпрэзэнтант канцэпту; кампазіта небасхіл, індывідуальна-аўтарскія неалагізмы небадол, небасхон, небасклеп; назоўнікі, якія абазначаюць пэўныя астранамічныя аб’екты — сонца, месяці, зоры як нябесныя свяцілы.

Заклучэнне. Канцэпт “неба”, рэпрэзэнтаваны праз метафарычныя выразы, створаныя Р. Барадуліным, адносіцца да разраду ключавых канцэптаў беларускай ментальнасці, неабходных для разумення традыцыйнай культуры нашага народа, і іграе выключна важную ролю ў рэлігійнай, эмацыйнай і маральна-этычнай сферах яго жыцця.

Ключавыя словы: канцэпт, лексічная адзінка, ментальнасць, метафара, метафарычны выраз, мова мастацкага тэксту, моўная карціна свету.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 214–219)

Metaphor as a Presentation Means of the Concept of the Sky in the Language of Rygor Baradulin’s Poetry

Dziadova A.S.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

A study of metaphor expressions which are powerful presentations of the concept of the sky in R. Baradulin’s poetic works is conducted in the article.

The article aims at identifying the specificity of the metaphor as a presentation means of the concept of the sky in the language of R. Baradulin’s poetry.

Material and methods. The research was conducted on the material of R. Baradulin’s collections of poems. The descriptive and the quantity-statistic methods as well as methods of concept and component analysis were used in the linguistic material analysis.

Findings and their discussion. The linguistic means which belong to the nomination filed of the concept of the sky in the poetic works by R. Baradulin include the following: the key word of the sky as the concept presenter; the sky composite, the individual author’s neologisms of nebadol, nebaschon, nebasclep; name words which denote astronomic bodies like sun, moon, stars as celestial objects.

Conclusion. The concept of the sky presented through metaphor expressions created by R. Baradulin belongs to the class of the key concepts of Belarusian mentality which are necessary for understanding our people’s traditional culture. It plays a significant role in the religious, emotional as well as moral and ethical spheres of life.

Key words: concept, lexical unit, mentality, metaphor, metaphor expression, fiction text language, linguistic picture of the world.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 214–219)

Канцэпт “неба” адносіцца да ліку дастаткова важных канцэптаў у свядомасці чалавека і традыцыйнай народнай культуры, на што звярталі ўвагу многія даследчыкі (А. Вяжбіцкая, У.В. Колесаў, Ю.С. Сцяпанаў і інш.). Трэба зазначыць, што для рэлігійнага светапогляду людзей характэрна раздзяленне ўсяго існага на свет зямны і свет нябесны. З паняццем *неба* ў хрысціянскай культуры цесна звязана ідэя выратавання душы чалавека. У свядомасці нашага народа з даўніх часоў неба асацыіруецца з іншым светам – месцам, дзе знаходзіцца Бог і куды трапляюць душы праведных, бязгрэшных людзей. Менавіта таму неба для беларусаў-хрысціян – гэта не проста Космас, а сакральная частка Сусвету, што і знаходзіць сваё адлюстраванне ў мове мастацкага тэксту як аднаго са складнікаў духоўнай культуры этнасу.

У апошні час аб’ектам даследаванняў айчынных лінгвістаў усё часцей становіцца вывучэнне канцэптасферы таго ці іншага нацыянальнага пісьменніка, якая рэалізуецца праз выкарыстанне пэўных моўных сродкаў у мастацкім тэксце (працы В.А. Маславай, В.А. Ляшчынскай, К.С. Півавар). З гэтага пункту гледжання найбольш паказальнай у выяўленні аўтарскай канцэптасферы з’яўляецца паэтычная спадчына Р. Барадуліна як свядомага носьбіта культуры беларускага народа, да якога ён належыць і праз мову сваіх твораў адлюстроўвае асаблівасці нацыянальнага светабачання. Важным сродкам выяўлення барадулінскай канцэптасферы з’яўляюцца метафарычныя выразы, якія выступаюць адным з галоўных спосабаў канцэптуалізацыі і іграюць важную ролю ў стварэнні моўнай карціны свету беларусаў.

Мэта артыкула – выявіць спецыфіку метафары як сродку рэпрэзентацыі канцэпту “неба” ў мове паэзіі Р. Барадуліна.

Матэрыял і метады. Навуковае даследаванне праведзена на матэрыяле зборнікаў паэзіі Р. Барадуліна ў межах антрапацэнтрычных тэндэнцый сучаснага мовазнаўства. У якасці аб’екта даследавання выступае метафарычная мова паэтычных твораў Р. Барадуліна. Пры аналізе моўнага матэрыялу выкарыстоўваліся наступныя метады: апісальны, колькасна-статыстычны, метады канцэптуальнага і кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Метафарычнае бачанне свету з’яўляецца адной з вызначальных рыс барадулінскай паэзіі. Багацце яркіх і дакладных метафар у мове твораў Р. Барадуліна сведчыць пра неардынарнае мысленне аўтара, своеасаблівае ўспрыняцце свету, навізну і нечаканасць поглядаў паэта на звыклія для беларусаў прадметы і рэаліі навакольнай рэчаіснасці. Паэтычны талент Р. Барадуліна, якога літаратурныя крытыкі справядліва называюць “каралём метафары”, вызначаюць артыстычная моватворчасць і віртуознае валоданне мовай.

У творах паэта метафара выступае адным з асноўных моўных сродкаў выяўлення ўласна аўтарскай

канцэптасферы і іграе важную ролю ў стварэнні нацыянальнай карціны свету беларусаў. Сукупнасць канцэптаў, рэпрэзентаваных праз метафарычныя выразы Р. Барадуліна (канцэпты “вада”, “агонь”, “неба” як спосабы аб’ектывацыі з’яў прыроды; канцэпты “час”, “Бог”, “маці”, “народ” як спосабы аб’ектывацыі ўніверсальных катэгорый культуры), складае метафарычную канцэптасферу яго паэзіі. Да моўных сродкаў, якія ўваходзяць у намінацыйнае поле канцэпту “неба” ў паэтычных творах Р. Барадуліна, адносяцца наступныя: 1) ключавое слова *неба* як рэпрэзентант канцэпту; 2) кампазіта *небасхіл*, індывідуальна-аўтарскія неалагізмы *небадол*, *небасхон*, *небасклеп*; 3) назоўнікі, якія абазначаюць пэўныя астранамічныя аб’екты – *сонца*, *месяц*, *зоры* як нябесныя свяцілы.

У сваіх творах Р. Барадулін даволі паслядоўна звяртаецца да рэпрэзентацыі канцэпту “неба” праз выкарыстанне трапных метафарычных выказаў. Так, паэт неаднаразова ўвасабляе яснае, бязвоблачнае неба ў вобразе *блакітнай лусты*: *І возера паверыць астравам, / І абмакнецца ў дождж / Блакіту луста* [1, с. 259]. Бясхмарнае ранішняе неба аўтар характарызуе наступным чынам: *Неба, ад жаўранкаў ажаўранелае* [2, с. 59]. Выкарыстанае таўталагічнае спалучэнне *ад жаўранкаў ажаўранелае*, у склад якога ўваходзіць уласна аўтарскі дзееспрыметнік-неалагізм, служыць для стварэння выразнага і запамінальнага вобраза, акцэнтуючы ўвагу чытача на асаблівасцях неба раніцай, у якім чуваць залівісты і звонкі спеў жаўранкаў. Пры вербалізацыі цёмнага начнога неба выкарыстоўваецца трапная метафара *ўначэлая кніга неба* [3, с. 91], у якой звяртае на сябе ўвагу эпітэт-неалагізм *ўначэлая*, што перадае ўсю непаўторнасць і глыбіню мастацкага бачання паэта.

Найбольш паслядоўна канцэпт “неба” ў мове Р. Барадуліна вербалізуецца праз выкарыстанне лексічнай адзінкі *небасхіл* “частка неба над лініяй гарызонту, небакрай”. Так, прымаючы пад увагу недасягальнасць гарызонту, аўтар выкарыстоўвае семантычна ёмістую метафару *ўцякач-небасхіл прылёг грэцца*: *Уцякач-небасхіл прылёг / Грэцца ў свеце яшчэ не астылым* [4, с. 181]. Аналагічнае вобразнае пераасэнсаванне, заснаванае на наданні нябеснай прасторы чалавечых якасцей, ляжыць у аснове метафары *бакі пралежваюць небасхілы* [5, с. 128]. Прывядзём іншыя прыклады метафар-рэпрэзентантаў паняцця *небасхіл*, праз якія ў вобразнай форме семантызуецца надыход вечара: *За каўнер небасхілу / Змрок сцюдзёна цячэ* [6, с. 428]; *Смуга небасхіл / Забірае ў палон* [5, с. 122] і інш.

Спецыфічным для моўнай тканіны барадулінскіх паэтычных твораў з’яўляецца выкарыстанне згаданых вышэй індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў *небадол*, *небасклеп*, *небасхон*. З дапамогай гэтых лексічных адзінак мастак слова ахарактарызаваў неба, пад якім, як пад празрыстым дахам цяпліцы, што нагадвае купал неба, жывуць людзі. Дзеля такой характарыстыкі ён выкарыстаў вобразны аказіяналізм-назоўнік

небасклеп: *Усе пад небасклепам мы, як садавіна, / Што ведаць тэрмін свой сама павінна, / Ды мы яго не ведаем ніколі* [7, с. 243]. Сустрэкаецца ў Р. Барадуліна і іншы метафарычны вобраз неба. Цікавым, на нашу думку, з’яўляецца той факт, што метафара *бажэе небадол* створана на аснове лагічных сувязей: назойнік *небадол* знаходзіцца ў семантычнай апазіцыі да назойніка зямлі ‘дол’: *Бажэе ў вяках небадол* [6, с. 15]; *Душою не крывілі крывічы, / Бо крэўнасць з небадолам адчувалі* [2, с. 198]. У апошнім паэтычным кантэксте Р. Барадулін падкрэслівае такія характэрныя рысы беларускага народа, як шчырасць і праўдзівасць, бо спрадвеку жыхары Беларусі лічылі сябе сынамі сваёй Радзімы, якія жывуць і працуюць пад небам Бацькаўшчыны, адчуваючы сваю адказнасць за яе лёс.

Сярод прааналізаванага моўнага матэрыялу выяўлены метафарычныя адзінкі, якія служаць для семантызацыі “насельнікаў неба” – воблакаў і хмар. Так, на аснове зрокавых асацыяцый паэтам створаны метафары *бялеюць кусты аблокаў* [7, с. 326] і *аблогі несучешнымі выдмамі сталі* [1, с. 32]. У першым выпадку, паклаўшы ў аснову метафарычнага выразу асацыяцыі па форме і колеры, аўтар стварыў вобраз светлых, лёгкіх, кучаравых воблакаў, а ў другім выпадку, дзе выдма – гэта наносны пясчаны пагорак, набрынялы вадою хмары ўяўляюцца аўтару цёмнымі і цяжкімі. Вялікія белыя воблакі ў мове мастацкага кантэксту Р. Барадуліна вербалізуюцца таксама праз метафару *нядоеныя вымі аблачын* [7, с. 205], якая ўзмацняе экспрэсіўнасць выказвання. У вершы “Даенне аблокаў” воблакі семантызуюцца ў якасці “нябеснай воўны”, прывязанай да прасніцы: *Воўна-аблачына, / Прывязаная чынна / Да прасніцы. / І пралля / Цягне аблачыну за вымя / Доіць яе* [1, с. 382]. У прыведзеным прыкладзе аўтар ускосна згадвае адзін з традыцыйных заняткаў беларускіх жанчын – ткацтва. Між тым адметным для метафарычнага бачання Р. Барадуліна з’яўляецца той факт, што пралля *доіць аблачыну*. Увасабленне воблакаў у метафарычным вобразе воўны характэрна і для метафары *самалёт стрыжэ аблогі*, што адлюстравана ў наступным паэтычным радку: *Самалёт стрыжэ аблогі. / Аблогі перавальваюцца цераз крыло* [7, с. 327]. У вершы “Паўдзён на поўдні” аўтар на аснове персаніфікацыі стварыў яшчэ адзін цікавы і нечаканы вобраз воблака: *Аблачынка язык высоўвае – / Так пякло анадоень* [8, с. 28], дзе язык *аблачынкі* – гэта яе кавалачак, невялікая частка. Персаніфікаваным паўстае воблака і ў метафарычным выразе *аблачына заплача суха: Паперхнецца грыватамі спёка, / Аблачына заплача суха* [6, с. 39]. Пра хмары, якія марудна, не спяшаючыся, плывуць па небе, паэт кажа: *Аблогі ідуць пехатой* [6, с. 185].

Заўважым, што ў склад шматлікіх метафарычных адзінак, якія рэпрэзентуюць канцэпт “неба”, уваходзіць лексема *хмара* (*хмурынка*). Так, Р. Барадулін аб’ектывуе неба, якое закрылі хмары, праз наступныя метафары: *спяхмурнеў пагляд нябёс*

[9, с. 44]; *хмара латае нябёсы* [5, с. 126]; *неба апала хмарай* [10, с. 262]; *хмурынка цёмела, ды слёз не мела* [10, с. 285] і інш. У свядомасці паэта хмарнае неба ўвасабляецца ў метафарычным вобразе чарапічнага даху: *Храм стыне з босай галавой / Пад чарапіцаю хмурынак* [6, с. 269]. На аснове адухаўлення пабудавана метафара *хмара чухала бок*, дзякуючы якой хмара прадстаўлена ў вобразе хатняй жывёлы: *Хмара чухала бок / чарналессю аб рогі* [1, с. 89], дзе чорныя сукаватыя вершаліны дрэў, на якіх няма лісця, уяўляюцца аўтару нібы *рогі чарналесся*.

Пры згадванні неба як ментальнага ўтварэння ў свядомасці людзей актуалізуюцца ў першую чаргу паняцці *сонца, месяц, зоркі*, якія асацыіруюцца з іх месцазнаходжаннем – небам. Гэта пацвярджае і народнае выслоўе: *Сонца – цар неба, месяц і зоркі – яго сям’я*, якое адлюстроўвае ўяўленні людзей пра нябесныя свяцілы як неад’емныя кампаненты небасхілу. Як вядома, Сонца, як нябеснае свяціла, з’яўляецца ўнікальным прыродным аб’ектам, надзвычай важным для ўсіх насельнікаў Зямлі. З гэтай прычыны вобраз сонца сустракаецца ў культурах розных народаў. У славянскай міфалогіі з часоў глыбокай старажытнасці сонца ўспрымалася нашымі продкамі як жывая істота. Адбіткі такога “адухаўлення” сонца можна знайсці і ў сучасных мовах свету, у тым ліку і ў беларускай: *сонца ўстала / узышло / зайшло / села* і інш. Сонца, як адушаўлёная, надзеленая свядомасцю “істота”, у розных этнасаў суадносіцца як з мужчынскім (славяне, шумеры, егіпцяне), так і з жаночым (эвенкі, народы Сібіры) пачаткам. Навукоўцы і сёння звяртаюць увагу на сувязь паміж побытавай сферай дзейнасці чалавека і прагматычным значэннем сонца для прадстаўнікоў таго ці іншага этнасу. На ўзроўні побытавай свядомасці нашага народа значэнне слова *сонца* амаль не змянілася на працягу моўнай эвалюцыі. Для большасці прадстаўнікоў беларускага этнасу сонца ўяўляецца ў якасці нябеснага аб’екта, які раніцай з’яўляецца на небе, пасылае людзям святло і цяпло, а ўвечары паступова знікае за лініяй гарызонту. Між тым у свядомасці беларусаў, як і іншых славянскіх народаў, сонца – гэта не толькі прыродная з’ява, але і прадукт культуры, які мае пэўны сэнс, накоплены ў выніку практычнага і духоўнага асэнсавання прыроды, а таму гэтае слова ў нас акружана станоўчым сэнсавым арэалам.

Лінгвакультуралагічны аналіз мовы паэтычных твораў Р. Барадуліна паказаў, што аўтар даволі паслядоўна і па-мастацку праўдзіва адлюстравваў адносіны беларускага этнасу да сонца як жыццёва неабходнага нябеснага цела. Сонца ў свядомасці паэта нібы жывая істота, надзеленая выключна станоўчымі рысамі. Сонца сімвалізуе пачатак усяго існага на Зямлі. Гэта аснова жыцця, святла, цеплыні. Так, у вершы “Ліст трыццаць шосты” з нізкі вершаў “Лісты ў Нямецчыну з Мінска” аўтар семантызуе сонца праз метафарычны вобраз бацькоў, якія чакаюць дадому

сваіх дзяцей: *Сонца ў небасхілы з-пад рукі / Глядзіць, / Адкуль вяртацца мы павінны* [10, с. 145]. У шматлікіх барадулінскіх вершах сонечнае святло асацыіруецца з усмешкай неба: *Неба смяецца – / І пырскамі сонечнымі смех звініць* [6, с. 309], дзе метафара-перыфраза *сонечныя пырскі* абазначае промні сонца. Сустрэкаецца выпадак, калі сонца ў мове паэтычнага кантэксту персаніфікуецца ў метафарычным вобразе пчалы ў залатым вулі: *Пчалой у залатым вулі / Сонейка ўсміхнулася знянцу* [6, с. 264]. Паколькі сонца – гэта крыніца святла, якая засцерагае, ахоўвае Зямлю ад цемры, сонечныя промні метафарызуюцца паэтам у вобразе цяжкіх мячоў, якія, прабіваючыся праз хмары, нібы рассякаюць іх і вырастоўваюць святло, вызваляючы яго з няволі: *Праменьняў цяжкія мячы / Святло вызваляюць з няволі* [9, с. 220]. Для семантызацыі сонечнага святла аўтар выкарыстоўвае трапныя метафары *відушчае святло* [2, с. 203] і *палючая салома прамянь* [6, с. 406]. У апошнім прыкладзе метафарычнае пераасэнсаванне промняў сонца ў вобразе саломы сведчыць пра цесную сувязь мастацкага светапогляду аўтара з сялянскай матэрыяльнай культурай беларускага народа.

У пераважнай большасці паэтычных кантэкстаў, якія рэпрэзентуюць паняцце *сонца*, Р. Барадулін вербалізуе менавіта момант узыходу сонца і, адпаведна, пачатак новага дня. У моўнай тканіне сваіх твораў для семантызацыі гэтага нябеснага свяціла ён выкарыстоўвае саматызмы *галава* і *лоб* (уст. *чало*), бо па сваіх знешніх характарыстыках і функцыях, размяшчэнні адносна іншых нябесных аб'ектаў сонца асацыіруецца менавіта з названымі часткамі цела чалавека. Так, на аснове архаізма *чало* Р. Барадулін стварыў індывідуальна-аўтарскі неалагізм *ясначола*, ужыты ў наступным метафарычным выразе: *Дзень пачынаўся ясначола* [6, с. 250]. У іншым кантэксте пры апісанні ўзыходу сонца паэт выкарыстоўвае аказіяналізм *светлагалова*: *Над Палатою сонца / Узыходзіць светлагалова* [2, с. 218]. У выніку персаніфікацыі сонца набывае некаторыя фізічныя ўласцівасці чалавека, пра што сведчыць метафара *праменьне выпроствае рукавы* [9, с. 221]. У іншым паэтычным кантэксте аўтар выкарыстаў метафару *расчырванеўся сцяг світання*, якая сімвалізуе ўзыход сонца: *Світання сцяг / Над цемрывам начы / Расчырванеўся / Радаснаю стомай* [9, с. 199]. Такім чынам, сонца, як “асноўнае” нябеснае свяціла, даволі паслядоўна рэпрэзентуе канцэпт “неба” ў мове паэзіі Р. Барадуліна. Лінгвакультуралагічны аналіз даследаваных метафар пацвярджае думку, што сонца ў нацыянальнай карціне свету беларусаў не з’яўляецца амбівалентным: у свядомасці нашага этнасу яно надзелена выключна станоўчай канатацыяй.

“Галоўным” свяцілам на начным небе з’яўляецца Месяц як астранамічны аб’ект. Таямніцы Сусвету з глыбокай старажытнасці і да нашага часу цікавілі і цікавяць чалавецтва, што знайшло адлюстраванне ў культуры і свядомасці кожнага народа. Месяц

выступае адным з самых загадкавых нябесных аб’ектаў, якому надаюцца звышнатуральныя якасці і сэнсы. На працягу многіх стагоддзяў складалася меркаванне, што месяц суадносіцца з такімі паняццямі, як *жанчына*, *вада*, *урадлівасць*, *смерць*, *адраджэнне*, *ноч*. Акрамя таго, гэта вобраз станаўлення і вечнага вяртання, знак цыклічных працэсаў. Калі сонца лічыцца “бессмяротным”, то месяц непастаянны і “недасканалы”, бо за пэўны прамежак часу памірае і зноў нараджаецца. У традыцыйных культурах многіх народаў з сонцам звязваецца мужчынскі, актыўны і станоўчы пачатак, у той час як з месяцам – жаночы, пасіўны і негатыўны. Невыпадкова, што месяц выступае ў якасці пасіўнага пачатку, паколькі, не маючы ўласнага святла, ён адбівае сонечнае святло. Сімваліку гэтага вобраза характарызуе выразная амбівалентнасць, якая выяўляецца ў тым, што месяц адначасова звязаны з жыццём і смерцю. Месяц памірае і ўваскрасае, што абумоўлівае ўзнікненне ідэі пра адраджэнне часу ў межах года. Феномен Месяца як нябеснага цела – гэта яго фазы, якія асацыіруюцца з парамі года і рознымі перыядамі чалавечага жыцця.

У мове паэтычных твораў Р. Барадуліна паняцце *месяц* вербалізуецца праз такія лексічныя рэпрэзентанты, як *ветях* (*вятох*), *маладзік* і *поўня*, якія суадносяцца з асноўнымі фазамі гэтага нябеснага свяціла. Месяц у апошняй квадра, на зыходзе ў беларускай мове абазначаецца словам *ветях*. Для мовы творчай спадчыны Р. Барадуліна характэрна ў пэўным сэнсе атаясамліванне *ветяха* – месяца ў апошняй квадра і *маладзіка* – месяца ў першай квадра. Так, паэт семантызуе *ветях* праз метафарычны вобраз *ветяха-рагаціка*: *А недзе ў небе вятых-рагацік / Да рэчкі хіліцца, каб напіцца* [9, с. 8]. Прыкладзём іншыя прыклады метафар-рэпрэзентантаў лексічнай адзінкі *ветях*: *Адсырэў у аблоках ветях* [2, с. 130]; *Чакаю Вас, абы сябе праверыць, / Ці доўга я без Вас магу пражыць. / Так веташок праз аблачынаў нераць / Трымценнем нерастрачаным дрыжыць* [10, с. 324]. У апошнім мастацкім кантэксте аўтар метафарычна атаясамлівае закаханага чалавека, які хвалюецца і чакае сустрэчы са сваёй любай, з месяцам на небе. Пэўную нацыянальна-культурную інфармацыю ўтрымлівае ў сваім значэнні метафара *ветях секачом звіс над сечывам*: *Над травой – над зялёнаю маною / Ветях звіс / Шчарбатым секачом над сечывам* [11, с. 62], дзе назоўнік *сякач* ужываецца для наймення гаспадарчай прылады для раздрабнення ці сячэння чаго-небудзь, а дыялектызм *сечыва*, які шырока ўжываецца ў гаворках Віцебшчыны, служыць для абазначэння пасечанай травы, што выкарыстоўваецца ў якасці корму для хатняй жывёлы.

Месяц у першай квадра традыцыйна называецца *маладзік*. Спрадвеку маладзіку прыпісваліся магічныя здольнасці вылечваць хваробы, да яго прымяркоўваліся культавыя дзеянні і маленні. Час, калі месяц рос, павялічваючыся ў сваіх памерах, лічыўся спрыяльным для пасадкі будучага ўраджаю, розных пачынанняў, для поспеху ў памнажэнні грошай і інш. Вобраз маладзіка,

вынесены Р. Барадуліным у назву першага зборніка “Маладзік над стэпам”, асацыіруецца з маладосцю, няўрымслівасцю, свежасцю новых паэтычных сіл: *І маладзік крамяны, чысты / Растком прарэзаўся над стэпам* [2, с. 5]. У прыведзеным паэтычным кантэксце гучыць пшчотнае ўспрыманне навакольнага свету і захапленне жыццём. У большасці вершаў паэта можна заўважыць уменне эмацыйна выдзеліць незвычайнае, выключнае ў адносінах да паўсядзённага, звычайнага. Гэта ўменне з’яўляецца істотнай рысай паэтычнага майстэрства Р. Барадуліна. Так, у пераважнай большасці метафарычных выказаў, якія рэпрэзентуюць дадзены канцэпт, месяц персаніфікуецца ў вобразе хатняй рагатай жывёлы – каровы ці быка. Такія асацыятыўныя сувязі не з’яўляюцца выпадковымі, бо ў традыцыйнай беларускай культуры замацавалася метафара *рагаты месяц*, заснаваная на знешнім падабенстве паміж маладзіком і рагамі свойскай жывёлы. Гэта пацвярджаюць наступныя метафарычныя радкі: *У сена маладзік / Залез рагамі* [3, с. 20]; *Б’ецца ў краты вакон / Маладзік крутарога* [10, с. 426]; *Ён [земляроб] вешаў сявёнку – радню кулю – / На рог маладзіку-светласей* [6, с. 65]. У апошнім прыкладзе семантычна важным з’яўляецца ўжыванне метафары *маладзік-светласей* ‘які сее святло’, заснаванай на асацыятыўных сувязях з вобразам чалавека-сейбіта. Звяртае на сябе ўвагу матываваная лексічная адзінка *сявёнка*, якая семантызуе лубянку для ручной сяўбы. У цэлым прыклад рэпрэзентуе працавітасць беларуса-земляроба, які шчыраваў на зямлі ад раніцы да позняга вечара, аж да з’яўлення месяца на небе.

У моўнай свядомасці паэта маладзік семантызуецца таксама ў іншых метафарычных вобразах. Так, у вершы “Дарожны матыў” Р. Барадулін вербалізуе малады месяц праз метафару *месяц смяецца жаўтарота: Месяца лядок смяецца жаўтарота* [12, с. 138]. На знешнім падабенстве заснавана і метафара, створаная на аснове параўнання выгляду маладзіка звонку і ўсмешкі чалавека: *Ці ж мне / Маліцца на старое, / Чакаць, / Каб толькі ён не знік, – / На небе здрадлівым настрою / Твай ўсмешкі маладзік?* [9, с. 76]. Месяц, як самае вялікае і “галоўнае” свяціла на начным небе, уяўляецца паэту пастухом, які даглядае зорныя ляды: *Маладзік малады / Пасвіў зорныя ляды* [5, с. 8].

Фаза Месяца, калі бачны ўвесь яго дыск, вядома пад назвай *поўня*. Поўня асацыіруецца ў свядомасці беларускага народа з часам актывізацыі цёмных сіл і набывае адмоўную, негатыўную канатацыю. Але ў мове паэзіі Р. Барадуліна поўня, як і ўсе астатнія фазы Месяца, надзяляецца станоўчым канататыўным зместам. Пэўнай сімволікай напоўнены наступны прыклад, у якім поўня параўноўваецца з жанчынай-гаспадыняй, а святло месяца – з малаком: *Поўня лье з даёнкі поўнай / Малако святла* [8, с. 7]. У гэтым прыкладзе невыпадковым з’яўляецца метафарычна прадстаўлены вобраз гаспадыні: паэт яшчэ раз падкрэслівае такую характэрную рысу беларускіх жанчын, як працавітасць і гаспадарлівасць.

Такім чынам, месяц, як “асноўнае” начное свяціла, даволі паслядоўна выкарыстоўваецца ў мове паэзіі Р. Барадуліна для рэпрэзентацыі канцэпту “неба”. Як было разгледжана вышэй, у структуры адпаведных метафар вылучаюцца лексічныя адзінкі, якія семантызуюць асноўныя квадры месяца – *ветах*, *маладзік* і *поўня*. Статыстычныя дадзеныя сведчаць, што найбольшай частотнасцю ўжывання ў структуры метафарычных выказаў характарызуецца безэквівалентны ў рускамоўным дачыненні назоўнік *маладзік* (50%), бо спрадвечна дадзеная фаза Месяца лічылася найбольш спрыяльнай для любой дзейнасці чалавека, у тым ліку і земляробчай. Безэквівалентная лексічная адзінка *ветах* па частотнасці словаўжыванняў знаходзіцца на другім месцы (33%). Найменшай частотнасцю ўжывання характарызуецца лексема *поўня* (17%).

Аб’ектам метафарызацыі ў Р. Барадуліна з’яўляюцца таксама зоры на начным небе. Зорка – адзін з найбольш выразных і значных па сваёй сэнсавай напоўненасці складнікаў беларускай ментальнасці. Яе семантычная дамінанта не змяняецца з цягам часу: зорка – гэта нябесны аб’ект. У семантычным плане зорка, вынікаючы з фальклорнай інтэрпрэтацыі, уяўляе сабою нябеснае цела, якое мае таемнае, чароўнае паходжанне і з’яўленне якога суадносіцца з нараджэннем Ісуса Хрыста. Найбольш паслядоўную рэпрэзентацыю паняцце *зорка* знайшло ў фальклорных творах (казках, песнях, замахавых і інш.), але яно даволі трывала замацавалася таксама ў мове мастацкай літаратуры. Згодна з фальклорнай традыцыяй, карціна зорнага неба – гэта ў пэўным сэнсе адлюстраванне зямной паверхні, працы чалавека на зямлі, яго штодзённых клопатаў, сялянскай гаспадаркі. Так, Р. Барадулін неаднаразова звяртаўся да метафарычнага пераасэнсавання дадзенага нябеснага цела і вербалізаваў яго праз нечаканыя і памастацку дакладныя вобразы. У прыватнасці, начное зорнае неба ў свядомасці паэта асацыіруецца з *імжой зорнага павуціння, рабаціннем іржышча, зорнай іржой, пілавіннем: Не ўтрымаўшы зорнага каўша, / Зорнае млынар рассыпаў мліва. / Павуцінне зорнага імжа... / Зорнага іржышча рабацінне... / Куфра змроку зорная іржа... / Зорнай лесапільні пілавінне...* [10, с. 291]. Прыведзены мастацкі кантэкст даволі выразна сведчыць пра цесную сувязь паэта з традыцыйнай народнай культурай беларусаў. Выкарыстаныя лексічныя адзінкі *іржышча* і *рабацінне*, з’яўляючыся спецыфічна беларускімі безэквівалентнымі словамі, выяўляюць асаблівасці светаўспрымання Р. Барадуліна як глыбока нацыянальнага паэта. На карысць гэтага сведчыць таксама створаная ім метафара *зорная барана*, якая пэўным чынам семантызуе чалавека-земляроба: *Там [у небе] і ў дождж шалёны / Можна ўкрыцца / Зорнай бараною* [1, с. 252]. Аўтар скарыстоўвае і іншыя метафарычныя ўвасабленні зорнага неба: *палаюць сусор’яў карчы* [10, с. 402]; *гроны зорак просяцца ў руку* [3, с. 123].

Як вядома, адным з традыцыйных заняткаў беларусаў спрадвеку лічылася бортніцтва. Паводле народных уяўленняў, пчала – гэта сімвал працавітасці і вынослівасці. Нездарма пра чалавека, які сумленна выконвае свае абавязкі, кажуць, што ён *працавіты, як пчала*. Да таго ж, лета ў святдомасці многіх носьбітаў беларускай этнакультуры асацыіруецца менавіта з сонцам, кветкамі і гулам пчол на квітнеючым лузе, а ціхую марозную ноч характарызуе выраз *зоркі звіняць*. Для Р. Барадуліна іменна знешнія гукавыя асацыяцыі паслужылі асновай для пераасэнсавання зорак на небе праз метафарычны вобраз пчол: *Зоркі, як пчолы ў вулі, загудлі* [6, с. 61]; *Гудзі зорак чмялі* [5, с. 170] і інш. Зорнае неба ўяўляецца паэту сотамаі з незлічонай колькасцю пчол у іх: *У сотах неба зорных пчол не лічам, / Што мёдам одуму малодзяць мрою* [5, с. 150].

Неаднаразова ў сваёй творчай дзейнасці Р. Барадулін звяртаўся да вербалізацыі Млечнага Шляху. Так, у яго мове Млечны Шлях *зорыцца*, дзе названы ўласна аўтарскі неалагізм ужываецца ў значэнні ‘свеціцца, гарыць зорамі’: *І зорыцца ў нябёсах / Шлях Птушыны, / Каб душам весялей было ляцець* [6, с. 168]. Згодна з народнымі ўяўленнямі беларусаў, Млечны Шлях традыцыйна называюць Птушыным Шляхам. У старажытнасці існавала павер’е, што Птушыны Шлях на небе зрабіў з зорак сам Бог, каб птушкі (гусі) ведалі, як ляцець у вырай. Акрамя таго, беларусы, як і іншыя славянскія народы, верылі ў тое, што людскія душы ў вобразе птушак пасля смерці чалавека па гэтай зорнай дарозе адпраўляюцца ў рай. Верагодна, гэта тая дарога, па якой падчас свята Ушэсця Хрыстос, а таксама душы людзей вяртаюцца дадому, у “нябесны град” – у рай. У святдомасці аўтара Млечны Шлях увасабляецца ў метафарычным вобразе галінкі вярбы з каташкамі зор: *Матчына хата пільнуе з-пад даху, / Калі яна выпусціць зор каташкі – / Галінка вярбовая / Млечнага Шляху* [6, с. 267], а таксама ў метафарычным вобразе *пабялелых скроняў неба*: *Толькі неба нязруйнае / Пазірае ўстурбочана / З пабялелымі скронямі / Млечнага Шляху* [7, с. 138]. У вобразе Млечнага Шляху семантызуецца таксама мурашыная сцежка: *Цьмее Млечны Шлях мурашыны* [1, с. 111]. У моўнай святдомасці паэта зорнае неба ўвасабляецца і ў метафарычным вобразе *зорнага падстрэшша*, дзе кожная краіна пад гэтай нябеснай страхой – гэта асобная гонта: *Беларусь, / Цябе прымроў лёс / Гонцінкаю зорнага падстрэшша* [12, с. 103]. Такім чынам, паняцце *зорка* дастаткова паслядоўна выкарыстоўваецца Р. Барадуліным у структуры метафар-рэпрэзэнтантаў канцэпту “неба”. У дачыненні да пераважнай большасці адпаведных метафарычных выказаў назіраецца ўплыў народных уяўленняў пра дадзены нябесны аб’ект. Дастаткова часта аўтар увасабляе зоры ў вобразах традыцыйных беларускіх нацыянальна-культурных рэалій.

Заклучэнне. Як сведчыць даследаваны моўны матэрыял, канцэпт “неба” ляжыць у аснове нацыянальна-культурнай адметнасці беларусаў як самастойнага этнасу, адлюстроўваючы некаторыя ўніверсальныя ўяўленні, характэрныя для светапогляду нашага народа з часоў глыбокай старажытнасці. Канцэпт “неба”, рэпрэзэнтаваны праз метафарычныя выразы, створаныя Р. Барадуліным, адносіцца да разраду ключавых канцэптаў беларускай ментальнасці, неабходных для разумення традыцыйнай культуры нашага народа, і іграе выключна важную ролю ў рэлігійнай, эмацыйнай і маральна-этычнай сферах яго жыцця. Шматлікія выяўленыя і прааналізаваныя метафары грунтуюцца на міфалагічных уяўленнях людзей пра навакольны свет, з’яўляюцца адлюстраваннем шматвяковай гісторыі беларусаў, іх жыцця і побыту, разнастайных назіранняў за жывёльным і раслінным светам.

Даследаванне метафарычных выказаў як моўных рэпрэзэнтантаў канцэпту “неба” ў паэзіі Р. Барадуліна, якія дастаткова ёміста і выразна семантызуюць асаблівасці нацыянальнай святдомасці беларусаў і дапамагаюць выявіць адметнасці іх моўнай карціны свету, уносіць уклад у распрацоўку пытанняў канцэптасферы мастацкіх твораў і можа быць выкарыстана навукоўцамі ў галіне канцэпталогіі.

Літаратура

1. Барадулін, Р. Евангелле ад Мамы: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 462 с.
2. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Р. Барадулін; уклад., прадм., камент. М. Скоблы. – Мінск: Кнігазбор, 2008. – 600 с.
3. Барадулін, Р. Амплітуда смеласці: І лірыка, і гумар / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1983. – 222 с.
4. Барадулін, Р. Міласэрнасць плахі: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 302 с.
5. Барадулін, Р. Калі рукаюцца душы. Паэзія з прозай / Р. Барадулін, В. Быкаў. – Мінск: ГА БТ “Кніга”, 2003. – 344 с.
6. Барадулін, Р. Ксты / Р. Барадулін. – 2-е дап. выд. – Мінск: Рым.-катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2006. – 528 с.
7. Барадулін, Р. Вечалле: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 336 с.
8. Барадулін, Р. Зорка спагады: Рамансы / Р. Барадулін. – Мінск: Ковчег, 2000. – 36 с.
9. Барадулін, Р. Маўчанне перуна: Новая кніга / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1986. – 202 с.
10. Барадулін, Р. Руны Перуновы: Выбр. тв. / Р. Барадулін; уклад. А. Камоцкі, У. Сіўчыкаў. – Мінск: Радыёла-плюс, 2006. – 496 с.
11. Барадулін, Р. Слаўлю чысты абрус: Выбранае: для сярэд. і ст. шк. узросту / Р. Барадулін; прадм. А. Астраух. – Мінск: Беларусь, 1996. – 271 с.
12. Барадулін, Р. Сямота паломніцтва: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1990. – 270 с.

Паступіў у рэдакцыю 09.12.2019

Микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко

Марфина Ж.В.

Государственное образовательное учреждение
«Луганский национальный аграрный университет», Луганск

В статье рассмотрены контекстуальные связи названий родства в языковом творчестве Т. Шевченко в связи с вербализацией концептуального содержания одного из центральных понятий — «мать», в семантике которого переплелись мифопоэтический, народно-песенный, семейно-бытовой и индивидуально-авторский смыслы. Акциональное и оценочное воплощение слова-образа «мать» охарактеризовано как явление национальной украинской культуры в языковой картине мира восточных славян.

Цель исследования — используя методологию познания концептуально-знаковой природы номинации «мать», определить соотношение «нового» и «старого (традиционного)» в её поэтической семантике, конкретно-чувственном отражении эмоционального мира лирического «я» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко, установить типические модели концептуализации одного из названий родства «мать» в корреляции с другими мифопоэтизмами.

Материал и методы. Материалом послужили тексты поэтических произведений Т. Шевченко. Методика анализа основывается на моделировании концептуальных цепочек ({}), между компонентами которых устанавливаются стойкие семантические отношения (корреляция, отождествление, следствие, наложение и т.п. (передаются знаками ↔, ←, →, :, +)) и которые отражают определённые сценарии (мотивы) жизни человека в семье.

Результаты и их обсуждение. Выделены из шевченковского поэтического контекста концептуальные связи: мать — дитя, мать — дочь, мать — сын, отец — мать, мать — Бог, мать — Украина, мать — козак. Установлены внутренние микроконтекстные корреляции названий родства и опосредованных концептов. Выявлены особенности авторского восприятия словесного образа мать и его отношение к константам украинской речевой культуры.

Заключение. Сделан вывод, что микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве языкового творчества Т. Шевченко занимает одну из ведущих позиций. Как показали смоделированные концептуальные цепочки, в большинстве случаев посредниками кодирования контекстной семантики являются концепты-названия чувств, состояний, переживаний, что позволяет говорить как о конкретно-чувственном, так и о психоэмоциональном наполнении исследуемого микроконцепта. Его мифопоэтическая, народно-песенная и повседневно-бытовая составляющие находятся во взаимодействии, однако довольно чётко определяются в большинстве мини-контекстов.

Ключевые слова: концепт, названия родства, микроконцепт, концептуальная цепочка.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 220–224)

Microconcept of the Mother in T. Shevchenko's Poetic Subspace

Marfina Zh.V.

State Educational Establishment "Lugansk National Agrarian University", Lugansk

The article deals with the contextual relationships of kinship names in the language creativity of T. Shevchenko in connection with the verbalization of the conceptual content of one of the central concepts — the Mother in the semantics of which mythopoetic, folk song, family and household and individual author's senses are interwoven. The action and evaluation embodiment of the word-image of the Mother is characterized as a phenomenon of national Ukrainian culture in the linguistic picture of the world of the Eastern Slavs.

The research purpose is using the methodology of cognition of the conceptual and symbolic nature of the nomination "mother", to determine the ratio of "new" and "old (traditional)" in its poetic semantics, specifically-sensual reflection of the emotional world of the lyrical "I" in the poetic subspace of T. Shevchenko, to establish typical models of conceptualization of one of the kinship names of the Mother in correlation with other mythopoetisms.

Materials and methods. The material was texts of T. Shevchenko's poetic works. The method of analysis is based on modeling of conceptual chains ({}), between the components of which stable semantic relations are established (correlation, identification, consequence, overlap, etc. (transmitted by signs ↔, ←, →, :, +)) and which reflect certain scenarios (motives) of a person's life in the family.

Findings and their discussion. Conceptual links are distinguished from Shevchenko's poetic context: mother-child, mother-daughter, mother-son, father-mother, mother-God, mother-Ukraine, mother-Kozak. Internal micro-textual correlations

of kinship names and mediated concepts are established. Features of the author's perception are established of the verbal image of the Mother and its attitude to the constants of Ukrainian speech culture.

Conclusion. It is concluded that the microconcept of the Mother in the poetic subspace of Shevchenko's linguistic creativity occupies one of the leading positions. In most cases, the mediators of coding contextual semantics are concepts of the names of feelings, states and experiences in the simulated conceptual chains. Therefore, we note the concrete-sensual (love, respect, sympathy, empathy), psychoemotional (friend-foe, alienation-proximity) filling of the studied microconcept. Its mythopoetic, folk-song and everyday semantics are mixed in general. However, they are clearly defined in most mini-contexts.

Key words: concept, the name of the kinship, microconcept, the conceptual chain.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 220–224)

В последние годы в лингвистике возрос интерес к вопросам национально-культурной специфики языковой картины мира, которая отображает представления о реалиях повседневно-бытового дискурса определённого этноса. К группе слов, представляющих данную специфику, принадлежит система названий лиц, в частности, названия родства (далее НР), которые учёные относят к «константам национальной культуры» [1, с. 7], о чём свидетельствует использование последних как в фольклорных, так и в литературных контекстах. Вырастая из мифологического, народно-песенного, устного фольклорного нарратива, украинская литературная традиция нового времени (с конца XVIII века) органично вовлекла в свой арсенал лексико-тематический блок НР. Концептуальными (ключевыми, показательными) стали НР и в языковом субпространстве основоположника украинского литературного языка – Тараса Шевченко (Кобзаря), а также в украинском поэтическом языке в целом.

Языковые особенности произведений Т. Шевченко были объектом исследования многих украинских учёных (И.И. Огиенко, В.И. Симович, Г.А. Левченко, Л.А. Булаховский, И.К. Белодед, В.С. Ващенко, В.С. Ильин, В.М. Русановский, С.Я. Ермоленко, Л.И. Мацько, Е.С. Регушевский, Т.В. Зайцева, Т.А. Коць, Г.М. Сюта, С.П. Бибик и др.). Они рассматривали индивидуально-авторский стиль Кобзаря и его роль в становлении украинского литературного языка, норм последнего, в том числе и эстетических, а также в развитии концептуально-знакового пространства языка художественной литературы. Отметим, что многие подчёркивали роль вербализаторов концепта «семья» в создании как народно-песенного образа отца-матери и их детей, а также как средства оценки интимных переживаний лирического героя как члена семьи, как частички своего рода, народа, Украины. Тем не менее целостной оценки функционально-семантических и семантико-стилистических трансформаций НР в языковом творчестве основоположника украинского литературного языка ещё не проводилось.

Цель исследования – используя методологию познания концептуально-знаковой природы номинации «мать», определить соотношение «нового» и «старого (традиционного)» в её поэтической семантике, конкретно-чувственном отражении эмоционального мира лирического «я» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко, установить типические модели концеп-

туализации НР «мать» в корреляции с другими мифопоэтизмами – НР, словами-символами украинской народно-песенной и обрядовой культуры.

Материал и методы. Материалом послужил корпус поэтических контекстов Т. Шевченко [2]. Методика анализа основывается на моделировании концептуальных цепочек ({}), между компонентами которых устанавливаются стойкие семантические отношения (корреляция, отождествление, следствие, наложение и т.п. (передаются знаками $\leftrightarrow$, $\leftarrow$, $\rightarrow$, $:$, $+$)) и которые отражают определённые сценарии (мотивы) жизни человека в семье.

Результаты и их обсуждение. Внимание шевченковедов давно привлекают художественно-образные функции НР в творчестве Кобзаря. В.М. Русановский указывал, что данные номинации не просто являются часто употребляемыми, а относятся к так называемым «любимым словам» поэта [3, с. 224–226]. Многие исследователи (Ю.С. Гончар, Г.Ю. Грабович, В.И. Пахаренко, Вал.О. Шевчук, О.О. Черкас, О.В. Шаф) отмечают связь НР с темой-мотивом отцовства-материнства.

Одним из базовых в языковой картине мира Т. Шевченко является микроконцепт «мать» как компонент сложной иерархии макроконцепта «семья». Напомним, что именно благодаря символизации НР в поэзии («Садок вишневий коло хати») они стали соотноситься с языково-эстетическими знаками национальной идентичности, конкретно-предметным воплощением образа Украины.

Ностальгирующее настроение лирического героя, отбывающего наказание в казематах, – одна из причин психологической нагрузки НР – *мать, дочка, діточки, сем'я*. Словесный образ семьи нашёл поддержку как ценностно-аксиологический компонент произведения, отождествлённый с пониманием красоты семейной жизни, эстетики украинского сельского быта [4, с. 398], культурно-познавательных коннотаций целого произведения [5, с. 59]. Т. Шевченко нанизывает акциональные словесные образы (*ідуть дівчата, сем'я вечера, дочка подає вечерю, мати навчає, поклали діточок, заснули*), образов же разговора и диалогов нет – лишь пение девочек, соловья и намерение матери заговорить с дочерью. Все это происходит вокруг хаты в вишневом саду – мифопоэтического символа рая-пристанища семьи (концептуальная цепочка {[*сім'я*] $\leftrightarrow$ [*хата*]}): *Снівають, ідучи, дівчата, / А матері вечерять ждуть. / [...] Сем'я*

вечеря коло хати, / Вечірня зіронька встас. / *Дочка вечерять подає, / А мати хоче научати, / Так соловейко не дає.* / [...] *Поклала мати коло хати / Маленьких діточок своїх, / Сама заснула коло їх. / Затихло все, тільки дівчата / Та соловейко не затих.* Ср. такое наблюдение: «Хата в значении ‘семейного гнезда, пристанища семьи’ принадлежит к этическим народным ценностям: тут проходит жизнь поколений, передается опыт, действуют моральные законы» [5, с. 55].

Образ матери ассоциативно связан (хотя и в немногих произведениях) с картинами идиллической жизни, наполненной взаимопониманием, поддержкой и любовью (художественная конкретизация концептуальных цепочек {[сивий дід] ← [игра = поучение] → [внук]}; {[мати-донька] ← [ЛЮБОВ] → [сивий дід] → [внук; дитина]}): *Біленька хаточка. Сидить / Неначе й досі сивий дід / Коло хатиночки і бавить / Хорошее та кучеряве / Своє маленькеє внука. / І досі сниться, вийшла з хати / Веселая, сміючись, мати, / Цілує діда і дитя...*

Много общего в различных мини-контекстах и в словесном образе «опытной» матери – *старої матері*: *Коло його стара мати / Сидить на ослоні.* В то же время эпитет *стара* стимулирует сочувствие к судьбе одного из глав рода: *Плаче стара мати, / Плаче жінка з діточками / В нетопленій хаті. / Сестра плаче, йде шукати / Братів на чужину...; Пішов козак світ за очі; Грає синє море, / Грає серце козацьке, / А думка говорить: / «Куди ти йдеш, не спитавиши?» / На кого покинув / Батька, неньку старенькую, / Молоду дівчину? / На чужині не ті люди – / Тяжко з ними жити / Ні з ким буде поплакати, ні поговорити!* Ассоциативно-образные связи в этой контекстуальной группе отражает концептуальная цепочка ({[дети] → [УВАЖЕНИЕ, СОЧУВСТВИЕ, СОПЕРЕЖИВАНИЕ] → [старая мати]}), которая отличается эмоциональностью, экспрессивностью.

Эпитетный ряд к слову «мати» (*сердешная, немоцна, одна-однісінька, чорніше чорної землі*) передает сочувственное отношение к матери-крестьянке, матери-крепостной, подневольной женщине, к её нелёгкой судьбе ({[мати] ↔ [ОДИНОЧЕСТВО, ПЕЧАЛЬ, НЕМОЩЬ]}): *Ніби в хаті, / На холоді сердешина мати / Під тинном знай собі сидить. / Стара неначе одуріла; Дивлюсь – твоя, мій брате, мати, / Чорніше чорної землі, / Іде, з хреста неначе знята; Мені приснилось: ти вже мати, / Не в аксамиті, не в палатах / Твоє голоднее дитя... / А ти осталась на землі / Одна-однісінька; з тобою / Єдине добро було – / Твоє дитя, [...] Оперилось, і ти осталась / Стара і немоцна.* Характерологический эпитет «чорніше чорної землі» впоследствии стал маркером человека как такового в творчестве Шевченко, приобрел статус самоцитаты [6, с. 82–83].

Акциональное содержание микроконцепта «мати» связано с молитвой, пеленанием, наставлением и встречей возвращающегося ребёнка, приглашением к столу, плачем в ожидании кого-либо из детей, например: *Уте, де мати повивала / Мене малого і вночі / На свічку Богу заробляла; / Поклони тяжкій б'ючи, / Пречистій*

ставила, молила, / Щоб доля добрая любила / Її дитину; Подибала стара мати / Доню в полі доганяти... / І догнала, привела; / Нарікала, говорила; Не покличе стара мати / Вечеряти в хату. Простой бытовой лексикон чётко определяет роль матери и её неотступность от своих обязанностей относительно родившегося ребёнка: *І у хаті, і надворі, / І коло скотини, / Увечері і вдосвіта; А коло дитини / Так і пада, ніби мати; / В будень і в неділю / Головоньку йому змиє.* В связи с отмеченным семантическим наполнением концептуальной взаимосвязи «мати – дитя» следующее: {[мати] → [ЗАБОТА; ОБЕРЕГ; ВСКАРМЛИВАНИЕ] → [дети]}.

Словесный образ матери-плакальщицы, страждущей матери повторяется в поэтической речи Кобзаря: – *Так, мамо, так. – І знов ходила, / А мати плакала, ждучи; І розкажу я людям горе, / Як тая мати ріки, море / Сльози кровавої лила, / Так, як і Ти.* Автор усиливает образ слёз, плача с помощью метафоры – *реки, море слёз* (концептуальная цепочка {[мати] → [ПЛАЧ] → [дети]}).

Трагические конкретно-чувственные образы, связанные с матерью, в нескольких шевченковских контекстах актуализируются при помощи синтаксического параллелизма, который обеспечивает психоэмоциональное напряжение, придаёт образам масштабность, поскольку социальные проблемы семьи интерпретируются в связи с аномалиями в природной среде (взаимодействие трёх концептуальных цепочек: (1) {[ВЕТЕР] → [ламати = умирать] → [ДУБ]} ↔ (2) {[МАТЬ] ← [СМЕРТЬ] ↔ [МОГИЛА] → [ДИТИНА] → [один, сам, одиночество]} ≠ (3) {[мати] ↔ [ДИТИНА] ↔ [отец]}), ср.: *То не вітер, то не буйний, / Що дуба ламає; / То не лихо, то не тяжке, / Що мати вмирає; Не сироти малі діти, Що неньку сховали: Їм зосталась добра слава, Могила зосталась [...] А тому, тому на світі, що йому зосталось, / Кого батько не бачив, / Мати одицуралась?* Пожалуй, это один из наиболее сложных с точки зрения отражения лингвофилософии семьи образ, в котором воссоединены и мифопоэтическое, и повседневное семейно-бытовое, и личностно-интимное восприятие жизни.

«Мать и дитя» – наиболее почитаемый, интимизированный, с коннотацией благословения (ср. микроконтекстную сочетаемость с библейскими названиями *рай, сад, Божий*) образ в анализируемом контексте: *Ох, діти! Діти! Діти! Велика Божжа благодать!; У наших раї на землі / Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим; Мов яблучко у садочку, / Кохалась дитина.* В единстве с суперлативом «Нема нічого кращого» одно из суждений приобретает экспрессивно-оценочную окраску. В целом же высказывание «Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим» вошло в цитатный тезаурус украинцев, в основу этнокультурных знаний [6, с. 205–206]. Ассоциативно-образное наполнение этого образа отражает концептуальная цепочка {[БОГ] → [МАТЬ – ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ] → [ДИТЯ]}. В приведённых поэтических контекстах максимально совмещены библейско-христианское и семейно-бытовое семантическое наполнение словесных образов. Связь образов

Бога и селянина, Божьей Матери – хозяйки отмечалась ещё на материале украинского песенного фольклора [7, с. 304]. Тут мы видим конкретное воплощение романтизма, объединившего духовное и материальное в женском начале, синкретизм библейского и народного.

Тема-мотив материнства в художественном творчестве Т. Шевченко разворачивается и через словесный образ взаимоотношений матери и сына как продолжателя рода. В исключительно народно-песенной традиции знакомит поэт читателей с персонажами своих поэм: *Породила мати сина / В зеленій діброві, / Дала йому карі очі / І чорнії брови; Пишлася синами мати, / Синами вольними... Росли, / Росли сини і веселили / Старії скорбнії літа...; А буде син, і буде мати, / І будуть люде на землі.* Последнее утверждение имеет сакральные ассоциации с изображением матери-мадонны с дитём на руках ({[Мать] ↔ [Сын]}).

Широко известен индивидуально-авторский эпитет матери – *добрая*, воплощающий глубину отношения сына к родительнице: *Там матір добрую мою / Ще молодую – у могилу / Нужда та праця положила. / Там батько, плачучи з дітьми / (А ми малібули і голі), / Не витерпів лихої долі, / Умер на паницині!*

Мотив ожидания матерью сына представлен как диалектика отношений: одинаковые ли чувства-переживания у матери и невесты? Идиллическую ситуацию подчёркивает народно-песенный параллелизм – ждуть и мать, и девушка: *Понад ставом увечері / Хитається очерет. / Дожидає сина мати / До досвіта вечерять. / Понад ставом увечері / Шепочеться осока. / Дожидає в темнім гаї / Дівчинонька козака.* Вместе и в то же время по-разному мать и девушка плачут-тоскуют по парню-казaku: *Плаче мати одна в хаті, / А дівчина в гаї. / Поплакала чорнобрива / Та й стала співати; / Поплакала стара мати / Та й стала ридати.* И для матери – это невыразимое горе, а для девушки молодой – свет клином не сошёлся, для неё жизнь продолжается, будет ещё на её жизненном пути любовь, будет чернобровый. Концептуальную связь в таком контексте можно представить следующей схемой: {[Мать] ↔ [ожидание сына] : [ожидание жениха] ↔ / ≠ [Невеста]}.

Единоначалие какого-либо рода воплощает народно-поэтическая номинация *батько-мати*. Она в поэзии Кобзаря также актуализирована: с её помощью лирический герой выражает глубину философского обобщения роли и отца, и матери одновременно в жизни человека (концептуальная цепочка {[отец-мать] → [МОЛИТВА] → [ДОЛЯ] → [дитина] ≠ [ПОСЛУШАНИЕ] → [отец-мать]}): *І молилась, і ридала, / Кляла все на світі. / Ох, тяжкі ви, безталанні / У матері діти! / Не слухала Катерина / Ні батька, ні неньки, / Полюбила москалика, / Як знало серденько.* Разность мировосприятия, жизненного опыта отмечена в восприятии отца-матери, чужих законы семейного бытия, как чужих: *Хто спитає, привітає / Без милого в світі? / Батько, мати – чужі люди, / Тяжко з ними жити!* ({[отец-мать] ↔ [ЧУЖОЙ] ↔ [дитина] → [отец-мать]}). Полнота мироощущения любящего именно в единстве полноты

семьи, уважения к родителям и взаимной любви с милым ({[дочь] ← [ЛЮБОВЬ] : [отец-мать] → [ОТЧУЖДЕНИЕ] → [дочь] → [отец-мать]}): *Не щебече соловейко / В луці над водою, / Не співає чорнобрива, / Стоя під вербою, / Не співає – сиротою, / Білим світом нудить: / Без милого батько, мати – Як чужій люди, / Без милого сонце світить – Як ворог сміється.* Отсутствие родителей – синоним одиночества ({[дівчина-пташка] ≠ [отец-мать] → [ОДИНОЧЕСТВО]}): *Така її доля... О Боже мій милий! / За що же ти караєш її, молоду? / За те, що як щиро вона полюбила / Козацькі очі?... Прости сироту! / Кого ж її любити? / Ні батька, ні неньки, / Одна, як та пташка в далекім краю.*

Батько-мати как хранители рода, традиций народа, этноса стоят на страже Судьбы дочери, оберегая от несчастной любви (библейное архетипическое слово-символ *сад*) ({[дочь] ← [ЛЮБОВЬ] ← [отец-мать] в Саду-раю}): *Полюбилась би я, / Одружилась би я / З черобривим сиротою, та не воля моя! / Батько, мати не сплять, / На сторожі стоять, / Не пускають саму мене / У садочок гулять; Тече вода край города. / Вода ставом стала. / Прийшло дівча воду брати, / Брало, заспівало. / Вийшли з хати батько й мати / В садок погуляти, / Порадилися, кого б то їм / Своім зятем звати?*

Матір – учитель для дочери и сберегатель рода ({[мать] = [УЧИТЕЛЬ] → [дети]}): *Стопн високий муровали, / Щоб про неї люде знали, / Дітей своїх научали, / Щоб навчалися дівчата, / Коли не вчить, мати; На улиці невесело, / В хаті батько лає, / А до вдови на досвітки / Мати не пускає. / Що ж мені робити, / Де мені подітись? [...] Скажи йому: сватай мене / Або одчепись!.. / Бо як мені у матері... / То лучше топиться.*

В эпических произведениях Т. Шевченко 40-х годов XIX века прослеживается чёткое соблюдение одного из канонов романтизма – внимание к этнографическим деталям. Так же, как в поэме «Катерина», в «Тополе» в разговоре с матерью дочь выражает неповиновение, не хочет быть с нелюбимым, готова умереть и приказывает матери ({[мать] → [ДОЛГ] → [замужество дочери] : [дочь] → [неповиновение]}): *Рушниками, що придбала, / Спусти мене в яму. / Нехай попи заспівають, / А дружки поплачуть.* Относительно такого соединения НР мать – дочь В.М. Русановский отмечал, что они включены в семантическое поле ограниченной воли, даже насилия [3, с. 225]. Основное своё предназначение мать видит в том, чтобы женить сына (*Найду тобі рівню / Хоч за морем синім*), чтобы радоваться потом, живя в его доме-рае: *По світлиці походжає, / Як пава, як пані, / Та з тобою розмовляє. / В хаті, як у раї! / А я сиджу на покуті, / Тільки поглядаю.* В таком контексте прослеживаем противоположное приведённому выше эмоциональное содержание концептуальной цепочки {[мать] → [ДОЛГ] → [сын] → [женитьба сына] → [повиновение]}.

Родители – основа материального и духовного благосостояния детей, что воплощает Т. Шевченко, ощущив на собственном жизненном опыте, в художественной трансформации эмоциональной оценки сиротой

похвалыбы обновами во время Пасхальных дней. В приведённом контексте противопоставлены не только лексемы с глагольной семантикой, но и местоимения (*мені – я*): *На Великдень на соломі / Проти сонця діти / Грالیсь собі крашанками, / [...] Одна тільки / Сидить без обнови / Сиріточка, рученята / Сховавши в рукава. / – Мені мати купувала. / – Мені батько справив. / – А мені хрещена мати / Лиштову вишивала. / – А я в попа обідала. – / Сирітка сказала.* Эту стереотипную ситуацию отражает концептуальная цепочка {[родители] → [праздник – подарки] → [дети]}.

В отличие от народно-песенной и народно-разговорной традиции, поэтическое творчество основоположника украинского литературного языка демонстрирует образное употребление НР, т.е. переводение части общеупотребительной лексики в статус понятий, ассоциативно связанных с некоторой реальностью; нейтральное повседневно-бытовое приобретает коннотацию интимности, ласкательности, позитивности. Это одно из проявлений языкового эстетического кредо писателя, о котором он заявил в предисловии к «Кобзарю» 1847 года: повышение уровня национальной литературы через глубинное познание жизни народа [8, с. 21]. О такой особенности употребления НР в творчестве Кобзаря говорил ещё И.Я. Франко, который писал, что мать и сын, братья, отец и сын – всё это члены семьи, основа общества [9, с. 115–116].

Прежде всего, подобные изменения в ассоциативно-образной нагрузке НР связаны с особенностью поэтического мышления автора, вобравшего мифопоэтические константы: он опирается в литературном творчестве на знакомые читателям ассоциации из повседневно-практического опыта. Поэтому в сравнении матери, пеленающей дитя, объектом выступают астральные тела солнце и облака (*За сонцем хмаронька пливе, / Червоні поли розстилає / І сонце спатоньки зове / У синє море: покриває / Рожевою пеленою, / Мов мати дитину*). Трансформируются и традиционные концептуальные связи: {[мать] / пеленает/ [дитя] = [тучка] / накрывает/ [солнце]}.

Кроме живописных красочных образов, НР *мать* включено в сопоставление с чем-то, кем-то родным, близким – с темпоральным образом ночи, приобретающим в структуре приложения психологическую окраску: *Нехай, кляті, бенкетують, / Поки сонце зайде, / А ніч-маті дасть пораду – / Козак ляха знайде.* Ср.: {[ночь] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

НР *мать* (*ненька*) также придаёт социальному образу Украины, казацкой Сечи, интимную окраску: *Бідна моя Україно, / Стоптана ляхами! / Україно, Україно! / Ненько моя, ненько! / Як задаю тебе, краю, / Заплаче серденько...; Ой Богдане! / Нерозумний сину! / Подивись тепер на матір, / На свою Вкраїну, / Що, колишучи, співала / Про свою недолю; Як мандрували день і ніч, / Як покидали запорожці / Великий Луг і матір Січ, / Взяли з собою Матер Божу, / А більш нічого не взяли.* Ср.: {[Украина] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

Микроконцепт «мать» включён в философские размышления о сущности бытия, предназначении человека: сакральное (Мать Божья) и обыденное (мать) слились во внутренней форме одной из предложений: *Нащо нас мати привела? / Чи для добра? Чи то для зла?.* Ср.: {[Божья Мать] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

Индивидуально-авторским является сравнение звуков оружия казака, с которым он никогда не разлучается во время службы, с плачем матери; приведённое сравнение синкретизировано с антропоморфизацией предметного мира: *Як положать отамана / В новій хаті спати, / Заголосить, як та мати, / Голосна гармата.* Ср.: {[звук оружия] ↔ [СВОЙ] ≈ [мать]}.

Заключення. Таким образом, микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве языкового творчества Т. Шевченко занимает одну из ведущих позиций. Как показали смоделированные концептуальные цепочки, в большинстве своём посредниками кодирования контекстной семантики являются концепты-названия чувств, состояний, переживаний. Следует обратить особое внимание на конкретно-чувственное (любовь, уважение, сочувствие, сопереживание), психоэмоциональное (свой – чужой, отчуждение – близость) наполнение исследуемого микроконцепта; самооценка матерью своего состояния или отстранённое восприятие подчёркивает, что она в большинстве случаев переживает одиночество, печаль, немощь. В трансформированных шевченковских образах микроконцепт «мать» выполняет функцию опосредования в восприятии лирическим героем пейзажей, Украины, предметного мира. Мифопоэтическая, народно-песенная и повседневно-бытовая семантика микроконцепта «мать» смешаны в целом, однако чётко определяются в большинстве мини-контекстов.

Литература

1. Кононенко, В.І. Українська лінгвокультуро́логія: нариси / В.І. Кононенко. – Київ: Довіра, 2007. – 262 с.
2. Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка = A Concordance to the Poetic Works of Taras Shevchenko / ред.-упоряд. О.С. Ільницький, Ю. Гавриш; University of Alberta. – New York: Shevchenko Scientific Society; Edmonton; Toronto: Canadian inst. of Ukrain. studies press, 2001.
3. Русанівський, В.М. У слові – вічність: Мова творів Т.Г. Шевченка / В.М. Русанівський. – Київ: Наук. думка, 2002. – 239 с.
4. Дзюба, І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість / І.М. Дзюба. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 718 с.
5. Єрмоленко, С. «Садок вишневий коло хати» – символ української ідентичності / С. Єрмоленко // Культура слова. – 2014. – Вип. 80. – С. 50–59.
6. Сюта, Г. Самоповтори в поетичній мові Тараса Шевченка / Г. Сюта // Культура слова. – 2014. – Вип. 80. – С. 79–89.
7. Данилюк, Н.О. Поетичне слово в українській народній пісні / Н.О. Данилюк. – Луцьк: РВВ Волин. нац. ун-ту ім. Лесі Українки, 2010. – 511 с.
8. Коць, Т.А. Тарас Шевченко і становлення літературної норми / Т.А. Коць // Культура слова. – 2014. – Вип. 80. – С. 20–32.
9. Франко, І. «Наймичка» Т. Шевченка / І. Франко // Франко, І. Твори: в 20 т. – К., 1955. – Т. 17. – 321 с.

Поступила в редакцію 16.12.2019

Национальное происхождение Низами в двух исторических этапах

Гулиева Лейла Ибрагим гызы

Институт рукописей имени М. Физули Национальной академии наук Азербайджана

В статье рассматриваются роль великого азербайджанского мыслителя Низами Гянджеви в современной английской литературной критике, исследования его жизни и творчества, новые претензии на его этническое происхождение. Автор утверждает, что после распада Советского государства идеи этнического происхождения Низами Гянджеви приобрели особую актуальность на постсоветском пространстве в связи с развитием национальных и идеологических отношений, что проявилось в результатах очередных научных исследований. Исследователь объединяет новые работы с предыдущими английскими исследованиями и пытается прояснить нынешнюю тенденцию об этническом происхождении Низами Гянджеви.

Цель работы — проследить историю изучения наследия Низами в английской литературе (автор рассматривает ее в два этапа — советский и постсоветский периоды).

Материал и методы. Материалом послужили тексты произведений великого Низами, который внес в азербайджанскую культуру огромный вклад: и как просветитель, и как поэт. Историографический метод позволил установить как этапы изучения жизни поэта, так и его принадлежность к этносу через анализ источников истории и литературоведения. Использовались биографический и историко-культурный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Имеются четыре позиции о происхождении, этнической принадлежности и жизни поэта. Все они основаны на исследованиях ученых, которые едины во мнении, что родина Низами связана с Гянджей, где он и писал свои произведения. Однако после распада Советского Союза наиболее актуальным остается вопрос об этнической принадлежности поэта и просветителя. На этом поле существуют новые доказательства, причем уже ранее доказанные факты не принимаются во внимание.

Заключение. В советский период и период независимости сложились два разных этапа. С начала 1990-х годов последовательно предпринимаются шаги представлять Низами как персидского поэта, хотя это не имеет научной основы, а скорее политический подтекст, что требует от азербайджанских ученых более серьезных исследований по творческому наследию Низами.

Ключевые слова: Гянджа, Гум, этническая идентификация, лингвистический подход, национально-географический фактор, азербайджанская школа.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 225–231)

The National Origin of Hizami in the Two Historic Stages

Guliyeva L.I.

M. Fisuli Institute of Manuscripts of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

The role of the great Azerbaijani thinker Nizami of Ganjeh in the contemporary English literary criticism is considered in the article as well as studies of his life and work, new claims for his ethnic origin. The author states that after the collapse of the Soviet Empire ideas of Nizami of Ganjeh's ethnic origin emerged in the post Soviet space as a result of national and ideological relations but not as new research findings. The researcher unites new works with the previous English researches and tries to clarify a new tendency of Nizami of Ganjeh's ethnic origin.

The research purpose is to trace the history of the study of Nizami of Ganjeh's heritage in the English literature. The author is considering it in the two stages — the Soviet and the post-Soviet ones.

Material and methods. The research material was texts of the great Nizami's works. He contributed significantly into Azerbaijani culture both as an enlightener and a poet. The historiography method made it possible for the author to trace the stages of the study of both the poet's life and his ethnic attribution through the analysis of the historical and literary studies sources. Presenting her own point of view the author tries to address the biography as well as the historical and cultural research methods.

Findings and their discussion. There are four positions relating the poet's origin, ethnic attribute and life. All of them are based on the studies by scholars who have a common idea of Nizami's motherland of Ganjeh, where he wrote his works.

However, after the collapse of the Soviet Union the issue of the poet and enlightener's ethnic attribute remains most topical. There are new proofs in this field while the facts proved earlier are disregarded.

Conclusion. In the Soviet period and the independence period two different stages shaped. Since the 1990-s attempts have been made to convert Nizami into a Persian poet. We understand that this is not a scientific aspect but a political one. This requires Azerbaijani scholars to do more serious researches of Nizami's creative heritage.

Key words: Ganjeh, Hum, ethnic identity, linguistic approach, the national and geographic factor Azerbaijani school.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 225–231)

Для прояснения новой тенденции об этническом происхождении Низами Гянджеви попытаемся объединить новые работы с предыдущими английскими исследованиями.

Цель работы – проследить историю изучения наследия Низами в английской литературной традиции. Для этого рассмотрим ее в два этапа – советский и постсоветский периоды.

Материал и методы. Материалом послужили тексты произведений великого Низами, который внес в азербайджанскую культуру огромный вклад: и как просветитель, и как поэт. Историографический метод позволил установить как этапы изучения жизни поэта, так и его принадлежность к этносу через анализ источников истории и литературоведения. Использовались биографический и историко-культурный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. После ознакомления с творческим наследием Низами Гянджеви на Западе, особенно в английском востоковедении и литературоведении, можно выделить четыре позиции о происхождении, этнической принадлежности и жизни поэта.

В первом случае считается, что Низами Гянджеви – поэт тюркского происхождения и родился в древнем городе Азербайджана Гянджа, он также исследуется как азербайджанский поэт [1, с. 450].

Второй вариант – Низами родился в Гяндже и провел всю свою жизнь в этом городе, но, несмотря на это, он был представлен как персидский поэт [2; 3].

Третья группа ученых полемизирует о месте рождения Низами Гянджеви. Они утверждают, что он родился в Куме или его отец из Кума, а затем переехал в Гянджу и жил здесь всю свою жизнь. Хотя этот вопрос уже давно прояснен, в последнее время некоторые английские ученые придерживаются данного мнения и доказывают его.

Остальные исследователи считают Низами персидским поэтом с лингвистической, а азербайджанским – с национально-географической точки зрения [4].

Как видно, единственная общая позиция каждой из четырех идей заключается в том, что родина Низами связана с Гянджей. Почти все исследователи сходятся во мнении, что Низами жил в этом древнем городе Азербайджана и создал здесь бессмертные произведения. Одновременно ученые ссылаются на собственные произведения поэта.

نم نابی‌رگ مدرک مرگ هج‌نگ
نم نأ قار ع جنگ ی‌هرگ یب
مال غ یاک ناهج دروارب گن‌اب
مادک ی‌ماظن و تس‌م‌ادک هج‌نگ
دی‌سر نای‌اپ هب رم ع زا رتشی‌پ
دی‌سر ناون ع هب ممان نی‌ا مک رکش

(Гянджа взяла меня к себе,
Без этого сокровище Ирака принадлежало бы мне.
Вселенная сказала: «Дорогой мой,
Что такое Гянджа, где Низами?»
К счастью, до конца жизни
Это письмо дошло до адресата)

Однако следует отметить, что с 1990-х годов некоторые лингвисты пытаются вновь поднять вопрос об этнической принадлежности Низами, отбрасывая в сторону уже давно доказанные исторические и научные факты. Поскольку не было выдвинуто никакой новой научной основы для подобных утверждений, ее можно рассматривать только как неотъемлемую часть политико-идеологического взгляда, который составляет фундамент социально-политических трансформаций, начавшихся в конце 1980-х годов. Следует признать, что пересмотр ценностей, сформировавшихся на постсоветском пространстве, в основном зиждется на двух опорах:

1. На почве новых национальных отношений.
2. На идеологической плоскости.

По нашему мнению, оба фактора имеют место в актуализации вопроса о национально-этнической идентичности Низами. Конечно, исследования, проводимые на советском и постсоветском пространстве о жизни и творчестве Низами Гянджеви, всегда были в центре внимания английского востоковедения и литературоведения. Мы должны сказать, что именно влияние идей и мнений на постсоветском пространстве привело к определенным изменениям в различных позициях многих английских ученых об этнической идентичности великого азербайджанского мыслителя в современную эпоху.

Как мы уже отмечали, некоторые из них произошли в национальном контексте [3; 5], а некоторые – в чисто идеологическом [6–8]. Мы видим этот подход в статье Эдмунда Херцига, декана факультета востоковедения Оксфордского университета, 15 апреля 2017 года озвученный в Калифорнийском государственном университете: «Как Низами Гянджеви превратился в национального поэта Азербайджана?»

(How Nizami Ganjavi became an Azerbaijani National Poet). Он говорил об «азербайджанизировании персидского поэта» как результате политики Советского государства, без приведения каких-либо новых фактов о жизни Низами Гянджеви. Не только Херциг, но и Джулия Скотт Мейсами, сегодняшний автор многих замечательных статей о Низами, также считает, что он является персидским поэтом. Херциг пытается связать представление о Низами как об азербайджанском поэте с идеологическими целями Советского государства, в частности Сталина. Скорее всего, Херциг знаком с работами, написанными о Низами, которые искажают факты на постсоветском пространстве с 1990-х годов. Например, в недавней публикации о Низами армянский автор настолько заинтересован в отрицании азербайджанского происхождения поэта, что представляет людей, живущих в Северном и Южном Азербайджане, как отдельные народы, чтобы подтвердить свою точку зрения. Он заявляет, что именно начиная с 1918 года Север называют Азербайджаном, а проживающее здесь население – азербайджанцами. Конечно, цель этой статьи – отрицать тюркско-азербайджанское происхождение Низами. Тем не менее еще до Низами Фирдовси, пропагандировавший персидскую культуру как высшую культуру в мире, упоминал Азербайджан в «Шахнаме» и, говоря о траектории движения Искандара (Александра Македонского), использовал следующие примеры:

دکشت آراک متخاس دش وچ
دس نشج و زورون یاج نام
ناجی ابردا یوس دمایی
[9]. ناگدازا و نارادمان و دوخ

*(После окончания работы Атешкеде,
Которая относится к празднику Новруз и Саде,
Он сам со знаменитыми людьми
Приехал в Азербайджан)*

Фирдовси не пишет, как арабские авторы, Адербадеган, или же Атрапатена. С другой стороны, Искандар не может пройти мимо Северных земель магов. Здесь мы видим, что Фирдовси, когда говорит о Севере и Юге, он имеет в виду единый Азербайджан...

Вообще, в большинстве статей, написанных в последние годы, мы находим, что Н. Гянджеви является поэтом Азербайджана с подачи сталинской политики. Но до сих пор историк Нураддин Мухаммед Оуфи в «Любабуль-альбаб», Наджимаддин Абубакр Мухаммед Али Раванди в «Рахат-юс-судур и аят-юс-сурур», Насреддин Яхья бен Маджидеддин Махаммад в «Сельджукнаме», Довлатшах Самарканд в «Тазкиратшу-шуара», Аббасгулу Ага Бакыханов в «Гулистане-Ирам», Фирудин бек Кочарли в «Литературе азербайджанских татар» и др. открыто затрагивали вопросы об этнической самобытности Низами.

Еще раз мы должны с большим сожалением отметить, что превращение этнической идентичности Низами в субъект национальных отношений вне ее

национального контекста может рассматриваться как способ атаки на советскую идеологию и Сталина. Ведь сегодня авторы, утверждающие, что Низами не является азербайджанцем, не приводят никаких фактов, кроме старого лингвистического подхода.

Например, проармянский писатель, археолог В.А. Шнирельман в работе «Войны памяти. Миф, идентичность и политика в Закавказье» пишет, что в связи с 800-летием Низами в 1938 году был объявлен азербайджанским поэтом, хотя фактически он был персидским поэтом, что неудивительно: «в те годы население города (имеется в виду Гянджа. – Л.Г.) составляли персы» [4]. Когда Шнирельман озвучивал это мнение, он якобы ссылался на некоторые воспоминания Игоря Михайловича Дьяконова. Правда, Шнирельман впоследствии полностью удалил статью из интернета из-за несерьезности и антинаучности источника.

На самом деле Дьяконов говорит, что «Низами живет в тюркском городе Гянджа, но пишет по-персидски». Все эти идеи отражены в его книге, опубликованной Кембриджским университетом в 1999 году [9]. С другой стороны, как говорили тогда на персидском языке на азербайджанских территориях, если Катран Тебризи знал этот язык плохо?

Российский ученый Юрий Слезкин, который отметил, что советское правительство проводило определенную этническую политику, также утверждает, что с 1934 года началась эпоха романтического национализма в бывшем Советском Союзе и каждому народу была предоставлена возможность раскрыть своего славного мастера. Он также заявил, что Низами Гянджеви внес вклад в историю народа Азербайджана в обозначенном периоде [10]. Как правило, авторы, которые подходят к творчеству Низами с этой точки зрения, почти все придерживаются одинаковых или похожих взглядов, поэтому нам не нужно останавливаться на каждом из них в отдельности. Большинство из тех, кто считает Низами персидским поэтом, как правило, выражают свою позицию с двух точек зрения:

1. С точки зрения языкового фактора.
2. С точки зрения средневековых повествований.

У тех, кто хочет доказать, что «азербайджанизирование» Низами – результат советской идеологии, одним из первых аргументов является, возможно, несколько двусмысленный Хаджи Лютфи-бея Азери в «Атешкеде», которые он дал, ссылаясь на Низами. Однако английский исследователь Чарльз Рийо давно прояснил этот вопрос в «Catalogue of the persian manuscripts in the British museum». Поскольку вопрос об «азербайджанизировании Низами» стал актуальным на постсоветском пространстве и на Западе, в частности в английской литературной критике, в том числе после обретения независимости Азербайджаном, возникает необходимость еще раз рассмотреть этот вопрос.

Рийо отмечает, что на странице 564 каталога, о котором мы упоминали выше, на странице 398 «Nəft iqlim» и на странице 102 «Atəşkədə» сообщалось, что Кум был родиной поэта или его отец пришел оттуда. Также, согласно полустушию Низами

в «Искандарнаме» مهمق رمش ناتسمک, происхождение поэта связано с Кумом. Однако впоследствии исследователь заявил, что почти вся жизнь поэта прошла в арранском городе Гянджа (в те времена в Елизаветполе) [11].

Высоко оценивая заслуги Рийо и его научную точность, Бертельс пишет, что старые рукописи Низами, относящиеся к 763 г. (1360 г. н.э.) и хранящиеся в Национальной библиотеке Парижа, не содержат этих полустиший и что позднее они были добавлены к произведениям Низами [12]. Кстати, существуют некоторые различия в превращении хиджры (исламский календарь) в христианское летоисчисление, когда была окончена рукопись [13, с. 7].

Следует отметить, что, хотя Рийо называл произведение «Nəft iqlim», написанное в шестнадцатом веке, те, кто говорил о происхождении Низами из Кума как в азербайджанской, так и в английской литературной критике, в основном ссылались на «Atəşkədə» Лютфали Бея Азерина. При этом Рийо не упомянул авторов названных публикаций. Ниже в повествовании о происхождении Низами приведено следующее:

مگ هچنگ رجب رد هچرگ رُد وچ
مهمق رمش ناتسمق زا یلو
وامان ات تسه ید شرفتم
وجمان هدش اج نا زا یماظن

*(Даже если пропаду как драгоценные камни в Гянджинском море,
Но я из Кухистана, города Гум.
Существует деревня под названием Та,
Низами отправился оттуда, чтобы найти
свое имя)*

Многие исследователи в течение длительного времени не сообщали, откуда эти идеи и полустишия были взяты Лютфали беком. Фактически источником подобной идеи был человек, которого называли Ахмадом Эмином Рази, повествователь XVI века. В своем «Təzkireyi-həft iqlim» он представил Низами среди поэтов Кума, но также этот вопрос был поднят им относительно биографии поэта [14]. В предисловии данного повествования автор заявляет, что он написал эту работу в Индии в течение шести лет и начал ее в 996 году по календарю хиджры и завершил в 1002 году.

Эмин Ахмад Рази представляет Низами как рассказчика, человека, изолированного от мира, и подтверждает, что Шейх родился в Ираке, хотя он был из Гянджи. Видимо, Хаджи Лутфали бей Азерин также передал эту идею в своем произведении «Atəşkədə».

Писатель Эмин Ахмад Рази пишет, что, хотя Низами был человеком, который мог для себя извлекать выгоду из внешних наук и официальных полномочий, он жил до конца своей жизни скромно, не приближался к престолу, как другие поэты, напротив, судебные решения и указы всегда отвечали его потребностям, в связи с чем приводятся примеры.

وت رب زا یناوج دهع موب نوچ
وت رد زا متفرن سک رد موب
یداتسرف مرد رب ار ممه
یداد یم وت متساوخ یمن نم

*(С момента моей молодости
Я не пошел к чьей-то двери (от вашей двери)
Ты привел всех к моей двери
Я не хотел, ты давал)*

Автор повествования затем добавляет следующие полустишия к куплету:

دنب یشگب هنیچنگ ز یماظن
دنچ و دنچ ات هچنگ یراتفرگ

«Низами, открой узел от сокровищ, как долго ты пробудешь в Гяндже?»

Повествователь, когда говорит о биографии поэта, напоминает два письма, которые были отправлены ему. В одном из этих писем отношение Низами к турецкому султану и турецкого султана к Низами поскольку выглядит явным, мы на них остановимся подробно. Мы попытаемся дать им точный перевод с персидского: «“Сокровища тайн” как известная часть из проповеди каждой книги душевной “Хамсы”, у которых нет подобия и аналогии, и которые созданы по просьбе правителя, была послана на имя султана знаменитого Бахрам шаха». Это понятно из нескольких пунктов.

هاگ سومان ود ز دمآ ود ممان
هاش مارمب ود موب لچسم ود ره
متخیر نهک ناک زا یرز نا
متخیرگنا ون رجب زا یرد نیو
ملع نینزغ ز مدرآ رد موب نا
مقر یمور نکس رب هدز نیو

*(Два письма от двух достойных людей пришли –
Два письма от имени Бахрам Шаха.
Это золото было вылито из старого рудника,
А этот драгоценный камень – из нового ручья.
Он поднял флаг из Газны,
Другой клеймил румские монеты)*

Затем повествователь комментирует эти стихи и пишет: «Одна из целей шейха – это повествование доктора Санайи и “Хадика”, которое сказано в честь Бахрама Шаха Газнави, а другая – “Мэхзэн”, посвященное славе и характеру Бахрама Шаха Руми. Бахрам Шах Руми является членом правящего класса, который был назначен сельджукскими султанами. Его племена Менкучек, к которым он принадлежал, включали в себя Эрзинджана, Комаджа, Когуса и некоторые части Диярбакыра и стали правителями Эргенюзрума. Их история такова: Султан Альп Арслан Манкучек был связан с Гази Хашамам Султаном и Амруллой Аббаси. По просьбе халифа он стал правителем провинции.

Его сыновья долгое время правили в этой провинции. Затем правление дошло до Бахрама, сына правителя Давида и внука Манкучека Гази. Его состояние стало расти настолько, что Султан Гылыдж Арслан Сельджуки выдал свою дочь за него. Бахрам хан был очень благородным и заботливым. Итак, везде в Эрзинджане был праздник, не было посторонних. В обмен на “*Məxzən ül əsrar*” поэту отправили 5000 золотых динаров, т.е. подарок стоимости 400 иракских тюменов, ювелирное изделие и разного рода шелковых тканей отправили шейху. Если шейх принадлежал Гяндже, то место, где он родился, по-видимому, Гум» [14, с. 1070].

Хотя автор делает такой вывод, но ясно, что за любовью Низами к Ираку стоял султан Бахрам, который достойно оценил его труд. Первым человеком, который впервые оценил работу Низами, был Румский шах, он выбрал этот город не потому, что родился там, а потому, что его там оценили.

В общем, связь Низами с Гумом видна только из этих предложений. Эти идеи не основаны на источниках, кроме двух куплетов в «*İqbalname*». Хотя в повествовании, о котором мы рассказывали, упоминаются различные источники о незначительных событиях. Например, географическое положение города Гум упоминается как «*Əsaıyib ül-bəlad*» или «*Əsaib ül-məxlugāt*» относительно птицы, которую Иисус создал из глины. Но автор не показывает ни одного источника, связанного с жизнью и творчеством Низами.

Отметим здесь, что широкое освещение мифических легенд, отказ в передаче источников не позволяют говорить об этом повествовании как о серьезном источнике. Например, когда автор хочет похвалить климат Гума, историю, относящуюся к Иисусу Христу, об убитых и воскрешенных четырех птицах, с кровью которых лепили глины, это связывается с данной провинцией.

Короче говоря, вероятность появления Кума на основе «серьезных» источников по-прежнему поддерживается некоторыми европейскими исследователями, включая английских.

В то же время в английской литературной критике на определенном этапе Низами Гянджеви считался персидским поэтом с лингвистической точки зрения, азербайджанским поэтом – с точки зрения национально-географического контекста. Кстати, признание Низами тюркско-азербайджанским поэтом на Западе подтверждалось большой работой русских и советских ученых. Так, советский ученый Е.Э. Бертельс в своей монографии «Низами и Физули» представил всестороннюю историю Азербайджана XII века со специфическим историческим методом изучения творчества Низами и впервые раскрыл азербайджанскую школу в персидской поэзии. Это привело к тому, что исследователь, выступая о творческой деятельности Низами, имел возможность доказать связь его с Азербайджаном, Кавказом. Критически-исторический метод привел к обнаружению неопровержимых фактов в главном источнике – произведениях Низами.

Отметим, что европейцы, в частности английская литературная критика, все же не отказались от понятия «персидский поэт». Долгое время к Низами относились двояко: с лингвистической точки зрения как к персидскому поэту, а с национально-географической точки зрения – азербайджанскому. Западные востоковеды и литературоведы персидских литературных деятелей считали представителями персидской литературы, а также национальной литературы на персидском языке, поскольку они родились на территории Ирана.

Как правило, на первом этапе литературоведческой науки литераторы классифицировались по лингвистическим критериям, а национальные факторы игнорировались. Только после возникновения национализма и распада колониальной системы начался процесс национализации литературы.

Одним из авторов, который обосновал связь религиозных и социальных взглядов Низами с Азербайджаном, лектором на факультете арабских и исламских исследований в Университете Эдинбурга, сотрудником Вольфсон-колледжа, автором многих ценных работ по восточному литературоведению и переводам древних рукописей, был М.В. Макдональд. Он, прежде чем говорить о Низами, дал ясную картину окружающей среды, в которой жил поэт, а затем привлек литературное наследие поэта к исследованию. Кстати, Британский институт персидских исследований, где он работает, сегодня является одним из самых влиятельных в мире институтов иранских исследований.

Макдональд представляет Низами, умершего в первой половине XIII века, азербайджанским поэтом и философом. Макдональд подчеркнул, что первое великое имя в азербайджанской литературе принадлежало Катрану Тебризу, хотя основная часть жизни поэта была связана с Тебризом, но его работа была в Гяндже. Макдональд особо упоминает заметки Насира Хосрова о поэте. Вопреки тому факту, что Шнирельман представил в то время Гянджу как персидский город, Макдональд указал на «арранский» язык, который использовали в Гяндже, и объяснил это тем, что Катран плохо знал фарси.

Ученый пишет: «Первое великое имя в азербайджанской литературе принадлежит Катрану. Насир Хосров также писал об этом в своих заметках. Хотя большая часть его жизни продолжалась в Тебризе, он начал свою карьеру в Гяндже, возможно, потом вернулся туда. Гянджали Аби Ула, Фелеки (Шамахили), Изеддин Ширванли и Хагани также родом из Гянджи. Если мы добавим имя Месхети, которая родилась в Гяндже, то увидим, что в Гяндже процветает поэтическая среда. Учитывая этот факт, мы должны тщательно изучить наследие Низами, чтобы увидеть, как его работа совпадает с его предшественниками и современниками и чем они отличаются от них» [1, с. 97–101]. Макдональд заявил, что в период до Низами, в целом, персидский язык не был распространен на территории Азербайджана и отсюда тот факт, что Азербайджан не является исторически ираноязычной страной:

«Насири Хосров рассказывает о Катране из Тебриза, что он создал хорошую поэзию, но он плохо знал персидский язык». Во всяком случае, персидский не был языком Азербайджана. Аль-Макдуси напоминает, что в провинции Ардебиль говорили на 70 языках. Ибн Хаувкал (X век) отмечает, что в Арране (на родине Низами) говорили на арранском языке, как и раньше. Эти факты тормозили распространение персидской литературы в западном Иране, но подобные барьеры исчезли за период Низами. Появление местных независимых и полунезависимых династий в северо-западной части Персии указывает на необходимость дворцовой поэзии на персидском языке [1, с. 97–101].

В следующей главе Макдональд связал распространение персоязычной поэзии в Азербайджане с ослаблением империи сельджуков. Он пишет, что, хотя Катран, который был основателем азербайджанской поэзии на фарси, знал персидский плохо, персидская поэзия быстро развивалась в эпоху Низами. В то же время Макдональд руководствуется двумя критериями, когда говорит о Низами: он считает его персидским поэтом с лингвистической точки зрения, азербайджанским – с национально-географической.

Среди авторов, изучавших Низами в английской литературе, следует упомянуть имя британского востоковеда Чарльза Амброуза Стори. Его пятитомное произведение «Персидская литература: библиографические исследования» считается влиятельным источником и упоминается в иранской энциклопедии. Он пишет, что текст Низами впервые был критически оценен Риттером и Рипкой в 1934 году, а затем сам автор критикует эту работу из-за неточностей [1, с. 450]. «С 1940-х годов критическая публикация (автор показывает в начале, что “Пятёрка” Низами может рассматриваться как 6 стихотворений, потому что “Искендернаме” состоит из двух отдельных частей), основанная на общем плане Бертельса, была реализована командой азербайджанских ученых. Они были основаны главным образом на этих избранных копиях рукописей “Хамсы” и следовали за вышеупомянутыми парижскими и оксфордскими копиями.

Редакторы не использовали берлинские рукописи и не группировали свои работы по семьям. Тем не менее их критические подходы делают эти публикации лучшими публикациями (кроме “Семи красавиц” Риттера / Рипки). Хотя *Vahid Dastgardi* из 6 поэм, опубликованных в Тегеране в 1930 году, вероятно, были основаны на большом количестве рукописей, поскольку ни один вариант не цитировался, выбор текстов не различался между действительной и недействительной частями, и, кажется, был по существу произвольным» [1, с. 450–451].

Как видно из указанных предложений, он считает исследование Стори Бертельсона и азербайджанских ученых наиболее ценным.

Отметим также, что ни Макдональд, ни Стори, о которых мы упоминали выше, даже ни слова об «азербайджанизировании» Низами Советским государ-

ством и партией Сталина. Если мы примем во внимание идеологическую борьбу в тогдашнем мире, эти ученые, которые фактически представляли различные политические системы, должны были немедленно увидеть подобный подход. Тем не менее Стори не видит никакого следа советизма в принадлежности Низами к Азербайджану, в связи с чем исследователь разъясняет проблему Гума: «...некоторые стихи из его поэтических произведений, в которых говорится, что он из провинции Кум, являются ложными интерпретациями» [1, с. 450–451]. Как видим, Стори выражает свое однозначное мнение по этому вопросу. Всемирно известный ученый использует как лингвистические, так и географические критерии.

Всемирно известный ученый Энн Катерин Свинфорд Лэмбтон однозначно говорила о Низами как об азербайджанском поэте в статье «Проблема Азербайджана»: «Когда мы обращаемся к культурной среде, мы видим, что многие выдающиеся представители персидской литературы – Низами, Хагани, Катран Тебризи были азербайджанцами» [15]. После знакомства англичан с Низами их интерес к Низами никогда не уменьшался. После обретения независимости Азербайджаном мы также видим имя известного мыслителя в статье, названной «Признание творчества Низами на международной арене: библиография». Статья, написанная в соавторстве с Камраном Талаттоффом и Джеромом В. Клинтон, была опубликована в 2001 году в сборнике «Стихи Низами Гянджеви: знание, любовь и риторика» (Palgrave Macmillan). Отметим, что Камран Талаттофф и Джером Клинтон также редактировали журнал. Здесь представлены Уолтен Эндрюс, Джули Скотт Мейсами, Кристина ван Руймбеке, Кристофф Бургел и др., а также статьи известных литературоведов.

В вышеуказанной статье вся библиография Низами вновь отфильтрована критикой, были исследованы деятельность азербайджанских и советских регуляторов, а также празднование 800-летия Низами и работа нового поколения иранских низамиведов. Вся библиография, в том числе работы Бертельса и Рафили, критикуемые Тамазишвили, также включены сюда. Камран Талаттофф критикует советских и азербайджанских литературных критиков за идеологическую адаптацию Низами, в то же время он показывает Бертельса среди самых влиятельных западных ученых, который исследовал творчество Низами. Статья демонстрирует позицию современных исследований.

Профессор Ричард Дэвис, заведующий кафедрой культуры и языков Ближнего Востока в Университете Оксфо, хорошо известен в области персидской поэзии, он также называет Низами «персидским поэтом» и «рассматривает его поэмы “Хосров и Ширин”, “Лейли и Меджнун”, “Семь красавиц” как связующее звено между двумя стилями» [16, с. 621].

Кристин ван Руюмбеке интерпретировала «Персидскую поэтическую школу Азербайджана» в XII веке как центробежную, как результат художе-

ственного соревнования на фоне научного интереса. В произведении на создание этой школы влияют серьезные политические факторы, и ученый говорит о биографии великого мыслителя Низами Гянджеви, заметив, что он родился в городской среде в 535/1141 или 540/1146 годах. Кристина в своей работе заявляет, что азербайджанская среда влияет на поэзию Низами.

Однако у Кристины Руюмбеке нет однозначного представления об этническом происхождении Низами, она считает, что он поэт еврейского или тюркского происхождения [17, с. 9]. Пока мы не ставим целью подробно анализировать ее научные результаты, поэтому о Кристине ван Руюмбеке поговорим в перспективе.

Одним из выдающихся ученых сегодняшней эпохи является Джули Скотт Мейсами. Она сделала интересное утверждение в произведении «The haft paykar: a medieval Persian romance» [12, с. 307], сказав, что в эпоху Низами в Азербайджане использовались многие языки, в том числе язык азербери. Но она не объясняет особенностей и грамматическую структуру языка азербери. Мейсами, преподаватель факультета востоковедения в Оксфордском университете, является одним из переводчиков «Семи красавиц». Автор пишет о жизни поэта: «Азербайджанский регион, где жил и творил Низами, был одним из важнейших центров персидской литературы своего времени».

Поэзия фарси впервые процветала во Дворце Саманидов в Бухаре в X–XI веках в восточном дворце Газнавидов, у которых были свои скрытые предшественники в Восточном Иране и Афганистане. Когда турки-сельджуки потерпели поражение от газнавидов в 1040 году, они расширили свою власть в западной части, в Ираке, где доминировали арабы. Таким образом, литературная деятельность персов расширилась в сторону запада, к сельджукскому дворцу.

Говорили на многих диалектах и языках, первым языком в Азербайджане был язык азербери, местный диалект. Однако с миграцией турок на запад тюркский язык начал распространяться в XI веке. Когда сельджуки расширили свой контроль над регионом в двенадцатом веке, их провинциальные главы (практически независимые дворяне) полюбили персидский алфавит. К середине XII века самые продвинутые поэты использовали своих покровителей для создания особого азербайджанского поэтического стиля на персидском языке. Этот стиль отличается от стиля «Хорасан» своей риторической остротой, инновационным применением метафор, технической терминологией и христианскими образами.

Гянджа, столица Аррана, которую географы называли одним из красивейших городов в Западной Азии, была знаменитым и хорошо укрепленным пограничным городом. Он был процветающим центром производства и торговли шелком. С 1150 года им управляли старейшины. Под их руководством Гянджа стала центром литературной и научной деятельности. Среди поэтов Низами сильно отличался [12].

Мейсами также выделяет азербайджанский стиль поэзии на персидском языке и показывает, что в Азербайджане, где жил и творил Низами, персидская поэзия была создана в XI веке турецкими сельджуками. Он, как и Макдональд, пишет, что местные диалекты использовались в Азербайджане в XI веке и процесс тюркизации начался в этот период.

Заключение. Таким образом, мы видим, что в советский период и период независимости сложились два разных этапа. С начала 1990-х годов последовательно предпринимаются шаги представлять Низами как персидского поэта, хотя это не имеет научного основания, а скорее политический подтекст, что требует от азербайджанских ученых более серьезных исследований по творческому наследию Низами.

Литература

1. Storey, C.A. Nizami / C.A. Storey // Persian literature: a bio-bibliographical survey. – 1971. – Vol. 5, Part 2.
2. Skott, C. «The haft paykar: a medieval Persian romance» / C. Skott. – Oxford University Press, 1995.
3. Herzig, E. Iran and the Former Soviet South (The Former Soviet South Project) / E. Herzig. – Chatham House, 1995.
4. McDonald, M.V. The Religious and Social Views Nizami of Ganjeh / M.V. McDonald // Iran. – 1963. – Vol. 1. – Pp. 97–101.
5. Асатрян, Г. Азербайджан: принцип присвоения и иранский мир / Г. Асатрян, Н. Геворкян. – Ереван: Гителик, 1990. – 206 с.
6. Из истории изучения в СССР творчества Низами Гянджеви // Неизвестные страницы отечественного востоковедения: сб. – М.: Вост. лит., 2004. – С. 34–78.
7. Шнирельман, В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М.: Академкнига, 2003. – 601 с.
8. Тамазишвили, А.О. Послесловие [к публикации доклада Б.Н. Заходера «Е.Э. Бертельс»] / А.О. Тамазишвили // Иранистика в России и иранисты. – М., 2001. – С. 185–186.
9. Diakonoff, I.M. The Paths of History / I.M. Diakonoff. – UK: Cambridge University Press, 1999. – S. 110.
10. Slavyan Araşdırmalarının İnkişafı üzrə Amerika Birliyi // Slavyan Review. – 1994. – Vol. 53, № 2. – S. 414–452.
11. Charles Rieu, Ph.D. Catalogue of the persian manuscripts in British Museum / Ph.D. Charles Rieu. – Published by the trustees of the British Museum, 1881. – Vol. II. – 877 p.
12. Бертельс, Е. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха, жизнь, творчество / Е. Бертельс. – Баку: АзФан, 1940. – С. 17, 26.
13. Qəhrəmanov Cahangir, Allahyarov Kamil. «Рукописи произведений Низами Гянджеви в мировых хранилищах»: kataloqunda həmin tarix miladi ilə 1362-ci il kimi qeyd edilmişdir.
14. Razi Əmin Əhməd. Təzkirəyə-həft iglim / Razi Əmin Əhməd. – II cild. – Tehran, Seruş, 1378. – S. 1069–1077.
15. Lambton, A. The Azarbaijan problem / A. Lambton, S. Katharine // The World Today, NS. – Oxford University Press, 1946. – P. 48–57.
16. Christine van Ruymbeke. «Science and Poetry in Medieval Persia: The Botany of Nizami's Khamsa» / Christine van Ruymbeke. – University of Cambridge Oriental Publications, 2008. – Pg. 9.
17. «Divan-i kamil-e Nizami Gəncəvi» / doktor Moin Fərin müqəddiməsi ilə. – Tehran, Zərrin, 1362, II çap. – 1130 s.

Поступила в редакцию 17.12.2019

Проблема личности в творчестве Ф. Кафки

Аасадзаде Расима Фархад гызы

Азербайджанский университет языков (Азербайджанская Республика)

Франц Кафка вошел в немецкоязычную литературу в начале XX века. Творчество этого писателя актуально и по сей день. Его произведения до сих пор вызывают немало споров. Ф. Кафка раскрывает в своем творчестве общественный кризис в начале XX века. Проблемы, затрагиваемые в его произведениях, злободневны и сегодня. Практически в каждом произведении писателя звучит ощущение трагичности и передается чувство неустойчивости окружающего мира. В центре внимания Кафки оказывается одинокий и незащищенный герой, который окружен фантастической реальностью.

Цель работы — рассмотреть проблему личности в произведениях Ф. Кафки с позиций общелитературной «человеческой трагедии».

Материал и методы. Материал представлен текстами произведений Ф. Кафки: двух романов «Процесс» и «Замок», рассказом «Превращение», в которых рассматриваемая проблема раскрывается через анализ сложных и порою трагических обстоятельств в жизни главных героев. Для реализации задач, поставленных в исследовании, использовались литературоведческие методы, нацеленные на изучение произведения в связях и отношениях с окружающей средой (литературно-исторический, культурно-исторический, социологический, структурно-семиотический, психологический). Данные методы помогают при анализе текстов Ф. Кафки обобщить сложившийся в определенном обществе и отразившийся в литературе тип личности литературного героя.

Результаты и их обсуждение. Герой фантастического романа Кафки «Процесс» Йозеф К. понимает, что его арест не временный, что арестовали его на всю жизнь. И жить по-прежнему невозможно. Потому что его прежняя жизнь своеобразная жертва «огромного, страшного процесса». Другими словами, вся жизнь Йозефа К. превратилась в судебный процесс.

В романе «Замок» анализ поступков главного героя подтверждает мысль о том, что во всем «виновата» тоталитарная, бюрократическая система, которая любит, чтобы человек изначально считал себя ее абсолютно покорным слугой, даже рабом. Кафка изображает систему, в которой личность не может проявить как-то свое Я, свои желания и намерения, свою индивидуальность. А если сказать другими словами, не имеет на это никаких прав.

Комплекс вины главного героя перед отцом, семьей, друзьями и знакомыми является одной из самых сильных особенностей в произведениях Кафки. Именно с этих позиций рассказ «Превращение» — грандиозная метафора творчества писателя.

Заключение. В определенный отрезок времени жизнь этих героев резко может поменяться к худшему. Свободные до сих пор герои Ф. Кафки вдруг превращаются в своеобразные куклы в руках судьбы-проказницы. Ф. Кафка изображает своих героев часто обезличенными. Может быть, именно поэтому данных героев Ф. Кафка не обозначает даже определенным именем. Кафка хочет показать, что на месте неназванных героев может оказаться и каждый из нас.

Ключевые слова: роман, структура, жанр, литература, одиночество литературного героя, особенность изображения.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 232–236)

The Issue of the Personality in F. Kafka's Creative Work

Aasadzade R.F.

Azerbaijani University of Languages (Azerbaijan Republic)

Franz Kafka entered the German language literature in the early 20th century. His creative work is still topical. His works still stir controversy. F. Kafka reveals the social crisis of the early 20th century. Issues touched upon in his works are still urgent. The sense of tragedy and instability of the world is felt practically in every work of the writer. Kafka centers round a lonely helpless character who is surrounded by fiction reality.

The purpose of the work is to consider the issue of the personality in F. Kafka's works from the point of view of general literature "human tragedy".

Material and methods. The material is presented by texts of F. Kafka's works: two novels "The Process" and "The Castle", the story "Conversion" in which the issue under consideration is revealed through an analysis of complex and often tragic circumstances in the lives of the main characters. To implement the research tasks literature study methods aimed at studying the work in the connections and relations to the environment were used (the literature and historic, the cultural

and historic, the sociological, the structural and semiotic, the psychological). These methods help while analyzing F. Kafka's texts to generalize the literary character personality type shaped in a certain society and reflected in literature.

Findings and their discussion. Joseph K., the character of Kafka's fantasy novel "The Process" understands that his arrest is not temporary but lifelong. It is impossible to live like before. For his former life is a kind of sacrifice to "a huge horrible process". In other words, the whole Joseph K.'s life turns into a court process.

In the novel "The Castle" the analysis of the main character's actions confirms the idea that the totalitarian bureaucratic system is "to blame" and it likes the man to consider himself its absolute humble servant, even slave. Kafka portrays the system in which the personality can't manifest its own "I", own desires and intentions, its individuality. In other words, it has no rights to do it.

The guilt complex of the main character to his father, family, friends and acquaintances is one of the strongest features in F. Kafka's works. It's from this point of view that the story "Conversion" is a powerful metaphor of his creativity.

Conclusion. In some period of time the lives of the characters may suddenly change for the worse. F. Kafka's characters who were free before suddenly convert into kind of puppets in the hands of the fate. F. Kafka often portrays his characters faceless. That is why F. Kafka doesn't give these characters names. Kafka wants to show that any of us can be in place of these nameless characters.

Key words: novel, structure, genre, literature, a literary character's loneliness, feature of portraying.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 232–236)

Франц Кафка вошел в немецкоязычную литературу в начале XX века. Творчество этого писателя актуально и по сей день. Его произведения до сих пор вызывают немало споров. Ф. Кафка раскрывает в своем творчестве общественный кризис в начале XX века. Проблемы, затрагиваемые в его произведениях, злободневны и сегодня.

Цель работы – рассмотреть проблему личности в произведениях Ф. Кафки с позиций общелитературной «человеческой трагедии».

Материал и методы. Материал представлен текстами произведений Ф. Кафки: двух романов «Процесс» и «Замок», рассказом «Превращение», в которых рассматриваемая проблема раскрывается через анализ сложных и порою трагических обстоятельств в жизни главных героев. Для реализации задач, поставленных перед нами, использовались литературоведческие методы, нацеленные на изучение произведения в связях и отношениях с окружающей средой (литературно-исторический, культурно-исторический, социологический, структурно-семиотический, психологический). Данные методы помогают при анализе текстов Ф. Кафки обобщить сложившийся в определенном обществе и отразившийся в литературе тип личности литературного героя.

Результаты и их обсуждение. Практически в каждом произведении писателя звучит ощущение трагичности и передается чувство неустойчивости окружающего мира. В центре внимания Кафки оказывается одинокий и беззащитный герой, который окружен фантастической реальностью. Герои неоконченных произведений Кафки люди безгранично одинокие. Они не способны выступить против всемогущего житейского зла и несправедливости в своем одиночестве. Таковым является и Йозеф К., герой фантастического романа Кафки «Процесс». Йозеф К. арестован какими-то неизвестными людьми и осужден таинственным и всемогущим судом. Самое интересное то, что суд этот официально не существует или же если и существует, то неофициально.

Дело в том, что в действительности каждого человека могут оклеветать. Йозефа К. тоже оклеветали. Но обычно в такой ситуации извинились бы за клевету

и Йозефа К. оправдали бы. Ведь по закону его должны были отпустить. Но в «Процессе» главного героя арестовывают. Поначалу арест Йозефа К. ничего не меняет, он по-прежнему выполняет служебные обязанности. Он ведет почти обычную жизнь, живет по своим старым привычкам, будто ничего и не произошло. Но с каждым часом какое-то чувство беспокойства в душе Йозефа К. заставляет его понять, что арестовали его на всю жизнь. Йозеф К. осознает, что жить по-прежнему невозможно. Потому что его прежняя жизнь – своеобразная жертва «огромного, страшного процесса». Другими словами, вся жизнь Йозефа К. превратилась в судебный процесс.

Йозеф К. постепенно начинает понимать, что «все на свете имеет отношение к суду». Такое ощущение, что правового государства больше нет. В сложившихся обстоятельствах несчастному обвиняемому, в данном случае Йозефу К., ничего не остается. Выход один – признаться в своей виновности. Йозеф К. даже не сомневается, т.е. до конца так и не может понять, в чем же его вина. Скорее всего, он виноват в том, что еще не умер, и в том, что все еще сохранил чувство собственного достоинства, свое истинное лицо. По Кафке, человек от рождения виноват. Как читаем в произведении, «виновность всегда несомненна». В романе проскальзывает мысль, что вообще всех людей можно разделить на две части. Это те, кто судит или как-то связан с судебными порядками, и те, кого судят.

К примеру, главной идеей романа Ф. Кафки «Процесс» является то, что при судебном разбирательстве как бы обвиняемый Йозеф К. не хотел оправдать себя, все равно полностью снять с себя обвинение не сможет.

Йозеф К. противопоставлен в произведении другому образу – коммерсанту Блоку, который благодаря тому, что он ползает на четвереньках перед своим адвокатами и судьями, как собака, лижет им руки, растянул свой процесс на пять лет. В отличие от Блока, Йозеф К. был казнен уже через год после ареста. Йозеф К. не желает «выть по-волчьи», не хочет подчиняться несправедливым законам действительности.

По мнению Д.В. Затонского, «но и человек в романе “Процесс” – не лучше. Личная правда, по Кафке, – это жесткая, мрачная правда. В “Процессе” нет уже той веры в человеческие возможности, которая еще одухотворяла, оживляла образ Карла Россмана. Йозефу К., оскверненному чувством вины, остается один удел – стоицизм отчаяния» [1, с. 44].

Карл отличается в произведении человеческими качествами. Напротив, Йозеф К. у Кафки не отличается вообще никакими качествами, ни привлекательными, ни отталкивающими. Поначалу нам может показаться, что в какой-то мере здесь присутствует противоречие, ведь именно Йозеф К. обретает свою личность. Но, как ни странно, противоречия нет. Потому что в данном случае «личность» – это не индивидуальность. Затонский считает, что «все люди, по Кафке, – “личности”, как и все люди – “чиновники”; все они внутренне одиноки, отчуждены друг от друга, несчастны, а внешне – связаны между собой узами удручающего конформизма» [1, с. 44].

Изображенный в произведении процесс по делу Йозефа К. сам по себе фантастичный. Весь роман от начала до конца посвящен этому фантастичному процессу. В этом смысле основная проблема произведения – своеобразная греховность человека. Человек совершил грех уже родившись. За его греховность карают в течение всей жизни. Йозеф К. погружен в свой собственный мирок. Он не интересуется тем, что происходит вокруг него. Но при всем этом героя не отпускает ощущение собственной виновности. В мире, которому он принадлежит, виновность Йозефа К. заключена в том, что он жив. Его казнят по приговору суда. Ф. Кафка показывает нам, что неотвратимость этого суда и приговор этого суда тоже неизбежны как рок.

Следующий роман Ф. Кафки «Замок» как любое настоящее произведение отличается многоплановостью и неоднозначностью. Идею этого произведения очень сложно свести к какой-то единой мысли. Чаще всего литературные критики разбирают «Замок» как антиутопию, т.к. в произведении мы видим изображение тоталитарного общества.

Ф. Кафка здесь выводит на первый план конфликт между государством и личностью. Но, с другой стороны, есть основания утверждать, что, кроме отмеченных вопросов, Кафка рассказывает здесь и о своей личной проблеме. То есть проблеме не всего человечества в целом, а одного человека, одной личности. Мир, где личность чувствует себя чужим, не похожим на всех, а значит отщепенцем, уродом.

В произведениях Кафки человек всегда виноват перед системой тоталитаризма и тоталитарным законом. В романе землемер К. хочет попасть в Замок. Замок принадлежит графу. Замок графа Вествеста тоже является частью Системы. Так землемер К. хочет получить право на проживание в Деревне, он хочет обрести дом, создать семью, устроиться на службу. Желания К. самые обычные, но, как ни странно, все его попытки заканчиваются неудачей. Замок не только не прини-

мает его, но даже как бы «не замечает» его. Вспомним похожую ситуацию в предыдущем романе Кафки, где Йозефа К. «не замечает» Закон.

В романе «Замок» жители так называемой Деревни относятся к землемеру К. как-то настороженно или же попросту безразличны к нему. Жители Деревни относятся уважительно только к тем, кто хоть как-то связан с Заком или же, другими словами, с Законом. Смысл жизни К. заключается в проникновении в Замок. Но, к сожалению, в Замке его не хотят видеть. Все последние месяцы жизни К. всеми силами хочет проникнуть в Замок. Здесь его не принимают.

А во всем «виновата» тоталитарная, бюрократическая система, которая любит, чтобы человек изначально считал себя ее абсолютно покорным слугой, даже рабом. Кафка изображает систему, где человек не может проявить как-то свое Я, свои желания и намерения, свою индивидуальность. А если сказать другими словами, не имеет на это никаких прав.

Изображенная тоталитарная система согласна с тем, что человек изначально признает себя виноватым. Человек в подобной системе постоянно ждет за свою виновность наказания. Он должен постоянно беспокоиться и бояться всего вокруг, в том числе и проявления малейших чувств собственного достоинства.

Единственно, где по-настоящему рады К., это семья Варнавы. И это, наверное, потому, что Варнава и его семья сами отщепенцы общества. И все-таки к землемеру К. в произведении тянутся многие герои. Так, например, женские образы проявляют интерес к землемеру, Фрида и Ольга равнодушны к нему. Варнава по-настоящему изъявляет желание помочь К., жена Брунсвика тоже не оставляет без внимания землемера. И, наконец, эпизодичный образ в романе Ханс говорит, что хочет быть таким же, как он, землемер К., когда вырастет.

Интересно, что чиновники из Замка боятся главного героя. Кафка хочет показать, что чиновники Деревни настолько отупели, что из-за своей закоренелой тупости ничего не могут понять. Все дело в том, что К. не похож на других жителей Деревни, и поэтому, скорее всего, инстинкт самосохранения у чиновников как бы предупреждает о настигшей их опасности в лице землемера. Землемер силен, он уверен в себе. Кафка раскрывает эту силу и уверенность в истории о кладбищенской стене. Маленький К. смог взобраться на эту стену. И это была первая победа в его жизни. Эта, хоть и небольшая, победа поддерживала его всю жизнь. Жители Деревни – это люди, которые всегда следуют уже установленным правилам и традициям. К. отличается от них тем, что он готов преодолеть эти законы и каноны.

Так почему же все-таки К. хочет попасть в Замок? Зачем он так упорно хочет остаться в Деревне? Кафка в романе дает объяснение этим сложным на первый взгляд вопросам: «А я вам сейчас перечислю, что меня тут удерживает: те жертвы, что я принес, чтобы уехать из дому, долгий трудный путь, вполне

обоснованные надежды, которые я питал в отношении того, как меня тут примут, мое полное безденежье, невозможность снова найти работу у себя дома, и, наконец, не меньше, чем остальное, моя невеста, живущая здесь» [2, с. 83].

В произведении мы это узнаем от самого землемера К., когда он объясняет старосте свою цель прибытия в Замок. В начале романа К. является с тайной миссией: «К. насторожился. Значит, Замок утвердил за ним звание землемера. С одной стороны, это было ему невыгодно, так как означало, что в Замке о нем знают все, что надо и, учитывая соотношение сил, шутя, принимают вызов к борьбе.

Но, с другой стороны, в этом была своя выгода: по его мнению, это доказывало, что его недооценивают и, следовательно, он будет пользоваться большей свободой, чем предполагал» [2, с. 69].

В данной части романа прослеживается мысль о том, что место землемера – прикрытие, это своеобразный предлог для того, чтобы проникнуть в Замок. Потом нигде в романе мы об этой тайной миссии упоминания не находим. Возможно, весь парадокс заключается в том, что роман «Замок» остался не дописан, как и все другие произведения Ф. Кафки. В любом случае, Кафка так и не раскрыл подлинные планы землемера или же изменил сюжет и идею романа в целом.

Комплекс вины главного героя перед отцом, семьей, друзьями и знакомыми является одной из самых сильных особенностей в произведениях Кафки. Именно с этих позиций рассказ «Превращение» – грандиозная метафора его творчества.

Рассказ «Превращение» начинается с того, что мелкий коммивояжер Грегор Замза однажды утром просыпается как всегда самим собой – Грегором Замзой. Но опять же его, как и всех героев Кафки, настигает безысходность положения: внешне он просыпается огромным насекомым. Грегор Замза превращается в насекомое, и уже дальше в произведении описывается весь ужас создавшегося положения, возмущение и отвращение к Замзе даже близких родственников, страх самого Замзы.

Кафка описывает все происходящее очень четко, вплоть до мельчайших подробностей. Он рассказывает, как служанка, которая убирает в комнате Замзы и которой он страшно не нравится, пытается каждый раз ударить шваброй его по голове. Молоко, подаваемое сестрой, меняют на объедки, а мебель, которая мешала Грегору ползать, поначалу справедливо выносятся родственниками, но затем возвращается назад в комнату к Грегору. Его комната превращается уже в кладовку.

Герой рассказа становится жалким, бесполезно разросшимся насекомым, позором и мукой для родной семьи, которая не знает, что с ним делать. Кафка сосредоточивает все наше внимание на внутреннем состоянии героя, на его мыслях и одиночестве. «Но окружающий мир оказывается бездушным, без-

различным к его страданиям, каким-то ужасающе беспощадным и жестоким» [3, с. 76].

Грегор Замза – глубоко несчастный человек. Сам Ф. Кафка относится к нему с жалостью и сочувствием, потому что смысл его жизни преисполнен страданиями, муками, которые человеку наносит мировое зло. Кафка болеет за несчастного, маленького и ничтожного человека, не заслуживающего пренебрежения, жестокого и бездушного отношения со стороны окружающих. Кафка хочет показать, что Грегор не является безнадежным человеком в обществе. Он может стремиться к совершенствованию.

Д.В. Затонский считает, что «трансформируя Грегора Замзу в сороконожку, писатель стремился показать, будто истинное положение человека в мире определяется его трагическим и непреодолимым одиночеством. Индивид существует в каком-то окружении, обществе. Он ходит на службу и чувствует себя пусть маленьким, но нужным винтиком фирмы или учреждения. Общается со своими близкими – отцом, матерью, сестрами, братьями, друзьями – и считает, что дорог им. Но все это – заблуждение, иллюзия. В действительности человек живет, точно в пустыне, или вернее, в вакууме, посреди прозрачной колбы, и поэтому не видит стен своей жуткой тюрьмы» [1, с. 106].

В произведении «Превращение» присутствует мотив бунта. Автор превращает Грегора Замзу в насекомое, и тем самым Кафка как бы указывает на необходимость бунта иного рода. Грегор, оказавшись в тараканьем обличье, вынужден приспособливаться к новой ситуации, но при этом он не теряет любви и нежности к своей семье. Бунт Грегора Замзы беззлобен. Этот бунт вызван желанием поддержать потерянные навсегда связи с окружающим миром. Герой проявляет свою любовь к близким как может, а они, в свою очередь, растеряны и постепенно отказываются воспринимать «новоиспеченного» Грегора. Кончина главного героя вызывает в произведении усмешки и даже где-то вздох облегчения. Насекомое в новелле превращается в своеобразный символ мертвого, животного существования обычного серого человека. Кроме этого, затрагивается и проблема «маленького человека» в большом мире, но уже в гротескной форме.

Сюжет произведения Ф. Кафки «Превращение», действительно, ужасен сам по себе. Грегор Замза – живой, мыслящий и чувствующий человек, вдруг потерял чувство собственного достоинства. Писатель хочет показать жестокость тоталитарного государства, к чему может привести в итоге существование человека в таких условиях. Кафка подчеркивает, как изо дня в день происходит отчуждение человека. Тоталитарное устройство мира подавляет в Грегоре Замзе, а в его лице и в каждом члене общества стремление любить. Такой герой не имеет право на искреннее чувство сострадания или радости. При подобном раскладе он не может уже творить что-то новое. Тоталитарное государство уничтожает стремление к солидарности и

взаимопомощи. А если взять шире, человек не может проявлять даже отрицательные эмоции, герой не способен проявить даже ненависть, злобу, ярость.

М. Гус, анализируя проблему личности, а в частности проблему отчуждения личности в творчестве Ф. Кафки, отмечает: «Трагедия извечного одиночества личности, неспособной «сжиться» с миром» – таково содержание «отчуждения» в творчестве Кафки. Это абстрактная идея «отчуждения» вообще, изначального, неизбежного, не устранимого ни при каких обстоятельствах» [4].

Заключение. Ф. Кафка пишет в своих произведениях о человеческих трагедиях. Герои произведений Ф. Кафки в общей сложности обыкновенные люди. Эти образы живут обыкновенной, спокойной жизнью. Они добросовестно выполняют свои служебные и домашние обязанности. Герои Ф. Кафки законопослушны и добропорядочны, стараются быть полезными государству. Однако все эти благие намерения и подчинение Закону в полном смысле этого слова никак не могут защитить их от ударов судьбы.

В определенный отрезок времени вдруг жизнь этих героев резко может поменяться к худшему. Свободные до сих пор герои Ф. Кафки вдруг превращаются в своеобразные куклы в руках судьбы-проказницы. Автор изображает своих героев часто обезличенными, не обозначает даже определенным именем. Ф. Кафка хочет показать, что на месте неназванных героев может оказаться и каждый из нас [5–11].

Литература

1. Затонский, Д.В. Франц Кафка и проблемы модернизма: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Д.В. Затонский. – М.: Высшая школа, 1972. – 136 с.
2. Кафка, Ф. Замок. Роман / Ф. Кафка; пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой. – М.: АСТ, 2014. – 250 с.
3. Сучков, Б. Франц Кафка (1883–1924) / Б. Сучков // Лики времени. – М.: Худ. лит-ра, 1969. – С. 3–81.
4. Гус, М.С. Кафка и модернизм // М.С. Гус // Модернизм без маски. – М., 1966. – С. 228.
5. Белоножко, В. Невынесенный приговор. О Франце Кафке. Холодно и пристально: главы из книги / В. Белоножко // Иностранная литература. – 2010. – № 5. – С. 257–275.
6. Вихмар, С. Влияние художественного метода Франца Кафки на раннее творчество Мартина Вальзера / С. Вихмар // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1986. – Вып. 727. – С. 87–93.
7. Грязин, И.Н. Мифический мир права Франца Кафки: Тема закона и процесса как сюжетная доминанта / И.Н. Грязин, И.А. Исаев // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1990. – Вып. 914. – С. 41–52.
8. Гулыга, А. В призрачном мире бюрократии: Франц Кафка и его роман «Замок» / А. Гулыга // Иностранная литература. – 1988. – № 3. – С. 217–223.
9. Днепров, В. Мир и человек у Кафки / В. Днепров // Черты романа XX века. – М.–Л.: Сов. писатель, 1965. – С. 199–207.
10. Кафка, Ф. Превращение: Рассказы / пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой. – М.: АСТ, 2010. – 288 с.
11. Кафка, Ф. Процесс. Роман / пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой. – М.: АСТ, 2009. – 317 с.

Поступила в редакцию 17.12.2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (***nauka@vsu.by***).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masharov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is *nauka@rsu.by*).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВГУ имени П.М. Машерова

Сборник научных трудов

Том 30

Компьютерный дизайн Е.В. Крайло
Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 29.12.2019. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 27,78. Уч.-изд. л. 25,42. Тираж 100 экз. Заказ 168.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.